63.3(5Ирк)
С 79

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. В. СТЕПАНОВА

ИСТОРИЯ ИРАКА

XX ВЕК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

7185772

Н. В. СТЕПАНОВА

ИСТОРИЯ ИРАКА
XX ВЕК

Москва
ИВ РАН
2016

ББК 63.3 (5Ирак)
С794

Рецензент
д. и. н., проф. *Г. Г. Косач*

Степанова Н. В.

С794 История Ирака. XX век / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 663 с.

ISBN 978–5–89282–707–2

Исторические события в Ираке на протяжении XX столетия излагаются автором в широком региональном контексте. Кратко анализируются основные события конца XIX века, определившие историческое развитие Ирака последующего столетия. Дана также оценка оккупации Ирака в 2003 г., явившаяся логическим продолжением политико-экономических региональных процессов предшествующей эпохи и отражением охватившего регион наступления глобализма.

ББК 63.3 (5Ирак)

ISBN 978–5–89282–707–2

Публикуется в авторской редакции.

© Институт востоковедения РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

Глава 1. ИРАК В СОСТАВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (конец XIX в. – 1914 г.)

1.1. Положение в иракских виллайетах в условиях углубления общего кризиса Османской империи 14

1.2. Ирак в период нарастания европейской экспансии в Османскую империю 26

1.3. Социально-политические процессы в Ираке на стыке XIX–XX вв. 36

Глава 2. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИРАКА (1914–1932 годы)

2.1. Социально-экономическое положение в Ираке в годы войны 58

2.2. Ирак в период британской оккупации 71

2.3. Восстание 1920 года. Установление британского мандата в Ираке 79

2.4. Провозглашение Ирака монархией 86

2.5. Социально-политическая и экономическая ситуация в Ираке до отмены мандата. Завершение территориального оформления страны 95

2.6. Англо-иракский договор 1930 г. 107

Глава 3. «НЕЗАВИСИМЫЙ» ИРАК НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1932–1939 годы)

3.1. Внутренняя политика национальной власти в межвоенный период. Власть и этноконфессиональный группы страны 113

3.2. Ассирийская катастрофа 117

3.3. Шиитское восстание 1935–1936 гг. 135

3.4. Обострение политической ситуации в Ираке. Военный переворот 1936 г. 145

Глава 4. ОТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1958 г.
4.1. Политическая ситуация в Ираке на начальном этапе Второй мировой войны 173
4.2. Англо-иракская война 1941 г. и ее последствия 181
4.3. Социально-экономическое положение в Ираке в годы войны ... 186
4.4. Иракский Курдистан в годы Второй мировой войны. Восстание 1943–1945 гг. 189
4.5. Воздействие Второй мировой войны на социально-политическую ситуацию в Ираке 198
4.6. Социально-экономическое положение в Ираке накануне революции 1958 г. 215
4.7. Внешняя политика Ирака в 50-е годы 233
4.8. Подготовка и ход государственного переворота 14 июля 1958 г. 245

Глава 5. ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ. ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ АБДЕЛЬ КЕРИМА КАСЕМА (14 июля 1958 – 8 февраля 1963 г.)
5.1. Политическая ситуация в Ираке в первый год революции 258
5.2. Ориентация Касема на модернизацию страны 266
5.3. Социально-экономическая политика режима Касема 305
5.4. Планы экономического развития и советско-иракское сотрудничество 309
5.5. Курдский вопрос при Касеме 317
5.6. Внешняя политика при Касеме 333

Глава 6. ИРАК В ПОИСКАХ ПУТИ К СТАБИЛИЗАЦИИ (1960-е годы)
6.1. Первый приход к власти партии Баас (8 февраля – 18 ноября 1963 г.) 353
6.2. Военный режим Арефов. Абдель Салям Ареф у власти (18 ноября 1963 – 13 апреля 1966 г.) 374
6.3. Режим второго Арефа (13 апреля 1966 – 17 июля 1968 г.) 389
6.4. Ситуация в Ираке после «Шестидневной» войны 398

Глава 7. ВТОРИЧНЫЙ ПРИХОД К ВЛАСТИ ПАРТИИ БААС (17–30 июля 1968 – конец 90-х гг. XX в.)
7.1. Политическаяситуация в Ираке в конце 60-х годов 406
7.2. Решение курдского вопроса по-баасистски 424
7.3. Аграрные преобразования в 1970–1975 гг. 430
7.4. Политика Баас в области индустрии 441
7.5. Политическая ситуация в Ираке в 1970–1975 гг. Создание Прогрессивного национально-патриотического фронта 453

Глава 8. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИРАКА во второй половине 70-х гг.
8.1. Основные итоги социально-экономических преобразований 474
8.2. Взаимоотношения Баас и компартии. Судьба ПНПФ. Приход к власти Саддама Хусейна 490
8.3. Шиитская оппозиция в Ираке 501

Глава 9. ИРАК В 80-е ГОДЫ. ИРАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
9.1. Истоки ирано-иракских противоречий 510
9.2. Военный аспект Ирано-иракской войны 517
9.3. Экономическая политика Ирака в условиях Ирано-иракской войны 528
9.4. Политическая ситуация в Ираке в годы войны 537

Глава 10. КУВЕЙТСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ
10.1. Предпосылки второй войны в Заливе 543
10.2. Оккупация Ираком Кувейта. Реакция мирового сообщества ... 549
10.3. Оппозиция саддамовскому режиму 553
10.3.1. Оппозиция военных 553
10.3.2. Восстание шиитов 555
10.3.3. Восстание курдов 558
10.4. Политика иракского руководства после окончания войны 561
10.5. Этноконфессиональная политика Багдада в 90-е годы 564
10.5.1. Шиитский юг после интифады 564
10.5.2. Развитие Курдского автономного района в 90-е годы 568

10.6. Отношения между режимом Саддама Хусейна и ООН в 90-е годы 577
10.7. Гуманитарная ситуация в Ираке к началу XXI века 591

Заключение 596

Послесловие 602

Хронология основных исторических событий в Ираке 608
Сноски и примечания 621
Библиография 655
Summary 662

ВВЕДЕНИЕ

Республика Ирак – арабское государство, расположенное в Юго-Западной Азии в междуречье Тигра и Евфрата, на территории древних цивилизаций, некогда существовавших в Западной Азии. Территория – 444 тыс. кв. км. На севере Ирак граничит с Турцией, на востоке – с Ираном, на юге – с Саудовской Аравией и Кувейтом, на западе – с Сирией и Иорданией, на юго-востоке страна имеет выход в Персидский залив. Протяженность границ – 3719 км, из них около 58 км морского побережья. Столица – город Багдад. В административном отношении страна разделена на 18 провинций (мухафаз), а они, в свою очередь, – на округа и районы[1].

Население Ирака, по оценке на 1 января 2003 г., составляло 25,5 млн человек[2]. По своему национально-этническому и конфессиональному составу оно являет довольно пеструю картину. В антропологическом отношении нынешние жители Ирака являются в основном потомками обитателей древней Месопотамии и в меньшей степени других народов, приходивших туда позднее. Основная часть населения представлена арабами и курдами. Их численность дается в диапазоне 75–80% – арабы, 18–20% курды. Живут в Ираке также туркоманы, турки, ассирийцы, халдеи, персы, армяне, черкесы (адыги), индийцы и представители других этнических групп, составляющие в целом около 3–5% всего населения страны[3].

Внутри- и внешнеполитические потрясения 80–90-х годов XX и начала XXI вв. вызвали эмиграцию иракцев в арабские (преимущественно в Сирию), и европейские страны, в США. С 2003 до середины 2007 г. страну покинули 3,4 млн человек.

Официальные языки – арабский и курдский, но используются и языки этнических групп – турецкий, армянский, ассирийский. Государственная религия – ислам, иповедуемая подавляющим большинством иракцев (94–95%) – арабами, курдами, туркоманами, турками, иранцами. Из них 62% – шииты, 33% – сунниты; около 4% – приверженцы разного толка христианства (армяне, ассирийцы, халдеи). Сохранились также некоторые формы древних верований народов Месопотамии и Ирана (езиды, сабеяне-мандеи и др.) Конституция

Иракской Республики провозглашает свободу вероисповедания и отправления религиозных обрядов[4].

Ирак – одна из богатейших стран мира, обладающая огромными природными ресурсами: плодородными землями, водами крупнейших рек Передней Азии Евфрата и Тигра с их притоками, многочисленными озерами на юге и мощными водопадами на севере. Уже с конца IV тыс. до н. э. территория Месопотамии превращается в район высокой земледельческой культуры.

Богаты недра Ирака. Прежде всего – это нефть. На долю Ирака приходится 10,7% разведанных мировых запасов нефти, или 15,2 млрд тонн. Сейчас по этому показателю он уступает лишь Саудовской Аравии. Геологи оценивают возможные запасы нефти в Ираке в 30 млрд тонн[5]. При этом не изучены пока обширные территории на западе страны (хотя о наличии здесь нефтяных месторождений специалисты говорят не первый год). А это означает, что потенциал Ирака для нефтедобычи может быть значительно больше.

На территории Ирака обнаружены также залежи каменного угля, асфальта, железной руды, серы, меди, бурого угля, каменной соли, мрамора и гипса. Ирак обладает огромными запасами природного газа, который пока не используется в промышленных целях[6]. Недра Ирака еще слабо изучены.

Сегодняшний Ирак, с точки зрения современности, – государство молодое: свою независимость оно обрело 3 октября 1932 г. с момента отмены британского мандата и принятия страны в Лигу Наций.

Но Иракская республика – это территория Месопотамии, Двуречья – колыбели древнейшего очага человеческой цивилизации, формировавшегося здесь на рубеже 4–3 тысячелетий до н. э. В становление и развитие месопотамской цивилизации, названной впоследствии обобщенно Вавилонской (или халдейской), свою лепту внесли государства Шумер, Аккад, Вавилония, Ассирия. Со школьных лет навсегда остались в памяти города-государства шумеров Эриду, Ур, Урук, Ниппур, Лагаш, семитские Ашшур, Вавилон, Ниневия. Шедевры древних строителей – Дорога процессий, монументальные башни и Ворота Иштар в Вавилоне, Вавилонская башня, висячие сады Семирамиды – все это поражало воображение, так же, как име-

на героя Гильгамеша, царей – Саргона Великого, Хаммурапи, Навуходоносора II, Ашшурбанапала.

На протяжении своей долгой истории Месопотамия многократно оказывалась под властью различных завоевателей: персов-ахеменидов сменил Александр Македонский, далее Месопотамия последовательно входила как очень важная часть в состав державы Селевкидов, Парфянского и Сасанидского государств. В 641 г. сасанидов сменили завоеватели-арабы, и Месопотамия стала частью государства Омейядов.

Огромен вклад этой цивилизации в европейскую, а через нее – в мировую – культуру. Месопотамская, как и древнеегипетская, цивилизация вобрала в себя все важнейшие достижения Древности в сфере материальной и духовной культуры, в их числе основные приемы сельского хозяйства и ремесла, от других народов к ним пришло искусство обработки металлов – золота, меди и бронзы, позднее – железа, а также коневодство и многое другое. Но при этом громаден собственный вклад Месопотамии в общечеловеческую культуру[7]. Важнейшее место в нем занимает изобретение и широкое применение письменности, ознаменовавшее качественно новый этап в развитии человечества, получившего средство накапливать и сохранять бессмертную коллективную память – основу его дальнейшего развития.

От Вавилонии через посредничество финикийцев, сирийцев, греков человеческое сообщество унаследовало богатства месопотамской культуры в самых разных областях жизни – производственно-экономической, политической, государственно-правовой, военной, культурно-научной. Богатый мир вавилонских мифов и эпоса остались в мифологии других народов, а некоторые сюжеты вавилонской литературы перешли в Библию и с распространением христианства стали частью европейской духовной культуры[8].

Сохранив культурное наследие Древности, жители Месопотамии добавили к нему свою, одну из блистательных культур раннего Средневековья. Ирак был центром Аббасидского халифата, а его столица Багдад – одной из культурных столиц мира[9].

Власть чужеземных завоевателей прекратилась с приходом в VII в. в Месопотамию арабов, положивших начало нового – мусуль-

манского – этапа в истории Двуречья. К этому времени Месопотамия переживала один из многократно повторявшихся в ее истории периодов глубокого упадка, вызывавшихся многочисленными войнами с их разрушительными последствиями.

При Омейядах (661–750) начался подъем экономики Месопотамии, в халифате Аббасидов (750–1258) она стала центральной процветающей провинцией государства, а основанная в 762 г. в центре страны его столица город Багдад («Мадинатат ас-Салям») превратился в крупнейший торгово-ремесленный и культурный центр халифата. Сюда стекались огромные богатства со всего государства, простиравшегося от берегов Атлантики до Индийского океана. Здесь жили величайшие мыслители и ученые того времени, философы, астрономы, врачи, математики, поэты. Это время арабы воспринимают как самый блистательный этап своей истории, как своего рода эталон, на достижение которого должны быть направлены усилия современных арабских государств.

Начиная с X века, времени распада халифата Аббасидов, Месопотамия оказывается под властью различных завоевателей. В 1055 г. Багдад был захвачен турками-сельджуками, в 1258 г. пришедшие сюда монголы разграбили и сожгли город. Вновь отстроенный в XIV в., Багдад был занят и разрушен Тимуром. После распада огромной империи Тимура Ирак стал ареной борьбы между правителями отдельных монгольско-тюркских родов. В начале XVI в. в северной Месопотамии появляются турки-османы. В 1534 г. при султане Сулеймане Великолепном почти вся Месопотамия вошла в Османскую державу. В течение века за владение этой территорией велась борьба между турками-османами и персидской державой Сефевидов. Только с 1508 по1543 г. Ирак четыре раза переходил от одной державы к другой. В 1639 г. Османская империя отвоевала у Персии Ирак, и в том же году между двумя государствами было подписано Зохабское мирное соглашение, впервые установившее границы между Ираном и Ираком. Но отношения между двумя государствами оставались напряженными[10].

С тех пор почти в течение 300 лет Ирак находился под властью османского султана. За это время район древнейшей высокой культуры превратился в одну из самых отсталых провинций Османской

империи. Как и все постепенно дряхлевшее Османское государство, Ирак уже с конца XVI в. превращался в объект экспансии европейских держав, прежде всего Англии, рассматривавшей его как важное звено на пути в Индию.

Со второй половины XIX в. Ирак все активнее включался в мировую торговлю, что, однако, не способствовало его собственному развитию, модернизации его экономики и осовремениванию всех сфер общественно-политической жизни иракского общества. Но именно тогда и начинали закладываться предпосылки того чрезвычайно сложного, извилистого пути развития Ирака в XX в. со впечатляющими подъемами и катастрофическими откатами, зарождением и становлением национально-освободительной борьбы сначала против турецкого гнета, а затем против британского засилья и его главного оплота – иракской феодально-бюрократической олигархии.

XX век в истории древней Месопотамии – время становления современного государства Ирак. Этот путь наполнен примерами героической борьбы иракского народа за справедливость и равенство, за демократию, за избавление от векового угнетения и нищеты. Ценой больших жертв ему все же удавалось порой добиваться уступок со стороны чужеземных и «своих» национальных властей.

Процесс формирования Ирака как государства и развитие иракского общества в новейшее время проходило под воздействием многих сложных и весьма разнородных по своему содержанию и последствиям факторов, внутренних и внешних, в значительное мере не только сохраняющихся, но и многократно усугубившихся к настоящему времени.

Начало территориальному и политико-административному оформлению будущего государства Ирак было положено оккупацией английскими войсками на исходе первой мировой войны восточных вилайетов Османской империи, включая ее северо-восточную окраину – Мосульское губернаторство. Во время прямой британской оккупации (1918–1920) и косвенного управления страной с момента провозглашения Ирака монархией под английским мандатом (1921–1932) были заложены все элементы, обусловившие в дальнейшем как характер внутристрановых, так и внешнеполитических процессов, непосредственным участником которых был Ирак, определив-

ших место и роль этой страны в Ближневосточном регионе и системе международных отношений в целом.

Период монархии (1921–1958) с его феодально-олигархической властью не сопровождался созданием реальных условий для ломки архаических структур в иракской экономике и социальном устройстве. Рубежом, открывшим путь модернизации во всех сферах жизни и деятельности иракского народа, явилась иракская революция 1958 г. Однако в силу действия сложного комплекса факторов внутреннего характера и мощного давления извне последовательного, непрерывного движения к превращению Ирака в демократическую, экономически развитую страну с высоким и устойчивым уровнем культуры и социального обеспечения населения не произошло. Более того, драматические события 80–90-х годов XX в. и начала XXI в. повергли Ирак в глубокий всесторонний кризис, сопоставимый с подлинной гуманитарной катастрофой.

Предоставленный самому себе, имея богатейшие ресурсы, Ирак мог преодолеть этот кризис за несколько лет. Однако развитие событий пошло по иному сценарию. 20 марта 2003 г. США, Великобритания и их союзники осуществили военное вторжение в Ирак под предлогом с «международным терроризмом», одним из лидеров которого был объявлен Саддам Хусейн.

Истинные мотивы действий США были далеки от заявленных. Попытки представить военную акцию против Ирака как триумфальный поход за «освобождение» иракского народа от преступно-террористического диктаторского баасистско-саддамовского режима и «построение демократии» в Ираке при минимальных жертвах и разрушениях на деле обернулись ракетно-бомбовыми ударами огромной разрушительной силы по Багдаду и другим городам Ирака, большим числом жертв среди мирного населения, сотнями убитых военнослужащих США, Великобритании и других стран, участвовавших в оккупации, разрушением инфраструктуры страны, безвозвратной гибелью памятников истории и культуры, угрозой гуманитарной, экономической и экологической катастроф. С последствиями этих бедствий стране придется справляться не один год. Так для Ирака начался XXI в.

В данной работе предпринята попытка проследить основные вехи истории одной из ключевых арабских ближневосточных стран – Ирака – за радикально изменивший жизнь всего человечества XX век. Чем стали минувшие 100 лет для народов, населяющих эту древнюю землю – Месопотамию? Очевидно, что однозначного ответа на этот вопрос не получится, поскольку сложным, извилистым, с зигзагами и откатами оказался путь, пройденный Ираком, особенно в последние десятилетия XX в. К тому же, далеко не все аспекты жизни Ирака и его народа получили освещение в этой работе. Автор и не ставил перед собой задачу «объять необъятное». Три последних десятилетия Ирак – непременный объект мировых СМИ. Хотелось бы надеяться, что знакомство с историей Ирака на протяжении всего XX в. поможет читателю лучше понять и современную ситуацию в этой стране.

Между нашей страной и Ираком сложились разносторонние, основанные на взаимном интересе отношения в таких базовых отраслях, как электроэнергетика, машиностроение, нефтеразработка, военно-техническая, культурно-образовательная и многие другие сферы. СССР оказал содействие Ираку в разработке около 100 проектов, из которых 84 наиболее крупных экономических проектов были реализованы.

Сегодня российские компании, опираясь на заложенные ранее позиции и накопленный опыт, возвращаются в Ирак, несмотря на отсутствие здесь гарантий безопасности. В этом возвращении заинтересована и иракская сторона. Ирак был и останется близкой России страной.

ГЛАВА 1

ИРАК В СОСТАВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

(конец XIX в. – 1914 г.)

1.1. Положение в иракских вилайетах в условиях углубления общего кризиса Османской империи

К рубежу XX в. территория, образующая современное государство Ирак, входила в состав Османской империи и в административном отношении была представлена тремя вилайетами – Мосульским, Багдадским и Басорским,[1] в которых проживало, по оценкам, на начало XX в, примерно 2,2 млн человек.

Населявшие южные и центральные районы Месопотамии арабы не были уроженцами Ирака Арабского: они являлись «выходцами из Центральной Аравии, которых волна переселений выбросила несколько столетий тому назад сначала в северную часть Аравийского полуострова, оттуда под напором новых переселенцев с юга им пришлось податься более на восток и занять своими кочевьями современный Ирак Арабский»[2]. Переселение это происходило в XVI–XVII вв. и в начале XIX в[3].

Являясь наиболее отсталой в политическом и социально-экономическом отношении, эта восточная окраина Османской империи медленно выходила из средневекового застоя и упадка. Факторами, способствовавшими постепенной трансформации Ирака, преодолению этим районом Османской империи экономической, социально-политической и культурной отсталости, были реформы периода танзимата (1839–1875), закладывавшие начало модернизации османского государства и с разной степенью глубины и эффективности втягивавшие в этот процесс территории, которые входили в

его состав. Новые явления в жизнь провинций Османской империи привносило также постепенное включение их в систему мировых рыночных отношений.

До середины XIX в. Османская империя оставалась конгломератом обособленных феодальных княжеств, объединенных формальным суверенитетом турецкого султана. «Оттоманская империя обнимает… обширные территории, в которых на деле Порта не имеет никакого влияния, и несомненно, что падишаху предстоят еще большие завоевания в границах его собственного государства», – писал в 1838 г. прусский офицер Гельмут Мольтке, служивший инструктором в турецкой армии[4].

Начатые султанами Селимом III и Махмудом II административные реформы ограничились территорией европейских и анатолийских вилайетов, не затронув арабских владений империи. Здесь по-прежнему вожди могущественных племен пользовались властью феодальных правителей, лишь формально признавая суверенитет султана.

Период танзимата начался с провозглашения 3 ноября 1839 г. султанского хатти-шерифа (рескрипта), предусматривавшего введение в практику общественной жизни Османской империи некоторых норм буржуазного права: равенства подданных султана перед законом, неприкосновенности жизни, чести и имущества подданных независимо от их вероисповедания, регламентацию налогообложения и отмену откупов, регулирование сроков военной службы, публичное судопроизводство. Были разработаны и декретированы уголовный, гражданский и коммерческий кодексы.

Потребность в реформах была исторической необходимостью для Османской империи, стоявшей на грани полного распада: поражение в войнах с Россией, отделение Греции, подъем освободительной борьбы балканских народов, разгром султанских вооруженных сил войсками подданного Порты паши (наместника) Египта Мухаммеда Али в военных кампаниях 1831 и 1839 гг., установление им своего контроля не только над исторической Сирией, но и над большей частью собственно турецкой территории – Анатолии – все это было проявлением глубокого кризиса османского государства, который создавал условия для прямого вмешательства великих держав в

его дела, превращения ими Османской империи в свою полуколонию. Спасателями империи в тот момент выступили представители молодой турецкой чиновничьей интеллигенции, усмотревшие в намеченных ими реформах путь спасения османского государства, средство его экономического, культурного, социального и политического подъема[5].

Самоусиление османской державы как главная цель танзимата могло быть осуществлено лишь на основе укрепления центральной власти и установления ее прочного контроля над периферийными районами. В официальных османских регистрах арабские провинции были отнесены к первой категории и помещены выше европейских и анатолийских владений империи, их важность подчеркивалась назначением на должность губернаторов арабских провинций самых способных администраторов Стамбула и определением им более высокого жалованья [6].

В политике реформ, проводившейся османскими властями, Ираку в силу его большой политической, военно-стратегической и экономической значимости, но при этом традиционно проявлявшему склонность к независимому от Стамбула существованию, уделялось особое внимание. Традиционно оппозицию турецким властям в Ираке составляла сохранявшая свою прочность племенная организация арабского и курдского населения, высокий авторитет племенных шейхов, власть которых безоговорочно признавалась как в среде кочевников, так и оседлых.

Со второй трети XIX в. османские власти принимали меры по укреплению своих позиций в административной структуре Ирака, пытаясь восстановить прямое управление восточными провинциями, которое фактически с начала XVIII в. находилось в руках военно-бюрократической корпорации мамлюков. Сохраняя структуру традиционной османской власти, мамлюки формировали ее на архаической системе личной власти, оказывая решительное сопротивление попыткам османского правительства назначить правителями своих ставленников[7]. В 1831 г. султан Махмуд II потребовал смещения последнего мамлюкского паши Дауда с поста губернатора Багдада и замены его османским ставленником. Отказ Дауда подчиниться распоряжению султана повлек за собой традиционную в таких случаях

меру – направление в Ирак правительственных войск. Эти события совпали по времени с двумя стихийными бедствиями, обрушившимися тогда на Багдад: эпидемией чумы, унесшей около 30 тыс. жизней, и наводнением, разрушившим и опустошившим город. Подошедшие к Багдаду султанские войска не встретили никакого сопротивления. В 1831 г. в Ираке была ликвидирована власть наследственных мамлюкских предводителей и покончено с былой самостоятельностью Ирака, однако на возрождение Багдада, на «умиротворение» Ирака и полную интеграцию Багдадского пашалыка в империю ушел не один десяток лет.

В 40–50-е годы XIX в. мероприятия по осуществлению реформ, коснулись только реорганизации административного аппарата. Но и обновленная администрация была совершенно не способна справиться с возложенными на нее задачами. Помимо Багдада, Басры, Мосула и их округов, остальная территория страны оставалась бесконтрольной. Не имело успеха возобновление Стамбулом попыток упрочить свои позиции в провинциях Ирака и в 60-е годы XIX в. Причинами этого являлось назначение сюда, в отличие от прежних времен, слабых, мало компетентных администраторов, не знакомых с местными условиями, да и не стремившихся к их постижению. Отличительной особенностью ситуации в восточных провинциях Османского государства было сохранение прочных родоплеменных связей, подкрепляемых военной силой и властным авторитетом племенных шейхов. Когда во второй половине XIX в. в наиболее развитых областях Османской империи феодализм уже пришел в упадок, Ирак все еще переживал медленный процесс разложения родоплеменного уклада, господствовавшего на большей части его территории[8]. За 1831–1869 гг. в Багдаде побывало не менее 12 губернаторов, которые были на своем посту в среднем менее трех лет. В городах процветала коррупция, правители спешили использовать свое служебное положение в целях личного обогащения, что сопровождалось усиленной эксплуатацией местного населения, отвечавшего стихийно вспыхивавшими протестами на произвол и беззаконие чиновников. В эти годы произошло резкое обострение отношений между османской властью и племенами Ирака. Пытаясь разрушить племенную структуру, ослабить позиции шейхов, Стамбул исполь-

зовал тактику натравливания одних племен на другие, подготавливая таким путем условия для их подчинения централизованному управлению. Подобная политика, в конечном счете, вела к ослаблению племен, но одновременно она порождала их враждебность по отношению к правительству и хаос в районах, где прежде сохранялось относительное спокойствие. В итоге Ирак продолжал оставаться для стамбульских властей сложным, проблемным районом, существенные перемены в котором начались лишь на рубеже 60–70-х годов XIX века. Их активное проведение в жизнь связано с именем видного государственного деятеля Османской империи Мидхат-паши, реформатора, «отца турецкой конституции» 1876 г., идеолога следующего поколения турецких реформаторов – «новых османов», который находился на посту губернатора Багдада в 1869–1872 гг. Он соединил в своих руках военную и гражданскую власть, сочетая в своих отношениях с племенами традиционные силовые и новые, главным образом административные меры. В результате нескольких крупных военных операций против бедуинов и полуоседлых племен их сопротивление было ослаблено. Было декретировано, что все районы Ирака приравниваются к остальным провинциям Османской империи, в них вводилось регулярное налогообложение и воинская повинность[9].

Мидхат-паша объектами своей деятельности в Ираке избрал три сферы: реорганизацию административной структуры, поселение племен на землю и создание современной системы образования. Наиболее последовательно осуществлялись изменения в административной области, имевшие целью создание новой централизованной административной структуры в иракских провинциях. Мидхат-паша сформировал провинциальный совет в помощь губернатору, состоявший из турецких чиновников, а также из представителей местной знати и предназначенный для установления связи между властью в Стамбуле и населением провинций. Ставилась также задача приобщения самих иракцев к административно – управленческим делам. На те же цели было направлено и создание муниципальных советов в основных городах Ирака. Распространение единообразного административного устройства на сельскую местность усиливало городское влияние. В последней четверти XIX в. на территориях

расселения племен возникли десятки поселений, постепенно менявших сельский баланс в пользу городских районов. Наметились, хотя поначалу и очень слабые, связи между провинциальными иракскими городами и центральным султанским правительством. Процесс этот был продолжен и после Мидхата. В итоге административная реформа привела к упрочению турецкого правления на всей территории Ирака. На юге шиитские священные города Кербела и Неджеф были переданы под власть Багдада. В Мосуле местное правление семьи Джалили было заменено османским губернатором. В курдских районах местные династии были смещены и заменены турецким правлением. То же происходило и на севере, в Синджаре, где практически автономные курды-езиды[10] были переданы под управление Мосула.

В результате административные реформы, направленные на создание местных органов власти, усилили централизацию: к концу XIX века османская власть прочно утвердилась в большинстве городов Ирака от Курдистанских гор на севере до Шатт эль-Араба на юге, что создавало предпосылки для экономического возрождения этой некогда процветавшей страны. В 1882 г. султанским декретом было ликвидировано последнее феодальное княжество на территории Ирака – управление шейхов конфедерации племен мунтафик[11]. В последующие годы центральное правительство стремилось решить более сложную задачу – укрепить свои позиции и в сельской местности, преодолевая упорное сопротивление шейхов племен, хотя к этому времени уже значительно ослабленных, но по-прежнему сохранявших баланс военной силы и создававших для Стамбула постоянные трудности.

Средством, которое, по замыслу властей, должно было сломить вонственный сепаратизм племенных вождей, был османский земельный кодекс 1858 г., направленный на замену старых османских институтов – феодальных держаний и откупов – легально закрепленными правами собственности. Целью распространения положений этого кодекса на Ирак была ликвидация господствовавшего здесь общинного землевладения и замена его предоставлением земли каждому, кто докажет свое право владения и обработки участка на протяжении не менее десяти предшествовавших лет. По кодексу

все земли делились на пять категорий: государственные – «мири», частные – «мульк», земли религиозных учреждений – «вакф», земли общественного пользования – «матрука» и пустующие земли – «мевat»[12].

Земли категории «мевat» представляют собой свободные неосвоенные участки, принадлежащие государству. Любой человек, освоив участок «мертвой» земли, по турецкому закону становился его владельцем[13]. Кодекс разрешал передачу части общинных земель, считавшихся государственными («мири»), отдельным лицам на основе документа «сенет тапу». Эта система, названная «тапу», формально представляла собой вид долгосрочной аренды государственных земель частными лицами, а фактически – частную собственность. Вначале аренда земли на основе «тапу» отличалась от частного владения, так как запрещалась свободная продажа земли, ее заклад, наследование и пр. Однако уже в 1873 г. эти ограничения были сняты, и «тапу» перестала отличаться от категории «мульк»[14].

Что касается Ирака с его племенным населением, то здесь аграрная реформа рассматривалась как средство стимулировать племена к оседанию, а у шейхов вызвать законный интерес к сохранению существующего политического строя. Но, как и в большинстве турецких провинций, в Ираке система «тапу» оказалась мало эффективной. Население, привыкшее не доверять властям, с большой настороженностью восприняло намерение администрации провести обследование земли, усматривая в этой акции средство ввести в племенах налогообложение и рекрутские наборы, и поэтому отказывалось от регистрации земли на свое имя. А поскольку крестьяне-общинники, будь они земледельцами или скотоводами, никогда не имели документов, подтверждавших их права на пользование землей, то юридические права на землю захватили племенные шейхи. На севере Ирака в отдельных местностях целые деревни регистрировались как личное владение представителей родоплеменной верхушки, выполнявших функции сборщиков налогов от имени турецкой администрации и деревенских старост. Однако общинники повсеместно отказывались признавать эти права и выплачивать ренту.

Применение земельного кодекса в Ираке встретило упорное сопротивление рядовых членов племен, для которых разрушение об-

общинного землевладения было равносильно потере признанных обычаем прав на землю. Противниками реформы выступали также наиболее могущественные вожди племен, усматривавшие в любых действиях турецких властей угрозу их независимости[15].

Турецкая земельная реформа представляла собой попытку в административном порядке ввести частную собственность на землю в условиях сохранения сильного общинного землевладения, чем и обусловливались трудности ее проведения. Однако она оказалась весьма выгодной городским ростовщикам и торговцам, получившим возможность свободно покупать землю за счет крестьян. Так, в провинции Мосул, где было много земли в ленном держании, городская знать Мосула скупила огромные массивы пахотной земли, согнав с нее крестьян обманом или силой. В провинции Мунтафик от 5 до 7 тысяч членов клана Саадун получили право на землю, хотя реализовать свое право они оказались не в состоянии[16].

Несмотря на весьма скромные результаты турецкой аграрной политики в Ираке, она, тем не менее, имела и определенный успех. В результате проведения кадастра и деятельности созданных Мидхат-пашой земельных комиссий 1/5 обрабатываемых земель Ирака были охвачены системой «тапу». Главной целью земельной реформы было заменить запутанные, противоречивые обычные права собственностью, защищенной правовой системой, поощрявшей тем самым расселение, расширение сельскохозяйственного производства, вложение капиталов в землю[17], постепенный переход на этой основе к интенсивным методам ведения хозяйства. Такой вид сельскохозяйственной деятельности складывался в Ираке очень медленно и занимал весьма скромное место в аграрном секторе страны в первые десятилетия XX в., базировавшемся, как и прежде, на традиционной издольной крестьянской аренде. Сохранение феодальных и полуфеодальных отношений в главной отрасли экономики Ирака обусловливало крайнюю отсталость сельского хозяйства, препятствовало развитию промышленности, задерживало экономическое развитие страны в целом [18].

Земельная реформа положила начало формированию в Ираке новой социальной категории – слоя крупных земельных собственников-абсентеистов, представленного шейхами племен, а также город-

скими торговцами и правительственными чиновниками, для которых земля была источником постоянного дохода с четко выраженной тенденцией к его неуклонной максимализации[19]. В длительной перспективе такая форма «хозяйствования» вела к разрушению сельского хозяйства страны, создавала препятствия на пути его экономической и социальной модернизации. Возрастание роли этой новой олигархии в социально-политической жизни Ирака в начале XX в., ее доминирование в политике и экономике страны в последующие десятилетия и стало тем главным фактором, который сдерживал развитие Ирака, порождал в нем глубокие противоречия, разрешение которых становилось возможным лишь с устранением с исторической сцены этой олигархии. Политика централизации, проводившаяся османскими властями на рубеже XIX–XX веков, стала решающим фактором в деле сосредоточения земли в руках доминировавших племенных семей. Вопреки своему первоначальному намерению подорвать власть господствовавших племен правительство было вынуждено, кроме силы, использовать также и другие методы, в том числе привлечение вождей наиболее крупных племен к участию во власти. Эта стратегия, варьировавшаяся от одного района к другому, породила в итоге серьезные конфликты, развивавшиеся по трем основным направлениям: между центральной властью и отдельными племенами; племенами и их шейхами; между знатными шейхами внутри одного клана или с главами соперничавших племен.

Конфликты между шейхами и их соплеменниками происходили в результате изменений традиционных отношений между шейхом и его племенем: прежний воин и лидер племени – шейх теперь становился землевладельцем с правом на землю, еще недавно находившуюся в общем пользовании всех членов племени. Рядовой соплеменник быстро смещался с позиции свободного человека в положение издольщика-крестьянина. Конфликты данного вида возникали по большей части в тех районах, где сохранялись прочные основы обычного права на землю, дававшее рядовым членам племени политическую и экономическую основу для противодействия попыткам шейхов осуществить отчуждение их земель, как это было в Сук аш-Шуйюхе, в Мунтафике и в Сулеймании. С другой стороны, кон-

фликты между шейхами внутри племени и между знатными племенными семействами возникали в тех местах, где отсутствие обычных прав лишало занимавшихся обработкой земель рядовых соплеменников силы сопротивляться отчуждению земли, как это имело место в Амаре и Куте. Что касается конфликтов между государством и племенами, то они были более типичны для таких районов, как Средний Евфрат, где особая геополитическая ситуация в сочетании с централизаторской политикой обостряла и без того существовавшее напряжение между некоторыми племенами и государством по вопросу контроля каждой из сторон над источниками получения дохода. Суть этих конфликтов была куда более сложной, чем двустороннее противостояние государство/племя и далеко не всегда сводилась лишь к оппозиции и враждебному противоборству[20]. Здесь турецкие губернаторы, передавая земли племен некоторым вождям, привлекая их к сбору налогов, раздавая щедрые подарки и почетные титулы, смогли перетянуть на свою сторону ряд влиятельных шейхов, чем вызвали раскол внутри переходивших к оседлости племен. Притязания крупных шейхов на землю племен, их сближение на этой почве с турецкой администрацией ущемляли интересы низшего слоя родоплеменной знати, которая еще не превратилась, как это имело место впоследствии, в посредника между крупным землевладельцем и земледельцем-арендатором. Мелкие шейхи и рядовые соплеменники в то время еще выступали вместе против феодализировавшейся крупной верхушки племен. Но помимо мелкой родоплеменной знати против турецкой политики и ее сторонников из числа шейхов боролись и многие крупные вожди. Как правило, они выступали при этом в качестве ревнителей старых племенных традиций, заключавшихся в самостоятельности шейхов по отношению к турецкой администрации, в том числе и в праве получать и бесконтрольно распоряжаться доходами своего племени. Ряд представителей крупных шейхских родов, возглавив восстания племен, впоследствии стали их верховными лидерами.

Союз рядовых соплеменников с отдельными представителями верхов был временным явлением. В нем получило отражение стремление отдельных шейхов заручиться поддержкой племени в борьбе против соперников. С достижением поставленной цели они быстро

меняли свои позиции, получали от турецких властей документы на право владения обширными земельными участками, вводили практику обработки этих земель силами иноплеменников или подвластных им племен, добивались уплаты соплеменниками натуральных и денежных сборов и продолжали курс на усиление своей власти над племенем. Эти изменения таили в себе угрозу новых конфликтов внутри оседающих племен[21].

Вместе с тем, несмотря на ускорение процесса перехода кочевников к оседлости и феодализации племенной верхушки, и знать, и рядовые члены племен были одинаково враждебно настроены к турецкой администрации, что сдерживало социальные противоречия внутри племени, сохраняло патриархальные формы эксплуатации трудового населения шейхами племен. Это в свою очередь задерживало распад родоплеменной организации и замедляло процесс замены доклассовых общественных связей новыми, классовыми, отношениями[22].

Таким образом, проводившиеся в Ираке в последней четверти XIX в. преобразования в административной и аграрной сферах не затрагивали глубинных основ традиционного иракского общества. Ирак был одним из тех районов Османской империи, которые на начало XX в. оставались отсталыми аграрными, довольно поздно, медленно и очень трудно вступавшими на путь капиталистического развития. Причина этого – в характере аграрного строя арабских владений Османской империи, системе поземельных отношений, основанных в Ираке, как и в ряде других арабских районов, на крупном феодальном землевладении и мелком крестьянском землепользовании. До младотурецкой революции 1908 г. крупнейшим землевладельцем в Ираке был султан Абдул Хамид II, где ему принадлежало в Багдадском вилайете 30%, а в Басорском – около 40% всей обрабатываемой земли[23]. Богатейшим землевладельцем было мусульманское, особенно шиитское духовенство.

Сельскохозяйственные возможности Ирака использовались в ничтожно малых размерах. В Багдадском вилайете обрабатывалось всего 0,28% всей площади, в Басорском – 0,31%, в Мосульском – 2,55%[24].

Крестьяне, работавшие на коронных (султанских), государственных (мири) и принадлежавших мусульманским религиозным учреждениям (вакфы) землях, официально платили только десятую часть урожая, значительно возраставшую в размере из-за произвола турецких чиновников[25].

Основными формами феодальной эксплуатации крестьянства была аренда и налоги. Плата за аренду взималась обычно натурой и составляла 1/3 урожая, если крестьянин пользовался своими семенами, сельскохозяйственными орудиями и тягловым скотом. Если же орудия производства предоставлял хозяин земли, то арендная плата достигала половины урожая, а иногда и больше[26].

В районах Ирака, применявших в земледелии искусственное орошение, размеры арендной платы и налогов варьировались в зависимости от качества земли и вида орошения, что также открывало широкие возможности для произвола и злоупотреблений при сборе податей с крестьян[27].

Важнейшей причиной бедственного положения крестьянства был тяжелый налоговый гнет. Основным налогом, взимавшимся с крестьян, был ашар (десятина), который в Ираке определялся в зависимости от различных видов орошения обрабатываемой земли. Особенно разорительной для крестьян была система откупов сбора налогов, при которой размер ашара повышался до 35–40%. С фруктов и овощей, а также с финиковых плантаций ашар взимался в денежной форме. Здесь злоупотреблений было еще больше, так как урожай оценивался обычно в три-четыре раза дороже его реальной стоимости[28].

С крестьян взимали также поземельный налог, налог на скот, дорожный и массу других. Оставшейся у самого крестьянина и его семьи части урожая не хватало даже на полуголодное существование, что вынуждало его обращаться к ростовщику, в роли которого чаще всего выступал все тот же землевладелец. Отдавая хозяину земли, ростовщику, откупщикам до 4/5 урожая, сам крестьянин оказывался в долговой кабале[29]. В этом и крылись причины общей отсталости сельского хозяйства Ирака и нищенского существования крестьян. При таком положении иракские крестьяне были не в состоянии поддерживать оросительную систему, расширять площади

обрабатываемых земель, улучшать технику земледелия. «Местное земледелие, – писал русский консул в Басре А. Адамов, – еще не может считаться переступившим первоначальную стадию своего развития, и потребуется еще немало времени для того, чтобы оно поднялось на былую высоту эпохи Халдеев, за 2–3 тыс. лет до Р.Х., или времени Багдадского халифата»[30]. Ломка отсталых феодальных и полуфеодальных методов ведения хозяйства и освобождение от турецкого господства являлись необходимыми условиями для перемен и в сельском хозяйстве, и в общем экономическом развитии Ирака.

1.2. Ирак в период нарастания европейской экспансии в Османскую империю

Со второй половины XIX в. Османская империя вместе со своими провинциями становится объектом стремительно нараставшей экспансии европейских держав, приспосабливавших экономическую жизнь османских территорий к потребностям рынка стран Запада. Для обслуживания растущего грузопотока между Европой и арабскими областями Передней Азии, а также в военно-политических интересах европейский капитал приступил к строительству новых, более эффективных коммуникаций. Обосновавшиеся в приморских портах представители западноевропейских компаний непосредственно или через свою экономическую агентуру ставили под свой контроль портовое хозяйство, склады, лихтерный флот, некоторые предприятия внутренней сети путей сообщения[31]. Так происходило в Ираке, который в силу своего исключительно важного геополитического положения, активно втягивался в мировую торговлю. Повышался интерес иностранных держав к использованию проходивших по территории Месопотамии транзитных путей, в древности и в средние века игравших большую роль в торговле между Западом и Востоком[32]. Уже в 30-е годы XIX в. англичане предприняли попытку организовать судоходство на Евфрате, но оно тогда не получило развития[33]. В 1841 г. была открыта пароходная линия на Тигре, значение которой возросло с созданием регулярного пароходного об-

служивания между Басрой и Бомбеем в 1861 г. Внешнеторговый оборот иракских вилайетов через Басру увеличился за 1864–1913 гг. в 12 раз[34].

Эта транспортная линия, наращивая объемы внешнеторговых операций, оказывала значительное воздействие на развитие как оседлого, так и кочевого населения. Вожди племен, переходя от кочевья к оседлости в бассейне Тигра и опираясь на закон «тапу», получали с крестьян в форме ренты выращенное зерно, с которым и выходили на внешние рынки[35].

С середины XIX в. интерес Англии к Ираку неуклонно возрастал. Разрабатывались планы постройки железной дороги от Евфрата до Индии. В конце 50-х гг. XIX в Багдад был связан телеграфной линией со Стамбулом, продолженной далее на юг – до Басры и Фао. Затем эта линия была соединена с индийской сетью подводным кабелем, проложенным по дну Персидского залива. Телеграфные линии были сооружены и в самом Ираке[36]. К 1900 г. они охватили большинство городов страны. Иностранные консулы установили почтовую службу, проходившую через пустыню[37].

В 1861 г. английская пароходная компания Линча организовала регулярное пароходное сообщение по рекам Евфрат, Тигр и Шатт эль-Араб, что связало центральные и южные районы Месопотамии с морем, открыв доступ на мировой рынок продукции иракского земледелия и животноводства. В 1861 г. здесь были отменены все внутренние таможни и заставы, на которых товары облагались высокими дополнительными пошлинами[38].

Большое место в планах установления прочного контроля над арабскими территориями Ближнего Востока страны Запада отводили строительству железных дорог. Значительную активность и в этой области проявляла Англия. Еще в 30-е годы XIX в. ею был выдвинут проект сооружения железнодорожной магистрали, которая связала бы один из портов Сирии с побережьем Персидского залива. В этой связи в намечавшемся для строительства районе в 1835–1837 гг. изыскательские работы проводила английская экспедиция генерала Чеснея. В 1857 г. была создана «Компания железных дорог Евфратской долины», планировавшая построить железную дорогу от Селевкии (в устье Оронта) до Евфрата, а затем и до Басры. «План Чес-

нея» не был реализован, но в дальнейшем он служил основой для проектов, выдвигавшихся английскими, немецкими, французскими, американскими и русскими предпринимателями и политиками[39].

До конца XIX в. железнодорожное строительство в арабских провинциях Османской империи имело ограниченный характер. Ситуация начала качественно меняться с активизацией ближневосточной политики кайзеровской Германии, заявившей о своих притязаниях на установление всеобъемлющего господства над османскими владениями. Особое место в германских планах проникновения в экономическую и военно-политическую сферы турецкого государства занимали проекты строительства сети железных дорог, которые связали бы воедино разобщенные османские провинции, а всю Османскую империю – с Германией. Так появился план трех «Б»: Багдадской железной дороги, которая должна была связать Берлин со Стамбулом (Византиумом) и Багдадом, а в дальнейшем – протянуться до Басры и Персидского залива. По всем параметрам это был фантастический, единственный в мире такого масштаба проект, вокруг которого развернулась ожесточенная борьба и которому не суждено было осуществиться. К началу первой мировой войны были готовы только отдельные участки этой дороги. К этому времени компания Багдадской железной дороги проложила по территории арабских вилайетов около 370 км. В Ираке был готов лишь небольшой ее участок Багдад – Тикрит протяженностью 160 км[40] (по другим данным – 135 км). Вдоль железной дороги быстро появились ремонтные мастерские, склады, собственные телеграфные линии.

Развитие современных речных, морских и железнодорожных коммуникаций ускорило проникновение иностранного капитала в экономику Ирака, установление прочного контроля над его внешней и внутренней политикой, оказав тем самым решающее воздействие на экспортную ориентацию его сельскохозяйственного производства.

Главными статьями иракского экспорта были ячмень, пшеница, финики, шерсть, кожа. Такая структура экспорта отражала положение Ирака в международном разделении труда, где ему отводилась роль поставщика сельскохозяйственного сырья и рынка сбыта промышленных потребительских товаров – текстиля, одежды, продук-

ов питания, табака, предметов домашнего обихода, а также сырья, топлива, полуфабрикатов. Расширение связей с внешним рынком сопровождалось в Ираке увеличением посевных площадей и финиковых плантаций. Восстанавливались имевшиеся и строились новые ирригационные каналы. Сооружение в 1913 г. Хиндийской плотины открыло большие возможности для освоения новых земель[41]. К 1913 г. из 1,6 млн дунамов (1 ирак. дунам = 0,25 га) обрабатываемых земель более 1 млн находилось в районах с населением, незадолго до этого перешедшим к оседлому образу жизни. Расширение сельскохозяйственных площадей сопровождалось ростом объема производимой продукции, особенно экспортных культур. Основными поставщиками товарной продукции были шейхи полуоседлых и кочевых племен, собиравшие ее в качестве дани с рядовых соплеменников и сбывавшие перекупщикам и агентам торговых, преимущественно иностранных фирм продукты скотоводства и земледелия. Но постепенно все большую роль в массе товарной продукции стала играть феодальная рента, собиравшаяся в поместьях шейхов, окончательно перешедших к оседлому земледелию. Стремление собственников земли к получению больших объемов продукции, в том числе товарной, при сохранении неизменными архаичных методов и технических средств ведения хозяйства вело к усилению феодальной эксплуатации крестьян. Применявшаяся во всех арабских вилайетах сельскохозяйственная техника не претерпела изменений со времен раннего средневековья. Она включала в свой набор соху с легким железным лемехом, часто заменявшимся на обожженный сук. В Ираке в полевых работах широко применялись мотыга и лопата. Жатва повсеместно производилась слабоизогнутым серпом, а нередко с помощью ножа или просто руками. Хлеб молотили, прогоняя скот по выложенным снопам, с применением на току катков, досок с набитыми на них гвоздями и грузом. Производительность труда крестьянина была чрезвычайно низка.

Изменения в аграрной сфере, расширение контактов с внешним миром внесли существенные перемены в состояние импорта и экспорта Ирака. За 1870–1914 гг. объем импортно-экспортных операций вырос в 15 раз[42]. Главное место в иракском экспорте с конца XIX в. заняли финики и зерновые – пшеница и ячмень. Производст-

во фиников с 60-х годов до кануна первой мировой войны увеличилось втрое – с 30 до 90,5 тыс. т, а товарность этой отрасли возросла с 33,3% до 70%. В первой половине XIX в. Ирак был импортером зерна, а к концу этого века он превратился в его экспортера, причем объем вывоза постоянно увеличивался: в начале 90-х годов XIX в. он составлял 65 тыс. т, к концу века 100 тыс. т, а в 1913 г. уже 120 тыс. т в год[43]. Одновременно увеличивался и импорт английских товаров, главным образом текстиля, шедшего через порт Басра: за 1868–70 – 1907-09 гг. он возрос с 51 тыс. ф. ст. до 3,066 млн ф. ст. А накануне войны доля Англии в торговле Ирака совместно с зоной Персидского залива достигла 3/4 и оценивалась в 9,6 млн ф. ст.

Развитие международной торговли меняло в Ираке и структуру животноводства. Появление новых путей сообщения, находившихся в руках иностранного капитала (открытие Суэцкого канала, железнодорожное строительство), подорвало караванную торговлю и усугубило этим кризис кочевого натурального хозяйства, признаки которого проявились уже в последние десятилетия XIX в. Арабские кочевые племена находились на стадии разложения патриархально-родовых отношений. В каждом племени верхушка во главе с шейхом, передававшим, как правило, свою власть по наследству, владела крупными стадами и значительными богатствами, приобретенными в результате войн, набегов, а также торговли с оседлым населением. Падение значимости караванной торговли, отклонение торговых путей, появление новых видов транспорта, сокращение рыночного спроса на предлагавшуюся бедуинами животноводческую продукцию – все это сказывалось на укладе жизни кочевников, прежде всего на положении значительной части рядовых членов племен. Разоряясь, они попадали в кабалу к своим богатым соплеменникам или переходили к оседлому земледелию. На фоне падения роли таких традиционных отраслей животноводства, как верблюдоводство и коневодство, большую значимость приобретало разведение овец, коз и крупного рогатого скота, т.е. отраслей, поставлявших сырье (шерсть, пух, сырые кожи и пр.) на внешний рынок, а также мясо-молочные продукты для внутреннего потребления. В Ираке этот процесс ускорился в начале XX в.

Вывозимая Ираком сельскохозяйственная продукция, за исключением фиников, была низкокачественной и неконкурентоспособной на мировых рынках. Продававшееся зерно шло главным образом для производства пива и на корм скоту.

К концу XIX в. арабские вилайеты Османской империи находились на доиндустриальном уровне, а традиционное ремесленное производство, теснимое наплывом дешевых фабричных товаров из Европы, переживало глубокий кризис. По свидетельству тех, кто посещал арабские страны в XIX в., процесс разрушения местного производства особо быстро нарастал в последние десятилетия этого века и привел в итоге к сокращению, а в дальнейшем и к полному исчезновению многих значительных в прошлом промыслов. Тяжело сказались эти перемены на Ираке, где сошло на нет процветавшее в начале XIX в. производство бязи и кисеи в Басре, прекратилось ткачество знаменитых восточных тканей муслин в Мосуле и других иракских городах. Резко сократилось число ремесленников. На начало XX в. их общее число в Ираке составляло всего 150 тыс. человек. Большинство ремесленников находилось в кабальной зависимости от скупщиков и торговцев. Разрушение традиционных ремесел не сопровождалось становлением новых, капиталистических форм организации производства, что ставило Ирак в полную зависимость от промышленно развитых стран.

К началу XX в. в Ираке произошли заметные демографические изменения: возросла численность населения страны – с 1,2 млн в 1867 г. до 2,2 млн человек в 1905 г. Менялось соотношение кочевников и оседлых: расширение масштабов проникновения иностранного капитала ускорило разложение родоплеменных отношений, следствием чего стал массовый переход кочевых племен к оседлости. За 1867–1905 гг. число кочевников среди сельского населения сократилось более чем вдвое (с 35 до 17%), а занятых в земледелии возросло с 41 до 59%[44]. Происходившие перемены в среде оседлого и кочевого населения Месопотамии на начало XX в. все еще очень слабо сказывались на его традиционном общественном укладе.

Экономическое развитие Ирака тормозилось политическим режимом, утвердившимся в Турции после неудачной попытки «новых османов» приступить к более радикальным реформам и утвердить

конституцию 1876 г. Пришедший к власти султан Абдул Хамид II (1876–1909), олицетворявший собой самые реакционные слои турецкого феодального класса, отменил конституцию и установил жесткий диктаторский режим («зулюм»), существенно затормозивший поступательное продвижение Османской империи по пути модернизации при одновременном нарастании экспансии европейского капитала во все сферы ее экономики. Под его прессингом оказались арабские территории, представлявшие для Запада наибольший экономический и стратегический интерес, среди которых Ирак выделялся особо.

В обстановке политической и экономической экспансии великих держав и иностранных монополий османское правительство практически было лишено каких-либо возможностей оградить экономику своих владений, создать благоприятную обстановку для развития промышленности и транспорта, модернизации сельского хозяйства. Вместо этого султанские власти подвергали нещадному ограблению арабские вилайеты, масштабы которого резко возросли в период правления султана Абдул Хамида II[45]. Подвергались разграблению национальные богатства арабских вилайетов, возрастал налоговый гнет, душилось местное предпринимательство, усиливалась эксплуатация трудового арабского населения. Принявшие беспрецедентные масштабы взяточничество, бюрократическая волокита, противодействие центральных и местных властей, зачастую находившихся на содержании иностранных дипломатов и бизнесменов, обрекали на неудачу многие проекты местных предпринимателей. Так, например, не привели ни к каким результатам планы арабских коммерческих кругов относительно строительства национальных железных дорог между Багдадом и Эн-Неджефом, Багдадом и Ханекином. Тем же закончились предпринимавшиеся иракским купечеством попытки наладить на собственные средства механизированное промышленное производство. Созданная в 1908 г. в Багдаде компания, которая планировала организовать крупное текстильное производство с использованием европейских ручных ткацких и прядильных станков, не смогла осуществить эту задачу. Европейские державы не допускали развития в Ираке тех отраслей промышленности, которые могли бы составить конкуренцию странам Запада. Но при этом они

содействовали созданию предприятий по подготовке и первоначальной обработке сельскохозяйственного сырья, предназначенного на экспорт. Прямые иностранные капиталовложения в промышленность в начале XX в. имели весьма ограниченный характер. В Ираке единственными промышленными предприятиями, принадлежавшими иностранному капиталу, были шерстомойни и ремонтные мастерские, которые обслуживали железную дорогу, морские и речные суда. Немногочисленное механическое промышленное оборудование завозилось из-за границы для оснащения правительственных предприятий военного назначения (оружейных мастерских, мануфактур по производству сукон, арсеналы, типографии, судоремонтные предприятия в Багдаде и Басре). Единственным крупным экономическим объектом, возведенным на средства государственного бюджета, явилась плотина на р. Евфрат, в районе Эль–Хиндийя, южнее Багдада, и сеть оросительных каналов в данном районе, стоивших казне несколько миллионов лир. Строительство этого объекта было связано в значительной мере с тем, что здесь были расположены обширные удельные имения султана Абдул Хамида II. Заполнение сети новых каналов водой привело к обмелению одного из рукавов Евфрата, по берегам которого находились возделанные участки земель. В итоге процветающие сельскохозяйственные районы были заброшены, сократилось число жителей ряда городов, располагавшихся в центре этих районов[46].

В Ираке, как и в других районах Османской империи, иностранный капитал пользовался режимом капитуляций, льготами и привилегиями. На подданных западных стран не распространялась местная юрисдикция, они освобождались от уплаты ряда налогов. В Ираке действовал созданный в 1881 г. англо-французский Оттоманский банк, выполнявший, по условиям концессионного договора, казначейские и эмиссионные функции. В 1893 г. Оттоманский банк открыл свое отделение в Багдаде, а в 1894 г. в Басре. Он оказывал огромное влияние на денежный рынок страны, но никогда не участвовал в финансировании промышленного развития этой отсталой окраины Османской империи[47].

С 1881 г. Администрация оттоманского долга собирала в Ираке налоги, предназначавшиеся для уплаты колоссального внешнего

долга империи. Она получила право взимать налоги на соль, спиртные напитки, шелк и рыбные промыслы, а также гербовый сбор[48].

Открытие в 1869 г. Суэцкого канала прочно закрепило за Англией (вместе с Индией) первое место в экспорте и импорте Ирака, доля которой накануне первой мировой войны составляла около 60%. Английские компании путем установления монопольных цен на импортируемые промышленные товары и услуги, а также экспортируемое сырье получали огромные прибыли. Цены на фрахт грузов, провозимых компанией «Братья Линч» между Басрой и Багдадом, были выше, чем фрахт от Одессы или Лондона до Басры[49]. Провоз тонны товара от Лондона до Басры стоил в среднем 1 ф.ст.15 шилл., а от Багдада до Басры – 1 ф.ст. 12 шилл. Английский уголь продавался в Ираке по цене, в шесть раз превышавшей его рыночную стоимость в Англии.

На рубеже XIX–XX веков в торговлю с Ираком включились и другие европейские державы. Кроме английских, новые пароходные линии открывали французские и германские компании. С 1901 г. суда Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) стали ежегодно совершать четыре регулярных рейса между Одессой и портами Персидского залива. Если в 1887–1891 гг. тоннаж судов, посетивших Басру, составлял 153 тыс. т, то в 1906–1910 гг. он возрос до 250 тыс. т[50]. В Ираке морское судоходство почти целиком находилось в руках французских, английских и других иностранных пароходных компаний. Резко сократилось местное судоходство. Например, число и тоннаж местных парусников, посещавших иракские порты, за 20 лет перед первой мировой войной сократилось в полтора-два раза[51].

Экспансия иностранного капитала оказала значительное влияние на экономическое, прежде всего аграрное развитие арабских стран Передней Азии. Их экономика была подчинена интересам финансового капитала Запада, превратившего эти районы в источник сельскохозяйственного сырья для европейской промышленности, что сопровождалось быстрым ростом товарности местного сельского хозяйства, внедрением и расширением производства культур, пользовавшихся повышенным спросом в Европе и США. С конца XIX в. основной экспортной культурой Ирака стали финики, уже

годы составившие 85% мировой торговли этим продуктом, прочно закрепил за Ираком первое место на мировом рынке. Расширение производства фиников дало импульс развитию предприятий по их переработке, прессованию и упаковке, на которых было занято самое большое число наемных рабочих – до 25–30 тыс. человек за сезон[52].

Основная часть иракского импорта приходилась на Англию; за ней следовали США, Франция, Индия, Германия, Австро-Венгрия.

Вовлечение арабских владений Османской империи в систему мирового капиталистического хозяйства и происходившие под воздействием этого процесса экономические и социальные перемены в жизни арабов отразились на жизни городов, особенно тех, которые оказались втянутыми в обеспечение торговли с Западом. В города превращались ранее незаметные поселки, быстро росла численность населения старых городов. Так, за 1831–1900 гг. население Багдада возросло с 20 тыс. до 145 тыс. человек[53]. Особо быстро менялись портовые города. Население Басры, составлявшее после чумных эпидемий 1831 и 1838 гг. немногим более 10 тыс. человек, в первом десятилетии XX в. достигло 50–60 тыс. Пригород Басры Макам Али, где разместились судовые мастерские, портовые сооружения, магазины, харчевни, стал новым городским районом с 15 тыс. жителей.

Менялся облик городов: в 1870 г. в Багдаде была проложена первая мощеная улица, а в 1879 г. введено освещение улиц керосиновыми фонарями[54]. Меняла свой характер и городская экономика. Импорт иностранных потребительских товаров вызвал сокращение традиционного ремесленного производства, хотя в иракских вилайетах цеховое ремесло, применявшее самые примитивные орудия производства, продолжало сохранять господствующие позиции. Наряду с этим в Ираке развивалось мануфактурное производство. Были предприятия по производству тканей, шалей, ковров, кузнечных, кожевенных и шорных изделий, мукомольных предприятий. В Багдаде было девять дубильных заводов, мастерская папиросной бумаги в Мосуле, частные верфи по строительству парусных речных судов в Басре, шерстомойные предприятия компании «Братья Линч» и «Дерби Эндрю»[55]. Расширение мануфактурного производства сопровождалось резким уменьшением численности городских ремес-

ленников-кустарей, вело к разложению их цеховой организации. В Ираке цеховое ремесло сохранялось в немногих отраслях, удовлетворявших специфические запросы местного рынка в глубинных районах, далеко отстоявших от порта Басра. Сохраняло свои позиции изготовление национальной одежды, посуды, оружия. Часть разорившихся ремесленников пополняла ряды крестьян или торговцев.

1.3. Социально-политические процессы в Ираке на стыке XIX–XX вв.

При всей замедленности процесса модернизации Ирака такие явления, как переход кочевников к оседлости, рост городского населения (с середины XIX в. до 1905 г. оно увеличилось с 300 до 500 тыс. человек),[56] расширение контактов с внешним миром, предъявляли спрос на образованных, профессионально подготовленных людей. Потребность реформировать систему обучения в Ираке остро ощущал еще Мидхат-паша в пору его губернаторства в Багдаде. Именно ему принадлежит заслуга создания основ светской школьной системы в Ираке, где до этого единственной формой образования для большинства мусульманских детей была начальная коранническая школа – мактаб и более продвинутая – медресе. В начальной изучали Коран, арабский язык и иногда арифметику. В продвинутой – в основном теологию, право, языки стран Ближнего Востока, логику. Было несколько и светских школ, основанных иностранными миссиями, в которых изучали предметы Запада и которые посещали только дети немусульман.

При Мидхат-паше в Ираке появились совершенно новые школы: общественные, открытые для детей, независимо от их социальной и религиозной принадлежности. Учебная программа включала такие предметы, как западные языки, математику, набор естественных дисциплин. Были созданы средняя школа и две школы второй ступени – одна для подготовки молодых людей к военной, другая – к гражданской службе.

Заложенная Мидхатом образовательная система получила дальнейшее развитие. К 1915 г. в Ираке было уже 160 школ, включая

второй ступени. Появилось два лицея с 12-летним сроком обучения, организованных по французскому образцу. В 1908 г. был основан трехгодичный правовой колледж, единственное высшее учебное заведение в стране. Создававшиеся разного уровня школы закладывали первые и очень важные для Ирака основы модернизации. Быстро осваивался арабский язык, вытесняя турецкий. Развивалась пресса. Первый печатный станок появился в Ираке в 1860 г. К 1914 г. было издано130 работ, в основном учебников. Первая официальная газета «Аль-Заура» появилась в 1869 г. при Мидхат-паше. К первой мировой войне выходило около 20 журналов и 69 газет разного направления[57].

Светское образование привело к формированию интеллектуальной городской элиты. Большинство ее представителей после окончания школы в Ираке получали высшее образование в Стамбуле, преимущественно в военной академии. Меньшая часть становилась медиками, юристами, инженерами. К 1914 г. военные школы в Багдаде посылали на продолжение учебы в Стамбул ежегодно около 100 кадетов[58]. К этой светской и военной интеллигенции принадлежало первое поколение иракских националистов, осознававших самобытность арабов, их отличие от турок-османов, выступавших против реакционной политики Абдул Хамида II, а позже против младотурецких триумвиров, за возрождение «арабской нации», полное освобождение ее от чужеземного гнета. В дальнейшем из этой среды вышли все государственные, политические и духовные лидеры иракского общества, руководившие страной вплоть до революции 1958 г.

К началу XX в. в арабских владениях Османской империи определенные изменения претерпевала общественно-политическая ситуация. Пересматривались основы традиционного религиозного, в том числе исламского, мировоззрения, шло, хотя и в зародышевых формах, освобождение от влияния религии и духовенства. Однако новые, буржуазно-либеральные или либерально-демократические идеи получили крайне ограниченное распространение в узких кругах арабской интеллектуальной элиты. Общественное сознание поголовно неграмотного сельского населения и значительной части горожан определялось воздействием духовных норм, составлявших

так называемый народный ислам, и догматики мелких религиозных сект и дервишеских орденов (тарикатов/[59].

Светское образование в слабой степени затрагивало позиции духовных школ. Кораническое просвещение для мусульман и, в известной степени, церковные и талмудистские школы у христианских и иудейских общин сохраняли еще чрезвычайно сильные позиции. Светское образование многими воспринималось как совершенно неприличное для истинного мусульманина[60].

Из числа традиционных учебных заведений особенно выделялись шиитские медресе в Эн-Неджефе и Кербеле. Ведущие муджтахиды этих священных для шиитов городов являлись высшим авторитетом среди шиитских племен Среднего Тигра и Евфрата, где наряду с родоплеменной знатью авторитет шиитского духовенства оставался неоспоримым. Большой удельный вес традиционных основ в экономике, в организации общественной жизни иракцев, в их социальной и этно-конфессиональной структуре создавал весьма серьезные преграды на пути ускорения темпов модернизации иракского общества, в усвоении новых идей, воплощавших в себе тенденции развития, обновления, прогресса[61].

Новые явления в общественной жизни арабов зарождались в сложной обстановке «взаимодействия политических, экономических, социальных факторов, духовных ценностей Востока и Запада»[62]. Становление новой, буржуазной идеологии проходило в острой борьбе против средневековых норм общественной жизни и сознания, подкрепляемых мощью феодального османского государства, силой традиции и сопротивлением господствующего феодального класса.

Уже в то время, когда арабское общество делало свои первые шаги в направлении модернизации, образцом и основой которой служили достижения западной цивилизации, перед ним встали вопросы, остающиеся крайне актуальными и сегодня, в качественно изменившихся мировых, региональных и национальных условиях жизни арабских стран: что и в какой степени Восток может заимствовать у Запада, как совместить неизбежную в процессе модернизации зависимость от Запада с достижением и сохранением суверенитета государств Востока, как сохранить свою культурную самобыт-

ность, национально-духовную идентичность с неизбежным воздействием на эту сферу явлений, сопутствующих вестернизации. Однозначного ответа на эти вопросы нет и сегодня. И уж тем более его не могло быть на заре становления арабского национального самосознания, когда модернизация затронула лишь незначительную часть арабов, главным образом тех, кто получил западное светское образование у себя в стране или в Европе. В этой интеллектуальной среде велись постоянные дискуссии на тему: «Арабский мир и Запад: партнеры или соперники». Воспринимая европейские достижения в материальной сфере, они недоверчиво относились к европейским нормам общественной и духовной жизни. Особенно сильны были эти настроения среди мусульманского населения, которое видело в Европе прежде всего враждебный им христианский мир. Крайне правые отрицали саму возможность использования достижений Европы.

Восприятие арабами новых явлений затруднялось многими факторами, в том числе их социально-экономической отсталостью и разобщенностью, слабостью духовных связей между ними. Существенным фактором была расчлененность арабского социума по вертикали, наличие в нем множества обособленных общин. Арабо-мусульманское население Ирака распадалось на шиитов и суннитов. Рядом с мусульманскими находились иноверческие общины арабов–христиан (халдеи, сиро-католики и др.), иудеев, сабейцев, ассирийцев-несториан. Подавляющая часть населения, включая и городское, сохраняла весьма прочные родо-племенные и клановые связи. В Багдаде, как и в других городах, кварталы заселялись по религиозному, клановому или иным признакам. Сохранялись пережитки кастово-сословных отношений, многие профессии считались «презренными». В Ираке это были овощеводы, рыболовы с сетью, буйволоводы. Отношения недоверия и прямой вражды между отдельными религиозными общинами, кланами, племенами были обычным явлением. На северо-западе Ирака враждовали племена амарат-анейза и шаммар, в городах Сабия, Телль-Афар, Эн-Неджеф и др. – жители разных кварталов. В городах, не говоря уж о кочевых и полуоседлых племенах, сохранял свое значение институт кровной мести. Эта сложная структура населения Ирака, его «многослойность», укоре-

нение традиционных связей и норм взаимоотношений между различными составляющими его группами сдерживали процессы общественного развития, но не могли его отменить.

Происходившие перемены в социально-экономическом базисе арабских стран носили объективный характер, и их последствия медленно, постепенно, но неизбежно внедрялись и в сферу общественного сознания арабов, в их культуру. Культурный подъем арабских стран – «Нахда» («Возрождение») находил свое проявление в оживлении различных аспектов культурной жизни арабов, в обновлении арабского языка, становлении новоарабской литературы, пробуждении интереса к арабской истории.

Эти новые веяния в Ираке затронули прежде всего сферу просвещения. И хотя с установлением диктаторского режима Абдул Хамида II основанные при Мидхате-паше светские школы были закрыты, но ростки новых идеологических явлений и здесь пробивали себе дорогу. На их развитие оказывали влияние доходившие до представителей иракской интеллигенции через турецкую и египетскую прессу сведения о некоторых достижениях европейской общественно-политической и научной мысли. Новые веяния, появившиеся в различных сферах жизни арабов, оказывали влияние и на ислам. В Ираке возникали кружки, как в суннитской, так и в шиитской среде. Известны кружки, образовавшиеся один вокруг муфтия Ирака Мухаммеда Фейди, другой – вокруг авторитетного суннитского богослова и литератора Маарufа Шукри аль-Алуси. В этих кружках обсуждались вопросы современного состояния ислама, литературные проблемы, технические достижения стран Запада.

Новые тенденции в общественной мысли сказывались и в среде образованных кругов шиитской общины Ирака, их носителями были представители феодально-клерикальной интеллигенции Эн-Неджефа и Кербелы. Деятельность этих кружков имела ограниченный характер, она сводилась к обсуждению религиозно-идеологических вопросов, созвучных с идеями мусульманских реформаторов того времени. Несмотря на все препоны абдулхамидовского режима, «к началу XX в., в Ираке уже созрели условия для формирования антагонистических по отношению к традиционной мусульманской идеологии течений общественной мысли. Об этом свидетельствуют аресты

и ссылки «вольнодумцев», посягавших на основные идейные и общественные устои, – Махмуда Шукри аль-Алуси, Джамиля Сидки аль-Захави, Мааруфа аль-Русафи. В стране уже созрели силы, которые жаждали перемен в политической и общественной жизни на новых основах и ждавшие только условий, чтобы заявить о своем существовании»[63]. В действительности говорить о политически оформившихся силах, которые могли бы встать во главе стихийной борьбы масс, на тот момент не приходится.

Деспотизм султанского режима, усиление национального гнета, разрушение традиционных форм хозяйства под давлением объективных внутренних процессов и расширением иностранного проникновения в экономику арабских территорий, утрата арабами привычных, веками существовавших норм их жизненного уклада вызывали недовольство широких слоев трудового населения – крестьян и бедуинов. На рубеже XIX–XX вв. практически во всех арабских вилайетах происходили антитурецкие выступления, как правило, вызывавшиеся конкретными действиями местных или центральных властей и носившие стихийный характер. Объективный процесс роста недовольства широких народных масс арабских вилайетов политикой султанского правительства и иностранной экспансией остро ставил вопрос о тех силах, которые могли возглавить массовое движение.

В Ираке, как и в целом в арабском мире, классы современного (буржуазного) общества на начало XX в. находились в эмбриональном состоянии. Преобладание традиционных укладов в экономике, общинная, конфессиональная, клановая и прочая разобщенность, засилье иностранного капитала препятствовали консолидации национальной буржуазии в единую социальную группу с осознанными собственными интересами и готовностью вести борьбу за их достижение.

Неразвитость промышленной базы Ирака, отсутствие в ней современных производственных отраслей, сохранение фактически средневековых методов эксплуатации наемных рабочих не создавали предпосылок для формирования иракского рабочего класса.

«Властителями дум» рядовой массы арабов по-прежнему оставались родоплеменные, клановые и религиозные лидеры. Они воз-

главляли народные выступления, определяли принципы и лозунги таких выступлений, идеалом которых оставалась защита старых, традиционных родоплеменных основ арабского сообщества, сохранение замкнутых общин. К этому добавлялось использование шейхом своего положения вождя такое новшество, как переход к нему контроля над бывшими общинными землями. Упрочению положения племенных лидеров, их социального, экономического и политического господства над рядовыми соплеменниками способствовала изменившаяся по отношению к ним политика османского правительства, предоставлявшего на известных условиях племенной верхушке определенные административно-политические права. Таким путем власти укрепляли свои отношения с вождями племен, превращали их в свою опору и через них управляли племенами, в частности, в Центральном Ираке.

На начало XX в. Ирак оставался регионом Османской империи, более отсталым в социально-экономическом и политическом положении по сравнению, например, с соседней Сирией и тем более с Египтом. Сирия, раньше других арабских османских провинций ставшая родиной арабского национального самосознания («Сирия – сердце арабизма», как считают сирийцы). Здесь зарождались идеи общности арабов и первые организации, поставившие задачу освобождения арабских народов от турецкого ига. Эти новые явления в общественной жизни передовой сирийской интеллигенции оказывали влияние и на другие арабские страны, прежде всего на Ирак. При этом арабские националисты не ставили задачу отделения арабов от турок. Напротив, они видели свое будущее, в случае ликвидации режима зулюма, в тесном плодотворном сотрудничестве всех народов Османской империи в интересах ее всестороннего развития и осуществления особых национальных чаяний каждого из этих народов в составе империи. А поэтому арабские националисты установили и поддерживали контакты с главной на тот момент оппозиционной политической турецкой организацией «Единение и прогресс». Ее ядром была тайная политическая группа студентов-медиков, в которую входили представители различных народов Османской империи, в том числе и арабы, оформившаяся накануне 1889 г. в Стамбуле в общество «Османское единение» для борьбы против абдул-

хамидовского режима. Секретарем этой организации стал араб Шарафаддин Магмуми. Группа действовала в столице подпольно. В том же году прогрессивный турецкий деятель Ахмед Риза-бей начал выпускать в Париже газету «Мешверет» («Обсуждение»), вокруг которой объединились его единомышленники. Вскоре между стамбульским обществом и парижской группой установился контакт. Стамбульское общество было переименовано и получило название «Единение и прогресс» («Иттихад ве терраки»). Оно пустило глубокие корни в турецких гражданских и военных высших учебных заведениях. В Париже, Женеве, Лондоне, Каире и других городах за пределами Турции возникли аналогичные общества со своими газетами. Противников Абдул Хамида II зарубежом, а затем и в Турции стали называть младотурками. Основным программным требованием младотурок было восстановление конституции 1876 г.

В Париже Ахмед Риза установил контакты с находившимися в эмиграции представителями арабской интеллигенции, в том числе с либеральной арабской оппозиционной группой – «Турецко-сирийским комитетом», образованным накануне 1895 г. и возглавлявшимся друзским эмиром Амином Арсланом. В 1896 г. «Турецко-сирийский комитет» объединился с находившимся в Париже отделением организации «Единение и Прогресс» и помог группе Ахмеда Риза установить контакты с турецкой оппозицией в Египте[64].

С конца XIX в. младотурецкие организации стали появляться и в арабских вилайетах. Сведения об их деятельности в Ираке весьма скудны. Известно, что полковник турецкой армии, иракец по происхождению, основал несколько младотурецких клубов и наладил выпуск газеты «Багдад» на арабском и турецком языках. Летом 1902 г. в Багдаде, в казармах местного гарнизона, было обнаружено большое количество младотурецких листовок и экземпляры эмигрантских запрещенных газет. Их находили не только у офицеров, но и у солдат. 16 офицеров было арестовано и отправлено в Стамбул. Пять офицеров скрылись и эмигрировали заграницу.

Создававшиеся в арабских вилайетах младотурецкие организации были выразителями недовольства оппозиции существовавшим в Османской империи политическим и социальным строем. В большинстве случаев их основателями и руководителями являлись ар-

мейские офицеры и государственные служащие, но у них не было никакой общей программы, которая сплачивала бы эти политические образования. Вместе с тем появление этих организаций дало импульс сплочению всех недовольных режимом, включая представителей местной элиты. Младотурецкие комитеты в городах становились своего рода форумами, где деловым кругам и городской интеллигенции предоставлялась возможность выразить свой протест против существующих порядков, при этом меньше всего их занимала конституция, за восстановление которой ратовали младотурки. Активным участием представителей местной знати, претендовавшей на политическую власть в оппозиционном антидиктаторском движении, объясняется его массовость: полностью подчинявшиеся своему вождю – шейху арабы-горожане, крестьяне, бедуины – готовы были идти за ним по первому его зову. Британский консул в Багдаде сообщал: «Местные комитеты в городах включают, кроме офицеров разного ранга, еще и некоторых представителей местной знати»[65].

Отношения между арабскими националистами и младотурками складывались далеко не просто в силу многих причин. Само младотурецкое движение с момента его зарождения раздиралось многими противоречиями: в нем не было единства в подходе к выбору средств и методов борьбы с деспотическим режимом, к принципам устройства государственно-административной жизни после его свержения и выработке программы внутри- и внешнеполитической деятельности новой власти, ее отношения к иностранному вмешательству. Особо острым был национальный вопрос. Арабов, как и представителей других народов османского государства, настораживали великодержавные установки ведущих младотурецких лидеров, оставлявшие мало надежд на справедливое решение арабских национальных проблем в рамках «свободной конституционной империи».

Все эти вопросы были подняты на 1 конгрессе младотурецких организаций в 1902 г., собравшего 47 делегатов от организаций и кружков различных районов империи, объединенных единой целью: низложить Абдул Хамида II, претворить в жизнь конституцию 1876 г. и установить представительную форму правления. В остальном точки зрения делегатов расходились коренным образом, что и

привело участников конгресса к расколу на две противоположные группировки. Большинство поддержало позицию принца Мехмеда Сабахеддина, считавшего целесообразным введение значительной децентрализации административного управления и предоставление широких полномочий местным властям[66]. Такой подход совпадал с требованиями, которые выдвигали нетурецкие народы. Отвечал он интересам и арабских оппозиционных кругов[67].

Меньшинство делегатов, сгруппировавшихся вокруг Ахмеда Ризы, выступало за строгую централизацию управления, означавшую полное игнорирование национальных интересов нетурецких народов. В этой идее закладывались основы будущей шовинистической политики младотурок.

В 1902 г. сторонники Сабахеддина основали «Общество личной инициативы и децентрализации», получившее поддержку в арабских вилайетах, где появились его филиалы. Группа Ахмеда Ризы сохранила за собой прежнее название «Единение и прогресс». Ее составили в основном эмигранты-турки. Это общество главное внимание уделяло вопросам целостности и независимости Османской империи, основным принципом которой должен был стать «строгий централизм». Концепция османизма в её интерпретации сводилась к теории упрочения Османской империи путем закрепления господствующего положения турецкого национального элемента над всеми нетурецкими народами империи, подавления их национальных устремлений[68].

Раскол в младотурецком движении ослаблял оппозицию абдулхамидовской диктатуре. Ликвидация режима зулюма требовала сплочения всех антисултанских сил, а это означало объединение турецких националистов с инонациональными группами, в том числе и с немусульманскими – армянскими, греческими. Поскольку арабы не были жестко привязаны к какой-либо одной из группировок младотурок, они смогли выступить, когда в этом возникла настоятельная необходимость, посредниками в налаживании нормальных отношений между обеими фракциями. В частности, такую роль играла младотурецкая организация в Египте, являвшаяся отделением общества «Единение и прогресс» и поддерживавшая тесный контакт с течениями арабской интеллигенции[69]. Общество «Единение и про-

гресс» и Общество «личной инициативы и децентрализации» активизировали свою пропагандистскую деятельность. Значительно увеличилось число ячеек и тайных организаций внутри страны и в эмигрантских центрах, объединявших учащуюся молодежь, армейских офицеров, чиновников и интеллигенцию. Многие из этих организаций, особенно офицерских, устанавливали тесный контакт с обществом «Единение и прогресс». Катализатором сплочения политических сил младотурок явился подъем массового движения в различных частях Османской империи против режима гнета и бесправия султанской власти в эпоху «пробуждения Азии»[70], мощный импульс которому придали такие значительные события, как революция 1905–1907 гг. в России и особенно русско-японская война 1904–1905 гг., принесшая победу азиатской стране – Японии над мощной Российской империей.

Объединение младотурецкого движения с движением нетурецких народов произошло на съезде в Париже в декабре 1907 г. Выработанная на нем программа радикального изменения существующего режима с использованием силы, «предоставления каждому нетурецкому народу права на самоуправление, на возможность законно охранять свои интересы» стала основой создания единого фронта антиабсолютистских организаций.

Выступление 3 июля 1908 г. в Македонии небольшого отряда во главе с албанцем лейтенантом Ахмедом Ниязи-беем в течение нескольких дней переросло в мощное вооруженное восстание, вынудившее султана 24 июля объявить о восстановлении конституции 1876 г. Это была победа младотурецкой революции, покончившая с абсолютистским режимом в Османской империи и выдвинувшая в качестве первоочередной задачи ликвидацию феодального самодержавия, которое олицетворяло систему хозяйственной деградации, общественного застоя и политического бесправия, что объективно отражало интересы нарождавшейся турецкой буржуазии. Однако пришедшие к власти силы по своей социальной природе не отличались от предшественников – феодалов, офицеров, чиновников, представителей буржуазной интеллигенции, выходцев по большей части из феодальной или бюрократической среды. Получив большинство мест в первом после восстановления конституции парламенте –

150 из 230, – младотурки не сумели воспользоваться этим преимуществом для проведения в жизнь неотложных антифеодальных задач. Сохранив нерешенными острейшие проблемы, препятствовавшие развитию Османского государства и общества, младотурецкое руководство создавало тем самым условия для погружения империи в глубокий всесторонний кризис. Такими и были годы, предшествовавшие первой мировой войне.

Большое значение для победы младотурецкой революции имело освободительное движение арабских народов, поначалу с большим энтузиазмом воспринявших младотурецкие лозунги свободы, равенства и братства.

В сентябре 1908 г. в Стамбуле было основано первое легальное арабское национальное общество «Аль-Иха аль-Араби аль-Османи» («Арабское османское братство»), имевшее свой печатный орган «Аль-Иха аль-Османи» и открывшее отделения в Ираке и в Сирии.

«Братство» имело программу, которая предусматривала решение ряда конкретных задач арабских вилайетов в рамках османского государства. Важнейшими среди них были оказание помощи комитету «Единение и прогресс» в деле защиты конституции, объединение всех народов Османской империи в духе преданности султану, обеспечение благосостояния арабских провинций и достижение ими равенства с другими народами страны, распространение просвещения на арабском языке и сохранение арабских обычаев. Арабское османское братство просуществовало недолго[71]. Уже в 1908 г. выявилась антидемократическая шовинистическая суть младотурецких лидеров, их политика упрочения интеграции Османской империи на основе великодержавных идей османизма, теории пантюркизма и панисламизма, похоронив тем самым надежды на получение арабскими вилайетами некоторых прав в решении местных вопросов. После подавления в апреле 1909 г. контрреволюционного мятежа, организованного сторонниками султана, и низложения Абдул Хамида II Арабское османское братство было запрещено, что поставило его членов наряду с подавляющей частью арабских политических сил в оппозицию к младотуркам. В 1913 г. после установления диктатуры младотурецкого триумвирата – Энвера, Талаата и Джемаля – практически возродился султанский режим с его методами насилия

и произвола, отчетливо проявившимися в политике младотурок по отношению к национально-освободительной борьбе нетурецких, в том числе арабских народов.

Ответом на наступление реакции был рост арабского национального движения. Возникавшие в Европе и в арабских провинциях Османской империи перед первой мировой войной легальные арабские общества, клубы, лиги и тайные политические организации имели свои отделения и в Ираке. Первой из таких организаций было основанное в конце 1909 г. в Стамбуле общество «Кахтанийя». Его руководителем стал майор генерального штаба Азиз Али Аль-Мисри. Политические цели общества не ясны: по одним сведениям, оно выступало за двуединую турецко-арабскую монархию, по другим, – общество стремилось к полной независимости арабских провинций и к основанию отдельного арабского халифата[72].

Общество было строго законспирировано. Оно вербовало своих сторонников среди арабского офицерства. Просуществовало около года, после чего его руководители вынуждены были скрыться[73].

В 1911 г. несколько студентов, учившихся в Париже, создали тайное общество «Аль-джамийя аль-арабийя аль-фатат» («Общество молодых арабов» или, как его было принято называть, «Младоарабское» или «Молодая Аравия»). Своими истоками это тайное общество уходит в 1908–1909 гг. Стратегической целью Общества было «достижение полной арабской независимости и поднятие арабов до уровня жизнеспособной нации». Но тактика младоарабов определялась реальной политической ситуацией, складывавшейся в арабских вилайетах и Османской империи в целом. Как и другие политические организации, они отстаивали просветительские цели, придерживались либерально-реформистских взглядов, выступали за децентрализацию Османского государства, но при этом, в отличие от других арабских обществ, вопрос о местном самоуправлении младоарабы связывали с признанием прав арабов как отдельного народа или нации в составе османского сообщества. Однако ни о каком отделении от Османской империи младоарабы вначале и не помышляли[74]. Как отмечает отечественный исследователь процесса развития арабов и зарождения в нем национального движения Л.Н. Котлов, обществу Молодая Аравия было уготовано «исключительное место в

истории арабского национально-освободительного движения. Оно является непосредственным предшественником ведущих политических партий и организаций ряда арабских стран, сыгравших впоследствии выдающуюся роль в развитии национально-освободительной борьбы»[75].

Иракцы вместе с националистами из других арабских стран участвовали в работе многих тайных обществ, возникавших накануне первой мировой войны. Так, отделением общеарабской «Партии децентрализации», созданной в Каире в конце 1912 г., была националистическая организация «Басорское общество реформ» («Аль-Джамийя аль-басрийя аль-ислахийя»). Просветительское направление имел «Национальный научный клуб» («Ан-Нади аль-ватани аль-ильми»).

Все арабские общества возникали за границей, они отличались малочисленностью и слабостью, кратковременностью своего существования, отсутствием у них четкого представления о политических целях деятельности. Основные их требования сводились к необходимости проведения реформ в арабских вилайетах Османской империи, предоставления арабам права на самоуправление в рамках единого османского государства. Большинство руководителей антитурецкого движения в Ираке ориентировались на помощь Англии, занявшей к 1914 г. господствующие позиции в экономике этой страны.

Канун первой мировой войны отмечен в Ираке нарастанием массового движения, вызывавшегося аграрной политикой младотурецкого триумвирата, создававшей реальную угрозу лишения крестьян земли. Для подавления беспорядков, возникавших в связи с отказом населения поставлять рекрутов и платить налоги, в Мосул, Самарру, Басру, в Багдадский вилайет и в районы расселения племен направлялись правительственные войска. Между ними и бедуинами часто происходили вооруженные столкновения[76], которые, тем не менее, не приняли характера всеобщего антитурецкого движения.

Политическим организатором реформирования общественной жизни в арабских вилайетах выступала «Османская партия децентрализации», отделение которой работало и в Ираке. Программа этой партии предусматривала преобразование Османской империи в конституционную монархию с широкой административной децен-

трализацией, создание органов вилайетского самоуправления – генеральных советов вилайетов, избираемых местным населением, с предоставлением этим органам широких полномочий в решении внутренних дел, в том числе в осуществлении контроля за действиями вилайетских властей.

С весны 1913 г. иракские «реформаторы» развернули активную деятельность по претворению программы децентрализации в жизнь. В городах проходили массовые демонстрации в поддержку реформ. Попытка стамбульских властей помешать этому, приостановить силой ширившееся массовое движение успеха не имела. Но и оппозиция в Ираке на тот момент не обладала должной силой, чтобы заставить центральную власть принять выдвигаемые арабскими националистами требования. Разобщенные, слабо связанные между собою отряды арабских антитурецких сил нуждались в объединении. Эту задачу призван был решить Арабский конгресс, открывшийся в Париже 18 июня 1913 г. Инициативу в деле практического осуществления идеи созыва конгресса взяли на себя члены Молодой Аравии. В марте 1913 г. они создали подготовительный комитет конгресса. Младоарабы приняли самое активное участие в работе этого форума и оказали заметное влияние на принятые им решения.

Из прибывших на этот конгресс делегатов большинство были сирийцы; двое представляли Ирак и 3 – арабов Америки. Конгресс принял программу Партии децентрализации и выдвинул требование провести административные реформы в арабских вилайетах на принципах децентрализации, обеспечить арабам право участвовать в управлении государством, установить равноправие арабского языка с турецкими, ввести территориальную военную службу для арабских воинских частей. Это была политическая программа арабских националистов, доведенная до сведения правительства в Стамбуле[77].

Турецкие власти наряду с репрессиями перешли к применению новой тактики, направленной на раскол арабского национального движения путем привлечения на свою сторону лидеров знатных арабских семей, шейхов племен, назначения их на высокие государственные должности, раздачи денег, чинов и орденов. Однако эти меры не изменили радикально ситуацию в Ираке: со второй половины 1913 г. здесь начался новый подъем национального движения.

«Басорский комитет реформ» развернул бурную деятельность: основывал в стране клубы, выпускал антитурецкие памфлеты, распространял листовки.

К этому времени относится создание в Стамбуле офицерами-арабами, выходцами из разных провинций империи, тайного общества «Аль-Ахд»/«Завет»), продолжатель общества «Аль-джамийя аль-арабийя аль-фатат», но ориентированного на армейскую среду. Возглавил «Аль-Ахд» один из активных и влиятельных арабских националистов – майор Азиз Али аль-Мисри. Бурную политическую деятельность вели офицеры генштаба и кадеты военных училищ – Салим аль-Джазаири, Нури ас-Саид, Джамиль аль-Мидфаи, Джафар аль-Аскари, братья Ясин и Таха аль-Хашими и другие. Из 500 офицеров-арабов, находившихся в Стамбуле, примерно половину составляли члены «Аль-Ахд». Большинство были выходцами из Ирака[78]. Вскоре его отделения были созданы в Мосуле и в Багдаде. Багдадское отделение учредил уроженец этого города Таха аль-Хашими. В Мосуле его брат Ясин аль-Хашими возглавил отделение, состоявшее из группы армейских офицеров, которым, как и ему, предстояло в будущем стать видными фигурами в иракском государстве. Это Мавлюд Мухлис, Али Джавдат аль-Айюби и Джамиль аль-Мидфаи. В Багдаде отделение возглавил Хамди аль-Пачачи. К нему присоединились Нури ас-Саид, Джафар аль-Аскари и другие, кому в дальнейшем также была уготована заметная роль в иракской политике. Оба отделения установили контакт с Обществом реформ в Басре, где кузен Хамди аль-Пачачи Музахим аль-Пачачи возглавил небольшое отделение «Аль-Ахд»[79].

Общество «Аль-Ахд», созданное как организация офицеров, постепенно пополнялось представителями различных радикальных кругов в арабском национальном движении. Ведущее положение в нем офицерства отражало состояние арабского национального движения на том этапе: Общество «Аль-Ахд» было единственной организацией, которая располагала силой и способностью оказать давление на турецкие власти. Роль военных наглядно продемонстрировали турецкие офицеры в успешно проведенных ими государственных переворотах в июле 1908, апреле 1909, январе 1913 годов.

Общество «Аль-Ахд» выступало за предоставление внутренней автономии арабским вилайетам в составе Османской империи. Но, в отличие от других арабских организаций, оно пропагандировало и насильственные методы борьбы, готовило восстание против турок. Его базой был избран Ирак. Ахдисты планировали поднять восстание в районе Басры, к нему должен был присоединиться гарнизон Багдада. Затем восстание должно было перекинуться на Сирию, Палестину, Хиджаз.

Общество ничего не успело сделать: в начале 1914 г. его руководители были арестованы. Азиз Али аль-Мисри был приговорен к смертной казни, от которой его спасло вмешательство англичан.

Развернувшееся накануне первой мировой войны в обстановке общего кризиса Османской империи национально-освободительное движение в Ираке серьезно подрывало турецкое господство в восточных вилайетах страны.

В конце 1913 – первой половине 1914 гг. арабо-турецкие отношения быстро ухудшались. Особенно наглядно это проявлялось в Ираке. В местных изданиях регулярно появлялись статьи, разоблачавшие деятельность стамбульских властей, их репрессивную внутреннюю и антинациональную внешнюю политику. Это приводило к закрытию газет, преследованиям их редакторов и журналистов. Такие меры были применены, в частности, к газете «Ан-Нахда», органу Патриотического научного клуба, и ее редактору, публично избитому в резиденции губернатора Багдада[80].

Патриотический научный клуб во главе с Музахимом аль-Пачачи, связанным с багдадской Юридической школой, был основан в Багдаде в 1912 г. группой молодых арабских интеллектуалов, часть из которых училась в Стамбуле. Клуб находился под патронажем известной шерифской багдадской семьи аль-Сувейди и Сейида Талиба из Басры. Это давало возможность членам клуба повышать свой общеобразовательный уровень, делая при этом особый акцент на изучении арабской культуры и литературы. Здесь вместе вели работу образованные сунниты и шииты. Шииты были представлены в основном модернистами-реформаторами, но были среди них также представители ширившегося в священных шиитских городах движения за возрождение интереса к арабским традициям и культуре.

Клуб был центром политических дебатов и сплочения сил, оппозиционно настроенных к централизаторской политике лидеров «Иттихад ве терраки». В конце 1913 г. газета клуба «Аль-Нахда» была закрыта, Музахим аль-Пачачи и другие его члены бежали в Басру, а оставшиеся арестованы[81].

Такие и подобные им действия османских властей неуклонно снижали авторитет младотурецкого триумвирата Энвера, Талаата и Джемаля, ослабляли их влияние в восточных провинциях империи. Об этом же свидетельствовала ситуация, складывавшаяся в парламенте при обсуждении вопросов, касавшихся арабских вилайетов, где в оппозицию к триумвирам становились арабские депутаты, официально принадлежавшие к иттихадистскому большинству[82].

Острые конфликты возникали в связи с последовательной линией младотурецких лидеров на отуречивание всей общественно-политической жизни османского государства, против чего решительно выступали арабские националисты. Острые дебаты, перераставшие в конфликты, возникали в парламенте вокруг требований депутатов-арабов признать арабский язык – наряду с турецким – официальным и вести на нем преподавание в высших учебных заведениях, применять в судопроизводстве, государственной службе и других областях[83]. И хотя расхождения между арабскими и турецкими приверженцами «Иттихад ве терраки» носили в основном частный характер и не затрагивали коренных проблем османской жизни, они вместе с тем свидетельствовали о растущей отчужденности между турками и арабами, которая в скором времени переросла в настоящую вражду, противопоставив арабских и турецких иттихадистов по всем узловым вопросам внешней и внутренней политики. В итоге накануне первой мировой войны арабское движение в Османской империи, особенно его либеральное крыло оказалось на стороне противников младотурецкого триумвирата, который подвел империю к краю гибели[84].

Глубокий внутренний кризис, в который погружалась Османская империя накануне первой мировой войны, усугублялся ее неудачами на внешнеполитическом фронте. В 1911 – 1913 гг. Турция вела войну с Италией и участвовала в двух балканских войнах с коалицией балканских государств. Италия отвоевала у Турции Трипо-

литанию и Киренаику в Северной Африке, превратив эти области в свою колонию – Ливию. На Балканах почти вся территория европейских владений Турции была разделена между победителями – Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией. Во второй балканской войне Турция сумела вернуть себе Адрианополь с прилегающим округом.

За короткий срок пребывания у власти младотурок усилилась экономическая, финансовая и военно-политическая зависимость Турции от стран Запада, значительно активизировавших свою деятельность в странах Ближнего Востока. Наиболее прочные экономические и политические позиции в арабских вилайетах Османской империи имели Англия и Франция. Германия обеспечила себе полное преобладание в военно-политической области турецкого государства. Свои интересы имела здесь и Россия. На повестке дня стоял вопрос о разделе Османской державы.

Стремление Запада сохранить и упрочить свои позиции в разваливавшейся империи, приобрести долю «османского наследства», представленного прежде всего арабскими вилайетами, уже с конца XIX в. порождали между европейскими державами острые противоречия. Предпринимавшиеся неоднократные попытки разрешить их дипломатическими средствами имели лишь кратковременный успех, на время приглушая, но не устраняя острой конкурентной борьбы держав в Азиатской Турции, в основе которой лежало совпадение и пересечение политических, экономических, военных интересов держав. Планы Англии, Франции и России, объединившихся в 1904–1907 гг. в блок «Сердечное согласие» – Антанта в противовес Тройственному союзу, возглавленному Германией, были направлены на расчленение Османской империи. Германия, в свою очередь, претендовала на контроль над всем османским государством. Каждая сторона готовилась к осуществлению своих планов по отношению к турецким владениям, но уже не дипломатическими, а военными средствами[85].

Османские власти не исключали потенциальной угрозы агрессии со стороны западных держав, открыто демонстрировавших свою крайнюю заинтересованность в установлении контроля над арабскими провинциями с их богатым экономическим потенциалом и

огромной геополитической значимостью. Такая ситуация настоятельно диктовала необходимость усиления военного присутствия Стамбула в арабских провинциях. Незадолго до начала войны в Ираке и Сирии были размещены главные подразделения реорганизованной турецкой армии.

Среди причин первой мировой войны противоборство держав за преобладающие позиции на Ближнем Востоке заняли одно из приоритетных мест. С вступлением Турции в войну на стороне Германии вопрос о разделе ее азиатских владений был переведен в русло переговорного процесса, главными участниками которого стали Англия и Франция. Решающую роль в решении судеб арабской части «османского наследства» играла Англия. Переложив основную тяжесть ведения войны в Европе на Россию и Францию, Англия единолично вела операции на арабских фронтах азиатско-турецкого театра военных действий[86].

В центре экспансионистских планов держав на Ближнем Востоке стоял Ирак, где прочным позициям английского капитала все большую угрозу с начала XX в. создавала Германия.

Ирак приковывал к себе внимание держав не только экономическим потенциалом: его чрезвычайно важное геостратегическое положение как своего рода «моста» между Восточным Средиземноморьем, зоной Персидского залива и Индийским океаном с конца XIX в. вызывали повышенный интерес западных держав. Для Англии Ирак был важен как звено на ее имперских путях в Индию, для Германии – как плацдарм наступления на позиции Англии в районе Ближнего и Среднего Востока. С этой целью Германия с конца XIX в. начала строительство Багдадской железной дороги, которая должна была стать главным каналом «Дранг нах Остен» («Натиска на Восток») и новой линией ближневосточных коммуникаций в противовес Суэцкому каналу. Дополнительным фактором привлекательности Ирака стало открытие крупных месторождений нефти в разных районах страны, в том числе и на севере. В 1901 г. немецкие геологи обнаружили месторождения нефти в промышленных масштабах в районе Мосула. В 1904 г. Германия получила преимущественное право на разведку и эксплуатацию нефти в Мосульском и Багдадском вилайетах.

Период младотурецкого правления положил начало проникновению в Ирак западных нефтяных монополий. Начатые еще при Абдул Хамиде переговоры о предоставлении концессий на разработку минеральных богатств арабских вилайетов завершились при младотурках рядом конкретных соглашений. В борьбу за концессии вступили американские компании «Оттоман-Американ Дивелопмент», «Честер», «Дж. Уайт Корпорейшн», английская «Англо-Першн Ойл» и голландская «Ройял Датч – Шелл», а также германский «Дойче Банк». Ее итогом было создание смешанной англо-германо-голландской компании «Африкэн энд Истерн Консешн лтд», которой в 1912 г. правительство Турции выдало концессию на нефть в северном Ираке. Тогда же она была переименована в «Теркиш петролеум компани»/ТПК) и получила перед самой войной формальное извещение от турецкого правительства о готовности сдать в аренду ТПК «открытые или неоткрытые месторождения нефти» в Мосульском и Багдадском вилайетах[87].

Упорное стремление Германии утвердиться в Ираке заставляло Британию активизировать свои действия в этом районе. К началу первой мировой войны английское правительство подготовилось к захвату Ирака.

Младотурецкому руководству от султанского режима достался тяжелый груз внутренних и внешних проблем, разрешение которых было объективным требованием времени. Добиваясь поддержки в своей борьбе против реакции Абдул Хамида различных национальных, социальных и религиозных групп, младотурки в предреволюционные годы щедро раздавали обещания экономического процветания, избавления трудящихся от нищеты, бесправия и угнетения, освобождения страны от иностранного засилья. Однако для решения столь масштабных, исторически обусловленных задач новое руководство страны не обладало необходимыми экономическими, финансовыми, кадровыми, психологическими и, наконец, временными ресурсами. Реализация главной цели младотурок – создание сильного, единого, централизованного независимого государства на основе идеологии османизма и применения силы как основного инструмента достижения этой цели изначально оказывались несовместимыми. Вместо экономического процветания – кризис, вместо избавления от

иностранной зависимости – более глубокое внедрение иностранного капитала во все сферы жизни османского государства.

Сознавая свое бессилие противостоять нажиму великих держав, младотурки искали среди них своих союзников, опора на которых помогла бы им отстоять «великую империю». Единства в выборе такого союзника среди иттихадистов не было, хотя большинство выступало за союз с Германией. За него ратовали члены триумвирата, особенно наиболее влиятельные в нем военный министр и начальник генерального штаба Энвер-паша и министр внутренних дел и председатель Центрального комитета партии «Единение и прогресс» Талаат-паша. При решающем содействии Энвер-паши в 1913 г. в Стамбул была приглашена немецкая военная миссия во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. Установление безраздельного военно-политического преобладания Германии в Турции предопределило позицию Стамбула в надвигавшейся мировой войне.

Спасение разваливающейся Османской империи триумвиры видели в завоеваниях. Стратегический план ведения войны был разработан германо-турецким командованием на основе теории пантюркизма, предусматривавшей объединение всех тюркских народов под эгидой Турции. Этот авантюристический замысел младотурецких лидеров включал Закавказье, Кавказ, Нижнее Поволжье, Египет, Крым и Туркестан, которые предстояло завоевать.

ГЛАВА 2

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИРАКА (1914–1932 годы)

2.1. Социально-экономическое и политическое положение в Ираке в годы войны

29 октября 1914 г. Турция, напав на Россию, вступила в мировую войну. С ее началом ряд территорий арабских вилайетов стали ареной военных действий.

Важное место в противоборстве воюющих сторон занял Кавказский фронт, нависавший с севера над Мосульским вилайетом, где на протяжении всей войны русские войска действовали успешно и в 1916 г. подошли вплотную к границам этого вилайета, но здесь они были остановлены: Англия еще задолго до войны поставила задачу взять под свой полный контроль Мосульский вилайет Османской империи, который в британской стратегии занял особое место. Суть этой стратегической линии четко сформулировал лорд Керзон: «Западной границей Индии является река Евфрат. Над долиной последнего господствует тот, кто владеет Мосулом»[1]. Именно по этим соображениям англичане не хотели допустить сюда русских.

Большое значение на ближневосточном театре военных действий имели Синайский (в зоне Суэцкого канала) и Месопотамский фронты, где германо-турецким войскам противостояли англо-индийские части.

Младотурецкие руководители Османской империи рассчитывали на широкую поддержку своих подданных в начавшейся войне.

К священной борьбе с "неверными" призвал мусульман турецкий султан – халиф Мехмед V, объявивший 11 ноября 1914 г. джихад против стран Антанты. Призыв не нашел большого отклика ни в самой империи, ни в других странах ислама. В Ираке шиитское население не признавало духовного авторитета турецкого султана, а потому осталось равнодушным к агитации за джихад[2].

Антивоенный настрой подавляющей части арабского населения сказывался и в армейской среде, в которой никакими усилиями не удавалось пробудить патриотический дух. Неудачу потерпел набор «добровольцев» среди кочевников Ирака: в Киркуке удалось завербовать только 500 человек. Многие из них на призывные пункты не явились. Вовлеченные в арабские кавалерийские иррегулярные части бедуины были ненадежными воинами, часто переходили на сторону англичан или сражались с турками[3]. Широкое распространение получили антитурецкие настроения в арабских частях турецких войск. Массовый характер приняло дезертирство арабских солдат и офицеров, добровольная сдача в плен англичанам. В Ираке в 1916 г. было удалено с фронта большое число арабских солдат, подозревавшихся в неблагонадежности. В апреле 1916 г. в Мосуле вспыхнуло восстание солдат, на подавление которого вызвали войска из Анатолии.

Одной из жертв первой мировой войны суждено было стать курдскому народу. Курдистан и сопредельные территории, на которых обитали курды, стали ареной боевых действий турецкой, русской и английской армий. В течение четырех лет здесь шла маневренная война, сопровождавшаяся огромными человеческими жертвами и материальным ущербом. Каждая из воюющих сторон пыталась использовать курдов и другие народы региона в своих интересах, натравить их друг на друга или на своих противников, что привело к неисчислимым бедствиям населения Курдистана[4].

В своих захватнических планах на Кавказе и в Западном Иране младотурки и турецко-германское командование большие надежды возлагали на широкое использование курдских племен. Из курдов формировались диверсионные отряды, которые провоцировали инциденты на турецко-русской и турецко-иранской границе. Призывая курдов к джихаду, правительственные турецкие эмиссары распро-

страняли среди курдов слухи о даровании им в будущем автономии. Однако ставка на курдов оказалась совершенно несостоятельной[5].

Еще до вступления Турции в войну большинство курдских племен было недовольно мобилизационными мероприятиями турецких властей. В Южном Курдистане им было оказано активное сопротивление. Провозглашение джихада курдами практически не было замечено. Более того, некоторые религиозные авторитеты Курдистана объявили себя противниками джихада. Подавляющее большинство племен руководствовались в своем отношении к воюющим сторонам не религиозными, а сугубо политическими мотивами. Поэтому вклад курдов в военные усилия Османской империи был невелик. Курды не хотели воевать за чуждые им цели, боеспособность курдской конницы стояла на крайне низком уровне в значительной мере потому, что командование не доверяло курдам, недостаточно снабжало их оружием, конями и снаряжением. Курдские формирования были лишены артиллерии и пулеметов. Велик был некомплект лошадей. После первых неудач турок на Кавказском фронте и полного разгрома турецкой армии русскими войсками в начале 1915 г. дезертирство приняло массовый характер, курды просто разбегались по домам. К концу 1915 г. третья армия, противостоявшая русским, насчитывала всего 8–10 тыс. курдов, а численный состав курдских полков уменьшился с 800 до 300 человек. Турецкое командование снимало курдские части с фронта и переводило их в тыл[6].

Среди курдов, состоявших в рядах турецкой армии, неприятие этой войны иногда переходило в форму открытого протеста. Нередки были случаи перехода курдских формирований на сторону России на Кавказском фронте или сдачи в плен без сопротивления. Виднейшие курдские вожди призывали курдов переменить фронт и обратить оружие против Турции[7].

Война пагубно сказалась на экономике Ирака, на положении подавляющей части населения, которому пришлось испытать на себе удвоенное давление: сначала со стороны турок, а затем пришедших в страну англичан.

С первых же дней войны турецкие власти реквизировали для воинских частей продовольствие и фураж, конфисковывали у кре-

стали продукты питания и домашний скот, облагали жителей городов и сел всевозможными налогами и податями.

Разрушительные военные действия привели в негодность многие оросительные системы, что повлекло за собой сокращение посевных площадей. Особенно напряженное положение сложилось в Мосульском вилайете, житнице Ирака, производившей более половины всего зерна страны. Здесь из оборота было исключено до 50% обрабатываемых земель, местное курдское по преимуществу население не имело возможности заниматься нормальной хозяйственной деятельностью. Резко упал сбор сельскохозяйственной продукции, уменьшилось поголовье скота. Глубокий упадок переживала местная промышленность вследствие разрыва традиционных торгово-экономических связей и сокращения импорта оборудования и сырья для местных предприятий.

Население Ирака страдало от нехватки продуктов питания и товаров первой необходимости, цены на которые в годы войны возросли по сравнению с 1911–1912 гг. в 3 – 5 раз. И уже в начале 1915 г. население очутилось перед угрозой голода. Голод и эпидемии чумы, тифа и других инфекционных заболеваний унесли десятки тысяч человеческих жизней. За зиму 1917(18 г. в одном только Мосуле умерло от голода и болезней около 10 тыс. человек. К концу войны многие районы страны обезлюдили. Произвол турецких властей, неуклонное ухудшение условий жизни иракцев вызывали рост недовольства в стране, затронувшего практически все слои населения, включая шейхов племен и мусульманское духовенство. Племена совершали нападения на турецкие воинские посты, коммуникации и караваны.

Напряженной была внутриполитическая ситуация в Ираке. Уже в начале 1915 г. происходили стихийные антиправительственные выступления. Главным требованием иракцев было прекращение войны. В 1915–1916 гг. выступления против произвола турецких властей имели место в священных шиитских городах Неджефе и Кербеле.

В апреле 1915 г. большое число дезертиров-арабов укрылось в Неджефе. В мае турки попытались их захватить, нарушив тем самым право убежища, которым пользовался этот священный город шии-

тов. В ответ на это население Неджефа восстало, турки были окружены, правительственные здания сожжены, турецкие чиновники бежали из города. В июне 1915 г. произошли столкновения турецких войск с населением других иракских городов.

Через год, в апреле-июне 1916 г., антиправительственные выступления вновь охватили Неджеф, а также Кербелу и Хиллу. Не сумев овладеть этими городами, турецкое командование подвергло Кербелу многочисленному артиллерийскому обстрелу, в результате которого было разрушено и повреждено много шиитских священных памятников. Зверства, учиненные турецкими властями осенью 1916 г. в Неджефе и Хилле, казнь сотни жителей, в том числе муджтахидов, поставило высшее шиитское духовенство в непримиримую оппозицию турецкому правительству[8].

На протяжении всей войны практически не прекращались волнения в курдских районах. Весной 1917 г. вспыхнуло восстание в Мосульских горах. В районе Сулеймании поднялся один из авторитетных лидеров курдов, известный своим противостоянием произволу турецких властей, Махмуд Барзанджи, установивший контакты с шерифом Мекки Хусейном бен Али, боровшимся против турок в Хиджазе.

Подъем массового антитурецкого движения активизировал деятельность иракских националистов, выступивших в годы войны за освобождение арабских стран от турецкого ига, делая при этом ставку главным образом на страны Антанты. В Ираке «Либеральный комитет», тесно связанный с различными иностранными миссиями, в конце 1914 г. вел переговоры с английскими властями в Египте о военной и политической поддержке восстания в Ираке и Северной Аравии, направленного на создание единого независимого арабского государства. Определенного ответа от англичан не последовало.

Турецкие власти разгромили в Багдаде «Либеральный комитет» и жестоко преследовали другие организации националистов. Сотни иракцев были арестованы, многие из них казнены.

Присоединение Османской империи к Центральным державам дало Англии повод к началу военных акций в зоне Персидского залива и на юге Месопотамии. Еще до официального вступления Турции в войну, 15 октября 1914 г., на Бахрейнские острова из Индии

была переброшена английская пехотная дивизия и были подтянуты крупные военно-морские силы. Лондон ставил перед собой задачу как можно скорее установить свой политический контроль над тремя восточными арабскими вилайетами Османской империи. 23 октября англо-индийские войска заняли порт Фао, 22 ноября – Басру, в декабре 1914 г. им сдалась Курна. В руках англичан оказался весь Южный Ирак. В первой половине 1915 г. они прочно укрепились в зоне Персидского залива и реки Шатт аль-Араб.

Далее англичане развернули наступление вдоль Тигра, в направлении Багдада, но операция 1915 г. закончилась для них неудачей. Встретив ожесточенное сопротивление турок в районе Ктесифона, войска под командованием генерала Таунсхенда отступили к Кут аль-Амаре, где были окружены 6-й турецкой армией и после 147-дневной осады сдались в плен 29 апреля 1916 г. За пять месяцев осады английский гарнизон понес большие потери убитыми, ранеными и умершими от болезней. Туркам сдалось около 10 тыс. человек, в том числе пять генералов[9].

Затягивавшаяся война и неудачи на отдельных фронтах, в частности, Галлиполийском и Месопотамском, с которыми столкнулись англичане на начальном этапе войны, побуждали Великобританию привлекать на свою сторону нетурецкие народы Османской империи. Рост антитурецких настроений среди арабских националистов Лондон использовал в собственных интересах.

Параллельно с ведением военных действий, в ходе которых Англия в 1915 г. прочно укрепилась на юге Месопотамии, ее политики и дипломаты проявляли большую активность в достижении договоренностей со своими союзниками Францией и Россией о разделе Османской империи.

В самые первые дни войны страны Антанты в своих заявлениях не оставили сомнений относительно судьбы территорий Турции. Конкретные интересы и планы союзников поначалу не имели четких очертаний, они выявлялись в дальнейшем в ходе переговорного процесса в 1915–1916 гг. Сам этот достаточно сложный, отражавший глубокую противоречивость интересов его участников процесс принял затяжной характер, он проходил в несколько этапов, содержание каждого из которых, равно как и позиции сторон по обсуж-

давшимся вопросам, определялись в значительной мере состоянием дел на фронтах войны.

Переговоры держав Антанты о разделе Азиатской Турции начались по инициативе Франции в январе 1915 г., но тогда против них выступила Англия: действуя единолично на турецко-азиатских фронтах, она стремилась прежде упрочить свои военно-политические позиции в Ираке.

Затягивавшаяся война и неудачи на отдельных фронтах, в частности, Галлиполийском и Месопотамском, с которыми столкнулись англичане на начальном этапе войны, побуждали Великобританию привлекать на свою сторону нетурецкие народы Османской империи – арабов, курдов и других. Рост антитурецких настроений среди арабских националистов Лондон использовал в собственных интересах. Наибольшего успеха в этом последнем вопросе Англия сумела добиться в установлении контакта с семейством шерифа священного для всех мусульман города Мекки Хусейном бен Али.

Хиджаз был одним из районов жесткой оппозиции османским властям. Шериф Хусейн выдвинул идею создания арабского государства – халифата, которое включило бы в себя все азиатские арабские территории, кроме крайнего юга Аравийского полуострова. Этими намерениями решили воспользоваться англичане. С июня 1915 до февраля 1916 г. между семейством Хусейна и верховным комиссаром Англии в Египте Мак-Магоном велись переговоры (в форме переписки) о взаимодействии обеих сторон в борьбе с турками. Переговоры были непростыми. Хусейн пытался отстаивать свои позиции, но постепенно был вынужден идти на уступки англичанам, что в конечном счете привело к достижению соглашения "Мак-Магон – Хусейн», по которому шериф Мекки выразил свою готовность начать вооруженную борьбу против турок в обмен на обещание Англии поддержать намерение Хусейна создать арабское государство – халифат под его эгидой. Англичане идею создания арабского халифата поддержали, но вопрос об определении его территории сочли преждевременным, поскольку война продолжалась и следовало дождаться ее окончания[10].

После того, как англичане добились значительного военного успеха в Южном Ираке, а в переговорах с Хусейном обозначилось

сближение позиций сторон, активизировались контакты стран Антанты, завершившиеся достижением секретного англо-франко-русского соглашения 1915 г. о проливах, предусматривавшее включение Константинополя и Черноморских проливов в состав Российской империи. Это было первое из тайных соглашений о разделе Турции.

К следующей фазе переговоров союзники приступили в конце 1915 г. в условиях неоднозначно изменившегося военно-политического положения на Ближнем Востоке. Факторами, которые определяли ситуацию на этом этапе войны, стали поражение союзников на Галлиполийском полуострове, а английских войск – на Месопотамском фронте, что свидетельствовало о приобретении войной затяжного характера. В то же время, фактически завершив переговоры с Хусейном, англичане получили прочную основу для торга с французами о будущем статусе арабских стран. Сами же англичане были серьезно обеспокоены успехами русских войск на Кавказском фронте, которые, развивая в 1916 г. наступление, подошли вплотную к Северной Сирии и Верхнему Ираку. Эти события ускорили принятие Англией и Францией решений о разделе арабских территорий. Россия в этом дележе не участвовала: ее интерес был связан с Константинополем и проливами, а также с некоторыми территориями в Закавказье и Турецкой Армении.

В итоге переговоров, которые в конце 1915 – начале 1916 гг. вели бывший генеральный консул Франции в Бейруте Франсуа Жорж-Пико и эксперт по ближневосточным делам Англии Марк Сайкс, был подготовлен проект раздела Азиатской Турции. После согласования его с Россией проект 16 мая 1916 г. был оформлен как «Соглашение Сайкс-Пико», определившее судьбу арабских территорий Османской империи[12].

В соответствии с этим документом Ирак делился между Англией и Францией. Южная часть Багдадского вилайета и Басорский вилайет отходили в полное владение Англии. Северный Ирак становился зоной влияния Франции. Это секретное соглашение, нарушавшее обещания, данные Англией арабам в соответствии с договоренностями Мак-Магона–Хусейна, англичанами не рассматривалось как окончательное.

Восстание в Хиджазе началось 5 июня 1916 г. Это было самое крупное за всю первую мировую войну антитурецкое выступление. Во главе племенного ополчения стояли сыновья Хусейна, в том числе эмир Фейсал, которому в дальнейшем суждено было сыграть заметную роль в политической жизни Ирака.

Активное участие в этом восстании, в формировании хиджазской регулярной армии приняли иракцы. В августе 1916 г. в Хиджаз прибыла первая группа арабских офицеров, служивших в турецкой армии и взятых в плен англичанами. Руководителем этой группы, приступившей к военному строительству в Хиджазе, а затем начальником штаба хиджазской армии англичане поставили иракца Нури Саида, экс-офицера штаба турецкой армии, установившего еще до войны тесный контакт с английской разведкой и остававшийся самым надежным защитником интересов Британии в Ираке вплоть до революции 1958 г.

Начало восстания в Хиджазе и военные действия повстанцев против турецких войск послужили дополнительным импульсом антитурецких настроений и вызвали новый подъем национально-освободительного движения в Ираке. Повсеместно развернулась агитация за оказание помощи Хусейну и за присоединение к хиджазским повстанцам.

Турецкие власти, стремясь предотвратить революционный взрыв в иракских вилайетах, усилили репрессии против уцелевших националистов. По решению военных судов в Ираке тысячи людей были казнены, посажены в тюрьмы или высланы в концлагеря, расположенные в пустыне.

Напряженная обстановка сложилась также в Северном и Центральном Ираке. Под влиянием хиджазского восстания многие племена совершали систематические нападения на турецкие коммуникации между Мосулом и Багдадом. Угрожающее для турок положение сложилось осенью 1916 г. на Евфрате, где не прекращались восстания племен. Население городов Мосульского и Багдадского вилайетов открыто сочувствовало восстанию мекканского шерифа и оказывало помощь племенам, выступавшим против турок.

Волнения племен Северного и Центрального Ирака усиливались по мере продвижения английских войск на север. В апреле 1917 г. в

районе Сулеймании местные шейхи, установив контакт с англичанами, начали нападать на турецкие посты. В августе из турецкой армии дезертировало около 12 тыс. бедуинов. В итоге турецкое командование осталось без арабских и курдских иррегулярных войск, значительная часть которых обратила свое оружие против турок.

На занятых англичанами территориях иракцы также восприняли восстание в Хиджазе как сигнал к развертыванию борьбы за национальные права, но английские власти принимали меры для сдерживания таких устремлений. Они сознательно препятствовали распространению известий о хиджазском восстании, заботясь прежде всего об обеспечении собственных интересов в арабских вилайетах Османской империи. Однако весть о восстании в Хиджазе очень быстро разнеслась по всему арабскому миру.

Антитурецкие восстания в Ираке в 1916–1917 гг. развивались стихийно: арабские политические организации были разгромлены., их уцелевшие участники вынуждены были скрываться и не могли руководить национально-освободительной борьбой. Антитурецкое движение в Ираке испытывало также большие трудности из-за нехватки оружия, боеприпасов, снаряжения. Ослабляло его и отсутствие – в силу самого характера иракского населения – согласованных действий против турецких властей. Тем не менее, борьба народов Ирака вносила свой вклад в углубление кризиса османского господства в арабских странах и окончательное военное поражение империи в мировой войне.

Значимость хиджазского восстания в крушении турецкого господства в арабских странах вынуждены были признать сами англичане. Ллойд Джордж, премьер-министр Великобритании (1916–1922 гг.), писал, что арабское восстание "оказало решающее влияние на исход кампании в Палестине… Арабы получили право утверждать, что они оказали несомненную помощь английским войскам в победе над турками и в окончательном их изгнании из арабских областей турецкой империи».[13]

К концу 1916 г. ситуация на Месопотамском фронте изменилась в пользу англичан. Сосредоточив здесь 160–тысячную армию, английское командование развернуло генеральное наступление. 17 марта 1917 г. английские войска заняли Багдад. В мае 1917 г. британ-

ское правительство конфиденциально известило военные власти в Ираке, что в соответствии с соглашением «Сайкс-Пико» в Басорском вилайете предполагается установить британский режим и назначить туда верховного комиссара, в Багдадском вилайете – арабский режим под британским протекторатом и в Мосульском вилайете – автономный арабский режим под французским протекторатом. В соответствии с этой инструкцией английская администрация начала создавать в контролируемых районах Ирака колониальные порядки, привлекая к управлению феодальную и религиозную верхушку иракского общества.

Англичане, планировавшие дальнейшее продвижение на север, вплоть до установления своего контроля над всем Мосульским вилайетом, вступили в контакт с наиболее авторитетными курдскими вождями. Многочисленная английская агентура в 1917 – 1918 гг. вела усиленную пропаганду среди курдских и арабских племен. Некоторых из них ей удалось привлечь на свою сторону, в том числе Махмуда Барзанджи. Будущий первый гражданский комиссар Англии в Ираке Перси Кокс вел в июне 1918 г. в Марселе переговоры с генералом Шериф-пашой о создании курдской автономной провинции. Англичанам удалось обеспечить себе поддержку или лояльный нейтралитет большинства курдских племен Месопотамии, что облегчило захват всей страны, особенно при продвижении на Мосул в ноябре 1918 г.[14]

Летом 1918 г., продвигаясь на север, англо-индийские войска оккупировали Киркук – город со смешанным населением: большую его часть составляли курды. Кроме них, здесь компактно селились туркоманы и арабы. Под Киркуком была разгромлена 6-я турецкая армия. Взятие английскими войсками Киркука в мае 1918 г. вначале получило широкую поддержку курдского населения этого района. Англичане, стремившиеся как можно дальше продвинуться на север, полностью овладеть богатым нефтью и стратегически важным Мосульским вилайетом, вели большую пропагандистскую работу среди курдских племен, щедро раздавая обещания, подкупая племенных вождей, что облегчило им продвижение на Мосул в конце кампании осенью 1918 г.

Полное истощение сил Центральных держав, следовавшие одно за другим поражения турецких войск на Ближнем Востоке заставили османское государство просить о перемирии, которое и было подписано в Мудросе 30 октября 1918[15] г.

Под предлогом разоружения турецких гарнизонов, предусматривавшегося условиями перемирия, английское командование 8 ноября 1918 г. в нарушение закрепленных условиями перемирия положений о прекращении военных действий и сохранении воинских подразделений на линии их дислокации на 30 октября отдало приказ о наступлении на Мосул, потребовало от турецкого командования капитуляции и вывода всех османских войск из вилайета. Протест губернатора, его заявление о том, что Мосул не является частью Месопотамии, не возымели никакого действия. Он вынужден был подчиниться, турецкие войска были выведены в конце ноября 1918 г., а линия перемирия отодвинута на север[16]. Оккупацией Мосульского вилайета завершается завоевание англичанами большинства иракских провинций, хотя в ряде ключевых районов они к тому времени еще не смогли установить свой контроль. Это касалось горных районов Курдистана, граничащих с Ираном и Турцией[17]. Упрочив к концу войны свои военно-политические позиции, Лондон в нарушение положений соглашения «Сайкс-Пико» установил свой полный контроль над всеми тремя восточными арабскими вилайетами Османской империи, из которых после окончания войны и было образовано государство Ирак.

Население трех иракских провинций по-разному отнеслось к появлению англичан. Городские власти Басры очень скоро нашли общий язык с английской администрацией: купечество зоны Персидского залива имело давние связи с Англией. В течение примерно 50 предшествовавших лет морское и коммерческое присутствие Великобритании в данном регионе стало преобладающим, и наиболее именитые купцы Басры оказались связанными как посредники с английскими торговыми домами, которым при этом они не создавали никакой конкуренции. Это укрепляло коммерческие позиции Англии в Месопотамии. Накануне первой мировой войны она контролировала около 2/3 неуклонно возраставшего объема импорта и примерно половину экспорта, осуществлявшихся через Басру. По-

этому переход здесь власти к англичанам местным купечеством был воспринят относительно спокойно. Осложнения, возникавшие в связи с проводившимися военными властями реквизициями, благополучно разрешались[18].

В шиитских районах Среднего и Нижнего Евфрата ситуация складывалась иначе. После поражения турецких войск в апреле 1915 г. под Шуайбой в Неджефе и Кербеле вспыхнули восстания против турецких властей, имевшие общую широкомасштабную антитурецкую направленность, хотя вызывались они зачастую конкретными местными факторами. Но эти выступления вовсе не были направлены на поддержку военных усилий англичан. Лидеры восстания намеревались добиться от турецких властей предоставления обоим священным городам большей степени административной самостоятельности. Позже, в начале 1918 г., через несколько месяцев после установления англичанами своего контроля над Неджефом и Кербелой в Неджефе было создано «Общество исламского возрождения» («Джамийя ан-Нахда аль-Исламийя»), объединившее местную аристократию, духовенство и шейхов племен. Их официально заявленной целью была защита ислама от «неверных» (англичан), но члены общества выступали также против жесткого административного контроля, установленного англичанами над городом, и против британских выплат фонда Од (Oudh Bequest).[19] В накалившейся до предела обстановке был убит английский чиновник, что моментально привело к блокированию Неджефа и установлению еще более жесткого английского контроля над священным для шиитов городом.[20]

В Багдаде по мере продвижения английских войск к центру Ирака в 1915 г. аристократия и члены арабского тайного общества «Аль-Ахд» обсуждали вопрос о возможности выступления против турецких властей. Сомнения в целесообразности такой акции высказывали представители наиболее авторитетных семей города, которые к тому времени не имели четко определенной линии будущих взаимоотношений с англичанами, да и турецкая власть на тот момент еще обладала довольно значительной силой, способной дать отпор любому вызову. Некоторые члены арабского тайного общества «Аль-Ахд» – офицеры турецкой армии, дезертировавшие и сда-

вавшиеся в плен англичанам, заявлявшие о своей готовности служить «делу арабов», были настроены к Англии вполне лояльно. Но до начала Хиджазского восстания в 1916 г. каких-либо серьезных акций ахдисты не предпринимали.[21] Установление полного контроля над тремя восточными районами Османской империи – Басорским, Багдадским и Мосульским вилайетами – дорого обошлось Великобритании. С 1914 г. до момента подписания Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. численность солдат и офицеров англо-индийской армии возросла с 16 тыс. до 408 тыс. В ходе боев за Ирак потери англичан составили более 31,5 тыс. убитыми и около 66,5 тыс. ранеными. Иракская военная кампания обошлась Англии в 150 млн ф. ст.[22].

Победа Англии и ее союзников в войне и распад Османской империи создали благоприятную почву для появления иллюзий об «освободительной» миссии европейских держав на Ближнем Востоке. «Когда англичане вошли в Ирак, – пишет арабский историк Амин Саид, – его население по-дружески их встретило и оказывало им поддержку, считая их друзьями и союзниками»[23]. Однако очень скоро иракцы поймут истинные устремления этих "друзей", оказавшиеся слишком далекими от надежд жителей Месопотамии, как и всех других арабских территорий.

2.2. Ирак в период британской оккупации (1918–1922)

Занимая территории Месопотамии, англичане были озабочены вопросами обеспечения общественного порядка на местах и, соответственно, созданием такой управленческой структуры, которая была бы в состоянии решать эту задачу. За образец они взяли многое из того, что уже было накоплено их опытом управления в Индии.

Вся полнота власти в Ираке принадлежала английским офицерам, представителям Политического департамента Индии, прошедшим большой путь колониального управления. Во главе оккупационной администрации стоял главнокомандующий британскими войсками в Ираке.

На оккупированных англичанами территориях вместо турецкой создавалась новая административная структура, основанная на принципе прямого управления. Месопотамия была разделена на политические округа во главе с «политическими офицерами», подчинявшимися главнокомандующему британскими войсками в Ираке (позже верховному комиссару). Новый гражданский и уголовный кодекс, скопированный с англо-индийского законодательства и введенный в 1916 г., заменил старые турецкие законы. Индийская рупия стала средством обмена. Армия и полиция комплектовались из индусов. В 1917 г. в гражданской администрации находилось 59 английских офицеров. К 1920 г. их было уже 1022. На высших постах в администрации арабы составляли менее 4%. К 1920 г. англичане усилили свою власть в Ираке.

Оккупируя Ирак, англичане, так же как и турецкие власти, изымали у местного населения продовольствие и фураж. Около 90 тыс. иракцев было мобилизовано английским командованием в «трудовые корпуса». Налоги в английской зоне оккупации возросли примерно в 2,5 раза по сравнению с 1911–1912 гг., что усугубляло и без того бедственное положение подавляющей массы населения страны и все чаще сопровождалось переориентацией иракцев с антитурецких настроений на антианглийские.

В этих условиях английские власти стали привлекать к управлению часть иракской феодальной и религиозной знати, лояльность которой обеспечивалась раздачей денежных субсидий, чинов, орденов, выгодных должностей в местной администрации, а также законодательным закреплением экономических, политических и судебных привилегий племенной знати. Первым документом такого рода стали изданные еще в 1916 г. «Положения об урегулировании племенных, гражданских и уголовных конфликтов», предоставившие родоплеменной элите неограниченную судебную власть и право решать все конфликты в зоне ее влияния. Шейхи получили возможность расширять свои владения и принуждать крестьян к их обработке[24]. Племенные шейхи служили опорой английской администрации на местах. Англичане избирали наиболее влиятельного шейха, наделяли его титулом «мудир» (глава провинции), назначали ему субсидию[25]. На шейхов возлагалась ответственность за соблюдение

законов и обеспечение порядка, за сбор налогов, при этом часть из собранных податей они могли оставить себе[26]. В случае необходимости их снабжали оружием. Наибольший эффект эти меры оккупационных властей дали в долине Тигра, где англичанам удалось создать для себя мощную политическую опору. Эта политика, распространенная не только на арабские, но и на курдские племена, усилила власть шейхов над их соплеменниками и их землей. Поставив часть феодальной знати под собственный контроль, оккупационные власти тем самым сняли с себя значительную долю бремени расходов.

Первыми шагами англичан в области аграрного законодательства было издание «Прокламации о приобретении земель», на основании которой они «приобрели» земли под строительство порта Басра, затем – в районе Багдада. «Приобретение» на практике свелось к реквизиции государственных и частных земель под строительство военных и экономических объектов, а также для «общественных» и «гражданских» нужд[27].

В 1919 г. был издан циркуляр, провозгласивший основы английской аграрной политики в Ираке, которая предусматривала «не создание новых, а уточнение уже существовавших прав на землю». Был проведен кадастр, узаконивший экспроприацию и превращение в частную собственность общинных земель шейхами, торговцами, ростовщиками и чиновной бюрократией[28]. Английская аграрная политика, продолжив начатый еще в период танзимата процесс закрепления земли за арабской племенной и городской знатью, ускорила формирование особой социальной группы – крупных земельных собственников, которые стали опорой колониального режима в период британского мандата, а в независимом Ираке – политической силой, державшей в своих руках все рычаги власти вплоть до революции 1958 г. При этом англичане, используя верховное право государства на землю, специальными декретами выборочно раздавали обширные земли не имевшим наделов шейхам, зачастую отбирая эту землю у других, что, естественно, порождало межклановую вражду, усиливая и без того накаленную обстановку в стране. Зависимость рядовых соплеменников – крестьян и кочевников – от “своих” шейхов существенно усилилась в 1919 г. с началом реализации положе-

ния об урегулировании племенных споров по гражданским и уголовным делам (Tribal Civil and Criminal Dispute Regulation Act) институциализировавшего племенное и обычное право. В 1924 г. этот "Акт" стал законом. Англичане пошли еще дальше в усилении власти шейха над его соплеменниками. Опираясь на положения "Акта», они подбирали "подходящих» племенных лидеров и определяли их как "государственных шейхов", предоставив им право решать споры по земельным вопросам, а также собирать налоги от имени государства[29]. Эти меры оккупационных властей усугубляли и без того напряженную обстановку практически во всем Ираке.

Стремясь к упрочению своих позиций в Ираке, британские военные власти делали вначале ставку на курдов, на их племенных вождей. Эти действия англичан в курдских районах были первой попыткой ввести косвенное управление в Ираке, за что выступала часть британских чиновников, но при этом назначенные местные «правители» находились под жестким контролем английских властей[30].

Действия англичан в Ираке негативно сказались на положении практически всех социальных слоев и групп иракского общества, что вызывало еще до окончания войны массовое стихийное движение, к которому постепенно примыкали представители патриотически настроенных кругов буржуазии, интеллигенции, духовенства, феодалов, имевших свои собственные причины быть недовольными порядками, вводившимися оккупационными властями. В марте-мае 1918 г. антианглийское восстание подняли жители городов Среднего Евфрата, во главе которого встало «Общество исламского возрождения».

В июне 1919 г. группа иракских офицеров направила британскому Форин Офис меморандум, требуя немедленного создания национального правительства в Ираке.

Ведущую роль в политической жизни Ирака вплоть до революции 1958 г. играли представители первого поколения иракских националистов, выходцы из состоятельных арабских суннитских семей. Некоторые заявили о себе еще до первой мировой войны, но в активную политическую деятельность включились после ее окончания. Лидеры иракского национального движения были представлены

высшими офицерами турецкой армии и гражданскими лицами. Крушение турецкого господства они воспринимали как предпосылку создания независимого иракского государства. Однако в подходе к выбору тактики обретения суверенитета среди руководителей движения не было единства. Это нашло свое отражение, в частности, в идеологии и деятельности двух основных политических организаций, появившихся в Ираке после первой мировой войны.

Общество «Страж независимости» («Харас аль-Истикляль»), созданное в 1919 г., объединило в своих рядах столичную интеллигенцию, торговцев, владельцев предприятий, часть богословов и родоплеменной знати района Среднего Евфрата. Большинство его членов составляли гражданские лица, в том числе шииты[31]. Общество выступало за предоставление Ираку полной независимости. Путь к достижению поставленной цели его лидеры Джафар Абу ат-Тимман, Мухаммед ас-Садр, Юсеф ас-Сувейди и др. видели в переговорах с англичанами. Однако, убедившись в бесперспективности избранного курса, перешли к вооруженной борьбе против английской оккупации. «Свобода не даруется, она завоевывается», – таков был лозунг этого общества.

Общество «Иракский завет» – «Аль Ахд аль-Иракий» было основано в 1918 г. Его возглавили те, кто составлял ядро ранее созданной общеарабской организации «Аль-Ахд» и принимал активное участие в Хиджазском восстании. Большинство из них входили в военный штат администрации эмира Фейсала, сына шерифа Мекки Хусейна бен Али, в период его непродолжительного губернаторства в Дамаске (1918–1920). Подавляющая часть членов общества была представлена офицерами – суннитами. «Аль-Ахд аль-Иракий» так же, как и «Харас аль-Истикляль», выступало за независимость Ирака, в рамках которого, как полагали его лидеры, должны были быть объединены все три османские провинции – Басорская, Багдадская и Мосульская. Многие из них верили в то, что в достижении поставленной цели им поможет Англия, и поэтому выступали за развитие тесных связей с Великобританией. В этом вопросе они расходились со своими коллегами, находившимися в самом Ираке, которым уже довелось непосредственно познакомиться с английской властью и испытать на себе последствия установления прямого английского

правления, лишившего многих бывших офицеров и государственных служащих работы или полностью разоривших их налоговыми обложениями[32].

Эти различия во взглядах проявились и в рядах ахдистов. В частности, один из видных руководителей Общества Ясин аль-Хашими, начальник штаба в армии эмира Фейсала, относился к политике Англии в Ираке с большой долей настороженности.

Оба общества выражали интересы имущих слоев арабской части населения Ирака, для которых были характерны шовинистические настроения в отношении курдского народа и других национальных меньшинств страны.

К концу первой мировой войны входивший в Мосульский вилайет Южный Курдистан переживал глубокий экономический кризис: слаборазвитая экономика этого района, подорванная политикой османских властей в годы войны и сменившей турок английской оккупационной администрацией, поставили население региона на грань выживания. В разных местах вспыхивали бунты, вызывавшиеся крайне тяжелым экономическим положением.

Англия же, стремясь к реализации своей стратегической задачи – установлению безраздельного контроля над всем Ираком с включением в него Мосульского вилайета была крайне заинтересована в привлечении на свою сторону вождей курдских племен, которым раздавались щедрые обещания поддержки в достижении курдами независимости в форме автономии и даже самостоятельного государства. Английская администрация вынуждена была мириться с самостоятельностью ряда курдских районов. Вожди курдских племен назначались главами местной администрации – губернаторами[33].

В соответствии с разработанной программой англичане 1 ноября 1918 г. назначили представителя влиятельной религиозной курдской семьи Махмуда Барзанджи, с которым к этому времени они уже установили контакт, хукумдаром (правителем) Сулеймании Сулеймании провинции. Действия английских властей были первой попыткой ввести косвенное управление в Ираке, за что выступала часть британских чиновников, но при этом назначенные местные «правители» находились под жестким контролем английских властей.

В задачу прибывшего в Сулейманию политического офицера майора Ноэля входило наведение «порядка» в курдских районах, установление «приемлемой народом временной системы правления», создание у местного «населения впечатления благосклонного отношения Англии к стремлению курдов к национальной независимости и таким образом создать благоприятные условия для утверждения здесь влияния Англии.[34]

1 декабря 1918 г. в Сулейманию для встречи с курдскими лидерами прибыл верховный комиссар в Ираке Арнольд Вильсон, где ему Махмуд Барзанджи представил подписанный сорока курдскими вождями «как представителями курдского народа» документ, в котором они обратились «к правительству его величества с просьбой предоставить возможность курдскому народу пройти путь мирного развития под британской опекой…»

И в ходе этой встречи и непосредственно после нее очевидным было несовпадение целей английских военно-политических властей и лидеров курдского движения. В действиях Махмуда Барзанджи английские власти все отчетливее обнаруживали «амбициозные устремления выйти за рамки отведенных ему полномочий», взять под свой контроль весь Мосульский вилайет и создать самостоятельное государство. Англичане стали ограничивать сферу действий Махмуда Барзанджи, изымая из-под его контроля отдельные территории и используя при этом междоусобную борьбу курдской племенной знати. Махмуд Барзанджи не был общепризнанным лидером всех курдов Южного Курдистана, у него было много соперников в лице глав ряда курдских знатных семейств, также претендовавших на лидирующие политические позиции. Но британская гражданская и военная администрация с самого начала контактов с курдами стремилась ограничить их самостоятельность и права, подчинить их действия своим планам и интересам. Шейх Махмуд очень скоро понял, что «самоуправление курдов» носит формальный характер и что он лишен возможности действовать самостоятельно, поскольку все важнейшие вопросы решались английскими политическими офицерами. Поэтому уже в 1918 г. между английскими войсками и курдскими племенами Ирака возникали вооруженные конфликты. С конца 1918 г. в курдских районах, особенно в Сулеймановском и Мосуль-

ском, нарастала напряженность, вызывавшаяся прежде всего бедственным положением широких крестьянских и городских масс, межклановой борьбой знати и усугублявшаяся действиями английских оккупационных властей, затрагивавшими национальные чувства курдов, ущемлявшими их человеческое достоинство, беспощадно разрушавшими их памятники культуры. «Оккупанты-офицеры, даже высокопоставленные чины, избивали арабских и курдских стариков и детей», – писал арабский историк Махмуд Мусли. Крестьянские массы, которые вначале наивно верили, что англичане ограничат в отношении к ним деспотическую власть племенных вождей, разочаровывались[35]. Недовольство усиливали также меры английской администрации, направленные на ограничение прав местного самоуправления. Столкнувшись с проявлениями недовольства, с бунтами, вспыхивавшими по всему Курдистану, многие представители английского руководства в Ираке усомнились в правильности выбора косвенной формы управления, и было принято решение установить в Сулеймании такой же порядок, как и на других оккупированных территориях.

Волнения курдских народных масс весной 1919 г. переросли в восстание. В апреле 1919 г. вооруженное восстание против англичан подняло племя гоян в районе Захо. Тогда же восстали курды района Барзан под руководством Ахмеда Барзани. Махмуд Барзанджи, убедившись в своей полной зависимости от англичан, 23 мая 1919 г. присоединился к восставшим, атаковал со своими вооруженными отрядами резиденцию английского политического комиссара в Сулеймании Гринхоуза, арестовал его со всем личным составом и провозгласил в мае 1919 г. независимость Южного Курдистана.

В состоявшемся между английскими войсками и силами Махмуда Барзанджи сражении курды потерпели поражение. Англичане заняли Сулеймании. Махмуд Барзанджи был арестован и выслан в Багдад. Восстание потерпело поражение. Попытка добиться какой-либо формы самоопределения Курдистана не удалась. В этих событиях отчетливо проявились те факторы, которые определили на последующие десятилетия состояние курдского движения в Иракском Курдистане, как, впрочем, и в других частях разделенного Курдистана, и которые в известной мере дают о себе знать и сегодня. В их

числе раздробленность, разобщенность курдов в пределах районов их расселения, распри между курдской элитой, локальность выступлений, сепаратизм, отсутствие четкого представления у курдских лидеров о политических целях движения и, конечно, военно-техническое превосходство власти, будь она английской – оккупационной и мандатной – или иракской «национальной», над плохо вооруженными племенными отрядами курдов. Применение авиации для усмирения непокорных курдов вошло в арсенал средств расправы с ними уже с 1918 г.

Несмотря на поражение, курдское восстание 1919 г. послужило прологом к мощному национально-освободительному движению иракского народа 1920 г., в котором участвовали и арабы, и курды. Вместе с тем шовинистическая позиция арабских националистов, возглавивших восстание 1920 г., и сепаратизм курдских вождей стали преградой на пути объединения усилий двух народов в освободительном движении. Такое положение сохранялось и в последующие десятилетия. Причина этого кроется в том, что идея самоопределения курдов, равно как и любого другого меньшинства, была абсолютно неприемлема для лидеров набиравшего силу арабского национализма, нацеленных на установление своего безраздельного контроля над всей территорией страны.

2.3. Восстание 1920 года. Установление британского мандата в Ираке

К началу 1920 г. политическая ситуация в Ираке резко обострилась. Недовольство политикой британских властей, требование предоставления Ираку независимости охватило все слои населения страны. Это требование выдвинули и ахдисты, собравшиеся на свою встречу 8 марта 1920 г. в Дамаске. В этих условиях решение Верховного совета Антанты в Сан-Ремо в апреле 1920 г. о передаче Ирака под мандат Великобритании вызвало в стране взрыв возмущения. В мае и июне 1920 г. в Багдаде и других городах и районах страны проходили митинги и демонстрации, переросшие в июле во

всеобщее антианглийское восстание, которое быстро охватило почти всю страну.

Основную массу повстанцев составляли крестьяне Среднего Евфрата, имевшие многолетний опыт борьбы против турецких властей. Возглавили восстание шейхи племен, феодалы, чьи интересы были ущемлены аграрной политикой англичан, а также религиозные лидеры шиитов. В стороне от восстания остались районы Тигра: шейхи, получившие здесь землю из рук англичан, препятствовали «своим» крестьянам присоединиться к движению.

Подготовкой вооруженной борьбы занимался Комитет восстания («Мактаб ас-Саура»), созданный руководителями общества «Страж независимости».

В восстании приняло участие более 130 тыс. человек. Здесь впервые за всю историю Ирака произошло взаимодействие суннитов и шиитов. Огромную роль в привлечении племен к восстанию сыграли шиитские богословы. Религиозным лидером шиитов в событиях 1920 г. стал Мирза Мухаммед Таки аль-Ширази.

На решение муджтахидов призвать шиитов к участию в восстании во многом повлияла политика Англии в Ираке и в соседнем Иране, ущемлявшая экономические интересы улемов и пытавшаяся с начала оккупации контролировать поступавшие в Ирак из Ирана финансовые средства. В случае установления англичанами полного контроля над доходами муджтахиды утрачивали большую часть своей независимости и влияния на местное население. Муджтахиды совместно с сейидами развернули широкую антианглийскую агитацию в среде оседлых и кочевых племен, призывая их к борьбе «во имя Аллаха».

Одним из важнейших аспектов политического развития Ирака накануне восстания 1920 г. было достижение договоренности между муджтахидами и сторонниками шерифа Хусейна – суннитами о совместных действиях под лозунгом создания «арабо-исламского государства, возглавляемого арабским эмиром, власть которого должна быть ограничена законодательным собранием». В соглашение о достижении единой цели вступили стороны, принципиально отличавшиеся друг от друга, каждая из которых имела собственные устремления и по-своему трактовала «общий» лозунг. Лидерами муд-

ахидов в то время были известные и авторитетные иранцы, такие как Мухаммад Казим Хорасани, Абдалла Мазандарани, Абу аль-Хасан Исфагани, Мухаммад Хусейн Наини, Мухаммад Фирузабади, возглавлявшиеся Мирза Мухаммедом Таки Ширази. В эту когорту входили и знатные муджтахиды-арабы, но верхнее звено составляли иранцы. Вытеснение Англии они связывали с установлением своего безраздельного контроля над развитием политического процесса в Ираке. Сунниты, в свою очередь, полагали, что поставленная задача открывала перед ними возможность обрести реальную власть, путь к которой пролегал через назначение одного из сыновей шерифа Хусейна королем Ирака. Поскольку обе стороны были заинтересованы в разжигании антианглийских настроений в широких кругах населения страны, имевшиеся между ними противоречия были на время забыты, а сложившийся между двумя группами альянс привел в итоге шиитов и суннитов к совместному участию в политической борьбе[36]. Договоренности о единстве действий против установления в Ираке мандатного режима были достигнуты в Неджефе, Кербеле, Казымийе и Багдаде. Большую роль в сплочении шиитов и суннитов сыграли члены тайной политической иракской организации «Харас аль-Истикляль» («Страж независимости»), имевшей отделения в Казымийе, Неджефе и Хилле. Наиболшую активность в создании шиитско-суннитского единства проявляли видные члены этой организации Сейид Мухаммед ас-Садр, Мухаммед Махди аль-Басир, Мухаммед Бакр аш-Шабиби и Джафар Абу ат-Тимман. Они осуществляли связь между Неджефом, Кербелой и Багдадом, координируя деятельность этих городов, направленную против британского мандата. Активная антианглийская агитация среди населения Среднего и Нижнего Евфрата имела своим результатом участие в восстании многих племен во главе с их шейхами. Присоединение племен к восстанию диктовалось не столько религиозными соображениями, сколько прежде всего протестом против английской политики, серьезно ущемлявшей интересы муджтахидов, а также затрагивавшей интересы шейхов и больше всех рядовых соплеменников[37].

Восстание в Ираке, названное позже «славной иракской революцией», продолжалось с августа по октябрь 1920 г. Английские войска были вытеснены практически со всей территории Ирака. Под

их контролем оставались только города Багдад, Басра, Мосул, но и в них было неспокойно. Восставшие требовали отмены английского мандата и созыва на демократических началах Учредительного собрания.

Попытки английских властей путем некоторых уступок добиться компромисса с восставшими и сохранить за собой всю полноту власти в стране были отвергнуты Комитетом восстания. После этого английское правительство перебросило в Ирак дополнительные войска, доведя их до 150 тыс. человек, в августе англичане повели наступление на главные очаги восстания и к середине ноября 1920 г., установив контроль над районами Центрального и Южного Евфрата, являвшимися оплотом восставших с его центром – священным городом шиитов Неджефом, разгромили основные силы повстанцев. Восстание 1920 г. было первой попыткой сбросить ненавистное британское господство. Оно не привело к достижению целей муджтахидов, а его подавление положило конец кратковременному шиитско-суннитскому альянсу.

На подавление восстания англичане затратили свыше 40 млн ф. ст., их потери составили 887 солдат и офицеров убитыми и 1128 ранеными. Повстанцы потеряли только убитыми 8500 человек. Основными причинами поражения восстания являлись его плохая подготовка, экономическое и военно-техническое неравенство сторон, огромный перевес в силах на стороне Англии. Сказалась национальная, религиозная, общинная, клановая разделенность населения, отсутствие единства среди лидеров движения, что и использовали англичане.

Однако в Англии под давлением ряда факторов внутреннего и внешнего порядка, в том числе и урока, полученного от массового выступления иракцев в 1920 г., пришли к выводу о необходимости изменения своей политики в Ираке: началась подготовка замены прямого управления страной на косвенное, предусматривавшее провозглашение Ирака монархией во главе с сыном шерифа Хусейна Фейсалом.

1 октября 1920 г. пост первого верховного комиссара Ирака занял опытный колониальный чиновник Перси Кокс, который вступил в переговоры с представителями организации «Иракский завет» и

достиг с ними соглашения о создании временного национального правительства. Сформированное в октябре 1920 г. из представителей феодальной аристократии правительство полностью поддержало английскую политику в Ираке, оказывало ему помощь в «умиротворении» страны.

Несмотря на поражение, восстание 1920 г., названное компартией Ирака «бессмертной национальной революцией», оказало огромное влияние на дальнейшее развитие страны. Оно заставило английскую администрацию изменить систему прямого управления на косвенное и искать такую форму государственного устройства Ирака, которая бы придала колониальному, по сути, английскому мандатному режиму вид двустороннего сотрудничества.

Это означало создание подобия суверенного государства, имеющего конституцию, парламент, правительство, национальную армию и местные органы управления.

После подавления восстания 1920 г. английские власти приступили к ускоренной разработке нового политического курса Великобритании в Ираке, к выбору формы государственного устройства этой страны. Очевидный провал избранной ранее тактики прямого правления требовал от Англии качественного изменения формулы ее взаимоотношений с лидерами иракских националистов. Претворение в жизнь этой задачи было возложено на опытного британского политика, первого верховного комиссара подмандатного Ирака Перси Кокса, активно взявшегося за строительство иракского государства. На первом этапе предстояло заменить военную администрацию иракским национальным правительством, сохранив при этом реальную власть и контроль над важнейшими сферами государственной деятельности за англичанами.

В октябре 1920 г. под контролем английского верховного комиссара в Ираке был создан Государственный совет – временный орган управления в составе министров внутренних дел, финансов, юстиции, духовных дел, просвещения и здравоохранения. В первый Государственный совет, состоявший из 21 члена, вошли видные представители феодальной знати от всех трех бывших османских провинций, тесно сотрудничавшие с английской администрацией. Превалировали в совете арабы-сунниты, которые и заняли наиболее

важные посты. Среди министров было также несколько шиитов, христиан и один известный член иудейской общины. Во главе совета был поставлен старейшина сословия шерифов Багдада (накиб аль-ашраф) сейид Абд ар-Рахман аль-Гайлани. При каждом министре состоял английский советник, фактически руководивший соответствующим ведомством. Из компетенции совета были изъяты все внешнеполитические и военные вопросы, за исключением комплектования армии. За короткое время была воссоздана, по сути, османская административная структура, включая муниципальные советы. В провинциях иракские чиновники стали заменять английских политических офицеров, за исключением курдского района Сулеймании[38].

В процессе строительства нового государства сразу же проявилась одна из его характерных черт – отсутствие шиитских представителей на высших административных постах, кроме их священных центров. В Ираке восстанавливался прежний, сложившийся во времена Османской империи порядок повсеместного доминирования суннитов. Причин такого положения, как объективных, так и субъективных, было предостаточно. При комплектовании новой администрации во внимание были приняты некоторые из них. Во времена Османской империи шииты практически полностью были отстранены от системы управления, и, естественно, что в их среде не было опытных чиновников. К этому добавлялось также общее отношение багдадской аристократии к шиитам и настороженность англичан, вызванная активным участием шиитов в недавнем восстании.

Новому иракскому государству были необходимы чиновники. Ими стали еще недавно отстраненные английскими властями со своих постов чиновники-арабы османской администрации, главным образом сунниты, убежденные в том, что в новом правительстве места им принадлежат по праву[39].

Особо отчетливо восстановление османских порядков проявилось при формировании иракской национальной армии, к созданию которой новое правительство приступило в январе 1921 г. Министром обороны стал Джафар аль-Аскари, выходец из Багдада, в прошлом офицер турецкой армии, участник хиджазского восстания. Он вернул в армейские ряды около 600 бывших офицеров турецкой ар-

ции – иракцев, почти исключительно суннитов, которые и составили офицерский корпус иракской армии. Их лидером и во многом типичным представителем этой когорты иракского общества был сводный брат Джафара аль-Аскари Нури ас-Саид, назначенный в феврале 1921 г. начальником генерального штаба иракской армии. В целом эти люди являли собой «продукт» османских образовательных и административных реформ XIX в., они принадлежали к относительно «осовремененным» городским суннитским семьям или арабизированным курдам и туркам, светски образованным, выделившимся благодаря своим заслугам, при этом крайне негативно относившимся к любому проявлению сектантства и трайбализма. Создание нового иракского государства «открывало перед ними дорогу к власти и влиянию, чем многие из них и поспешили воспользоваться в надежде на материальное богатство и статус, которых им так не хватало в сложившейся иерархии суннитской арабской общины.[40].

Военное командование Англии постепенно выводило свои войска из Ирака, заменяя их на части, сформированные из ассирийцев–христиан, которым, как и курдам, была обещана автономия в рамках иракского государства.

Стремясь создать более благоприятную атмосферу в стране, в начале 1921 г. английские власти отменили смертные приговоры почти всем участникам восстания 1920 г. и объявили всеобщую амнистию.

Процесс созидания структур иракского государства ставил перед Англией важнейший вопрос о его конституировании, о выборе формы государственности для Ирака. Вопрос этот стал предметом обсуждения на конференции верховных комиссаров Великобритании на Ближнем Востоке, созванной новым британским министром колоний Уинстоном Черчиллем в Каире в марте 1921 г. На конференции присутствовала большая делегация из Ирака, состоявшая главным образом из высокопоставленных английских чиновников и армейских офицеров, а также двух иракских министров – Джафара аль-Аскари и Сасуна Хаскайля.

Каирская конференция приняла решение провозгласить Ирак монархией, предложив трон эмиру Фейсалу из династии Хашими-

тов. Это была своего рода «плата» Англии за вклад арабов в антитурецкую борьбу союзников, в которой сыновья шерифа Мекки Хусейна бен Али приняли непосредственное участие. Эмир Фейсал был командующим хиджазскими войсками, занявшими вместе с англо-французскими армиями осенью 1918 г. территории Сирии и Ливана. Здесь он получил пост военного губернатора Восточной Сирии с центром в Дамаске. Английское командование объявило этот режим временным. Дальнейшую судьбу оккупированных англо-французскими войсками территорий Сирии и Ливана должна была решить мирная конференция. В марте 1920 г. Всеобщий сирийский конгресс, образованный в Дамаске в 1919 г., провозгласил Фейсала королем Сирии. Однако события весны и лета 1920 г. внесли качественные изменения в ситуацию, складывавшуюся в этом регионе под воздействием политических решений держав-победительниц, договорившихся в общих чертах о разделе османских арабских владений.

2.4. Ирак под британским мандатом. Провозглашение монархии

Доминирование английского военного присутствия на Ближнем Востоке на момент окончания войны предоставляло Англии возможность пересмотреть прежние договоренности с Францией по соглашению «Сайкс–Пико» и поставить под свой контроль значительно большую долю «османского наследства» Забыты были и данные англичанами арабам обещания содействовать созданию независимого арабского государства.

Позиция, занятая Англией, вызывала резкие протесты французской стороны. Между обеими державами велись ожесточенные споры из-за дележа османских владений, конец которым после длительного торга и напряженной борьбы положила конференция в Сан-Ремо, передавшая Англии мандаты на Ирак и Палестину, а Франции – на Сирию и Ливан. Абсолютную власть над всей Сирией и Ливаном получил французский верховный комиссар, опиравшийся на оккупационную армию.

В июле 1920 г. французские войска двинулись на Дамаск. Сопротивление, организованное народными массами Сирии, было сломлено. Фейсал без боя сдал Дамаск, после чего французские власти выслали его из страны. Король оказался не у дел. Его дальнейшую судьбу определила Англия, с которой у Фейсала еще со времен Хиджазского восстания сложились довольно тесные отношения. В британских планах прочного обоснования на Ближнем Востоке центральное место отводилось Ираку. В этой связи созданию в этой стране такого режима, который бы надежно обеспечивал интересы Британии, Лондон придавал особое значение. Одной из составляющих намечавшейся здесь политической структуры должен был стать король. Эмир Фейсал, несостоявшийся король Сирии, был, по представлению англичан, самой подходящей кандидатурой и для этого поста и для реализации планов Англии: монарх-иностранец, посаженный на трон англичанами, Фейсал воспринимался как надежный проводник британских интересов. Укреплению отношений Фейсала с Англией во многом содействовали его давние и хорошо налаженные контакты с рядом высокопоставленных английских чиновников.

Предложение занять иракский престол было воспринято Фейсалом со значительной долей сомнений. Прежде всего он понимал, что державы, от которых исходило это предложение, могут и поднять его на пьедестал и свергнуть с него, и был глубоко «убежден, что власть не дается, она завоевывается». К тому же, как руководитель Хиджазского восстания он знал, как трудно было поднять арабов на борьбу за общее дело, не забывал он и того, что успех восстания был обеспечен существенной материальной помощью со стороны англичан. Фейсал находился под покровительством Англии, но это не помешало французам изгнать его из Дамаска, подтвердив тем самым, что дружба не берется в расчет, когда на карту поставлены имперские интересы[35].

Факторы в самом Ираке, которые могли влиять на избрание Фейсала королем этой страны, на его деятельность в будущем, были далеко не однозначны. К числу позитивных можно было отнести отсутствие конкурента, безусловную поддержку со стороны тех, кто был в его ближайшем окружении во время Хиджазского восстания и короткого правления в Дамаске и кто в 1921 г. занимал различные

посты в иракском государстве. Они вместе с английскими властями были уверены в том, что Фейсал встретит в Ираке самый дружеский прием. У Фейсала было то преимущество, что он не был связан с какой-либо определенной группой или регионом страны.

Но были и существенные моменты иного характера: Фейсала в Ираке знали мало или не знали совсем. Он был «чужак», не иракец. Как араб он не мог рассчитывать на поддержку курдов, а как сунни – на поддержку шиитов, хотя некоторые проявляли к нему уважение как к сейиду.

11 июля 1921 г. Государственный совет провозгласил Фейсала королем Ирака, а 23 августа того же года состоялась его торжественная коронация.

Новый король, «суверен государства, которое не обладало собственным суверенитетом», был посажен на трон англичанами при поддержке узкого круга представителей феодальной знати. Его приход к власти не принес успокоения стране, протесты против мандата продолжались. Не устраивал мандат и самих англичан, поскольку предусматривал «открытость» Ирака для других держав, а это ущемляло привилегии Англии в торгово-экономической области. В этих условиях Англия была крайне заинтересована в оформлении своих отношений с Ираком двусторонним договором «суверенных государств». Тот факт, что одна из договаривающихся сторон обладала всей полнотой политической и военной мощи, осуществляла оккупацию и имела мандат Лиги Наций для управления другой стороной, превращал в фикцию даже упоминание о суверенитете Ирака.

Текст такого договора был составлен верховным комиссаром Перси Коксом. Его главная направленность – прикрытие мандатного режима видимостью «союзных» отношений. Хотя в тексте договора нет слова «мандат», в нем полностью повторены все его условия. Ирак оставался под полным британским контролем в вопросах обороны, внешней и внутренней политики.

В июне 1922 г. совет министров Ирака одобрил текст договора, но настоял на том, что договор вступит в силу только после утверждения его Учредительным собранием. Вопрос об Учредительном собрании и конституционном оформлении иракского государства

был в то время предметом острых дискуссий и неоднозначно высказываемых суждений.

Известие о договоре сопровождалось митингами и демонстрациями протеста в южных шиитских городах и волнениями в районе Среднего Евфрата. Эти выступления усиливали антианглийские настроения, но в них отчетливо проявлялась также обеспокоенность шиитских муджтахидов тем, что процесс институционализации иракского государства, утверждение англо-иракского договора приведут к дальнейшему укреплению позиций Англии в стране, и в этом муджтахиды усматривали серьезную угрозу для себя, для своего статуса. Большую озабоченность у шиитов вызывали также предстоящие выборы. Они не сомневались в том, что англичане и иракские власти будут оказывать давление на избирателей, заставляя их голосовать за нужных кандидатов, за представителей светских кругов. А это означало, что муджтахиды никак не будут представлены в парламенте. Такая ситуация оценивалась ими как результат сознательной политики государства, направленной на снижение роли шиитов, на полное игнорирование их интересов, на лишение их возможности влиять на действия властей законным путем. Все это, по определению муджтахидов, грозило обернуться «смертной казнью для исламской нации»[41].

В 1922 г. наметилась тенденция к росту организованности политических сил в Ираке. В соответствии с положениями принятого в мае того же года Избирательного закона на основе организации «Страж независимости» были созданы две партии: «Партия иракского возрождения» («Хизб ан-нахда аль-иракийя») во главе с Мухаммедом ас-Садром и «Иракская национальная партия» («Аль-Хизб аль-ватаний аль-иракий») во главе с Джафаром Абу-т-Тимманом. Национальная партия наряду с антианглийскими лозунгами выдвигала требования социально-экономических реформ. В противовес этим партиям сторонники англичан образовали «Иракскую партию свободы» («Хизб аль-хуррийя аль-иракий»).

10 октября 1922 г. премьер-министр временного национального правительства Абд ар-Рахман аль-Гайлани подписал предложенный ему Перси Коксом договор. Однако протесты против этой акции правительства приняли столь широкий размах, что уже 23 октября

Абд ар-Рахман аль-Гайлани был вынужден уйти в отставку и навсегда оставить политическую деятельность. На посту премьера его заменил Абд аль-Мухсин ас-Саадун, представитель суннитской аристократии, крупный землевладелец, принадлежавший к семье сейидов (сейиды – «повелители», потомки внука пророка Мухаммеда, Хусейна), которая возглавляла огромную племенную конфедерацию Мунтафик в районе Нижнего Евфрата. Англичане видели в нем человека, обладающего должным личным авторитетом и соответствующим социальным статусом, который, по их представлению, был в состоянии обеспечить принятие договора и других важных решений, предусмотренных конституционными основами иракского государства.

С осени 1922 г. премьер Абд аль-Мухсин ас-Саадун и верховный комиссар Перси Кокс приступили к активной подготовке проведения выборов в Учредительное собрание и принятия разработанной министерством колоний Англии постоянной конституции Иракского королевства. Эта деятельность властей вызвала новый подъем антианглийских настроений в стране, на что верховный комиссар ответил запретом деятельности оппозиционных партий, закрытием их печатных органов и высылкой из Ирака лидеров Иракской национальной партии и Партии иракского возрождения[42].

Кампанию бойкота выборов в Учредительное собрание начали шиитские муджтахиды во главе с Махди аль-Халиси. К 5 ноября они издали ряд фетв, в которых объявили участие в выборах всех мусульман незаконным, а ослушникам грозили суровыми наказаниями. Эти обращения к верующим исходили из городов Кербела и Баакуба, где предполагалось разместить местный комитет по выборам в парламент.

В итоге в течение почти девяти месяцев не удавалось приступить к подготовительным работам по выборам в провинции Кербела и в других районах Ирака. Это было связано с тем, что шиитское население страны следовало призывам муджтахидов. Восприняты они были и частью суннитов на всей территории страны, вплоть до Мосула. Свое влияние на отношение населения к предстоявшим выборам оказывало также традиционно присущее арабам опасение:

составление избирательных списков они рассматривали как средство набора в армию.

В предвыборные месяцы ситуация в Ираке находилась под воздействием самых различных факторов, в том числе и внешнеполитических. С большим энтузиазмом, в частности, муджтахидами было воспринято известие об уходе в отставку в Англии правительства Ллойд Джорджа в ноябре 1922 г. Новое правительство, по слухам, рассматривало возможность ухода англичан из Ирака. Внимательно наблюдали муджтахиды и за развитием ситуации вокруг Мосула. Неспособность Англии разрешить этот вопрос в свою пользу вызывала у муджтахидов надежду на дальнейшее обострение англо-турецких отношений, что, как они полагали, могло привести к войне между Англией и Турцией. Их предположения подкреплялись действиями турецкого правительства, разместившего свои войска вдоль северной границы Ирака, а турецкая пропаганда настоятельно призывала арабов к «самоуправлению под эгидой турецкой власти»[43].

К июню 1923 г. положение в стране начало меняться. Запрет, наложенный муджтахидами на выборы, утрачивал свою силу в Багдаде, Басре, Мунтафике, Амаре, Куте, Диванийе и Дияле. Положение Фейсала и правительства начало укрепляться, чему способствовал вывод турецких войск на севере и снижение уровня турецкой пропаганды в Ираке, а также внесенное Англией предложение сократить срок действия англо-иракского договора с двадцати до четырех лет. Издание новых фетв с прежним содержанием уже не оказывало заметного влияния на население.

Однако в курдских районах на Севере Ирака сохранялось напряженное положение. Став объектом дележа «османского наследства», курдский народ испытал на себе все последствия той двойственной политики, которой характеризуются действия держав-победительниц после окончания первой мировой войны на Ближнем Востоке. Проявляя особый интерес к Южному Курдистану, Англия давала, как уже говорилось ранее, заверения курдам содействовать их самоопределению, вплоть до образования своего государства. Невыполнение этих обещаний и было причинами тех антианглийских выступлений, которые охватили Мосульский вилайет в 1918–1919 гг. Подавление курдского восстания 1919 г в Сулеймании во-

прос о самоопределении курдов не сняло с повестки дня. В том же году английские политики обсуждали предполагаемые контуры будущего курдского государства. Весьма любопытна в этом отношении переписка между Форин Оффис, верховным английским комиссаром в Константинополе, вице-королем Индии и гражданским комиссаром в Багдаде. В телеграмме от 13 июня 1919 г. английский политический представитель в Багдаде писал государственному секретарю Индии: «В силу экономических и политических причин и в целях охраны безопасности иракского государства и обеспечения преимущественного положения в горной местности, богатой лесом и таящей в себе потенциальные возможности для большого (экономического) развития, желательно включить Сулеймманию в пределы месопотамской администрации. Эрбиль является одним из признанных железнодорожных пунктов на пути в Мосул и, как Акра, должен быть изъят из курдского государства. Дохук и Захо должны также войти в Месопотамию»[44]. Таким образом, у будущего курдского государства предполагалось отторгнуть наиболее важные и экономически развитые районы, чтобы, с одной стороны, поставить курдов в полную зависимость от Ирака (Месопотамии), а с другой, – использовать курдов как постоянный рычаг давления на Ирак, Турцию и Иран.

Деля «османское наследство», державы одновременно готовили планы расчленения и собственно турецкой территории. Именно эти цели преследовал грабительский Севрский договор, подписанный в августе 1920 г. Статьи 62–64 этого договора касались непосредственно Курдистана. Статья 62 предусматривала создание местной автономии в тех районах Турции, где преобладало курдское население. Этот автономный район должен был включать в себя области, расположенные « к востоку от Евфрата, к югу от южной границы Армении и к северу от границы Турции с Сирией и Месопотамией». Статья 64 предусматривала возможность создания независимого от Турции курдского государства, если курды того пожелают. Причем в его состав предполагалось включить ту часть Курдистана, которая входила в Мосульский вилайет[45]. Поскольку к этому времени в Мосульском вилайете в районе Киркука уже были обнаружены большие запасы нефти, значимость этой территории быстро возрастала,

что и предопределило остроту борьбы между Турцией и Англией за этот район.

Давая согласие на образование местной курдской автономии и даже независимого курдского государства, Англия и Франция меньше всего заботились о предоставлении курдскому народу права на самоопределение. Планировавшийся «курдский национальный очаг» должен был стать своего рода буфером между Турцией и Советской Россией, стратегическим опорным пунктом поблизости от нефтепромыслов Кавказа. Кроме того, державы стремились отделить Восточную Анатолию, т.е. Курдистан от общей освободительной борьбы турецкого народа под руководством Мустафы Кемаля, в которой курды приняли непосредственное участие. Англичане надеялись, что «курдское национальное образование» будет находиться под их безраздельным контролем.

Турецкая революция, закончившаяся победой в 1922 г., похоронила замыслы держав, а с ними и Севрский договор. Подписанный в июле 1923 г. Лозаннский договор закрепил в основном целостность территории турецкого государства. Вопрос о предоставлении курдам какой-либо формы автономии в нем даже не поднимался.

Для курдского народа Севрский договор имел чисто декларативное значение: впервые в международном договоре были упомянуты национальные права курдов. И в этом смысле он сохраняет большое позитивное воздействие на все курдское национальное движение[46]. После войны «курдская проблема получила уже, пусть теоретически и не полностью, международное признание»[47].

Вокруг дележа Турецкого Кудистана после войны развернулась острая дипломатическая и политическая борьба. В 1919 г. Англия добилась от Франции отказа от Мосула, который по соглашению «Сайкс-Пико» должен был отойти к Франции, а Севрский договор закрепил это положение – Мосул был включен в состав Ирака. Турция не хотела мириться с таким решением, и мосульский вопрос оставался предметом бесконечных споров, особенно в 1923–1926 гг.

Одержав победу в национально-освободительной революции, Мустафа Кемаль заявил о своих правах на бывшую турецкую провинцию Мосул и в начале 1922 г. направил туда свои войска. Некоторые курдские племена северных районов подняли восстание. Анг-

личане ушли из Сулеймании, передав власть совету, возглавлявшемуся братом шейха Махмуда. Это было своего рода восстановлением местной власти в регионе, которая должна была стать преградой на пути дальнейшего турецкого продвижения[48].

В сложившейся ситуации Перси Кокс принял решение вернуть шейха Махмуда. Полностью осознавая рискованность такого шага, верховный комиссар был вынужден его сделать: на тот момент Махмуд Барзанджи был единственным человеком, авторитет которого мог сдержать нарастание недовольства в курдском регионе.

Перси Кокс понимал, что главные причины волнений курдов связаны с невыполнением данных им ранее обещаний. По мере того, как иракское государство приобретало все более определенные очертания, перед курдами вырисовывалась абсолютно для них неприемлемая перспектива оказаться под прямой властью арабского правительства, установленного англичанами в Багдаде. Чтобы снять эти опасения и успокоить шейха Махмуда, Англия в декабре 1922 г. подписала с Ираком совместную декларацию, обещавшую предоставление курдам права создать собственное государство в границах Ирака, если сами курды признают его конституцию и территорию, на которую распространяются ее положения. Эта декларация имела целью успокоить курдов и в какой-то мере смягчить то впечатление, которое произвели на них данные незадолго до этого англичанами обещания королю Фейсалу интегрировать курдов в пределы иракского государства.

Что же касается идеи курдской национальной государственности, то претворение ее в той или иной форме в жизнь зависело прежде всего от достижения согласия между самими курдами. Англичане, хорошо знакомые со спецификой племенной организации курдов, с характером межплеменных отношений, понимали практическую недостижимость решения этой проблемы, что и подтвердили дальнейшие события. Когда через четыре года Англия официально отказалась от своих обещаний курдам, главной причиной такого решения была названа неспособность курдов договориться между собой[49].

Попытку добиться для курдов автономии предпринял вернувшийся в Сулеймманию шейх Махмуд. Себя он видел королем авто-

помного государства, готовым, в случае необходимости, перейти под покровительство Турции. Эти амбициозные устремления Махмуда не получили всеобщей поддержки курдов. Англичане, узнав об этих намерениях Махмуда, в марте 1923 г. направили авиацию против него и турецких войск, а также против скопившихся в северных районах курдских повстанцев. Заручившись поддержкой противников Махмуда среди знати ряда курдских племен, англичане в мае заняли Сулеймманию, однако после их ухода в июле Махмуд с триумфом возвратился в город. В течение последующих двенадцати месяцев здесь сохранялась напряженная обстановка. Продолжались налеты на Сулеймманию английской авиации, и в конечном счете в июле 1924г. город был занят английскими и иракскими войсками. Шейх Махмуд вынужден был бежать в Иран. Он обосновался в горах, возглавил партизанские отряды, доставлявшие много неприятностей как английским, так и иракским властям до тех пор, пока не был захвачен в 1931 г.[50]

2.5. Социально-политическая и экономическая ситуация в Ираке до отмены мандата. Завершение территориального оформления страны

Подготовка к выборам в Учредительное собрание в 1923 г. проходила в Ираке в условиях, не прекращавшихся волнений и на севере и на юге, однако постепенно в настроениях шейхов племен даже в шиитской среде наметились некоторые изменения. Связаны они были с той политикой, которую проводили англичане в отношении племенной знати, используя различные меры привлечения ее на свою сторону. Шиитским шейхам импонировало предоставление им примерно 40% мест в Учредительном собрании. Король, в свою очередь, освободил шейхов от уплаты налогов. Набиравшее силу иракское государство с его возможностями, патронажем, ресурсами оказывало все большее воздействие на племенных шейхов, которые убеждались в целесообразности сотрудничества с властью, а не борьбы с нею. С этого времени все отчетливее стало обнаруживаться

несовпадение интересов лидеров племен с сохранявшими свою оппозиционность муджтахидами.

Пересматривали свое отношение к муджтахидам и представители светских шиитских кругов. В формировавшейся новой государственной системе Ирака они обнаружили нишу для собственной политической деятельности: ею становилось электоральное пространство. Опираясь на подавляющее большинство шиитского населения Ирака, политически активные шиитские круги полагали возможным создание противовеса доминированию суннитской элиты. При всем своем несовершенстве выборы, по их мнению, все же вели к тому, что с большинством избирателей придется считаться и что голос столь долго отвергаемого шиитского большинства будет наконец-то услышан.

В преддверии выборов король Фейсал посетил шиитские святыни Неджеф и Кербелу, продемонстрировав тем самым уважение к находившимся там известным муджтахидам, получив в ответ знаки почтения к нему как главе государства.

После ухода в отставку в ноябре 1923 г. премьера Ас-Саадуна его пост занял давний сподвижник Фейсала Джафар аль-Аскари, которому надлежало обеспечить проведение выборов.

Только к февралю1924 г. с большим трудом, в обстановке широкого бойкота властям Ирака удалось завершить выборы в Учредительное собрание. Ему предстояло ратифицировать договор и принять подготовленную англичанами конституцию. Однако состав Собрания был далек от того, на который рассчитывали власти.

Первая сессия Учредительного собрания открылась в марте 1924 г. и сразу же главной темой заседания стала критика англо-иракского договора. Опасаясь его полного отклонения, верховный комиссар Генри Доббс, сменивший в мае 1923 г. Перси Кокса, в ультимативной форме потребовал от собрания ратифицировать договор до 10 июня, заявив, что в противном случае Великобритания будет вынуждена применить иные меры для осуществления своего мандата в Ираке.

Обсуждение договора затянулось, так как депутаты от оппозиции настаивали на изменении его условий. Несколько раз заседания

Учредительного собрания срывались из-за мощных демонстраций протеста, устраивавшихся жителями столицы.

10 июня 1924 г. на экстренно созванном заседании, где присутствовало 69 депутатов из 100, англо-иракский «союзный» договор 1922 г. был ратифицирован 36 голосами с двумя поправками. Правительство должно было немедленно начать переговоры о пересмотре условий договора, заключенного на четыре года, вместо первоначальных 20 лет; договор автоматически терял силу в том случае, если в состав государства не будет включен Мосульский вилайет.

22 сентября 1924 г. англо-иракский договор 1922 г. был утвержден Советом Лиги наций, но с оговоркой, что он не будет противоречить условиям мандатного режима, установленного для Ирака в соответствии со ст.22 Устава Лиги наций, т.е. сохранял для членов Лиги наций принцип «открытых дверей» и «равных возможностей» в экономической области.

Вслед за договором Учредительное собрание утвердило конституцию, юридически закрепившую исключительные права Англии в Ираке и привилегии феодально-монархической элиты[51]. Конституция представляла собою компромисс между желанием англичан иметь сильную исполнительную власть, носителем которой являлся король, и признанием необходимости предоставить определенное пространство в новой политической системе влиятельным группировкам формирующегося иракского политического общества.

В период мандата англичане последовательно проводили в Ираке политику, имевшую целью создание такого политического режима, который бы надежно гарантировал обеспечение британских интересов в этой стране. По конституции 1924 г. Ирак провозглашался наследственной монархией с парламентарной формой правления. Парламент состоял из сената и палаты депутатов. Законодательная власть принадлежала королю и двухпалатному парламенту. Законопроект получал силу закона после принятия его обеими палатами и утверждения королем. Ведущей фигурой в этой структуре был король из династии Хашимитов, наделенный очень широкими полномочиями. Он обладал правом созывать и распускать парламент, назначать премьер-министра и министров по представлению последнего, издавать указы в период между сессиями парламента по таким

вопросам, как безопасность, финансы и исполнение статей англо-иракского договора. Посаженный на трон англичанами и от них зависевший король был наделен такими правами, которые давали ему возможность решительно пресекать всякие оппозиционные выступления, имевшие хотя бы отдаленно антибританскую окраску.

До 1953 г. выборы в Ираке были двухстепенными. 20 членов верхней палаты – сената назначались королем. Нижняя палата – палата депутатов избиралась на четыре года. Избирательное право было ограниченным: в нижнюю палату избирался один депутат от 20 тыс. мужского населения. Женщины избирательных прав не имели.

Выборы в нижнюю палату – палату депутатов были организованы таким образом, что они всегда гарантировали преобладание среди депутатов крупных феодалов, шейхов племен, государственных чиновников, давно доказавших свою лояльность английским властям и прямо обязанных им своим материальным благополучием и высоким общественным статусом. Жесткие ограничения были поставлены приходу во власть горожанам: они избирали лишь 20 депутатов из 139, а шейхи племен – 100.

Исполнительная власть принадлежала правительству, которое было предметом особой заботы англичан. Премьер-министром, министрами внутренних дел и обороны могли быть только самые надежные сторонники Англии. Обеспечивался такой порядок системой формирования правительства, о которой очень точно сказал английский историк Дж. Кимхе: «Министры... выбирались из одних и тех же 50 или 60 семей... Это было правительство шейхов, их ставленников и друзей для шейхов, их ставленников и друзей. А англичане были крестными отцами». Правительство могло распустить парламент, что и было обычной практикой в стране: с 1921 по 1945 гг. сменилось 39 кабинетов.

Привилегированной частью иракского общества были арабы – сунниты, столичной суннитской знати принадлежала вся политическая власть. Главами администрации на местах также были сунниты. Среди назначенных в 1920 г. Государственным советом 10 губернаторов, 35 глав областей и 85 местных начальников не было ни одного шиита, за исключением священных городов Кербела и Неджеф.

При прямом участии англичан в Ираке сложилась диктатура класса крупных землевладельцев, прикрытая внешними атрибутами западной демократии. Такой режим сохранялся в Ираке вплоть до революции 1958 г.

Наряду с законодательнойой и исполнительной властью к числу доминирующих групп в политической жизни Ирака принадлежали армейские офицеры и государственные чиновники османской выучки, получившие образование и выдвинувшиеся еще до первой мировой войны. Особое место занимали те, кто участвовал в Хиджазском восстании, стал близок к эмиру Фейсалу и вместе с ним оказался в Ираке. Одной из наиболее значительных фигур в этой когорте был Нури ас-Саид. Человек незнатного происхождения, он выдвинулся благодаря полученному военному образованию и своим личным качествам. Установив контакты с англичанами еще до войны, Нури Саид навсегда оставался самым преданным сторонником Англии. В отличие от других проанглийски настроенных политических деятелей Ирака он никогда, даже по тактическим соображениям, не выступал с критикой в адрес Англии.

С 1921 г. Нури занимал ключевые посты в иракском правительстве. С 1922 по 1930 гг. он пять раз был министром обороны. В 1930 г. впервые стал премьер-министром. В дальнейшем в тех случаях, когда Англия встречала затруднения в Ираке, она немедленно прибегала к помощи Нури.

В 20-е годы политика английских мандатных властей была направлена на дальнейшее укрепление отношений с шейхами племен. Адептом такого союза выступал верховный комиссар Генри Доббс. В 1926 и 1928 гг. им были изданы два документа по вопросам земельной политики, в которых подчеркивалось, что поддержка властями племенной правящей верхушки отвечает интересам укрепления основ политического строя Ирака, способствует поддержанию социального мира и спокойствия[52].

Колониальная администрация проводила курс, направленный на юридическое закрепление власти шейхов над соплеменниками, передавая им права собственности на землю. В дополнение к предоставлению земли, денег, освобождению от уплаты налогов правительство усилило судебную власть шейхов, включив в 1925 г. в кон-

ституцию положение «О племенных уголовных и гражданских спорах». В первом парламенте, избранном в 1924 г., шейхам, которые поддержали англичан во время восстания 1920 г., было предоставлено 34% всех мест. По просьбе шейхов государство применяло силу против непокорных земледельцев, в том числе и авиацию[53].

Очень часто к силовым мерам приходилось прибегать в зоне племенной конфедерации Мунтафик, где крестьянские волнения практически не прекращались, однако действия властей сколько-нибудь заметного влияния на сложившуюся здесь ситуацию оказать не могли.

Упорная борьба племен Сук аш-Шуйюха против «своих» племенных шейхов заставила англичан внести коррективы в налоговую политику и установить иные правила пользования землей: с прежних 15% арендная плата понижалась до 7,25%. В Сук аш-Шуйюхе и в других районах, где крестьяне имели прочные традиционные права на пользование землей, преобладала мелкая крестьянская собственность. В 20-е годы численность слоя крестьянских собственников возрастала в зоне рисовых и пальмовых плантаций, южнее города Хилла, где им также приходилось противостоять племенным вождям[54].

Иначе складывалась ситуация в районе Амары и Кута. Здесь рядовые члены племени не выступали против власти крупных землевладельцев, а часто вспыхивавшие распри носили в основном внутриплеменной характер, отражая противоречия между самими племенными вождями. Сохранение спокойствия в зоне реки Тигр, отсутствие враждебности во взаимоотношениях шейхов с их соплеменниками, поддержка шейхов мандатными властями привели к тому, что в 30-е годы здесь появились огромные владения площадью от 50 тыс. до 100 тыс. дунамов каждое.

Политика британских мандатных властей, направленная на оказание всесторонней поддержки племенной знати, и станет главным препятствием на пути трансформации социальной структуры иракского общества, тормозом процесса формирования новых социальных групп (по сути, национальной буржуазии), которым и надлежало быть «движителем» осовременивания всего общественного уклада Ирака. Сохранявшиеся неизменными феодальные формы позе-

мельных отношений требовали реформирования. Однако появлявшиеся проекты аграрных реформ не получали поддержки властей, что было прямым следствием социальной природы правящих сил иракского государства, формировавшихся главным образом из представителей традиционной знати, воплощавших в себе предпринимателя, финансиста и крупнейшего земельного собственника, стойкого охранителя феодальных основ, не заинтересованного в проведении необходимых, диктовавшихся временем преобразований. Главной, требовавшей решения задачей была аграрная реформа, призванная вызволить из дикой отсталости, нищеты, забитости основную часть населения Ирака – крестьянство.

Проводившаяся англичанами политика поддержки крупных землевладельцев в регионе Нижнего Ирака объективно вступала в прямое противоречие с их планами развития рыночных отношений за счет интенсификации производства и повышения качества производительных сил.

Мандатные власти, заинтересованные в прочности своих позиций в Ираке, укрепляя контакты с феодальной знатью, одновременно уделяли внимание и экономическому состоянию страны. В появлявшихся программах развития упор делался прежде всего на возрождение Ирака как житницы мирового уровня на основе технико-технологической модернизации, что означало внесение радикальных комплексных изменений во всю аграрную сферу страны. Планами развития иракского сельского хозяйства предусматривалось восстановление старых и строительство новых каналов, укрепление имевшихся речных плотин и возведение новых. К 1930 г. англичанами были существенно обновлены или построены заново Хиндийская плотина, каналы Саклавийя, Юсифийя, Искандерийя и другие объекты. На Евфрате и Тигре были сооружены дамбы и появились различные средства регулирования уровня воды на реках Хаи и Гарраф. Департамент сельского хозяйства пытался внедрять улучшенные семена пшеницы и ячменя и вводить новые технические культуры – хлопок и лен, а также применять современную технику[55].

Предпринимавшиеся мандатными властями меры по налаживанию и модернизации сельскохозяйственной отрасли экономики Ирака заметного влияния на нее не оказали и не могли оказать. Сохра-

нявшийся порядок поземельных отношений, основанный на традиционной феодальной системе крупного землевладения и мелкого и мельчайшего землепользования, на издольной эксплуатации основного производителя – крестьянина, приносила огромный, вполне устраивавший землевладельца доход, не побуждая у него интереса к затратным нововведениям. Доход же крестьянина, как правило, не покрывал даже минимальных жизненных потребностей его и его семьи. Изменение этой системы могло произойти лишь при условии слома всей социально-политической структуры Ирака, но именно на ее создание, укрепление и сохранение были направлены усилия мандатных властей.

В 20-е годы Ирак все активнее втягивался в мировую торговлю, но наращивание объемов его участия в ней осуществлялось, как и в предшествующие десятилетия, за счет дальнейшего усиления эксплуатации производителя экспортной продукции, которую, как и прежде, поставляли земледелие и животноводство.

Основной и единственной более или менее устойчивой статьей иракского экспорта были финики, вывоз которых превышал 80% мирового объема.

На мировом рынке Ирак выступал также поставщиком зерна, в основном пшеницы и ячменя. В 20-е годы объемы и стоимость этой экспортной статьи имели тенденцию к увеличению, однако качество этого зерна оставалось очень низким, и шло оно главным образом в Англию на корм скоту. К тому же экспорт зерна не был стабильным, поскольку урожаи напрямую зависели от особенностей климатических условий в самом Ираке и с колебаниями цен на мировых рынках.

Что касается продукции животноводства, то она утрачивала свою значимость, прежде всего с ускорением процесса оседания кочевых племен, перехода их от скотоводства к земледелию. Попытки англичан наладить разведение домашнего скота натолкнулись на большие трудности и не принесли какого-либо успеха.

При формировании современного государства Ирак в его пределах оказались территории, весьма разнородные по этническому и религиозному составу их населения, по уровню социально-экономического и политического развития, по культурно-

историческому наследию. Эти факторы существенно затрудняли становление Ирака как единого целого в период между двумя мировыми войнами, а некоторые сохраняют свою значимость и сегодня. Прежде всего, это относится к национальному – курдскому и религиозному – шиитскому вопросам.

Курдский вопрос превратился в одну из острейших внутриполитических проблем Ирака новейшего времени. Предательство англичан, дискриминационная шовинистическая политика иракских монархических властей наталкивались на решительное сопротивление курдов, о чем свидетельствуют восстания 1930–1932, 1935–1936, а также 1943–1945 годов.

Существенную роль в политической жизни Ирака всегда играл конфессиональный фактор, обусловленный принадлежностью иракского населения к двум основным направлениям в исламе – суннизму и шиизму. При этом арабы-сунниты, составляющие меньшинство (около 20%), занимали на протяжении всего XX в. главенствующие позиции в политической жизни страны. Большинство же населения Ирака составляют арабы-шииты (около 60%), которые в период мандата и монархии являлись наиболее отсталой в экономическом и социальном отношении частью населения страны. Протесты шиитских крестьян против их бедственного положения и борьба различных феодальных шиитских группировок за равное с суннитами участие во власти приобретали зачастую на поверхности конфессиональную, антисуннитскую окраску.

Строительство иракского государства завершилось в 1926 г., когда были установлены границы Ирака с Саудовской Аравией и Ираном и окончательно определена судьба Мосульского вилайета.

Англия урегулировала свои отношения с Францией и США, претендовавшими на участие в добыче мосульской нефти. После окончания войны германская и турецкая доли в консорциуме «Теркиш петролеум компани» (ТПК) отошли к союзникам. В марте 1925 г. иракский парламент ратифицировал соглашение по нефтяной концессии между Ираком и ТПК (переименована в 1929 г. в «Ирак петролеум компани» – ИПК). О своем интересе к иракской нефти заявили и США. В итоге акции в компании «Теркиш петролеум» распределились следующим образом: Англии совместно с компани-

ей «Иран петролеум» досталось 23,75 % акций. Такие же доли получили англо-голландская «Ройял датч шелл», французская «Компани франсез де петроль», американский консорциум в составе компаний «Стандарт ойл» и «Нью Джерси», 5% были переданы семейству К. Гульбенкян, стоявшему у истоков оформления соглашений по мосульской нефти. Преобладающие позиции в ТПК принадлежали Англии.

Последнюю точку в деле формирования территории иракского государства поставила победа Англии в острой дипломатической и политической борьбе с Турцией из-за Мосула.

Мосульский конфликт, берущий свое начало в 1918 г., принял характер затяжного спора между Великобританией и Турцией по вопросу территориальной принадлежности чрезвычайно важного в стратегическом отношении и богатом нефтью региона Мосула, входившего до первой мировой войны вместе с районами Киркук, Эрбиль, Сулеймания в состав Османской империи. Согласно Севрскому мирному договору 1920 г. Мосул был включен в состав Ирака, однако созданное в Анкаре правительство Великого национального собрания во главе с Мустафой Кемалем не признало договора и потребовало сохранения за Турцией Мосула в пределах границ, существовавших на момент заключения Мудросского перемирия 1918 г. В течение нескольких лет сторонам не удавалось достичь согласия по Мосульскому вопросу. Не получил он своего разрешения на Лозаннской конференции 1922–1923 гг. из-за острого противоборства британской и турецкой делегаций. Здесь Англии и Турции было предложено «полюбовно» решить вопрос о турецко-иракской границе. Состоявшаяся в апреле–мае 1924 г. в Стамбуле конференция между представителями двух государств окончилась безрезультатно. Турция, ссылаясь на то, что Мосульский вилайет населен курдами и составляет часть Турецкого Курдистана, требовала его возвращения. Англичане уклонялись от обсуждения существа вопроса и настаивали лишь на определении границы, которую они предлагали установить не по северной линии бывшего Мосульского вилайета, а значительно севернее.

В октябре 1924 г. мосульский вопрос рассматривался по просьбе Англии Советом Лиги наций, которой поручалось определить обос-

нованность притязаний Турции на Мосульский вилайет с учетом мнения населения этой провинции, а также предложить свои рекомендации по окончательному определению статуса этого района и его территориальных пределов.

Совет вынес решение об установлении демаркационной (так называемой Брюссельской), линии, включавшей Мосул в состав Ирака. Одновременно была создана комиссия для изучения вопроса, и через год она представила Совету Лиги наций очень противоречивый доклад. Комиссия признала, что у Ирака нет никаких юридических прав на Мосул, но вместе с тем, «исходя из потребностей нормального развития Ирака», она рекомендовала присоединить Мосул к Ираку в случае, если мандат Англии над Ираком будет сохранен на следующие 25 лет[56]. Выводы комиссии не удовлетворили ни Англию, ни Турцию.

Турция настаивала на таком проведении границы, при котором богатейшие нефтяные районы – Мосул, Эрбиль и Киркук отходили бы к Турции, с чем Англия не могла согласиться. Кроме того, отход этих районов к Турции «в корне нарушил бы формулу обороны далекой Индии, предложенную лордом Керзоном и твердо проводившуюся в жизнь британским правительством: «западной границей Индии является река Евфрат». Над долиной же последнего «господствует тот, кто владеет Мосулом»[57].

15 декабря 1925 г., Совет Лиги наций, ссылаясь на постановление Гаагского трибунала, подтвердившего для Турции обязательность Лозаннского договора, вынес решение в пользу Англии. Проходившие в январе – июне 1926 г. англо-турецкие переговоры завершились подписанием 5 июня договора. Турция под нажимом Англии и давлением западных держав вынуждена была согласиться на оставление Мосула в пределах Ирака. Его северная граница в основном совпадала с прежним административным делением провинции в Османской империи. В договоре было два существенных положения. Во-первых, Ирак должен был оставаться под британским мандатом в течение 25 лет. И, во-вторых, иракское правительство должно было признать особый характер курдских районов, предоставить им право на административное самоуправление и на развитие своей национальной культуры.

Турции предоставлялось право либо получать в течение 20 лет 10% с доходов иракского правительства от мосульской нефти, либо капитализировать эту долю доходов в сумме 500 тыс. ф.ст.[58]

Так был окончательно завершен раздел Курдистана между Турцией, Ираком и Сирией.

Присоединение Мосула к Ираку было встречено иракскими националистами с большим удовлетворением. Англичане без труда получили согласие иракского правительства на продление договора 1922 г. Второй англо-иракский договор, повторивший все статьи предыдущего, был подписан 13 января 1926 г. сроком на 25 лет. Договор не был ратифицирован.

Сформировавшаяся в Ираке правящая элита, состоявшая из постоянно изменявшихся политических блоков, занятых лишь борьбой за власть, полностью исключала возможность появления какой-либо группы, которая была бы способна повести страну по пути развития. Ими не было предложено ни одной социальной или экономической программы. Своей политикой мандатные власти способствовали консервации и расширению сферы действия традиционных форм хозяйствования, основанных на монопольном владении землей феодалами, шейхами племен, к которым в 20-е гг. присоединилась значительная прослойка городских торговцев, ростовщиков, чиновников. Лишенные земли крестьяне-общинники превратились в арендаторов и батраков, подвергавшихся самой жесткой эксплуатации со стороны владельцев земли и воды, ростовщиков, местной администрации и государства, которым они вынуждены были отдавать до 75–80% урожая. Дополнительным средством закабаления крестьян стало широкое внедрение в 20-е гг. в сельское хозяйство механических насосов. В работе Даусона, использовавшего данные ежегодного отчета Лиге наций английских мандатных властей в Ираке, приводит следующие данные за 1930 г.: больше всего их появилось в Багдадском районе, где было установлено 1025 насосов[59]. Из них 909 – на Тигре, 77 – на Дияле и 39 – на Евфрате. Второе место заняла провинция Кут – 327 насосов, 318 из которых появились на Тигре благодаря государственному проекту Дуджайла. Меньше всего насосов появилось в области Амара, где преобладало крестьянское хозяйство и где частный капитал практически отсутствовал в сельском хозяй-

ство. В английском отчете за 1929 г. называется цифра 139, владельцами этих насосов были мелкие городские ростовщики.

Есть и более обобщающие данные по установке насосов в Ираке в 20-е гг. В 1921 г. в Ираке было 143 насоса, орошавших 190 кв. км обрабатываемых земель. К 1929 г. их было уже 2031, и с их помощью орошались 7380 кв. км площади. Установка насоса требовала больших средств, ими обладали богатая городская знать и торговая буржуазия. Вкладывая капиталы в покупку и установку насосов, представители этих кругов становились землевладельцами и ростовщиками. Расширялся класс земельных собственников.

В мае 1932 г. был издан подготовленный английскими властями закон об урегулировании прав на землю. Этот закон ускорил переход государственных земель в руки крупных землевладельцев и сопровождался дальнейшим ухудшением положения десятков тысяч крестьян.

Результатом аграрной политики мандатных властей и иракского государства являлось сохранение феодальных форм эксплуатации крестьянства, лишенного не только каких-либо прав, но и самых минимальных жизненных средств. Уделом подавляющей части населения страны была нищета, голод, болезни, высокая детская смертность, низкая продолжительность жизни взрослых, в среднем не превышавшая 26–27 лет.

В годы мандата модернизация не затронула всерьез ни экономическую, ни социальную сферу Ирака. Иракское общество оставалось традиционалистским, глубоко консервативным, медленно и с большим трудом трансформируясь в современное. Но англичане добились для себя главного: они создали структуру, способную обеспечивать интересы Англии и без ее прямого политического присутствия.

2.6. Англо-иракский договор 1930 г.

В сентябре 1929 г. Англия заявила о своей готовности рекомендовать Ирак для вступления в Лигу наций. Закрепить политические и военно-стратегические интересы Великобритании в Ираке следо-

вало новым договором, а его принятие должен был обеспечить Нури Саид. В мае 1930 г. английские власти помогли Нури стать премьер-министром. 30 июня 1930 г. был подписан англо-иракский «союзный» договор сроком на 25 лет.

Англия обещала всяческое содействие принятию Ирака в члены Лиги наций, что означало автоматическое прекращение с этого момента британского мандата и провозглашение страны суверенным, независимым государством.

Договор 1930 г. явился документом, легально закрепившим подчиненное положение Ирака во всех сферах взаимодействия подписавших его сторон – военно-стратегической, политической, экономической. Англии предоставлялось право иметь на иракской территории две военно-воздушные базы с соответствующим обслуживающим их военным персоналом. В случае войны или угрозы войны Лондон по своему усмотрению мог использовать территорию, транспортную сеть, аэродромы Ирака. Под полным контролем Англии оказались иракская внешняя и оборонная политика. Оказание Ираку военной помощи, техническое оснащение его вооруженных сил и обучение воинского контингента – все эти вопросы решала английская сторона. Приглашать разного рода советников и экспертов, в которых Ирак испытывал острую потребность, дозволялось также только из Англии.

К моменту подписания англо-иракского договора в Ираке уже не было английских сухопутных войск. Основой военного присутствия Великобритании в этой стране являлась авиация, состоявшая из 4 воздушных эскадрилий и вспомогательных частей, обосновавшихся в Хаббании и Шуайбе. Английская авиация была непременным и самым активным участником в операциях по подавлению народных выступлений, будь то волнения курдов, туркоманов или ассирийцев на севере, или восстания крестьян центральных и южных районов Ирака. Английский военный персонал оставался вне юрисдикции иракского суда. Верховного комиссара заменил посол Англии, который являлся главой дипломатического корпуса – дуайеном[60].

После подписания договора Нури Саид распустил парламент, провел новые выборы, обеспечившие «нужный» состав депутатов, которые и ратифицировали договор 1 ноября 1930 г.

Новый договор встретил в Ираке неоднозначную реакцию. Лидеры арабских националистических кругов выразили резкий протест против необоснованно длительной продолжительности срока договора, против аренды Англией двух воздушных баз и навязанных Ираку ограничений в вопросах внешней политики, а также сохранения в центральных ведомствах страны английских советников. Несмотря на жесткие меры, применявшиеся Нури Саидом, оппозиция англо-иракскому договору сохранялась на протяжении всех последующих лет.

Как и представители правящей элиты, лидеры оппозиции были также арабами-суннитами, офицерами османской закалки или адвокатами, но поскольку они выступали как оппозиция Англии и договору, то оказались за пределами власти. С 1930 г. они приступили к созданию широкой базы сил, противостоящих Фейсалу и его окружению, и в ноябре того же года депутаты парламента от оппозиции основали «Партию национального братства» («Хизб аль-иха альватани»; далее – «Иха»), сразу заявившую о своей оппозиционности Англии, договору и Нури Саиду. Наиболее видными фигурами в новой организации были Камиль аль-Чадарчи, либерал левых взглядов, реформатор, выходец из влиятельной багдадской семьи; резко антианглийски настроенный Джафар абу-ат-Тимман, лидер Национальной партии; членами партии были также Ясин аль-Хашими, Рашид Али аль-Гайлани, Хикмет Сулейман и Наджи ас-Сувейди. Самой сильной фигурой среди этих политиков был Рашид Али аль-Гайлани, мечтавший стать полновластным диктатором страны. В достижении поставленной цели он стремился заручиться поддержкой иракского населения. К партии «Иха» присоединились многие представители оппозиции. Они требовали роспуска парламента и пересмотра договора 1930 г. Отмена договора превратилась в главное требование патриотических сил Ирака на протяжении последующих 25 лет.

Вместе с тем, если арабская националистическая оппозиция протестовала против сохранения практически в неизменном виде связей Ирака с Англией, то иракские меньшинства, особенно курды и христиане-ассирийцы осуждали договор за отсутствие в нем каких-либо гарантий защиты их прав, за полное устранение Англии от

ранее дававшихся этим группам населения обещаний, т.е. за то, что, в их представлении, договор ослабил эти связи. Опасаясь за свое будущее, они вели агитацию против договора на протяжении целой декады после обретения Ираком независимости.

Полное игнорирование в новом англо-иракском договоре требований курдских национально-демократических сил вызвало массовые выступления в различных районах Курдистана. Наиболее бурный характер приняли события в Сулеймании, где 6 сентября 1930 г. прокатилась волна демонстраций под лозунгом «Свободу Курдистану», и все население объявило бойкот предстоящим парламентским выборам. На помощь полиции, не сумевшей справиться с демонстрантами, были введены войска. Против мирного населения было применено оружие. В ходе этой операции около двух десятков курдов было убито, многие получили ранения. День 6 сентября вошел в историю курдов как «рожа раш» («черный день»).

Сложившейся ситуацией воспользовался прибывший из Ирана Махмуд Барзанджи, появление которого сопровождалось быстрым нарастанием стихийных выступлений широких масс курдов. В ходе вооруженных столкновений иракские войска были разгромлены курдскими борцами. Неудачи иракских войск в борьбе с курдами англичане использовали как веский аргумент для обоснования «необходимости» своего присутствия в целях «пресечения курдской угрозы». В доказательство этой «пользы» британские ВВС совершили массированные бомбардировки курдских селений, результатом которых были разрушения и жертвы.

Шейх Махмуд направил в Лигу наций заявление с изложением происходящего в Курдистане, с жалобами и просьбами к мировому сообществу защитить курдов от произвола и беззакония, чинимых иракскими властями. Просьба осталась без ответа. Между тем выступления курдов продолжались и вылились в затяжное восстание, на подавление которого были брошены иракские армейские подразделения, пользовавшиеся поддержкой английской авиации. В итоге выступление Махмуда Барзанджи потерпело поражение. Но это не означало усмирения Курдистана: борьбу за национальные права курдов продолжили сначала Ахмад аль-Барзани, а затем его брат Мустафа, который позже стал одним из наиболее выдающихся лиде-

ров курдского национального движения, общепризнанным героем курдского народа.

С конца 20-х и на протяжении 30-х годов район Барзана был местом практически непрерывного брожения. Во время вооруженных столкновений барзанцев. с правительственными войсками в 1930–1931 гг. последние не раз терпели поражения от применявших методы партизанской борьбы курдов. Однако частичные успехи локального по своему характеру восстания барзанцев не могли изменить ситуацию в курдском национальном движении в целом. Против повстанцев направлялись иракские армейские части, которые всегда получали поддержку британской авиации, а также турецких властей. К тому же решение курдской проблемы лежало не в военной, а в политической плоскости, но у иракских политиков и их британских друзей был свой подход к одному из острейших вопросов внутриполитической жизни Ирака.

Несмотря на сложившуюся на тот момент крайне острую ситуацию в стране, режим короля и Нури Саида выстоял, 3 октября 1932 г. Ирак был принят в Лигу наций и стал первым из подмандатных государств, получивших свою независимость.

Отмена мандата в Ираке воспринималась как важнейшая предпосылка к созданию сильного государства национального единства. Достижению такой цели могло содействовать примирение националистической оппозиции с властью. Шагом в этом направлении стало приглашение королем Фейсалом некоторых представителей этой оппозиции войти в состав правительства. В ноябре 1932 г. король отправил в отставку кабинет Нури Саида и назначил нейтрального премьера для проведения парламентских выборов. В марте 1933 г. был сформирован новый кабинет, состоявший в основном из членов партии Иха. Обретенная Ираком независимость повлекла за собой определенные сдвиги в распределении власти в стране. Известная доля этой власти осталась в руках англичан, но часть ее перешла к иракцам. Король Фейсал и его окружение, представленное прежде всего армейскими офицерами османской выучки, такими как Нури Саид, спешили заполнить образовавшийся вакуум, и в этом они получали твердую поддержку со стороны англичан. Но здесь король и его пробританские сторонники натолкнулись на новую оппозицию,

резко выступавшую против англо-иракского договора и сохранявшегося характера связей с Англией. Выступления этих оппозиционных сил опирались на куда более широкие круги иракской общественности, чем это было во время восстания 1920 г.

С вступлением Ирака в Лигу наций прекратил свое действие мандат, и Ирак был провозглашен независимым государством. Отмена мандата привела к некоторому ослаблению вмешательства Англии в дела внутреннего самоуправления страны, однако независимость, даже по признанию самого ревностного проводника политики Англии в Ираке Нури ас-Саида, была лишь «условной независимостью», ограниченной положениями англо-иракского договора. Этот договор гарантировал сохранение и укрепление стратегических, политических и экономических интересов Англии в Ираке.

ГЛАВА 3

«НЕЗАВИСИМЫЙ» ИРАК НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1932–1939 годы)

3.1. Внутренняя политика национальной власти в межвоенный период. Власть и этно-кофессиональные группы страны

Отмена британского мандата мало что изменила в Ираке. Английское посольство, заменившее верховного комиссара, контролировало внутреннюю и внешнюю политику Ирака, британские гражданские советники оставались на своих постах, офицеры военной миссии продолжали заниматься подготовкой иракских вооруженных сил, сохранила миссия свой контроль и над военно-воздушными базами в Хаббании и Шуайбе. Неизменно прочным оставалось влияние Англии на короля и его министров. Британские компании по-прежнему преобладали в основных секторах иракской экономики, и их позиции в последующие годы продолжали укрепляться.

Социально-экономическое положение страны не претерпело каких-либо сдвигов: Ирак по-прежнему оставался отсталой аграрной страной. К моменту обретения независимости в промышленности страны, за исключением нефтедобывающей отрасли, не было создано ни одного современного предприятия. Не получило развития ирригационное строительство.

Предоставление Ираку формальной независимости совпало по времени с мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., крайне

тяжело сказавшимся на ситуации в стране. Кризис привел к сокращению посевных площадей, разорению крестьян и массовой миграции в города.

Политическая жизнь в Ираке после отмены мандата приобрела черты устойчивой нестабильности, нашедшей свое проявление в серии кризисов, потрясавших страну на протяжении 30-х годов. В межвоенные годы не прекращалась ожесточенная борьба за власть и влияние между различными группировками феодально-бюрократической олигархии, сформировавшимися в 20-е годы в процессе становления самого иракского государства. Наглядным свидетельством этого может служить правительственная чехарда: в течение двух с половиной лет после отмены мандата в Ираке сменилось восемь кабинетов, три раза проводились выборы в парламент, что, естественно, не способствовало установлению стабильности в стране.

Заменившая англичан национальная иракская власть оказалась лицом к лицу с множеством внутренних проблем, которых до той поры ей удавалось избегать. Отмена мандата вызвала резкое обострение этно-конфессиональной ситуации в стране, создававшей серьезную угрозу хрупкому, не успевшему укрепиться единству Ирака. Религиозные и этнические группы с большей активностью стали требовать предоставления им самоопределения, в том числе в форме автономии, и вхождения в центральные властные структуры. Упорную борьбу за достижение этой цели вели курды. С такими же требованиями выступали и христиане-ассирийцы, находившиеся ранее под покровительством Англии и утратившие его с отменой мандата. Еще большие проблемы властям создавало вновь заявившее о себе трайбалистское движение в южных шиитских районах Ирака, в котором к традиционно существовавшим между племенами противоречиям добавились новые аспекты, отражавшие экономические и социальные последствия сдвигов в хозяйственном укладе племен.

Юг Ирака все активнее втягивался в товарно-денежные отношения, что сопровождалось возрастанием ценности земли и формированием качественно новых отношений в аграрной сфере. Развитие этого процесса обострило борьбу между знатью племен за землю и воду. К этому добавлялось также недовольство более широких шиитских кругов ущемлением их прав в дележе национального богат-

ства и привилегий[1]. Это недовольство, подогревавшееся амбициозными устремлениями политической элиты в Багдаде, вылилось в итоге в серию восстаний племен Центрального и Южного Ирака, которые весьма серьезно потрясли иракское государство, дав тем самым власти повод для расправы с повстанцами и применения против них самых жестоких мер.

Таким образом, в 30-е годы в процесс борьбы за власть в Ираке были вовлечены самые разнородные силы, вынужденные сосуществовать в едином иракском политическом пространстве, характер которого определялся теми, кто контролировал центр. Порой режим прибегал к созданию тех или иных группировок, чем лишь усугублял социально-политическую дифференциацию и обострял конкуренцию в кругах, боровшихся за власть. Неустойчивость в политической сфере самым пагубным образом влияла на общее социально-экономическое положение страны.

Отмена мандата поставила перед «независимой» властью Ирака ряд достаточно сложных задач. Ей предстояло выработать новые принципы социальной и политической организации государства и общества. Необходимость решения этой задачи усиливалась потребностью в ускорении экономического развития и в установлении более справедливого социального порядка в распределении национального богатства и привилегий. Для Ирака это были новые тенденции, возникавшие в ходе объективно развивавшегося процесса модернизации, одним из аспектов которого были новые веяния и в общественной мысли, вбиравшей в себя идеи Запада.

В светском в своей основе иракском государстве полемика развертывалась главным образом вокруг этих вызовов современности и поиска путей адекватного соответствия этим новым явлениям в жизни Ирака. К дискуссиям по проблемам социально-экономического развития добавлялись также вопросы политического характера, в том числе утверждения в иракском обществе основных гражданских прав. Постоянным предметом обсуждений оставался очень важный и актуальный для Ирака вопрос, связанный с подходами к определению его национальной идентичности[2].

Полемика вокруг места Запада и западных идей в создании сильного суверенного иракского государства, их влияния на общест-

венное развитие страны выявила серьезные расхождения в среде иракских идеологов и привела постепенно к развитию двух направлений в иракской политической мысли, надолго разобщивших интеллигенцию Ирака.

Одно из этих направлений, представленное арабскими националистами, связывало будущее Ирака, его развитие на путях «панарабизма», в рамках объединенного арабского сообщества, в котором сильному единому, независимому иракскому государству отводилась главенствующая роль. На их политическую ориентацию существенное воздействие оказывала общеарабская палестинская проблема, резко обострившаяся в начале 30-х гг. Просионистская политика Англии в Палестине вызвала бурный взрыв антианглийских настроений в Ираке, нашедший свое выражение в непрерывных демонстрациях и в уличных беспорядках.

Носителями другого направления общественной мысли были иракские националисты, которые достижение той же цели – формирование сильного иракского государства связывали с модернизацией страны, с социальными реформами, необходимость проведения которых диктовалась нарастанием социального недовольства как следствия углублявшейся пропасти в распределении национального богатства между различными группами населения Ирака. Эти реформаторы придерживались разного толка левых взглядов: меньшая их часть разделяла марксистские идеи, большинство стояло на позициях умеренного либерализма[3].

Складывавшаяся в Ираке в 30-е гг. ситуация не создавала предпосылок для достижения поставленной задачи – формирования прочного единства в иракском государстве. Напротив, в постмандатные годы страну сотрясали практически непрерывные этноконфессиональные и социальные кризисы, не раз принимавшие характер вооруженного противостояния. В их числе восстания курдов 1931–1932 гг, ассирийский кризис 1933 г., восстания шиитов Среднего Евфрата в 1935–1936 гг. Причинами массовых выступлений иракцев было неуклонное ухудшение положения трудовых слоев населения, включавших безземельных крестьян-арендаторов, горожан, страдавших от роста безработицы. Значительная часть охвативших тогда страну кризисов прямо или косвенно была связана с

ситуацией в Южном Курдистане, где не прекращалась вооруженная борьба курдов после поражения восстания под руководством шейха Ахмеда Барзани, грозившая вылиться вновь в более широкомасштабные действия. Разрядить обстановку правительство, поддержанное Лондоном, смогло в тот момент, направив волну социального протеста в русло национальной и религиозной розни. Жертвой властей на сей раз стали ассирийцы-христиане.

3.2. Ассирийская катастрофа

Англичане в своей политике сначала завоевания, а затем упрочения обретенных позиций в Ираке использовали традиционный для них прием опоры на местное население, на различные этнические и национальные группы, щедро раздавая им разного рода обещания, не забывая при этом о применении многократно и «плодотворно» использованной практики «разделяй и властвуй». Кроме курдов, всю меру предательства англичан испытал на себе еще один народ Ирака – ассирийцы.

Современные ассирийцы этнически восходят к одному из древнейших народов мира – ассирийцам, относящимся к семитской группе народов, родственным вавилонянам, с которыми они имели общий язык, культуру, верования. Ассирийцы проделали длительный, сложный, наполненный богатыми и крайне разнородными по своему характеру событиями путь своей этнической истории и национального развития. Наряду с другими народами Западной Азии они внесли большой вклад в культурно-цивилизационное развитие ближневосточного региона.

Ассирийцы одними из первых уже в I в. приняли христианство, что, с одной стороны, стало важным фактором их этнического сплочения, а с другой, – причиной гонений и преследований со стороны властей Рима, а затем Византии и Ирана, на территориях которых и были расселены ассирийцы.

В Византии ассирийцы подвергались нещадному социально-экономическому и политическому гнету, преследовались их язык, культура, верования. Недовольство своим тяжелым положением

привело ассирийцев к борьбе против ортодоксального христианства, к провозглашению в V в. в качестве официальной доктрины ассирийской церкви несторианства и ее отделению от византийской православной церкви. С этого времени руководители ассирийской церкви стали носить титул католикосов-патриархов[4]. В последующей истории ассирийского народа несторианство стало его этническим культом, а руководители несторианской церкви в условиях иноверческого окружения и жестоких политических преследований в течение многих веков выступали как национальные лидеры подавляющего большинства ассирийцев Ближнего Востока[5]. Впоследствии в результате раскола в их среде из паствы Ассирийской церкви Востока (несторианской) выделилась униатская ассиро-халдейская (католическая) община.

В новое время основная масса ассирийцев проживала в Османской империи, Иране, России и США. Главным районом их расселения в Османской империи были Восток и Юго-Восток Турции, или Южный Курдистан, входивший в Мосульский вилайет, где ассирийцы, составляя наряду с туркоманами национально-этническое меньшинство, соседствовали с курдами и арабами. У ассирийцев восточных районов Турции наряду с феодальными прочно сохранялись родоплеменные отношения. Во главе союза ассирийских племен стоял наследственный патриарх из рода Мар-Шимуна, являвшийся одновременно и светским и религиозным руководителем.

Численность ассирийцев точно не известна. Данные о них имели всегда весьма приблизительный характер. Такими они остаются и поныне. На рубеже XIX–XX веков, по разным источникам, в Османской империи ассирийцы составляли от 250 тыс. до 1 млн[6]

На судьбу ассирийцев новейшего времени в огромной степени повлияли последствия деятельности западных христианских миссионеров, направленной на обращение ассирийцев-несториан в католичество и подчинение их Ватикану. Первыми свою активность в этом направлении развернули еще в XVII в. французские миссионеры, к которым позже, в начале XIX в., присоединились религиозные протестантские миссии европейских государств и США, предваряя широкую экономическую и политическую экспансию Запада на Ближнем Востоке.

Европейские миссионеры открывали в ассирийских селениях школы для мальчиков и девочек, лечебные пункты, переводили на современный ассирийский язык Ветхий и Новый завет. Просветительская деятельность миссионеров имела четкую идеологическую направленность. Ее целью было заставить ассирийцев отказаться от своей древней культуры, принять образ мыслей и образ жизни европейских проповедников. Для привлечения как можно больше прозелитов миссионеры различных церквей широко использовали разные средства, как мирные, так и насильственные. В больших количествах печаталась и распространялась соответствующая литература на ассирийском и европейских языках. Если ассирийцы не поддавались на уговоры отказаться от своей церкви, в ход пускались подкуп, шантаж, угрозы. Причем подкупить стремились не только рядовых ассирийцев, но и представителей ассирийской знати – князей-маликов и даже патриархов. Дети исключались из школы, прекращалась экономическая помощь, снабжение медикаментами[7].

Ассирийцы упорно сопротивлялись давлению миссионеров, хотя последним временами удавалось добиваться успеха. Так, в 1778 г. римско-католическая церковь подчинила всех ассирийцев, живших в Северной Месопотамии. По имеющимся данным, число униатов ассиро-халдеев только в Мосуле составило 350 семей[8].

В достижении поставленных целей миссионеры широко прибегали к мерам, имевшим в дальнейшем самые пагубные последствия для судеб ассирийцев и для ситуации в Южном Курдистане в целом: речь идет о натравливании на ассирийцев мусульманского населения, прежде всего курдов. Миссионеры подкупали курдских шейхов, организовывавших нападения на ассирийские деревни, жители которых не хотели присоединяться к иностранной церкви. При прямом попустительстве англо-американских миссионеров османские власти сумели направить антитурецкое восстание курдов 1843 г. против ассирийцев, которые подверглись жесточайшей расправе. В свою очередь, турецкие власти, ослабив курдов, подвергли их также разгрому[9].

Ассирийцы Османской империи эксплуатировались курдскими шейхами, турецкими беями, подвергались национальному и религиозному унижению, страдали от непомерных налогов и лихоимства

османской администрации. Им не позволялось открыто хоронить своих умерших, совершать религиозные ритуалы, носить национальную одежду[10].

В складывавшейся с начала XIX в. ситуации в ближневосточном регионе ассирийцы все больше стали связывать свои надежды на спасение с Россией. Они неоднократно обращались к российскому правительству, заявляя о своей готовности перейти в православие, а симпатии к России подкрепляли делами. Ассирийцы во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. доставляли русской армии фураж и продовольствие, выступали разведчиками и проводниками, за что получили от российского правительства в 1829 г. разрешение поселиться в Нахичеванском уезде. В дальнейшем на протяжении всего XIX в. ассирийцы Сирии, Месопотамии, Ирана обращались к России с просьбой перехода в лоно православной русской церкви. В 1898 г. русский синод предоставил такую возможность 9 тысячам ассирийцев Ирана. В 1898 г. в Тебризе обосновалась русская православная миссия, начало деятельности которой сопровождалось большим успехом, что вызвало резко негативное отношение к ней со стороны европейских и американских миссионеров. Однако русская религиозная миссия, как и другие иностранные религиозные представительства, своей деятельностью способствовала лишь дальнейшей разобщенности ассирийцев. «Всеми способами стараясь привлечь их на свою сторону, – отмечает крупнейший специалист по истории ассирийского народа, К.П.Матвеев, – миссионеры натравливали ассирийцев как на мусульман, так и друг на друга. Накануне первой мировой войны ассирийцы оказались разделенными на различные религиозные секты, руководители которых выполняли волю миссионеров, а не защищали интересы своего народа»[11]. Религиозная разобщенность ассирийцев облегчала репрессивные действия как османских, так и иракских властей против этого христианского меньшинства.

Нарастание противоречий между державами в их борьбе за упрочение собственных позиций на Ближнем Востоке с начала XX в. сопровождалось активизацией деятельности иностранных религиозных миссий и дипломатических представительств среди конфессиональных и этнических меньшинств Османской империи и Ирана.

При этом особо враждебное отношение вызывали у них ассирийцы, ориентированные на Россию.

Ассирийцы Турции накануне первой мировой войны готовы были поднять антитурецкое восстание в случае оказания им поддержки со стороны России. Российское правительство такого шага не сделало, отчетливо представляя себе его последствия в условиях накаленности отношений между всеми державами, втянутыми в дела ближневосточного региона. Но при этом дипломатическим агентам России рекомендовалось внушать ассирийцам, что именно Россия освободит их от многовекового турецкого гнета.

Первая мировая война стала временем величайшей трагедии для ассирийского народа. Военные действия на территориях их расселения в Турецком Закавказье и Иране сопровождались нещадным истреблением мирного ассирийского населения турецкими войсками и курдскими отрядами, уничтожением их деревень, грабежами, насилием, преследованием тех, кто пытался спастись бегством в Россию или Иран. Противостоять всем этим бесчеловечным акциям можно было силой оружия. С 1915 г. ассирийцы при поддержке России приступили к созданию регулярной армии, которая успешно действовала на стороне русских войск, сражавшихся в Закавказье. Когда после Февральской революции в России контингенты ее вооруженных сил постепенно выводились из этого региона, русское командование оставило значительную часть боеприпасов, амуниции, винтовок, пулеметов, пушек и около 200 русских офицеров-добровольцев в составе ассирийских войск в качестве советников и инструкторов. Русские офицеры оказали значительную помощь ассирийцам[12]. В 1918 г. командующим ассирийской армии стал русский офицер, полковник князь Кузьмин.

На заключительном этапе войны, когда военные действия стран Антанты против турок приобрели особо ожесточенный характер, командование англо-французских войск приняло решение «использовать высокие военные качества ассирийцев в борьбе против турок и послать ассирийцам в качестве советников и инструкторов английских и французских офицеров»[13].

Ассирийцы с борьбой против Турции на стороне союзников связывали надежды на свое национальное освобождение. Еще в 1917 г.

ими был опубликован манифест «Объединение и Союз свободной Ассирии», в котором, в частности, говорилось: «Целью и стремлением Союза свободной Ассирии является установление на будущее время национального правления в следующих областях: Уремия, Мосул, Турабдин, Насывын, Джезира и Джуламерк – в воссоединении с великой свободной Россией, как в торгово-промышленном отношении, так и по военной части, чтобы быть с Россией в союзе»[14].

В последние месяцы войны и турки, и англичане развернули активную деятельность по привлечению ассирийцев на свою сторону, раздавая им разного рода обещания. Усилия турецкой стороны полностью провалились. Что касается англичан, то в их политике отчетливо проступает ярко выраженный конъюнктурный подход к такому сложному вопросу, как национально-этнический. Стремясь привлечь ассирийцев к более активному участию в войне с турками, англичане способствовали переселению ассирийцев в годы первой мировой войны на территорию будущего государства Ирак, разместив их в северных районах в окружении курдских и арабских племен. Именно в англичанах ассирийцы видели своих главных защитников. Ассирийцы составили значительную часть вооруженных отрядов – «леви», боровшихся на стороне англичан против турок[15]. На словах английская сторона проявляла готовность не только взять на себя обеспечение ассирийских войск необходимыми поставками и денежными средствами, но и оказать ассирийцам помощь в создании независимого государства, если они будут продолжать войну.

На самом же деле английские правящие круги вовсе не собирались допустить национального самоопределения ассирийцев и тем более создания ими независимого государства. В планы Великобритании входило переселение ассирийцев на территорию Южного Курдистана, где из них предполагалось сформировать вспомогательные вооруженные отряды, предназначавшиеся для охраны нефтяных промыслов в районе Мосула, установление своего безраздельного контроля над которым было стратегической целью англичан[16]. Англичане приступили к созданию ассирийских военных батальонов «леви», в составе которых в итоге насчитывалось около 10 тыс. человек. Эти батальоны совместно с английскими войсками участвовали в военных операциях против турок, а позже, во время

всеобщего восстания 1920 г. в Ираке, использовались англичанами для расправы с восставшими арабами и курдами.

В 1918 г. ассирийцы, продолжавшие войну на стороне стран Антанты, подверглись гонениям как иранских властей, так и давлению турецких войск, которые преследовали цель разгромить численно уступавшие им ассирийские вооруженные формирования. Попутно они без всякой пощады расправлялись с пытавшимися спастись бегством мирными ассирийскими жителями. Испытали тогда же ассирийцы и всю меру предательства англичан, своими действиями способствовавших кровавым столкновениям между ассирийцами и курдами и породивших глубокий раскол в рядах самих ассирийцев.

После подписания 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия в оккупированном английскими войсками Северном Ираке в результате обмана, шантажа и прямого давления английского командования оказалась значительная часть ассирийцев. Остальные территории исторического расселения ассирийцев были включены в состав соседних государств – Турцию, Иран, Сирию.

Действия английских оккупационных властей в Ираке вызывали недовольство практически всех слоев населения страны. Английское правительство, столкнувшись с нараставшим национально-освободительным движением арабов и курдов, стало привлекать к расправе с ними ассирийские отряды. Следуя своей политике «разделяй и властвуй», англичане использовали национальную и религиозную вражду, которую сами же посеяли между ассирийцами-христианами и мусульманами Ирака. Участие ассирийских батальонов в подавлении народных выступлений создало пропасть между ассирийцами, с одной стороны, и курдами и арабами Ирака, – с другой[17].

Ассирийцы, оказывая помощь английским властям, ожидали от них выполнения данных обещаний и разрешения ассирийской проблемы, центральным вопросом которой было возвращение ассирийцев в свои родные места и предоставление им права на самоопределение. К этому добавлялись также вопросы освобождения ассирийских пленных, наказания виновных в трагедии ассирийского народа, признания его права на свободу отправления религиозных обрядов и т. д. Однако англичане не сделали ничего для оказания помощи ассирийцам в разрешении их проблем. Более того, получив в 1920 г.

мандат на Ирак, Лондон продолжал использовать ассирийцев как в своей борьбе с Турцией за включение Мосульского вилайета с его нефтяными богатствами в состав Ирака, так и в акциях, направленных на подавление антианглийских выступлений курдов и арабов, боровшихся против английского мандата и шовинистической политики иракского правительства.

С 1921 г. англичане приступили к сокращению своей большой сухопутной армии в Ираке, заменив ее военно-воздушными силами, на которые возлагалась задача обеспечения здесь британских интересов. Что касается таких вопросов, как охрана иракских границ и английских военных объектов, поддержание порядка и подавление выступлений народных масс, то эта миссия возлагалась на ассирийские батальоны.

До окончательного определения Лигой наций судьбы Мосульского вилайета в 1926 г. как «Неделимой части Иракского королевства» на Севере Ирака сохранялась чрезвычайно напряженная ситуация: между вовлеченными сторонами – Турцией и Англией неоднократно происходили военные действия, к участию в которых англичане неизменно привлекали ассирийские отряды. Это давало турецким властям дополнительный аргумент для изгнания остатков ассирийцев с турецкой территории, с их исконной родины – района Хакяри, откуда в Ирак бежало 8 тыс. ассирийцев. Сюда же возвратилось около 800 ассирийских беженцев периода первой мировой войны из других районов Турции, а также из России и Греции[18]. Турки вели активную антиассирийскую и антианглийскую пропаганду, распространяя слухи о намерении ассирийцев создать свое государство на территории Северного Ирака, который англичане якобы намерены заселить только ассирийцами, вытеснив из этого района курдов и всех остальных. Очевидно, что это не могло не порождать откровенно враждебного отношения арабо-курдского мусульманского населения к ассирийцам-христианам. Курды и арабы воспринимали как реальную возможность образование при поддержке Англии в Северном Ираке ассирийской автономии, что и превратило тогда этот район страны в зону острых межнациональных противоречий, неоднократно выливавшихся при попустительстве англо-

иракской администрации в вооруженные столкновения и кровавую резню.

Англия, упрочив свои позиции в Ираке, очень скоро забыла об обещаниях, дававшихся ассирийцам ранее. Англичане и иракские власти опасались поселения ассирийцев в одном месте как гипотетической возможности создания ими в будущем самостоятельного государства или автономии, а поэтому настаивали на расселении ассирийцев отдельными группами по всему Северному Ираку. В этом они видели также средство приостановить непрерывные курдские волнения.

Несмотря на протесты ассирийцев, иракское правительство приступило к реализации намеченной программы их рассредоточения, выделяя для этого преимущественно заболоченные места, совершенно непригодные для проживания и хозяйственной деятельности.

К концу 20-х годов Англия, обеспечив условия для реализации своих военно-политических и экономических интересов в Ираке, сочла наиболее рациональным для себя отказ от иракского мандата, превращение этой страны в «независимое» государство и содействие его вступлению в Лигу наций. Сделанное по этому поводу в 1929 г. заявление английского правительства вызвало поток петиций, направлявшихся ассирийцами в Лигу Наций, в которых они категорически возражали против членства Ирака в этой международной организации до решения его правительством ассирийского вопроса.

По мере приближения времени обретения Ираком независимости возрастали тревога и обеспокоенность в ассирийском сообществе. Эта озабоченность своим будущим нашла отражение на созванной в октябре 1931 г. в Мосуле общеассирийской конференции, направившей обращение Лиге наций о проведении специального обсуждения ею вопроса, касающегося разрешения массового переселения ассирийцев в Сирию или вообще за пределы Ближнего Востока[19].

К Лиге наций ассирийцы апеллировали не впервые. Не раз создавались на основе этих обращений комиссии, изучавшие ситуацию с положением ассирийцев в Ираке, их выводы и рекомендации державе-мандатарию ничего не изменили в положении ассирийцев. Их надежды на возвращение в места прежнего проживания или на по-

лучение права компактного поселения в Ираке при поддержке Англии, которой ассирийцы оказали столь большие услуги, оказывались тщетными.

Мосульское обращение ассирийцев требовало от Лиги наций обсуждения конкретных действий. Но оно было отклонено англичанами, пообещавшими сохранить связь с ассирийцами за счет назначения членов отрядов «леви» охранниками на двух английских военных базах в Ираке. Но эта связь после 1932 г. возложила на ассирийцев большую ответственность: за их сообществом прочно закрепилась репутация как союзников Англии. Тогда же Великобритания почувствовала себя свободной от обязательств защиты ассирийцев как единого сообщества, не заботясь о последствиях той репутации, которую получили ассирийцы[20].

И хотя ассирийский вопрос несколько раз был предметом обсуждения в Лиге наций, в ходе которых увязывалось принятие Ирака в ее члены с необходимостью предоставления иракским правительством гарантий прав ассирийскому народу, какого-либо решения, обеспечивавшего эти гарантии, принято не было. А в англо-иракском договоре 1930 г., основополагающем документе, определившем взаимоотношения обеих стран вплоть до 1955 г., об ассирийцах, их статусе и будущей судьбе вообще не было упоминания[21].

Власти «независимого» Ирака очень скоро продемонстрировали свой подход к определению места этно-конфессиональных общин страны в деле строительства суверенного иракского государства. В полной мере наряду с курдами испытали на себе суть политики режима в этом вопросе ассирийцы.

С начала 30-х годов ассирийцы стали все острее испытывать на себе давление как со стороны иракских властей, так и натравливаемых ими на ассирийцев шейхов курдских племен. Сразу после провозглашения независимости Ирака арабы стали увольнять ассирийцев с занимаемых ими постов. Закрывались школы, запрещалось преподавание на родном языке. Особенно тяжело приходилось крестьянам, оказавшимся полностью незащищенными от произвола как государственных сборщиков налогов, так и хозяев земли, которыми в основном были арабы. Повсеместно против ассирийцев совершались акты террора[22]. Ассирийский вопрос приобретал все большую

остроту. Этому искусственно способствовали также и английские власти, которые были заинтересованы в столкновениях арабов и ассирийцев, поскольку это дискредитировало Ирак на международной арене, а Англии давало основание получать дополнительные возможности для укрепления своих позиций в этой стране.

Ассирийцы не раз безуспешно обращались к правительствам Англии и Ирака с просьбами о защите их прав. В 1932 г. они направили обращение в Лигу наций, которая после долгих дискуссий 15 декабря 1932 г. на заседании 69-й сессии своего Совета приняла решение отклонить требование ассирийцев относительно административной автономии и «поселить ассирийцев однородными группами или частями», что давало возможность иракскому правительству размещать ассирийцев отдельными семьями среди враждебных им арабов и курдов. Над ассирийцами Ирака нависла реальная угроза их ассимиляции или полного истребления[23].

На следующий день против принятой декларации за ее пересмотр выступил ассирийский патриарх И. Мар-Шимун, заявивший: «Ассирийцы должны быть расселены сплошной массой под эгидой Лиги наций, что вполне возможно. Важно, – отмечал патриарх, – чтобы при этом законные права местных владельцев земли не были нарушены. Если эти условия не будут выполнены, то с ассирийским народом произойдет катастрофа»[24]. Эта катастрофа не заставила себя долго ждать.

Багдад не допускал и мысли о предоставлении ассирийской общине права хотя бы на весьма ограниченное самоуправление. У иракских властей был свой план «решения» ассирийского вопроса.

В 1932–1933 гг. против ассирийцев была развязана беспрецедентная шовинистическая кампания. При этом власти всячески подогревали чувство неприязни арабов к этой группе населения страны, напоминая об участии специальных отрядов «леви» в подавлении народных выступлений в 20-е годы. Одновременно продолжалась линия на разобщение ассирийцев, на внесение раскола в их ряды, для чего в ход пускались подкуп, обещания высоких военных постов и государственных должностей. И, напротив, все несогласные сотрудничать с властями подвергались шантажу, запугиваниям, дискредитации. Настоящая травля была развязана против патриарха

Мар-Шимуна, к которой были причастны и англичане. Багдадские власти делали все возможное для изоляции патриарха. В мае 1933 г. он был приглашен в Багдад, где на него было оказано давление с целью заставить Мар-Шимуна одобрить правительственный план расселения ассирийцев, однако патриарх отказал властям в такой поддержке. В итоге Мар-Шимун был задержан в столице. Такое развитие событий вызвало волнения среди ассирийцев, требовавших возвращения патриарха и к тому же всерьез опасавшихся карательных мер со стороны властей. Для таких опасений было достаточно оснований.

В мае 1933 г. командующий Мосульским гарнизоном генерал Бакр Сидки, курд (хотя этот факт признается не всеми), отдал приказ местным властям о блокировании ассирийских сел и изъятии оружия у служивших в ассирийских батальонах. Получив отказ ассирийцев сделать это, иракские власти обратились за помощью к англичанам, которым также не удалось склонить ассирийцев к разоружению. Следствием этого было распоряжение Бакра Сидки о начале ассирийских погромов, одобренное высшими инстанциями в Багдаде.

Иракскими властями совместно с англичанами был разработан план, в который входили разоружение всех ассирийцев Северного Ирака, вывод из региона ассирийских военных частей и передислокация полицейских постов, где служили ассирийцы, на юг Ирака[25]. К организации ассирийских погромов готовились армейские части. Англичане знали о готовящейся ассирийской резне, но не предприняли ничего для ее предотвращения. В тот момент они были крайне заинтересованы «переключить» нараставшее в иракском обществе недовольство кабальным англо-иракским договором и политикой правительства Рашида Али аль-Гайлани, оказавшегося не в состоянии решить ни одной из проблем, вставших перед властями независимого Ирака, на межэтнические и межконфессиональные столкновения, в эпицентре которых в это время оказался ассирийский вопрос.

Правительственная пропаганда обвиняла ассирийцев в предательстве, в преступлениях против Ирака, в якобы исходящей от них угрозе самому иракскому государству. Иракцев убеждали в том, что единственный способ решения ассирийской проблемы – это реши-

тельные действия, призывы к которым адресовались и арабам и курдам. Наивысшего накала официальная антиассирийская кампания достигла в июле 1933 г.[26]

Ища спасения от нависшей над всей ассирийской общиной опасности, небольшая группа вооруженных людей во главе с известными ассирийскими вождями перешла на территорию Сирии с целью получить согласие французских мандатных властей на предоставление ассирийцам убежища, на что французская сторона ответила согласием. Такой шаг французов был продиктован отнюдь не заботой о судьбе гонимого ассирийского народа. Столкнувшись в Сирии с мощным протестом арабов против установления мандатного режима, власти Франции, как и англичане, проводили политику разобщения различных групп сирийского населения, пытаясь сделать своей надежной опорой христианское меньшинство. Поддержкой ассирийцев они рассчитывали укрепить эту опору[27].

Получив разрешение французских властей, многие ассирийцы покинули свои дома и направились к иракско-сирийской границе. Всего их было около 40 тыс. человек и тысяча уже находилась на границе[28].

Вмешательство иракского правительства и Англии изменило позицию Франции в подходе к размещению ассирийцев. Между Францией и Англией было достигнуто соглашение о недопущении ассирийцев в Сирию, об их разоружении и возвращении в Ирак. Даже те, кто уже находился на территории Сирии, были вынуждены ее покинуть.

Правительство Гайлани направило в районы проживания ассирийцев войска под командованием генерала Бакра Сидки, которому были даны полномочия «расправиться с ассирийцами так жестоко, как он того захочет»[29].

Когда ассирийцы 4 августа 1933 г. стали переправляться через Тигр, по ним с берега открыли пулеметный и артиллерийский огонь заранее стянутые к границе иракские правительственные войска, хотя о мирных намерениях беженцев свидетельствовал поднятый ими белый флаг. В результате был спровоцирован вооруженный конфликт между ассирийцами и иракской армией, который быстро перерос в кровавый погром всего ассирийского населения Северного

Ирака[30]. Ассирийские батальоны, уступая в численности и технической оснащенности правительственным силам, использовавшим против ассирийцев даже авиацию, упорно сопротивлялись и причинили иракским войскам немалый урон, однако их сопротивление было быстро сломлено.

Против мирного населения была учинена настоящая кровавая бойня. В августе 1933 г. иракские войска устроили резню в сотнях ассирийских деревень, в которой приняли участие и курды, воспользовавшиеся одновременно возможностью ограбить десятки ассирийских деревень. Тех, кто отказывался от участия в грабежах, обещали объявлять предателями веры и родины.

Погромы и расправы с ассирийцами осуществлялись по всему Северному Ираку. Действия сухопутных войск координировала английская авиация. Свои преступные акции против целого народа иракские власти старались переложить прежде всего на курдов, попутно обвиняя в зверствах и насилиях над ассирийцами и Сирию и Турцию. А между тем многие курдские шейхи не только отказывались участвовать в ассирийских погромах, но и предоставляли ассирийцам убежище в своих деревнях. В основном курды остались нейтральными к призывам правительства уничтожать ассирийцев[31]. Не разделяли позицию руководства страны в ассирийском вопросе многие иракцы, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности.

Остановить трагедию ассирийского народа могла своим вмешательством Лига наций и, конечно, Англия, но они не сделали этого.

Развязав массовый террор против ассирийцев, в ходе которого было убито около 6 тысяч человек, десятки тысяч изгнаны из своих домов, разрушено 95 деревень, иракские власти сочли на тот момент свою «миссию» завершенной и отдали приказ о прекращении погромов[32].

Приложив максимум усилий для собственной реабилитации, правительство Ирака всю ответственность за происшедшее в стране возложило на самих ассирийцев. Между тем истинными виновниками ассирийско-иракского конфликта явились правящие круги Ирака во главе с премьером Рашидом Али аль-Гайлани, видевшие в разжигании этнического и религиозного шовинизма средство для сохране-

ния и укрепления своего режима. Курдам, также выдвигавшим требование предоставления им права на самоопределение, расправа с ассирийцами должна была послужить наглядным примером об ожидающих их последствиях в случае продолжения борьбы за признание иракскими властями курдских национальных прав. Натравливая арабских националистов и курдов-мусульман на ассирийцев-христиан, иракский режим стремился подорвать позиции патриотических и демократических кругов и среди арабов, и среди курдов.

Особая политическая и моральная ответственность за резкое обострение ассирийского вопроса в Ираке в середине 1933 г. и учиненные против ассирийцев погромы лежит на Англии, которая действиями своих советников в Ираке инспирировала ассирийские эксцессы. Действия эти отражали заинтересованность Лондона в дискредитации правительства "суверенного" Ирака, в демонстрации его слабости и неспособности решать важнейшую внутреннюю проблему – национальную. Такая оценка иракских властей была направлена на пресечение любых намерений тех политических кругов в Ираке, которые выступали за пересмотр англо-иракского договора 1930 г.[33]

Не меньшая ответственность за трагедию ассирийского народа лежит и на Франции. Заключив с Англией в начале лета 1933 г. соглашение относительно иракских ассирийцев-несториан, предусматривавшее очередное переселение этой этнической общины в Сирию, французские мандатные власти намеревались использовать ассирийцев в качестве противовеса арабам и курдам, отстаивавшим право Сирии на независимость[34]. Однако затем Франция свое решение отменила и не допустила ассирийцев в Сирию. Своими беспринципными маневрами французские власти существенно усугубили положение ассирийских переселенцев.

Политический режим Ирака при прямой поддержке англичан по-своему «решил» ассирийский вопрос: с ассирийцами-несторианами, составлявшими большинство ассирийского народа, как единой этнической общностью было покончено. Часть ассирийцев все же оказалась в Сирии, другие обосновались в сопредельных странах[35]. Эмигрировали ассирийцы и в Европу и США.

Своей колониалистской политикой англичане внесли глубокий раскол в иракское общество, создав преграду на пути объединения как всех его этно-конфессиональных общин – арабов, курдов, национальных меньшинств, мусульман, христиан, езидов, – так и сплочения различных сил внутри самих общин, в их борьбе за подлинное национальное освобождение, за поступательное развитие страны.

По поводу происшедших на Севере событий иракская пресса подняла большой шум. Несмотря на малочисленность ассирийской общины, она была представлена как «серьезная угроза национальному единству Ирака» и как «часть злого умысла Великобритании восстановить свой контроль над северными районами страны». Все эти утверждения были далеки от правды, но они производили должное впечатление напоминанием о давнем и тесном сотрудничестве ассирийцев с англичанами, об их активной роли в расправе во время восстания 1920 г. с арабами и курдами, боровшимися против произвола британских оккупантов. Ассирийцы обвинялись в «предательстве национальных интересов страны» за их службу на британских военных базах в Ираке в качестве охранников[36].

«Ассирийское дело» ускорило отставку правительства Рашида Гайлани 18 октября 1933 г., что означало отстранение от власти и партии Иха.

Незадолго до этого, 7 сентября 1933 г., в Швейцарии от сердечной недостаточности скончался король Фейсал. Как личность, Фейсал воспринимался в Ираке неоднозначно. Одни, включая людей из его ближайшего окружения, считали короля слабым. В такой оценке, скорее всего, присутствовало желание видеть традиционно сильного человека на вершине иракского политического олимпа. Другие в планах Фейсала, в его видении будущего Ирака, в стремлении короля полностью идентифицировать себя с этой страной и в его способности подняться над политическими и личными амбициями отдельных групп иракского общества видели человека, далеко опередившего и свое окружение и своих современников. Большинством тогда признавалось, что из жизни ушел тот человек, которому удавалось сглаживать противоречия между столь разнородными составляющими Ирака. С Фейсалом ушло и положенное им начало инкорпо-

рирования представителей оппозиции в правительственную коалицию[37]. Хотя король никогда не поддерживал антибританских настроений отдельных политических групп страны, он стремился сотрудничать с представителями этой оппозиции в целях создания более широкой опорной базы для правительства, которая выходила за рамки государственно-политического устройства Ирака, жестко определенных англичанами. В коалиции различных политических сил страны Фейсал видел действенное и надежное средство, способное, по его мнению, обеспечить прочность и стабильность ситуации в Ираке.

Королевский трон занял сын Фейсала Гази. Он был молод: ему исполнился 21 год. Он не имел необходимого опыта в делах государственного управления и уже в силу этого не мог стать продолжателем линии отца в вопросах политического балансирования. К тому же полученное образование и личные черты характера Гази сформировали его как политика нового поколения, пытавшегося опираться на модернизирующиеся социальные группы иракского общества и не проявлявшего серьезной озабоченности в достижении баланса между силами «старого» и «нового» Ирака.

Гази во многих отношениях отличался от своего отца. Как представитель молодого поколения, получивший европейское образование, он не проявлял особого интереса к культивировавшимся племенными и религиозными лидерами традициям, не испытывал особого пиетета к политикам старшего поколения османской выучки. Если отец Гази чувствовал себя как дома и с горожанами, и в племенной среде и выработал свой, отличавшийся достаточной гибкостью стиль общения с политиками Багдада, то Гази менее всего проявлял интереса к сложностям и перипетиям багдадской политической жизни. Молодой король не обладал отцовским умением выстраивать свои отношения с деловыми кругами иракского общества, не имел его таланта привлекать представителей этих кругов в число королевских приближенных. Довольно часто, как отмечали современники, он вообще пренебрегал своими королевскими обязанностями[38]. Как и большинство иракцев, Гази тяготился засильем англичан. Вначале эти настроения сближали его с членами партии Иха, хотя постепенно король образовал свой собственный круг фавори-

тов, основанный на личных симпатиях и антипатиях, и практически полностью освободился от влияния лиц из окружения своего отца.

Отставка правительства Рашида аль-Гайлани вызвала обострение борьбы за власть в правящих кругах, нашедшее свое проявление в следовавших одна за другой сменах кабинетов – четыре за полтора года. В это время в политической борьбе стали обнаруживаться некоторые новые черты. Уменьшалось влияние англичан, которые ранее контроль над страной осуществляли через короля Фейсала. Гази оказался менее восприимчивым к рекомендациям Англии. Добиваться решения своих проблем политикам приходилось теперь не прямым обращением к королю, а при посредничестве администрации председателя королевского дивана (совета)[39].

Потенциально дестабилизирующим фактором явился развал оппозиционной коалиции. С этого времени подбор членов политического истеблишмента осуществлялся исключительно на принципе персонального подхода.

При Гази произошло резкое обострение отношений между шиитами и доминировавшими в государственно-политической жизни страны суннитами. Вызвано оно было рядом факторов. Одним из них явился проект сооружения плотины Гарраф. Эта большая плотина должна была появиться в Куте для орошения обширных площадей провинций Аль-Кут и Аль-Мунтафик. На ее возведение уже были выделены средства. Однако в конце 1933 г. правительство Ирака приняло решение передать бюджетные фонды, предназначенные для Гаррафской плотины, армии. В знак протеста против этого акта из состава кабинета вышли два министра-шиита, расценившие действие правительства, отдавшего предпочтение количественному увеличению армейских рядов как полное игнорирование интересов численно преобладающего шиитского населения страны, благополучие которого во многом зависело от данной плотины. Отставка министров послужила дополнительным импульсом к и без того нараставшему массовому протесту в шиитских районах Юга Ирака[40].

Король Гази был представителем нового, молодого поколения арабов, в среде которого высоко ценилась преданность идеям арабского национализма, арабского единства, воспринимавшимся как основа обретения арабами независимости. Носителями этих идей

выступали получившие современное образование представители арабской интеллигенции, гражданской и особенно военной: национальным вооруженным силам отводилась определяющая роль в освобождении арабского мира от «внешнего врага и сил внутренней реакции».

Гази проявлял повышенное внимание к армии. Его опора на молодых офицеров и связи с нараставшей оппозицией вызывали резко негативную реакцию англичан и правящих кругов Ирака: в этой линии поведения молодого монарха они видели потенциальную угрозу той модели государственного устройства страны, которая так надежно обеспечивала интересы Британии. Опора Гази на новые социальные силы могла стать ядром и новой политической структуры страны, которая позволила бы уменьшить глубину пропасти, неуклонно нараставшей между троном и поднимавшимся в стране средним классом. Но эта потенциальная тенденция не получила своего развития и была окончательно прервана со смертью Гази в 1939 г.[41]

К тому же в годы столь недолгого правления короля Гази (1933–1939), ситуация в стране складывалась таким образом, что реальных возможностей для позитивных перемен было чрезвычайно мало. 30-е годы не только не принесли стабильности Ираку, но оказались наполненными крупными социально-политическими потрясениями.

3.3. Шиитские восстания 1935–1936 годов

Смерть Фейсала повлекла за собой обострение политической ситуации в Ираке. В правительстве Иха произошел раскол. Он был вызван рядом заявлений кабинета, в том числе рассчитанных прежде всего на внешний мир подтверждением сохранения англо-иракского договора. Эти заявления вызвали бурную реакцию против позиции лидеров Иха со стороны Джафара абу ат-Тиммана, объявившего о своем выходе из политики. Оставка Абу ат-Тиммана существенно подорвала престиж Иха как национальной партии.

В сложившейся ситуации лидеры Иха выступили с предложением роспуска парламента и проведения новых выборов, рассчитывая в итоге занять в парламенте подавляющее число мест, что, по их

представлению, должно было существенно уменьшить политическую роль и влияние короля, а, следовательно, и стоявших за ним англичан и расчистить путь к реальной власти Иха. Король отклонил предложение о новых выборах. Кабинет Рашида Гайлани 18 октября 1933 г. ушел в отставку. Новое правительство возглавил Джамиль аль-Мидфаи. В него не вошли представители Иха и их сторонники – шейхи племен. По представлению премьера в феврале 1934 г. парламент утвердил закон о Национальной безопасности. В законе был разработан механизм призыва в армию и значительного увеличения ее численности, что с большим удовлетворением было встречено арабской суннитской элитой, но вызвало самый решительный протест у большинства шиитов и курдов[42].

В августе 1934 г. пост премьера занял Али Джавдат аль-Айюби, тесно сотрудничавший с Нури Саидом. Лидеры «Иха» в это время вели решительную борьбу за возвращение к власти. Али Джавдат предложил королю распустить парламент и провести новые выборы. Выборы были проведены в привычной для Ирака манере, обеспечивавшей власти желаемый результат. Несмотря на высокую активность, проявленную «Иха» в предвыборной кампании, эта партия смогла занять в парламенте лишь 12 мест. Не были избраны также некоторые из наиболее известных шиитских племенных шейхов района Среднего Евфрата, в том числе влиятельный, пользовавшийся у шиитов большим авторитетом шейх племени аль-Фатла провинции Диванийя Абд аль-Вахид аль-Хадж Сиккар. Такой результат был явным отступлением от ставших уже традиционными принципов проведения выборов, что было воспринято шиитской знатью как очевидно противозаконные антишиитские действия со стороны правительства[43] . Сложившаяся на тот момент ситуация создала основу весьма опасного для власти тактического альянса между шиитами и партией «Иха».

В январе 1935 г. оппозиция инициировала антиправительственные выступления в районах расселения шиитских племен. Одним из активных организаторов этих акций был шейх Абд аль-Валид Сиккар. Для привлечения масс и некоторых шейхов племен Среднего Евфрата на свою сторону Сиккар во время выступлений в обращениях к населению представал как защитник прав всех шиитов. Одна-

ко значительная часть шиитских шейхов, в том числе избранные депутатами парламента, не откликнулись на призывы и остались лояльными правительству.

К середине 30-х гг. иракское общество претерпело уже довольно значительные изменения. Факторы политического и экономического характера ускорили социальную дифференциацию внутри его этнических и религиозных групп, существенно усложнив тем самым расстановку сил как внутри каждой из этих групп, так и во взаимоотношениях между ними, что во многоми определило 30-е годы как период «устойчивой нестабильности». В середине десятилетия по Ираку прокатилась волна крестьянских восстаний, которые не представляли собою цельного, однородного движения. В этих выступлениях теснейшим образом переплелись классовые противоречия между крестьянами и феодалами, национальные противоречия между господствующей арабской верхушкой и курдами и другими этническими и религиозными меньшинствами – ассирийцами и туркоманами, а также борьба между шиитскими и суннитскими феодальными группировками, которая дополнялась еще и противостоянием различных кланов внутри каждого из таких сообществ. В итоге к традиционно сложным отношениям между Багдадом и лидерами племен, особенно на шиитском Юге, добавились новые нюансы, воплотившие в себе последствия переходного этапа: от общества, основанного на племенной организации со своей шкалой ценностей, к обществу оседлых земледельцев. Важнейшим в ряду этих последствий было падение власти и авторитета шейха среди его соплеменников. Прежде главным в деятельности шейха был военный аспект: он должен был защищать свое племя от соседей и от центрального правительства. А теперь шейх превратился в агента этого правительства и часто в его главного представителя. Ответственность же за обеспечение внутренней безопасности племен правительство давно взяло на себя.

Ситуацию усугубил принятый парламентом в феврале 1934 г. закон о воинской повинности, давший импульс быстрому увеличению вооруженных сил Ирака. Этот закон получил одобрение большей части суннитской элиты и крайне негативное отношение к нему шиитов и курдов[44]. Этот закон лишал шейха возможности иметь

собственные отряды из молодых, годных к воинской службе членов племени. Теперь они вошли в состав регулярного воинского контингента, который вполне реально мог быть использован и против самого шейха.

Существенно были ослаблены и административные функции шейха, поделенные между непомерно разросшимся чиновничеством, прочно утвердившимся на всех ступенях провинциального управления. В соответствии с принятыми в этой сфере в 30-е годы мерами местная власть передавалась в руки образованных горожан. Результатом таких действий правительства было усиление зависимости шейхов от центральной власти, расположения и внимания которой они стремились теперь добиться. Постепенно власть все больше переходила от племен к правительству. И когда выборы 1934 г. привели к дальнейшему снижению влияния племен в парламенте, их вожди пришли к убеждению, что настал весьма подходящий момент напомнить об их былой силе и престиже[45]. Ситуация усугублялась резким обострением отношений между суннитской правящей элитой и знатными шиитскими шейхами, вылившихся в итоге в мощные потрясения 30-х гг. в стране.

Комплекс накопившихся в Ираке противоречий, как в зеркале, отразился в восстаниях шиитов 1935–1936 гг., руководство которыми приняли на себя шейхи, не попавшие в 1934 г. в парламент, а их основную движущую силу составили крестьяне – шииты. Начало этим восстаниям положило стихийное выступление шиитов района Среднего Евфрата в январе 1935 г., которое побудило наиболее знатных шейхов шиитских племен, объединившихся в оппозиционную группу во главе с Абд аль-Вахидом аль-Хадж Сиккаром, и религиозных авторитетов шиитов организовать в Неджефе встречу и определить свою линию действий в свете развертывавшихся событий. Инициатива была поддержана главным муджтахидом иракских шиитов аятоллой Мухаммадом Кашиф аль-Гита. Собравшиеся разработали так называемую «Народную хартию», или «Манифест», из 12 пунктов, переданную в форме петиции королю Гази в марте 1935 г. Политические и экономические положения этого документа отвечали главным образом интересам шиитской верхушки. Их требования сводились к увеличению числа шиитов в депутатском кор-

пусе парламента пропорционально их доле в составе всего иракского населения и соответственно предоставления им мест во всех органах государственного аппарата; назначению в районах, населенных шиитами, судей из числа шиитов; обеспечению свободы выборов и печати; уменьшению налогов и их полной отмене на водоподъемные сооружения (владельцами этих сооружений были собственники земли – шейхи)[46].

Шейхи решительно потребовали от короля смещения премьера Али Джавдата и роспуска парламента. Отсутствие реакции власти на это обращение было воспринято ими как достаточное основание призвать свои племена к вооруженному восстанию[47]. Шейхи весьма умело использовали то положение, в котором находилось разорявшееся иракское крестьянство, его недовольство тяжелым налоговым гнетом, полной зависимостью от владельца земли и воды, от непосильной ростовщической кабалы. Ответственность за все эти невыносимые для крестьян условия лежали не только на государстве, но в большей степени на шейхах племен, которые и были непосредственными эксплуататорами крестьянства. Однако шейхам удалось убедить темных, неграмотных, задавленных нуждой крестьян в том, что во всех их бедах виновато суннитское правительство в Багдаде, которое угнетает шиитов, издает несправедливые законы, душит народ непомерными налогами. При этом шиитская верхушка стремилась всячески затушевать тот факт, что выгоду от вводимых правительством законов получали также и сами шиитские шейхи. Слепо доверяя шейхам и религиозным лидерам, восставшие крестьяне наивно полагали, что свержение ненавистного суннитского правительства сразу же облегчит их положение.

В ходе восстания 1935 г. на Среднем Евфрате крестьяне перерезали дороги, захватывали и взрывали мосты на Евфрате, они затопили большую территорию к югу от города Хилла, воспрепятствовав тем самым продвижению войск, посланных на подавление принимавшего угрожающие размеры крестьянского движения. Столь масштабные действия повстанцев вызвали обеспокоенность не только правительства, но и самих вождей восстания – шейхов племен и муджтахидов, поспешно согласившихся на предложенные властью переговоры. В итоге достигнутых сторонами договоренностей шей-

хи обещали властям прекращение восстания. В свою очередь правительство пошло на удовлетворение личных требований нескольких десятков крупнейших шиитских шейхов[48].

На развитие ситуации в районе восстания свое влияние оказывала активная деятельность багдадских политиков, пытавшихся использовать напряжение того момента в собственных интересах. Хикмет Сулейман, один из лидеров партии «Иха», находившийся в оппозиции к премьеру Али Джавдату, убедил своего старого друга Бакра Сидки, занимавшего пост командующего южным округом, не торопиться с подавлением восставших племен. Сложившаяся ситуация вынудила премьера уйти в отставку[49]. Его преемнику Джамилю аль-Мидфаи пришлось столкнуться с быстро разраставшимся восстанием племен в районе Диванийя, возглавленного двумя знатными шейхами, тесно связанными с партией «Иха» и ее лидером Ясином Хашими. Когда брат Ясина начальник штаба иракской армии Таха аль-Хашими также отказался от участия в подавлении восстания шиитских племен, премьер Аль-Мидфаи усмотрел в этом заговор против себя и подал в отставку. В этот довольно критический момент правящие силы Ирака именно в Ясине аль-Хашими усмотрели того единственного человека, который, по их представлению, мог «спасти» страну и вывести ситуацию из кризиса (кстати, им самим главным образом и спровоцированную). Именно Ясина король попросил в марте 1935 г. сформировать правительство, что явилось весьма значимой победой партии «Иха» над ее противниками.

Через неделю восстание прекратилось, точнее тот его этап, на котором его лидерами были шиитские шейхи – союзники Ясина аль-Хашими. Завершающим аккордом «беспорядков» на Среднем Евфрате явился своего рода спектакль – вступление в сопровождении большого армейского эскорта обоих «отличившихся» шейхов в Багдад с целью вручения «Народной хартии» королю, а заодно и напоминания премьеру аль-Хашими о стоящей за шейхами силе. Появление шиитских шейхов в Багдаде в апреле 1935 г. было также в известной мере намеком на возможность не символической, а вполне реальной угрозы вторжения в столицу шиитских крестьянских масс с его неизбежными тяжелыми последствиями.

Многие в Багдаде расценили демарш шиитских шейхов как проявление сути «старого Ирака». Сама эта акция послужила поводом для политически активных кругов Ирака дать оценку сложившейся в стране ситуации и возможным перспективам ее развития. Чтобы Ираку не оказаться на задворках истории и впредь не сталкиваться ни в столице, ни в стране в целом с демаршами, подобными шиитскому, страна должна изменить свой облик, вступив на путь реформирования, развития, модернизации, прогресса.

Что касается суннитской правящей элиты, то для нее появление шиитских шейхов в Багдаде стало дополнительным поводом представить все шиитское население, включая его верхушку – духовенство и шейхов, как воплощение всего отсталого и косного, т.е. того, что служит главным препятствием на пути созидания нового, современного иракского государства[50].

Хотя весной 1935 г. в районе Среднего Евфрата крупных выступлений не было, однако ситуация в шиитских районах продолжала оставаться напряженной. Власти сумели склонить на свою сторону лишь небольшую часть племенной и религиозной верхушки шиитского населения. Но поскольку были полностью проигнорированы главные требования «Народной хартии», крестьяне-шииты, к которым присоединялись многие средние, мелкие и даже часть крупных обойденных правительственным вниманием шейхов, не собирались прекращать борьбу. Правительство ожидало новой вспышки недовольства, которая не заставила себя долго ждать. Напряжение неуклонно нарастало и охватывало оно теперь племена, не связанные с партией «Иха», а больше доверявшие своим религиозным лидерам и среди них молодым улемам Неджефа[51].

В мае 1935 г. начался второй этап крестьянского движения, который с перерывами продолжался до осени 1936 г. К этому моменту ситуация в Ираке еще более обострилась. На нее повлиял необычайно сильный весенний разлив рек Евфрата и Тигра в 1935 г., причинивший огромный ущерб крестьянам, потерявшим свое жалкое имущество и вынужденным обращаться к ростовщикам за помощью на самых кабальных условиях. Власти оставили без внимания все просьбы пострадавших о поддержке. В результате районы среднего и нижнего течения Евфрата и Тигра превратились в арену массовых

выступлений крестьян. Средний Евфрат был объявлен на военном положении. Сюда были направлены войска под командованием генерала Бакра Сидки. Опираясь на закон о военном положении, генерал пустил в ход все имевшиеся в его распоряжении средства на подавление восстания. Главным стало использование авиации, подвергавшей бомбардировке мятежные племена с воздуха, легко рассеивавшей их отряды. Эти акции привели к тому, что к концу мая 1935 г. с восстанием было покончено. Не раз правительство заявляло о «полном восстановлении порядка» в районах расселения шиитских племен, однако вооруженные выступления крестьян продолжались до конца 1935 г. Часто они вызывались какой-либо местной проблемой, порой отражали более общие требования. А весной и осенью 1936 г. волнения в этом регионе приобрели новую силу. Брошенные на их подавление войска, с чудовищной жестокостью расправлявшиеся с восставшими, в конечном счете сумели подавить выступления. Свою лепту в ослабление сил повстанцев внес премьер Ясин Хашими, сумевший удовлетворением некоторых требований лидеров восстания добиться их отхода от движения.

Мощные выступления крестьян шиитских районов Южного Ирака 1935–1936 гг. были вызваны их тяжелым экономическим положением, кабальной зависимостью от землевладельца и ростовщика, налоговым гнетом со стороны государства, полной незащищенностью от чиновничье-бюрократического произвола. Побуждаемые к антиправительственным выступлениям «своими» шейхами крестьяне в итоге расплачивались за это собственными жизнями, помогая такой ценой шейхам добиваться от правительства удовлетворения их личных интересов.

Несомненно, интересы крестьян и шиитский фактор играли свою огромную роль в восстаниях, охвативших районы Среднего и Южного районов Ирака в 1935–1936 гг., были их движущей силой. Однако опасность для правящих кругов в Багдаде представляли не они, а племенная элита, шейхи племен, не желавшие утраты власти над рядовыми соплеменниками, своего влияния на них, усматривавшие в политике иракских властей прямое покушение на нормы и традиции племенного уклада, на роль и место в нем шейха.

Сама племенная элита к середине 30-х годов, как это было и ранее, не представляла собою единого целого. Среди них были те, кто переходил на сторону государства или оставался нейтральным, выжидая исхода противоборства и не желая вооруженного захвата правительственными войсками его деревень[52].

Шиитские восстания 1935–1936 гг. потерпели поражение. На их исход повлияли многие факторы: отсутствие единства и организующей силы в крестьянских рядах, разновременность выступлений, несогласованность в действиях шиитских лидеров, их разобщенность, являвшаяся во многих случаях отражением их личной вражды, что, естественно, помогало властям усугублять раскол в рядах племенной верхушки путем привлечения части шейхов на свою сторону различными обещаниями и посулами. Эти меры ослабляли движение и помогали правительству наносить последовательные удары по отдельным его отрядам.

Движение шиитов выявило глубокую неоднородность различных групп иракской шиитской общины, отсутствие в их рядах сильных политических лидеров, которые могли бы постоянно представлять и защищать интересы этой общины в Багдаде. Деловые шиитские круги и такие известные политики, как Джафар Абу ат-Тимман и Мухаммад Рида аш-Шабиби, не поддержали восстание. Они неохотно признавали свою принадлежность к шиитской общине и решительно выступали против давления шиитов на правительство с целью удовлетворения их требований. На роль политических лидеров претендовали арабские муджтахиды, однако им не удалось добиться признания их в этом качестве правительством. После восстания существенно пошатнулись позиции главного муджтахида Кашифа аль-Гиты: его согласие с применением властями насилия вызвало возмущение в шиитских кругах. Единственной группой, которая имела выигрыш от восстания, были шиитские племенные шейхи. Во второй половине 30-х годов правительство увеличило представительство шейхов племен в парламенте, способствуя тем самым классовой консолидации арабских шейхов, независимо от их конфессиональной принадлежности.

Полного спокойствия в стране властям установить не удалось. Волнения сохранялись в шиитских районах, к ним присоединялась часть суннитских крестьян, а также курдов.

В городах происходили выступления рабочих-железнодорожников, нефтяников, портовиков, накопивших к середине 30-х гг. уже некоторый опыт забастовочной борьбы. В событиях 1935–1936 гг. принимали участие коммунисты[53]. Иракская коммунистическая партия (ИКП) была создана в 1934 г. Ее руководителем стал Юсуф Салман Юсуф, более известный по своей партийной кличке Фахед. Слабость иракского рабочего движения как следствие экономической неразвитости страны и жесточайшие преследования властей не позволили компартии стать лидером борьбы трудящихся в 30-е гг.

В отношении всех этих выступлений кабинет Ясина занял сверхжесткую позицию, что было демонстрацией наступления в Ираке нового периода в его истории. Когда в середине 30-х гг. волнения в стране только начинались, то в действиях военных еще присутствовал метод «кнута и пряника», а наказания были относительно мягкими. На завершающей стадии восстаний в 1936 г. Бакр Сидки действовал с особой беспощадностью и жестокостью, на подавление бунтов посылались войска и авиация, устраивались массовые расправы в рамках действия чрезвычайного закона. Роль армии в этих событиях необычайно возросла, породив в кругах военных убеждение, что гражданские политиканы используют армию как игрушку в своих руках, и что для политики будет лучше, если военные непосредственно вмешаются в политические дела[54].

Ясин Хашими встал на путь свертывания легальной политической деятельности и сосредоточения в своих руках всей полноты власти. Первым шагом в этом направлении стал роспуск партии «Иха», за которым последовало запрещение оппозиционной партии «Вахда» («Единство»). Жесточайшие репрессии обрушились на прессу. Несколько газет оппозиционной направленности, включая «аль-Баян» Хикмета Сулеймана, были запрещены сразу же после выхода их первого номера[55]. Ограничивалась деятельность различных общественных организаций, преследовались выступления рабочих. Ускоренными темпами расширялась сеть слежки и осведомительства, усилия которой были направлены главным образом против

левого крыла группы аль-Ахали, остававшейся практически единственной оппозиционной правительству силой.

Особое внимание уделялось укреплению и увеличению армии и бюрократического аппарата. К концу деятельности правительства Хашими под ружьем находилось около 23 тыс. человек, что означало удвоение воинского контингента только за 1933 г. Королевские воздушные силы Ирака увеличились с нескольких самолетов до трех эскадрилий за то же время[56].

3.4. Обострение политической ситуации в Ираке. Военный переворот 1936 г.

С середины 30-х годов XX в. в Ираке нарастала пропагандистская волна арабского национализма. В школьную систему стала внедряться разработанная парламентом националистически ориентированная программа аль-Футувва (название взято от средневекового арабского рыцарского братства). В прессе была развернута широкая кампания в поддержку идей арабского национализма. Аль-Хашими стали называть даже «Бисмарком арабов», которому отводилась роль лидера движения за арабское единство.

Правительство аль-Хашими претендовало на роль выразителя интересов всей иракской нации. Ясин провозгласил широковещательную программу деятельности, направленную к «подъему, прогрессу и процветанию» Ирака, реальным содержанием которой была беспрецедентная демагогия и пустые обещания[57]. Успехи и достижения кабинета Ясина получали высокую оценку. Особо подчеркивалась значимость принятия законодательно утвержденного бюджета, впервые разработанного на основе использования доходов от нефти. Среди определенных в бюджете направлений деятельности правительства наипервейшее место было отведено армии, на нужды которой направлялась большая часть расходов, включая также объекты, прямо или косвенно связанные с обеспечением общественной безопасности, в том числе строительство дорог, мостов, развитие средств связи.

Кабинет Хашими издал более 100 законодательных актов, реализация которых могла бы открыть путь для начала экономических и социальных реформ в Ираке. Эти законы касались вопросов развития промышленности, сельского хозяйства, банковской системы, вопросов охраны труда и предоставления ряда демократических свобод. Однако ни один из этих законов не был проведен в жизнь: жесткое противостояние феодально-помещичьих и бюрократических кругов ставило непреодолимые барьеры на пути любых нововведений. Само правительство Ясина Хашими являлось диктатурой узкого круга олигархов, при которых огромных масштабов достигли коррупция, взяточничество, произвол властей. «Такого беспощадного преследования всех подозреваемых в "коммунистической деятельности", такой широкой чистки "ненадежных" чиновников, такого развития системы слежки, доносов и шпионажа, такого сурового подавления малейшей критики в адрес правительства Ирак еще не видел», – оценивал время Ясина Хашими известный арабист Г.И. Мирский. По мнению ученого, правление Ясина представляло собой «тот же режим репрессий и насилия, та же пустозвонная демагогия в сочетании с полнейшим отказом от каких бы то ни было реформ. Все отрицательные черты предыдущих правительств были представлены в кабинете Ясина в гипертрофированном виде»[58].

С резкой критикой внутренней и внешней политики правительства аль-Хашими выступала группа Аль-Ахали. В этой организации прошли школу политической борьбы некоторые будущие деятели коммунистического движения, представители реформистско-социалистических и буржуазно-демократических течений[59].

Группа Аль-Ахали была образована в 1931 г. молодыми интеллигентами Абд аль-Фаттахом Ибрагимом и Мухаммедом Хадидом. В 1932 г. они начали издавать газету с тем же названием, вокруг которой группировались представители интеллигенции и специалистов-профессионалов. Это были молодые люди нового поколения, горожане, выходцы из различных слоев иракского общества, получившие, как правило, европейское образование. Они не имели ни четко сформулированной идеологии, ни разработанной политической программы. В своих первых публикациях члены группы осуждали британский империализм и ратовали за национальную незави-

симость Ирака, за установление в стране демократических свобод, за осуществление социальных и экономических реформ, которые оценивались ими как основа «прогресса» и «процветания» и как гарантированная защита иракского народа в рамках существующего режима[60]. Вместе с тем группа «Аль-Ахали» была критически настроена в отношении правящей элиты и ее традиционной опоры – феодально-бюрократических кругов. Она резко выступала против манипуляций властей итогами выборов, которые неизменно обеспечивали победу самим правящим кругам и их приспешникам, но при этом столь же последовательно создавали непреодолимые преграды приходу во власть новых лиц. Занимавшие ключевые государственные должности представители феодально-племенной элиты больше всего были озабочены сохранением сложившейся в Ираке системы поземельных отношений, упрочением своего положения как практически монопольных собственников земли[61].

Члены группы «Аль-Ахали», реально оценивая сложившуюся в стране ситуацию, именно в этой существующей системе землевладения видели главный источник большей части социальных, экономических и финансовых проблем Ирака. Пагубность этой системы заключалась в том, что большинство земельных собственников, будь они деревенскими шейхами, государственными чиновниками или городскими торговцами, считало обязанностью государства при принятии им каких-либо решений всегда учитывать прежде всего интересы землевладельцев, даже и в тех случаях, когда подобный подход оборачивался негативными последствиями для самого государства. Так, в 1931 г. феодалы решительно поддержали введение потребительского налога, который существенно снизил уплачиваемые землевладельцами налоги государству, переложив на крестьян – арендаторов весь непосильный груз рентных платежей[62]. В 1932 г. они добились того, что в «Закон о распределении земли», частью которого был «Закон №51 о лязме», не попала ни одна из рекомендаций Даусона, изложенных в его аналитическом труде (An Inquiry into Land Tenure and Related Questions). Крупный специалист по аграрным проблемам стран Ближнего Востока, Даусон в качестве средства вывода арабского крестьянства из глубочайшего кризиса предлагал сдачу в краткосрочную аренду и распределение государ-

ственных земель между мелкими крестьянами. Вместо этого закон стал главным инструментом в руках государства в вопросах распределения и закрепления преимущественных прав на землю среди материально и финансово состоятельных лиц.[63]

В полном объеме эта линия получила свое практическое воплощение в аграрной политике правительства Ясина Хашими. Комитеты по распределению земли жаловали племенным шейхам считавшиеся государственными земли категории «лязма» в наследственное пользование с освобождением их от налогов. В разного рода сделки с землей были вовлечены все министры кабинета. Своей политикой Ясин способствовал дальнейшему росту олигархии в Ираке, ускоренному вызреванию «нового феодализма», как метко это явление было названо представителями иракской оппозиции. Но при этом правительство не предприняло никаких мер для решения основных экономических и социальных проблем, касавшихся положения подавляющей части иракского населения.

Не менялась ситуация и в политической сфере. По-прежнему правительство игнорировало требования курдов и шиитов относительно расширения их представительства в правительстве. В числе 57 человек, входивших в состав кабинетов с 1920 по 1936 гг. лишь 3–4 были курдами или шиитами. И только два курда и два шиита за это время занимали какой-либо высокий пост[64].

Ужесточение правительственного контроля над парламентом и особенно над армией, вовлечение вооруженных сил в решение политических задач сопровождалось критическими замечаниями в адрес внутренней политики со стороны депутатов парламента и, что особенно важно, вызывало резко негативное отношение к власти армейских офицеров.

Среди оппозиционных групп с жесткой критикой экономической и социальной политики правительства Ясина выступала «Аль-Ахали». Отправной точкой преобразований, в которых нуждался Ирак, ахалисты считали безотлагательное реформирование сложившейся в стране структуры поземельных отношений, без которого, по их мнению, нельзя было обеспечить позитивные сдвиги в иракской экономике, преодолеть огромную пропасть в распределении национального богатства между подавляющей массой трудовых слоев

страны и горсткой богатеев. На первый план в своих программах «Аль-Ахали» ставила не политические, а социальные и экономические реформы, делая особый упор на социальной справедливости, на осуществлении глубоких экономических преобразований[65].

Группа «Аль-Ахали» была довольно разнородна по своему социальному и возрастному составу, по идейным убеждениям ее членов. Так, один из основателей группы Мухаммед Хадид, выходец из богатой традиционной семьи города Мосул, в годы своей учебы в Лондонской школе экономики стал умеренным социалистом. А стоявший также у истоков «Аль-Ахали» Абд аль-Фаттах Ибрагим, окончивший Колумбийский университет, разделял в основном марксистские взгляды, но при этом упор он делал не на классовой борьбе, а на обеспечении благополучия всем членам общества независимо от их социальной принадлежности, не призывал он также и к отказу от ислама. Марксистом был Абд аль-Кадер Исмаил, молодой талантливый журналист, бывший некоторое время главным редактором газеты «Аль-Ахали», в будущем один из лидеров Коммунистической партии Ирака.

В1934–1935 гг. ряды группы «Аль-Ахали» значительно пополнились за счет присоединения к ней нескольких известных в Ираке политических деятелей старшего поколения, в их числе Камиль Чадарчи, Джафар Абу ат-Тимман и Хикмет Сулейман, англофобы, порвавшие в 1933 г. свои связи с партией «Иха». С приходом этой команды «Аль-Ахали» стала все отчетливее делать крен от гуманитарных аспектов в сторону обретения политической власти. В 1935 г. был создан Исполнительный комитет этой организации, в который, кроме его главы Джафара Абу ат-Тиммана, вошли также Хикмет Сулейман, Камиль Чадарчи, Абд аль-Фаттах Ибрагим и Мухаммед Хадид. Двое последних вместе с Абд аль-Кадером Исмаилом составили левое крыло реорганизованной группы. «Аль-Ахали», но лидирующие позиции в организации заняли либералы Джафар Абу ат-Тимман и Хикмет Сулейман. Вскоре Абд аль-Фаттах Ибрагим вышел из состава группы, а Абд аль-Кадер Исмаил был арестован «за коммунистическую деятельность»[66].

«Аль-Ахали» не была и не стала политической партией. Эта группа в реализации своих целей делала ставку на отдельные, кон-

кретные личности. Она не имела четкой структуры и организации, а главное у нее не было прочной и глубокой социальной опоры, что и предопределило малую эффективность этой группы в 30-е гг.[67]. Но накопленный ее членами опыт стал основой для создания уже в 40-е гг. одной из ведущих политических партий Ирака – Национально-демократической.

Ирак нуждался в переменах. Но для этого надо было лишить монополии на власть феодально-компрадорскую олигархию. Слабость и неразвитость гражданской политической элиты, отсутствие у нее должного опыта, а главное условий для ведения открытой политической деятельности в рамках государственной системы монархического Ирака логично вывели на политическую арену страны единственную организованную и обладавшую реальной силой армию, которая и вступила в борьбу за власть в 1936 г. Ее вмешательство в политику было ускорено отчетливо проявлявшимися диктаторскими тенденциями в действиях Ясина аль-Хашими.

Амбициозные устремления аль-Хашими сопровождались отдалением от него многих представителей власти, включая короля, который был весьма обеспокоен поведением премьера. Более значимым был отход от главы правительства генерала Бакра Сидки, который оценивал как ключевую свою роль в подавлении провинциальных восстаний и ожидал соответствующих поощрений от брата премьера, начальника генерального штаба Таха аль-Хашими. Непризнание его заслуг было воспринято Бакром как оскорбление.

Лишение оппозиционных сил всех возможных каналов публичной деятельности в сочетании с обострением социально-экономических проблем создавало вполне реальную основу для взрыва недовольства в стране. В этой ситуации в целях недопущения развития событий в Ираке по наихудшему сценарию один из отошедших от Ясина представителей правящей элиты Хикмет Сулейман, вступив в сговор с Бакром Сидки и новой группой левонастроенных реформаторов, решили действовать.

В октябре 1936 г. на время визита начальника генерального штаба иракской армии Таха Хашими в Турцию Бакр Сидки был назначен исполняющим его обязанности. Обстановка для переворота складывалась самым благоприятным образом. Договорившись с

Хикметом Сулейманом и поставив в известность лидеров Аль-Ахали, Бакр отдал приказ вверенным ему войскам двигаться к столице[68].

Переворот произошел быстро и без особых осложнений. Утром 29 октября 1936 г. с пролетевших над Багдадом самолетов были сброшены листовки, содержавшие требование отставки Ясина Хашими и назначения премьером Хикмета Сулеймана, а также разъяснявшие мотивы, побудившие военных выступить с таким заявлением. В подкрепление выдвинутого требования авиация сбросила несколько бомб близ резиденции Ясина аль-Хашими, что заставило премьера уйти в отставку[69].

Попытка Джафара аль-Аскари, министра обороны в правительстве аль-Хашими, задержать продвижение войск к Багдаду была расценена Бакром Сидки как намерение не допустить переворота. По его приказу аль-Аскари был убит. Этим актом Сидки сразу вызвал враждебное к себе отношение не только среди ближайшего политического окружения аль-Аскари, но также и многих офицеров, именно при нем вступивших в ряды вооруженных сил.

Произошедший военный переворот был первым такого рода в Ираке, но далеко не последним. Он положил начало периоду вмешательства военных в политическую жизнь страны, что не добавляло иракскому обществу стабильности и затягивало на неопределенно долгий срок решение вопросов обновления, осовременивания Ирака, его поступательного развития.

Возникшая ситуация вызвала определенное беспокойство дворца, но развитие событий свидетельствовало об их направленности прежде всего против правительства Ясина Хашими и не таило в себе какой-либо угрозы королю. Более того, Гази был заинтересован в смещении Хашими. Что касается англичан, то, как свидетельствуют документы того времени, переворот был неожиданным для них, и в урегулировании ситуации они активного участия не принимали, но настоятельно «порекомендовали» приостановить продвижение войск на Багдад.

Король поручил Хикмету Сулейману сформировать правительство. На следующий день новая власть заявила Ясину аль-Хашими, Нури Саиду и Рашиду Али аль-Гайлани о невозможности гаранти-

ровать им безопасность в том случае, если они останутся в стране, после чего Нури уехал в Египет, а Рашид Али и аль-Хашими с несколькими своими сторонниками – в Бейрут. Аль-Хашими скончался в 1937 г., а Нури и Рашид Али вернулись в Ирак, чтобы играть в дальнейшем ведущую роль в политической жизни своей страны[70].

Сформированный Хикметом Сулейманом кабинет был весьма разнородным по своему составу. Сам Хикмет, кроме поста премьера, занял также кресло министра внутренних дел. Министром иностранных дел был назначен профессиональный дипломат Наджи аль-Асиль. Абд аль-Лятиф Нури стал министром обороны. Большинство мест в сфере экономики и социальных дел было предоставлено сторонникам Хикмета из группы «Аль-Ахали». Среди них были Джафар Абу ат-Тимман, считавшийся самым последовательным антианглийски настроенным политиком в стране. Ему предоставили пост министра финансов. Камиль аль-Чадарчи, разделявший разного оттенка социалистические идеи, стал министром экономики и общественных работ. Юсеф Изз эд-Дин занял пост министра просвещения. Портфель министра юстиции получил Салих Джабр, шиит, бывший губернатор провинции Кербела. Бакр Сидки в состав кабинета не был включен, а занял пост начальника генерального штаба[71]. Свои усилия он сосредоточил, прежде всего, на укреплении личной власти в вооруженных силах.

В правительстве оказалось мало суннитов, многие министерские посты были отданы шиитам, число которых на сей раз значительно превзошло их представительство во всех предшествующих составах администрации.

Кабинет Хикмета Сулеймана по многим параметрам отличался от своих предшественников. Главная его особенность состояла в том, что в правительство впервые вошли новые люди, получившие в основном английское, а не османское образование. Либерально настроенные, выступавшие за проведение в стране реформ, они надеялись привлечь к своим устремлениям и премьера. Их внимание было сосредоточено прежде всего на внутренних проблемах Ирака, а не на идеях арабского национализма. Кабинет Хикмета выдвинул лозунг «Ирак прежде», или «Ирак для иракцев». Однако игнорирование де-

ла арабского национализма очень скоро обернулось для Хикмета существенными осложнениями.

В начале своей деятельности правительство Хикмета Сулеймана пользовалось определенной общественной поддержкой, однако оно теряло ее по мере выявления глубоких противоречий внутри самого правительства, в котором отчетливо выявились два явно несовместимых подхода к выбору приоритетов в экономическом и социально-политическом развитии страны. Сторонник авторитарного правления, Бакр Сидки намеревался превратить армию в главную опору власти. Оставаясь формально на втором плане, он фактически обладал решающим влиянием на государственные дела, так как олицетворял армию, осуществившую переворот и не намеревавшуюся уступить вновь всю власть «политиканам»[72].

Демократически настроенные реформаторы делали акцент на изменении социальной структуры Ирака. Эти различия, скрытые до времени общим желанием участников переворота сбросить прежний режим, сглаживались личными качествами Хикмета. Став премьером, Хикмет Сулейман сосредоточил в своих руках ключевые позиции, дававшие ему возможность в случае необходимости нарушить баланс между этими двумя силами в пользу одной из них[73].

В Ираке свержение Ясина было встречено с большим энтузиазмом. В состоявшейся 3 ноября 1936 г. в Багдаде демонстрации участвовало более 100 тыс. человек. Среди демонстрантов распространялись листовки, подписанные «Комитетом прогрессивной национальной реформы». В листовках содержались требования об искоренении гнета, укреплении национальной армии, амнистии политическим заключенным, о восстановлении свободы деятельности профсоюзов и свободы печати, облегчении нищенского положения масс и предоставлении работы безработным, поощрении развития национальной промышленности, объединении народного движения арабских стран, равноправии для всех иракцев и охране их единства, распространении культуры и заботе о здоровье народа. С новым режимом иракцы связывали надежды на отказ властей от пагубной пробританской политики и на обретение Ираком подлинной независимости[74].

Эта надежда появилась с опубликованием новым правительством в день переворота, 29 октября, обращения к народу, в котором свергнутый режим характеризовался как «кошмар абсолютизма», «эпоха реакции и единоличного правления», на смену которому придет «демократическое, здоровое государство», и созидать его новая власть была готова «железной рукой и огненной решимостью».

Свое видение политической линии, придерживаясь которой правительство должно было шаг за шагом выводить страну из нищеты, отсталости, зависимости, 5 ноября 1936 г. изложил Абу ат-Тимман. Среди мер первостепенной значимости им были названы распределение необрабатываемых государственных земель, находившихся в частном владении или в аренде, среди граждан страны, а также проведение новых дорог, улучшение системы орошения, поощрение сельского хозяйства, торговли и промышленности, подъем здравоохранения и осуществление других «жизненно важных мероприятий для счастья и благосостояния всего народа». Основные из названных Абу ат-Тимманом положений вошли в официальную программу правительства, опубликованную 9 декабря 1936 г.[75]

Обнародованная правительством программа обещала реформы в различных сферах хозяйственной и общественной жизни страны: индустриализацию страны, развитие всех отраслей экономики, проведение налоговой реформы, расселение кочевых племен, распределение пустующих земель и сооружение новых ирригационных систем. По заявленным намерениям новый кабинет практически ничем не отличался от своих предшественников, дававших иракскому народу столь же широковещательные обещания, которые никогда не претворялись в жизнь. Но программа встретила самое решительное противодействие парламента, состоявшего из традиционных феодально-ростовщических кругов, а также противодействие английского посольства, обеспокоенного отстранением своих сторонников от власти.

Для самого Бакра и Хикмета Сулеймана провозглашенная программа стала политическим маневром, средством завоевания популярности в массах. В практической политике и у этого правительства возобладали методы насилия, подавления народных выступлений,

подкупа шейхов племен. В знак протеста против такого курса в июне 1937 г. четыре министра-ахалиста вышли из состава правительства.

Правительство Хикмета Сулеймана ушло в отставку. К власти вернулись проанглийские силы.

Свою лепту в изменение сложившейся политической практики попытались внести министры-«реформисты», под давлением которых в первые месяцы существования режима Хикмета были предприняты кое-какие шаги позитивного характера.

Были амнистированы 350 политических заключенных – бывших участников восстаний. Стали выходить закрытые при Ясине газеты, была разрешена профсоюзная деятельность, сопровождавшаяся быстрым подъемом рабочего движения. В марте-апреле 1937 г. прошли забастовки с требованиями повышения оплаты и улучшения условий труда буровых рабочих компаний «Бритиш ойл дивелопмент», железнодорожников, нефтяников на предприятиях «Ирак петролеум компани» в Киркуке, ткачей Неджефа, докеров Басры, рабочих на строительстве плотины Кут. Эти забастовки носили сугубо экономический характер, но их масштаб свидетельствовал о формировании благоприятных условий для организованной борьбы трудящихся[76].

Опорой деятельности «реформаторов» стало созданное ими в конце 1936 г. Общество народной реформы, которое в январе 1937 г. было переименовано в Партию национальной реформы, в исполнительный комитет которой вошли наиболее реформистски настроенные министры Камиль аль-Чадарчи, Юсуф Изз ад-Дин Ибрахим, Джафар Абу ат-Тимман и Наджи аль-Асиль, а также один из бывших лидеров «Ахали» Абд аль-Кадер Исмаил и профсоюзный деятель Мухаммед Каззаз. Программа партии предусматривала индустриализацию страны, установление государственной монополии на транспорт, воду и освещение, создание государственного банка, сельскохозяйственных кредитных банков, кооперативных обществ и образцовых современных деревень, демократизацию общественной жизни страны, легализацию профсоюзов. С особой настоятельностью партия выступала за отмену устаревших и несправедливых, имевших антикрестьянскую направленность сельскохозяйственных

законов, за введение прогрессивного подоходного налога и налога на наследство, а также установление гарантированного минимума оплаты труда и снижение продолжительности рабочего дня[77].

Партия национальной реформы действительно намеревалась ослабить экономическую власть класса землевладельцев, сделать более справедливым распределение национального богатства, широко внедрить систему образования. Для своего времени это была весьма радикальная программа, осмелившаяся поднять руку на привилегии традиционной иракской элиты[78].

Оппозиция программе «реформаторов» не заставила себя ждать. Первыми против нее выступили племенные шейхи, усмотревшие в ее положениях прямую угрозу своим позициям и власти. Новое правительство они прозвали «коммунистическим», что вызвало очень серьезное беспокойство премьера Хикмета и начальника генштаба Бакра, которые вовсе не предполагали каким-либо образом затронуть привилегии этой главной составляющей в правящих кругах Ирака. Более того, оба политических лидера поспешили успокоить феодальную знать, заверив шейхов в том, что новое правительство им ничем не угрожает. Лояльность шейхов приобреталась ценой щедрого наделения их землей и раздачей денег.

Кроме шейхов, в оппозицию к правительству, как это было и при Ясине Хашими, встали арабские националисты, крайне недовольные весьма прохладным отношением кабинета к общеарабским делам – проблеме арабского единства и все более обострявшейся под давлением сионистской иммиграции ситуации в Палестине. Сразу после прихода к власти Хикмет Сулейман, стремясь укрепить свои позиции и заручиться поддержкой масс, выступал с широковещательными заявлениями, целью которых было убедить арабов в неизменном стремлении иракских лидеров содействовать единению арабов. Багдад, где еще при Ясине Хашими, названным некоторыми сирийскими журналистами «арабским Бисмарком», 2 апреля 1936 г. был подписан с Саудовской Аравией «Договор о дружбе и арабском братстве», был признан «панарабистами» центром движения за арабское единство. Декларации Хикмета еще более повышали акции Багдада[79]. Однако избранный тогда иракским руководством реальный внешнеполитический курс оказался далеким от заявленных дек-

параций. Определяли этот курс в значительной мере прежде всего факторы объективного характера, хотя не обошлось и без момента субъективного.

В разделенных западными державами бывших османских арабских владениях в 20-е гг. постепенно утрачивала свою актуальность идея единого арабского государства в том виде, как она представлялась в планах арабских националистов, поддерживавшихся до определенного времени Англией, которая преследовала при этом свои собственые цели. Эта тенденция получила свое дальнейшее развитие в 30-е гг. Лозунг арабского национализма и его воплощение в едином арабском государстве продолжал сохраняться как непременный элемент в риторике всех арабских политических лидеров, однако в практической политике он все больше уступал место формировавшемуся местному, локальному национализму, ограниченному определенной территорией. В Ираке эта тенденция выявилась довольно рано, она находила, в частности, свое проявление в запрете иностранцам (это касалось и арабов (заниматься некоторыми профессиями. Затронула она и иракскую армию. Представителями идей «панарабизма» здесь выступали в основном молодые офицеры, а «местный» иракский национализм был распространен среди бывших офицеров турецкой армии, в основном курдов и турок, стоявших за укрепление самостоятельного иракского государства. Вождем этой группы выступал Бакр Сидки.

Лидеры нового режима видели свою задачу в укреплении отношений с Англией, а это предполагало их отход от «панарабистов», сосредоточивших на тот момент свою деятельность главным образом на борьбе с Великобританией из-за ее просионистского курса в Палестине.

Все политические лидеры Ирака, независимо от их личных взглядов и ориентаций, вынуждены были всегда считаться с Англией, в прочной и всесторонней зависисмости от которой находилась их страна. Переворот, осуществленный Хикметом Сулейманом и Бакром, вызвал крайнее неудовольствие британского руководства, поскольку явился, по оценке Лондона, «неконституционным путем прихода к власти». Истинной причиной осуждения Англией событий 29 октября 1936 г. в Ираке явилось вовсе не сетование по поводу

нарушения конституционных прав иракцев, а ее серьезная озабоченность вопросом сохранения в этой стране незыблемости собственных позиций. Проблема эта приобретала особую остроту в условиях нарастания угроз английским интересам в регионе Средиземноморья и на Ближнем Востоке со стороны Германии и Италии. Альтернативу такому развитию ситуации Аглия видела в укреплении своего влияния на Ближнем и Среднем Востоке, чему должно было содействовать, по ее замыслам, создание союзного с ней блока стран этого региона.

Хикмет Сулейман и Бакр Сидки делали ставку на налаживание более тесных связей с Англией, а средством достижения этой цели, по их представлению, могла стать нормализация отношений Ирака с его региональными соседями – Турцией и Ираном. В апреле 1937 г. между Турцией и Ираком был возобновлен договор «о добром соседстве», заключенный в 1926 г. Был урегулирован давний пограничный спор между Ираком и Ираном из-за реки Шатт аль-Араб. 4 июля 1937 г. было подписано соглашение, по которому воды Шатт аль-Араба, за исключением участка протяженностью 8 км в районе Абадана, признавались территориальными водами Ирака[80]. После этого было заключено соглашение о дружбе между Ираком и Ираном. Таким образом, подписанные региональными государствами двусторонние соглашения заложили основу для задуманного Англией блока.

Эта линия получила свое продолжение в подписании при активном содействии британской дипломатии 8 июля 1937 г. Саадабадского пакта – договора, заключенного между Турцией, Ираком, Ираном и Афганистаном и получившего свое название по месту его подписания в Саадабадском дворце иранского шаха в Тегеране. Четыре государства обязались воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга, уважать неприкосновенность границ, не прибегать к силе во взаимоотношениях, не допускать создания на своих территориях организаций и отрядов, стремящихся свергнуть существующие режимы в других государствах, подписавших данный договор. Эти государства должны были также консультироваться друг с другом по различным международным конфликтам, затрагивающим их общие интересы[81].

Англия приветствовала меры региональных ближневосточных стран по укреплению их взаимодействия, так как они полностью соответствовали британским планам создания союзного с ней блока на Ближнем Востоке. Однако реализовать на практике свои планы Англии не удалось из-за начавшейся агрессии Германии в Западной Европе. Участие же Ирака в подписании Саадабадского пакта повлекло за собой резкое падение его престижа в глазах панарабистов, воспринявших союз Ирака с неарабскими государствами как окончательный отход этой страны от политики арабского единства. Особому осуждению Ирак подвергся за сближение с Турцией, которая в арабских странах считалась европейским государством, и союз с ним Ирака означал в сознании большинства арабов отход этой арабской страны от общеарабского национального движения. Взятый иракским руководством курс наносил весьма ощутимый удар по престижу Ирака в арабском мире и вызывал недовольство различных слоев населения в самом Ираке.

Напряженная ситуация сложилась внутри правительства Ирака. С самого начала прихода к власти Хикмета-Бакра в новом режиме обозначилась тенденция к установлению жесткого диктаторского правления, опорой которого должна была стать армия. Такой курс не предполагал присутствия во власти недавних союзников, либерально настроенных ахалистов, от которых лидеры октябрьского переворота поспешили освободиться.

Бакр изначально придерживался линии, прямо противоположной министрам-ахалистам. Сделав ставку на армию, он разработал план удвоения военно-воздушных сил, увеличения на 150 человек слушателей Военного колледжа и качественного улучшения технической оснащенности вооруженных сил. Бакр представил Англии длинный список необходимого Ираку вооружения и различного военного оборудования. Поскольку Англия не могла (но, видимо, и не хотела) предоставить иракцам запрошенное, Бакр приступил к поискам альтернативных источников снабжения. Здесь ему на помощь пришел посланник Германии в Ираке Фритц Гробба, организовавший закупки некоторого числа самолетов и военного снаряжения в Италии и Германии. Частично заказ был выполнен и доставлен

в Ирак. От остального сменявшиеся затем в Ираке кабинеты отказались, и заказы были аннулированы[82].

За действиями Бакра внимательно следила Англия. Принятые им решения в военной области явились первой и весьма существенной трещиной в англо-иракском альянсе, ставшей своего рода предвестником событий 1941 г. Отказ Англии удовлетворять запросы иракских военных порождал в армейских кругах чувства обиды и унижения, усиливавшиеся в последующие годы[83].

Положение реформистской части правительства Хикмета неуклонно осложнялось: против «левых» министров была феодальная знать и армия, заинтересованные в избавлении от ненужного «союзника».

Министры-ахалисты вызывали большое раздражение в феодальных кругах. Являясь традиционной правящей элитой Ирака, феодальная знать была обеспокоена не столько намерениями министров-реформаторов, носившими довольно умеренный характер, сколько тем воздействием, которое новые веяния, непрерывные разговоры о «переменах», о «новом курсе», о «реформах», о «свободе и демократии» могли оказать на широкие народные массы и побудить их к активной деятельности. Большое беспокойство шейхов вызывало одно из крайне нечетко сформулированных положений предложенной реформистами программы, где говорилось об «отмене устаревших и несправедливых сельскохозяйственных законов и постановлений», которое некоторыми представителями «партии реформ» трактовались даже как «земельная реформа» и «ограничение помещичьего землевладения». Мириться с этим шейхи вовсе не собирались, что вскоре они и подтвердили своими действиями.

В политической практике Ирака существовало весьма надежное средство освобождения от нежелательных элементов в эшелонах власти. Им были выборы в парламент, назначавшиеся действующим правительством. Благодаря четко отработанному механизму нужный состав депутатов гарантировался практически всегда. Накануне намеченных на февраль 1937 г. парламентских выборов в доме Бакра состоялась встреча военных лидеров и представителей багдадской феодальной знати, обсудивших меры по недопущению в парламент «реформистов». Проведенные по традиционному сценарию выборы,

как и полагалось, обеспечили преобладание в парламенте Ирака сторонников Бакра, получивших 30 мест, в то время как «реформисты» – только 11[85].Такой исход выборов существенно осложнил положение ахалистов в правительстве. 17 марта Бакр открыто обвинил всю группу «Аль-Ахали» в принадлежности к коммунизму и в том, что она выступает «разрушителем всех основ иракской социальной и политической жизни».

В марте и апреле при поддержке ахалистов прошли забастовки рабочих с требованиями повышения оплаты и улучшения условий труда, что привело к дальнешему нарастанию напряженности внутри кабинета. Забастовки были подавлены полицией.

Весной 1937 г. активизировались племенные шейхи. Их выступления были вызваны слухами о якобы готовящемся распределении земли среди крестьян. К этим опасениям добавилось также недовольство некоторых из лидеров племен, несправедливо, по их мнению, обойденных при выборах 1937 г. в парламент. Сулейман пытался заверить шейхов в отсутствии у правительства каких-либо намерений затронуть их интересы и причинить им хоть малейший вред. В качестве доказательства искренности данных заверений премьер особый упор делал на тех огромных усилиях, которые предприняло правительство для урегулирования волнений, сотрясавших страну в последний год правления аль-Хашими.

Однако остановить выступления племен Сулейману и Бакру, направившим в мае 1937 г. вооруженные силы в район Среднего Евфрата, не удалось. Арест некоторых знатных шейхов спровоцировал восстание шейхов области Дивания, за которыми пошли крестьяне. За 12–25 мая в боях с участием авиации правительственные войска потеряли 31 человека, а племена – 255. В июне восстание вспыхнуло в соседнем районе Самауа. Власти направили туда карательные отряды, которые разрушали деревни, захватывали и расстреливали заложников. 250 повстанцев были убиты, 165 ранены. Потери были и у карателей[86].

Похороны убитых в Неджефе и Кербеле превратились в демонстрацию против правительства.

Когда о событиях в районе Среднего Евфрата стало известно в Багдаде, разразился правительственный кризис: Сулейман и Бакр

решение об отправке войск на подавление еще не начавшегося восстание приняли без каких-либо консультаций с остальными членами правительства. С осуждением карательных мер, проводившихся армейскими отрядами, выступили министры-реформисты, но они не были поддержаны другими членами кабинета. В знак протеста 19 июня 1937 г. четыре министра Абу ат-Тимман, Камиль аль-Чадарчи, Юсуф Изз эд-Дин Ибрахим, а также шиит Салих Джабр, выступавший на стороне шиитских шейхов Среднего Евфрата, вышли из состава кабинета. Они критиковали правительство за нежелание проводить в стране реформы, осуждали Сулеймана за его скрытность, непотизм и фаворитизм[87].

Уход четырех министров-реформаторов означал конец «реформистского периода» режима Хикмета Сулеймана и победу объединенных сил феодальной реакции, англичан и армейской верхушки во главе с Бакром Сидки[88].

Вскоре власти развязали кампанию против левых сил. Из Ирака выслали Камиля Чадарчи. Абд аль-Кадера Исмаила и его брата лишили иракского гражданства и также вынудили покинуть страну. Партия народной реформы была запрещена. Так, не начавшись, закончилась попытка буржуазно-реформистских сил модернизировать Ирак. Его социально-политическая структура застыла на десятки лет и оставалась практически неизменной до революции 1958 г.

Победа Бакра вовсе не означала прочности правительства Хикмета Сулеймана, равно как и позиций самого начальника генштаба в армейской среде. Оппозиция им быстро нарастала в арабских гражданских националистических кругах, традиционно имевших своих единомышленников среди военных, с которыми поддерживались тесные связи. У офицеров-арабов к тому же был свой собственный счет к Бакру: будучи курдом, он существенно увеличил численность курдов в иракской армии. Крайне неодобрительно относились в армии также и к протурецкому курсу правительства Хикмета. Оппозиция военных могла найти поддержку и в других группах иракского населения, например, среди шиитов. Здесь свежа была память о той жестокости, с которой Бакр расправлялся с племенами. Оппозицию Хикмету и Бакру составляли также члены смещенного ими предыдущего правительства. В частности, Нури Саид вел настоящую под-

рывную кампанию против кабинета Хикмета, что побуждало и гражданских и военных политиков к действию.

Инициативу вновь проявили армейские круги. 11 августа 1937 г. Бакр Сидки и командующий ВВС Мухаммед Али Джавдат, направлявшиеся в Турцию, были убиты в аэропорту Мосула[89].

Попытка Хикмета привлечь к ответственности стоявших за этим инцидентом офицеров-заговорщиков встретила столь единодушное противостояние в офицерском корпусе, что любая мера силового характера со стороны премьера могла означать развязывание гражданской войны. Стремясь избежать ее, 17 августа 1937 г. Хикмет подал в отставку. Его правительство просуществовало всего десять месяцев. Падение этого кабинета имело далеко идущие последствия. Продемонстрировав свою идеологическую, политическую и организационную слабость, надолго оказались отодвинутыми от реальной политики левые силы Ирака. Власть в стране на таком сложном историческом этапе, каким были годы кануна второй мировой войны, наполненные нарастанием напряженности в международных и региональных отношениях, а затем и время самой войны, сосредоточили в своих руках представители консервативных националистических кругов. Характерной чертой политической жизни Ирака между 1936 и 1941 гг. было установление контроля над ней военных. Наглядным свидетельством возобладания этого курса стал заговор группы, состоявшей из семи высших офицеров, – начальника генерального штаба Хусейна Фавзи, а также полковников Амина аль-Умари, Салах эд-Дина Саббаха, Махмуда Салмана, Камиля Шабиба, Азиза Ямулки и Фахми Саида, приведший к убийству Бакра Сидки и заставивший уйти в отставку правительство Хикмета Сулеймана. Тем самым военные положили начало тому этапу политической истории Ирака, когда гражданские политики могли рассчитывать на государственные посты лишь с согласия этих военных[90].

Ядром «семерки» были четыре полковника, так называемый «золотой квадрат», в который входили Салах эд-Дин ас-Саббах, Махмуд Сальман, Фахми Саид и Камиль Шабиб, вместе учившиеся в штабном колледже и при его окончании в 1933 г. поклявшиеся бороться за претворение в жизнь идеи объединения арабов. Достиже-

ние этой цели предполагало установление контроля над иракской армией и переход власти в государстве в руки военных[91].

После отставки Хикмета Сулеймана сформировать правительство король поручил Джамилю аль-Мидфаи. Основой политики нового премьера были провозглашены принципы «забвение прошлого» и «удаление армии от политики». Из вооруженных сил были уволены некоторые офицеры – сторонники Бакра Сидки. Прошедшие в декабре 1937 г.выборы, хотя и внесли коррективы в персональный состав парламента, но сохранили неизменной его общую структуру. Среди депутатов не оказалось сторонников Бакра Сидки и реформистов левого крыла организации «Аль-Ахали». Решающей силой теперь выступал офицерский корпус. Аль-Мидфаи вначале попытался заручиться поддержкой семи наиболее влиятельных армейских офицеров, предложив им высшие посты. Но поскольку они не доверяли ему, то тут же многие политические деятели поспешили использовать это недоверие.

В конце 30-х гг. произошло резкое обострение палестинской проблемы, сопровождавшееся усилением антибританских настроений и резким подъемом националистических настроений во всем арабском мире. Отказ премьера Мидфаи поддержать панарабистов, сосредоточивших в это время свои усилия на борьбе против нарастания еврейской иммиграции в Палестину, дал военным дополнительный повод добиваться смещения Мидфаи и настоятельно рекомендовать королю назначить на пост главы правительства Нури Саида. Непосредственным толчком к активным действиям «семерку» побудило намерение министра обороны в правительстве Мидфаи отправить в отставку группу офицеров-панарабистов и тем положить конец их вмешательству в политические дела. Военные тут же заявили премьеру о полном недоверии к нему армии. Оценив реально сложившуюся обстановку, аль-Мидфаи был вынужден подать в отставку, а король Гази согласился с желанием армейской верхушки и предложил Нури Саиду сформировать правительство[90].

25 декабря 1938 г. после шестилетнего перерыва Нури стал вновь премьер-министром Ирака.

Нури понимал, что реально его власть будет зависеть прежде всего от отношения к нему «семерки». Базой для его сближения с

этой группой военных было совпадение их подходов к палестинской проблеме. В течение нескольких предшествующих лет Нури приложил немало усилий для обеспечения весомой роли Ирака, а соответственно и своей собственной, в палестинских делах. В 1936 г. во время всеобщей забастовки в Палестине Нури пытался, хотя и без успеха, выступать посредником между арабами и Еврейским Агентством и между Высшим арабским комитетом Палестины и британскими мандатными властями. Своими действиями он надеялся сблизить обе стороны. Нури был одним из инициаторов плана создания под эгидой Хашимитской династии федерации «Великая Сирия» в составе Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании с присоединением к ним Ирака (план «Благодатного полумесяца»), в рамках которой открывалась возможность для решения палестинской проблемы. Нури активно пропагандировал эту идею, он объезжал столицы арабских государств, выступал с публикациями в печати, создавая тем самым впечатление, что предлагаемый им вариант и есть тот путь, который может привести к взаимоприемлемому соглашению между всеми вовлеченными сторонами – Англией, палестинскими и еврейскими лидерами. На самом деле за всей этой внешней «активностью» не было ничего реального, а бурная «деятельность» Нури по «разрешению палестинской проблемы» была адресована в первую очередь общественному мнению в Ираке. Нури пытался убедить своих соотечественников в том, что среди всех действующих политиков именно ему, Нури Саиду, предопределено выступать за дело Палестины. Такая позиция сближала его с офицерами-панарабистами в иракской армии. Став премьером, Нури всячески старался подкреплять действиями ранее сделанные заявления. Так, он лично возглавил иракскую делегацию на конференции Круглого стола по Палестине, организованной в Лондоне в январе 1939 г. Здесь он пытался добиться согласия между палестинцами и Англией, и хотя все его усилия оказались тщетными, они получили полное одобрение «семерки»[63].

Ход развития событий в Ираке в тот момент в наибольшей степени отвечал интересам Англии: в условиях надвигавшейся мировой войны для англичан было чрезвычайно важно иметь преданных им людей в политическом руководстве Ирака.

В кабинете Нури Таха аль-Хашими стал министром обороны, Рустум Хайдар – министром финансов. Вернувшийся из ссылки Рашид Али аль-Гайлани был назначен начальником королевского дивана (совета).

Приход к власти Нури дал импульс активизации иракским оппозиционным силам, которые группировались вокруг давнего политического врага Нури Саида Хикмета Сулеймана. Чтобы пресечь оппозиционную деятельность, Нури решил прежде всего расправиться с Хикметом Сулейманом. В марте 1939 г. власти объявили о «раскрытии заговора», участники которого во главе с Хикметом якобы намеревались убить 50 видных политических деятетелей, посадить на трон эмира Абдул Иллаха, брата Гази, а премьером назначить Хикмета. «Заговорщики» были задержаны, преданы суду и, хотя следствие не смогло предоставить ни одного веского и убедительного доказательства вины подсудимых, пятерым из них, включая Хикмета, был вынесен смертный приговор. Только благодаря вмешательству Англии, Турции и Ирана казнь была заменена тюремным заключением[64].

Режим Нури занял крайне жесткую линию в отношении подозреваемых в «подрывной пропаганде» или в «коммунистической деятельности». Террору подвергались лица за малейший намек на критику действующего правительства и/или за проявление антибританских настроений.

Что касается военных, то в деятельности правительства их занимали лишь два главных для них вопроса, вмешиваться в которые они считали своим прямым долгом. Этими вопросами были отношение правительства Ирака к идее панарабизма и определение места Ирака в общеарабском национальном движении.

У иракских военных был свой подход к проблеме арабского единства: они не воспринимали ее как чисто внешнеполитическую, хотя в практической политике именно эта проблема чаще всего была той призмой, сквозь которую рассматривались и принимались решения по всем другим направлениям внешней политики иракского государства. Для офицеров наиболее значимым было определение места Ирака и его рейтинга в движении панарабизма, обеспечивать и

отстаивать высокий уровень которых, по их представлению, есть прямая обязанность любого правительства страны.

Вместе с тем подход иракских военных к столь актуальной на тот момент проблеме арабского единства объективно не мог быть однозначным в силу сложности как самой этой проблемы, так и своеобразия Ирака по многим параметрам, определявшим положение этой страны в арабском мире. Прежде всего иракские политики-военные принадлежали по преимуществу к суннитскому толку ислама, и судьбу Ирака они воспринимали как неотделимую от судеб всех других арабов. Но такая позиция содержала в себе неизбежное противоречие в их отношении к самому иракскому государству. С одной стороны, Ирак стал одним из современных государственных образований на пространстве некогда единого арабского мира, ранее других арабских стран получившее свою независимость от европейских империалистических держав, где, как ожидали арабы, должно было появиться их единое общее государство. Но, с другой, – эти военные были офицерами вооруженных сил иракского государства, которое, хотя реально находилось в тесных «объятьях» Англии, было все же формально независимым. Сам по себе факт появления в арабском мире такого политического образования предопределял – в силу действия объективных законов – становление своей собственной, иракской идентичности, с чем иракские военные и связывали лидирующее место Ирака в панарабистском движении.

Занимавшие иракских военных вопросы были очень далеки от тех экономических и социальных проблем, которыми жила подавляющая часть населения страны. Пользуясь большими привилегиями, офицерская элита не видела необходимости что-либо менять в сложившейся экономической системе Ирака. В конце 30-х гг. архаичная аграрная структура, являвшаяся основой иракской экономики, не претерпела каких-либо изменений. Более того, позиции крупных земельных собственников продолжали укрепляться, что обеспечивалось сохранением по-прежнему власти в руках представителей традиционных для Ирака феодально-буржуазно-компрадорских кругов. Вмешательство военных в политику лишь обострило борьбу за власть в верхних эшелонах иракского истеблишмента, вовсе не желавшего делить свои привилегии с новыми претендентами.

Резкое обострение палестинской проблемы, сопровождавшееся мощным подъемом арабского национализма с его антибританской направленностью втягивало в свою орбиту все более широкие круги иракского населения, прежде всего студентов, представителей интеллигенции и офицерских кругов. Переплетение названных факторов усиливало вовлеченность молодых офицеров в политику, обостряло их панарабские чувства и отдаляло их от проанглийски ориентированных политиков, что и подготовило соответствующую почву к разразившемуся в Ираке кризису 1941 г. Однако приоритетной сферой деятельности Хикмета Сулеймана была внешняя политика. Поддерживаемый своим начальником генерального штаба Бакром Сидки премьер стремился установить более тесные контакты с Ираном и особенно с Турцией, с которой обоих связывали прочные разносторонние родственные связи.

В декабре 1938 г. кабинет возглавил Нури Саид. По сложившейся традиции из состава правительства были выведены все сторонники смещенного премьера аль-Мидфаи, проведены выборы в парламент, в ходе которых в его составе оказались только преданные Нури депутаты.

3 апреля 1939 г. в странной автомобильной катастрофе погиб король Гази. Этот король Ирака вызывал серьезное беспокойство англичан. Своими взглядами и убеждениями Гази был связан с поколением молодых офицеров, ориентировавшихся на государства «оси» во главе с гитлеровской Германией. Гази как суверен независимого государства испытывал чувство унижения от того всеобъемлющего британского контроля, под которым находилась его страна, однако он старался воздерживаться открыто проявлять свои эмоции. Вместе с тем его панарабистские симпатии с неизбежностью сопровождались критическими оценками английской ближневосточной политики в целом, а особенно действий Англии в Палестине и в зоне Персидского залива. В 1937 г. в королевском дворце начала свое вещание частная радиостанция, в передачах которой содержались резкие высказывния в адрес французской политики в Сирии, осуждались притязания сионистов на Палестину, подвергались критике арабские руководители. Так, Гази крайне жестко отзывался о «бесправном монархе Кувейта», находившемся, по его оценке, в полной

зависимости от Англии. Именно Гази был первым руководителем Ирака, заявившим о своих притязаниях на Кувейт. Король был одним из главных противников пробританского внешнеполитического курса премьера Нури Саида.

Гази был неугоден Англии, его требовалось устранить. «Решились ли английские правящие круги силой разрубить опасный узел, – пишет Г. Мирский, – или на помощь им пришел трагический случай – осталось невыясненным»[65]. Официальную версию гибели Гази приводит Ф. Марр: «Находясь в состоянии алкогольного опьянения и самостоятельно управляя машиной, король на большой скорости врезался в столб. Вскоре он скончался от травмы головы (перелома черепа).

Но, кроме официальной, есть и другая версия гибели Гази, согласно которой во время поездки на автомобиле негр-слуга, подкупленный Нури Саидом, ударил Гази по затылку, после чего машина потеряла управление. Слуга тоже умер от ран, полученных в результате аварии.

В Ираке не поверили официальной версии, а антибританская пропаганда сразу заявила о причастности к гибели Гази Нури и англичан. Каких-либо убедительных доказательств этому не было приведено, но реакция на случившееся последовала незамедлительно. В Мосуле прошла бурная демонстрация, в ходе которой толпа ворвалась в здание английского консульства. Консул Монк-Мэсон был убит.

Какова бы ни была причина гибели Гази, одно очевидно: его уход из жизни существенно облегчил положение и Нури Саида и англичан.

Со смертью Гази встал вопрос о регенте, поскольку его сыну, провозглашенному королем Фейсалом II, было всего четыре года. Выбор пал на 26- летнего принца Абдул Иллаха, двоюродного брата Гази.

Назначение Абдул Иллаха означало нарушение того хрупкого баланса, который существовал при Гази между дворцом, офицерским корпусом, гражданской политической элитой и Англией. В отличие от Гази регент более комфортно чувствовал себя среди англичан, а не среди иракцев. Он выступал за дальнейшее укрепление свя-

зей с Великобританией, считая ее одним из главных гарантов сохранения Хашимитской династии. Абдул Иллах не стремился к установлению контактов с арабскими националистами в офицерском корпусе, которых он пренебрежительно называл «социальными выскочками, недостойными его внимания»[66].

Занятая регентом позиция существенно осложняла политическую ситуацию в Ираке, усугублявшуюся по мере приближения и особенно с началом войны в Европе. Ключевой, как и в начале 30-х гг., вновь стала проблема отношений Ирака с Англией. Английская сторона, исходя из положений договора 1930 г., предъявила иракскому правительству широкомасштабные требования, вызвавшие резко негативную реакцию в стране. Действия Англии возродили в иракском обществе отложенные на время, но незабытые протесты, изначально вызывавшиеся многими аспектами договора 1930 г., которые справедливо воспринимались как ограничивавшие иракский суверенитет. По мере ужесточения Англией своей линии в отношении Ирака военные все менее были склонны следовать в фарваторе британской политики. Далеко не последнюю роль в укреплении антианглийских настроений играла активная пропагандистская деятельность, проводившаяся в течение ряда предвоенных лет послом нацистской Германии в Ираке Фрицем Гробба. Большинство офицеров были убеждены, что в грядущей войне победа будет за державами «оси». Многие гражданские политики и регент оказались между двух противостоящих сил, исход столкновения которых был на тот момент абсолютно не предсказуем. Перед Ираком встала очень сложная дилемма: чью сторону принять в надвигающейся войне – германо-итальянского альянса или Англии.

В значительной мере «выбор» в сложившейся ситуации был предопределен характером военно-политических и экономических позиций Англии в Ираке, но от «друзей» Великобритании в этой стране требовались дополнительные усилия по упрочению здесь британского присутствия. Решение этой задачи должен был взять на себя Нури Саид, к чему он и приступил еще до начала войны в Европе.

Нури начал с того, что в мае 1939 г. провел выборы в парламент, итоги которых полностью соответствовали его предвыборным по-

желаниям: депутатами были избраны преданные Нури люди. Но этого было недостаточно, поскольку поддержка парламента не могла существенно повлиять на принятие решений по вопросам определения внутри- и внешнеполитического курса страны. Учитывая ту роль, которую в 30–гг. стали играть военные, Нури должен был прежде всего установить хорошие отношения с офицерской «семеркой», особенно с ее лидирующей четверкой, так азываемым «Золотым квадратом», – Салах эд-Дином Саббахом, Фахми Саидом, Махмудом Салманом и Камилем Шабибом, которая стала на тот момент самой влиятельной политической силой в Ираке.

Почти все эти офицеры были выходцами из незнатных семей с весьма скромным достатком. Только Салах эд-Дин Саббах принадлежал к среднему сословию; его отец был купцом, уроженцем Сидона, переселившимся в Мосул. Фахми Саид был сыном лейтенанта османской армии. Отец Махмуда Салмана занимался мелким подрядом, а Камиль Шабиб происходил из бедной багдадской семьи. Все четверо были слушателями Османской военной академии, во время первой мировой войны воевали на стороне Турции и присоединились к Фейсалу во время его нахождения в Сирии. Все, кроме Салмана, окончили штабной колледж в Багдаде, где и сложились их взаимные связи. Все они были арабами – суннитами, хотя, как говорили, Саид был не арабом, а курдом, и все они были безраздельно преданы делу арабского единства.

Салах эд-Дин ас-Саббах очень скоро стал непререкаемым лидером этой группы. Он обучался в Британском армейском штабном колледже в Кэмберли, был женат на англичанке, владел английским и турецким языками так же хорошо, как арабским, был весьма начитан в арабской истории. Его неприязненное отношение к Англии складывалось постепенно. Первый толчок в этом направлении был дан ситуацией, возникшей вокруг закупки вооружения при Бакре Сидки, усугублявшийся в дальнейшем ролью Англии в делах Палестины.

Вспыхнувшее в 1936 г. в Палестине восстание вылилось в возглавленное главным муфтием Иерусалима аль-Хадж Амином аль-Хусейни вооруженное движение против британских мандатных властей. Оно достигло своего пика в 1939 г. и было в конечном счете

подавлено англичанами силой. Большинство иракцев поддерживало борьбу палестинцев и деятельность муфтия, а акции англичан в Палестине вызывали их резкий протест, что вело к возрастанию напряженности в англо-иракских отношениях. Такова была ситуация в Ираке в преддверии второй мировой войны.

ГЛАВА 4

ОТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1958 г.

4.1. Политическая ситуация в Ираке на начальном этапе Второй мировой войны

С началом в сентябре 1939 г. войны в Европе Англия потребовала от Ирака разорвать дипломатические отношения с Германией, интернировать находившихся в стране германских подданных и предоставить Англии всю возможную помощь, предусмотренную условиями англо-иракского договора. Нури Саид поспешил заверить Англию в полной готовности Ирака выполнять все принятые на себя обязательства в условиях военного времени.

В стране сразу же был введен комендантский час, установлены цензура, нормирование продуктов, реквизиции в пользу армии и прочие меры, поставившие Ирак фактически на военные рельсы. Было приостановлено действие конституции, что еще более повысило и без того близкую к абсолютной власть правительства Нури, осуществлявшуюся теперь исключительно административными мерами. Эта новая политическая ситуация в стране вызвала серьезные опасения среди оппонентов Нури, не без основания ожидавших репрессивных мер со стороны властей.

2 сентября 1939 г., сразу после вступления Англии в войну, правительство Нури Саида разорвало дипломатические отношения с Германией без объявления ей войны. 12 сентября 1939 г. на всей территории страны было введено чрезвычайное положение и установлена строгая цензура. В первые же дни войны английское коман-

дование на Ближнем Востоке усилило военные гарнизоны на иракских базах в Хаббании и Шуайбе.

Начавшаяся война резко обострила социальные и экономические проблемы Ирака, с особой отчетливостью выявившие отсталость, экономическую неразвитость страны, ее полную зависимость от внешних связей. Прерванные войной традиционные торговые отношения вкупе с тем бременем, которое было возложено на Ирак Англией и ее союзниками по содержанию и обслуживанию их воинских контингентов, размещенных в ближневосточном регионе, имели своим следствием нехватку в стране товаров первой необходимости, в том числе продовольствия, появление черного рынка, непомерный рост цен, инфляцию.

Инфляция, вызванная главным образом двумя факторами: нахождением британских войск на территории Ирака и ограничениями, которые повлекла за собой война, имела крайне тяжелые последствия для экономики страны. Количество денег, находившихся в обращении, возросло с марта 1941 г. по декабрь 1942 г. с 7 млн и.д. (около 17 млн долл.) до 22 млн и.д. (около 53 млн долл.)[1], а к концу войны оно еще более увеличилось. За 1939–1946 гг. количество денег возросло на 900%. Индекс цен за 1939–1942 гг. вырос со 100 до 650. Цены на зерно со 100 в 1939 г. достигли своего пика 773 в 1943 г., текстиля за то же время – 1287. Эти цифры далеко не в полной мере отражают рост инфляции в Ираке в годы войны. Хорошо осведомленные специалисты считают, что инфляция увеличилась в 10 раз по сравнению с довоенным временем[2].

Эти явления военного времени самым существенным образом повлияли на социальную структуру иракского общества, вызвав в нем ускоренную дифференциацию, имевшую в дальнейшем самые серьезные последствия. Годы войны стали во многом поворотным моментом в социально-экономической жизни Ирака.

В межвоенный период Ирак без каких-либо серьезных оговорок относился в целом к разряду бедных стран. Богатые иракцы, имевшие больший (по сравнению со всеми остальными) доход и более высокий жизненный стандарт, составляли сравнительно небольшую группу людей, при этом разрыв, который существовал между богатыми и средним классом и этим «средним» и беднотой, был не столь

радикален. К тому же экономическое и социальное неравенство уравновешивалось в определенной степени сохранявшимися как в среде богатых, так и бедных, традиционными прочными семейными связями.

Война коренным образом изменила эту ситуацию. Взлет цен, прежде всего на зерно и нехватка продовольствия и товаров первой необходимости создали беспрецедентные возможности для спекуляции и обогащения, чем не преминули воспользоваться крупные земельные собственники и определенные круги буржуазии. Сложившаяся конъюнктура позволила небольшой по численности группе иракцев многократно увеличить свое богатство. В результате между богатыми и бедными образовалась гигантская пропасть, увеличился также разрыв между богатыми и теми, кого ранее с полным основанием можно было отнести к категории людей состоятельных. Ситуация усугублялась к тому же разрывом прежних семейных и общинных связей, заменявшихся качественно новыми ценностями.

Наибольшие возможности для личного обогащения получили представители власти и входившие в «околовластное» окружение. Произошло фактическое слияние власти и богатства. Верхи были поражены коррупционной болезнью. В стране быстро нарастала социальная напряженность.

Особо тяжело осложнения военного времени сказались на иракской деревне, ускорившие начавшийся еще в межвоенный период процесс миграции сельского населения в города. Наиболее интенсивно он протекал в южных провинциях Ирака, в частности, в Кут аль-Амаре.

Складывавшаяся в конце 1939 г. ситуация внутри Ирака усугублялась действием ряда внешних факторов. В условиях начавшейся войны в Европе внешне Ирак оставался лояльным союзником Великобритании. Однако в действительности позиции Англии в Ираке были уже существенно ослаблены, в двусторонних отношениях обоих государств подспудно шло нарастание кризиса. Далеко не последнюю роль в этом процессе играла также особо чувствительноая для иракцев продолжавшаяся просионистская политика Англии в Палестине, ускорявшая рост антианглийских настроений по всей стране. На этом фоне в начале 1940 г. в Ираке разразился правитель-

ственный кризис. Толчком к нему послужило убийство Рустума Хайдара, министра финансов в кабинете Нури, человека, пользовавшегося большим уважением в народе. Ходили слухи о причастности к этому инциденту Нури Саида, у которого с погибшим, как, между прочим, и с другими членами кабинета, существовали глубокие расхождения по внешнеполитическим вопросам. Германская печать прямо обвиняла в убийстве Хайдара английскую разведку[3]. Положение Нури, главного охранителя английских интересов в Ираке, осложнялось враждебным отношением к нему со стороны проанглийски настроенных лидеров армейской верхушки – Хусейна Фавзи и Амина аль-Умари и Ямулки.

18 февраля 1940 г. Нури Саид подал заявление об отставке с поста премьера. Регент принял отставку после визита к нему Хусейна Фавзи, ставшего к тому времени генерал-лейтенантом и попрежнему занимавшего пост начальника генерального штаба, который потребовал не включать в состав нового кабинета ни Нури Саида, ни Таха Хашими. Перед регентом встала крайне сложная задача: с одной стороны, возникла вполне вероятная угроза выступления армии в случае отказа выполнить требования этой группы военных, с другой, необходимо было иметь во главе правительства фигуру, устраивавшую Англию. Пока регент размышлял над решением этой задачи, боровшиеся с «тройкой» за контроль над армией «четыре полковника», заинтересованные также в устранении Фавзи, совершили еще один «тихий переворот»: они выступили в поддержку Нури Саида и заявили о готовности оказать помощь регенту в противостоянии группе Фавзи. «Золотой квадрат» 21 февраля сосредоточил преданные ему войска в лагере «Рашид» под Багдадом, а Фавзи, Умари и Ямулки стянули свои силы в лагерь Вашшаш. Но до вооруженного столкновения между двумя армейскими группировками дело на сей раз не дошло. Регент твердо встал на сторону «четверки» за их поддержку кандидатуры Нури Саида и поручил Нури сформировать правительство. Фавзи, Умари и Ямулки были уволены из армии, а члены «Золотого квадарата» стали в ней полными хозяевами. Их поддержка Нури имела тактический характер. Избавившись от конкурентов в армии и укрепив свои позиции, «четыре полковника» не нуждались теперь в Нури. Премьера обвинили в нежелании вести

расследование обстоятельств убийства Рустума Хайдара. В результате Нури Саид был вынужден вторично подать заявление об отставке.

«Четверка» предложила на пост главы правительства своего союзника Рашида Али аль-Гайлани, которому военные отводили представительную роль, а себя рассматривали как реальную господствующую политическую силу страны.

1 апреля 1940 г. Рашид Гайлани сформировал правительство, в котором занял и пост министра внутренних дел. В состав кабинета вошли многие бывшие премьеры. Для успокоения англичан в него в качестве министра иностранных дел был включен также Нури Саид.

Создание кабинета Рашида Гайлани совпало с активизацией военных действий держав «оси» в Европе. Германия одерживала одну победу за другой. Капитулировала Франция, 10 июня 1940 г. в войну вступила Италия.

Развертывавшиеся международные события оказывали прямое воздействие на внутриполитическую ситуацию в Ираке, вызывая все более отчетливое расхождение в подходах различных группировок правящих кругов страны к определению места Ирака в свете складывавшейся на тот момент расстановки сил в мире, что, естественно, вызывало серьезную озабоченность Англии.

Члены кабинета разделились на две группировки. Одни считали, что Ирак должен оказывать всю возможную помощь союзникам, другие, напротив, оценивали такую позицию как губительную для страны[4]. Англия не исключала возможности открытого перехода Ирака на сторону германо-итальянского альянса. Эти опасения возросли после того, как иракское правительство отказалось порвать отношения с Италией. За разрыв этих отношений на заседании кабинета высказались только Нури Саид и Амин Заки.

В политических кругах продолжали нарастать антианглийские настроения вплоть до требования разрыва союза с Англией. Сторонники сближения с Германией предпринимали шаги по налаживанию контактов с этой страной. В июне 1940 г. министр юстиции в правительстве Аль-Гайлани Наджи Шавкат встречался с германским послом в Турции фон Папеном, пообещавшим обсудить с Гитлером вопрос о возможной поддержке Германией арабских националистов.

В результате доклада Папена Гитлеру 23 октября 1940 г. появилась на свет полностью лживая, скрывавшая истинные стратегические планы Германии и Италии в отношении арабских стран декларация. В этом документе говорилось о «симпатиях держав «оси» к арабскому освободительному движению» и давались заверения в том, что «ось не преследует никаких захватнических целей в отношении арабских стран»[5].

Между тем, в захватнических планах стран «оси» арабским странам в силу их геополитического положения и огромной экономической значимости принадлежало очень важное место, а Ираку отводилась роль центра антибританской пропаганды. Деятельность германской агентуры в Багдаде резко активизировалась после капитуляции Франции и перехода Сирии и Ливана под контроль германо-итальянской комиссии, сопровождавшегося быстрым наводнением стран Леванта опытными профессионалами-разведчиками, специалистами по арабским делам – учеными, военными, представителями торговых фирм и др.

Созданная немцами в Афинах радиостанция «Свободная Аравия» сообщала иракскому населению, что Гитлер – потомок Пророка, враг евреев и англичан, защитник ислама, прилагающий всю свою энергию к созданию свободной арабской федерации. Появился и такой лозунг: «На небесах аллах, на земле – Гитлер»[6].

Ситуацию обостряло установление контактов между Ираком и Японией, выразившей готовность поставлять Ираку оружие, а также закупить весь урожай иракского хлопка, предложив за него более высокую цену после того, как Англия отказалась от этой покупки.

Критическое состояние дел в ирако-английских отношениях требовало от Англии и ее союзников в Ираке решительных действий, однако ни регент Абдул Иллах, ни Нури Саид не могли повлиять на позиции военных, неоднократно отклонявших требование регента отправить в отставку правительство Рашида Гайлани. При этом сам Гайлани ни разу не выступил открыто с каким-либо антианглийским заявлением. Более того, получив 21 июня 1940 г. ноту Англии с требованием разрешить высадку в Басре английских войск для их дальнейшего следования в Хайфу, он на следующий день дал соответствующие указания. Не устраивал премьер Гайлани британ-

ское правительство тем, что оказывал поддержку антианглийски настроенным иракским военным. В итоге пущенные в ход под мощным давлением Англии средства заставили Рашида Али аль-Гайлани 31 января 1941 г. подать в отставку. Но это не внесло каких-либо серьезных изменений в политическую обстановку в стране. По требованию «четверки» регент назначил премьером генерала Таха Хашими, брата покойного Ясина и бывшего начальника генерального штаба. Фигура Таха была компромиссной, устраивавшая как националистов из-за его приверженности к идеям панарабизма, так и англичан: Таха Хашими входил в состав правительства, принявшего договор 1930 г. Новый премьер предпринял меры по ослаблению «четверки». В феврале 1941 г. он попытался убрать из столицы Шабиба и Аль-Саббаха, однако сделать этого не смог. Столь же безрезультатно закончилась аналогичная мера против Шабиба в марте. Препятствовала действиям премьера «четверка», которая к тому времени настолько глубоко была втянута в политические дела и так сильно была озабочена сохранением своих постов, более того – своих жизней, что не могла допустить изменения ситуации. Четверо военных потребовали заменить Таха на посту премьера Рашидом Али, пригрозив в противном случае применить силу.

Англия сменила своего посла в Ираке, направив туда в марте 1941 г. опытного дипломата, хорошо знакомого с этой страной Корнуоллиса. Перед ним была поставлена задача добиться ликвидации «четверки». Тогда же между правительствами Великобритании и Ирака начались секретные переговоры о предоставлении английскому командованию новых военных баз в Ираке и о размещении дополнительных войск, а также о переводе всей экономики Ирака под контроль созданного англичанами специального органа – Ближневосточного центра снабжения со штаб-квартирой Каире.

Англичане приступили к реализации задачи по устранению из политической сферы «Золотого квадрата». Однако первые же предпринятые в этом направлении шаги вызвали решительные действия военных.

1 апреля 1941 г. Таха Хашими подал прошение регенту о своей отставке. Реакция «четверки» была немедленной: в Багдад были введены армейские части, которые окружили королевский дворец и ус-

тановили контроль над другими ключевыми объектами столицы. Регент при поддержке посланника США в Ираке Кнабеншуэ бежал из Багдада в Басру, откуда перебрался на поджидавший его английский корабль. 2 апреля регент, Нури Саид, Али Джавдат, аль-Мидфаи и ряд других иракских политиков покинули Ирак и обосновались в Трансиордании.

Заявление Таха об отставке не было подписано регентом, и действия Рашида Али и военных осуществлялись вне конституционных рамок, что и дало основание называть в дальнейшем события 1 апреля 1941 г. «переворотом Рашида Али». Рашид Али, Юнис ас-Сабауи и Золотой квадрат сформировали кабинет Национальной обороны. Был издан приказ об аресте регента, однако он уже успел к тому времени скрыться.

Апрельский переворот имел существенное отличие от своих предшественников. Первоначально направленный только на замену одного премьера другим, он в итоге обернулся против монархии в лице регента Абдул Иллаха, от которого – в соответствии с конституцией – зависело придание законности требованиям, выдвинутым военными и их гражданскими союзниками. Отказ регента поддержать Золотой квадрат повлек за собой поиск заговорщиками иных средств для обоснования своих действий. Первым шагом в этом направлении было создание правительства Национальной обороны, главной задачей которого, по определению новых руководителей, была необходимость «сохранить целостность и безопасность страны». Регента обвинили в его намерениях «подрыва армии, причинения вреда национальному единству и в попрании конституции». По предложению Рашида Али парламент, в котором, как оказалось, у него было много сторонников, сместил Абдул Иллаха и утвердил на посту регента двоюродного брата короля Шарифа Шарафа. С этого момента ситуация приобретала вполне конституционную видимость, поскольку новый регент подписал указ о смещении Таха Хашими и поручил Рашиду Али сформировать кабинет[7].

В обращении к иракскому народу правительство заявило: «В истории Ирака открылась новая глава, которая будет отмечена жизнеспособностью и энергией, эффективностью и чувтсвом ответственности»[8]. Вместе с тем правительство воздерживалось от антианглий-

ских высказываний, не желая ускорения обострения отношений с Англией. Новый режим в своих заявлениях подчеркивал твердое намерение руководства Ирака соблюдать нейтралитет в войне, урегулировать спорные вопросы, в том числе и с Англией, мирными средствами, соблюдать верность всем международным обязательствам, включая англо-иракский договор 1930 г.

Англия пыталась договориться с новой властью, выражая готовность признать ее полностью и предоставить Ираку любую военную и экономическую помощь, но при этом выдвигала требования, абсолютно неприемлемые для иракских лидеров. В итоге англичане не сумели достичь какого-либо позитивного результата и стали готовиться к войне.

4.2. Англо-иракская война 1941 г. и ее последствия

Сразу после переворота английское правительство, крайне озабоченное необходимостью сохранения своего контроля над Басрой и страной в целом, поспешило перебросить в Ирак крупные контингенты войск: на тот момент Англия располагала здесь лишь одним гарнизоном авиационной базы в Хаббании численностью менее 2,5 тыс. английских солдат. 18 апреля в Басре высадилась бригада и артиллерийский полк, прибывшие из Индии.

Вопрос увеличения английских войск в Ираке вызвал усложнение в расстановке сил внутри правящего лагеря. Против действий Англии не возражал Рашид Али, который в принципе был настроен на урегулирование ирако-английских отношений на основе компромисса. Но с такой позицией был категорически не согласен Золотой квадрат. Салах ад-Дин ас-Саббах и Юнис ас-Сабауи настаивали на том, чтобы прибывшие в Ирак английские войска в течение нескольких дней покинули его территорию и чтобы в будущем не было дано ни одного разрешения на увеличение военного контингента Англии в Ираке без предварительного уведомления иракской стороны. Англичане проигнорировали данное заявление. Они не только не

вывели свои прибывшие сюда части, но готовились к принятию дополнительных войск. Дело шло к войне.

28 апреля совет министров Ирака принял решение направить войска на военно-воздушную базу в Хаббании в качестве предупредительной меры. В ответ 29 апреля в Басре высадились английские войска. Сразу же иракское командование отдало приказ своим войскам двигаться в район Хаббания, куда они подошли на следующий день. Иракское командование запретило английским самолетам, находившимся в Хаббании, подниматься в воздух. Командующий английскими силами на этой военно-воздушной базе вице-маршал авиации Смарт данного распоряжения не принял и потребовал отвода иракских частей. Командование Ирака этого требования не выполнило, войска оставались на занятых ими позициях. Ранним утром 2 мая по решению командующего базой без какого-либо предупреждения иракские войска подверглись бомбардировке английской авиации. Так началась англо – иракская «Тридцатидневная» война, к которой, как показало развитие событий, «четыре полковника» оказались совершенно неподготовленными.

На начальном этапе войны иракская сторона имела явное превосходство над англичанами. В районе Хаббания иракские войска состояли из пехотной бригады и механизированной артиллерийской бригады (кроме прочей техники и различного снаряжения), насчитывавших 10 тыс. человек с 50 орудиями. Главным был перевес иракцев в артиллерии. В случае своевременного и точного применения артиллерийского обстрела аэродрома иракцы могли за несколько часов разгромить его вместе с гарнизоном английской базы, но они не сделали этого.

Английский гарнизон в Хаббании включал шесть рот ополчения – 1,2 тыс. человек (айсоры, курды, арабы), 350 человек пехоты, 30 пилотов и 30 учащихся летной школы, 1 тыс. другого летного персонала. Артиллерия гарнизона состояла из двух старых мортир, служивших украшением у ворот, и нескольких минометов. Всего в Хаббании, как уже отмечалось, находилось около 2,5 тыс. человек[9].

Решающее влияние на дальнейшее развитие событий оказало преимущество англичан в авиации. В первые же дни войны английская авиация уничтожила на аэродромах иракские самолеты, после

чего оказала поддержку гарнизону в Хаббании. Не сумев организовать должную осаду английской военной базы, иракские войска отступили 6 мая в направлении аль-Фаллуджи. По дороге они разрушили дамбы на Евфрате и затопляли территорию. Это задерживало, но не останавливало продвижение английских войск. Одновременно шло наращивание британских сил. На помощь им пришли войска из Трансиорании, в составе которых был отряд из 350 человек прославленного Арабского легиона во главе с его командиром Глабб-пашой, а также бригада механизированной кавалерии, пехотный батальон и три эскадрона пограничных частей под общим командованием генерал-майора Кларка. Этой группе, получившей название «Кингкол», были приданы броневики, артиллерия и 500 грузовиков для передвижения. 11 мая эти войска вступили в Ирак. С большими трудностями они 18 мая добрались до Хаббании и соединились с находившимся западнее Фаллуджи английским гарнизоном военной базы. Атакой на Фаллуджу 19 мая начался заключительный этап кампании. Зоной действия сторон оказывыался центральный Ирак.

За развитием событий в Ираке внимательно следили в Германии и Италии. Немецкие самолеты, численность которых, по различным данным, составляла от 30 до 120, принимали участие в операциях иракских войск. И Гитлер, и Муссолини выражали готовность направить на помощь иракцам различные виды вооружения и авиацию, однако реальной поддержки этих стран Ирак не получил. Германия готовилась к нападению на СССР, что не позволило тогда Гитлеру сосредоточиться на Ираке. Не выполнила своего обещания и Италия.

19–22 мая ожесточенные бои между англо-иракскими войсками шли в районе Фаллуджи. На сей раз превосходство англичан в артиллерии заставило иракские войска отступить. При отходе они затопили весь район между Тигром и Евфратом к западу от Багдада. Англичане, предприняв обходной маневр и пустив в ход ложную информацию о наличии в их войсках 50 танков, якобы продвигающихся к столице, вызвали большую растерянность в рядах иракского руководства, у которого к тому же изначально не было никакой уверенности в возможности военной победы над Англией. 29 мая «четверка» в спешке бежала в Иран, где к ним вскоре присоединились Рашид Гайлани, муфтий аль-Хадж Амин и их сторонники. Армия

оказалась брошенной на произвол судьбы. Война закончилась без финальных решающих сражений, что оказалось весьма неожиданным для англичан. В тот же день мэр Багдада Аршад аль-Умари сформировал комитет, в который вошли высшие армейские офицеры. Этот комитет 30 мая подписал перемирие с англичанами[10]. 1 июня 1941 г. английские войска вступили в Багдад.

В тот же день Абдул Иллах, Нури Саид, Али Джавдат и Джамал аль-Мидфаи вернулись в Багдад. Они сформировали правительство, целиком состоявшее из преданных Англии людей. Так закончилась, по оценкам, самая серьезная после восстания 1920 г. попытка разорвать узы с Англией и покончить с созданным ею режимом. Однако и на сей раз все закончилось победой Англии.

Премьером был назначен Джамиль аль-Мидфаи, известный как великий мастер компромисса. Свой кабинет он сформировал на основе принципа «забыть прошлое», не противостоять требованиям Англии, сдерживать проявления националистических настроений, но при этом не применять силовых мер против националистов. 3 июня был издан декрет о введении в Ираке чрезвычайного положения, сохранявшегося до марта 1946 г. Были урегулированы все спорные вопросы по англо-иракскому договору, и 11 июня Ирак разорвал дипломатические отношения с Италией.

К 18 июня англичане установили контроль над всеми крупными городами Ирака, железными и шоссейными дорогами, портом Басра. На территории страны была размещена стотысячная оккупационная армия. Это была вторая в новейшей истории Ирака оккупация страны британскими войсками.

Многие из сторонников Рашида Али были казнены или отправлены в тюрьмы, подозреваемые в симпатиях к нему были смещены со своих постов и заключены в лагеря. Расправившись с участниками «майского» выступления, англичане реорганизовали иракскую армию и полицию, провели чистку среди командного состава армии и служащих госучреждений. Были запрещены различные движения и организации националистического толка. Джамиль аль-Мидфаи оказался слишком слабым, с точки зрения англичан и режима, для последовательной борьбы с «враждебными элементами», и 9 октября 1941 г. правительство Ирака возглавил Нури Саид.

Ситуация, вызванная войной, и пребывание английских войск на иракской земле придали изжившему себя политическому режиму этой страны новое дыхание. Вновь интересы и запросы Англии заняли приоритетное место в действиях иракских политиков и дворца, оказавшихся в полной зависимости от англичан, в то время как собственные внутренние проблемы Ирака были отодвинуты на второй план.

Вместе с тем, было очевидно, что возвращение к власти прежнего режима оказалось возможным только в условиях войны в соответствии с договором 1930 г. и при всеобъемлющей поддержке Англии. Всеми признавался временный характер установленной власти и выражалась уверенность в ее изменении с окончанием войны и выводом из Ирака английских войск. Неотвратимость перемен становилась все более очевидной по мере нарастания в годы войны противоречий в иракском обществе. Сохранялась и оппозиция, которая до поры не заявляла о себе открыто. Режим не имел поддержки в широких массах иракского населения. Репрессивные меры англичан при полном согласии властей лишили его доверия со стороны среднего класса, что и толкало режим к более тесному сотрудничеству с Англией.

С приходом к власти Нури Саида последовала новая волна расправ и смещений лиц, подозревавшихся в связях с Рашидом Али. Военным судом 6 января 1942 г. Рашид Али, Али Махмуд аш-Шейх Али, Юнис ас-Сабауи и генерал Амин Заки были заочно приговорены к смертной казни, другие были осуждены на длительные сроки тюремного заключения. Было принято также решение об экстрадиции иракцев, находившихся в британских тюрьмах за пределами страны, что англичане выполнили по просьбе иракских властей.

Во время повторного суда некоторым заключенным уменьшили сроки наказания, но это не касалось военных. 4 мая 1942 г. двое полковников Мухаммед Фахми Саид и Махмуд Салман были приговорены к смерти и повешены вместе с Юнисом ас-Сабауи. В апреле 1944 г. полковник Камиль Шабиб был захвачен англичанами и также повешен. Последним уже после окончания войны такой же участи подвергся Салах эд-Дин ас-Саббах, захваченный англичанами в Сирии и повешенный на воротах министерства обороны в Багдаде в

октябре 1945 г. Из всех участников тридцатидневной войны только Рашид Али и муфтий сумели избежать наказания. Аль-Хадж Амин аль-Хусейни укрылся в Саудовской Аравии, а Рашид Али оказался сначала в Германии, а затем в Египте.

В октябре 1943 г. Нури Саид и регент инициировали внесение поправок в иракскую конституцию, направленных на усиление власти монархии. Нури, учитывая свои близкие отношения с регентом, рассчитывал на получение более значительных полномочий в среде политической элиты. Абдул Иллах, в свою очередь, в конституционных изменениях усматривал для себя возможность обрести большую самостоятельность и независимость от политиков, назначение и смещение которых полностью бы зависело от его власти. Появление регента как сильной политической фигуры со своими собственными представлениями о направлениях внутренней и внешней политики страны означало неизбежность конфликта между ним и Нури Саидом.

4.3. Социально-экономическое положение в Ираке в годы войны

В январе 1943 г. Ирак объявил войну Германии и Италии. И хотя он не принимал участия в военных действиях, иракский народ внес свой вклад в дело победы над фашизмом. Через территорию Ирака шли поставки продовольствия и вооружения в Советский Союз. Экономические ресурсы страны использовались для снабжения англо-американских войск, расположенных в Ираке и в других странах Ближнего и Среднего Востока. Население страны участвовало в строительстве казарм, дорог и других военно-стратегических объектов. Вся экономика Ирака была поставлена под контроль Ближневосточного центра снабжения, находившегося в Каире[11].

Потребности войны дали некоторый импульс развитию иракской экономики. Сокращение импорта важнейших товаров и необходимость снабжения союзных войск, находившихся в Ираке и других странах Ближнего и Среднего Востока, повлекло за собой создание ряда предприятий, прежде всего в отраслях легкой промышлен-

ности, но не только. Были построены сахарные и цементные заводы, многочисленные ремонтные мастерские, проводились большие общественные работы для нужд войск, что сопровождалось определенным укреплением экономических позиций национального капитала. В годы войны в Ираке появилась большая группа крупных собственников, некоторые из которых стали миллионерами. По мере развития этой группы возрастало ее влияние в социальной, экономической и политической областях[12].

Однако дальнейшее расширение промышленного производства сдерживалось нехваткой сырья, отсутствием оборудования и невозможностью его приобретения за границей, засильем в иракской экономике иностранных, главным образом английских монополий. К концу войны Ирак по-прежнему оставался отсталой сельскохозяйственной страной со слаборазвитой промышленностью. Национальной индустрии практически не было. Преобладали мелкие предприятия легкой и обрабатывающей промышленности с небольшим числом занятых на них рабочих. Представление о составе рабочего класса в Ираке дает таблица, составленная на основе данных первой промышленной переписи, проведенной в 1954 г.

Количество рабочих на одном предприятии	Количество предприятий	Количество занятых рабочих
1 – 5	20800	39426
6 – 19	1336	12173
10 – 49	136	4020
50 – 99	63	4165
100 – 249	59	9520
250 – 499	24	7835
500 – 999	8	5336
1000 и выше	4	7809
Всего	22460	90284

Из приведенной таблицы видно, что в Ираке было больше всего мелких предприятий с небольшим числом занятых на них наемных рабочих, положение которых можно определить как исключительно тяжелое. Рабочие не имели никаких экономических прав: минимума заработной платы, фиксированного рабочего дня, выходных, посо-

бий по болезни и профсоюзов[13]. Хотя в годы войны правительство приняло закон о труде, статьи его не проводились в жизнь.

Жизненный уровень иракского рабочего во время войны и в первые годы после ее окончания оставался крайне низким. По данным некоторых фирм, заработная плата неквалифицированного рабочего составляла 4–7 шилл. за 8 часов рабочего времени. По определению рабочих Киркука, прожиточный минимум семьи рабочего за месяц составлял 16 ф. 16 шилл. Даже если принять средний заработок за 6 шилл., а количество рабочих дней в месяц за 24, то заработная плата рабочего равнялась 7 ф. 4 шилл. Однако после вычетов, штрафов и уплаты налогов у рабочего оставалось сумма, которая далеко не покрывала этого минимума.. К тому же в Ираке существовала постоянная армия безработных и рабочих, занятых случайным трудом, нищенского заработка которых не хватало даже на хлеб. Стоимость жизни к концу войны значительно возросла и продолжала увеличиваться в послевоенные годы, составив в октябре 1946 г. 566% по сравнению с 1939 г.[14]

В еще более бедственном положении, чем рабочие, оказалась основная масса населения Ирака – крестьянство. Скачкообразный рост цен на зерно (за 1938–1943 гг. цена на ячмень возросла в 7, а на пшеницу в 10 раз) и неуклонно возраставший спрос на него сопровождались нещадной эксплуатацией крестьянства землевладельцами-феодалами, извлекавшими из труда земледельца свои сверхприбыли. Главной причиной нищеты иракского крестьянства была система землевладения, при которой 95% крестьян не имели своей земли. Около 2/3 земли находилось в руках 1000 шейхов[15]. Не имея своей земли, крестьяне вынуждены были арендовать ее у землевладельца на кабальных условиях, выплачивая за аренду земли, воды, семян и инвентаря до 70–80 % урожая. Страшным бичом для иракского крестьянина являлся ростовщик, которым чаще всего был все тот же собственник земли, ссужавший крестьянину зерно для посева и деньги под огромные проценты, достигавшие 100–200% годовых. Практически крестьянин находился в постоянной долговой кабале.

Сохранение феодальных отношений обусловливало крайнюю отсталость иракской деревни, что определяло общий уровень экономики страны. Доходы крестьян были столь малы, что не могли обес-

печить даже минимума потребностей крестьянина. По данным, приведенным А.Боннэ в его книге «Экономическое развитие Ближнего Востока», доля крестьянина, остававшаяся в конечном счете для него самого и его семьи, составляла в денежном выражении 6–10 ф. ст. в год на севере Ирака и около 1,5–2 ф. ст. в центральных и южных районах (по довоенным ценам)[16]. Разоренные крестьяне массами покидали деревни, особенно в неурожайные годы, уходили в города и постоянно пополняли армию безработных. Шел неуклонный процесс пауперизации крестьян.

Война еще больше ухудшила положение крестьянства. Под предлогом обеспечения союзных войск у них забирали почти все продовольствие, которое потом продавалось по спекулятивным ценам, принося огромные барыши феодалам и крупным торговцам. Усилился отток крестьян в города. Так, в провинции Амара за годы войны население за счет миграции сократилось на четверть. Но города не могли спасти крестьян от нищеты и бедствий: в городах сохранялся высокий уровень безработицы, не хватало продовольствия, недоступными были цены на него.

4.4 Иракский Курдистан в годы Второй мировой войны. Восстание 1943–1945 гг.

Во время войны вспыхивали многочисленные крестьянские бунты и забастовки рабочих, направленные против властей. Самым значительным событием первой половины 40-х гг. стало восстание курдского племени барзан в 1943–1945 гг.

Годы второй мировой войны в Иракском Курдистане характеризовались напряженностью и дальнейшим ухудшением жизни курдского народа во всех ее областях – политической, экономичесской, социальной и культурной.

Курдские восстания 30-х гг., главным участником в подавлении которых была авиация британских ВВС, не изменили дискриминационной политики багдадских властей в отношении Курдистана, остававшегося к началу войны наиболее отсталым аграрным районом страны. Национальная промышленность находилась в зачаточ-

ном состоянии, хотя для ее развития имелись богатейшие возможности: громадные запасы нефти, гидроэнергетические ресурсы, залежи бурого угля, серы, каменной соли и других полезных ископаемых. Недостаточное развитие транспортной сети затрудняло экономические связи между отдельными областями Иракского Курдистана и остальным Ираком. Единственной современной отраслью промышленности здесь была нефтяная, безраздельный контроль над которой осуществляли английские монополии. Получаемые ими доходы никоим образом не содействовали экономическому развитию Курдского региона.

Резкому ограничению подвергались права курдов в области просвещения и административного устройства. Преподавание на курдском языке велось лишь в ¼ части всех начальных школ Курдистана. Курды не имели права создать среднюю школу на базе начальной. Продолжать образование они могли лишь после окончания арабской начальной школы. Число курдов среди иракских студентов не превышало 1%[17]. Из чиновников курдских районов 90% не являлись курдами. Арабы назначались на должности начальника административных управлений, на руководящие посты в полиции, жандармерии.

Вторая мировая война существенно осложнила политическую ситуацию в Иракском Курдистане и привела к резкому обострению экономических проблем в этом регионе. Созданные в Ираке в годы войны специальные «секретные бюро» особо усердствовали в Курдистане, где борьба национально-демократических сил за улучшение социально-политического положения расценивалась как «подрывная деятельность», а ее участники карались самым жестоким образом[18]. В то же самое время наметилось качественное изменение в политической организации курдов. К руководству национальным движением приходили представители новых социальных сил. Важное место в их сплочении заняла националистическая организация «Хива» («Надежда»), основанная в 1939 г. представителями прогрессивной курдской интеллигенции и офицерства, получившая также поддержку среди части племенных вождей и феодалов. До 1942 г. «Хива» находилась на нелегальном положении.

Кроме этой организации заметное влияние на развитие курдского политического движения оказывала с самого своего создания в 1934 г. Иракская коммунистическая партия (ИКП) во главе с ее лидером Юсуфом Салманом Юсуфом, имевшим кличку «Фахед». Полиэтничность иракского общества обусловила многонациональный характер ИКП. В ее рядах наряду с арабами находились представители других национальных и этнических групп – курдов, туркоманов, ассирийцев и др. Временами в ее составе насчитывалось до 30–40% курдов[19].

Изменения, происходившие в годы второй мировой войны во внутриполитической организации курдов, усиление в нем демократического крыла и воссоздание единой Коммунистической партии Ирака в 1942 г. создавали предпосылки для сближения Иракской компартии с руководством курдского движения. Первая газета иракских коммунистов «Кифах аль-Шааб» выдвинула лозунг защиты прав курдов. Коммунистические организации были созданы в Эрбиле и других курдских городах Заметный вклад в этот процесс внесла выходившая с 1943 г. (называют и 1944 г.) на курдском языке газета «Азади», издание которой было подготовлено ЦК компартии. В редакционной статье первого номера новой газеты говорилось: «Мы призываем политически сознательных сыновей нашего народа и каждого честного курда, который любит свой народ и свою родину, не оставаться разобщенными и неподготовленными (к борьбе). Мы призываем его к борьбе за создание демократических партий и ассоциаций, чья деятельность будет направлена на сплочение курдского народа в деле достижения им самоопределения». «Азади» призывала курдов к добровольному союзу с арабами, за создание ими единого фронта против реакции и феодализма[20]. Именно Фахеду принадлежит заслуга, что уже в 1944 г. «Азади» играла большую мобилизующую роль в борьбе курдских трудящихся[21].

Военные успехи Германии в 1940–1942 гг., прогерманская ориентация Турции, антианглийское выступление Рашида Али Гайлани в мае 1941 г., работа фашистской агентуры в курдских районах – все это несло в себе угрозу прочности позиций Англии в ближневосточном регионе. В такой ситуации англичане искали путей сближения с курдами, стремились выдать себя за их друзей. В 1942 г. они при-

знали «Хива», способствовали росту ее членов, пропагандировали курдские националистические идеи, не забывая одновременно засылать своих агентов в эту организацию.

«Хива» использовала легальные условия для упрочения своих позиций. Она издавала свой печатный орган, вела широкую пропаганду среди всех курдов, направляла своих представителей в Турцию и Иран. К концу 1943 г. «Хива» превратилась в крупную организацию, действовавшую во всем Иракском Курдистане.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной и второй мировой войны в целом изменил соотношение сил, улучшил военные позиции союзников, закрепил нейтралитет Турции, что упрочило позиции Англии на Ближнем Востоке и сделало ненужным заигрывание с курдами. Англичане радикально поменяли свою тактику, быстро превратившись из «друзей» курдов в надежную опору иракского правительства, вставшего на путь подавления вспыхнувшего в 1943 г. антиправительственного движения в Иракском Курдистане.

Война вызвала значительное ухудшение экономического положения в курдских районах Ирака. И без того незначительные ассигнования Багдада на социальные и культурные нужды региона были существенно сокращены. Сюда не поступало продовольствие и товары первой необходимости, что привело к многократному увеличению цен на них даже по сравнению с общеиракским ценовым ростом. Так, в Киркуке хлеб стоил в четыре раза дороже, чем в Багдаде. Продовольственная проблема особо острый характер приобрела в горных районах Курдистана, в частности в Барзане, где возможности сельскохозяйственного производства были весьма ограниченны. Ситуацию усугубило расширение площадей под посадками табака, спрос на который резко возрос в связи с размещением на иракской территории британских войск, за счет сокращения посевов зерновых. Всю тяжесть экономических трудностей несли на себе крестьяне, в среде которых нарастало массовое недовольство полным пренебрежением правительства к их повседневным нуждам. Бедственное положение курдов дополнил неурожай 1943 г. Ответственность за ту крайнюю степень обнищания, в которой они оказались, курды полностью возложили на политику Багдада.

Недовольство, вызывавшееся экономическими причинами, усугублялось политическими факторами: игнорированием национальных прав курдов, коррупцией и бесчинствами арабских чиновников, неуважительным отношением к национальным обычаям. Недовольство все больше охватывало различные слои курдского народа, грозя в любой момент перерасти в выступление масштабного характера.

Ведущую роль в развернувшихся в 1943 г. событиях в Иракском Курдистане сыграл Мустафа Барзани. Племя барзан, изгнанное из района своего проживания за участие в восстании 1932 г., в обстоятельствах военного времени оказалось на грани выживания. В 1943 г. барзанцы вернулись в родные края.

Мустафа Барзани находился в тот момент в Сулеймании. Он установил контакт с членами «Хивы» и с их помощью перешел в Барзанский район[22].

Весной 1943 г. М.Барзани и его сторонники разработали план восстания. Недостаток оружия восполнялся за счет полицейских постов в близлежащих районах. К лету 1943 г. был захвачен 21 пост в районах Ширвани Мазен и Мерга-Сур.

Мустафа Барзани, кроме «Хивы», получил поддержку также и других демократических и националистических организаций, действовавших в Курдистане во время войны, среди них «Рызгари» («Свобода»), «Шорыш» («Революция»), «Екети хабат» («Единство борьбы») и др. Заручившись поддержкой этих организаций, М.Барзани и его окружение развернули боевые действия, в которых вернувшиеся барзанцы приняли самое широкое участие. Они захватывали полицейские участки и продовольственные склады, оказывая решительное сопротивление присланным против них войскам. К концу 1943 г. курдские повстанцы достигли значительного успеха, что вынудило правительство Нури Саида пойти на переговоры с лидерами восстания Ахмедом и Мустафой Барзани. Встреча сторон состоялась в конце декабря 1943 г. в Мерга-Суре, где Мустафа Барзани от имени руководителей восстания выдвинул следующие условия прекращения борьбы: 1) создание специального административного района, включающего курдские города Киркук, Эрбиль, Ханекин и Дохук; 2) назначение в кабинете министров курда для управления курдским районом; 3) назначение помощником каждого ми-

нистра курда; 4) признание курдского языка официальным; 5) проведение экономических реформ в Курдистане.

Переговоры в январе 1944 г. между представителем центрального правительства курдом Маджидом Мустафой и лидерами повстанцев привели к реабилитации шейха Ахмеда Барзани и других барзанских лидеров, получивших право веруться в Барзан. Мустафа Барзани в знак своей благонамеренности должен был приехать в Багдад[23]. Повстанцам разрешили сохранить оружие, в том числе захваченное в боях. Переговоры завершились подписанием окончательного соглашения, предусматривавшего освобождение всех арестованных в связи с событиями на севере страны. За курдами признавались некоторые автономные права, в том числе их право самим управлять территориями Иракского Курдистана и пользоваться автономией в области культуры и просвещения. Правительство брало на себя обязанность выделять средства на строительство школ и больниц в Курдистане, снабжать регион на «справедливых принципах» промышленными и продовольственными товарами[24].

Правительство не спешило претворять в жизнь данные обещания. Весной 1944 г. положение в Курдистане стало резко обостряться. В марте 1944 г. курдские районы посетил Нури Саид. В публичных выступлениях в Киркуке и Эрбиле он восхвалял патриотизм и мужество курдского народа и заверял курдов в своем «искреннем желании» удовлетворить справедливые требования курдов.

В начале июня 1944 г. усложнившиеся отношения между регентом Абдул Иллахом и Нури Саидом заставили последнего сложить с себя полномочия премьера. Новый кабинет сформировал Хамди аль-Пачачи, но и после отставки Нури сохранил в своих руках все бразды управления страной, и все дальнейшие антикурдские действия предпринимались с его ведома и при его участии.

В 1944 г. в партии «Хива» оформилась в самостоятельную организацию группа офицеров, назвавшая себя «Джамияте Азадие Курдвэ Курдистан» («Общество свободы курдов и Кудистана»), более известное как Комитет свободы, возглавленный в феврале 1945 г. Мустафой Барзани. Своей целью организаторы общества ставили сплочение всех прогрессивных организаций и сил курдского народа

и ознакомление мировой общественности с положением в Иракском Курдистане.

Разработанная Комитетом программа действий предусматривала создание низовых организаций во всех повстанческих районах и формирование регулярной армии для отстаивания прав курдского народа. Комитет проделал большую работу по обеспечению поддержки курдскому движению.

В Багдаде с большой настороженностью следили за ситуацией в Курдистане. Премьер Хамди аль-Пачачи внешне демонстрировал готовность правительства решать курдскую проблему мирными средствами, на деле же шла активная подготовка к военному подавлению движения курдов. Ответом барзанцев было принятие соответствующих мер защиты. Делались попытки привлечь к движению курдские племена и их вождей для совместного выступления во всех курдских районах, однако добиться каких-либо серьезных успехов в этом вопросе лидерам барзанцев не удалось. Причина этого крылась в прочно сохранявшихся феодально-патриархальных отношениях, основу которых составляло практически безраздельное господство глав племен над своими сородичами. Стремясь сохранить неизменным свой социальный статус, в том числе и свое экономическое положение и влияние, подавляющая часть курдской феодальной верхушки выступала против национально-демократического движения, боролась с главами тех племен, которые, как барзанцы, добивались от Багдада изменений политики в отношении курдов.

Иракские власти, нарушив соглашение, заключенное с Мустафой Барзани в 1944 г., развязали широкомасштабную антикурдскую кампанию. Эта политика в отношении курдов, применявшиеся методы ее претворения в жизнь, заложенные еще англичанами, сохранялись неизменными и еще более жестокими на всех последующих этапах истории Ирака, независимо от характера сменявших друг друга режимов. Тогда, в 1944–1945 гг. десятки и сотни курдов – чиновников государственных учреждений, учителей, офицеров были сняты со своих должностей, оторваны от своих занятий купцы и ремесленники. Всех их высылали из районов Курдистана, заключали в тюрьмы и концлагеря. Лишь немногим удалось спастись бегством в Барзан к Мустафе Барзани.

Одновременно правительство готовилось к силовым действиям. В июле 1945 г. в районе Захо, Амадии, Агры и Равандуза оно сконцентрировало более половины состава регулярной армии и полиции общей численностью 25 тыс. человек. В начале августа 1945 г. Багдад принял решение о наступлении против курдов. Действия сухопутных войск были поддержаны с воздуха несколькими эскадрильями британских ВВС. На стороне правительства выступили также около 5 тыс. курдских феодалов и их наемников. Общее командование военной операцией осуществлял английский генерал Рентон. От политики заигрывания с курдами Англия окончательно перешла к прямому вооруженному вмешательству в национальное курдское движение.

Успешные действия курдских повстанцев на начальном этапе борьбы, их продвижение в направлении Киркука, главного нефтеносного и нефтедобывающего района Ирака, где в их окружение попала значительная группировка правительственных войск, заставили англичан перейти к решительным акциям. Свои военно-воздушные силы они направили не только против курдских вооруженных отрядов, но и против мирного курдского населения. Более 50 курдских населенных пунктов было снесено с лица земли.

Вмешательство английской авиации стало определяющим фактором в переломе хода военных действий в пользу правительственных сил. Положение барзанистов существенно ухудшило также вовлечение иракским режимом в борьбу против курдского национально-демократического движения соседней Турции, правительство которой закрыло в сентябре 1945 г. свою южную границу и сосредоточило значительные контингеты войск на границе с Ираком и Ираном.

Отряды Барзани отступили в горы, где действия иракских войск были малоэффективными, и здесь основной силой против восставших стали отряды реакционных курдских феодалов, за которыми следовали армейские части. 6 октября в Багдаде было официально объявлено о захвате селения Барзан.

Продолжение курдами борьбы в сложившихся на тот момент условиях влекло за собой большие и бессмысленные людские и материальные потери. Поэтому руководство повстанцев приняло ре-

шение перейти в Иранский Курдистан, где ширилось национальное движение иранских курдов, завершившееся созданием в декабре 1945 г. автономного курдского правительства в Мехабаде. На всем пути следования отступавших курдов преследовали иракские войска и бомбовые удары английских самолетов. Из 10 тысяч продвигавшихся к ирано-иракской границе курдов, среди котрых были дети, женщины и старики, несколько тысяч погибло от холода и голода.

Власти иранских курдов в Мехабаде за короткий срок своего существования провели ряд демократических преобразований в интересах народа[25]. Но уже в конце 1946 г. иранская реакция разгромила курдскую автономию и жестоко расправилась с участниками курдского национального движения в Иране. В этой ситуации иракские курды приняли решение вернуться в свои районы.

Преследуемые иранскими войсками курды Ирака продвигались к границе. Когда они перешли ее, по ним открыли огонь иракские войска и полиция, к которым присоединились и турецкие части. В этих совместных акциях получила наглядное проявление вся суть реакционной антикурдской политики режимов тех стран, среди которых разделен Курдистан: они готовы забыть о существующих между ними острых разногласиях и глубоких противоречиях ради недопущения каких-либо позитивных изменений в национальном движении курдов, будь то Ирак, Иран или Турция. Стиснутые со всех сторон, Мустафа Барзани и его сторонники в дальнейшем получили возможность перебраться в Советский Союз, где они пребывали до революции в Ираке 1958 г.

Восстание курдов 1943–1945 гг. потерпело поражение. Однако оно оставило весьма заметный след в освободительной борьбе не только курдов, но всего иракского народа.

Курдское движение 1943–1945 гг. по своему характеру, целям, лозунгам, степени поддержки, оказанной ему политическими силами Ирака, значительно отличалось от всех предыдущих. Оно не было только локальным, барзанским. В своей основе это движение имело общенациональные курдские принципы. Выдвинутые его руководителями во главе с Мустафой Барзани требования предоставления курдскому народу автономных прав стали в дальнейшем программными во взаимоотношениях курдов с иракскими властями. При этом

курды выступили за изменение существовавшего политического режима в Ираке, за его демократизацию. Эти требования сделали движение непохожим на все предыдущие. Они заложили основу борьбы за решение курдского национального вопроса в Ираке в 60–70-е гг.

Вторая мировая война с ее освободительной антифашистской направленностью привела к созданию или возобновлению деятельности в Ираке ряда партий демократического характера, как арабских, так и курдских.

Пройдя тяжелый путь преследований, внутренней разобщенности и фракционной борьбы, в 1942 г. иракские коммунисты воссоздали единую Коммунистическую партию. Историческая заслуга в этом принадлежит Генеральному секретарю партии Юсуфу Салману Юсуфу. В 1944 г. компартия провела свою первую конференцию, а в 1945 г. – первый съезд. Принятая на съезде программа выдвигала задачи общенационального характера, выполнение которых должно было дать стране не формальную, а подлинную независимость, обеспечить ее поступательное развитие в направлении построения демократического государства, способного предоставить достойную жизнь всем своим гражданам.

Находясь на нелегальном положении, иракские коммунисты проделали в годы войны большую работу по защите рабочих, крестьян, интеллигенции и стали такой авторитетной политической силой, с которой уже нельзя было не считаться.

4.5. Воздействие войны на социально-политическую ситуацию в Ираке

Процессы, вызванные в Ираке условиями военного времени, исподволь, объективно порождали предпосылки неизбежных перемен в стране. Пока шла война, население Ирака мирилось и с экономическимие тяготами, и с жесткостью установленного политического режима, ограничивавшего его права. Но уже в 1943 г., когда под ударами Советской Армии гитлеровские войска стали терпеть одно поражение за другим, когда угроза фашистского вторжения в Ирак миновала, в печати страны стали все настойчивее раздаваться требо-

вания ослабить экономический контроль, отменить цензуру, создать политические партии и сформировать правительство из представителей этих партий[26]. Эти требования основывались на обещаниях Атлантической хартии и Декларации Объединенных Наций предоставить свободу всем народам, которые будут сотрудничать с союзниками в деле разгрома фашизма.

В целях некоторого смягчения нараставшего недовольства уже в 1943 г. премьер Нури Саид выпустил из тюрем некоторых участников майских событий 1941 г. – представителей буржуазно-феодальных кругов. Под давлением общественности в августе 1944 г. по инициативе иракского правительства впервые были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом. В 1944 г. было создано 5 профсоюзов, в том числе крупнейшие профсоюзы железнодорожников, рабочих портов и текстильщиков; в 1945 г. – еще 11.

Однако, идя на некоторые уступки, правительство Ирака не намерено было удовлетворять основные требования масс. Приход в августе 1944 г. к власти премьер-министра Хамди аль-Пачачи, сменившего Нури Саида, не изменил ситуации в стране: по-прежнему сохранялось военное положение, цензура печати и все ограничения военного времени. Правительство Пачачи не хотело выполнять главного требования – отмены англо-иракского договора 1930 г. В своем заявлении 9 августа 1944 г. Хамди аль-Пачачи подчеркнул, что «основной целью Ирака будет укрепление союза и дружбы с Англией. Мы приложим все старания, чтобы точно выполнить текст нашего договора с ней»[27].

Это заявление премьера вызвало взрыв возмущения в Ираке. Представители всех слоев населения страны требовали немедленной отставки Хамди аль-Пачачи. Сохранение в неизменном виде англо-иракского договора означало крах надежд на перемены, на устранение основного препятствия в деле обретения Ираком не «условной», а подлинной независимости, при которой только и возможно было продвижение Ирака по пути развития, обновления, преодоления им экономической и социально-политической отсталости.

К моменту окончания второй мировой войны англичане занимали ключевые позиции в экономике Ирака. Английская фирма «Энд-

рю Вейр» монополизировала основной сельскохозяйственный экспорт – финики и ячмень. Денежная и валютная система, внешняя торговля, а также главное богатство иракского народа – нефть – находились в руках англичан.

Англо-иракский договор надежно гарантировал стратегические, политические и экономические интересы Англии в Ираке. Неизменными оставались все его положения: право иметь в Ираке военно-воздушные базы, пользоваться всеми необходимыми средствами для передвижения войск, направлять в страну только английских военных и гражданских советников и технический персонал, закупать вооружение только в Англии, контролировать железные дороги и порты, а также вводить свои войска в случае войны или угрозы войны.

Колониальная политика Англии затрагивала интересы всех классов Ирака. Этим и объясняется тот факт, что за отмену договора выступали представители всех слоев иракского общества: рабочие, крестьяне, национальная буржуазия, интеллигенция, студенчество, мелкие и средние феодалы, духовенство. Под давлением столь единодушного требования даже Хамди аль-Пачачи, давая заверения английскому правительству в чувствах дружбы, был вынужден сделать оговорку. Выступая перед сенатом 16 июня 1945 г. по вопросу об англо-иракском договоре, он сказал: «Я принадлежу к тем, кто полагает, что необходимо внести поправки в англо-иракский договор, так как он содержит много недостатков». Это высказывание было лишь маневром со стороны премьера, который в этой же речи поспешил успокоить Англию, заявив, «что требования о пересмотре…будут иметь место лишь после окончания войны… Война продолжается на Дальнем Востоке, и наша союзница Англия сейчас занята этой войной, и поэтому в настоящее время еще не наступил для нас подходящий момент начать переговоры с ней об изменении договора. Это будет сделано, когда закончится война с Японией»[28].

На это выступление премьер-министра страна отреагировала массовыми демонстрациями, которые прошли по всему Ираку. Их участники требовали удаления в отставку правительства, не желавшего считаться с требованиями народа. В послевоенный период Ирак вступал в условиях нарастания политического кризиса.

Вторая мировая война не привела к структурным изменениям в экономике Ирака, не вызвала изменений в его политической системе. На момент окончания войны страна продолжала сохранять отсталый аграрный, доиндустриальный характер, подавляющая часть населения которой была занята в сельском хозяйстве (80% самодеятельного населения. Вклад этой отрасли ь годовой национальный доход составлял 25% на 1958 г.) Господство в деревне традиционных архаичных форм общественных отношений служило главным тормозом на пути прогрессивной капиталистической трансформации Ирака, которая медленно происходила в этой стране как объективный результат ее втянутости, включенности в систему мирохозяйственных отношений. В международном разделении труда за Ираком прочно закрепилась роль поставщика сельскохозяйственного сырья, рынка сбыта промышленной продукции, сферы приложения капитала. Элементы современного, капиталистического способа производства не вызывались органическими потребностями национального развития, а навязывались хозяйству Ирака извне. В итоге экономическая структура Ирака приобрела типичные колониальные черты: становление капиталистических укладов не затрагивало практически традиционных форм хозяйствования, базировавшихся на феодальных (в их восточном преломлении) и более архаичных отношениях. Аграрный строй Ирака веками покоился на господстве крупного феодального землевладения и мелкого крестьянского землепользования. До революции в Ираке на 1% населения (12 тыс. семей) приходилось 75% лучших пахотных земель, а на долю 95% всех землевладельцев (241 тыс. крестьянских хозяйств) – оставшаяся часть площади обрабатывемых земель. Безземельные составляли более 50% населения. Безработица охватывала 40% сельского населения. Преобладание кабальной крестьянской аренды (60% обрабатываемых государственных земель сдавалось в аренду) в сочетании с примитивной агротехникой обусловливало сохранение сельского хозяйства Ирака самой отсталой сферы экономики, а деревни – оплотом нищеты, бесправия, забитости. В 1956 г. средний годовой доход члена крестьянской семьи был ниже 10 и.д. (30 долл.). В иракской деревне была огромная армия лишних людей, что сдерживало трансформацию крестьянского хозяйства в капиталистиче-

ское «снизу». До революции к категории сельской буржуазии с трудом можно отнести 3% сельских семей.

Что касается городского предпринимательства, то оно характеризует Ирак накануне революции как страну на доиндустриальной стадии. Крайняя узость внутреннего рынка, конкуренция товаров фабричного производства стран Запада сдерживали развитие иракской промышленности.

Наиболее значительной сферой предпринимательской деятельности была в Ираке торговля, где сложились крупные компании, связанные с иностранным капиталом.

Наряду с экономической Ирак сохранял и политическую отсталость. Как и в 20–30-е годы, за демократическим фасадом конституционной монархии скрывался жесткий авторитарно – олигархический режим, формировавшийся из представителей 50–60 семей феодально-племенных шейхов, новой богатой городской знати и высшего армейского руководства. Охранителем иракской политической системы выступала Англия. Несмотря на окончание войны, в Ираке сохранялись военное положение, цензура печати и все ограничения военного времени.

Не затронув фундаментальных основ общественно-политической жизни страны, война, тем не менее, не обошла Ирак стороной: сложившаяся в эти годы конъюнктура, далеко не однозначная по своим последствиям, вызвала резкое обострение социально-экономических и политических проблем в стране, которое приняло в 40–50-е годы характер глубокого всестороннего кризиса. Основу этого кризиса составляла несовместимость между потребностью Ирака в развитии и неспособностью монархического режима решать эту задачу. Проявлениями этого кризиса были забастовки рабочих, массовые выступления городского населения, стихийные бунты крестьян, активизация деятельности политической оппозиции.

Большое влияние на подъем демократического движения в Ираке оказала победа во второй мировой войне сил антифашистской коалиции во главе с Советским Союзом.

Под давлением борьбы рабочих правящие круги шли на некоторые уступки: был принят закон о труде, дано разрешение на создание профсоюзов, за исключением нефтяной отрасли и сферы госу-

дарственной службы. Однако главным средством "усмирения" рабочих было применение силы: разгоны демонстраций, аресты руководителей и участников забастовок, расстрелы и заключение в тюрьмы сопровождали практически каждое выступление рабочих.

Конъюнктура войны – при всей заторможенности процесса экономической модернизации Ирака – дала определенный импульс расширению производства в отраслях легкой промышленности, в строительстве, в развитии транспорта и связи, сопровождавшемуся возрастанием доли национального капитала, укреплением позиций частного предпринимательства. Однако условия 40-х годов в Ираке лишали этот активизировавшийся процесс всякой перспективы. Два препятствия стояло на пути капиталистической трансформации страны: узость внутреннего рынка и безраздельный контроль Англии над производственной, финансовой и торговой сферами Ирака. Устранение этих препятствий стало той исторической задачей, которую предстояло решить этой стране. Ее важнейшими составляющими являлись демократизация политической жизни, изменение системы землевладения, проведение экономических реформ и пересмотр формулы отношений с Англией, определявшихся англо-иракским договором 1930 г. Уход правительства Ирака от решения этих проблем вызывал возрастание напряженности в социально-экономической жизни страны, усугублявшейся к тому же отсутствием стабильности внутри самого политического режима: за 1944–1958 гг. сменилось около 20 правительств. Только в 1946 году их было четыре. Эта правительственная чехарда отражала борьбу между противостоявшими блоками, группами, отдельными личностями по вопросам внутренней и внешней политики страны. Назревавший политический кризис угрожал самому существованию проанглийского режима в Ираке. В конце войны среди правящей элиты стали раздаваться голоса о необходимости смягчения напряжения, удовлетворения ряда требований путем проведения умеренных реформ как средства предотвращения революционных потрясений. Этим настроениям отвечало выступление 27 декабря 1945 г. регента Абдул Иллаха, пообещавшего пересмотреть избирательный закон Ирака, разрешить деятельность политических партий и провести ряд экономических и социальных реформ[29]. Речь регента встретила благожелательную

реакцию национальной буржуазии, поскольку в ней содержались обещания, отвечавшие ее интересам. Представители же наиболее ракционной части правящих кругов Ирака во главе с премьером Хамди аль-Пачачи резко осудили эти обещания регента. Они стояли за проведение такой же жесткой политики, как и во время войны. Уход в отставку 3 января 1946 г. правительства Пачачи означал поражение на тот момент этих сил. Начавшийся в стране правительственный кризис (попытки Салиха Джабра и Нури Саида сформировать правительство окончились провалом) свидетельствовал о глубоких разногласиях в правящих кругах Ирака. Шла упорная борьба между сторонниками «жесткой» политики и теми, кто выступал за проведение умеренных реформ. Кризис продолжался до 23 февраля 1946 г., когда было сформировано правительство Теуфика ас-Сувейди. Оно отменило военное положение, цензуру печати и другие ограничения военного времени. Была разрешена деятельность политических партий, объявлено об изменении избирательного закона и о проведении выборов по этому закону, а также создан специальный комитет по пересмотру договора 1930 г.[30] В апреле 1946 г. получили разрешение на легальную деятельность пять политических партий, буржуазных по своему характеру, отражавших интересы различных слоев иракской национальной буржуазии.

Ее правое крыло было представлено Партией независимости («Хизб аль-истикляль»), выражавшей интересы националистически настроенной крупной буржуазии и феодалов, требовавшей проведения твердой независимой арабской политики, враждебно относившейся и к Западу, и к Советскому Союзу. Выступала за проведение умеренных социальных реформ. Большинство членов этой партии участвовало в восстании Рашида Али аль-Гайлани. Лидерами партии были Мухаммед Махди аль – Кубба, Фаик ас-Самарраи и Садык Шаншал[31].

Близко к ней стояла Партия либералов («Хизб аль-ахрар»), объединявшая представителей крупной буржуазии и либерально настроенных землевладельцев. Лидером партии был Теуфик ас-Сувейди. Она также придерживалась политики умеренных реформ.

Более левые позиции занимала Национально-демократическая партия («Хизб аль-ваташ ад-димукратый», НДП) во главе с Ками-

лом аль-Чадарчи, Мухаммедом Хадидом и Хусейном Джамилем. Она состояла в основном из членов бывшей группы «Аль-Ахали» и выражала интересы широких патриотически настроенных слоев интеллигенции, средней и мелкой буржуазии города, что сделало ее наиболее значительной и авторитетной политической организацией в Ираке. Не раз запрещавшаяся и закрывавшаяся различными режимами страны, эта партия продолжает свою деятельность и сегодня.

Три названные партии, ища опоры в крестьянстве, выдвигали требование раздела государственных земель среди безземельных и малоземельных крестьян.

Значительным влиянием среди интеллигенции, учащихся, мелких торговцев и ремесленников пользовались Партия национального единства («Хизб аль-иттихад аль-ватаний») и Партия народа («Хизб аш-шааб») Обе эти партии более открыто и последовательно выступали за подлинный суверенитет своей страны и решительно требовали проведения социальных и экономических реформ. Партию народа возглавил Азиз Шериф, впоследствии Председатель национального комитета защиты мира, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Во главе Партии национального единства стал лидер левого крыла группы «Аль-Ахали» Абдель Фаттах Ибрагим. Эти две партии подверглись наибольшим преследованиям после падения правительства Сувейди[32].

Политические партии были немногочисленными и слабыми в организационном отношении, что отражало слабость самой национальной буржуазии Ирака. Вместе с тем, несмотря на различия в выборе средств и методов для достижения поставленных задач, эти партии объединяла главная цель: освобождение страны от английского засилья, вывод английских оккупационных войск, ликвидация военно-воздушных баз в Хаббании и Шуайбе, пересмотр англо-иракского договора 1930 г. Они поддерживали позитивные меры правительства ас-Сувейди и настаивали на их расширении.

Разрешение на свою деятельность не получила Иракская компартия, завоевавшая в годы войны большой авторитет среди интеллигенции и в кругах национальных и религиозных меньшинств. Небольшая по численности, она выделялась среди других партий своей организованностью и дисциплиной[33]. В условиях легализации пар-

тий ИКП попыталась использовать расширившиеся возможности для открытой политической деятельности с тем, чтобы создать себе массовую социальную базу, пропагандировать свои программные цели и требования. Для выполнения этой задачи видные деятели ИКП Хусейн Мухаммед аш-Шабиби и Мухаммед Хусейн Абу аль-Ис создали учредительный комитет Партии национального освобождения («Хизб ат-тахаррур аль-ваганий»). И хотя этой партии было отказано в лицензии, комитет в течение нескольких месяцев проводил открытую работу[34].

В 1946 г. была создана Демократическая партия Курдистана (ДПК). Во главе партии стояли традиционные феодальные лидеры, однако ДПК объединила в своих рядах представителей разных социальных слоев курдов Ирака – трудящихся, складывающуюся курдскую национальную буржуазию и интеллигенцию. Поставив своей целью защиту интересов курдского народа, эта партия пользовалась широким влиянием в Курдистане.

"Демократизация» имела очень короткую жизнь. Внутренняя и внешняя политика правительства Сувейди вызвала недовольство регента Абдул Иллаха и сенаторов[35]. Летом 1946 г. реакция перешла в наступление. Вместо смещенного Теуфика ас-Сувейди премьером стал Аршад аль-Умари, сторонник жесткого курса, решительно выступивший против демократизации жизни в Ираке[36]. Его враждебное отношение к политическим партиям проявилось в первый же месяц нахождения у власти.

1946 г. отмечен в Ираке мощным подъемом массового движения, в котором переплелись общеарабская борьба за судьбу Палестины, требования отмены англо-иракского договора и вывода из страны английских войск, протесты против реакционной политики правительства аль-Умари, вставшего на путь отмены даже тех весьма ограниченных мер демократической направленности, которые провело правительство Теуфика Сувейди, в их числе запрет на забастовки рабочих.

Особый размах рабочего движения в Ираке пришелся на вторую половину 1946 г. Рабочие выступали за улучшение своих жизненных условий, за предоставление им демократических прав, против массовых увольнений и безработицы, вызванной закрытием многих

предприятий и мастерских, обслуживавших союзные армии, против дальнейшего усиления политического гнета.

Самым крупным событием 1946 г. в Ираке явилась забастовка нефтяников на промыслах «Ирак петролеум компани» в Киркуке, одном из богатейших нефтяных месторождений в мире. Рабочие иностранных концессий находились в особо тяжелом и бесправном положении. На них не распространялся закон о труде, что лишало их даже тех прав, которыми пользовались рабочие национальных предприятий, в том числе права организовывать профсоюзы.

Отказ владельцев компании рассмотреть предъявленные рабочими требования повысить заработную плату, уровень которой не обеспечивал им даже крайне заниженного прожиточного минимума, разрешить сложившийся к 1946 г. на нефтепромысле острый жилищный кризис и предоставить право создать профсоюз заставил нефтяников объявить 3 июля 1946 г. забастовку, в которой приняли участие все 4 тыс. рабочих[37]. Добиваясь принятия своих требований, бастующие организовали 14 июля демонстрацию. Полиция по приказу правления компании и с согласия правительства открыла огонь по демонстрантам. Восемь человек были убиты и несколько ранены.

Расстрел рабочих в Киркуке вызвал взрыв возмущения в Ираке. Демонстрации солидарности с рабочими – нефтяниками охватили Багдад, Мосул, Эрбиль, многие другие города страны. В день расстрела 14 июля забастовали все рабочие на промыслах Англо-Иранской нефтяной компании в Иране. Волна протестов против репрессий иракского правительства прокатилась по всему миру.

Под давлением протестного движения руководство компании вынуждено было пойти на удовлетворение большей части требований рабочих Киркука. Это была первая серьезная победа иракских рабочих. Но вскоре под тем или иным предлогом компания уволила всех руководителей забастовки, многие из которых были впоследствии расстреляны.

В сентябре 1946 г. антиправительственные забастовки провели работники типографий и железнодорожники. Обе они были подавлены, а их руководители арестованы.

Репрессивная политика правительства Умари сблизила в борьбе против него политические партии. Эта тенденция свидетельствовала

о том, что одними жесткими мерами власти с оппозицией справиться не удастся. Необходимо было перейти к более гибкой тактике, для проведения которой самой подходящей фигурой в тех условиях, как представлялось в среде правящей элиты, был Нури Саид. Он и стал премьером 21 ноября 1946 г. В его задачу входило внесение раскола в политические силы страны, что было достигнуто приглашением к участию в правительстве представителей Либеральной и Национально-демократической партий. Дальнейшее ослабление политической оппозиции проводилось под предлогом «борьбы с коммунизмом».

В конце 40-х и в 50-е годы политические действия иракских правительств отмечены цикличностью, когда уступки чередовались с жестким насильственным курсом. Разрешенные в 1946 г политические партии Народная и Национального единства в сентябре 1947 г. были запрещены правительством Салиха Джабра, первого в истории Ирака премьера-шиита, за «антиправительственную агитацию». Лидеры политических партий привлекались к суду. Самым суровым преследованиям подвергались иракские коммунисты, в которых власти видели главную опасность для проанглийского режима. При Нури Саиде в январе 1947 года были арестованы и приговорены к смертной казни по обвинению в заговоре против правительства генеральный секретарь компартии Ирака Юсуф Сулейман Юсуф (Фахед) и члены ЦК ИКП Заки Мухаммед Басам и Хусейн Мухаммед аш-Шабиби. Тогда под давлением протестов в Ираке, в арабских странах и других государствах мира смертная казнь им была заменена на пожизненное заключение. Однако в феврале 1949 г. на новой волне преследования коммунистов эти руководители ИКП были казнены.

Предреволюционное десятилетие в Ираке (1948–1958 годы) отмечено перманентным обострением политических проблем, усугублявшихся серьезными экономическими трудностями. Во второй половине 1947 г. засуха и налеты саранчи погубили урожай в главных зернопроизводящих северных районах страны, что привело к беспрецедентному скачку цен на хлеб, к перебоям в снабжении этим основным продуктом населения и к голоду.

В целях разрядки напряжения правительство вступило в переговоры с Англией по вопросу выплаты Ираку долга, образовавшегося во время войны из неоплаченных Англией поставок иракского сырья и продовольствия в размере 70 млн иракских динаров (1 и.д. равнялся британскому фунту стерлингов). В итоге Лондон согласился на высвобождение 15 млн и.д. в течение 5 лет[38]. Тогда же из Ирака была выведена большая часть английских войск, и начаты переговоры о пересмотре англо-иракского договора 1930 г.: правительство уже не могло дальше игнорировать ставшее всеобщим требование решения этого главного для страны вопроса, раздававшееся «со всех сторон,... включая почти всех высокопоставленных государственных деятелей»[39].

Правительство Салиха Джабра начало переговоры с англичанами о заключении нового двустороннего договора, который и был подписан в Портсмуте 15 января 1948 г. Новый документ не только не отменил положения договора 1930 г., вызывавшие наибольший протест иракцев, но еще больше усилил зависимость Ирака от Великобритании. Специальное приложение позволяло ей оккупировать Ирак не только во время войны, но и в случае «угрозы войны». Предусматривалось создание специального военного совета, которому передавались разработка планов обороны Ирака, снаряжение иракской армии и обучение ее офицерского состава[40].

Известие о подписании нового договора сразу же вызвало массовые выступления в Багдаде и других городах Ирака, которое переросло в общенациональное восстание в январе 1948 г., охватившее свыше 300 тыс. человек. Его участники протестовали не только против кабального договора, но и против правительства, ничего не предпринимавшего для разрешения огромных экономических трудностей 1947 г., за демократические права, за прекращение репрессий против политических партий. Выступления сопровождались жертвами. В этой ситуации власти не решились на ратификацию подписанного 15 января Портсмутского договора «как не отвечающего интересам страны»[41].

Премьер Салих Джабр вынужден был уйти в отставку.

Январское восстание 1948 г. явилось самым важным политическим событием в Ираке после 1941 г. Оно выявило всю глубину и

масштабность противостояния существующему режиму, его внешнеполитическому курсу и имело далекоидущие последствия. Хотя иракский режим тогда выстоял, оказавшись более прочным, чем ожидалось, итоги восстания были несомненной победой оппозиции: она осознала свои возможности, обрела уверенность в своих силах и была готова к продолжению борьбы против власти более решительными мерами. Попытки изменить политическую ситуацию в стране оппозиция впоследствии предпринимала в 1952 и 1956 гг. и, наконец, в 1958 г.

Провал попытки пересмотреть англо-иракский договор положил начало новому витку в политической жизни Ирака. В сложной ситуации оказался регент Абдул Иллах, инициировавший переговоры с Англией об изменении договора 1930 г., а в итоге оказавшийся в положении человека, к которому англичане уже не могли относиться с полным доверием. Единственным политиком, надежно охранявшим ее интересы в Ираке, Англия считала только Нури Саида. Естественно, что эта позиция англичан создавала весьма непростую ситуацию внутри правящего режима, а развитие событий в стране в последующие годы вынуждало регента лавировать, вести двойственную политическую линию, имевшую своим следствием лишь дальнейшее углубление противоречий и во власти, и в обществе.

На положение внутри иракского истеблишмента в послевоенные годы большое воздействие оказывало также расхождение в позициях ее главных действующих лиц по общеарабским проблемам, особое место среди которых занимала судьба Палестины.

Вывод в 1946 г. английских и французских войск из стран Леванта активизировал выдвижение арабскими странами различных проектов развития Арабского мира в новых исторических условиях. Нури Саид с прежним упорством отстаивал идею федерации арабских стран Благодатного полумесяца, несмотря на вызываемую ею широкую оппозицию среди арабских лидеров, прежде всего в Египте и Саудовской Аравии. Не встречал поддержки план Нури и у короля Иордании Абдаллаха, поскольку этот проект сводил на нет давние намерения иорданского монарха создать «Великую Сирию», а также отводил Ираку – иракской ветви Хашимитской династии – лидирующую роль в Палестине и странах Леванта. Такие устремле-

ния действительно занимали большое место в рассчитанной на долгий срок стратегии Нури. Но при этом Нури Саид был достаточно реалистичным политиком, чтобы понимать невозможность достижения выдвигаемого им плана одним Ираком с учетом столь широкой оппозиции. Поэтому он, представляя Ирак, принял самое непосредственное участие в создании Лиги арабских государств в 1944–1945 гг., которую Нури рассматривал как форум, направленный на объединение арабских государств и не исключающий возможности для будущей федерации. Вместе с тем принятый Лигой устав, закрепивший принцип независимости и суверенности государств – ее членов, не делал акцента на идее панарабизма, что полностью отвечало взглядам Нури Саида: было очевидно, что Лига не станет поощрять деятельность иракских панарабистов, движение которых он пытался сдерживать еще с конца 30-х гг[42].

За 20–30-е гг. взгляды Нури Саида претерпели весьма существенную эволюцию. Свой жизненный путь он начинал как арабский националист, но затем, по мере становления и укрепления иракской государственности, интересы Нури оказались значительно более тесно связанными с Ираком, чем с общеарабским единством.

Нури Саид понимал всю значимость арабского мира для Ирака, но, с его точки зрения, интересы страны требовали от ее руководителей уделять в своей внешней политике такое же внимание развитию отношений со своими северными и восточными соседями, как и с арабскими странами. Эту позицию Нури не разделяло большинство иракской политической элиты, в том числе не находила она поддержки и у регента. Это особенно наглядно проявилось во время переговоров Нури в 1946 г. с Турцией и Иорданией по поводу заключения договоров дружбы с обеими странами. Взгляды большинства истеблишмента Ирака в отношении Турции определялись сохранявшимися у руководства этой страны притязаниями на иракские северные районы, а также ее отторжением от Сирии в 1939 г. района Александретты.

Вывод в 1946 г. из Сирии французских войск возродил идею «Великой Сирии», главным сторонником которой, как уже было отмечено, был король Иордании Абдаллах (дядя по отцовской линии регента Ирака Абдул Иллаха, надеявшийся вернуть утраченные его

братом Фейсалом территории, но с центром не в Дамаске, а в Амма-не). Объединение с Сирией было заветной мечтой и регента Ирака, в рамках которого он надеялся реализовать свои собственные интересы. Подобные намерения полностью отвергались сирийцами, вовсе не горевшими желанием превратиться в придаток Иордании. Против любых планов Хашимитов, отражавших их стремление занять господствующие позиции в регионе, выступал Египет, а также Саудовская Аравия, усматривавшая серьезную угрозу для себя в укреплении на ее северных рубежах традиционных врагов саудовского государства. План Абдаллаха осложнялся к тому же неизбежно вставшим вопросом о доминирующей роли в предлагаемом им союзе ветви династии Хашимитов – иорданской или иракской.

Военный переворот 30 марта 1949 г. в Сирии положил начало периоду нестабильности в этой стране, усилившему борьбу за нее различных сил. Так, регент Абдул Иллах сложившуюся ситуацию оценил как открывающую реальный путь к осуществлению его давней надежды на воссоздание королевства и на возможность занять в нем место вице-короля. С приходом в Дамаске к власти военных регент Ирака приступил к разработке плана иракско-сирийского единства и определения своего места в этом союзе. Весной 1949 г. предпринималось несколько попыток достижения такого соглашения. Однако лидер уже третьего по счету за 1949 г. военного переворота в Сирии полковник Адиб Шишекли отклонил идею союза с Ираком[43].

Несмотря на неудачу, Абдул Иллах от своих намерений объединения с Сирией не отказался. Позиция регента в этом вопросе вызывала крайне негативную реакцию Нури Саида, что было дополнительным фактором осложнения отношений внутри правящего лагеря.

В конце 40-х и вплоть до 1958 г. положение в Ираке не раз приобретало острый кризисный характер. В этих случаях Абдул Иллах прибегал к испытанному средству: несмотря на наличие у него серьезных противоречий с «вечным премьером» Нури Саидом, именно его и его ближайшее окружение регент призывал к власти. В этих политиках дворец видел единственную силу, способную защитить трон. Но такая линия монархии влекла за собой активизацию оппо-

ции. Стремясь успокоить ее, регент привлекал в правительство нескольких новых лиц, известных своими либеральными взглядами, а Нури на время отправлял в отставку. Оппозиция, пользуясь моментом, требовала радикальных перемен во внутренней и внешней политике. Ситуация обострялась, Нури и его окружение вновь призывались для «восстановления порядка», который наводился привычными мерами: применением силы против массовых выступлений[44].

Ушедшего после январского восстания 1948 г в отставку Салиха Джабра заменили тоже шиитом Мухаммедом ас-Садром. В феврале 1948 г. его правительство отклонило Портсмутский договор, наказало нескольких офицеров, участвовавших в расстреле демонстрантов, однако ничего не изменило во внутриполитической жизни Ирака. Отношения с Англией по-прежнему определялись договором 1930 г.

Нестабильной оставалась и ситуация в правящих кругах страны, о чем свидетельствует бесконечная смена кабинетов: между июнем 1948 г. и сентябрем 1950 г. их было четыре.

Обострение обстановки в Палестине, вызванное провозглашением 15 мая 1948 г. Государства Израиль, и начавшаяся арабо-израильская война, в которой принимал участие и Ирак, оказали свое непосредственное воздействие на политическую жизнь страны. Под предлогом войны в Палестине правительство ввело военное положение и развернуло наступление на демократические силы.

В мае Ирак направил на фронт 3 солдат, а затем еще 15 тыс. – самую большую военную группировку арабов в Палестине. Иракцы успешно удерживали территорию в треугольнике Дженин–Наблус–Тулькарм, но не сумели развить наступление. Причин тому было несколько, в том числе и возникшее у иракского командования серьезное опасение быть использованными королем Иордании Абдаллой в достижении его собственных амбициозных целей по захвату территорий, предназначенных под Арабское государство в Палестине[45].

Арабо-израильская война 1948–1949 гг. дала импульс дальнейшему росту в Ираке экономических и финансовых трудностей. Правительству пришлось выделить 40% бюджетных средств на нужды армии и помощь палестинским беженцам. Немедленно подскочила инфляция и вновь возникла продовольственная проблема, ставшая к тому же следствием сокращения внешней торговли, уменьшения

вдвое отчислений от продажи нефти из-за вывода из строя нефтепровода в Хайфе, по которому поступала киркукская нефть. Ситуацию усугубили и плохие урожаи 1948 и 1949 гг[46].

По экономике страны был нанесен также и еще один очень существенный удар. В условиях военного положения власти обрушили репрессии на существовавшую в Ираке большую и прочную еврейскую общину. В 1947 г. она насчитывала 117 тыс. человек, или 2,6% иракского населения[47]. Евреев арестовывали, обвиняя их, как и коммунистов, в поддержке сионизма и Израиля. Некоторых казнили. И хотя в лояльности еврейской общины иракские власти не имели каких-либо сомнений, с 1949 г. положение евреев продолжало ухудшаться. В 1951 г. иракское правительство решило предоставить желающим того евреям возможность выехать из страны, полагая, что таких наберется около нескольких тысяч. Однако число евреев, оставивших Ирак, превысило 100 тыс. Большая часть их собственности была экспроприирована иракским правительством. В Ираке осталось лишь несколько тысяч евреев[48].

Исход еврейской общины образовал большую брешь в иракской экономике, потерявшей многих специалистов, а с ними и международные контакты, которые обеспечивали еврейские эксперты[49].

Вакуум, возникший после исхода евреев, довольно быстро заполнили предприимчивые шииты и христиане. Молодое поколение шиитов, получивших светское образование, приобретало далее специальности в технической области, в медицине, правовой и финансовой сферах. Некоторые, используя капиталы, накопленные старшим поколением шиитов – землевладельцев и торговцев, становились предпринимателями, закладывая тем самым в шиитской общине основы нового среднего класса[50].

Окончание Палестинской войны поставило перед правительством Ирака задачу скорейшего преодоления экономического кризиса и снятия социальной напряженности. Наилучшей кандидатурой для ее решения регент посчитал Нури Саида, который вновь стал премьером. Первой акцией, предпринятой новым премьером, была расправа с лидерами компартии. На сей раз их дела рассматривал военный трибунал, приговоривший Юсефа Сальмана Юсефа (Фахеда), Хусейна Мухаммеда аш-Шабиби и Заки Мухаммеда Басима в фев-

рале 1949 г. к смертной казни, которая и была приведена в исполнение. ИКП лишилась тогда лучших своих руководителей.

Поражение арабов в войне с Израилем выявило экономическую, социальную и политическую отсталость арабских стран, отсутствие единства в их рядах, наглядно продемонстрированное в ходе военных действий. С особой остротой арабо-израильская война и ее итоги были восприняты молодыми офицерами, сражавшимися на фронте. Палестинская война стала отправной точкой начала нового этапа участия военных в политической жизни большинства арабских стран, в том числе и Ирака.

4.6. Социально-экономическое положение в Ираке накануне революции 1958 г.

К рубежу 50-х гг. Ирак подошел с большим грузом проблем. Прежде всего страну необходимо было выводить из глубокого экономического кризиса. Для выполнения этой задачи вновь был призван Нури Саид, ставший премьером в сентябре 1950 г. Это правительство Нури продержалось у власти два относительно спокойных года, что позволило стабилизировать и значительно улучшить экономическое положение в стране. Существенную роль в этом вопросе сыграло изменение отношений между Ираком и нефтяной компанией Ирак петролеум (ИПК). Переговоры о повышении доли Ирака в доходах от нефти начались в октябре 1950 г., однако руководство ИПК не шло на серьезные изменения в сложившейся системе. На дальнейший ход переговоров оказали свое влияние два существенных момента: заключение в 1951 г. Арабо-американской нефтяной компанией (АРАМКО) соглашения с Саудовской Аравией о разделе доходов по формуле «50/50» и национализация в 1951 г. нефтяной промышленности в Иране. В 1952 г. Нури Саид возобновил переговоры с ИПК, завершившиеся подписанием соглашения, по которому стороны договорились о разделе прибыли на основе «50/50». При этом компания гарантировала иракскому правительству минимум годового дохода, согласившись на предоставление ему до 12,5% добываемой нефти как части принадлежащей Ираку доли, которую он

мог реализовывать на мировом рынке. ИПК согласилась также при рассмотрении вопросов, связанных с повышением цен на нефть, включать в состав управляющего совета иракских представителей.

Новое соглашение по нефти привело к значительному росту доходов Ирака: с 14 млн и.д. (32 млн долл.) в 1951 г. до 40 млн и.д. (112 млн долл.) в 1952 г[51]. В результате возраставшего спроса на нефть ее добыча в Ираке увеличилась между 1951 и 1958 гг. в четыре раза, повысив за то же время доход государства в шесть раз[52].

Нури предложил долгосрочную программу, имевшую целью ускорение модернизации Ирака, преодоление его отсталости. Упор в ней делался на вложении средств в разработку природных ресурсов страны (речь шла главным образом о нефти) и на развитии инфраструктуры. Социальные аспекты, такие как повышение уровня жизни подавляющей массы иракского населения, вопросы здравоохранения и образования не входили в число приоритетных, хотя именно эта сфера прежде всего остро нуждалась в государственной поддержке. О какой модернизации страны можно было говорить, если в 1950 г. только 23% детей школьного возраста посещали школу, и лишь 7 тыс. из них завершали начальное образование. Неграмотные составляли около 90% населения[53].

По-прежнему Ирак оставался доиндустриальной страной с чрезвычайно отсталым сельским хозяйством, в котором была занята подавляющая часть ее населения.

Для реализации Программы развития в 1950 г. был создан Совет по развитию из шести членов, двое из которых были иностранцами – англичанином и американцем. Между 1950 и 1958 гг. Совет предложил четыре плана развития, вложения в которые неуклонно возрастали. Для реализации первого плана 1951 г. было выделено 65 млн и.д. (182 млн долл.), а на последний в 1955 г. было ассигновано 500 млн и.д. (1,4 трлн долл.)[54].

Планы развития отражали суть экономической политики монархического режима, опиравшегося на земельную аристократию и шейхов. Подавляющая часть всех ассигнований – от 33 до 45% направлялась в сельскохозяйственную отрасль и шла прежде всего на создание разного рода гидротехнических сооружений. К 1958 г. некоторые из проектов были завершены или находились в стадии

строительства. Так, в 1956 г. вступила в действие плотина Тартар, впервые за многие века избавившая Багдад от наводнений. Было создано водохранилище близ Хаббании и плотина на Евфрате к северу от города Рамади. Две плотины появились в Курдистане: Дукан на реке Малый Заб и Дарбандихан в верховьях Диялы. Это позволило расширить посевные площади в стране и, соответственно, увеличить производство сельхозпродукции. По некоторым данным, площади под зерновыми выросли на 50% по сравнению с довоенным уровнем, а производство зерна на 56%[55]. К 1958 г. Ирак полностью обеспечивал свои потребности в пшенице и рисе; 25% ячменя шло на экспорт[56].

Все выгоды от политики властей в аграрном вопросе получили крупные собственники земли. Что касается сельскохозяйственного производства и положения крестьян, то задуманная модернизация ни в какой степени не коснулась этой сферы. Неизменной оставалась система землевладения и землепользования, при которой собственниками земли являлись шейхи и представители крупной городской буржуазии, сдававшие ее в аренду крестьянам. Кабальные условия аренды, лишавшие крестьянина и его семью не только прибавочного, но и большей части необходимого продукта, полностью исключали возможность позитивных перемен в сельском хозяйстве.

Крестьяне, составлявшие подавляющую часть всего населения Ирака и занимавшие 70% в рабочей силе страны, являлись самой бедной, лишенной элементарных средств и условий существования человека группой.

Главной причиной нищеты иракского крестьянства была система землевладения, при которой 95% крестьян не имели своей земли.

Отношения между арендатором и землевладельцем складывались в зависимости от зоны нахождения земельного участка и тех средств, которые предоставлял хозяин. В южных орошаемых районах, где собственник земли владел также и насосом, с крестьянина взималась большая доля урожая по сравнению с северной зоной богарного земледелия. Если предоставлялись семена для посева, то за них отдавалось от 1/3 до половины урожая. За пользование насосом – 20%, владельцу земли – 40%[57]. В северных богарных районах землевладелец мог забрать от 60 до 80% урожая на неорошаемых

землях и около 2/3 – на орошаемых[58]. Доля урожая, остававшаяся крестьянину, была так ничтожно мала, что не могла обеспечить минимума жизненных средств ему и его семье. По данным, приведённым Альфредом Боннэ в его книге «Экономическое развитие Ближнего Востока», «доля крестьянина, которая в конечном счёте остаётся для него самого и его семьи, составляет в денежном исчислении 6–10 ф. ст. в год на севере Ирака и около 1,5–2 ф. ст. в центральных и южных районах (по довоенным ценам)».

Чтобы выжить, крестьянин был вынужден обращаться к ростовщику, обрекая не только себя, но и своих потомков на постоянную долговую кабалу. В результате сохранения феодальных отношений иракская деревня находилась в состоянии крайней отсталости, что отражалось на общем положении экономики Ирака.

Уделом крестьян был рабский труд, нищета, убогие жизненные условия: в жалких глинобитных лачугах, где вместе с людьми находились и домашние животные, если таковые были, размещалась вся семья. Все убранство этого жилища ограничивалось тростниковыми циновками и старыми матрасами, заменявшими все «постельные принадлежности», ящиком для одежды и кое-какой кухонной утварью. Основу пищи составляли пресные лепешки, рис, финики, иногда овощи. Мясо было большой редкостью. Мало кто имел обувь. Повсеместно царила антисанитария. Ирригационые каналы использовались для мытья, стирки белья, из них же брали воду для питья[59]. Сельские районы были лишены медицинского обслуживания, школьного образования. Здесь был высок уровень распространения заразных болезней, самая высокая детская смертность и самая низкая продолжительность жизни[60].

Государство предпринимало попытки внести каке-то перемены в сельскохозяйственную сферу. Большая шумиха была поднята в средствах массовой информации вокруг плана распределения среди крестьян и части выпускников Аграрного колледжа необрабатываемых государственных земель. Эти действия преподносились властями как аграрная реформа. Своего рода образцом реализации правительственного плана был избран район Дуджайла в провинции Кут.

Всего из государственного фонда за 1952–1954 гг. было роздано 2,1 млн дунамов земли, на которой к 1958 г. жило около 53 тыс. че-

ловек[61]. Масштабы раздачи земель были крайне ограниченными и не могли сколь-либо существенно повлиять на положение в аграрной системе Ирака. К тому же земля распределялась среди состоятельных крестьян, имевших средства для ее освоения, и не затронула самую нуждавшуюся в земле часть крестьянства. Итогом правительственной «реформы» было сохранение в Ираке неизменной традиционной системы землепользования.

Крестьяне по-прежнему обрабатывали землю примитивными орудиями, архаичными оставались и методы ведения хозяйства: повсеместно для вспашки применялся деревянный плуг. Сев и уборка урожая осуществлялись вручную. Не использовались удобрения, не было средств защиты растений от неблагоприятных воздействий. Страшным бедствием для крестьян были часто повторявшиеся налеты саранчи. Все эти факторы и определяли уровень сельскохозяйственного производства в Ираке с его низкой урожайностью и качеством выращиваемых культур, не выдерживавших конкуренции на мировом рынке.

Не изменить радикально, но в какой-то мере улучшить жизнь крестьян могла лишь целевая государственная программа, направленная на финансирование инфраструктуры в сельской местности, развитие системы образования, предоставление крестьянам сортовых семян и улучшенных пород скота, кредитов, а также создание необходимых условий для сбыта крестьянами части произведенной ими продукции. Однако ничего этого правительственная программа не предусматривала. В последнем плане Совета по развитию (1955 г.) на эти цели было выделено из бюджета только 3%[62]. Причин такого курса было несколько: главным препятствием были крупные землевладельцы, жестко охранявшие традиционную систему землепользования. Любое предложение, в котором усматривался хотя бы намек на ущемление интересов этих лендлордов, блокировалось преобладавшими в парламенте Ирака представителями этого класса. Не было в сельской отрасли страны хотя бы мало-мальски подготовленных специалистов в аграрном деле. Развитие сельской инфраструктуры требовало огромных вложений с весьма сомнительной отдачей в обозримом времени, а поэтому власти предпочитали финансирование проектов строительства дамб и водохранилищ,

реализация которых была наглядной демонстрацией эффективной деятельности государства в сфере сельского хозяйства. Однако избранный правительством курс в аграрной отрасли, не уделявший внимания развитию человеческого фактора и созданию необходимой технической инфраструктуры в сельской местности, имел своим итогом крайне низкую эффективность осуществленных крупномасштабных проектов, заявленных как основа качественной модернизации сельского хозяйства, но так и не ставших средством перемен к лучшему в иракской деревне.. Следствием политики властей в аграрной сфере было сохранение неизменными ее экономической и социальной структур. К 1958 г. 70% населения страны оставалось связанным с сельским хозяйством, дававшим в доход государства лишь около 30%[63].

Не получила должного развития в послевоенные годы и промышленность Ирака. Отрасли тяжелой индустрии, кроме нефтяной, в стране отсутствовали, а легкая промышленность из-за своей слабости не могла обеспечить потребности страны. Препятствием на пути индустриализации Ирака была его полная экономическая зависимость от Запада, отводившего этой стране место поставщика сельскохозяйственного сырья, для производства которого, по оценке иностранных специалистов, в Ираке существовали наиболее благоприятные условия. Хотя еще в 30-е гг. был принят ряд законов, поощрявших инвестирование промышленности, эта отрасль и в 50-е гг. оставалась самой слаборазвитой в иракской экономике. Владельцами капиталов в Ираке были крупные землевладельцы, традиционно считавшие единственным надежным средством сохранения и увеличения своего состояния приобретение новых земель. Иракцы воздерживались вкладывать свои средства в долгосрочные программы индустриального строительства, а недостаточность предпринимавшихся государством усилий изменить эту ситуацию успеха не имела. Определяющим моментом в этом вопросе было отсутствие должной правовой защищенности иракского производителя, что заведомо делало его неконкурентоспособным по отношению к иностранному инвестору.

И все же, несмотря на наличие множества преград, в послевоенные годы в индустриальном секторе Ирака наметились некоторые

перемены. Промышленное производство, хотя и медленно, но неуклонно возрастало. За 1953–1958 гг. его рост составил 85%[64]. В 50-е гг. активизировался процесс укрупнения предприятий за счет поглощения мелких. Первая промышленная перепись 1954 г. в категорию относительно крупных предприятий вне нефтяного сектора (с числом работающих более 10) включила 727 предприятий, на которых было занято свыше 44 тыс. человек. А на 21 733 мелких предприятий (с числом рабочих менее 10) трудилось около 46 тыс. человек. Это свидетельствует о том, что более крупные предприятия, составлявшие всего 3,2% от общего числа индустриальных объектов, использовали почти половину рабочей силы, но все же большая часть рабочих была занята на мелких предприятиях[65].

Наибольшее развитие в 50-е гг. получили в Ираке пищевая и текстильная отрасли промышленности, ориентированные главным образом на производство товаров народного потребления. Широкие масштабы приобрело строительное дело, давшее заметный импульс созданию цементных заводов. В строительной отрасли была занята 1/3 всех промышленных рабочих. Что касается тяжелой промышленности, таких ее отраслей, как химическая, металлургическая и другие, то их в Ираке не было совсем. Некоторые сдвиги в индустриальном развитии 50-х гг. практически не внесли корректив в соотношение главных отраслей иракской экономики: страна по-прежнему сохраняла свой аграрный, доиндустриальный характер. Доля промышленного сектора в ее экономике оставалась крайне незначительной: к 1958 г. в нем было занято всего 7% населения. Такое положение означало не просто сохранение, а значительное увеличение всесторонней зависимости Ирака от мирового рынка, его технической и технологической привязанности к развитым странам Запада. Внутри страны слабое развитие промышленной отрасли обостряло социальные вопросы: катастрофическая нехватка рабочих мест не давала возможности решить проблему безработицы, резко возросшей в 40–50-е гг. за счет сельских мигрантов.

Перемены, происходившие в экономике Ирака в послевоенные годы, объективно влекли за собой ускорение процесса социальной дифференциации внутри различных слоев иракского общества.

Программа Нури Саида, опиравшаяся на увеличение отчислений в иракскую казну доходов от быстро наращивавшего свой потенциал нефтяного сектора, дала мощный импульс развитию инфраструктуры, в том числе созданию гидротехнических объектов, позволивших расширить обрабатываемые площади, что отвечало интересам крупных иракских землевладельцев.

Менее всего эта программа уделяла внимания индустриальному развитию Ирака и решению социальных проблем подавляющей массы населения страны – крестьян, рабочих, мелких государственных служащих, огромного пласта городского населения, социальную принадлежность которого определить не представляется возможным. В основном это были мигранты из сельской местности, по преимуществу безработные или частично занятые.

Несмотря на всю свою ограниченность, перемены в Ираке в 50-е гг. затронули экономику, культурно-образовательную и иные сферы общественной жизни страны, сказались они и на положении различных групп гетерогенного иракского общества, вызвав изменения в социальном статусе членов разнородных общин страны. Эти перемены были продолжением процессов, начавшихся еще в 30-е гг. и ускоренных в дальнейшем конъюнктурой Второй мировой войны и проявившихся более отчетливо в 50-е гг. Традиционное иракское общество претерпевало заметную структурную перестройку, оно вступило в более активную стадию переходности, сопровождавшуюся появлением в нем новых социальных групп. Но эти группы так и не трансформировались в классовые образования с четкими, только им присущими чертами, с осознанным подходом к пониманию собственных классовых интересов и определением путей реализации этих интересов. Переходность иракского общества – в экономике, политике, социальной сфере, культуре – затянулась на весь XX в. и перешагнула в век XXI. Ее проявлением остается размытость, неопределенность граней социально-классовых групп иракского населения.

На сдерживание процессов социального развития главное влияние оказывала слабая, медленно трансформировавшаяся в современную экономика Ирака. Но не только она. Свою лепту в эти вопросы вносила и дискриминационная политика бессменно находившихся у

власти арабов-суннитов в отношении арабов-шиитов и курдов. В этих общинах, хотя и с большей заторможенностью, также происходило социальное размежевание, и сами они вовсе не являли собой монолитного единства. Но ущемленные в вопросах экономического, политического и культурного развития, эти группы иракцев сплачивались прежде всего на этнической (курды) и религиозной (шииты) основе в их борьбе за свои права в иракском государстве. Это затушевывало социальные противоречия внутри самих этих общин. В итоге в Ираке процесс развития не сопровождался размыванием этноконфессиональных перегородок, а, напротив, вел к еще большему закреплению заложенной при создании иракского государства разделенности страны на курдский север, населенный также мелкими этнокофессиональными группами, суннитский центр и шиитский юг. Таким Ирак был в XX в., таким он вступил в новый век.

И все же трудно набиравший свою силу процесс развития Ирака захватил страну. В 50-е годы наиболее заметно обнаруживали себя перемены в традиционном обществе Ирака под воздействием тенденции формирования классовых структур. Наибольшей деформации подверглась племенная организация, что было следствием практически полного перехода кочевых племен к оседлости. Если на начало XX в. кочевники составляли 17% населения Ирака, то к 1957 г. их было всего 4%[66]. Шейхи племен превратились в землевладельцев, а рядовые кочевники стали крестьянами. Большинство шейхов обосновалось в городах, здесь они проводили большую часть времени. Привычными стали их выезды за границу, что сопровождалось усвоением ими некоторых норм Запада. Своим сыновьям шейхи, как правило, давали западное образование. И это новое поколение почти полностью утрачивало патриархальные обычаи. Но племенные устои не ушли из жизни иракского общества, они сохранялись практически неизменными в отношениях между шейхами – землевладельцами и крестьянами, рядовыми членами племен. Продолжал действовать Закон о племенах, лишавший крестьян всяких прав и, как и прежде, предоставлявший шейхам безраздельную власть над ними. Внутриплеменные конфликты решались местными шейхами на основе положений старого Закона, хотя в стране уже был введен гражданский кодекс. Наибольшую устойчивость племенные традиции

сохраняли в горных районах Иракского Курдистана, где внутриплеменные связи были особенно прочны, а главы племен – ага выступали единственными и непререкаемыми носителями власти. Сельские районы, будь они курдскими или арабскими, меньше всего испытывали на себе влияние новых тенденций.

Трансформация племенной структуры имела своим следствием превращение шейхов племен в самую состоятельную прослойку городского населения. Именно они занимали высшую ступень в социальной иерархии Ирака и господствующие позиции в его политической системе. К концу монархического периода в Ираке эта группа имела в своем распоряжении почти ¾ всех пригодных к обработке земель. Составлявшие менее 1% собственников представители этой группы владели 55% земли, в то время как на 45% собственников приходился 1,08% земли. 23 тыс. крестьян имели наделы в 1 дунам. В то же время у 128 семей было более 20 тыс., у 33 – свыше 50 тыс. и у 8 – 100 тыс. дунамов. К числу самых крупных собственников, принадлежал, например, Мухан аль-Хейр Алла аль-Мунтафик, владения которого оценивались в 1 млн дунамов. Многие из представителей этой группы находились в родстве с королевским двором или с правительственными кругами[67]. Класс крупных земельных собственников включал шейхов, городских торговцев и держателей капиталов.

Превращение горожан в крупных землевладельцев шло различными путями. В эту группу, кроме шейхов, входили министры, члены парламента. В ходе осуществления программы развития 50-х гг. состав ее пополнился за счет адвокатов, инженеров, технических специалистов, наживавших свои капиталы на предоставлении услуг, на ввозе оборудования. Строительный бум приносил большие доходы подрядчикам и субподрядчикам, а к принявшим беспрецедентные масштабы импортно-экспортным операциям были причастны бывшие министры, а также политические деятели страны. Пользуясь своими связями, они извлекали из этого бизнеса очень хорошую прибыль.

Таким образом, у представителей высшего звена городских жителей Ирака аккумулировались огромные средства, но этот факт ничего не менял в характере и структуре экономики страны: подав-

дающая часть извлекаемой прибыли вкладывалась в покупку земель, установку насосов и агротехнику. Все это свидетельствовало о том, что земля продолжала оставаться основой иракской экономики. Новоиспеченные предприниматели не содействовали модернизации Ирака, и сами не превращались в новую социальную группу – буржуазию, способную противостоять феодальному классу. Напротив, они сами были неотъемлемой составляющей этого класса.

Специфика предпринимательско-финансовой деятельности в монархическом Ираке заключалась в сосредоточении этих видов занятий, а соответственно, и богатства в руках узкого круга отдельных личностей или родственных семей, составлявших самую верхнюю прослойку в высшем звене иракского общества. Богатство было теснейшим образом связано с властью, которая принимаемыми законами обеспечивала этому меньшинству предпринимательского сообщества безопасность и защиту их инвестиций от возможных рисков. Сложившаяся в бизнесе практика ставила непреодолимые преграды на пути развития буржуазии в Ираке, на вливание в эту социальную группу представителей среднего класса[68].

Изменение социальной структуры городского населения шло не только по линии выделения его высшего, самого состоятельного слоя, но и сопровождалось активизацией процесса формирования такой новой группы, как средний класс, принадлежность к которому определялась не столько получаемым доходом, сколько уровнем образованности и родом занятий.

Темпы расширения среднего класса были следствием существенных сдвигов в такой области общественной жизни Ирака, как система светского образования, где в 40–50-е гг. происходили весьма заметные изменения, хотя затронули они различные звенья этой системы неодинаково. Существенно по сравнению с предыдущими годами возросло число выпускников средних школ и колледжей. За 1945–1958 гг. среднее образование получили более 30 тыс. учеников. К 1958 г. выпускники колледжей составляли от 15 тыс. до 18 тыс. человек. Между 1945 и 1957 гг. высшее образование получили 12 тыс. иракцев (за 1932–1944 таких было 2,5 тыс. чел.)[69].

Исторически так сложилось, что в Ираке, как и во всех арабских странах, предпочтение при получении образования отдавалось не

техническим, а юридическим и гуманитарным специальностям. За 1945–1958 гг. больше всего учащихся закончили Юридический колледж (2368 чел.), готовивший специалистов для гражданской службы и юриспруденции. Второе место принадлежало Высшему педагогическому колледжу (1444 выпускника). Значительно меньше молодых людей было готово специализироваться в области инженерии, медицины или сельского хозяйства. В эти же годы прозошло резкое падение интереса к получению религиозного образования, к изучению соответствующих дисциплин, в том числе мусульманского права и языков народов Ближнего Востока[70].

В 1958 г. только 3% студентов государственных вузов Ирака специализировались в области религии и мусульманского права. Этим выпускникам было очень сложно найти применение полученным знаниям вне религиозной сферы.

Формировавшийся новый средний класс был представлен, таким образом, людьми, получившими светское образование и являвшимися городскими жителями. Эта социальная группа была неоднородна, ее представители отличались по уровню образования, полученной специальности, роду занятия. Рамки среднего класса Ирака определить точно не представляется возможным. Данные ООН за 1957 г. отнесли к этой категории менее 10% рабочей силы страны. В фундаментальном исследовании Х.Батату на 1958 г. дается та же цифра – около 10%, но уже от общей численности населения Ирака[71].

Неоднородность среднего класса сказывалась на уровне доходов, приходившихся на его различные слои, по которым в этой социальной группе выделяют соответственно высшее и низшее звенья. К верхнему слою принадлежали высокообразованные профессионалы – врачи, адвокаты, инженеры, профессора вузов и колледжей, высокопоставленные государственные служащие, армейские офицеры, численность которых не превышала нескольких тысяч. Традиционые средние слои были представлены в торговле и мелком бизнесе.

Низший слой среднего класса составляли мелкие чиновники, сержантский состав армии, офицеры полиции и учителя начальных школ. Эта категория населения находилась в крайне стесненных материальных условиях, к тому же низкий уровень образования лишал

их возможности продвижения в будущем. Некоторые представители этой социальной группы, особенно школьные учителя, стараясь изменить свой статус, получали дополнительное, чаще всего военное или юридическое образование.

На следующей ступени социальной лестницы находился немногочисленный молодой городской рабочий класс, занятый главным образом на крупных предприятиях в современных отраслях промышленности, громко заявивший о себе уже в 40-е гг. Точные численные данные в целом по этой группе привести не представляется возможным. Но есть статистика по наиболее значительной части квалифицированных и организованных рабочих, к которым относятся нефтяники и железнодорожники. На 1958 г. в нефтяной отрасли было занято 14760 рабочих, на железной дороге около 11800[72], что составляло 1,3% всей рабочей силы страны. К этой же группе примыкала примерно половина промышленных рабочих, занятых на предприятиях с числом работающих более 10, насчитывавшая примерно 24275 человек. Именно этот отряд передовых иракских рабочих, находившийся под сильным влиянием Иракской компартии, был инициатором многих забастовок 50-х гг.

По данным ООН, в 1958 г. в промышленном секторе Ирака было занято 6,2% всей рабочей силы, в строительстве – 1,8% и на транспорте 2,7%[73].

Параллельно с новыми, современными социальными группами как следствие резко возросшей в годы войны урбанизации возник особый социальный слой сельских мигрантов, передвигавшихся по стране в поисках работы. В основном эти малоквалифицированные работники находили себе применение в сфере обслуживания. Данных об их численности нет. Эта группа вместе с занятыми в традиционных ремеслах и домашнем хозяйстве составляла подавляющую часть городских рабочих.

Число мигрантов неуклонно возрастало. Источники приводят такие данные: между 1948 и 1952 гг. ежегодно в города из деревень мигрировало 11,7 тыс. человек, а между 1953 и 1957 гг. уже около 20 тыс. За 1947–1957 гг. население Багдада увеличилось за счет сельских переселенцев на 200 тыс. человек[74]. В столице мигранты обосновывались на окраинах города, создавая здесь новые кварталы

из глинобитных, крытых тростником хижин, сформировавших фактически новый город с его неизбежными спутниками – антисанитарией и болезнями. Обитатели этих районов Багдада были заняты самой непристижной черновой работой, едва обеспечивавшей их чрезвычайно низкий жизненый уровень. Постоянный рост этой наиболее обездоленной части населения усиливал социальную напряженность в Ираке. Обычным явлением в этой среде были выступления протеста против тех условий, в которых оказывались мигранты. Эти настроения использовали оппозиционные политические силы. В определенной мере под их влиянием у этой части городского населения постепенно складывалось представление об истинных виновниках его бедственного положения, об ответственности за это власти, демонстрировавшей полное безразличие к жизни своих граждан, свою неспособность осуществить какие-либо изменения в социальной области.

Процесс урбанизации и расширение образовательной сферы оказывали влияние и на другие аспекты общественной жизни Ирака. В частности, наметилась несомненно позитивная тенденция постепенного стирания этнических и религиозных различий между арабами и курдами, между арабами – суннитами и шиитами. Процесс этот проявлялся главным образом на уровне высшего звена социальной и политической структур урбанизированного иракского общества. Менее всего он затрагивал сельские районы и представителей низших социальных групп.

В высшее звено иракской элиты вливалось лишь незначительное меньшинство представителей шиитской и курдской общин. К тому же по мере сближения шиитов и курдов с теми структурами, в которых господствующие позиции по-прежнему принадлежали арабам-суннитам, эта новая этноконфессиональная элита претерпевала весьма серьезную метаморфозу и утрачивала свою общинную идентичность. На верхней ступени социальной иерархической лестницы «новенькие» занимали свою нишу, во многом определенную особенностями исторического развития каждой из общин в рамках той политической структуры, которая сформировалась в процессе становления иракского государства.

Кем и в каких сферах были представлены этноконфессиональные общины? Что касается арабов-шиитов, то незначительное их число появилось среди политической элиты Ирака. Однако наибольших успехов шииты добились не во властных структурах, а в сфере частного предпринимательства. Они вошли в число крупных собственников в таких областях, как сельское хозяйство, торговля и финансы. Особо значимое место они заняли в составе нового класса землевладельцев на юге страны. На 1958 г. среди тех, кто владел участками земли свыше 30000 дунамов, самую большую группу – 44% – составляли шииты. Заняли они также заметное место в предпринимательской сфере, являясь поставщиками зерна, владельцами насосов, торговцами и финансистами. Здесь они сравнялись с суннитами, а в некоторых областях и превзошли их. Среди самых состоятельных иракцев, владевших на 1958 г. более 1 млн и.д. (2,8 млн долл.), 8 были арабами-суннитами, а 7 – арабами – шиитами. На тот же год в Административном совете Торговой палаты, представлявшем торговое сообщество Багдада, из 18 его членов 14 были шиитами[75].

Возрастала шиитская прослойка и в составе среднего класса, что было следствием развития школьной системы в шиитских районах. Получая светское образование, представители молодого поколения шиитов могли продолжить его на Западе и приобрести новые профессии в таких областях, как медицина, инжинерия, экономика. Таким образом, к 1950–м гг. среди шиитов Ирака сформировалась прослойка технократов, специалистов – профессионалов, спрос на которых предъявляла развивавшаяся экономика. Потребностям развития отвечал также рост числа учителей. Меньше всего среди шиитов было военных, и они полностью отсутствовали в высшем звене офицерского корпуса.

Большая же часть шиитов продолжала жить в сельской местности или в небольших городках, где школы не было вообще или где дети по разным причинам не могли ее посещать. Сохранение такой ситуации лишало шиитскую молодежь возможности изменить свой статус, продвинуться по социальной лестнице. В этой среде основой идентичности оставалась общинная принадлежность человека. Такой порядок вещей сохранялся не только в силу прочности здесь ве-

ками существовавших норм жизни и преобладания религиозного сознания. Значительно большее влияние на сдерживание процессов развития шиитского юга оказывали шиитские политики, часто использвавшие социальное недовольство местного населения в собственных интересах. В итоге, несмотря на некоторые перемены, происходившие в 50-е гг. в социально-экономической структуре шиитской общины, шиитский юг оставался по преимуществу замкнутым регионом, слабо связанным с другими частями Ирака.

Еще меньше, чем шииты, в иракское общество были интегрированы курды, что вовсе не означало их отсутствия в различных социальных группах населения Ирака. На пути сближения курдов с арабами стояло много препятствий, одним из которых была известная обособленность компактно проживающего на севере страны курдского народа, языковые отличия от арабов, прочность курдской племенной и семейной структуры. Но главным фактором в этом процессе была дискриминационная политика багдадских властей в национальном вопросе.

Часть курдов, среди которых было много высших офицеров еще турецкой выучки, активно участвовала в строительстве иракского государства. В дальнейшем армейская служба и сфера государственного управления остались для курдов традиционными видами деятельности. В отличие от шиитов значительно меньшее число курдов приобретало новые профессии. Такой расклад сохранялся и в условиях некоторых перемен в социальной структуре курдского общества. Росло число лиц, получивших современное образование, однако это обстоятельство не содействовало ускорению формирования новых курдских социальных групп, а вело к еще большему укреплению позиций традиционного руководства и традиционных связей в курдском обществе. К тому же социальные перемены практически не касались основной массы курдского народа – сельских жителей.

Некоторые из образованных курдов вошли в состав нового арабского среднего класса, но их численность в этой социальной группе была намного меньше не только по сравнению с арабами-суннитами, но и шиитами. Причина – в низком уровне образования. К 1958 г. курдов, окончивших среднюю школу, было вдвое меньше, чем в ка-

ждой из двух арабских конфессий[76]. В итоге в курдской среде процесс формирования лидеров новой формации был чрезвычайно замедлен.

В Курдистане, как и в арабских районах, высшую ступень иерархической социальной лестницы занимал класс новых землевладельцев. В 1958 г. среди крупных земельных собственников Ирака, имевших наделы размером более 30000 дунамов, четверть составляли курды[77]. Это была курдская элита, тесно связанная с традиционными религиозными и племенными лидерами. Курдов практически не было в бизнесе. В 1958 г. ни один из их представителей не входил в Административный совет Торговой палаты Ирака. Низкий уровень урбанизации, неразвитость школьного образования, медленное формирование новых современных социальных групп – все это создавало очень серьезные барьеры на пути интеграции Курдистана в иракское государство, служило фактором сохранения у курдов базирующегося на традициях чувства их самобытности.

50-е гг. вошли в историю Ирака как время медленных, частичных, непоследовательных, но все же перемен. Под действием нефтяного фактора в стране более отчетливо стали проявляться тенденции постепенного размывания традиционного общества, ускорения процессов развития экономики, роста урбанизации, расширение системы образования и формирования нового среднего класса из представителей различных иракских общин, что в перспективе могло содействовать созданию единого иракского государства. Однако достижение этой цели тогда не просматривалось, поскольку сближение между этноконфессиональными группами скорее проявлялось как тенденция, затрагивавшая лишь незначительный пласт их верхнего и среднего звена.

Гавным фактором, способным на тот момент сблизить эти столь разнородные группы, являлись их противоречия с властью, в которой, равно как и во всех остальных сферах иракского общества, доминирующие позиции по-прежнему удерживали в своих руках арабы-сунниты. Они являлись самыми богатыми в составе офицерского корпуса и среди государственных чиновников. Будучи меньшинством населения страны, арабы-сунниты занимали непропорционально большое место в таких сферах, как офицерский корпус, гражданская

служба, адвокатура. Прочность их позиций в этих областях обеспечивалась многми предоставленными суннитам социальными привилегиями, важное место среди которых занимало образование. Суннниты составляли большинство среди окончивших среднюю школу. Этот уровень обучения служил стартовой площадкой для получения высшего образования, а также давал возможность обрести престижную профессию и стать высококлассным специалистом. Эти привилегии и обеспечивали суннитам господствующие позиции, как на государственной службе, так и в сфере профессиональной деятельности[78].

Происходившие в 50-е гг. внутри Ирака сдвиги в социально-экономической сфере, имевшие своим следствием формирование новых современных социальных групп и прежде всего интеллектуальной элиты в гражданской и армейской среде, совпали по времени с наступлением активной фазы крушения колониализма в афро-азиатском мире, с развитием здесь революционного процесса. Самым ярким событием того момента стала победа в июле 1952 г. антимонархической, антиимпериалистической революции в Египте, оказавшей огромное воздействие не только на будущее самой этой страны, но и повлиявшей на ход антиколониальной борьбы всего азиатско-африканского мира. Египетская революция немедленно сказалась на политическом и социальном климате Ирака, ускорив вызревание социально-политических сил, способных покончить с изжившим себя старым монархическим режимом, являвшимся главным препятствием на пути обновления иракского государства и общества. Складывавшаяся с начала 50-х гг. общественно-политическая ситуация в Ираке послужила основой для консолидации сил, способных реально изменить характер политической власти в стране.

В начале 50-х гг. возобновила свою работу НДП. Была создана организация сторонников мира, возникли массовые демократические организации: Союз демократической молодежи, Лига борьбы за права иракских женщин, Национальный союз студентов. Появились отделения таких общеарабских националистических организаций, как Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ, или

Баас – араб. «возрождение»), Движение арабских националистов (ДАН), Движение насеристов-юнионистов.

Консолидировать свои силы пыталась и реакция. В ноябре 1949 г. Нури Саид создал свою партию – Конституционный союз, в июне 1951 г. оформилась Национально-социалистическая партия Салеха Джабра. Мерой, направленной на снижение недовольства в иракском обществе, стала отмена властями в марте 1952 г. военного положения. Политические партии выступали за введение прямых выборов в парламент. В поддержку этих требований в ноябре того же года в стране прошли крупные антиправительственные акции, подавленные силой. 23 ноября в нарушение конституции в Ираке был вновь установлен военный режим. Правительство возглавил начальник генерального штаба Нур эд-Дин Махмуд. В столицу и другие города были введены войска, политические партии и общественные организации запрещены, их печатные органы закрыты. Арестам подверглось более 3 тысяч человек. Были учреждены военные трибуналы. Однако правительство все же пошло на уступку, заменив в декабре 1952 г. двухстепенные выборы в парламент прямыми, хотя эта мера не внесла каких-либо позитивных изменений в сложившийся механизм «избрания» депутатов. Прошедшие в январе 1953 г. выборы, как и все предыдущие, обеспечили абсолютное большинство мест в парламенте традиционным силам. 29 января премьером стал Джамиль аль-Мидфаи. Он сохранил военное положение и усилил репрессии в отношении оппозиции.

4.7. Внешняя политика Ирака в 50-е годы

Не отвечала национальным интересам страны и проводившаяся в эти годы правящими кругами внешняя политика Ирака.

В начале 50-х годов Ближний Восток приобрел особое значение в антисоветских планах стратегов «холодной» войны. Сделав ставку на создание кольца военных баз вокруг Советского Союза, лидеры стран Запада наибольшее внимание уделяли государствам, непосредственно граничившим с закавказскими и среднеазиатскими республиками СССР – Турции и Ирану, а также расположенным неда-

леко от советских границ Ираку и Пакистану. Особую активность в этом вопросе проявляли США, еще со времен второй мировой войны задавшиеся целью внедриться на Ближний Восток, потеснив Англию с ее господствующих позиций в регионе.

Стратегическая притягательность Ближнего и Среднего Востока дополнялась таким важнейшим фактором, как наличие здесь богатейших нефтяных ресурсов. Установившие над ними безраздельный контроль английские и американские монополии, такие как «Ирак петролеум», «АРАМКО», «Стандарт ойл», были крайне заинтересованы в сохранении в своих руках этого богатства ближневосточного региона. Методы обеспечения этой задачи разрабатывались прежде всего Вашингтоном. В арсенале средств, призванных закрепить позиции США на Ближнем Востоке, оказалась «доктрина Трумэна» 1947 г., направленная на утверждение американского господства в одном из важнейших стратегических районов мира. Турция приняла эту доктрину и за очень короткий срок превратилась в плацдарм американских вооруженных сил. Следующим шагом турецкого правительства стало его официальное присоединение к созданному в 1949 г. Северо-Атлантическому пакту (НАТО)[79].

Дальнейшему укреплению позиций Запада в регионе должна была содействовать разрабатывавшаяся США и Англией программа создания «оборонительной» организации, так называемого «средневосточного командования», с участием Турции, арабских стран, Израиля и Ирана. В 1951 г. арабским государствам и Израилю было предложено заключить военный союз с США, Англией, Францией и Турцией. Идея эта не нашла поддержки у арабских стран. Отвергли они также все последующие попытки Запада втянуть арабов в аналогичные военные блоки, различным вариантам которых придавалось лишь иное название: «средневосточная оборонительная организация», «средиземноморский блок», «мусульманский блок» и др.

Провал усилий США создать «многосторонний» военный союз на Ближнем Востоке не означал отказа американского руководства от своих намерений проводить и дальше жесткий курс «с позиции силы», принявший в те годы характер «пактомании»[80]. Суть этой политики, задуманной госсекретарем США Даллесом, заключалась в изменении подхода к созданию единого военного блока многих го-

сударств системой двусторонних союзов, которые в будущем должны были слиться в одну организацию[81]. Особое внимание при этом уделялось американцами арабским странам, а место связующего звена между арабами и НАТО отводилось Турции.

Первым шагом в реализации «плана Даллеса» стал заключенный в апреле 1954 г. турецко-пакистанский пакт, которому отводилась роль основы будущей организации «северного яруса» в составе северной группы стран Ближнего и Среднего Востока (Турция, Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан). Лига арабских государств по инициативе Египта осудила попытки вовлечь арабские страны в военные союзы[82]. Но без участия хотя бы нескольких из этих государств пакт Турция-Пакистан утрачивал всякую значимость в решении поставленной США задачи создания средневосточного блока.

Единственной арабской страной, проявившей интерес к предложению Даллеса, стал Ирак, руководство которого усмотрело в этом проекте возможность ослабить позиции Англии в регионе. Совпадение в тот момент интересов Ирака и США открывало американцам путь к усилению давления на руководство этой страны.

17 сентября 1953 г. иракским премьер-министром стал лидер проамериканской группировки Фадыль аль-Джамали. Он отменил военное положение, снял запрет на деятельность оппозиционных партий, за исключением компартии, и выступил активным пропагандистом «плана Даллеса». Начались переговоры о предоставлении Ираку американской военной помощи, и одновременно велись секретные консультации об условиях присоединения Ирака к «оборонительному блоку».

Усиление влияния США в Ираке вызывало большую настороженность Англии и ее сторонников в иракских правящих кругах – руководителей проанглийского Конституционного союза во главе с Нури Саидом. Они не ставили перед собой задачу сорвать «план Даллеса», но были намерены добиться его осуществления с наибольшей выгодой для себя.

25 апреля 1954 г. в Багдаде было подписано соглашение, по которому США обязались поставлять Ираку вооружение на льготных условиях, а также выделять иракскому правительству средства для закупки оружия по его усмотрению. Этот пункт был принят по

предложению представителей Конституционного союза. Закрепить дальше свой успех достигнутым соглашением американцам не удалось: 30 апреля 1954 г. Фадыль аль-Джамали был вынужден уйти в отставку, вызванной как резким осуждением в арабском мире внешнеполитического курса иракского правительства, так и мощными антиправительственными выступлениями в самом Ираке.

Весна 1954 г. оказалась весьма напряженной для властей Ирака: в стране под влиянием множества факторов происходили непрерывные волнения. Возмущение масс вызывали полное устранение властей от принятия мер по защите населения от тяжелейших последствий наводнения в результате разлива Тигра в конце марта 1954 г., развязанная в стране кампания террора против левых сил, засилье представителей реакционных кругов в парламенте. Патриотические и демократические силы Ирака настаивали на роспуске парламента и проведении свободных выборов. Это требование отвечало интересам проанглийской группировки, которую не устраивало наличие в составе палаты депутатов избранного в январе 1953 г. парламента значительного проамериканского лобби. Позиции Англии были еще достаточно сильны. В итоге 30 апреля 1954 г. кресло ушедшего в отставку премьера Фадыля аль-Джамали занял Аршад аль-Умари, политик, преданный Англии и пользовавшийся особым доверием Нури Саида. Король Фейсал II распустил парламент и назначил на июнь 1954 г. новые выборы.

Во время предвыборной кампании, начавшейся в мае 1954 г., впервые в истории Ирака сложился политический союз оппозиционных национальных сил – Единый национальный фронт (ЕНФ). В его состав вошли представители Национально – демократической партии, Партии независимости, Национального комитета защиты мира, женских и молодежных организаций. Активное участие в деятельности Фронта приняли коммунисты, которые вошли в него в составе общественных организаций. Программа ЕНФ включала следующие требования: гарантию буржуазно-демократических свобод, аннулирование договора 1930 г. и передачу Ираку английских военных баз в Хаббании и Шуайбе, вывод с территории страны иностранных войск, отказ от участия в блоках с Западом, ликвидацию иностран-

ных концессий, поощрение развития национальной промышленности, борьбу с безработицей, наделение бедных феллахов землей[83].

Прошедшие в июне 1954 г. парламентские выборы в Ираке, по оценке экспертов, были самыми свободными за всю новейшую историю страны. Они дали весьма неожиданные результаты: впервые члены нурисаидовского Конституционного союза получили в палате депутатов меньше половины мест – 56 из 135. Не добились абсолютного большинства и сторонники Фадыля аль-Джамали. Национально-социалистическая партия Салеха Джабра получила 21 мандат. Единый Национальный фронт завоевал, по разным источникам, от 10 до 14 мест, одержав победу в десяти избирательных округах[84]. Особо впечатляющей стала победа Фронта в двух крупнейших городах страны – Багдаде и Мосуле. Широкую поддержку он получил и в других городах, в том числе на юге в Неджефе и Хилле, а также в курдских районах на севере, в частности в Сулеймании. Впервые в парламенте приобретали значение голоса партий, вошедших во Фронт[85].

Выборы 1954 г. и их итоги сопровождались ростом напряженности внутри политической элиты. Относительная свобода, в условиях которой проходила предвыборная кампания, во многом была связана с тем, что отстраненный регентом Абдул Иллахом от государственных дел и находившийся на тот момент за границей самый преданный друг Великобритании Нури Саид, не мог повлиять на ход и результаты выборов. Его группировка утратила большинство в парламенте. С таким положением ни Нури, ни традиционная политическая элита Ирака не собирались мириться. В усилении оппозиционных сил угрозу своему существованию усмотрела и монархия.

Новый парламент провел лишь одно заседание в июле 1954 г. и сразу же по указу регента Абдул Иллаха был распущен. В августе прошли новые выборы, обеспечившие победу сторонникам Нури. Для спасения трона Дворец обратился к многократно проверенному средству – приглашению Нури Саида возглавить новое правительство. Кабинет Нури был сформирован в августе.

Несмотря на то, что иракской реакции удалось восстановить свои позиции, выборы 1954 г. стали наглядным свидетельством качественных, необратимых перемен, произошедших в обществе Ира-

ка. Прежде всего, эти перемены заключались в появлении среди городского населения политических сил, способных в короткое время привлечь на свою сторону массы, направить их активность в определенное русло и при их поддержке завоевать парламентские места в самых важных городских центрах Ирака. Вошедшие в Единый национальный фронт политические партии имели большие различия в идеологии и программных установках, в них были представлены как иракские националисты, так и панарабисты, однако эти расхождения не стали помехой в их объединении на основе достижения общей цели – осуществления в Ираке демократических преобразований. Приобретенный политическими партиями в ходе выборов 1954 г. опыт стал отправной точкой для поиска ими формулы взаимодействия в годы, предшествовавшие революции 1958 г. Повышению их активности в этом процессе содействовал ряд событий внутреннего и внешнего характера, прозошедших между 1954 и 1958 гг.

Проведенные в сентябре 1954 г. в условиях жесткого правительственного контроля и фальсификации их результатов выборы в парламент позволили Нури Саиду провести в палату депутатов 90% своих сторонников. «Новый» режим повел жесткое наступление на коммунистов, которых отправляли в тюрьмы, лишали иракского гражданства и высылали из страны. Были распущены все демократические организации, а принадлежность к ним грозила пожизненным тюремным заключением.

Во внешней политике правительство Нури Саида избрало курс, полностью отвечавший интересам Великобритании, стремившейся вернуть себе на Ближнем Востоке позиции, существенно ослабевшие после второй мировой войны. Ираку, который Англия попрежнему продолжала считать своим самым надежным бастионом в ближневосточном регионе, в этом вопросе отводилась ключевая роль. Подтверждением тому было следование Ирака в русле военно-блоковой политики Запада. Такой курс иракских лидеров резко диссонировал с бурно нараставшим процессом национального освобождения, охватившим в 50-е годы Арабский мир.

24 февраля 1955 г. премьер Нури Саид заключил военно-политический договор с Турцией, положивший начало инициированному Великобританией Багдадскому пакту. Этому акту предше-

ствовали недружественные шаги правительства Нури по отношению к Советскому Союзу: в ноябре 1954 г. была закрыта иракская миссия в Москве, а 3 января 1955 г. были приостановлены дипломатические отношения между СССР и Ираком[86].

К ирако-турецкому договору присоединилась Англия. 4 апреля 1955 г. между ней и Ираком было подписано специальное соглашение, заменившее договор 1930 г., но обеспечившее при этом сохранность всех прежних военно-стратегических интересов Англии. Соглашение вступало в силу со дня присоединения Англии к ирако-турецкому пакту и автоматически аннулировалось в случае выхода из него одной из договаривающихся сторон.

23 сентября к договору присоединился Пакистан, 19 октября – Иран. Окончательно Багдадский пакт оформился в ноябре 1955 г. Этот военный блок имел агрессивную направленность против СССР и национально-освободительного движения в регионе.

Власти Ирака старались скрыть содержание англо-иракского соглашения, такст которого не был опубликован. Однако характер данного документа вскоре стал известен в стране и вызвал бурю протеста. Арабская демократическая общественность решительно осудила сговор Нури с Турцией и Англией, расценив его как предательство интересов арабских народов, как прямую угрозу миру на Ближнем и Среднем Востоке[87].

Выход Ирака из Багдадского пакта с 1955 г. стал главным в требованиях иракской оппозиции. С особой силой это проявилось в мощных акциях протеста во время Суэцкого кризиса и тройственной агрессии Англии, Франции и Израиля против Египта в ноябре 1956 г., вылившихся в вооруженное восстание, которое охватило практически все крупные города Ирака. В ряде мест жители изгнали правительственную администрацию и захватили власть в свои руки. Накал народного протеста был настолько сильным, что вынудил даже самого преданного и надежного друга Англии, «вечного» премьера Ирака Нури Саида выступить с заявлением о готовности иракского правительства оказать Египту военную помощь. Он выразил официальный протест Англии, разорвал дипломатические отношения с Францией, заявил также об отказе Ирака принимать участие в заседаниях Совета Багдадского пакта, «на которых будут присутст-

вовать представители Англии». Проявлением солидарности Ирака со всем арабским миром было присутствие короля Фейсала II на чрезвычайном совещании арабских лидеров, созванном в Бейруте[88].

В самом Ираке было введено военное положение. Против восставших были брошены крупные силы полиции и войска, однако плохо вооруженные, разрозненные отряды повстанцев более двух недель продолжали оказывать сопротивление. Большую роль в организации восстания сыграли Иракская компартия, Партия Баас, НДП и Партия независимости. Только к середине декабря восстание было полностью подавлено. Над его руководителями и участниками власти учинили жестокую расправу[89].

Восстание 1956 г. продемонстрировало значительный рост влияния в массах иракских коммунистов, установления ими на основе принципов антиимпериализма и арабского единства более тесных связей с другими оппозиционными силами страны. Предпринятые Нури Саидом в связи с этим некоторые контрмеры носили частичный и временный характер. Среди этих мер, в частности, было закрытие школ в городах, вызванное активным участием в демонстрациях, проходивших в основном под лозунгами общеарабской солидарности, учителей, школьников и студентов.

Иной характер носили выступления в шиитских городах, где они повсеместно принимали антирежимный характер и были направлены не только против Нури, но и в целом против государства, против его несправедливой власти. Движение в шиитских районах подавлялось самыми жесткими силовыми мерами[90].

Деспотический монархический режим в Ираке к середине 50-х годов полностью изжил себя. За время своего существования (1921–1958) монархия не сумела решить главных проблем страны, в числе которых – создание условий для модернизации как важнейшей предпосылки национальной и социальной консолидации иракского общества: к середине XX в. Ирак оставался разделенным на три малосвязанные между собою части: курдский север, арабо-суннитский центр и арабо-шиитский юг. Курдская и шиитская проблемы выступали как факторы постоянной внутриполитической напряженности.

Вступление в Багдадский пакт привело к усилению милитаризации Ирака, что пагубно сказалось на экономической ситуации в

стране и повлекло за собой дальнейшее обнищание широких слоев населения страны. Огромные доходы иракского правительства от нефти, составившие в 1956 г. более 76 млн долл., и налоги в сумме 49 млн долл. в год большей своей частью использовались для достижения стратегических целей Багдадского пакта. По явно заниженным официальным данным, свыше 1/3 бюджета шло на военные цели[91]. Систематическое повышение цен на продукты и товары первой необходимости усугубляли и без того тяжелое положение городских жителей. Значительно возросло давление землевладельцев на крестьян.

Ширилась пропасть между подавляющей массой населения Ирака и властью. Повышение доходов от нефти в 50-е годы еще более отдалило правящий режим Ирака практически от всех слоев общества: сосредоточив в своих руках огромные богатства, режим не сделал ничего для развития национальной экономики и решения острейших социальных проблем. На повестке дня стояла задача кардинального изменения политического строя страны.

Поражение восстания 1956 г. подвело оппозиционные иракскому режиму силы к выводу: до тех пор, пока триада Нури – Дворец – армия держит в своих руках власть, в стране невозможны никакие изменения. События осени 1956 г. ускорили объединение оппозиционных национальных партий и организаций Ирака, ставивших своей целью свержение реакционной власти. Весьма заметное место в сближении главных политических сил Ирака заняли итоги работы в сентябре 1956 г. конференции ИКП. Значительная часть ее работы была отведена взаимодействию коммунистов с ДПК. Отказавшись от ряда ошибочных оценок сути и целей курдского национального движения, иракские коммунисты признали права курдов на национальное самоопределение и создание прогрессивной национально-демократической партии. ИКП признала необходимость совместной борьбы арабского и курдского народов против империализма[92].

В феврале 1957 г. произошло событие большой исторической важности: ведущие политические партии страны создали организацию – Фронт национального единства (ФНЕ), избрали его руководящий орган – Высший национальный комитет, включивший представителей Иракской компартии, Национально-демократической

партии, Партии арабского социалистического возрождения (Баас, или ПАСВ)[93].

Программа Фронта предусматривала отстранение от власти феодально-монархической клики и роспуск реакционного парламента; выход Ирака из Багдадского пакта и проведение политики позитивного нейтралитета; отмену чрезвычайных законов и предоставление народу демократических свобод; освобождение всех политзаключенных и восстановление их в гражданских правах. Демократическая партия Курдистана не вошла в ФНЕ, но одобрила его программу и в дальнейшем согласовывала с ним свою деятельность через представителей компартии.

Важнейшее место в программе Фронта заняло требование о выходе Ирака из Багдадского пакта. В своем первом воззвании Верховный национальный комитет Фронта, сделав упор на раскрытии таких негативных последствий «привязывания Ирака к военной колеснице империализма», как усиление реакционной политики иракских правящих кругов, запрещение ими деятельности политических партий, закрытие патриотических газет, обострение экономического кризиса и расширение позиций Запада в стране, заявил: «Выход Ирака из этого пакта является первым и основным условием для получения Ираком политической независимости, его освобождения от империалистического ярма, его выхода из искусственной изоляции и присоединения к каравану свободных арабских государств и сотрудничества в освобождении арабских народов»[95].

Присоединение к Багдадскому пакту резко ослабило позиции Ирака в арабском мире. Этот шаг иракского руководства был воспринят арабами как прямое предательство дела общеарабской солидарности в борьбе против империализма и внутренней реакции. Следование Ирака в фарватере политики Запада означало его изоляцию от остальных арабских стран, многие из которых, и прежде всего Египет, встали на путь упрочения своей независимости. Такие подлинно революционные шаги египетского руководства во главе с Гамалем А. Насером, как закупка с 1955 г. советского оружия, национализация компании Суэцкого канала, победа над тройственной агрессией Англии, Франции и Израиля в 1956 г., были свидетельством освобождения этой страны из-под безраздельного господства

Запада. В глазах панарабистов Насер приобретал черты непререкаемого лидера, который мог, как им представлялось, осуществить наконец давнюю мечту арабов достичь единства и полной независимости[96].

Поддержка Египта широкими народными массами арабских стран в его борьбе против тройственной агрессии содействовала сплочению арабов, вела к расширению контактов между арабскими государствами, создавала благоприятные условия для их более тесного взаимодействия и, как представлялось, открывала путь к процессу политического объединения. Среди выдвигавшихся лозунгов все громче звучал призыв к арабскому единству.

Движение за арабское единство – явление, весьма неоднородное по составу его участников, их политическим и идеологическим устремлениям. Были среди лидеров арабских стран и те, кто в рамках арабского союза надеялся реализовать групповые интересы или личные политические амбиции. После революции 1952 г. в Египте любой проект арабского объединения не мыслился без участия этой страны: авторитет президента Гамаля Абдель Насера настолько возрос, что вхождение в какой-либо союз с Египтом несомненно повышал бы акции других участников объединения. Одна из ключевых арабских стран – Сирия, с трудом преодолевавшая период политической нестабильности первого десятилетия независимого развития, была крайне заинтересована в установлении прочного единства с Египтом. Во время «тройственной» агрессии правительство Сирии выступало за оказание Египту военной помощи и более того, несмотря на протесты «вечного» премьера Ирака и преданнейшего друга Великобритании Нури Саида, перекрыло нефтепроводы «Ирак Петролеум Компани», причинив тем самым определенный ущерб англо-французским агрессорам.

С осени 1956 г. в Сирии, как на уровне политического руководства, так и среди самой широкой общественности, развернулось движение за создание сирийско-египетского союза. (Здесь не рассматриваются те мотивы, которыми руководствовались сирийские лидеры, и каковы были подходы к вопросу объединения у Насера).

Союз Сирии и Египта, воспринимавшийся арабами как основа для присоединения к нему в будущем других арабских стран, был

провозглашен 1 февраля 1958 г. Так появилась на свет Объединенная Арабская Республика в составе Египта и Сирии. Рождение данного союза было встречено в арабском мире далеко неоднозначно. Серьезную озабоченность в связи с созданием египетско-сирийского альянса проявило иракское руководство. Была очевидна неизбежность усиления влияния политики Насера на Ирак, что оценивалось Нури Саидом как прямая угроза безопасности его страны. К тому же Насер открыто выражал свою неприязнь к Нури и к иракской монархии. В этой ситуации по инициативе Нури при поддержке Англии и США уже 14 февраля 1958 г. в противовес ОАР была создана Арабская Федерация в составе двух родственных хашимитских монархий – Ирака и Иордании с приглашением присоединиться к этому альянсу других арабских стран. Эта инициатива Нури Саида весьма скептически была воспринята арабами. Намерение Нури, политического деятеля, на протяжении многих лет безоговорочно следовавшего в русле британских интересов, расценивалось как желание еще прочнее привязать арабские страны к Западу и нанести удар по едва начинавшемуся процессу национального возрождения арабов. Успехи Египта, являвшиеся результатом последовательной политики его руководства во главе с Насером, направленной на упрочение национального суверенитета страны, служили примером для народов других арабских стран[96].

Создание Арабской Федерации, главой которой стал король Ирака, а король Иордании – его заместителем, в арабских национальных кругах было расценено как династическое объединение, направленное на укрепление правившей в обеих странах хашимитской династии. Попытки иракского руководства, игравшего ведущую роль в созданиий Федерации, расширить состав ее участников окончились неудачей. Даже лидеры «умеренных» режимов решительно высказались против участия своих стран в империалистических планах, имевших целью углубить раскол в арабском мире.

Образование Арабской Федерации было последней международной акцией монархического режима Ирака. Клика Нури Саида, подчинившая внутреннюю и внешнюю политику интересам агрессивных кругов западных держав и иностранных монополий, полно-

стью изолировала себя от народа. Ирак стоял на пороге революционного взрыва.

Неудачи многих народных выступлений в Ираке предшествующих лет, в том числе и тех, которые принимали характер восстаний с широким участием в них больших масс населения, представлявших различные социальные, этноконфессиональные и политические круги страны, были отражением слабости иракского гражданского общества и фактическиого отсутствия в нем развитых и опытных светских политических партий и организаций. В этой ситуации особую значимость приобретали военные, часть националистически настроенного офицерства, пришедшего к выводу: избавить Ирак от прогнившего олигархического режима можно только силой. Уверенность в правильности такого выбора придавали иракским военным позитивные перемены в Египте, путь которым открыла июльская революция 1952 г., осуществленная организацией «Свободные офицеры».

4.8. Подготовка и ход государственного переворота 14 июля 1958 года

Распространявшиеся в 50-е годы в Ираке оппозиционные настроения захватили и армию. Представители молодого поколения офицеров были той средой, которая воспринимала революционные идеи, пропагандировавшиеся оппозиционными политическими партиями. Основные партии Ирака имели давние связи с военными, среди которых были сочувствующие и даже члены партий. Активно работала с офицерским корпусом Иракская компартия: из военных-членов ИКП формировались отдельные группы[97].

Носители революционных настроений в офицерских рядах со временем стали организаторами небольших офицерских подпольных ячеек. Свою агитационную работу им приходилось вести скрытно, а это служило серьезным препятствием к установлению связей военных с гражданским политическим движением. Однако совпадение целей, которые ставили перед собой оба оппозиционных течения – гражданское и военное, создавало предпосылки для их сближения на

этапе подготовки к решительным выступлениям и совместных действий в момент свержения старого режима и организации власти после его ликвидации.

Иракские военные имели уже определенный опыт вмешательства в политические дела страны. За годы, прошедшие с момента обретения Ираком «независимости» в 1932 г., иракская армия выросла численно, укрепилась организационно и стала уделять большее внимание национальным вопросам. Не раз в моменты острых кризисов военные непосредственно вмешивались в возникавшую ситуацию с целью ее урегулирования, однако они не ставили перед собой задачи изменения существовавшего строя Ирака. Так, переворот 1936 г. был направлен на замену одной политической группировки другой, которая, как представлялось, могла бы ускорить намечавшиеся тогда реформы. Майские события 1941 г. имели своей целью защиту национальных интересов страны от усиления вмешательства Англии во внутреннюю и внешнюю политику Ирака в годы второй мировой войны. До 1958 г. военные не предпринимали каких-либо попыток свергнуть Хашимитскую династию или изменить существовавшую систему правления. Иной выглядела ситуация перед 1958 г.: когда конфликт между старым и новым поколениями, а в действительности между давно назревшей потребностью страны в обновлении, в модернизации ее экономического и социального строя, в достижении ею подлинной независимости достиг наивысшего предела и стал непреодолимой преградой на пути прогресса страны, офицеры молодого поколения приходят к выводу, что достижение этих целей возможно лишь при условии ликвидации правящего режима с применением силы.

К такому выводу военных подводила сама иракская действительность, в которой, как и прежде, господствующие позиции в гражданской и военной службе принадлежали старой коррумпированной олигархии, менее всего озабоченной проведением тех преобразований, в которых была жизненно заинтересована подавляющая часть иракского народа. К тому же олигархия многократно использовала армию для подавления народных восстаний под предлогом «утверждения в Ираке права и закона». Военные при этом осознавали, что их заставляют участвовать в подавлении того социального

протеста, который поддерживали они сами. В среде молодых офицеров все чаще стали раздаваться голоса с требованием положить конец власти продажных старых политиканов, прекратить использование армии в карательных акциях против собственного народа, против тех, кто призывает к преобразованиям в стране[98].

С 1952 г. в значительной мере под воздействием революции «Свободных офицеров» в Египте (хотя есть данные, что первые тайные ячейки в иракской армии появились в 1951 г.) в воинских частях, расквартированных в Багдаде, Дивании, Мосуле, Насирии и других городах, в гарнизонах различных родов войск стали возникать подпольные группы военных, ставивших своей целью свержение «коррумпированного режима». Эти группы существовали обособленно, между ними не было связи, что отражало как особенности среды, в которой появлялись эти группы, так и политико-идеологическую ориентированность иракских офицеров, вступавших на путь конспиративной деятельности. Объединяющими факторами для конспираторов-военных были постоянная угроза разоблачения и опала, а также необходимость установления контакта с оппозиционно настроенными политиками, заинтересованными в привлечении армии. Под воздействием общих процессов в регионе и накоплением собственного политического опыта проходил процесс объединения групп: сначала их стало три, затем две и в итоге – единое движение «Свободных офицеров». На заключительной стадии процесса объединения выделились две группы. Одна из них восходила к ячейке, созданной Салихом Абд аль-Маджидом ас-Самарраи, военным атташе Ирака в Аммане, сразу после победы революции в Египте. Первая из них была создана Рифаатом аль-Хаджжем Сирри, племянником Джамиля аль-Мидфаи, в сентябре 1952 г.[99] Ему удалось создать еще несколько малочисленных групп, не связанных друг с другом и не имевших единого центра. О существовании подпольных групп летом 1956 г. стало известно начальнику штаба Рафику Арифу, который предпринял меры по их ликвидации. Некоторые причастные к тайным группам офицеры были переведены в другие подразделения, иные понижены в звании. Это были беспрецедентно мягкие по иракским меркам действия начальника штаба, но

все же они на некоторое время затормозили формирование оппозиционных групп в армии.

Новый импульс деятельности иракских офицеров придал Суэцкий кризис 1956 г. Появились новые группы, они росли численно, укреплялись внутренне, а постоянная угроза раскрытия и ликвидации подталкивала их к объединению. К тому же военные нуждались в установлении контактов с гражданской политической оппозицией, также серьезно заинтересованной в привлечении на свою сторону военных. Постепенно часть этих групп вошла в состав Багдадской ячейки, возглавлявшейся Мохи эд-Дином Абдель Хамидом. Это объединение и составило в итоге ядро Высшего комитета организации «Свободные офицеры» в количестве 11 человек в ранге от генерала до майора (большинство были полковниками[100]. Разрабатывая план переворота, члены Высшего комитета исходили из того, что успех мог быть достигнут лишь при условии, что во главе воинских подразделений будут находиться или члены организации, или разделяющие ее цели офицеры[101].

Высший комитет установил связи с генералом Абдель Керимом Касемом, командующим 19-й бригады, также создавшим небольшую тайную группу своих единомышленников. В 1957 г. Касем вошел в состав Высшего комитета и как старший по званию возглавил объединенную группу «Свободных офицеров»[102].

По рекомендации Касема в организацию был принят командующий 20 – й бригады полковник Абдель Салям Ареф, хотя против его кандидатуры выступали некоторые члены Комитета. Арефу отводилась роль связующего звена между молодыми офицерами других подпольных групп воинских частей, размещенных в различных городах Ирака, в том числе и с теми, кто входил в самые первые ячейки начала 50-х гг.

В 1957 г. организация «Свободных офицеров» насчитывала, по разным данным, от 170 до 300 человек[103]. Число 300 включало, видимо, тех, кто принимал участие в деятельности Организации, но формально не входил в ее состав. Сама Организация была весьма рыхлым образованием, не имела четкой структуры, оставалось много групп, разбросанных по стране и практически не связанных с центром.

Доминирующее положение в организации «Свободные офицеры» занимала умеренная фракция Мохи эд-Дина Хамида, находившаяся в постоянных контактах с НДП и считавшая своим лидером Абдель Керима Касема. Офицеры, придерживавшиеся консервативных взглядов, контактировали с лидерами Партии независимости. На левом фланге находилась группировка Васфи Тахера, значительную часть которой составляли насеристы-юнионисты – сторонники развития независимого Ирака по египетскому образцу. В самостоятельные фракции были объединены офицеры-баасисты и им сочувствовавшие, а также офицеры-националисты, группировавшиеся вокруг полковника Абдель Саляма Арефа. Эти данные свидетельствуют о том, что контакты между военными и гражданской оппозицией существовали. Однако реальных деловых связей между «Свободными офицерами» и политическими партиями Ирака не было установлено. Вместе с тем было очевидно, что столь разнородная по своему составу организация «Свободных офицеров» вряд ли могла самостоятельно реализовать намеченные задачи и устоять как политическое образование после переворота в случае его успеха.

Точных данных, как уже отмечено, о количестве членов организации «Свободные офицеры», об их социальной и этноконфессиональной принадлежности нет. В определенной мере представление об этой организации военных Ирака дает изучение состава Высшего комитета, отражавшего практически характер движения в целом. В Центральном комитете было 14 (по другим данным, 11–12) человек.

Маджид Хаддури в своей монографии «Республиканский Ирак» приводит список 14 членов Высшего комитета. Среди них: генерал Мохи ад-Дин Хамид, полковник Наджи Талиб, полковник Абд аль-Ваххаб аль-Амин, генерал Абд аль-Керим Касем, полковник Абд ас-Салям Ареф, полковник Абд ар-Рахман Ареф, полковник Тахир Яхья, подполковник Раджаб Абд аль-Маджид, подполковник Васфи Тахир, майор Сабих Али Галиб, полковник Мухсин Хусейн аль-Хабиб, майор ВВС Мухаммад ас-Саб, полковник Абд аль-Ваххаб аш-Шавваф, подполковник Абд аль-Керим Фархан. Рифаат аль-Хаджж Сирри был избран членом Центральной Организации, но никогда не посещал ее заседаний.

Подавляющее их число было представлено арабами-суннитами. Среди его членов шиитами были Наджи Талиб и Мухсин Хусейн аль-Хабиб. Принадлежность матери Абдель Керима Касема к шиитам никак не повлияла на его карьеру. Среди членов Высшего комитета не было ни одного курда. Большинство являлись выходцами из средних и более низких слоев, хотя трое – Касем и братья Арефы – Абдель Салям и Абдель Рахман принадлежали к состоятельным семьям. Наджи Талиб был сыном крупного землевладельца. Почти все были профессиональными военными, получившими свое образование в Багдадской военной академии, 10 офицеров продолжили свое обучение в штабном колледже. Трое уехали за границу повышать свои знания – двое, включая Касема, непродолжительное время посещали школу высших армейских офицеров в Англии, один – в США. В дополнение к углублению воинских знаний двое посещали Багдадский юридический колледж и получили степени юристов (Хамид и Фархан). Талиб также посещал этот колледж, но не завершил обучение. До начала военной карьеры только Касем был школьным учителем.

Все члены организации «Свободные офицеры» принадлежали к военному крылу нового среднего класса специалистов, которым не было места в структуре и политике старого режима[104].

Центральный комитет был исполнительной властью «Свободных офицеров», но среди его членов практически отсутствовало единство по вопросам определения целей и политической линии организации. Восстановить подлинную картину видения членами Комитета направленности их деятельности, тех целей, которые они перед собою ставили, не представляется возможным, поскольку никаких протоколов секретных совещаний офицерами не велось из-за опасения использования этих материалов властями в случае раскрытия организации. Наличие серьезных разногласий по ключевым вопросам революции среди руководства «Свободных офицеров» подтвердилось в ходе судебного процесса над Абдель Салямом Арефом после революции. Выявился факт принятия некоторых решений накануне переворота не Центральным комитетом, а лишь некоторыми его членами.

Интерес представляют записи, которые делал после каждого заседания Центрального комитета один из его членов Абдель Ваххаб аль-Амин, приводимые в книге М.Хаддури «Республиканский Ирак». Из записей очевидно отсутствие согласия между участниками встреч по многим вопросам, хотя их автор утверждает, что «фундаментальные решения принимались всеми присутствовавшими офицерами». Амин указывает также на существование «Национального пакта» или некоего «соглашения», вобравшего в себя «основополагающие принципы и решения, которые были приняты 14-ю офицерами молча или гласно и который они поклялись соблюдать». Есть и прямо противоположные суждения, свидетельствующие о том, что никакого документа в виде пакта или соглашения никогда Центральным комитетом не принималось[105]. Несмотря на эти расхождения, факт принятия всеми членами Центрального комитета клятвы соблюдать разработанные принципы и решения организации дает основание считать эти основополагающие положения «Национальным пактом»[106].

Главное, в чем единодушно сходились члены Центрального комитета, было свержение монархии и провозглашение страны республикой с демократической парламентской формой правления. Что касается судьбы верхушки правившего в Ираке режима, здесь мнения расходились. Все решительно выступили за ликвидацию регента Абдул Илляха и «вечного премьера» Нури Саида. Что касается короля Фейсала II, то большинство офицеров высказались за сохранение ему жизни, поскольку король был очень молод. Никакого решения тогда по этому вопросу принято не было. Но Касем и Ареф накануне переворота пришли к заключению о необходимости придания смерти всех трех главных фигур режима, дабы исключить любую возможность вмешательства извне, которое могло бы спровоцировать выступление с целью восстановления монархии[107].

Наличие расхождений между членами Центрального комитета по многим вопросам постреволюционного развития Ирака отразилось на общем содержании намеченного ими Национального пакта, больше походившего на декларацию о намерениях, чем на программу действий. Его выработка проходила в обстановке острых дискуссий между представителями основных течений, в итоге по многим

вопросам, затрагивавшим сферу конкретных действий, направленных на реализацию положений программы, согласия достичь не удалось. Программа признавала национальные права курдов и других национальных меньшинств. В ней предусматривалось установление временного переходного этапа для подготовки свободных выборов в высший законодательный орган республики, учреждение до избрания парламента Президентского совета в составе трех человек, призванного заменить главу государства до определения его характера Национальной Ассамблеей, а также создание временного гражданского правительства, поддерживаемого Свободными офицерами, во главе с рекомендованным ими представителем гражданского общества, «хорошо известным своим патриотизмом и личной честностью». На основе консультаций с членами комитета премьер должен был сформировать правительство преимущественно из лидеров оппозиционных партий. Центральный комитет «Свободных офицеров» преобразовывался в Совет революционного командования (СРК), в задачу которого входила поддержка временного гражданского правительства до замены его будущим парламентом. Никто из Свободных офицеров не мог занять высокий пост в армии, в правительстве или на гражданской службе без одобрения СРК. Такой же порядок предусматривался в отношении программы и любых решений временного правительства[108]. После установления парламентского режима военные отводили СРК чисто военную роль.

Трудно представить, чтобы Свободные офицеры, отводившие себе роль охранителей нового режима, могли оказаться вне политики, хотя сами они полностью отрицали наличие у них какого-либо намерения вмешательства в политические дела. Но есть данные об имевшемся решении Центрального комитета Свободных офицеров, в котором говорилось, что после свержения монархии высшая исполнительная власть.должна была перейти к военным[109].

При обсуждении программы были затронуты важнейшие внутри- и внешнеполитические проблемы Ирака, в центре которых находились экономическая и социальная сферы страны, взаимоотношения Ирака с арабским миром и прежде всего подход к союзу с ОАР, а также выбор курса в системе международных отношениях в целом. Обсуждение этих вопросов носило самый общий характер и не со-

провождалось принятием по ним конкретных решений. Общие положения, закрепленные в Национальном пакте, подлежали дальнейшему развитию после ликвидации монархического режима.

Первостепенной задачей Центрального комитета было осуществление успешного государственного переворота, однако на начало 1958 г. у него не было не только тщательно разработанного конкретного плана действий, но даже ни одного проекта, который обеспечивал хотя бы минимальный шанс на успех. Вместе с тем складывавшаяся на тот момент ситуация в Ираке и в целом в ближневосточном регионе требовали от военных решительных действий. К середине 1958 г. руководство «Свободных офицеров» пришло к выводу о необходимости принятия окончательного плана и конкретизации времени осуществления переворота, поскольку затягивание революционного выступления грозило его полным провалом: слухи о замысле военных уже циркулировали и в гражданских и армейских кругах[110]. К этому времени наибольшую активность проявляли Касем и Ареф, ими принимались некоторые решения, о которых не знали другие члены руководства. Такая ситуация была обусловлена самим характером организации Свободные офицеры, определявшимся рядом факторов, что уже отмечалось выше. Во-первых, в ней так и не было создано единого четко оформленного руководства. Касем был известен только как лидер Центральной группы, но не как руководитель всего движения Свободных офицеров. Главное же заключалось в несовпадении мнений у руководителей отдельных групп офицеров. Каждый из лидеров имел своих собственных сторонников и при этом стремился привлечь на свою сторону других. Эта конкуренция между ведущими лидерами отчетливо проявилась в 1958 г. в отсутствии согласия между ними по таким ключевым вопросам, как сущность переворота и время его проведения. Одной из причин этого было стремление лидеров групп быть руководителем революционного переворота и не позволить другим оказаться в этом качестве. Примером может служить несостоявшееся запланированное на 12 мая 1958 г. выступление на юге страны под руководством командующего бригадой в Басре Ахмеда Мухаммеда Яхья, которого должна была поддержать багдадская группа во главе с полковником Аш-Шаввафом. Но акция не состоялась ни в Басре, ни в Багдаде. Сказа-

лись разногласия между руководителями, а также вмешательство Касема: он отговорил Аш-Шаввафа от выступления, поскольку не хотел допустить к лидерству эту достаточно сильную и влиятельную личность. Борьба за лидерство этих двух офицеров открыто проявилась после революции, в марте 1959 г., когда Шавваф попытался совершить контрреволюционный переворот[111]. Известны и другие нереализованные планы заговоров.

Летом 1958 г. в стране сложились реальные предпосылки для свержения феодально-монархического режима и захвата власти национально-патриотическими силами. Катализатором политических событий в Ираке послужила подготовка к интервенции в Ливан для оказания поддержки реакционному режиму президента Шамуна, начатая в июне-июле 1958 г. членами Багдадского пакта и США. Главную роль в интервенции против Ливана должен был сыграть Ирак. 15 июля в Стамбуле намечалось открытие совещания членов Багдадского пакта, на котором предполагалось принять окончательное решение об интервенции.

Ускорению выступления военных способствовал случай. 1 июля 1958 г. появился приказ генерального штаба Ирака о направлении 20–й бригады, располагавшейся к северо-востоку от Багдада, в Иорданию для «усиления, – как говорилось в приказе, – иорданской армии от грозящей этой стране опасности со стороны Израиля», а на деле – для подавления антишамуновской борьбы ливанского народа. Такой же приказ начальника генерального штаба генерала Рафика Арефа получил и Касем.

Между командирами 20–й и 19-й бригад 3-й дивизии Абдель Салямом Арефом и Абдель Керимом Касемом была достигнута договоренность о совместных действиях. 4 июля Касем прибыл в Багдад, провел совещание Центрального комитета, на котором из 14 присутствовало 7 членов. Здесь было принято решение о выступлении 14 июля. Готовившуюся операцию назвали «Операция Садр» (после революции ее переименовали в «Операцию 14 июля»).

Приказ о выдвижении в сторону Иордании в ночь с 13 на 14 июля 1958 г. получили командиры обеих бригад. Направляясь к западной границе, войска должны были пройти близ Багдада. Благоприятно складывавшаяся ситуация предоставляла военным шанс, кото-

рым и воспользовались Абдель Керим Касем и Абдель Салям Ареф. В срочном порядке они наметили свой собственный план, который фактически закреплял их лидерство в революционном движении. Времени на детальную разработку Операции Садр и составление обращения к народу после осуществления переворота было очень мало. Подготовленная программа действий включала в себя конкретные задачи воинским подразделениям и их командирам из числа Свободных офицеров по быстрому установлению контроля над важнейшими объектами столицы и всеми районами Багдада. В ночь накануне выступления Касем и Ареф наметили состав нового правительства, в который они включили некоторых из кандидатов, предлагавшихся на совещаниях Центрального комитета, но далее Касем и Ареф самостоятельно, без дополнительных консультаций пополнили список членов нового кабинета своими сторонниками. Такие действия Касема и Арефа определялись прежде всего необходимостью соблюсти конспирацию и наметить в кратчайшее время детали выступления, что исключало возможность их предварительного обсуждения с членами Центрального комитета. Но эта тенденция единоличного, а не коллективного, как предполагалось Свободными офицерами, принятия решения стала превалирующей и после революции, что вылилось в итоге в серьезное личное противостояние участников революционного движения.

На рассвете 14 июля 1958 г., войска, снабженные вопреки иракским правилам боеприпасами, по приказу Абдель Саляма Арефа начали движение на Багдад, заняли стратегические пункты города, включая радиостанцию, которую Ареф превратил в свой штаб и откуда он оповестил народ Ирака о победе революции («Это ваша революция!»), о свержении королевского режима, провозгласил Ирак республикой и призвал народ к поддержке революции. Король Фейсал II, регент Абдул Иллях, другие члены королевской семьи были расстреляны. Огонь по ним открыл молодой капитан, не являвшийся членом «Свободных офицеров», но к нему присоединились и другие участники событий. Осталось неясным, было ли убийство королевской семьи исполнением приказа руководителей заговора, или этот акт стал результатом той неразберихи, которая возникла в какой-то момент. «Вечный премьер» Нури Саид сумел скрыться. За его поим-

ку были обещаны 10 тыс. и.д. 15 июля он был обнаружен и убит. Смерть Нури Саида означала полный успех военного переворота. Гибель королевской семьи похоронила какие-либо надежды на восстановление монархии. Одновременно с ликвидацией королевской власти прекратило свою деятельность правительство, обе палаты парламента, службы гражданского управления, полиции и безопасности.

По намеченному плану переворота Касем находился в военном лагере Микдадийя, близ Багдада. На момент взятия Арефом столицы Касем принял на себя верховное командование революционными силами, которые должны были оказать немедленную поддержку заговорщикам в случае грозившего им контрреволюционного выступления. Заявление Арефа Касем услышал по радио, когда направлялся во главе своих войск в Багдад. Поздравляя своего друга с успешным взятием столицы, Касем испытал горькое чувство зависти к своим более молодым соратникам: это им, а не ему, считавшему себя героем революции, досталась честь первыми войти в Багдад. Этот момент самым серьезным образом повлиял на взаимоотношения двух столь значительных фигур июльской революции, ее фактических творцов – Касема и Арефа, став причиной охлаждения в их отношениях, переросшего вскоре в откровенно враждебные.

Совершенный военными государственный переворот ликвидировал в Ираке реакционный монархический режим, что создавало реальные предпосылки для осуществления самых насущных внутри- и внешнеполитических проблем страны, намеченных в программах Свободных офицеров и ФНЕ. От новой власти ожидали обеспечения Ираку подлинного суверенитета и достойного места в международном сообществе, преодоления экономической отсталости с упором на развитие промышленности и освобождаемого от феодальных пут сельского хозяйства, решения социально-культурных задач. Ирак стоял на пороге антифеодальной, буржуазно-демократической революции. По призыву политических партий Фронта национального единства антимонархический переворот был поддержан широкими массами иракского народа. События середины июля 1958 г. и в Ираке и за его пределами были названы революцией. Иракская компартия дала ей такую оценку: «По своему политическому и социально-

му содержанию, по составу участвовавших в ней сил иракская революция была национально-демократической. Она всколыхнула всю страну, привела в движение рабочих, крестьян, солдат, офицеров, революционную интеллигенцию, молодежь и студентов, женщин и другие народные группы среди арабов, курдов и национальных меньшинств»[112].

Переворот 14 июля воспринимался демократическими силами Ирака как важнейшая политическая предпосылка вступления страны на путь обновления. Однако на том этапе ожиданиям этим не суждено было сбыться. В целом движение Ирака по пути модернизации оказалось трудным, извилистым, затянувшимся на десятилетия, были в нем взлеты и падения, а в итоге через полвека страна оказалась в состоянии глубокой гуманитарной катастрофы. Но до этого было еще далеко. Июльская революция рождала у иракцев надежды на лучшую жизнь.

ГЛАВА 5

ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ. ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ КАСЕМА (июль 1958 – февраль 1963 г.)

5.1. Политическая ситуация в Ираке в первый год Революции

Быстрое, успешное и практически бескровное осуществление государственного переворота (убитых насчитывалось 19 человек)[1], ликвидация монархии и устранение главных фигурантов старого режима – все это оказалось большой неожиданностью не только для иракцев, региональных государств, лидеров стран Запада, но в известной мере и для самих организаторов этого политического акта.

Перед новыми лидерами встал огромный, многоаспектный комплекс проблем, требовавших неотложного решения. Ключевое место, среди них занимал вопрос об организации власти. Руководители переворота стремились придать законность предпринимавшимся ими действиям. В первые же часы после свержения старого режима 14 июля был издан ряд декретов, закреплявших новую структуру властных органов.

Было объявлено о создании Президентского совета, в состав которого вошли суннит генерал-лейтенант Наджиб ар-Рубайи в качестве его председателя и два члена – шиит Мухаммед Махди Кубба и курд Халид ан-Накшбанди. За подписью членов этого совета появился декрет о назначении Абдель Керима Касема командующим национальными вооруженными силами, а Абдель Саляма Арефа – его заместителем. Касем становился также премьер-министром пер-

вого республиканского правительства и министром обороны, а Ареф – заместителем премьера и министром внутренних дел, под контроль которого были поставлены полиция и служба безопасности. По рекомендации Касема офицеры заняли ключевые армейские посты, высшие должности в министерстве обороны, они же были назначены руководителями гражданских ведомств, включая полицию и дипломатическую службу.

В тот же день, 14 июля, в Ираке было введено военное положение, вновь назначенный главой генерального штаба генерал Ахмед Салих аль-Абди стал военным генерал-губернатором. В стране устанавливалась «временно» «чисто военная» администрация, контроль над которой надлежало осуществлять генерал-губернатору. По его усмотрению могло быть приостановлено исполнение любого закона. Таким образом, в Ираке проявилась закономерность, присущая многим другим странам: однажды вмешавшись в политическую сферу, военные, получив в свои руки власть, выпускать ее и делить с гражданскими политиками уже не хотят.

В первое республиканское правительство, состав которого был определен лично Касемом за несколько дней до переворота[2] вошли три члена организации Свободные офицеры – Абдель Керим Касем, Абдель Салям Ареф и назначенный на второстепенный пост министра социальных дел один из активных участников Свободных офицеров Наджи Талеб. Последнее назначение можно рассматривать как начало политики постепенного отстранения от власти даже ближайших сподвижников Касема по июльской революции. Остальные десять министерских постов распределились среди представителей политических партий, входивших во ФНЕ, за исключением компартии, и беспартийными. Однако ни одно из гражданских лиц не заняло политически значимого места в руководстве[3].

С формальной точки зрения сформированное правительство выглядело как коалиционное, на деле же оно таковым не было. Представленные в нем различные политические группировки объединяло лишь одно – оппозиция прежнему режиму, готовность бороться против ненавистной клики Нури, но у них не было единой конструктивной программы, которая могла бы сохранить и упрочить их взаимодействие после победы революции. Не было единства мнений среди

членов Центрального комитета по вопросу участия во власти гражданских политиков. Более того, Касем и Ареф, позиционировавшие себя как лидеры революции, не хотели уступать эти лавры гражданским. К тому же каждый из этих двух лидеров претендовал на главенство в революции. Их амбициозные устремления сказались и на судьбе планировавшегося Центральным комитетом Свободных офицеров Революционного совета (РС), который так и не был создан. Попытки некоторых членов Комитета побудить Касема выполнить принятое ранее решение по этому вопросу успеха не имели. Ответственность за это Касем пытался возложить на Арефа. По поводу причин невыполнения коллективного решения Свободных офицеров о создании РС имелись разные высказывания. Главное, представляется, заключалось в том, что Касем твердо определил для себя роль единственного лидера революции, и коллективный орган в виде Совета Революции (СР), с позициями которого неизбежно следовало бы считаться, ему не был нужен. При этом необходимо также принимать во внимание и ту сложную постреволюционную обстановку в Ираке, которая требовала подчас быстрого принятия решения по какому-либо конкретному вопросу, что было практически недостижимо в рамках намечавшегося СР. Ранее уже указывалось на большой разброс идейно-политических взглядов членов Центрального комитета. Такая ситуация очевидно не сулила достижения быстрого согласованного решения по насущным вопросам. Об этом говорит, например, Абдель Ваххаб Амин, один из лидеров Свободных офицеров, считавший, что «формирование Совета (СР) неизбежно повлекло бы за собой разногласия». Автор фундаментального исследования ситуации в Ираке при Касеме Уриэль Данн полагает, что в подходе к этому вопросу Касем впервые после его прихода к власти «проявил себя как искусный мастер манипуляции»[4].

Однако военные очень нуждались в поддержке. По призыву политических партий уже в первый день переворота тысячи граждан заполнили улицы Багдада и других городов страны. Они приветствовали свержение режима хашимитской монархии и их британских покровителей. Масштабность народных выступлений отрезвляюще подействовала на тех, кто, как в самом Ираке, так и за его пределами, готов был вмешаться с целью восстановления прежнего режима.

Но одновременно массовые демонстрации вызвали обеспокоенность и у самих захвативших власть Свободных офицеров, поспешивших принять меры по ограничению активности масс установлением комендантского часа и введением военного положения.

Попытки политических партий направить народную поддержку в более конструктивное русло наталкивались на противодействие новой правящей элиты. Так, когда по инициативе компартии были созданы отряды народного сопротивления и комитеты защиты республики, Касем поспешил поставить их под собственный контроль.

Республиканское правительство получило поддержку курдов. Демократическая партия Курдистана в своем заявлении 16 июля 1958 г. приветствовала революцию и выражала надежду, что новое правительство создаст условия для свободного и равноправного развития всех народов, населяющих Ирак[5].

Революционная власть испытывала острую потребность в законодательном закреплении достигнутых успехов. 14 июля 1958 г. была аннулирована монархическая конституция Ирака, и уже 26 июля правительство провозгласило временную конституцию Иракской республики, которая, как говорилось в преамбуле, «должна была оставаться в силе в течение переходного периода до замены ее постоянной конституцией, одобренной всенародным референдумом»[6].

Временная конституция провозглашала Ирак «независимой и суверенной республикой», «частью арабской нации», ислам признавался государственной религией. Народ объявлялся источником власти, декларировалось равенство всех граждан страны перед законом, имеющих одинаковые права и обязанности независимо от расы, происхождения, религии, языка и убеждений. Гарантировалась свобода мнений, личности, неприкосновенность жилища и частной собственности (допускалось отчуждение земли за компенсацию). Впервые равные права с мужчинами предоставлялись женщинам Ирака. И также впервые в истории страны конституция провозгласила равенство курдов с арабами. «Иракское общество, – говорилось в ст. 3, – основано на взаимном сотрудничестве между всеми его гражданами, уважении их прав и защите их свободы. Арабы и курды рассматриваются как партнеры в этой стране и их национальные права в рамках единого Ирака признаются конституцией»[7].

Законодательная и исполнительная власть по конституции сосредоточивалась в руках Совета министров. В условиях, когда все ключевые властные позиции оказались в руках военных во главе с Абдель Керимом Касемом и Абдель Салямом Арефом, а в конституции отсутствовало определение сроков «переходного периода», тем самым была создана законодательная база для утверждения в Ираке диктаторского режима, превращавшего власть премьера Касема в бессрочную[8].

На начальном этапе революции ее лидерам нужна была поддержка гражданских политиков. Политические партии, включая ИКП, хотя формально и не легализованные, действовали открыто, свободно издавали свои газеты. Вышли из подполья массовые общественные и профессиональные организации, крестьянские союзы. Однако их свободная деятельность продолжалась недолго: вскоре был установлен порядок, при котором все подобные организации должны были получить официальное одобрение властей, т.е. они должны были войти в русло той системы безоговорочного контроля и патронимии, которую выстраивал Касем.

Абдель Керим Касем, кадровый военный, был типичным представителем иракской военной касты с присущими ей консерватизмом, антидемократизмом и антикоммунизмом. Человек весьма ограниченных взглядов, не обладавший особыми способностями государственного и политического деятеля, Касем сразу после революции обнаружил стремление к установлению личной власти, что определило и общее направление его внутренней политики: сохранение почти в неприкосновенности прежнего руководства в армии и государственном аппарате, препятствие усилению политических организаций любого направления, лавирование между различными социально-политическими и этноконфессиональными группами иракского общества. Иракские коммунисты так оценивали Касема: «…не будучи сам классическим представителем национальной буржуазии, Касем с самого начала отражал ее интересы, как класса в целом». Такую оценку не следует воспринимать буквально. Вряд ли можно говорить об иракской буржуазии как едином классе. К середине XX в. буржуазия Ирака была представлена слабыми, разобщенными в силу пестроты структуры самого иракского общества и

зависимыми от внешних сил группировками, действовавшими в той или иной сфере экономики страны. Особенности характера этих группировок, история их формирования обусловили и серьезные расхождения в их интересах, в их внутренних и внешних ориентациях. Свержение монархии и ликвидация клики Нури Саида – Абдул Иляха воспринималась в буржуазных кругах, включая их верхние слои, как важнейшая предпосылка для достижения собственных целей, чему объективно могло способствовать осуществление задач антиимпериалистической и антифеодальной иракской революции. Но любые намечавшиеся преобразования, по мнению представителей наиболее сильных и влиятельных кругов иракской буржуазии, должны были ограничиваться лишь теми пределами, которые отвечали их интересам. Такой подход заведомо содержал в себе глубокие противоречия, создававшие непреодолимые препятствия на пути реформирования Ирака, что довольно скоро стало реалиями общественно-политической жизни страны.

Осуществленный 14 июля 1958 г. сверху ограниченной группой военных государственный переворот имел ту особенность, что он пробудил к активной политической деятельности широкие народные массы. Новой власти была крайне необходима демонстрация всенародной поддержки, постоянно обеспечивать которую была призвана созданная гражданская милиция, организация, опиравшаяся на народные массы за счет привлечения к своей деятельности добровольцев. С самого начала Касем использовал этот орган в качестве инструмента против политических оппозиционеров[9].

Большую работу по активизации масс вели компартия и другие демократические силы Ирака. Под давлением и при поддержке демократических партий и организаций, руководствуясь при этом целью укрепления формировавшегося политического режима, правительство Касема в первый год существования республики (июль 1958 – июнь 1959) добилось наибольших успехов во внутренней и внешней политике.

Основные усилия новые власти в течение июля–августа 1958 г. направляли на укрепление своих позиций, чему способствовали такие меры, как отмена решений монархического режима, в соответствии с которыми десятки и сотни тысяч иракцев находились в тюрь-

мах, были лишены иракского гражданства и подверглись вынужденной эмиграции. Из тюрем были освобождены политические заключенные, получили амнистию и разрешение вернуться на родину участники курдского национального восстания 1943–1945 гг. во главе со своим вождем Мустафой Барзани.

Продолжались также весьма неоднозначные по своему характеру и последствиям действия по выкорчевыванию элементов старой системы. Еще в день переворота было объявлено о смещении со своих постов всех армейских офицеров, имевших звание выше того, который был у Абдель Керима Касема, т.е. генеральского. В июле-августе 1958 г. к ним добавились еще 112 армейских офицеров, большинство из которых очень скоро оказались на высоких постах в гражданской сфере[10]. Тогда же были смещены 45 высокопоставленных лиц службы безопасности и связанных с нею подразделений, во главе которых стоял Бахджат аль-Атыйя, главнокомандующий королевской службы безопасности[11].

7 августа 1958 г. в соответствии с «Законом о наказании заговорщиков, угрожавших безопасности Родины, и коррупционеров в правительстве» был учрежден Специальный Верховный Военный Суд под председательством полковника Фадыля Аббаса аль-Махдауи, не имевшего специального юридического образования, но являвшегося кузеном Касема. Одним из пяти назначенных судей был подполковник Маджид Мухаммад Амин, профессиональный юрист, кадровый офицер инженерного корпуса, который выполнял в суде функцию генерального прокурора[12]. По своему содержанию «Закон о наказании…» находился в явном противоречии с положениями Временной конституции. В нем еще более отчетливо проступал военный характер создававшегося режима. В этом законе были, например, статьи, дававшие право привлекать к судебной ответственности за проступки, совершенные при прежнем режиме, т.е. в то время, когда подобные деяния не подлежали наказанию в судебном порядке.

Суд Махдауи действовал с августа 1958 до конца марта 1959 гг. В его задачу входило осуждение наиболее видных фигур монархического режима, а также врагов революции, гражданских, но больше

военных, в том числе бывших сторонников Касема, в дальнейшем выступивших против него.

Специальный Суд не был судом, действовавшим на основе закона. Его правильнее назвать неким публичным форумом, где люди могли дать выход своим накопившимся эмоциям. Поэтому все происходившее тогда в рамках этого Специального органа называли и «театром комедий», и «цирком», и даже «гильотиной для врагов революции, куда они отправлялись для получения наказания при отсутствии процессуального закона»[13].

Особый акцент в законе был сделан на подходе суда к акциям, направленным «против арабских сестер» (под которыми подразумевалась прежде всего Арабская Объединенная Республика). Заговоры, таившие в себе угрозу безопасности конкретной арабской стране, или распространение ложных сведений о ее главе карались более сурово, чем преступления против гражданина Ирака.

Специальный Верховный Военный суд был учрежден поспешно, без учета тех положений, которые содержались, в частности, в Республиканском декрете от 21 июля[14]. Многие разделы закона о создании этого судебного органа отразили непрофессионализм его творцов. С министерством юстиции, чья подпись оказалась среди авторов закона, никогда не обсуждались законопроекты, принимавшие затем силу закона.

Первый этап работы Верховного Военного суда Ирака проходил внешне с соблюдением основных норм судебного процесса, близкого к западным традициям «справедливости». Подсудимый имел право на защиту, ему предоставлялось слово во время слушания. Председатель проявлял к подсудимым достаточную вежливость. В целом суду были приданы соответствующее декоративное прикрытие и порядок. На этом этапе ни один из девяти вынесенных смертных приговоров не был приведен в исполнение.

В первый год республики, кроме политической структуры, преобразования затронули также экономическую, социальную и культурную области жизни страны. В сфере экономики новые власти сразу же предприняли ряд мер в ключевом для Ирака аграрном вопросе, разрабатывались также программы промышленного и соци-

ального развития, направленные прежде всего на улучшение условий жизни самых низких категорий иракского населения.

Сразу после июльского переворота республиканская власть столкнулась с огромным комплексом задач, требовавших мобилизации имевшихся у страны ресурсов, рационального подхода к выстраиванию линии во внутренней и внешней политике, что могло обретать реальные черты лишь при наличии единства и сплоченности внутри самой правящей коалиции. Однако именно этого определяющего условия и не было в рядах сил, участвовавших в свержении монархии. Ситуация, возникшая после переворота 14 июля, характеризуется развернувшейся острой борьбой за власть, что наложило, естественно, отпечаток на все иные сферы общественной жизни Ирака особенно в первый год существования республики. И хотя была декларирована аграрная реформа, намечались программы промышленного и социального развития, направленные на улучшение жизни самых низших категорий иракского населения, реализация этих планов сдерживалась складывавшейся политической ситуацией в стране.

5.2. Ориентация правительства Касема на модернизацию страны

Проблема радикальной перестройки всего общественного уклада Ирака, его экономической и социальной систем была объективной задачей пришедших к власти новых политиков. Ключевым звеном этой многоаспектной пароблемы, ожидавшим безотлагательного решения, был аграрный вопрос. До революции аграрный строй Ирака основывался на феодальной системе землевладения и арендном землепользовании. Из 4,5 млн иракских крестьян (более 70% населения) около 1,5 млн человек не имели земли совсем[15]. Землевладельцы, составлявшие 1% населения, сосредоточивали в своих руках 75% лучших пахотных земель. Безработица охватывала 40% сельского населения[16]. Без ломки существовавших аграрных отношений невозможен был прогресс в экономической и социальной

сферах Ирака, ликвидация вековой отсталости, а также укрепление политического суверенитета страны.

Первые шаги республиканского правительства, еще до принятия закона об аграрной реформе, свидетельствовали о его намерении изменить положение в сельском хозяйстве и освободить крестьян от безраздельной власти над ними феодалов. Статья 14 Временной конституции зафиксировала положение об «ограничении и регулировании сельскохозяйсвенной собственности»[17]. 27 июля 1958 г. Совет министров Ирака отменил действие закона о племенах, введенного в 1918 г. По этому закону глава племени вершил все гражданские и уголовные дела членов племени. На его основе решались в пользу феодалов также все земельные вопросы[18].

5 августа 1958 г. правительство издало распоряжение о порядке раздела урожая между землевладельцем и крестьянином-арендатором, по которому доля арендатора не должна быть менее 50% урожая. Был издан декрет о конфискации земель бывшей королевской фамилии. Общая площадь земель, принадлежавших Фейсалу, Абдул Илаху и другим членам этой «династии узурпаторов», равнялась накануне революции 177596 дунамам лучших земель[19] (1 иракский дунам равен 0,25 га).

30 сентября 1958 г. был издан закон об аграрной реформе[20], по которому размер землевладения ограничивался 1000 дунамов поливных и 2000 дунамов богарных земель. Излишки земли подлежали конфискации и распределению среди безземельных и малоземельных крестьян участками в 30–60 и 60–120 дунамов соответственно за выкуп в течение 20 лет. Предусматривалось кооперирование получивших землю крестьян. Закон содержал много недостатков, существенным из которых было установление высоких предельных норм владения землей, что даже при последовательном его проведении в жизнь могло несколько ограничить, но не ликвидировать феодальные отношения в деревне. Весьма ограниченный характер закона об аграрной реформе не мог сколь-либо существенно повлиять на экономическую ситуацию в стране. Да он и не ставил такую задачу: его направленность политическая: закон должен был подорвать властные позиции всемогущей земельной олигархии. Компартия Ирака, ДПК, созданные крестьянские союзы, несмотря на все несовершен-

ство закона, выступали тем не менее за ускорение проведения в жизнь аграрной реформы, настаивая при этом на снижении предельных норм землевладения, за уменьшение, а для некоторых категорий крестьян и полную отмену выплаты компенсации за получаемую землю. Забегая вперед, следует отметить, что аграрный закон от 30 сентября 1958 г. так и не был реализован.

Правительство разрабатывало также планы промышленного развития с упором на использование национальных природных ресурсов, прежде всего нефти, что означало вступление в переговоры с всемогущим «государством в государстве» концерном «Ирак петролеум компани».

Осуществление провозглашенных программ наталкивалось на огромные трудности, связанные как со сложностью самой проблемы созидания новой государственности, так и с тем, что первый год революции стал периодом острейшей политической борьбы, в которой нашли свое проявление характерные черты политического руководства, возглавившего центральные и местные органы власти Иракской республики. Кабинет министров был сформирован на основе не профессионального, а политического подхода. По этому же принципу были подобраны кандидаты на высшие политические должности. Ставя задачу ликвидации прогнившего коррумпированного старого режима, полного выкорчевывания его основ, творцы иракской революции очень скоро убедились в невозможности сиюминутного достижения этой цели: повседневные дела государства требовали бесперебойного функционирования административной и финансовой систем, что означало сохранение занятых в этих ведомствах прежних кадров со всеми присущими им «недугами».

Попытки революционной власти окончательно порвать с прошлым сопровождались на начальной стадии существования республики анархией и параличом в структуре государственного управления. Борьба с коррупцией и «очищение» чиновничьих рядов от «нелояльных» к новой власти элементов имели своим следствием увольнение большого отряда квалифицированных служащих. В итоге многие департаменты из-за отсутствия персонала практически прекратили работу. Попытки заполнить вакансии молодыми не-

опытными работниками, равно как призывы к прежним служащим вернуться на свои места, успеха не имели[21].

Предпринимавшиеся республиканским правительством меры созидательного характера встретили довольно жесткое противодействие со стороны консолидировавшей свои ряды реакции, представленной силами свергнутого монархического режима и его социальной опоры. Ситуация усугублялась также тем, что с первых же дней существования Республики в оппозицию к Касему встали некоторые видные политические гражданские и военные деятели и группировки, принявшие активное участие в революции, но, оттесненные от реального участия во власти, они затем отказались от сотрудничества с новым режимом.

Отсутствие единства в рядах Свободных офицеров Ирака, фракционность этой организации обусловили серьезные расхождения в подходах военных к важнейшим внутри – и внешнеполитическим проблемам. К тому же на страну продолжали оказывать непрерывное давление США и Англия, все еще надеявшиеся восстановить в Ираке прежние порядки. В такой обстановке особенно большое значение приобретало укрепление солидарности Ирака с арабскими государствами, в первую очередь с Объединенной Арабской Республикой (в составе Египта и Сирии), добившейся наибольших успехов в укреплении своего национального суверенитета. Вопрос о формах, в которых могло произойти объединение Ирака с ОАР, явился ареной острой политической борьбы в Ираке. Поскольку призыв к арабскому единству был одним из лозунгов иракской революции, то с ее победой сторонники идеи панарабизма, опасавшиеся возможного иностранного вторжения в Ирак, потребовали от руководства немедленного присоединения Ирака к Объединенной Арабской Республике.

Естественное стремление арабских народов укреплять свои усилия для достижения подлинной независимости и социального прогресса эксплуатировалось отдельными социальными и политическими группами арабских стран в целях достижения своих узкоклассовых интересов. Путем объединения арабские государственные руководители надеялись утвердить свое лидерство в арабском мире, а политические партии питали надежду играть руководящую роль в

объединенном государстве. В конкретных условиях второй половины 1958 г. речь шла об объединении Египта, Сирии и Ирака, где за лидерство могли бороться Насер, Ареф и Касем, причем у последнего, в силу его личных качеств, было мало шансов на успех, а единственной политической партией, да к тому же общеарабской, как она себя называет, была Партия арабского социалистического возрождения, рассчитывавшая стать главенствующей политической силой во всех трех странах. Лидеры партии Баас в Ираке стояли за немедленное объединение Ирака с ОАР.

Компартия, признавая значимость единства как силы, укрепляющей арабское национальное движение, сразу после революции выдвинула лозунг присоединения Ирака на федеральных началах к ОАР[22], поскольку в тот момент между двумя братскими странами, как отмечала компартия, имелись «признаки относительного сотрудничества»[23]. Однако при этом иракские коммунисты подчеркивали, что, в силу имеющихся расхождений в исторических судьбах, арабские страны различаются между собой положением в экономике, социальном устройстве, политической и государственной организации[24]. А, следовательно, к проблеме единства арабов нельзя подходить без учета этих факторов. Процесс объединения арабов, указывала компартия Ирака, является сложным процессом, подчиняющимся своим законам и условиям, и подходить к его решению надо объективно[25]. Форма единства двух или более арабских стран должна определяться на основе сложившихся предпосылок. «Пренебрежение этой истиной и упрямая поддержка лозунга немедленного и полного единства, считая его единственно правильным лозунгом, является не чем иным, как спесью и невежеством», – подчеркивали коммунисты.

Летом и осенью 1958 г. возможность объединения Ирака с ОАР казалась вполне реальной. Одним из ревностных сторонников такого союза был тесно связанный с партией Баас полковник Абдель Салям Ареф[26].

Касем был более сдержан в подходе к этому вопросу. Расхождения во взглядах обоих лидеров в отношении союза с Египтом очень скоро вылились в их открытое противостояние, сопровождавшееся

действиями, весьма неожиданными не только для близко знавших Касема и Арефа людей.

Соперничество в борьбе за власть между двумя столь близкими людьми, какими были Касем и Ареф, проявилось с момента государственного переворота 14 июля 1958 г., хотя вначале оно не носило ярко выраженного характера. Ареф, занявший Багдад, объявивший по радио о свержении монархии и провозгласивший Ирак республикой, полагал, что у него есть достаточно оснований быть фигурой № 1 в революции. В последующие дни он разъезжал по стране, выступал на многотысячных митингах, доходчиво и эмоционально разъяснял суть революции, ее цели, перспективы. Стержнем всех его выступлений была проблема единства с ОАР. Обладая искусством оратора, Ареф увлекал за собой массы (в чем он значительно превосходил Касема). Популярность его стремительно росла. В Ираке Ареф стал восприниматься как «лидер № 1». В глазах панарабистов Ареф все больше становился «Насером Иракской революции»[27]. Активно ратуя за арабское единство, за немедленное присоединение к ОАР, возглавлявшейся главным героем всех арабов Гамалем Насером, Ареф рассчитывал использовать столь популярный во всем арабском мире лозунг единства как важный инструмент в своей борьбе за власть. При этом он полагал, как оказалось ошибочно, что подавляющая часть Свободных офицеров поддержит его, а далее опора на эту массовую поддержку привлечет на его сторону многих других высокопоставленных военных, что, как рассчитывал Ареф, позволит ему отстранить Касема и стать главным лидером страны. С этими своими планами Ареф ни с кем не делился и не обсуждал их; к его несчастью, не знал он и реального соотношения между панарабистами и их оппонентами. В итоге его замыслам не суждено было осуществиться.

Касем, в свою очередь, вовсе не намеревался уступать кому-либо свое первенство в революции, но поначалу он спокойно воспринимал активность своего близкого друга, соратника по революционной борьбе. Эпизодом, приведшим к резкому обострению отношений между Касемом и Арефом, послужили высказывания Арефа во время его поездки в Сирию. 19 июля Ареф, прибыв во главе иракской делегации в Дамаск для переговоров с Насером об оказа-

нии поддержки Ираку в случае возможного выступления контрреволюционных сил и/или иностранной интервенции, вел также конфиденциальные переговоры с Насером о скором присоединении Ирака к ОАР. В этом союзе Ареф рассчитывал занять место рядом с Насером. Касему в этом тройственном союзе отводилась ничего не значащая представительская роль (по египетскому образцу генерала Мухаммеда аль-Нагиба, временного президента, смещенного с этого поста Насером). Высказывания Арефа тут же дошли до Касема, повергнув его в состояние шока: человек, которого он считал наиболее преданным, превратился сразу в его самого главного противника[28].

Касем, будучи сам арабским националистом, поддерживал идею единства арабов, он выступал за улучшение отношений между арабскими странами, допускал вступление со временем Ирака в федеративный союз с ОАР, но он никогда бы не согласился поступиться суверенными правами Ирака. К тому же в 1958 г. идеология панарабизма ассоциировалась с ролью Насера как Вождя арабского единства, что не оставляло места для какого-либо иного лидера, равного ему.

Брошенный Арефом вызов лидерству Касема, его призыв к ускорению присоединения к союзу с ОАР заставили Касема принять соответствующие меры. Он постарался консолидировать силы, не поддерживавшие идею немедленного объединения Ирака с Египтом и Сирией. Изначально задавшийся целью установления в стране личного господства, Касем умело манипулировал складывавшейся ситуацией, чем обеспечивал себе успех в развертывавшейся борьбе за власть. После демарша Арефа он не только постарался укрепить и расширить свои позиции в офицерской среде, но пошел на сближение с теми политическими силами, которые придерживались более реалистичных, а не конъюнктурных, как у Арефа, принципов достижения арабского единства. На таких позициях стояла Иракская компартия, что способствовало на тот момент сближению между Касемом и ИКП.

Летом 1958 г. ИКП организовывала демонстрации в поддержку Касема, выступая против немедленного присоединения Ирака к союзу с Египтом и Сирией.

Аналогичного подхода в этом вопросе придерживалась и Демократическая партия Курдистана, для которой проблема вхождения Ирака в любое расширенное арабское образование имела особую значимость, поскольку в этом случае немедленно вставал вопрос о месте и статусе курдов в составе объединенного арабского государства. В заявлении, сделанном ДПК в этой связи, отмечалось, что правильнее было бы не спешить ни с планом федерального союза, ни тем более с планом единства между Ираком и ОАР. Для разработки таких планов требуется тщательное изучение проблемы, проведение многих предварительных мер, а также выяснение мнения иракского народа[29].

Касем предпринял меры по ослаблению позиций Арефа в армейской среде. Со своих постов были смещены активные панарабисты и заменены офицерами, разделявшими подходы иракских коммунистов к межарабским отношениям. Касем стал чаще появляться на публике, он затрагивал в своих выступлениях многие, в том числе социальные проблемы, обещал, в частности, повышение окладов госслужащим, школьным учителям, военным. Эти популистские заявления укрепляли позиции Касема, увеличивали круг его сторонников.

Ареф на словах пытался убедить Касема в своей лояльности, но при этом предпринимавшиеся им действия явно свидетельствовали о продолжавшейся борьбе за власть. Ответом Касема было смещение Арефа с постов заместителя командующего войсками, заместителя премьер-министра и министра внутренних дел и назначение его на должность посла в Федеративной Республике Германия. Ареф этого назначения не принял, он отказывался выехать в Бонн. 11 октября в офисе Касема присутствавшие там начальник штаба Ахмад Салих Абди и несколько офицеров, включая губернатора Кербелы Фуада Арефа, пытались убедить Арефа принять назначение его послом, но успеха не добились. Переговоры затягивались, и в один из моментов Фуад Ареф, заметив в руке Абдель Саляма Арефа револьвер, сумел быстрым движением выхватить его. Касем оценил ситуацию как намерение убить его. Ареф это обвинение отверг, заявив о своем желании покончить жизнь самоубийством. Оказавшись в безвыходном положении, Ареф был вынужден согласиться с дипломатическим

назначением. Но до Бонна он так и не долетел и через три недели возвратился в Багдад, по слухам, с намерением совершить государственный переворот. 5 декабря 1958 г. Ареф был арестован и передан Верховному Военному суду. Арест Арефа нанес удар по иракской партии Баас. Баас полностью отказалась от сотрудничества с другими политическими партиями в рамках Фронта Национального Единства и встала на путь заговорщической деятельности.

С 27 декабря 1958 г. до 5 февраля 1959 г. проходил судебный процесс над Арефом. Подсудимому были предъявлены обвинения в попытке совершить 11 октября покушение на Лидера страны, а также в его якобы причастности к событиям начала декабря (неудавшемуся заговору феодальной реакции. См. ниже), в нарушении приказов и возвращении в страну без согласования своих действий с руководством. Суд над Арефом в отличие от первоначальной практики проходил в закрытом порядке. Касем не хотел публичного разбирательства, поскольку опасался нежелательной для себя реакции со стороны многочисленных сторонников Арефа. Подсудимый на протяжении всего процесса заявлял о своей преданности Касему и принципам революции. Выступавшие свидетелями офицеры критиковали Арефа, но все они были против вынесения ему смертного приговора. Некоторые из них даже уговаривали Касема освободить Арефа. В ответ Касем заявил, что он предоставляет суду Махдауи решение о мере наказания в соответствии с содеянным. Хотя в феврале 1959 г. суд вынес Арефу смертный приговор, но далее по рекомендации того же суда этот приговор был заменен пожизненным заключением. В тюрьме Ареф пробыл около трех лет, он был освобожден после распада ОАР в сентябре 1961 г. и получил разрешение на выезд за границу для совершения паломничества в 1962 г. Его освобождение вдохнуло надежды в оппонентов Касема[30].

Противостояние отдельных личностей в борьбе за власть было отражением той острой политической ситуации, которая сложилась в Ираке в постреволюционный период. Свою роль в этой борьбе играла социальная, этническая, конфессиональная разобщенность иракского общества. Вышедшие на поверхность различные группы оппозиционных течений со своими, часто диаметрально противоположными политическими, экономическими, внешнеполитическими

интересами быстро размыли мнимое единство нового режима, ввергнув страну в состояние, близкое к хаосу. Отличительной чертой начального этапа революционной власти в Ираке стала политическая нестабильность, сопровождавшаяся серией заговоров.

Эта ситуация отразилась и на Фронте Национального Единства. Выход из него набиравшей на политической арене Ирака заметную силу партии Баас, тесно связанной с военной группировкой Абдель Салама Арефа, отчетливо выявившееся несовпадение интересов недавних соратников по ФНЕ привело к распаду их временного союза на противоборствующие группировки. Гражданские и военные политики ожидали замены военного правительства Касема созданием постоянного гражданского кабинета. Сразу после победы революции политические партии выразили свою готовность принять программу дальнейших действий, разработанную военными. Но очень скоро стало очевидным, что выработка согласованных решений по вопросам развития страны не могла быть достигнута из-за полного несовпадения позиций противостоявших друг другу группировок. Отсутствием единства между политическими партнерами по революции весьма умело воспользовался Касем, стремившийся к упрочению своего положения в структуре власти. Достижение этой цели было для него делом достаточно сложным. Не искушенному в политических делах, Касему необходимы были советники, опытные профессионалы, но, естественно, только из числа надежных, лично ему преданных лиц. Само собой разумеется, что решение этой задачи предполагало устранение препятствий, стоявших на этом пути.

Одержав победу над Арефом, Касем принялся за своих противников в армейской среде. Офицеры – сторонники Арефа были либо понижены в ранге или уволены из армии. Народная милиция стала использоваться против конкретных лиц, объявлявшихся «персонами нон-грата», а суд Махдауи грозил всем тем, кто был заподозрен в оппозиции к режиму[31].Что касается коммунистов, подвергавшихся при монархическом режиме непрерывным репрессиям, то они использовали качественно новую для них ситуацию и поддерживали власть Касема.

Быстрому росту влияния иракских коммунистов в тот момент способствовал ряд факторов, связанных как с особенностями идео-

логических и организационных принципов компартии, с ее упешной деятельностью в дореволюционные годы, так и с ее оценкой роли военных в созидании нового иракского государства и общества. Несмотря на все препоны старой власти и устойчивый консерватизм общественного сознания, ИКП сыграла активную роль в развитии системы образования в Ираке, в женской эмансипации, в борьбе с глубоко укоренившимися в стране классовыми предрассудками.

Иракские коммунисты не были слепыми приверженцами марксистско-ленинских догм. По тактическим соображениям ИКП порой просто была вынуждена идти на взаимодействие с другими политическими силами страны. Она сосредоточивала свои усилия на борьбе с социальной несправедливостью, экономической эксплуатацией, на вопросах оплаты и условий труда, что позволило ИКП завоевать широкую поддержку трудовых слоев страны и стать ведущей силой в вопросах осуществления социальных реформ.

Очевидно, что все эти реформы могли быть обеспечены лишь в условиях политической демократии. И именно Иракская компартия стала одним из главных борцов за внедрение демократических основ в государственно-общественное устройство Ирака. Как и другие политические силы, стремившиеся к превращению Ирака в демократическое государство, иракские коммунисты сталкивались со сложной дилеммой выбора пути и средств построения общества социальной справедливости. Исходя из реальной оценки ситуации в стране, где отсутствовали сильные, опытные, пользовавшиеся влиянием во всем Ираке политические партии и где практически в силу этнической, конфессиональной, клановой и внутриклановой разобщенности единство имевшихся политических сил, установление между ними согласия по ключевым вопросам внутренней и внешней политики страны оказывалось крайне трудным, а зачастую просто невозможным, ИКП наряду с другими партиями придерживалась той позиции, что в течение непродолжительного времени власть должна находиться в руках военных. По представлению лидеров компартии, только армия как организованная сила способна удержать под контролем развитие ситуации в социальной и экономической областях на этапе трансформации иракского общества, связанном с вытеснением из различных сфер общественной жизни господствовавшие

при монархическом строе группы вплоть до их ликвидации. Занятая коммунистами позиция, несмотря на незначительность их представительства в офицерском корпусе, сделала их весьма существенной опорой Свободных офицеров[32].

Получив свободу действий после 14 июля, компартия быстро увеличила число своих сторонников среди гражданского, прежде всего городского населения. Улицы крупных городов стали ареной общественной активности, выражением массовой поддержки ИКП и социальной политики властей, а также своего рода формой народного представительства. Возрастание влияния лево-демократических сил в стране ускоряло одновременно консолидацию сил свергнутого режима. И не только их.

7 февраля 1959 г. Касем сформировал кабинет, в который вошли его сторонники. Двое из них Мохи эд-Дин Хамид и Абд аль-Ваххаб аль-Амин были членами Центральной организации Свободных офицеров, пять гражданских министров были представлены ИДП и беспартийными. Двое входили в предыдущее правительство. Формально новый кабинет был беспартийным, но в его составе были министры, разделявшие взгляды левых группировок, что служило противовесом преобладавшему влиянию панарабистов в предыдущем кабинете. Второе правительство, претерпев ряд изменений, просуществовало до 13 июля 1959 г. и было заменено еще более зависимым по своему составу от Касема[33].

Смещение Арефа не означало прекращение противостояния власти Касема в офицерской среде. Среди военных многие разделяли взгляды Арефа. Их оппозиционность новому режиму усиливалась по мере того, как общенациональные интересы все более заменялись личными, что расценивалось военными как прямое предательство целей Июльской революции. Но слабость этой армейской оппозиции состояла в том, что после Арефа они остались без политического лидера. Сложившееся положение вынуждало военных к сближению с гражданскими политиками, среди которых их внимание привлек возвратившийся в Ирак в начале октября 1958 г. с согласия республиканских властей герой национального восстания 1941 г. Рашид Али аль-Гайлани. Его друзья и почитатели, среди которых были члены правительства, устроили ему восторженный прием. Касем и

другие члены иракского руководства нанесли Рашиду Али личные визиты, во время которых они выразили благодарность ему и другим военным за преданное служение родине.

Полагая, что прежние заслуги и оппозиция старому режиму дают основание рассчитывать на должное внимание новой власти и на значительный высокий пост, Рашид Али, видимо, надеялся стать президентом Ирака. Но ни Касем, ни Ареф не предложили ему какой-либо должности. Более того, по имеющейся информации, Ареф был вообще против возвращения Аль-Гайлани. Республиканское руководство считало Рашида Али человеком, воплощавшим в себе образ старого Ирака и, соответственно, вряд ли способным служить Ираку новому. К тому же лидеры страны полагали, что они полностью выполнили свой долг перед Рашидом Али, разрешив ему с честью вернуться на родину и предоставив полную компенсацию за понесенные материальные потери при конфискации монархическими властями его собственности.

Рашид Али, потомственный политик в прошлом, разочарованный отношением к нему новых властей, вовсе не собирался оставаться в тени после возвращения домой. Вскоре после заключения в тюрьму Арефа Рашида Али стали посещать военные, в их числе Тахир Яхья, Абд аль-Латиф аль-Даррази, Ахмед Хасан аль-Бакр, Рифаат аль-Хаджж Сирри. Среди визитеров Рашида Али были племенные шейхи районов Среднего Евфрата, с которыми он имел давние политические связи. На этих встречах обсуждались вопросы, серьезно беспокоившие их участников. Они касались закона об аграрной реформе, растущего влияния коммунистов и их подходов к проблеме арабского единства и другие. Особое недовольство крупных землевладельцев, среди которых были как племенные шейхи, так и городские собственники, вызывал закон об аграрной реформе. Этот документ – при всей его ограниченности – в момент его провозглашения в 1958 г. воспринимался крупными землевладельцами как реальный признак потери ими власти и привилегированного положения в обществе. Рашид Али разделял их опасения и критику действий нового режима. К числу недовольных правлением Касема принадлежала и группа офицеров-панарабистов. Эти оппозиционеры разработали план ликвидации правящего режима[34].

Касему стало известно о готовящемся перевороте, намеченном Рашидом Али на 9 декабря в районе Среднего Евфрата. Восстание должны были начать племена, в задачу которых входило прерывание телеграфной связи, разрушение железных дорог, нападения на правительственные здания в зоне волнений. Военная оппозиция Касему в Багдаде, угрожая готовностью армии к выступлению, должна была окружить место нахождения Касема и предъявить ему ультиматум с требованием сформировать новый кабинет с включением в него панарабистов и, поскольку страна недовольна его политикой, создать коллегиальный орган власти – Революционный совет. Предполагалось, что Касем, столкнувшись с такими жесткими требованиями, будет вынужден подчиниться.

Однако намеченному плану не суждено было осуществиться. Предпринятые Касемом контрмеры, позволившие раскрыть круг лиц, причастных к заговору, выявить роль каждого из них в разработке программы действий, источников ее материального и финансового обеспечения, разрушили замыслы заговорщиков. 9 декабря, т.е. в день, на который было запланировано начало антиправительственного заговора, Рашид Али, его ближайший сподвижник адвокат Абд ар-Рахим ар-Рави и племянник Рашида Али Мубдир аль-Гайлани оказались перед судом Махдауи. Процесс был закрытым и проходил в два этапа. Вначале Рашид Али и Рави отказывались говорить и отрицали свою причастность к заговору. Рашид Али не признавал своей вины и заявлял, что его имя было использовано в делах, о которых он не имел никакого представления. Но проведенное расследование показало непосредственное участие Рашида Али и Рави в антиправительственной деятельности. Причастность к заговору панарабистов послужила основанием для ограничения их активности в стране, а также имела своим следствием ухудшение отношений между Ираком и Египтом, обвиненным во «вмешательстве во внутренние дела Ирака». Суд вынес Рашиду Али аль-Гайлани смертный приговор, который Касем не утвердил, но и не отменил. Рашида Али освободили «из-за недостаточности доказательств». Однако смертный приговор продолжал висеть над головой Рашида Али и над группой панарабистов и мог быть в любой момент приведен в исполнение в случае какого-либо их антикасемовского дейст-

вия[35]. Это был один из излюбленных методов Касема удержания под контролем своих явных или потенциальных противников.

Следствием провала заговора Рашида Али было дальнейшее укрепление левых сил в Ираке. Обнародование имен тех шейхов, которые оказались причастными к заговору, подорвало их престиж в племенах, ослабило власть и влияние на крестьянские массы. В то время быстро росла организованность крестьян, создавались крестьянские союзы, активизировалась во всех массовых организациях компартия Ирака. Коммунисты заняли прочные позиции в средствах массовой информации – на радио и в прессе, активно работали в профессиональных организациях, проникли они и в офицерскую среду, хотя в целом армия находилась под влиянием арабских националистов. Попыткой в какой-то мере компенсировать слабость своих позиций среди военных было создание в августе 1959 г. гражданской милиции – Отрядов народного сопротивления, оказвшейся полностью под контролем коммунистов[36].

Центром революционных сил в первый год революции стал Багдад. Большое значение для пресечения здесь любых реакционных выступлений имело изменение в руководстве полицией. После смещения Тахира Яхья на пост генерального директора полиции был назначен полковник Назым Рашид Хильми, а начальником полиции Багдада стал полковник Абд аль-Баки Казым[37]. Они не были коммунистами, но выступали за тесный союз всех демократических сил в целях защиты республики от реакционных заговоров. В таких условиях реакция стала сосредоточивать свои силы в провинциях, а главной силой антиправительственной борьбы становилась армия. Готовность военных силой изменить складывавшееся в Ираке положение наглядно проявилась в событиях, происшедших во втором по величине после Багдада городе Ирака – Мосуле в первые дни марта 1959 г. Поднятый здесь военными мятеж оказался самым серьезным испытанием для Иракской республики в первый год ее существования. Антиправительственый заговор готовили военные, крайне недовольные теми процессами, которые набирали силу. Настоящую ненависть вызывал у них быстрый рост влияния компартии, поддерживавшейся Касемом. К этому добавлялось ущемленное честолюбие активных участников движения Свободных офицеров, «за-

двинутых» Касемом после революции на малозначимые должности, предметный урок был им преподнесен также тем, что случилось с Абдель Салямом Арефом, судьба которого, как опасались военные, могла в скором времени коснуться каждого из них. К этим мотивам добавлялись факторы, характерные для Мосула и Мосульской провинции в целом. Традиционно в четырех северных провинциях Ирака – Мосуле, Киркуке, Сулеймании и Эрбиле размещались войска второй дивизии иракской армии. Хотя большинство населения северных провинций составляют курды, политическая власть здесь всегда находилась в руках арабов-суннитов, выходцев из самых богатых и знатных феодальных семей Мосула. Начавшаяся в Ираке демократизация практически не коснулась этого региона. Вся полнота власти в городе и провинции по-прежнему находилась в руках нескольких феодальных семей, что давало им возможность саботировать распоряжения центрального правительства. Как отмечала тогда газета «Аш-шааб», засилье феодальной клики в лива Мосул привело к тому, что здесь «господствовало исключительное положение, не отвечавшее свободному, демократическому республиканскому развитию. …Мосул будто и не был частью Ирака»[38].

Наибольшей силой и влиянием пользовались в Мосуле верховный шейх расселенного на огромной территории Ирака и Сирии племени шаммар Ахмед Аджиль аль-Явер, феодальные семьи Табакчали, Умари, Рави. Опасаясь последствий провозглашенной аграрной реформы, феодальные кланы заняли крайне враждебную позицию по отношению к правительству Касема. Еще в сентябре 1958 г. лидеры племени шаммар установили контакты с властями ОАР в Дамаске и вели с ними переговоры о свержении Касема[39]. В начале 1959 г. они наладили связи с офицерами 2-й дивизии, хорошо известными своими антикоммунистическими взглядами. В результате в первые месяцы 1959 г. Мосул был единственным крупным городом в Ираке, где националистические силы имели прочные позиции и могли полностью рассчитывать на поддержку местных военных властей[40].

Иракская реакция ставила своей целью поднять на мятеж воинские части Мосула, быстро перебросить их на Багдад, захватить столицу, отстранить Касема, сформировать Совет Революционного ко-

мандования и новое правительство, не допустить движения Ирака по пути радикальных перемен. К военным кругам Ирака, вставшим в оппозицию к правительству Касема, допустившему на начальном этапе существования республики широкую демократизацию страны, активную деятельность левых сил, в первую очередь компартии, полностью подходит характеристика отечественного ученого-арабиста Г.И. Мирского: «Офицеры поколения 1958 г. унаследовали черты мировоззрения своих предшественников, ограниченного национализмом, способного толкнуть их лишь на борьбу против иностранного гнета и местной прогнившей тирании, но не больше... Национализм иракских офицеров сочетался с консервативными, антидемократическими, антикоммунистическими взглядами, присущими буржуазной и мелкобуржуазной среде, из которой они вышли»[41].

О готовившемся заговоре было известно правительству, но оно не приняло решительных мер для его срыва. Национальный Совет сторонников мира Ирака, поддержанный демократической общественностью, стремясь парализовать действия реакции, решил провести в Мосуле 6 марта 1959 г. День борьбы за мир. В ответ на этот призыв в Мосул съехалось более 250 тысяч иракцев. 6 марта на местном стадионе прошла грандиозная манифестация в поддержку правительства и проводимого им курса во внутренней и внешней политике.

Заговорщики, решившие показать, на чьей стороне сила, 6 марта перешли к открытым действиям. Возглавил мятеж командующий мосульским гарнизоном ярый антикоммунист и националист Абд аль-Ваххаб аш-Шавваф. Его соратниками были генерал-лейтенант Назым ат-Табакчали, командующий 2-й дивизии, и Рифаат аль-Хаджж Сирри, глава военной разведки. Все трое были выходцами из знатных, отличавшихся своим консерватизмом суннитских семей, все участвовали в движении Свободных офицеров и были крайне возмущены тем, что не был создан Совет Революционного командования и что все рычаги власти постепенно переходили лично к Касему. К тому же полученные ими после революции назначения, далекие от участия в принятии решений, воспринимались этой груп-

ной офицеров как абсолютно не соответствовавшие их вкладу в дело революции.

По разработанному военными плану их действия должны были быть поддержаны членами племени шаммар во главе с Ахмадом Аджиль аль-Явером и ОАР. Руководство ОАР, занявшее к тому времени откровенно враждебную позицию в отношении Касема, наладило поставку оружия и радиовещание на Ирак через сирийскую границу.

К выступлению военных присоединились сторонники старого режима. 7 марта в Мосуле реакция перешла к открытому террору. Арестам подверглись активисты движения сторонников мира, общественных организаций, патриотически настроенные офицеры оставшегося верным республике инженерного полка. Среди многих убитых в тот день оказался и выдающийся иракский общественный деятель, борец за мир, писатель и публицист Камиль Казанчи[42].

8 марта произошли вооруженные столкновения между войсками Шаввафа и противостоявшими им отрядами народной самообороны, коммунистами, пришедшими им на помощь курдами племени барзан и других племен. Штаб Шаввафа был подвергнут бомбардировке с воздуха. Глава заговора был ранен, а затем убит. 9 марта против заговорщиков выступили солдаты и офицеры инженерного полка. Они захватили тюрьму и освободили всех брошенных туда накануне без всякого разбора, в том числе не имевших никакого отношения к начавшимся в городе событиям лиц[43].

Мятеж был подавлен еще до прихода в Мосул воинских частей из Багдада. Очередной заговор провалился.

Такой исход был предрешен изначально в силу слабой организации заговора, нескоординированности действий враждебно настроенных против Касема и коммунистов сил. За пределами Мосула Шаввафа поддержали только два подразделения, находившиеся в городах Эрбиль и Акра. Не удалась попытка бомбардировки 8 марта радиостанции в Багдаде. Опоздало с оповещением о начале выступления радио из Сирии. Коллеги Шаввафа Сирри и Табакчали не пришли ему на помощь. К тому же расчет главы заговора на безоговорочную поддержку солдат вверенных ему частей оказался полностью несостоятельным. Солдатами в войсках традиционно был кур-

ды, всегда крайне настороженно и даже враждебно относившиеся к любому проявлению арабского национализма. Офицеры из ближайшего окружения Шаввафа были или убиты, или бежали в Сирию[44].

Все инициаторы и принявшие активное участие в мятеже предстали перед судом Махдауи. Главные организаторы заговора ат-Табакчали, Сирри, Укейли и другие причастные к нему офицеры после пяти месяцев мучительных допросов были приговорены к смерти и 20 сентября 1959 г. казнены вместе еще с одиннадцатью офицерами. Позже их судьбу разделили и остальные[45].

Мартовские события 1959 г. имели крайне тяжелые последствия для города Мосул. Были разгромлены и разграблены многие дома, убиты сотни ни в чем неповинных жителей. Наружу выплеснулись долго вызревавшие противоречия. Кровавые столкновения происходили между христианами и мусульманами, арабами и курдами, бедные грабили богатых. Мосульские события и их последствия существенно повлияли на дальнейшее развитие политической ситуации в Ираке.

Подавление мосульского мятежа и казнь бывших соратников Касема по оружию означало крушение планов военной оппозиции силой изменить ситуацию в стране. Одновременно мощный удар был нанесен по сторонникам панарабизма в Ираке, оправиться от которого они не могли в течение четырех последующих лет. Это вовсе не означало прекращения их спорадических нападок на коммунистов и покушений на Касема[46].

После ликвидации заговора аш-Шаввафа по всему Ираку и в особенности в районе Мосула развернулось всенародное движение в защиту демократии, завоеваний революции и казавшегося тогда еще революционного правительства Касема. Повсюду создавались отряды добровольцев, которые взяли на себя задачу охраны республики от происков внутренних и внешних врагов. Как никогда, возросли в те дни и без того уже достаточно сильные позиции компартии, повысился ее авторитет и популярность. Коммунисты имели тесные связи с Касемом. Среди его близкого окружения видное место занимал член ЦК ИКП Амир Абдаллах, к мнению и советам которого премьер относился с большим вниманием и учитывал их при принятии решений. Тесные контакты Касема с коммунистами влияли и на

отношения к компартии некоторых гражданских и военных руководителей высшего звена, допускавших их к работе в различных ведомствах. В трех департаментах – обороны, образования и управления коммунисты занимали ключевые позиции. Касем лояльно относился к пропагандистской работе компартии в армии, несмотря на крайне негативное отношение к этому большей части высших офицеров. Председатель Революционного суда Махдауи и генеральный прокурор открыто симпатизировали деятельности коммунистов и даже принимали участие в проводимых ими массовых мероприятиях. Коммунисты издавали свою газету «Иттихад аш-Шааб» (позже – «Саут аш-Шааб»), публиковали пропагандистские материалы в общеиракских изданиях.

После мосульских событий компартия упрочила свои позиции в подавляющем числе прогрессивных общественных организаций – Комитете сторонников мира, Иракской федерации женщин, Федерации демократической молодежи и студентов. Она полностью доминировала в профессиональных союзах и крестьянских обществах, под ее контролем находились отряды народного сопротивления. ИКП в эти месяцы действовала открыто[47]. «Пятьдесят дней», последовавшие за разгромом мосульского мятежа (между 8 марта и 1 мая 1959 г.) получили тогда название «коммунистического наступления». Компартия на этом этапе смогла поднять массы на борьбу за расширение политических и экономических завоеваний революции. Под ее влиянием начался процесс переориентации внешней политики Ирака. Страна заявляла о своей твердой приверженности политике Позитивного нейтралитета. При этом Ирак старался не допустить каких-либо действий, которые могли бы ухудшить его отношения с США и с Англией[48].

Устанавливались связи с СССР. 16 марта 1959 г. было подписано соглашение о широкомасштабном советско-иракском сотрудничестве, по которому Ираку предоставлялся заем в 48 млн и.д. (550 млн руб.) на реализацию 43 промышленных и иных объектов развития[49]. Через год сумма займа была увеличена на 15,8 млн и.д. (180 млн руб.)[50]. Эти средства направлялись на приобретение оборудования для металлургических, энергетических, стекольных и текстильных предприятий, на развитие инфраструктуры, в том числе на

реализацию крайне важного для страны проекта – соединение Багдада железной дорогой с Басрой, на ведение нефтяных разработок, обучение технического персонала и осуществление мелиоративных работ, проводившихся в рамках реализации аграрной реформы. Для руководства началом этой работы в Ирак прибыло восемь советских специалистов[51]. Инженерно-технические работники из Советского Союза заменяли американских и английских. Расширялись советско-иракские культурные связи. К 1959 г. около 800 иракских студентов обучались в СССР главным образом за счет советского государства[52].

После мартовских событий 1959 г. глубокого кризиса достигли отношения Ирака с ОАР, руководство которой и в Египте, и в Сирии крайне резко отреагировало на обвинения в пособничестве заговору антиправительственной клики аш-Шаввафа. Пресса, радио, уличные манифестации обеих сторон использовали одни и те же оскорбительные, пронизанные ненавистью эпитеты, лозунги, высказывания в адрес первых лиц Ирака, Египта и Сирии, главным образом Касема и Насера. Две радиостанции «Голос Ирака» и «Радио свободной Иракской республики», вещавшие с территории Сирии, соревновались между собой в обвинениях Касема и иракских коммунистов в предательстве как общеарабского дела, так и надежд на перемены к лучшему собственного народа.

Испытывая определенную эйфорию от степени своей популярности и влияния на многие сферы жизни страны, коммунисты Ирака выдвинули лозунг своего участия в правительстве, который очень скоро сама компартия признала несвоевременным и сняла его. Однако это нереализованное намерение коммунистов не осталось без последствий.

Происходивший «сдвиг влево» оппозиционная пропаганда поспешила выдать за «коммунистическую диктатуру», стремясь мнимой коммунистической угрозой запугать буржуазные круги Ирака и заставить их выступить против наметившихся прогрессивных социальных преобразований.

То положение, которое занимала компартия к середине 1959 г., вызывало нараставшую озабоченность и Касема. Ее влияние на улицу, прочность позиций коммунистов в различных общественных ор-

ганизациях и союзах, массовость отрядов народного сопротивления, быстрый рост рядов компартии, численность которой достигла к тому времени примерно 25 тыс. человек – все это настораживало главного лидера страны[53].

Пойдя на сотрудничество с коммунистами, Касем при этом вовсе не хотел утратить доверие основных социальных кругов Ирака, представленных мелкими и средними предпринимателями в промышленных отраслях, землевладельцами среднего уровня, находившимися под влиянием Национально-демократической партии, а также верными Касему офицерами, большинство которых с недоверием относились к коммунистам. События в Мосуле, участие в них коммунистов, высокая активность неправительственных вооруженных отрядов наглядно продемонстрировали слабость центральной власти. Свою оценку тому, что случилось в Мосуле, дали известные армейские и гражданские авторитеты: «Любое проявление нерешительности власти центра и получение народом возможности действовать по своей воле, без каких-либо ограничений порождает условия, ведущие к гражданской войне». Такой точки зрения придерживался и Касем, понимавший всю важность и необходимость национального сплочения страны, превращения Ирака в прочное единое целое, но одновременно он четко осознавал нереальность достижения этой цели из-за глубокой расчлененности иракского общества, дробление которого продолжалось под влиянием вызовов нового времени.

Правительство Касема сотрудничало с левыми силами до тех пор, пока они были ему нужны для борьбы с внешними и внутренними врагами, однако оно отнюдь не было намерено делить с ними власть. После мосульского кризиса Касем наложил ограничения на отряды народного сопротивления, которые, как он считал, не должны были превратиться в силу, способную конкурировать с профессиональной армией. Был подтвержден запрет на деятельность всех партий, но при этом Касем пообещал легализовать политические партии в течение года. Намереваясь взять под свой более жесткий контроль ИКП, 13 июля 1959 г. Касем назначил на министерские посты двух известных сторонников компартии курда Авни Юсуфа и Фейсала ас-Самира и члена ИКП Назиху Дулайми. Последнее назна-

чение было знаменательным вдвойне: впервые в состав правительства вошла женщина, к тому же первый член компартии. Предпринимая эту акцию, правительство Касема вместе с тем ждало удобного повода для изоляции коммунистов и ограничения активности демократических сил в целом. Таким поводом явились киркукские события, во время которых компартия, неверно оценив внутриполитическую обстановку в стране, допустила ряд серьезных ошибок.

Киркук – один из крупных городов севера Ирака отличается, как об этом уже говорилось ранее, пестрым этническим, религиозным и социальным составом своего населения. Наряду с курдами и арабами здесь живут ассирийцы, халдеи и значительная группа туркоманов, которая в середине XX в. была представлена хорошо образованными, довольно консервативными группами высшей и средней бюрократии, торговцев, землевладельцев и бизнесменов. Это были в основном зажиточные семьи, всегда игравшие видную роль, сохраняющие ее и сегодня, в экономической и общественно-политической жизни города и провинции в целом. Неоднородно население Киркука и по религиозному составу. Преобладающее место принадлежит мусульманам, но кроме них здесь живут представители разных христианских общин, курды-езиды, исповедники других религий.

Киркук – центр богатейшего нефтяного месторождения Ирака, где размещалась штаб-квартира нефтяного консорциума Ирак Петролеум компани под британской эгидой. В городе был большой отряд иракских рабочих, наиболее значимое место среди которых занимали нефтяники. На самых низкооплачиваемых работах использовались курды, всегда находившиеся в долгу и зависимости от туркоманов, прежде всего лавочников, что таило в себе скрытую враждебность в отношениях между курдами и туркоманами, зачастую принимавших и форму открытого противоборства. Вообще столкновения между различными группами населения Киркука были делом обычным. Сказывалась пестрота этнического и религиозного характера, но наибольшее значение имели различия в экономическом положении отдельных групп населения. В итоге социальные по своему существу противоречия на поверхности принимали национальную и/или конфессиональную окраску и проявлялись в частых стычках между курдами и туркоманами.

Нефтяники Киркука имели солидный опыт борьбы за свои права. Большинство рабочих курдов были или членами Демократической партии Курдистана или симпатизировали ей. ДПК и компартия тесно взаимодействовали. В рабочей среде Киркука коммунисты имели широкую поддержку. Отчасти под влиянием их пропаганды, а также деятельности ДПК, но главным образом под давлением экономических трудностей, вызванных неоднозначным воздействием на положение трудовых слоев населения начатых в стране преобразований, ситуация в Киркуке становилась все более напряженной.

Компартия, добившаяся в первый год революции определенных успехов в общественно-политической жизни Ирака, ставила задачу дальнейшего укрепления своих позиций в различных слоях населения и районах страны, в том числе и в тех, где влияние коммунистов было минимальным или вовсе отсутствовало. ИКП пыталась максимально использовать впервые в истории Ирака предоставившиеся ей возможности действовать открыто и стать реальной силой, способной подняться до уровня участия в принятии политических решений. К активным действиям компартию побуждал накопленный ею в предшествующие десятилетия горький опыт отношения к ней властей. Коммунисты и на начальном этапе революции остро ощущали сохраняющуюся опасность со стороны режима Касема, готового в любой момент не только создать препятствия для работы коммунистов, но и ликвидировать саму ИКП. Угроза коммунистам исходила также от многих социальных и этнических групп, не желавших расставаться со своим привилегированным положением, сложившимся при старом режиме. Главным центром жесткого противостояния начавшимся преобразованиям в Ираке и деятельности коммунистов после подавления мятежа в Мосуле стал Киркук. Коммунисты, решив упрочить здесь свои позиции и тем опередить контрмеры своих противников, неслучайно сделали ставку на Киркук.

После разгрома мосульского мятежа внутренняя и внешняя реакция избрала именно этот город в качестве центра сосредоточения антиправительственных и антикоммунистических сил, опорой которых должны были стать зажиточные туркоманские семьи. С их помощью и при поддержке части крестьян окрестных районов, полностью зависимых от своих хозяев – городских землевладельцев, реак-

ция надеялась сбросить правительство Касема, расправиться с коммунистами и изменить направление развития Ирака. Их выступление было намечено на 14 июля 1959 г. На этот же день коммунисты запланировали проведение торжественных мероприятий в Киркуке по случаю 1-й годовщины Июльской революции. Между участниками демонстрации в поддержку правительства Касема и проводимой им политики и хорошо подготовленными, провокационно настроенными силами оппозиции 14 – 15 июля произошли вооруженные столкновения, во время которых появились убитые и раненые с обеих сторон. В ликвидации конфликта активное участие принимали коммунисты, отряды защиты революции и войска 2-й дивизии армии Ирака.

Вспыхнувший в Киркуке конфликт выплеснул наружу подспудно копившиеся острые социальные противоречия. Социальная окраска столкновений послужила импульсом для быстрого перерастания конфликта в стихийную попытку коммунистов, организаций молодежи и сил народного сопротивления осуществить «социалистический» переворот. На сторону повстанцев перешли некоторые воинские части 2-й дивизии. 15 и 16 июля в городе была установлена народная власть, которая поставила перед собой задачу «довести до конца национально-освободительную революцию».

17 июля в Киркук прибыли войска под командованием Абд ар-Рахмана Арефа, брата Абдель Саляма Арефа, который подавил это восстание. Во время столкновений было много убитых и раненых среди гражданского населения. Точных данных нет, но полагают, что убито было более 100 человек. Около 1000 гражданских и 250 военных участников восстания были отправлены в тюрьму[54].

Киркукские события явились сектантской попыткой коммунистов перевода революции в ее высшую стадию, что привело в то время к изоляции компартии, к отходу от нее наиболее верных союзников – Демократической партии Курдистана и Национально-демократической партии.

Собравшийся в июле 1959 г. пленум ЦК ИКП, проанализировав сложившуюся ситуацию, подверг критике допущенные ошибки и наметил меры к их исправлению. Пленум отметил, что «коммунисты не приняли во внимание конкретное положение в Ираке, соотноше-

ние классовых сил в стране....Своими действиями они вызвали враждебное отношение высших властей, а также патриотических сил, доказавших, как и коммунисты, свою способность защищать республику». Пленум осудил случаи убийства и террора, признав их совершенно несовместимыми с методами борьбы коммунистов, принял решение провести тщательное расследование каждого случая и строго наказать виновных[55].

Хотя приказ о направлении в Киркук войск для наведения там порядка отдало правительство, всю ответственность за события в Киркуке правые возложили на коммунистов. Такую же позицию занял и Касем, поспешивший воспользоваться ошибками, допущенными коммунистами в Киркуке, как возможностью подорвать позиции компартии и сделать еще больший упор на том, что для сплочения единства иракского общества необходима его сильная личная власть[56].

После киркукских событий в Ираке отчетливо наметился крен вправо. Напуганные размахом революционного подъема масс, с одной стороны, и сохранявшимися угрозами со стороны империалистических сил, – с другой, власти прибегли к полицейским мерам и ввели военное положение с целью подавления массового движения и ликвидации свобод, достигнутых революционными действиями масс. В течение последующих месяцев они повели наступление на позиции коммунистов и других демократических сил страны. Многие члены ИКП были арестованы, было отдано распоряжение о роспуске всех комитетов в защиту республики, разоружении отрядов народного сопротивления, смещении со своих постов прогрессивно настроенных офицеров и чиновников, закрытии отделения компартии в Киркуке. Число арестованных в 1959 г. составило 15998 человек, в большинстве это были коммунисты[57].

Вместе с тем министры – коммунисты продолжали оставаться в составе правительства. Они были нужны Касему как противовес оппозиционным членам кабинета. Сами коммунисты весьма сдержанно воспринимали направленные против них правительственные акции. Они понимали, что смещение Касема вряд ли приведет к улучшению их положения. К тому же, имея мало союзников, компартия не обладала необходимой силой противостоять опиравшемуся на

офицерский корпус Касему. Поэтому коммунисты не стремились своей критикой усилить позиции враждебно настроенных к Касему кругов.

Поворот вправо был немедленно использован силами старого режима, прежде всего феодалами, оказывавшими постоянное давление на правительство, добиваясь изменения закона об аграрной реформе в пользу землевладельцев. В итоге было принято постановление, повысившее за счет крестьянина долю хозяина земли при разделе урожая.

Существенным ударом по интересам крестьян было также принятие правительством реакционного закона, поставившего крестьянские союзы под контроль государства, а также осуществленные им изменения в составе руководящих органов Всеобщей Федерации крестьянских союзов и в направлении их деятельности. В органы аграрной реформы был открыт доступ феодалам и их агентам, что позволило землевладельцам непосредственно или через свою агентуру захватывать лучшие участки земли в рамках установленного максимума, отменять уже принятые постановления о разделе земли, усиливать экономический саботаж реформы, препятствуя арендаторам обрабатывать землю, лишая их кредитов и просто сгоняя их с земли[58].

Обстановка, складывавшаяся в Ираке во второй половине 1959 г., настоятельно требовала сплочения демократических сил: поощряемая антикоммунистической позицией Касема, активизировала свою деятельность реакция, включившая в свои ряды сторонников свергнутой монархии, уволенных из прежнего государственного аппарата чиновников, феодалов, шейхов ряда племен, высшее офицерство, правых националистов и руководителей партии Баас.

В условиях начавшегося наступления реакции компартия повела кампанию по сплочению на новой основе всех прогрессивных партий и демократических организаций в единый национальный фронт, который мог бы «последовательно отстаивать завоевания революции от происков реакции и империализма»[59]. Такой фронт был оформлен в середине 1959 г. В него вошли компартия, Национально-демократическая партия и Демократическая партия Курдистана, а

также представители различных демократических организаций и видные общественные деятели Ирака[60].

Однако созданный Фронт Национального Единства не стал в Ираке политической организацией, способной оказывать реальное влияние на политику правительства. Причины этого – в «хронической болезни» Ирака – в разнородности его политических сил, обострившейся в тот конкретный момент, а также крайне неудачным и необоснованным выбором времени для воссоздания ФНЕ. Июльский (1959 г.) пленум ЦК ИКП отметил в своих документах, что «характер Фронта Национального Единства и его провозглашение в обстановке все нараставших разногласий не только не способствовали осуществлению намеченных целей, но, напротив, послужили обострению существовавших разногласий и осложнили проблему достижения сотрудничества между коммунистами и остальными патриотическими силами»[61].

Характерной чертой внутренней политики Касема в последующие годы, вплоть до его свержения в феврале 1963 г., была ее непоследовательность: сажая летом и осенью 1959 г. в тюрьмы коммунистов, Касем одновременно утвердил решения о наказании врагов республики. 20 сентября 1959 г. были приведены в исполнение смертные приговоры 13 участникам мосульского мятежа и четырем деятелям монархического режима. Среди казненных был командующий 2-й дивизией генерал Назым Табакчали, пользовавшийся влиянием среди высшего офицерства и имевший связи с партией Баас (ее активный член, возглавивший в 1960 г. иракское отделение партии Баас Али Салих ас-Саади был зятем генерала)[62].

Баасисты еще после провала мосульского мятежа пришли к выводу, что изменение направления развития Ирака возможно лишь при условии смещения Касема и захвата власти. Казнь Табакчали и других причастных к событиям в Мосуле офицеров ускорила выступление партии Баас. Серьезное ослабление ее позиций в армии в результате отставок и арестов многих офицеров, сторонников Баас, стали дополнительным импульсом для принятия решения о немедленном выступлении.

План покушения на Касема был разработан еще весной 1959 г. Осуществить его было поручено группе молодых баасистов, среди

которых были Саддам Хусейн и Абд аль-Керим аш-Шейхли (позже они сыграли решающую роль в приходе Баас к власти в 1968 г.). План обсуждался также с Садыком Шаншалом (партия Истикляль) и некоторыми офицерами, не согласными с политикой Касема. Свою готовность принять непосредственное участие в покушении выразили полковник Салих Махди Аммаш и генерал ар-Рубайи. Заговорщики должны были убить Касема во время его проезда по багдадской улице Рашид в его штабквартиру в министерстве обороны 7 октября 1959 г. Во время покушения Касем получил ранение, от которого довольно быстро оправился. Большей части организаторов заговора удалось скрыться. Часть баасистов бежали в Сирию, а оттуда в Египет. В их числе был Саддам Хусейн, который в ходе возникшей перестрелки при переходе через сирийскую границу был ранен в ногу, но сумел сам извлечь пулю. Тогда, в октябре 1959 г., мало кто мог себе представить, что этому молодому (Саддаму было 22 года) человеку суждено было занять особое место в современной истории Ирака.

78 офицеров были арестованы и отданы под суд, где они мужественно отстаивали справедливость своих действий. Именно этот суд, показания, которые в ходе судебного процесса давали участники заговора, являвшиеся по преимуществу членами партии Баас, включая одного из главных его организаторов Айяда Саида Табита, впервые достаточно широко представили иракской общественности деятельность этой партии[63].

Открытое выступление внутренней реакции, действовавшей при поддержке внешних враждебных Ираку сил, заставляли Касема проводить тактику лавирования между «левыми» и «правыми», осуществлять некоторые меры демократического характера. 12 ноября 1959 г. правительство легализовало Всеобщую федерацию профессиональных союзов Ирака. 2 декабря был принят первый (временный) четырехлетний план развития экономики, здравоохранения, просвещения, жилищного строительства[64].

Еще летом 1959 г. Касем пообещал разработать постоянную конституцию и к январю 1960 г. предоставить лицензии политическим партиям, что, по его представлению, должно было стать средством установления некоего равновесия между левыми и правыми

силами в стране. Постоянная конституция так и не появилась на свет. Что касается политических партий, то 1 января 1960 г. был объявлен новый закон об ассоциациях[65], в соответствии с которым политические партии могли получить разрешение министерства внутренних дел на легальную деятельность. Некоторые статьи закона выглядели вполне демократично. Однако предоставление разрешения ограничивалось рядом условий: программные установки партии не должны были противоречить принципам национального единства и республиканского строя страны. Запрещалось участие в партиях армейским офицерам, официальным лицам и студентам.

Правительственными кругами закон о партиях преподносился как «переход страны к нормальной политической жизни, как шаг к обещанной свободе, достижение которой затягивалось острым политическим противоборством». Это были лишь слова, а на деле Касем был абсолютно не заинтересован в установлении в стране нормальной, основанной на подлинно демократических принципах политической жизни и тем более в легализации таких партий, которые могли бы создавать конкуренцию его личной власти.

По новому закону лицензии получили Национально-демократическая партия и Демократическая партия Курдистана. Что касается коммунистов Ирака, то заявления на лицензирование были поданы сразу двумя партиями, называвшими себя одинаково, – «Партия коммунистов Ирака»[66], придерживавшимися одной и той же коммунистической идеологии, однако резко отличавшимися одна от другой по своей структуре и взглядам.

Первая представляла собой реальную компартию, связанную с международным коммунистическим движением. Приложенные к заявлению на получение лицензии программа и устав ИКП были составлены с учетом исторического этапа, на котором находился Ирак, с вытекавшими отсюда конкретными задачами компартии. В политической платформе компартии были определены те важнейшие задачи, за выполнение которых она вела борьбу. Среди них ликвидация остатков колониального господства, эксплуатации, укрепление независимости страны, ликвидация феодализма и его наследия в Ираке, распределение земли среди крестьян, индустриализация страны, предоставление демократических свобод народу, повыше-

ние жизненного уровня населения, улучшение системы просвещения и здравоохранения. Большое место в политической платформе ИКП было отведено национальному вопросу.

В документе компартии указывалось, что при определении социальных сил иракской революции необходимо учитывать национальный состав иракского общества, которое состоит из двух главных национальностей – арабов и курдов, дополненных национальными меньшинствами[67]. Компартия выдвинула требование «защиты и укрепления основных прав граждан без какой-либо дискриминации, независимо от национальной, расовой, религиозной принадлежности и политических взглядов, равно как их равенства в правах и обязанностях, обеспечении религиозных свобод, права на труд, на образование, на социальное обеспечение при болезни, потере трудоспособности, инвалидности, старости и обнищании». Компартия подчеркивала, что она выступает за обеспечение национальных прав курдского народа и национальных меньшинств в Ираке – туркоманов, ассирийцев, халдеев, армян и др. Укрепление принципа братства национальных и религиозных меньшинств является основным условием иракского единства, главным фактором защиты республики и упрочения ее завоеваний».

У властей не было сколько-нибудь серьезных оснований для отказа ИКП в ее легальной работе. Замечания, касавшиеся некоторой «коммунистической» терминологии в тексте программы, были учтены. Заявителями на получение компартией лицензии были лица, хорошо известные своей предшествующей деятельностью. Многим из них пришлось пережить при старом режиме и тюрьму, и изгнание. Они приняли самое активное участие в развитии Ирака после революции. Но именно эта активность и известность лидеров коммунистов и делала их для Касема «персонами нон-грата»[68]. В итоге лицензия была выдана другой компартии, точнее небольшой раскольнической оппортунистической группе, очевидно инспирированной самим Касемом, во главе с Даудом Саигом, бывшим членом ИКП, неоднократно исключавшимся из нее за фракционную деятельность[69]. Новая организация коммунистов приняла название «Иракская компартия в ее легальной форме». Группа была малочисленной, никого, кроме себя, не представляла и вскоре окончательно распа-

лись. Касем дал разрешение на легальную деятельность этой группе с целью ослабления коммунистического движения как такового. Подлинной компартии в праве на легальную деятельность было отказано под тем предлогом, что существование в одной стране двух одинаковых партий нецелесообразно[70].

Отказ министерства внутренних дел выдать лицензию компартии Ирака сопровождался дальнейшим преследованием коммунистов и активных деятелей массовых демократических организаций. Велось наступление на коммунистическую прессу. Издававшаяся Абдель Фаттахом Исмаилом газета «Иттихад аш-Шааб», орган Иракской компартии, во главе которой стоял тогда Заки Хейри Саид, под надуманным предлогом была запрещена 30 сентября 1960 г. В 1961 г. нелицензированной компартии был нанесен еще один удар: со своих постов были смещены прокоммунистические министры – Кубба и Дулайми. Однако так и не получившая разрешения на свою легальную деятельность, ИКП продолжала свою работу вплоть до смещения Касема в феврале 1963 г.

Когда стал очевидным отказ властей в выдаче лицензии компартии во главе с Заки Хейри Саидом, ряд тесно сотрудничавших с коммунистами лиц приняли решение о создании либеральной организации, названной ими Республиканской партией. Среди ее основателей были Абдель Фаттах Ибрагим, Азиз Шериф, лидер движения сторонников мира Ирака, поэт Мухаммед Махди аль-Джавахири и президент Ассоциации инженеров Абд ар-Раззак Матар. Эта партия поддерживала режим Касема. «Республиканцы» ратовали за парламентский строй и делали большой упор на права меньшинств. Их обращение за лицензией успеха не имело[71].

Размежевание политических сил затронуло и другие партии. Раскол произошел в Национально-демократической партии. 9 января 1960 г. от НДП поступило заявление на получение лицензии, под которым отсутствовала подпись лидера партии Камиля Чадарчи, благодаря авторитету которого НДП завоевала общенациональное признание. Заявителями значились второе лицо в партии Мухаммед Хадид, а также Хусейн Джамиль, Худейб аль-Хаджж Хаммуд и другие. Такая ситуация отразила произошедший в НДП раскол. Камиль Чадарчи, знавший заранее о готовившейся революции и поддержав-

ший ее, очень скоро разочаровался в установленном военном режиме и встал в оппозицию к Касему. Мухаммед Хадид, занявший в правительстве Касема пост министра финансов и советника, не разделял взглядов Чадарчи. Возникшие острые расхождения в позициях обоих лидеров вскоре привели партию к расколу. На состоявшейся в мае 1960 г. конференции НДП Чадарчи настаивал на отставке Хадида с поста министра, с чем тот не согласился. Чадарчи сумел отстоять свое лидерство в партии на своих позициях. Его партия получила лицензию. Оказавшийся в изоляции, Хадид вышел из НДП и из состава правительства и организовал свою Национально-прогрессивную партию, («Аль-Хизб аль-ватани ат-такаддуми»), тоже получившую в июле 1960 г. лицензию. Обе партии – НДП и НПП придерживались идентичных принципов, выступая в защиту демократии и ратуя за экономическое планирование. НПП при этом претендовала на роль партии, «наиболее полно соответствующей духу демократии». Партия Хадида поддерживала Касема, однако в 1961 и 1962 гг. она заняла более критическую позицию в отношении правительства. Хадид в конце концов пришел к выводу, что сохранение власти в руках военных может стать пагубным для страны[72].

Среди партий, «наполовину» легализованных в 1960 г., была «Демократическая партия Курдистана». ДПК приветствовала революцию 14 июля, она сразу же направила свою деятельность на защиту Республики и оказывала поддержку правительству Касема. ДПК, возглавлявшаяся секретарем Ибрагимом Ахмедом, установила тесные контакты с компартией, поскольку коммунисты Ирака выступали в поддержку национальных требований курдского народа. После возвращения в сентябре 1958 г. из эмиграции вождя курдов Мустафы Барзани ДПК заручилась его поддержкой. На конференции партии в октябре 1959 г. была принята ее программа, и Мустафа Барзани избран председателем ДПК.

9 января 1960 г. руководство ДПК представило в министерство внутренних дел свою партийную программу и обращение на получение лицензии. Программа в значительной степени была составлена по образцу компартии, включала в себя марксистско-ленинскую и революционную терминологию, которая позже была удалена по настоянию властей. Главную свою задачу на тот момент ДПК видела в

получении «курдским народом права занимать посты во всех государственных учреждениях и во всех официальных и полуофициальных организациях в соответствии с процентным составом курдов в населении Ирака» (ст. 7 программы)[73].

Поддержка курдами революции и установление тесных дружеских личных отношений между Мустафой Барзани и Касемом были серьезными предпосылками для получения ДПК разрешения на легальную деятельность. Однако министр внутренних дел, усмотрев существенное совпадение программы этой партии с программой «другой партии» (ИКП), не предоставил ДПК лицензии, но и не отклонил ее программы. Не получив официального разрешения, партия Мустафы Барзани тем не менее действовала открыто. Она была влиятельной силой, много сделавшей для пробуждения курдского национального самосознания[74].

На правом фланге политического крыла Ирака возникли две мусульманские партии: «Исламская иракская партия» («Аль-Хизб аль-ислами аль-ираки») и «Либеральная партия» («Хизб аль-тахрир»).

«Исламская партия» была ответвлением движения «Братьевмусульман», которое проникло в Ирак из Египта незадолго до второй мировой войны. После разгрома этого движения в Египте оно стало налаживать свою деятельность в других мусульманских странах. В Ираке «Братья» активизировались накануне Июльской революции. Своим центром они избрали город Мосул, где их лидером стал хорошо известный здесь религиозный авторитет Абдалла аль-Ниама. Из Мосула «Братья-мусульмане» распространили свою деятельность на Багдад и далее на зону Евфрата, особенно активно они работали в провинции Рамади. Участники движения «Братья-мусульмане» были самыми ярыми противниками коммунистов.

Поддержанное некоторыми влиятельными лицами исламское движение усилилось после революции. Его лидерами были Абд ар-Рахман Сейид Махмуд и перебравшийся из Мосула в Багдад Мухаммед аш-Шавваф. Вначале они поддерживали Касема, но постепенно стали выступать против него, поскольку Касем, по их представлению, пошел на слишком тесное сотрудничество с коммунистами.

Исламская партия включала в себя как шиитов, так и суннитов. Среди первых лиц, подписавших заявление на предоставление лицензии, были Ибрагим Абдалла Шихаб и Нуаман Абд ар-Раззак ас-Самарраи, ставший фактическим лидером партии. Программа партии, названная вначале «дустур» (конституция), была построена на примате основополагающих принципов ислама и признании легитимности лишь той власти, которая строится на этих принципах. Атеизм и коммунизм должны быть запрещены. Арабское единство, какую бы форму оно ни приняло, должно базироваться на тех же самых фундаментальных основах ислама. Считалось, что установление такого порядка вполне совместимо с проведением всеобщих выборов при формировании такого органа, как консультативный совет, и референдумов по наиболее острым вопросам. Консультативный совет должен был избирать президента государства, который наделялся полномочиями формировать из членов совета кабинет и законодательный совет[75].

Перспектива превращения Ирака в теократическое государство вызвала возражения во многих общественных кругах страны. Касем резко высказался против названия программного документа исламистов, заявив, что только государство имеет право использовать термин «конституция», а присвоение этого права религиозной партией является весьма опасным. Документ Исламской партии не был принят министром внутренних дел, поскольку он не соответствовал статье 4 Закона об ассоциациях: вступал в прямое противоречие с республиканским строем страны. К тому же было известно, что заявители поддерживали контакты с такими иностранными силами, которые в Ираке были запрещены законом. Здесь был явный намек на «Братьев-мусульман»[76].

Не получившие лицензии основатели «Исламской партии» обратились с жалобой в Кассационный суд, который вынес вердикт о том, что позиции, занятые лидерами партии, «не противоречат ни демократии, ни республиканизму»[77]. В итоге «Исламская партия» стала четвертой, получившей право на легальную деятельность.

За короткое время существования «Исламская партия» сосредоточила свое внимание преимущественно на проблемах политического развития страны, направляя усилия – и не без успеха – на привле-

чение на свою сторону масс. Так, на третьем конгрессе учителей Ирака список Исламской партии, конкурировавшей в провинции Рамади с Национальным единым образовательным фронтом, получил 465 из почти 1200 голосов, т.е. 40% от общего числа участников. И это в тот момент, когда деятельность партии была парализована арестом большей части ее руководства. К тому же суннитский район Рамади не отличался религиозным фанатизмом, а учителя в силу характера их профессиональной деятельности весьма неодобрительно относились к вмешательству религии в политические дела. На этом фоне успех исламистов выглядит особо впечатляющим. Правда, это был единственный известный пример состязательного участия «Исламской партии в выборах»[78].

Руководство партии использовало различные возможности для критики политики кабинета Касема. 15 октября 1960 г. еженедельник «Аль-Файха», выходивший в городе Хилла, напечатал меморандум, который Исламская партия намеревалась тогда же передать Касему. В меморандуме содержалась резкая критика режима. В нем говорилось: «Страна разделена, как никогда прежде, коммунизм безудержно распространяется и утверждается благодаря открытому или тайному потворству государства. Всякая критика действий властей подавляется, что находится в прямом противоречии с нормами ислама. Экономика в развале, народ голодает, а народные средства тратятся на установление статуй. Вместо разорительной и преступной экспроприации земель правительству следовало бы заняться экспроприацией иностранных нефтяных компаний. Ни о какой социальной справедливости в ее исламском понимании в действиях властей не приходится и говорить. В то же время широко пропагандируются и поддерживаются атеистические постулаты, такие как, например, «равенство женщин». Ответственным за сложившееся в стране положение дел назывался Касем. В меморандуме говорилось: «Поскольку вы являетесь премьер-министром, то министры исполняют только то, что им поручаете вы»[79]. Документ призывал к запрету компартии, закрытию всех ее печатных изданий. В нем также содержалось самое решительное требование наказания всех тех, на ком лежала ответственность за преступления, совершенные во время инцидентов в Мосуле и Киркуке[80].

Это была самая резкая открытая критика режима изо всех, когда-либо появлявшихся в легальной печати Ирака, к тому же единственный в своем роде случай, когда в направленном Касему послании не было хотя бы формального выражения почтения Великому вождю[81].

Реакция власти на эту публикацию была незамедлительной. Одиннадцать руководящих деятелей Исламской партии были задержаны. Ее отделения в Багдаде закрыты. Газета «Аль-Файха» запрещена.

Хотя «Исламская партия» как политическая организация была разгромлена, лицензия у нее была отозвана в 1961 г., но партия сохранилась и продолжала свою деятельность Газеты антикоммунистической направленности временами публиковали ее заявления, затрагивавшие по преимуществу какие-либо второстепенные темы. Сохранялась их связь с некоторыми общественными организациями, прежде всего в сфере образования. Так, члены Исламской партии приняли участие в выборах в Союз учителей в начале 1961 г.

Другая исламская партия «Тахрир» официально никогда не существовала. Ее название свидетельствовало о тесной связи с братской нелегальной партией под тем же названием, действовавшей в Иордании и Ливане. «Тахрир» Ирака разделяла идеологию «Братьев-мусульман», но отличалась от них своей склонностью к экстремизму. Заявление на получение лицензии этой партии было подписано крупным чиновником Багдада Абд аль-Джаббаром Абд аль-Ваххабом аль-Хаджжем. В число основателей партии входили жители Багдада, Мосула и Рамади, все они были суннитами, людьми малоизвестными в политической жизни Ирака. Своей программы они никогда не имели, придерживались схожих с «Исламской партией» принципов, ислам признавали единственной фундаментальной основой общественной жизни. Партия не была легализована по тем же мотивам, по которым вначале получила отказ и Исламская партия: «ее платформа не соответствовала духу нового времени». К тому же «Тахрир», как и «Исламская партия», поддерживала «связи с партиями, действующими за пределами Ирака»[82].

Представившие свои программы партии включились в активную политическую деятельность, однако очень скоро стало ясным, что у

партий нет никаких надежд на реальное участие во власти при Касеме. Время шло, а обещанная постоянная конституция, которая должна была быть одобрена национальной законодательной властью, про формирование которой уже и не вспоминали, так и не появилась на свет. Постепенно стали исчезать и сами партии. Весной 1961 г. прекратила свою деятельность ДПК: многие члены ее центрального комитета находились в тюрьме. Разрешенная компартия в действительности так никогда и не функционировала. В октябре того же года Чадарчи приостановил работу НДП и закрыл ее печатный орган газету «Аль-Ахали», заявив о невозможности партийной деятельности при военном режиме. К концу года непродолжительный эксперимент с партиями благополучно завершился. Дольше всех продержалась партия Хадида, но и она в конечном счете свернула свою деятельность в июле 1962 г.

Крушение партийной деятельности сопровождалось удалением из правительства всех гражданских политиков. Последним свой пост покинул 15 мая 1961 г. министр юстиции, личный друг Касема Мустафа Али. На освободившиеся места Касем назначил лично ему преданных офицеров, технократов и гражданских служащих, не связанных с какой-либо определенной политической партией. В итоге в Ираке сложился присущий большинству военных режимов Ближнего Востока характер власти. Страна впервые вступила в период настоящей диктатуры[83].

Среди причин столь быстрого скатывания Ирака от надежд на скорое избавление от наследия средневековья и колониальной отсталости, порожденных Июльской революцией во всех слоях иракского общества, к расколу, хаосу, кровопролитиям можно назвать как общие, присущие всем революциям подобного образца, так и специфические, связанные с особенностями исторического, социально-экономического, политического развития государства Ирак.

Июльская революция высвободила долго подавлявшиеся силы иракского общества – находившиеся в состоянии застарелых конфликтов конфессиональные, этнические, племенные группы, что с особой силой проявилось в Мосуле и Киркуке. Другой фактор связан с формированием новых групп, процесс становления которых – в силу специфических условий развития Ирака – оказался весьма за-

тяжным, незавершенным, не приведшим к образованию организованных структур, способных сыграть активную конструктивную роль в становлении новой политической системы в стране. Основную массу населения Ирака составляло отсталое, задавленное феодальной кабалой крестьянство. Что касается горожан, то значительная их часть была представлена теми же крестьянами, недавними выходцами из деревень, селившимися в жалких глинобитных лачугах по окраинам городов, не имевших не только постоянной, но чаще всего и какой-либо временной работы. Именно они вкупе с другими группами городской бедноты и составляли «улицу», которую можно было мобилизовать лишь для участия в массовых демонстрациях, что и делали различные политические силы. Средний класс был раздроблен политически и не имел практического опыта в административно-хозяйственном управлении страной. Сама революция была плохо спланирована ее военными лидерами и плохо осуществлена. Между политическими силами, объединившимися во ФНЕ, и офицерами не было достигнуто необходимой договоренности о совместных действиях в осуществлении государственного переворота, в организации революционной власти, в определении целей революции. Внутри движения «Свободные офицеры» большая часть его руководящего ядра не была допущена после революции к выработке политической линии. Сразу после переворота стало проявляться стремление Абдель Керима Касема к единоличному лидерству. Драматичное противоборство двух главных лидеров революционных событий Касема и Арефа, их неспособность и нежелание поступиться личными амбициями ради достижения общего успеха в сочетании с отсутствием у них опыта, необходимого для решения лавиной обрушившихся на них после переворота проблем, сыграли определяющую роль в постреволюционном развитии Ирака. Совокупность отмеченных факторов и ввергла Ирак в длительный период нестабильности, ставшей отличительной чертой ситуации в стране в 60-е гг.

В первой половине 1961 г. в Ираке окончательно оформился тот характер власти, который оставался неизменным до его свержения в феврале 1963 г. Антикоммунистическая и в целом антидемократическая политика Касема нанесла значительный урон левым силам

страны. Аресты и преследования вновь загнали коммунистов в подполье, многие вынуждены были покинуть Ирак. С конца 1960 г. были организованы судебные процессы над коммунистами, принимавшими участие в подавлении контрреволюционных мятежей в Мосуле и Киркуке в 1959 г. Десятки человек были приговорены к смертной казни, многие осуждены на длительные сроки тюремного заключения. Все подозреваемые в симпатиях к коммунистам смещались со своих постов в административном аппарате и в армии.

В своей борьбе против коммунистов и демократов Касем опирался на лично преданных ему людей. При их поддержке в первой половине 1961 г. были произведены изменения в руководстве федераций профессиональных и крестьянских союзов, отраслевых профсоюзов. Была распущена Федерация демократической молодежи, закрыты все местные отделения Комитета защиты мира[84]. Эти акции парализовали деятельность самых массовых организаций – главной опоры революции. Режим Касема терял поддержку лояльно настроенных к нему сил.

3.3. Социально-экономическая политика режима Касема

С изменением политического строя в Ираке подавляющая масса населения страны, принадлежавшего к различным социальным слоям и группам, связывала свои надежды на избавление от средневековой отсталости, от тяжелого наследия колониализма, от нищеты и бесправия. Эти надежды появлялись как результат бесчисленного множества обещаний, дававшихся республиканской властью, и провозглашенных ею программ реформ. Программы эти вызывались к жизни прежде всего стремлением освободить страну от иностранной, главным образом западной политической и экономической зависимости, поставить под собственный контроль природные ресурсы страны, добиться социальной справедливости, обеспечить которую, как полагалось, должно было главным образом более равномерномерное распределение доходов и социальных благ. Эти меры, как считалось, должны были привести к достижению большего национального единства и сплоченности, что позволило бы государст-

ву установить и более прочный контроль над различными группами иракского населения. Решение этого комплекса задач диктовалось желанием укрепить Ирак как национальное государство, а также потребностью модернизировать крайне отсталую социальную и экономическую структуру страны[85]. Реализация намеченных программ воплощалась в четырех конкретных направлениях: во-первых, в претворении в жизнь закона об аграрной реформе, направленного на избавление крестьян от феодальной кабалы; во-вторых, в осуществлении социальных и культурных планов; в-третьих, в индустриализации на основе советско-иракского сотрудничества; в-четвертых, в переговорах с иностранными компаниями о подписании новых нефтяных соглашений[86].

Первые шаги к осуществлению социальных преобразований в Ираке были предприняты преимущественно на начальном этапе деятельности революционной власти, в которой доминирующие позиции занимали тогда представители левых сил, что и наложило на реформы свой отпечаток.

Начальные меры социального характера коснулись самых обездоленных слоев городского населения. Для них была снижена аренда за наем жилья, затруднено выселение их домовладельцами. Был установлен контроль за ценами на продукты питания, а торговцам, стремившимся к получению максимальной прибыли, грозило суровое наказание. Однако реализация провозглашенных мер оказалась делом весьма трудным, и в итоге от них пришлось отказаться. Значительно ощутимее было улучшение положения рабочих. Были разрешены профсоюзы, которые, правда, затем перешли под контроль государства. Рабочий день был сокращен с 9 до 8 часов при повышении сверхурочной оплаты. Для групп с низкими доходами были снижены налоги. Наиболее важным было обращение внимания властей к багдадским трущобам. Были одобрены соответствующие меры по строительству домов, ликвидации этих жалких лачуг и расселению людей. Многие из жителей бывших трущоб были поселены в простые кирпичные дома, которые постепенно заменили район бидонвиллей, кошмарного гетто, располагавшегося в восточной части Багдада. Этот район получил название «Мадинат ас-Саура» – «Город Революции».

Наиважнейшей проблемой, без решения которой ни о какой модернизации в Ираке не могло быть и речи, являлся аграрный вопрос. Лидеры революции рассматривали принятие закона об аграрной реформе как один из первостепенных.

Потребность в изменении ситуации в аграрной сфере Ирака выступала как историческая необходимость на протяжении всего времени существования иракского государства. Понимание этой необходимости было и при монархии. Некоторые политики-реформаторы, писатели, журналисты в 30–50-е гг. XX в. неоднократно пытались привлекать общественное мнение к чудовищным условиям, в которых пребывало иракское крестьянство. Идею наделения крестьян землей из государственного фонда выдвинуло впервые правительство, пришедшее к власти после военного переворота 1936 г. Предложение это ни в какой степени не затрагивало феодалов, но всемогущие землевладельцы и племенные шейхи, усмотрев в этой мере серьезную угрозу для себя, оценили ее как первый шаг, направленный на лишение их земли, и пригрозили тогда правительству восстанием племен. Протест феодалов был поддержан националистическими и религиозными группами. В итоге правительство было вынуждено отказаться от плана перемен в земельной политике.

После второй мировой войны, когда в Ираке все настойчивее раздавались голоса с требованием обновления общественного устройства страны и когда правящая олигархия оказалась в еще большей зависимости от феодалов и шейхов племен, любое предложение, затрагивавшее поземельные отношения, не могло получить правительственной поддержки. И было совершенно очевидно, что без ликвидации монархического режима и отстранения от власти его главной социальной опоры – земельных магнатов и шейхов племен, никакая аграрная реформа в Ираке невозможна. Революция 14 июля решение аграрного вопроса включила в число наиболее важных и первостепенных для новой власти.

Образцом аграрной политики для республиканской власти Ирака послужил закон об аграрной реформе, провозглашенный военным режимом Египта вскоре после его утверждения у власти 22 июля 1952 г.

Для выработки иракского аграрного законодательства была создана комиссия под руководством министра сельского хозяйства Худейба аль-Хаджж Хаммуда, землевладельца, сына племенного шейха, прославившегося в Ираке задолго до революции своим гуманным отношением к крестьянам (за что он не единожды объявлялся «коммунистом» и подвергался под разными предлогами арестам).

Хаммуд познакомился с египетским и сирийским аграрными законами, консультировался с египетскими экспертами. В итоге комиссия подготовила аграрный закон, учитывавший особенности поземельных отношений в Ираке и отвечавший нуждам и запросам страны.

Разрабатывая аграрный закон, правительство меньше всего было озабочено вопросом улучшения жизни крестьян. Главная цель этого документа – политическая: необходимо было подорвать главные основы, на которых держалась олигархическая монархическая власть. Крупное землевладение вызывало всеобщее недовольство. С ним были связаны многие социальные и экономические недуги страны. Ликвидация этого изжившего себя института считалась абсолютно необходимой. Страна нуждалась в коренном изменении характера землевладения и землепользования.

Принятию нового аграрного законодательства предшествовали некоторые меры, которые положили начало «демонтажу старой феодальной структуры в сельской местности»[87], ослаблению позиций крупных землевладельцев и племенных шейхов.

Статья 14 Временной конституции провозгласила, что «сельскохозяйственная собственность ограничивается и регулируется законом»[88]. 27 июля 1958 г совет министров Ирака отменил действие закона о племенах 1918 г.[89] По этому закону глава племени вершил все уголовные и гражданские дела членов племени, на его основе решались в пользу феодала также все земельные вопросы. Закон 1933 г. «О правах и обязанностях земледельцев», закрепивший за землевладельцем право превращать на законном основании крестьянина в настоящего раба в случае неуплаты им долга, был заменен «Кодексом судебных разбирательств», который устанавливал систему равенства всех членов племен. С этого момента члены племен, будь то шейх или крестьянин, должны были подвергаться суду в со-

ответствии с гражданским или уголовным кодексом, по существу равным нормам, установленным для городских жителей. 5 августа 1958 г. правительство издало распоряжение о порядке раздела урожая между землевладельцем и крестьянином-арендатором, по которому доля крестьянина не должна была быть меньше 50% урожая, а в тех районах, где она традиционно была выше, она должна была оставаться неизменной[90]. Опираясь на этот документ, крестьяне получали легальную возможность вести борьбу против феодалов.

19 июля 1958 г. был принят указ о конфискации движимого и недвижимого имущества королевской семьи и лишении ее всех прав[91]. 15 августа во исполнение этого указа правительство опубликовало декрет о конфискации земель бывшей королевской фамилии. Общая площадь земель, принадлежавших Фейсалу II, Абдул Иллаху и другим членам этой «династии узурпаторов», равнялась накануне революции 177596 дунамам лучших земель[92].

Принимавшиеся после революции отдельные меры по ограничению всевластия землевладельцев были предварительными шагами к принятию закона об аграрной реформе. Объявление 30 сентября 1958 г. закона об аграрной реформе явилось, по признанию политиков и ученых – современников тех событий, а также историков, наиболее важным актом республиканского правительства.

5.4. Планы экономического развития и советско-иракское сотрудничество

Становление нового иракского государства, укрепление его суверенитета настоятельно требовало модернизации иракской экономики, обновления ее отраслевой структуры, использования богатых природных ресурсов для развития промышленности. Страна нуждалась в разработке комплексного плана экономического развития, которого у нее никогда не было при монархическом режиме. Новая власть в решении задачи укрепления национального суверенитета важное место отводила промышленному развитию страны. Оставшаяся в целом по-прежнему на крайне низком уровне индустрия Ирака могла обеспечить повышение объемов производства и выпуск

национального продукта лишь при условии обеспечения ей государственной финансовой поддержки. Протекционизм со стороны государства сулил большую доходность от местного производства, что могло привлечь к нему тех частных инвесторов, которые традиционно направляли свои средства главным образом в приобретение земель и в строительство. Делая упор на развитии национальной промышленности, руководство Ирака ставило задачу сокращения импорта тех товаров, производство которых могло быть обеспечено внутри страны. Приоритетное место в импорте отводилось продукции производственного назначения, прежде всего ввозу машин и оборудования для оснащения вновь создаваемых и реконструируемых предприятий иракской индустрии. Вводилось резкое сокращение импорта предметов роскоши. Базой планируемого развития, как и прежде, оставались доходы от нефти и экспорта зерна. Политика экономического развития была рассчитана на длительное время[93].

Иракское государство не имело опыта разработки долгосрочных планов комплексного экономического развития. Республиканская власть, нуждаясь в опытных в этих вопросах специалистах, вскоре после революции пригласила в Багдад экспертов из ОАР для изучения совместно с иракскими экономистами ресурсных возможностей страны и проектирования планов экономической реконструкции Ирака. В ходе этой совместной работы выявились весьма серьезные расхождения во взглядах египетских и иракских экспертов на подход к перспективам развития иракской экономики. Египетская сторона, обратив внимание на то, что, поскольку Египет уже успешно развивает свою индустрию, то ему и дальше следует специализироваться на промышленности. Что касается Ирака, то в нем имеются огромные массивы культивируемых земель, масштабы которых многократно превышают численность сельского населения. Исходя из этой оценки, египетские специалисты пришли к выводу, что в будущем союзе Ирака с ОАР Ирак должен специализироваться на развитии сельского хозяйства. А поскольку Ирак испытывает нехватку сельского населения, египетские эксперты предложили программу расселения египетских крестьян на иракской земле, чтобы они могли содействовать сельскохозяйственному развитию Ирака.

Изложенная египтянами схема экономического развития Ирака в точности повторяла проект, уже предлагавшийся египетскими экспертами ранее прежним правителям Ирака, но отклоненный ими, поскольку монархия проявляла тогда интерес к развитию национальной промышленности страны, о чем и напомнили иракские эксперты своим египетским коллегам. В ответ они услышали, что принятие рекомендуемой аграрной политики будет платой Ирака за членство в Арабском союзе. Такой подход был неприемлем для Касема: Арабскому союзу он предпочитал осуществление мер, в том числе и в сфере экономики, направленных на достижение Ираком подлинной независимости. В этом он находил внутри страны серьезную поддержку[94]. Занятая египетской стороной позиция в отношении будущего Ирака внесла заметное охлаждение в двусторонние отношения.

Иракские эксперты продолжили работу над программой экономического развития страны, делая особый акцент на ее индустриализации.

Разработка всеобъемлющего плана развития Ирака требовала тесной координации различных правительственных ведомств, которая, естественно, не могла быть достигнута в короткие сроки. В этих условиях власти, продолжая работу над долгосрочной экономической программой, пошли на составление Временного плана, в котором были определены самые неотложные меры в экономической и социальной областях, что, как полагало иракское руководство, должно было способствовать упрочению политических позиций революционной власти. Реализация этого плана напрямую увязывалась с обращением за помощью к Советскому Союзу.

В ходе визита в СССР в феврале-марте 1959 г. иракской делегации во главе с министром экономики Ибрагимом Кубба было подписано соглашение о советско-иракском экономическом сотрудничестве, явившимся первым в серии соглашений об оказании Советским Союзом помощи Ираку в экономической, технической, военной и культурной областях. Подобные соглашения были подписаны СССР и с другими арабскими странами, в частности, с Египтом и Сирией.

Соглашение строилось на принципах суверенного равенства, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг

друга. Оно предусматривало предоставление кредитов на приобретение Ираком советского оборудования для оснащения предприятий в электротехнической, машиностроительной, текстильной, медицинской и пищевой отраслях промышленности, для горных разработок и транспорта, а также для оказания помощи в развитии аграрного сектора. Советские эксперты были готовы содействовать Ираку в проведении геологоразведочных работ и во многих других технических вопросах. Советский Союз предоставлял Ираку кредит в размере 550 млн рублей (около 150 млн долл.) сроком на семь лет.

Сами иракцы дали очень высокую оценку подписанному в Москве соглашению. Выступая на пресс-конференции по возвращении в Багдад, Ибрагим Кубба отметил, что благодаря помощи СССР в Ираке будет реализовано около 25 проектов, включая сооружение предприятий в металлургической, цементной, химической и других отраслях, что поможет заложить прочный фундамент национальной экономики страны[95].

Составление как краткосрочных, так и долгосрочных экономических планов, намеченных к осуществлению, затянулось на два года. Министерства планирования и развития, которым было поручена разработка экономических проектов в координации с другими департаментами, оказались неспособными справиться с поставленной задачей развития экономики как всеобъемлющего комплекса. Министерство развития в лучшем случае могло продолжить реализацию проектов, начатых еще при старом режиме. Эта линия полностью укладывалась в рамки сделанной республиканской властью ставки на краткосрочные планы. Таковым стал Временный экономический план Ирака, определенный как переходный от дореволюционной программы развития к первому пятилетнему плану, составление которого началось сразу же после введения Временного плана в действие. Министерство развития продолжило работы по завершению крупных ирригационных проектов[96] и других объектов, содержавшихся в последней программе дореволюционного Совета развития[97], но одновременно Временным планом предусматривалось и начало строительства новых предприятий, в том числе включенных в советско-иракское соглашение от 16 марта 1959 г.

Временный план содержал в себе очень важное положение, касавшееся частного сектора, которое привлекало круги средней и крупной национальной буржуазии, как промышленной, так и торговой, а также состоятельных землевладельцев и чиновной бюрократии, располагавших свободными средствами. В плане говорилось, что «в принципе частному капиталу должно быть разрешено частичное или полное владение небольшими предприятиями, строящимися или уже построенными за счет государства»[98]. Планом предусматривалась передача частному сектору ряда объектов с целью стимулирования частного предпринимательства, привлечения его к участию в строительстве национальной экономики. Данный пункт был включен в план под давлением этих кругов, заинтересованных в инвестировании своих капиталов в различные отрасли хозяйства с минимальным риском.

Временный экономический план Ирака был введен в силу 31 декабря 1959 г. Он был рассчитан на четыре финансовых года (с 1 апреля 1959 по 31 марта 1963 гг.), но просуществовал только два года – до конца 1961 г., когда был принят первый пятилетний план республики.

Анализ основных статей расходов, предусмотренных Временным планом, дает возможность определить приоритеты во внутренней политике Касема. Хотя много шума было поднято вокруг вопроса индустриализации страны, в 1960–1961 гг. из 23,0 млн дин. намеченных ассигнований на развитие промышленности было выделено 11% бюджетных средств (монархия выделяла 10%). Наибольшее внимание уделялось сельскому хозяйству: из намеченных 29,5 млн дин. инвестировано 20,7 млн дин. (19,1%). Значительная доля бюджетных ассигнований шла на военные расходы. Во Временном плане они были включены в статью «Строительство общественных зданий» (37,25 млн дин.), ¾ средств которой передавалось на нужды министерства обороны. Всего намеченные ассигнования по Временному плану были реализованы в среднем на 45%. Оставшиеся средства в большей своей части направлялись на расходы полиции: на строительство полицейских постов, тюрем и т.д., хотя на нужды полиции и суда в обычном бюджете в 1960/61 гг. предусматривалось 8,6% расходов (9,75 млн дин.). Эта статья ассигнований Временного

плана, представлявшая в скрытой форме расходы на содержание армии и полиции, заняла первое место среди остальных отраслей хозяйства по доле выполнения (76%) и второе место (после транспорта и связи) по абсолютным размерам затраченных средств. Расходы по указанной статье в 1960–1961 гг. (20,1 млн дин.) за два года фактического выполнения Временного плана превысили расходы на промышленность, культуру и здравоохранение, вместе взятые (18,7 млн дин.)[99]

Все созданные в результате осуществления Временного плана объекты находились в государственном секторе. Ожидания частных предпринимателей не сбылись: в результате ожесточенной борьбы между сторонниками различных путей развития государственного сектора, которая велась в Ираке в первые послереволюционные годы, победу одержали силы, стоявшие за отказ подчинения госсектора интересам частнокапиталистического предпринимательства. Верх взяли интересы самого государственного аппарата и отдельных слоев мелкой буржуазии.

Комплексный пятилетний план экономической реконструкции Ирака появился только в 1961 г., но в нем отсутствовали некоторые крайне необходимые технические объекты и практически полностью обойдены повседневные экономические запросы. И все же этот план закладывал те основы, на которых, по оценке западных ученых, и должен был возводиться «арабский социализм»[100].

Реализация планов экономического развития Ирака зависела прежде всего от повышения уровня добычи нефти и соответственно доходов от нее иракского правительства. Увеличить долю Ирака в отчислениях от нефти Касем надеялся путем переговоров с нефтяными компаниями и заключением нового соглашения о разделе прибыли. Переговоры, к которым заинтересованные стороны приступили в начале 1960 г., шли так трудно и так долго, что прежде чем было достигнуто соглашение, режим Касема пал.

Претворение в жизнь экономических планов сдерживалось нехваткой финансовых средств, так как большая часть получаемых доходов от нефти уходила на постоянно возраставшие расходы на оборону, включая военные действия в Курдистане, а также на краткосрочные проекты, которые Касем объявлял как приоритетные.

Подписанные между СССР и Ираком торговое соглашение (октябрь 1958 г.), соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве (16 марта 1959 г.) и ряд других соглашений, заключенных в последующие годы, заложили основы современных отраслей производства в Ираке. Советско-иракское сотрудничество развивалось на основе и в рамках тех договоренностей, которые были зафиксированы в подписанных обеими сторонами документах.

Первостепенной задачей экономического сотрудничества было развитие в Ираке производительных сил в сфере промышленности, транспорта, связи и сельского хозяйства. Важнейшие объекты появились в отраслях, которые либо полностью отсутствовали в стране, либо находились в зачаточном состоянии. Среди них были предприятия машиностроения – завод сельскохозяйственных машин и электротехнический завод – первенцы машиностроительной отрасли, которой в Ираке до этого не было. Такими же стали в своих отраслях заводы антибиотиков и фармацевтических препаратов, консервный и стекольный. С помощью СССР здесь были построены крупнейшие (в масштабах Ирака) предприятия легкой промышленности – хлопчатобумажный комбинат, швейная и чулочно-трикотажная фабрики.

Советские гидрологи и почвоведы составили схемы использования водных ресурсов рек Тигр и Евфрат для целей ирригации, судоходства и энергетики, схему мелиорации земель на юге страны (в районе Шинафия–Насирия) на площади 270 тыс. га[101].

Большую работу проделали советские геологи, открывшие в Ираке наличие многих полезных ископаемых. Они обнаружили богатейшие запасы фосфоритов (по их объему Ирак занимает одно из первых мест в мире), месторождения железных руд, запасы доломитов, кварцевых песков и керамической глины. На севере близ Мосула были обнаружены крупные залежи самородной серы и гипса.

СССР оказывал Ираку большую помощь в подготовке кадров специалистов. Эта работа осуществлялась по нескольким направлениям. Создавались учебные центры непосредственно в Ираке при крупных промышленных объектах. В Багдаде такой центр действовал при электротехническом заводе. На его же базе был открыт учебный центр нефтяной промышленности. Второй центр был создан при заводе сельхозмашин в Искандерии, где готовились квали-

фицированные рабочие по металлообработке. В Фаллудже были открыты курсы по подготовке механизаторов.

Другим способом подготовки кадров было производственно-техническое обучение иракцев на предприятиях в Советском Союзе. Большое число иракцев получило высшее образование в различных советских вузах, многие стали обладателями научных степеней.

Главной же формой подготовки кадров с помощью СССР – прежде всего для работы на объектах, сооружавшихся при техническом содействии советской стороны, – стало обучение в процессе труда, проводившееся групповыми и индивидуальными методами. В итоге десятки тысяч человек стали квалифицированными рабочими.

Благодаря помощи Советского Союза Ирак смог значительно снизить, а в некоторых отраслях, в том числе производящих средства производства, прекратить ввоз и, более того, стать экспортером выпускаемой продукции. Это коснулось некоторых видов товаров электротехнической отрасли, а также продукции отраслей производства средств потребления, которые намного сократили импорт тканей и трикотажных изделий, а в ряде случаев вообще отказались от него[102].

На позицию советского руководства, вставшего на путь развития всесторонних дружественных отношений с Иракской республикой, серьезное влияние оказал подход новой власти к компартии Ирака: коммунисты вышли из подполья и быстро превращались во влиятельную политическую силу в стране, что порождало надежды на дальнейшее возрастание значимости коммунистов в одной из ключевых стран Ближнего Востока. Как стратегическая победа Ирака был воспринят в СССР выход этой страны из Багдадского пакта, положивший конец надеждам Англии вернуть под свой контроль воздушные базы Ирака. Вместе с тем советское руководство вряд ли питало особые иллюзии относительно симпатий нового режима к коммунистам, в то время как многие на Западе и в регионе, напротив, склонны были переоценивать место коммунистов и степень влияния СССР на Касема. В свою очередь Касем рассматривал Советский Союз как возможный источник дипломатической и экономической помощи, а также как потенциальный поставщик оружия. Касем не симпатизировал коммунистической идеологии и советскую

модель экономического развития оценивал, совершенно объективно, как неподходящую для Ирака. К тому же, тесные связи, установленные между СССР и насеровским Египтом, не позволяли Касему видеть в Советском Союзе регионального союзника Ирака[103].

Претворение в жизнь Временного плана (1959–1961), несмотря на значительность средств, выделявшихся на цели укрепления военного потенциала Ирака, имело своими результатом известный прогресс в сельском хозяйстве, на транспорте, а также в социальной сфере, где произошло некоторое повышение жизненного уровня населения страны за счет введения всеобщего начального образования, расширения медицинского обслуживания, обеспечения дешевым жильем низкооплачиваемых слоев населения[104].

В результате огромной созидательной работы, которая охватила страну в 60 – начале 80-х годов, произошло качественное изменение облика Ирака: он превратился в одну из наиболее развитых аграрно-индустриальных стран Ближнего Востока, где была заложена основа – ресурсная, производственная, научно-техническая, кадровая – для закрепления достигнутого и дальнейшего успешного развития.

5.5. Курдский вопрос при Касеме

Наметившийся довольно отчетливо с середины 1960 г. антикоммунистический и в целом антидемократический курс Касема нашел свое проявление и в курдском вопросе. Отношения между правительством и руководством ДПК, между Мустафой Барзани и Касемом начали ухудшаться с начала 1960 г., еще при обсуждении программы ДПК, представленной этой партией для получения лицензии. Программа носила в целом буржуазно-демократический характер, в ней были сформулированы принципы ДПК по вопросам внутренней и внешней политики, осуждались «сепаратизм и шовинизм». В разделе, касавшемся курдов, партия выступала за предоставление курдам равных с арабами прав и возможностей в административной, экономической и культурной областях, за расширение этих прав на основе самоуправления в рамках Ирака, что должно было быть зафиксировано в постоянной конституции. Содержалось

положение о гарантиях прав национальных меньшинств, проживающих на территории Курдистана[105].

Министерство внутренних дел, рассмотрев программу ДПК, потребовало внести в нее ряд изменений. Это касалось не только упоминания о «марксистско-ленинском мировоззрении» партии, но и таких основополагающих для ДПК вопросов, как самоуправление, солидарность с братьями-курдами в других частях Курдистана, гарантии прав национальных меньшинств. Во всех случаях термин «курдский народ» был заменен на «курды» или «курдская национальность», а понятие «Курдистан» давалось иносказательно[106]. Между курдскими лидерами и властью развернулась острая дискуссия по вопросу названия партии. В конечном счете, руководство ДПК отстояло в названии партии слово «Курдистан», против которого решительно выступал Касем.

Во время этой приглушенной борьбы вокруг ее программы и названия ДПК явно ощутила стремление Касема ослабить политическую роль партии и низвести ее до положения «культурного общества», которое находилось бы под полным контролем и влиянием самого Касема. И хотя ДПК пошла тогда на компромисс с Касемом по некоторым вопросам, но от своей роли политического авангарда курдского народа не отступила. Позиция, занятая Касемом по курдскому вопросу в начале 1960 г., послужила началом ухудшения отношений между правительством и руководством ДПК. Ситуацию усугубляла широко развернувшаяся в реакционной прессе антикурдская кампания.

Собравшийся в мае 1960 г. V съезд ДПК, проанализировав сложившуюся в стране обстановку, констатировал, что власти явно взяли курс на свертывание прогрессивных преобразований, на ограничение деятельности политических партий, на преследование самых преданных республике сил, открыв тем самым простор для деятельности реакции, которая не только не встречает отпора со стороны режима, но, напротив, пользуется его прямым попустительством[107]. Съезд переизбрал Мустафу Барзани председателем ДПК и Ибрагима Ахмеда ее генеральным секретарем. Касему было направлено обращение V съезда, на которое не последовало никакого ответа. Более того, во время работы съезда Касем принял представителей двух

курдских племен, традиционно враждебных баразанцам, в чем Мустафа Барзани и все руководство партии усмотрели преднамеренную акцию Касема, отразившую его явное намерение встать на путь внесения раскола в курдскую среду, подогреть имевшиеся противоречия между племенами и тем создать условия для вмешательства правительства в дела Курдистана.

После съезда ДПК развернула кампанию по уточнению и конкретизации статьи 3-ей Временной конституции и претворению ее в жизнь. Выдвигались предложения расширить права курдского народа в политической, экономической и культурных областях, предоставить курдам право на самоуправление в рамках иракского единства на основе широкой демократизации страны. В ответ Багдад пошел на оказание широкой поддержки курдским феодалам, вставшим на путь свертывания аграрной реформы и расправы с получившими землю крестьянами, а заодно также и с «чуждыми» им племенами. Летом 1960 г. вооруженные феодалами банды напали на племя барзан, в нескольких селениях они разрушили дома, убили крестьян. Расправам подверглись и ассирийцы, выступившие против феодалов. ДПК потребовала от правительства провести тщательное расследование и наказать виновных и их покровителей. Однако ни один феодал не был привлечен к ответственности.

19 октября 1960 г. секретарь ДПК Ибрагим Ахмед опубликовал в газете «Хабат» статью «Курдская нация и 3-я статья конституции», в которой он вновь подчеркнул необходимость и значение укрепления арабо-курдского братства на основе полного равенства в правах и обязанностях, взаимного уважения и признания прав каждой из двух наций в рамках Иракской республики[108]. Правительство выдало ордер на арест Ибрагима Ахмеда и предало его суду по обвинению «в разжигании национальной вражды и фанатизма»[109]. В ходе рассмотрения дела в суде в ноябре-декабре 1960 г. была полностью доказана несостоятельность предъявленных обвинений, и суд был вынужден оправдать Ибрагима Ахмеда. Однако, акции правительства против курдов и прежде всего против Демократической партии Курдистана в конце 1960 – начале 1961 гг. шли по нарастающей. Были закрыты курдские газеты «Хабат» и «Курдистан», а также отделения партии в Мосуле, Эрбиле, Киркуке, Дербенди–Хане, члены партии

смещались с административных постов, шли аресты руководящих деятелей партии[110]. Многие из них вынуждены были перейти на нелегальное положение, в том числе Ибрагим Ахмед, некоторые уехали на север, в курдские районы.

С начала 1961 г. на страницах ряда газет, отражавших обычно официальную точку зрения, стали появляться высказывания, что курды – это по существу арабы и, следовательно, не может быть и речи о каких-либо особых правах курдов[111]. 17 февраля 1961 г. правительственная газета «Ас-Саура» опубликовала статью «Арабский национализм и проблема национальных меньшинств», в которой утверждалось, что национальный вопрос в Иракской республике будет решен путем растворения курдского национального меньшинства и других меньшинств в арабском обществе. Дополнением к этому выступлению газеты послужила речь Касема, с которой он выступил 20 февраля. Касаясь курдского вопроса, Касем заявил, в частности, что термин «курду» (от которого ведут свое название курды) означал титул, который древние иранские цари даровали своим храбрым воинам. Потомки этих воинов влились позже в войско ислама[112]. Газета «Ас-Саура», комментируя эту речь Касема, подчеркнула, что Ирак является единым государством, а не смешением различных народов[113]. Эти высказывания «Ас-Сауры» подверглись резкой критике в Ираке. Газеты «Саут аль-Ахрар», «Аль-Инсанийя», «Аль-Истикляль» и другие поместили ряд статей, в которых осудили призыв к ассимиляции курдов как враждебный национальному единству и братству иракцев. В материалах этих газет говорилось о том, что начатая антикурдская кампания волнует весь иракский народ, поскольку она в равной мере направлена как против курдов, так и против арабов и целей революции 14 июля. Национальное преследование является следствием антидемократических тенденций во внутренней политике страны[114].

В материалах названных газет особо подчеркивалось, что арабская нация никогда не выступала против другой нации, что проживающие в Ираке арабы, курды, национальные меньшинства ведут совместную борьбу за утверждение в стране демократии и прав национальностей, поскольку борьба за национальные права всегда переплетается с борьбой за демократию и является одним из проявле-

ний последней. Признание факта существования национальных меньшинств и уважение их прав являются важным средством достижения национального единства[115].

Антикурдская политика Касема стала одним из важных факторов нарастания напряженности в стране. Все более неспокойными становились и курдские районы.

В конце 1960 г. курдские племена зибари и бирадост организовали ряд выступлений против барзанцев. Власти не приняли никаких мер по пресечению этих столкновений, и барзанцы вынуждены были сами защищать себя. В середине марта 1961 г. Мустафа Барзани уехал из Багдада на север[116]. Его переезд в Курдистан имел большое значение для курдского национального движения: вокруг общепризнанного вождя курдского народа стали сплачиваться все патриотические силы, поставившие перед собой цель бороться за демократию в стране, за национальные права курдов.

Весной 1961 г. вооруженные отряды племени зибари вновь напали на барзанцев, но были полностью разбиты и отогнаны к границам Турции. Феодалы курдских племен, бывшие опорой монархического режима, враждебно настроенные к политике Касема, в том числе к начавшейся аграрной реформе, развернули вооруженные нападения на барзанцев и другие племена. Вооруженные феодалами отряды поджигали крестьянские дома, угоняли скот, убивали преданных республике курдов, нападали на полицейские участки, колонны солдат, казармы, блок-посты, нарушали нормальное течение жизни и деятельности людей[117].

Политика поддержки правительством курдских феодалов против крестьян, разжигание вражды и ненависти между отдельными курдскими племенами привели к резкому обострению напряженности в курдских районах летом 1961 г. Своими провокационными действиями правительство создавало предлоги для вооруженного вмешательства в Курдистане.

Сложившаяся в курдских районах ситуация, грозившая перерасти в состояние гражданской войны с ее неизбежными тяжелыми последствиями для Ирака в целом, получила свое освещение в многочисленных заявлениях ДПК, ее обращениях непосредственно к Касему. В этих материалах руководство ДПК делало особый акцент на

сращивании сил реакции с официальными властями, что является, как подчеркивалось в документах, «крайне опасным прецедентом, ведет к нарушению порядка и стабильности в Курдистане и в стране в целом». Однако все заявления и обращения ДПК к Касему оставались без ответа.

18 июля 1961 г. политбюро ДПК направило Касему пространное письмо, в котором был дан обстоятельный анализ политического и экономического развития страны в целом и Курдистана в частности и были сформулированы конкретные предложения, направленные на ликвидацию ненормального положения в Ираке[118].

Предложенная ДПК программа включала в себя широкие демократические мероприятия, реализация которых способствовала бы политической стабильности, экономическому и социальному прогрессу Ирака, единству его национальных сил. Но, как и все прежние, это письмо было оставлено Касемом без ответа[119].

Летом 1961 г. под предлогом "пресечения беспорядков» в северные районы были введены воинские части и силы безопасности. Они спровоцировали ряд столкновений с курдским населением в Киркуке, Сулеймании, Барзане и других местах. Напряженное положение в Курдистане грозило вылиться в вооруженное столкновение армии и народа.

Демократические силы Ирака были обеспокоены таким развитием событий. Летом 1961 г. Иракская компартия опубликовала ряд заявлений, в которых вскрыла причины происходящего в Курдистане и указала пути выхода из создавшегося положения. «Общая антидемократическая политика правительства, направленная на раскол национальных сил страны, – подчеркивалось в заявлении ИКП от 22 августа 1961 г., – открывает простор для деятельности реакционных феодалов, опираясь на которых активизируют свое вмешательство во внутренние дела Ирака агенты империализма». Партия предупреждала, что «политика правительства чревата угрозой развязывания братоубийственной войны между арабами и курдами» и что «для ее предотвращения необходимо осуществить справедливые национальные требования курдского народа». При этом компартия делала акцент на своем концептуальном тезисе: добиться своих прав курдский народ может только в общей совместной борьбе с широ-

ими массами всего Ирака.[120] . Этот документ Касем также обошел молчанием.

Позиция, занятая ДПК, не устраивала Касема. Ее требования широкой демократизации внутриполитической жизни страны угрожали его личной диктатуре. Нанеся удар по коммунистам, Касем готовился расправиться со следующей оппозиционной силой – курдами.

На первом этапе революции Касем использовал силу и влияние Демократической партии Курдистана как мощный фактор защиты революции против заговоров реакции. Он сотрудничал с руководством курдского национального движения лишь по временным, тактическим соображениям. Никаких национальных автономных прав он не собирался предоставлять курдам. Правительство готовилось силой подавить недовольство курдского народа.

11 сентября 1961 г. после нанесения в первой декаде сентября иракскими ВВС бомбовых и ракетных ударов по некоторым районам Курдистана правительство ввело в курдские районы бронетанковые и артиллерийские части и пехоту для развертывания широкомасштабных военных действий против курдов. Бомбардировке подверглись горные перевалы в провинции Сулеймания. В последующие дни самолеты обстреливали города и населенные пункты[121]. Правительственные войска захватили перевалы, рассеяли вооруженные группы курдов и восстановили свой контроль над основными коммуникациями и стратегическими пунктами. Многие деревни в районе между Киркуком и перевалом Базьян были разрушены, самолеты обстреливали гражданские автомашины и торговые караваны, разбрасывали листовки с угрозами применения жестких мер по отношению к тем, кто встанет на путь антиправительственной деятельности. В одной из листовок, обращенной к «уважаемым братьям», говорилось: «...войска будут наступать. Просим встречать их аплодисментами, приветственными лозунгами, радостно, так как они спасут вас от зла, защитят коммуникации, оградят от агентов империализма. И пусть знают эти агенты, что если кто-либо осмелится напасть на правительственного чиновника, придут наши войска и сожгут ваши населенные пункты». Утверждение о том, что карательные меры предприняты якобы для наказания преступников-

феодалов, были полностью несостоятельны. Доказательством тому служила бомбардировка деревень, находящихся на большом расстоянии от тех мест, где произошли инциденты.

Истинные причины развернутой властями антикурдской кампании были вскрыты ЦК ИКП в двух заявлениях от 13 и 17 сентября 1961 г. В них говорилось, что «военная кампания в Курдистане предпринята правительством для того, чтобы покончить с остатками демократии и нанести удар по национально-демократическому движению в стране[122]. Компартия обратилась ко всем слоям иракского общества с призывом выступить против военной кампании в Курдистане, «за прекращение огня и кровопролития, за разрешение курдской проблемы мирными средствами на основе удовлетворения национальных требований курдского народа в рамках братского взаимопонимания и иракского единства»[123]

Однако по отношению к самому курдскому движению компартия не сумела сразу занять четкой позиции. Позже она признала, что «в начале курдского национального движения осенью 1961 г. компартия заняла по отношению к нему расплывчатую позицию». С началом вооруженной борьбы курдов, пришли к выводу коммунисты в 1967 г., «складывались объективные возможности для партии развернуть совместную революционную борьбу с главным союзником в демократической революции – национальным курдским движением». Коммунисты обращали внимание на многочисленные трудности, препятствовавшие созданию действенного арабо-курдского единства, которые по их оценке, были «обусловлены в первую очередь политикой и идеологией правого крыла курдского лидерства, занявшего на первом этапе движения руководящее положение, … а также ошибкой самой компартии, рассматривавшей вначале курдское движение как выступление с оружием в руках против революционной национально-буржуазной власти, а это оказалось ошибочным»[124].

Компартия довольно скоро сумела исправить допущенные ошибки. Курдские феодалы, принявшие участие в движении для достижения своих корыстных целей, отошли от него, а само движение курдского народа приобретало более отчетливый национально-демократический характер. Состоявшийся в марте 1962 г. пленум

ЦК ИКП подверг анализу положение в стране и в Курдистане и сформулировал позицию компартии по курдскому вопросу в обстоятельном документе «Наша политика и программа справедливого и демократического решения курдской национальной проблемы в Ираке»[125]. В документе ЦК подчеркивалось, что «проблема курдской национальности органически связана с делом демократии арабского народа Курдская национальная проблема – это часть решения проблемы демократии в Ираке». Средство решения курдской проблемы коммунисты видели в «…предоставлении автономии Иракскому Курдистану в рамках единой Иракской республики». Вплоть до февральского переворота 1963 г. иракские коммунисты, выступая против личной диктатуры Касема, продолжали надеяться на то, что он под давлением сумеет нормализовать ситуацию в стране в целом, в том числе и в Курдистане на основе демократических принципов. Позже компартия признала ошибочной такую свою позицию. Вместе с тем, неоправданной выглядит также и программа, которую, по представлению ИКП, ей следовало противопоставить диктатуре Касема. В документах III пленума ЦК 1967 г. было сказано, что «верным революционным решением кризиса (имелась в виду ситуация в Ираке в 1961–1962 гг. – *Н. С.*) был захват власти революционным путем демократическими силами во главе с рабочим классом и его компартией»[126].

Настаивая на мирном урегулировании курдской проблемы, коммунисты одновременно принимали участие в антиправительственной борьбе вместе с курдами. В Иракский Курдистан стекались демократические силы, подвергавшиеся преследованиям со стороны правительства. К национальному движению курдов присоединялись и арабы, а также представители национальных меньшинств. Однако ослабленные преследованиями демократические силы не могли оказать давления на правительство. К тому же на общее настроение масс большое влияние оказывала официальная пропаганда, обвинявшая курдов в сепаратизме, в их стремлении отделиться от Ирака. В таком освещении курдское национальное движение воспринималось арабскими националистами как направленное на ослабление арабской родины перед лицом империализма, сионизма и феодализма. И, следовательно, действия правительства по пресечению мни-

мых сепаратистских тенденций курдов должны были рассматриваться как оправданные. Такие взгляды были широко распространены в Ираке. Они объясняют, почему даже прогрессивно настроенные арабские политические круги не оказали вначале поддержки курдскому национальному движению.

Становление самого курдского национального движения проходило в условиях огромных материальных, финансовых, кадровых трудностей. Когда 11 сентября 1961 г. иракская авиация подвергла бомбардировке курдские селения, только одиночные группы крестьян ушли в партизаны. У них не было ни оружия, ни денег, ни руководства. У Мустафы Барзани был отряд численностью примерно в 600 человек, вооруженных ружьями[127].

Ситуация менялась под воздействием правительственных акций, полностью уничтожавших целые селения, лишая тем самым курдов крова и средств к существованию. Репрессии вели к тому, что отдельные курдские выступления переросли в широкое народное движение. В партизанские отряды («пешмерга») к Барзани стекались крестьяне, городская интеллигенция, солдаты и офицеры – курды, служившие в иракской армии[128]. Основную силу курдского движения составили крестьяне. Их нужно было вооружить, организовать в отряды, обучить военному делу, воспитать из них бойцов революционной армии. Связанные с решением этих вопросов трудности усугублялись на начальном этапе движения еще и тем, что руководство ДПК не сразу приняло участие в вооруженной борьбе курдов, к тому же в его среде не было единства в подходе к начавшимся в курдских районах событиям[129].

С началом военных действий против курдов ЦК ДПК должен был определить свою позицию в отношении складывающейся ситуации. Большинство членов ЦК во главе с еекретарем Ибрагимом Ахмедом, реально оценивая военные возможности курдов, считали, что любое вооруженное выступление курдов будет немедленно подавлено правительственными войсками. Поэтому партия не должна открыто вмешиваться в военный конфликт с правительством, поскольку она не справится со своими задачами в условиях вооруженной борьбы и потеряет роль политического руководителя курдского народа.

Меньшая часть членов ЦК партии во главе с Джалалом Талабани и Умаром Мустафой выступили за ускорение вооруженного столкновения с Касемом. Они ошибочно полагали, что армия совершенно не поддерживает Касема, и с началом военных действий против курдов он окажется в полной изоляции.

Развернувшиеся в сентябре 1961 г. события в Курдистане подвели обе группы ЦК ДПК к выводу, что в сложившейся обстановке только Мустафа Барзани может обеспечить единое руководство в партии и преодолеть в ней раскол. Сам Мустафа Барзани делал все возможное, чтобы достичь договоренности с правительством и не допустить развязывания братоубийственной войны в стране. Только после того, как карательные меры были обрушены на его родную деревню и официально была запрещена Демократическая партия Курдистана, Мустафа Барзани принял решение о силовом противостоянии действиям властей. С этого времени курдский народ был вынужден отстаивать свои национальные права с оружием в руках.

Власти сформировали отряды курдских наемников, которые получили у партизан презрительную кличку «джаши» («маленькие ослы»). Эти наемники рекрутировались из больших племен, враждебных барзанцам, – зибари, бирадост и других. Временами численность этих отрядов превышала 10 тыс. человек. Правительство платило им жалованье, частично вооружало, но они сохраняли свою племенную организацию и получали от армейского руководства только самые общие указания.

Основная тяжесть военных усилий была возложена правительством Ирака, как и в 30–40-х годах, на авиацию. С сентября 1961 по январь 1963 гг. ни одна деревня или скопление людей на курдской территории не были днем в безопасности от внезапных атак с воздуха. Налеты иракской авиации причиняли курдам большой материальный ущерб. На январь 1962 г. насчитывалось 500 разрушенных курдских деревень, и 80 тыс. человек остались без крова. Особенно частыми и интенсивными налеты стали летом 1962 г. К февралю 1963 г. было разрушено 1500 деревень из общего числа 10 тыс., насчитывавшихся в Курдистан[130]. Но своей цели – привести курдов к покорности и деморализовать их – этот метод не достиг.

Курды имели в своем распоряжении лишь легкое оружие. У них не было моторизованного транспорта, полностью отсутствовало тяжелое вооружение и медицинская служба. Вооружались они главным образом за счет трофеев, добытых у правительственных войск, и оружия, передававшегося курдам служащими иракской армии и полиции. Были и частичные закупки.

25 сентября 1961 г. ЦК ДПК принял решение присоединиться к Мустафе Барзани и принять участие в вооруженной борьбе. В декабре 1961 г. ЦК переехал на север. Это событие имело большое политическое значение: Демократическая партия Курдистана внесла организованность в курдское национальное движение, способствовала более четкому определению его целей и задач, сыграла решающую роль в создании курдских вооруженных сил и укреплении дисциплины в воинских частях, что предопределило успех курдского движения в борьбе с правительственными войсками, придало движению курдов совершенно новые черты и оказало большое воздействие на расстановку сил в Ираке.

Повстанческие районы в основном сами обеспечивали себя продовольствием и снаряжением. Необходимые закупки делались в больших городах, что было известно иракским властям, но они не чинили при этом каких-либо препятствий[131].

Потребность в деньгах покрывалась введением 10%-ного налога на войну, которым облагались курдские деревни. Во всех городах Ирака, а также среди курдов Ирана, Сирии, Ливана собирались средства для оказания помощи курдскому движению в Ираке.

Партизаны не предпринимали попыток овладеть большими городами или укрепленными пунктами на территории размещения иракской армии. Они прерывали коммуникации, блокировали ущелья, взрывали мосты и делали непроходимыми дороги, устраивали засады против войск и отрядов снабжения, организовывали постоянные нападения на воинские части. В некоторых таких операциях правительственные войска несли потери до 1 тысячи человек.

В Курдистане была создана постоянная регулярная армия, основу которой составили курды, дезертировавшие с оружием из иракской армии (30% солдат в армии Ирака были курды). В декабре

1962 г. партизанские отряды были переименованы в «Лашкари Курдиши Курдистан» (Революционную армию Курдистана).

Курдские войска были разделены на две части. Северная группа состояла из племенного ополчения под руководством Мустафы Барзани; восточная группа располагалась к югу от Ако и состояла из войск, организованных Демократической партией Курдистана, под командой Джалала Талабани. Общее верховное командование принадлежало Мустафе Барзани. Численность курдских войск не превышала 15 тыс., из них менее 5 тыс. были при Мустафе Барзани, составлявшие ядро курдской армии, – отряды «пешмерга». Они были хорошо обучены и находились под командованием курдских офицеров, дезертировавших из иракской армии. У курдов имелся также резерв численностью до 20 тыс., из которого, в случае необходимости, призывали бойцов для участия в какой-либо конкретной операции[132].

С началом вооруженной борьбы курды выдвинули требования о предоставлении им автономии в рамках иракского единства. Вначале содержание автономии не имело четкого определения. В основном оно сводилось к созданию в курдских районах административной единицы, которая должна пользоваться свободой в решении вопросов управления, просвещения, экономического развития. Курдистан должен получать соответствующую долю доходов от добычи нефти и должно быть ограничено размещение некурдских воинских частей на его территории. По мере развития национального движения понятие автономии конкретизировалось, в него вносились дополнения и уточнения.

По мнению руководства курдским движением, эти цели могли быть достигнуты или путем соглашения с Касемом или в результате его свержения. Однако позиция, занятая Касемом по отношению к курдскому движению, исключала возможность достижения соглашения. В представлении Касема, участники курдской вооруженной борьбы были «предателями и агентами империализма, проявившими черную неблагодарность к правительству», которое якобы всегда заботилось об экономических, социальных и культурных нуждах курдов[133]. Для Касема закрепление во Временной конституции равенства арабов и курдов само по себе являлось разрешением курд-

ской национальной проблемы. Касем был готов простить всех, кто «ошибался и встал на неверный путь», выделить средства на восстановление разрушенного военными действиями. Но сначала повстанцы должны были сложить оружие и подчиниться правительству. Этой позиции Касем придерживался до конца дней своих.

Убедившись в полной невозможности достичь соглашения с Касемом, руководство курдским национальным движением в апреле 1962 г. выдвинуло требование свержения Касема и создания правительства, которое согласилось бы предоставить курдам автономию[134].

Антикоммунистическая и антидемократическая политика Касема нанесла большой урон левым силам в стране, подорвала их и без того хрупкое единство. Компартия, ослабленная репрессиями, арестами и ссылками ее членов, по-прежнему боролась против личной диктатуры Касема, но не выступала за его свержение. Руководство курдским движением стало искать возможных союзников в борьбе против Касема. Самыми ярыми противниками Касема были баасисты и «юнионисты» (сторонники объединения арабских стран), которые еще после провала мосульского мятежа приняли решение о насильственном свержении Касема.

Не без сложностей курды установили контакты с группой офицеров, сотрудничавших с партией Баас. Баасисты и армейские офицеры, готовившие заговор против Касема, понимали, что успех переворота и прочность будущей власти во многом зависят от того, какую позицию займет руководство курдского национального движения. Стремясь заручиться его поддержкой или хотя бы нейтралитетом, баасисты решили поддержать требование курдов о предоставлении им автономии[135]. Курды согласились сотрудничать с арабскими офицерами в деле свержения Касема на таких условиях: новое правительство установит в Ираке демократический режим и предоставит автономию Иракскому Курдистану. Баасисты приняли эти условия и предложили выдвинуть кандидатов-курдов в состав будущего правительства, что и было сделано ДПК.

У курдов не было настоящего доверия к баасистам, но все их попытки наладить контакты с другими политическими силами, успеха не имели[136].

В начале 1963 г. состоялась прямая встреча представителей ДПК и партии Баас – Салеха Юсуфи и Али Салеха ас-Саади. Во время переговоров Саади принял требование об автономии без каких бы то ни было оговорок. Но предложение курдской стороны заключить письменное соглашение было отклонено. Стороны договорились о том, что в случае провала заговора его участники найдут убежище на контролируемой курдскими войсками территории, а поэтому курдские руководители будут своевременно предупреждены о дате переворота[137].

Баасисты не собирались посвящать курдов в свои стратегические планы, а тем более выполнять данные курдам обещания. Они вели переговоры с руководством курдского национального движения лишь по тактическим соображениям, стремясь заручиться их нейтралитетом в борьбе за власть. В дальнейшие планы баасистов входило подавление курдского национального движения силой, проявляя при этом большую твердость и решительность, чем Касем[138].

К марту 1962 г. стратегическая обстановка в Курдистане приняла те формы, которые сохранялись до падения Касема. Территория от сирийской границы до нефтепромыслов Ханекина протяженностью около 500 км. и шириной в 110–120 км (что составляло ¾ территории Курдистана) находилась под контролем курдских партизан[139]. Отсюда были вытеснены все правительственные войска. Иракская армия в основном удерживала крупные города и некоторые деревни племен, враждебных барзанцам. На севере Ирака было сосредоточено более 2/3 вооруженных сил страны[140]. В чисто военном плане война с курдами приносила поражения иракской армии. Она была непопулярной в армейской среде. Для офицеров эта война была не только сопряжена с опасностью и нарушением привычного размеренного образа жизни в спокойной обстановке гарнизонной службы, но и затрагивала их престиж военных. Во всех неудачах офицеры-националисты обвиняли Касема, который, с их точки зрения, действовал недостаточно решительно и не снабжал армию всем необходимым, чтобы разгромить курдские партизанские отряды.

Для солдата-араба это была война против такого же, как и он, труженика-крестьянина или рабочего-курда, к которому он не питал никакой вражды. Уже в 1962 г. значительное число офицеров и сол-

дат-арабов перешли на сторону курдов и сражались вместе с ними за свободный демократический Ирак.

Война с курдами существенно ухудшила и без того находившуюся в кризисном состоянии экономику страны. Ежедневно на ее ведение при Касеме уходило более 150 тыс. долл[141]. Засухи 1959 и 1960 гг. сопровождались сокращением посевов зерновых. Целенаправленно к такому же методу прибегали феодалы в знак протеста против аграрной реформы. Военные действия в северных районах уничтожали урожай, оставляя незасеянными огромные площади. Нехватка хлеба больнее всего ударила по неимущим слоям населения страны.

Повышение цен на предметы первой необходимости, срыв планов экономического развития, провал аграрной реформы, массовая безработица в сочетании с политической нестабильностью и ухудшением взаимоотношений как с Западом, так и социалистическими странами, – все это привело к утрате Касемом доверия практически всех слоев иракского населения и, что особенно важно, лишило его поддержки деловых кругов страны.

27 апреля 1962 г. Касему была направлена петиция за подписью видных деятелей Ирака, партийных и беспартийных, которая призывала правительство немедленно прекратить военные действия против курдского народа, начать переговоры с руководством курдского движения и разрешить курдскую проблему на справедливой демократической основе[142]. "Только восстановление доверия между арабами и курдами, – говорилось в документе, – приведет к укреплению иракского единства и упрочит его позиции против империализма, который всегда использует любую возможность для вмешательства во внутренние дела Ирака».

В 1962 г. компартия организовывала массовые акции протеста против шовинистической антикурдской политики Касема, на которых звучали призывы к власти урегулировать курдскую проблему мирными демократическими средствами в рамках иракского единства[143]. Коммунисты считали, что возможности мирной борьбы масс еще далеко не исчерпаны. При наличии национального единства между патриотическими и демократическими силами обстановка в стране могла измениться в пользу демократического развития. Од-

нако Касем в курдском вопросе по-прежнему придерживался ранее занятой им позиции: курды должны полностью подчиниться политике правительства, которое готово "простить» их и оказать содействие в возмещении понесенных потерь и восстановлении разрушенного.

5.6. *Внешняя политика при Касеме*

Отношения с нефтяными компаниями. Одним из определяющих факторов, сдерживавших выполнение в Ираке намеченных экономических программ, была нехватка финансовых средств. Главным источником их поступления в иракскую казну были отчисления от прибылей нефтяных компаний. Правительство Касема было заинтересовано в увеличении этих отчислений, что предполагало существенное повышение объемов добычи нефти. Однако иностранные нефтяные компании, вовсе не заинтересованные в превращении Ирака в экономически независимое государство, в целях создания дополнительных трудностей для иракского руководства стали сокращать добычу нефти. Урегулирование отношений иракского правительства с нефтяными компаниями на новых основах явилось неотложной задачей власти.

Проблема взаимоотношений будущего революционного правительства с Ирак Петролеум компани (ИПК) и ее дочерними компаниями была предметом активного обсуждения членами организации «Свободные офицеры» еще до революции. По их представлению, ИПК и ее отделения не подлежали национализации, но новая власть, дав нефтяным компаниям заверения соблюдать все положения имеющихся соглашений по нефти, может потребовать от них увеличения добычи нефти и соответственно отчислений от ее доходов Ираку. «Свободные офицеры», понимая значимость повышения доходов от нефти в бюджетном финансировании, одновременно осознавали важность недопущения приостановки процесса добычи нефти. Однако они не исключали возможность пересмотра в будущем условий действовших соглашений в пользу Ирака.

Готовность соблюдать свои обязательства по международным соглашениям были даны ИПК новой властью сразу после государственного переворота. Касем заявил, что Ирак заинтересован в продолжении добычи и поставок нефти на мировые рынки. Свои заверения не прерывать добычу нефти сделала и Ирак петролеум компани.

Однако республиканская власть получила в наследие от монархического периода давно существовавшие противоречия по нефтяным вопросам между Ираком и нефтяными компаниями, разрешать которые прежний режим всегда старался путем переговоров. Правительство Касема не исключало применение в этом вопросе и более радикальных методов. Тем более, что избранная республиканским правительством экономическая политика, предусматривавшая не только завершение строительства начатых ранее объектов, но и возведение новых, требовала серьезного увеличения финансовых средств. Тем не менее, в течение первых двух лет ситуация во взаимоотношениях сторон оставалась практически неизменной, хотя переговоры по спорным вопросам начались между обеими сторонами уже в 1958 г. Продолжались они около двух лет и не привели к каким-либо новым договоренностям. Характер отношений между Ираком и нефтяными компаниями оставался достаточно стабильным.

Первое серьезное осложненение в этих отношениях возникло в июле 1960 г., когда правительство повысило портовые сборы на перевозку нефти из Басры в 12 раз – с 23,4 филсов до 280 филсов за тонну. Басорская нефтяная компания, дочернее предприятие ИПК, выразила решительный протест, и экспорт нефти через Басру был прекращен[144].

Касем начал оказывать давление на нефтяные компании, требуя от них увеличения отчислений Ираку. После долгих проволочек компании в конечном счете согласились на переговоры, которые начались 15 августа 1960 г. и продолжались в течение года с перерывами до 11 октября 1961 г. Компании всячески затягивали время, и на первом этапе переговоры практически не велись. В декабре 1960 г. Касем потребовал от представителей нефтяных компаний ускорить принятие решений, удовлетворяющих Ирак. Реакции со стороны ИПК не последовало. Прошедшие 2 и 6 апреля 1961 г.

встречи сторон окончились безрезультатно. Наконец в июне 1961 г. ИПК уведомила Ирак о готовности продолжить переговоры.

Ранее иракская сторона предъявила ИПК свои требования, изложенные в 12 пунктах, главными из которых были следующие: повышение существовавшей тогда 50%-ной доли Ирака в чистой прибыли, предоставление Ираку 20%-ной доли участия в разделе капитала компаний, пересмотр в пользу государства неэксплутируемой части концессионной территории, ускорение принятия в штат ИПК иракского персонала, удвоение добычи нефти и увеличение экспортных объемов иракской нефти до 70 млн тонн в год стоимостью около 100 млн долл[145].

Окончательные требования иракского правительства были переданы представителям компаний в конце августа. После тщательного рассмотрения этих документов Лондоном 28 сентября 1961 г. переговоры были возобновлены.

Проходили они в Багдаде под председательством Касема. Центральное место в ходе дискуссий заняли вопросы повышения доли Ирака в отчислениях от прибылей компаний, передачи Ираку части неосвоенных нефтяными компаниями территорий, а также болезненная для иракцев проблема влияния на окружающую среду выбрасываемого в атмосферу в огромных масштабах сопутствующего добыче нефти газа. И опять ни по одному вопросу между сторонами не было достигнуто согласия[146].

Нефтяные компании вели разработку нефти только на 10% концессионной территории, а 90% оставались заброшенными. Касем на заключительной встрече с представителями компаний 11 октября 1961 г. заявил, что партнерство правительства Ирака и компаний может осуществляться на 10% концессионных земель на основе новых договоренностей, обязательной частью которых должно стать повышение доли Ирака при разделе прибылей[147]. Это заявление, традиционное по своему содержанию, по тональности прозвучало как ультиматум.

11 декабря 1961 г. Касем подписал закон № 80, на основании которого у нефтяных компаний изымалось 99,5% концессионных земель. По ранее подписанным соглашениям они имели права на все эти территории, но к их освоению компании так и не приступили.

Этот закон был воспринят в Ираке как большая победа над нефтяными компаниями. Касем считал себя победителем, а закон 80 он представил как «возврат Ираку его прав». На самом деле никаких изменений не произошло. Нефть по-прежнему добывалась на ранее освоенных землях, отношения между компаниями и Ираком строились на основе фактически существовавших норм, изменение которых откладывалось до установления иного, полнее отвечавшего интересам Ирака соотношения при разделе прибылей. При Касеме переговоров с нефтяными компаниями больше не было.

Отношения Ирака с арабскими странами. Внешняя политика Ирака в годы правления Касема складывалась под влиянием ряда факторов, действовавших как на национальном, региональном, общеарабском, так и в целом международном уровнях. Новая власть, декларируя свою внешнюю политику, выделила в ней четыре приоритетных аспекта: обеспечение независимости Ирака, укрепление арабской солидарности, поддержание дружеских отношений с Ираном и Турцией; нейтралитет в конфликтном противостоянии Востока и Запада.

Сразу после революции правительство Ирака провозгласило свою приверженность арабской солидарности и нейтрализму, 20 августа 1958 г. было подписано соглашение с ОАР, одобрительно воспринятое арабской общественностью как свидетельство «возвращения Ирака в арабскую семью», поскольку этот шаг был прямой противоположностью политике Нури, внесшей большой вклад в раскол «Арабского дома»[148].

Центральной задачей революционной власти было обеспечение стране подлинной независимости, что означало переход к новой форме взаимоотношений с державами, прежде всего с Англией и США. Первым шагом в этом направлении должен был стать выход Ирака из Багдадского пакта, являвшегося символом зависимости Ирака от Англии и его подчиненности интересам Запада. Решение этой задачи было одним из главных лозунгов революции. Однако на начальном этапе становления нового режима, не желая осложнения отношений с Турцией и Ираном, Касем не предпринимал мер, направленных против Багдадского пакта. Более того, он заявил о го-

товности Ирака соблюдать все свои обязательства по международным и концессионным соглашениям (в том числе по нефтяным контрактам) и участвовать в международных организациях, членом которых он является. Эти заявления способствовали тому, что в течение двух недель новый режим был признан почти всеми иностранными государствами, которые имели дружественные отношения с прежним режимом. Такая ситуация воспринималась как нормализация Ираком его отношений с внешним миром. В своих речах, с которыми Касем выступал в 1959 и в 1960 гг., он с гордостью говорил об установлении наконец-то одинаково дружественных отношений между Ираком и всеми государствами Востока и Запада[149].

Однако столь благостно отношения Ирака с внешним миром выглядели лишь на бумаге и на словах. В реальной действительности картина в этой сфере была, мягко говоря, иной: под давлением сложившихся в стране ряда влиятельных группировок с их разнонаправленными внешнеполитическими ориентирами Касем принимал решения, качественно отличавшиеся от ранее им заявленных.

Коммунисты и националисты, занимавшие на начальном этапе правления Касема весьма прочные позиции в его окружении, были самыми решительными борцами за осуществление мер, призванных укреплять независимость иракского государства. Касем в первой половине 1959 г. принял ряд важных решений, направленных на освобождение страны от военно-политической зависимости со стороны Запада. В марте 1959 г. Ирак официально вышел из Багдадского пакта, отменил действие неравноправного англо – иракского соглашения от 4 апреля 1955 г., английские войска были выведены с территории Ирака, включая и военно-воздушные базы в Хаббании и Шуайбе. Были денонсированы ирако-английские и ирако-американские соглашения 1954–1955 гг., Ирак вышел из стерлингового блока. Эти внешнеполитические акты республиканского правительства создавали реальную базу для проведения политики позитивного нейтралитета.

В отличие от старого режима, уделявшего особое внимание развитию отношений с ближайшими соседями Ирака Турцией и Ираном, республиканское правительство провозгласило целью своей внешней политики всемерное укрепление связей с братскими араб-

скими странами, содействие упрочению арабского единства. Однако практические действия Ирака в этой сфере приводили к прямо противоположным результатам. Причин тому было много: часть из них уходила своими корнями в сложные перипетии исторического прошлого арабов, часть досталась в наследство от эпохи колониализма (особенно это касается пограничных вопросов, возникших как следствие произвольного установления европейскими державами разграничения арабских территорий), а что-то было приобретено уже в условиях независимого развития, когда, в частности, на поверхность выступили проявлявшиеся и ранее амбициозные устремления отдельных арабских руководителей, претендовавших на лидирующие позиции в арабском сообществе. Существенный отпечаток на характер межарабских отношений накладывала также и разделенность мира на два противоборствующих лагеря, каждый из которых стремился реализовывать свои интересы в том или ином регионе земли, делая ставку на расположенные здесь государства.

Отношения с ОАР. Отношения между Республиканским Ираком и Объединенной Арабской Республикой при Касеме развивались достаточно сложно, неровно, принимая не раз явно враждебный характер. С одной стороны, именно ОАР была первым арабским государством, с которым новая иракская власть подписала соглашение, воспринятое арабской общественностью как существенный вклад в дело укрепления арабской солидарности. Но в среде правящей элиты Ирака не было единого подхода к вопросу «арабской солидарности». Члены группировки Абдель Саляма Арефа и его сторонники как в самом Ираке, так и за его пределами, утверждали, что с победой Июльской революции представилась «золотая возможность» достичь арабского единства и требовали немедленного объединения Ирака с ОАР, заявляя о своей готовности для решения этой задачи применить даже силу[150].

Сам Касем и некоторые его соратники из числа «Свободных офицеров» считали, что время для полного арабского единства еще не наступило. Касем на первый план ставил задачу упрочения иракской национальной независимости, и в этой связи он стремился заручиться поддержкой групп как в военных, так и гражданских кру-

тах, в вопросе противодействия планам немедленного объединения арабов. Проблема арабского единства стала неотъемлемой составляющей внешней политики Касема, что заставляло его искать сотрудничества с державами, оппозиционно настроенными к проблеме единства, а также пытаться сплотить внутренние силы, противостоявшие арабскому единству, с целью установления некоего баланса между обоими лагерями.

Для упрочения независимости Ирака Касем заручился поддержкой коммунистов внутри страны, а на внешней арене – военной и экономической помощью Советского Союза. Касем был готов к сотрудничеству с Насером в рамках арабской солидарности, но он был против подчинения независимости Ирака коллективным арабским действиям, которые могли ущемить интересы Ирака и негативно сказаться на его отношениях с неарабскими странами[151].

Серьезное осложнение отношений между Багдадом и Каиром произошло в 1958–1959 гг. когда Египет был обвинен в причастности к антиправительственным выступлениям иракской оппозиции и к покушению на Касема. Поворот в политическом развитии Ирака, четко наметившийся уже при Касеме, продолжал оказывать свое влияние на отношения между обеими странами, хотя внешне в этих отношениях произошли определенные изменения. Насер не выступал за немедленное свержение Касема. Уменьшились количественно и изменились по содержанию выпады против режима Касема в СМИ Египта. ОАР не чинила прямых или косвенных препятствий участию иракских делегаций в межарабских встречах. Она в свою очередь была представлена на подобных встречах в Багдаде. Свидетельством взаимной терпимости была конференция арабских министров иностранных дел, проходившая в Багдаде с 30 января по 4 февраля 1961 г., когда министр иностранных дел ОАР д-р Махмуд Фавзи был принят Касемом, а националистически настроенные толпы в Багдаде впервые за два года выкрикивали лозунги в поддержку арабского единства и Абдель Насера.

Однако эти факты не вносили каких-либо существенных изменений в отношения между Египтом и Ираком: они оставались враждебными. Последствия таких факторов, как взаимные нападки, страхи, акты предательства, в условиях которых складывались отноше-

ния между обеими странами в первый год Иракской республики, не могли исчезнуть автоматически. Дипломатические отношения между Каиром и Багдадом в полном объеме так никогда и не были восстановлены. Не пресекались антикасемовские акции так называемых «свободных» иракцев в ОАР. Хотя СМИ Египта вели себя более сдержанно по сравнению с 1959 г., но в них не звучало «ни единого хорошего слова в адрес Касема, но часто появлялись плохие»[152].

Во время нарастания кризиса в отношениях между Сирией и Египтом в рамках ОАР Касем вел себя достаточно корректно, хотя и не скрывал своих надежд на успех Дамаска.

В конце 1961 и в 1962 гг. шел активный процесс обмена визитами, подписания многих соглашений во время встреч арабских лидеров на высшем уровне. Однако эти встречи не содействовали улучшению отношений между Ираком и Египтом. Более того, незадолго до падения режима Касема между обеими странами вспыхнул еще один кризис, вызванный так называемым вмешательством посольства ОАР в забастовку иракских студентов и последовавшей за этим высылкой одного из египетских дипломатов. При всей напряженности и даже враждебности отношений между Каиром и Багдадом этот фактор не оказал прямого влияния на судьбу режима Касема.

Что касается других соседних арабских стран, то, в частности, у Ирака быстро развивались близкие сердечные отношения с Иорданией, чему во многом способствовал король Хусейн, испытывавший серьезные опасения со стороны ОАР. Он признал Иракскую республику 1 октября 1960 г.

Значительно большее значение для Касема имели отношения с Сирией, особенно после ее выхода из состава ОАР 28 сентября 1961 г. Сотрудничество с новыми лидерами Сирии Касем сделал осью своей арабской политики. Новое руководство Сирии, не имевшее серьезной поддержки, малоизвестное арабской общественности, было весьма признательно Касему за занятую им позицию[153].

Отношения с Ираном. Отношения Ирака с Турцией и Ираном, бывшими партнерами по Багдадскому пакту, приняли крайне недружественный характер после выхода Багдада из состава членов этой организации и восстановления отношений с СССР. Особенно

быстро ухудшались отношения с Ираном. Хотя складывавшаяся тогда ситуация не привела к войне, но она во многом предварила события 1980 г.

Иранский шах был обеспокоен свержением в Ираке монархии, левой ориентацией правительства Касема, усилением влияния на него СССР. На ухудшение отношений двух стран серьезно повлияло возвращение в Ирак Мустафы Барзани и активизация деятельности Демократической партии Курдистана.

В 1959 г. серьезные противоречия между Ираком и Ираном, выливщиеся в поток взаимных притязаний, возникли из-за реки Шатт аль-Араб. В ноябре 1959 г. Иран поднял вопрос о правомочности ирано-иракского пограничного договора 1937 г., установившего прохождение границы по левому (иранскому) берегу Шатт аль-Араба, предоставившего Ираку фактически полный контроль над судоходным каналом и изменившему линию границы в районе иранского порта Абадан, где она стала проходить по самому глубокому участку реки. На этом участке (длиной около 7 км) впервые был применен принцип тальвега. Пограничный договор 1937 г. сохранил много неопределенных вопросов в прохождении линии границы между Ираном и Ираком, что на протяжении многих лет вызывало болезненные инциденты и конфликты, при этом ответственность за них оба государства автоматически возлагали друг на друга[154].

В 1959 г. Иран потребовал проведения водораздела по тальвегу на протяжении всей реки Шатт аль-Араб. Ирак отверг это требование и выдвинул свои собственные притязания. В течение года двусторонние отношения ухудшились до такой степени, что не раз между обоими берегами завязывались перестрелки. При этом ни одна из сторон не была заинтересована в расширении конфликта, поскольку любое обострение в ирано-иракских отношениях сопровождалось незамедлительным ударом по судоходству, которое блокировалось закрытием ключевых портов этого региона – Басры и Абадана. Активное вмешательство Англии и США, оказывавших поддержку иранскому шаху, давление нефтяных компаний, сложная внутренняя обстановка в обеих странах не позволили тогда перерасти конфликту в открытое военное противостояние. В апреле 1961 г. конфликтующие стороны достигли соглашения о возобновлении

судоходства[155]. Сохранение ряда спорных вопросов в ирано-иракских отношениях таили в себе опасность новых, еще более острых конфликтов, что и подтвердили события 80-х гг.

Не последнюю роль в обострении отношений с Ираном в 1959–1961 гг. сыграло соперничество между Касемом и Насером за влияние в арабском мире. Доминирующим позициям ОАР в странах Леванта Касем попытался противопоставить новую зону интересов Ирака в Персидском заливе (официально переименованном Ираком в Арабский). Таким путем иракский лидер намеревался соединить проблему общеарабского единства с особыми национальными интересами Ирака. Это нашло свое проявление в повышенном внимании Ирака к аравийским монархиям зоны залива, а также к арабоговорящему населению юго-западной провинции Ирана – Хузестан, которой иракское правительство вернуло ее прежнее название Арабистан.

Правительство Ирана усмотрело в этих действиях Ирака намерение дополнить спор вокруг Шатт аль-Араба раскручиванием в политических целях вопроса судьбы теперь уже существенной части самого Ирана. В этой ситуации иранское правительство средством воздействия на власти в Багдаде избрало оказание помощи иракским курдам, у которых на протяжении 1961 г. нарастал конфликт с центральной властью. После переезда Мустафы Барзани из Багдада в Курдистан через ирано-иракскую границу, не имеющую в этом районе каких-либо серьезных препятствий, в курдские районы стали поступать продовольствие и оружие. Вначале объемы этих поступлений были невелики, но они помогли Барзани противостоять иракским войскам на протяжении 1961 и 1962 гг. Главное заключалось в том, что был создан прецедент, сыгравший исключительно важную роль впоследствии.

Кувейтский вопрос. Другим важным следствием пробуждения у Ирака особого интереса к зоне Персидского залива стали его притязания на Кувейт. Закрытие в ходе очередного осложнения ирано-иракских отношений для судоходства реки Шатт аль-Араб в начале 1961 г. вновь подняло давно ставшей традиционной проблему ограниченного доступа Ирака к Персидскому заливу. Еще в 30-е гг. как

один из вариантов разрешения этой проблемы обсуждался проект строительства порта в Умм Каср, близ кувейтской границы. Тогда эта идея ассоциировалась с иракскими притязаниями на весь Кувейт или на кувейтские острова Варба и Бубиян, контролирующие подходы к Умр Каср. Схожими соображениями, вероятно, руководствовался и Касем, потребовавший «вернуть» Кувейт Ираку сразу после провозглашения независимости этой страны в июне 1961 г.

50–60-е годы XX в. были временем качественных перемен в Арабском регионе: здесь рушились колониальные устои, побеждали национальные революции, арабские народы обретали национальный суверенитет и намечали программы его укрепления. Активно проходил этот процесс в зоне Персидского залива. Заметным событием стало провозглашение независимости Кувейта, который освобождался от британского протектората, фактически установленного с момента подписания в 1899 г. секретного соглашения между Англией и правителем Кувейта эмиром из династии Сабахов. Соглашение не имело правовой силы, поскольку Кувейт тогда принадлежал Османской империи, и местные правители не имели права самостоятельно осуществлять внешнеполитические акции. Но Кувейт в империи находился на особых – автономных правах, чем и воспользовались англичане. Позже, в 1913 г., англо-турецкое соглашение определило особый статус Кувейта в составе Османской империи и его границы. Из-за начавшейся первой мировой войны это соглашение не было ратифицировано, а 3 ноября 1914 г. англичане аннулировали соглашение 1913 г. и объявили Кувейт «независимым княжеством под протекторатом Великобритании».

Территориальное разграничение между сопредельными Ираком, Саудовской Аравией и Кувейтом Англия произвела в 1922 г. В рамках этих границ и шло становление суверенитета трех арабских государств, хотя за пределами установленных рубежей осталось множество спорных вопросов, не получивших своего разрешения ни при проведении разграничения, ни в последующие годы. Больше всего таких вопросов накопилось у Ирака.

Еще в 30-е годы стала озвучиваться версия об «исторических правах» Ирака на весь Кувейт. Обосновывались эти притязания тем, что во времена Османской империи Кувейт входил в состав Басор-

ского вилайета (южной части Ирака). Отсюда следовал вывод: после ухода англичан из Кувейта эта территория должна воссоединиться с Ираком. Эту идею выдвинул еще король Ирака Гази в 1937 г., предлагавший аннексировать Кувейт, и с этой целью стал стягивать войска к ирако-кувейтской границе. Смерть Гази в 1939 г. положила конец этим планам. В начале 1958 г. Нури Саид зондировал почву о возможности присоединения Кувейта к Иордано-Иракской Федерации[156].

Вернулись иракские лидеры к вопросу о судьбе Кувейта после провозглашения 19 июня 1961 г. этой страны независимым государством. Пойдя на отмену протектората, Англия вместе с тем стремилась сохранить за собой возможность вмешиваться в кувейтские дела. Правовая основа для этого была заложена в англо-кувейтском договоре, подписанном обеими сторонами 26 июня 1961 г., где говорилось о готовности Англии «прийти на помощь Кувейту в случае, если его правительство попросит о такой помощи». Случай этот представился незамедлительно.

Ирак не признал суверенитета Кувейта. В официальном заявлении иракского правительства от 26 июня 1961 г. говорилось о «наследственном праве» Ирака на Кувейт. Касем направил в Лигу арабских государств специальный меморандум, в котором обосновал свои притязания на Кувейт и выразил категорическое несогласие с приемом Кувейта в члены ЛАГ как суверенного государства. Усмотрев угрозу своему суверенитету со стороны Ирака, правительство Кувейта ввело в стране чрезвычайное положение и обратилось за помощью к ООН и Англии[157].

В ответ на намерения Ирака Англия заявила об отсрочке вывода своих войск и судов ВМФ из порта Эль-Кувейт. 1 июля в Кувейт стали прибывать дополнительные контингенты английских войск, которые вскоре были заменены трехтысячным контингентом войск Лиги арабских государств[156].

Действия Англии явились причиной возникновения так называемого “кувейтского вопроса», грозившего перерасти в более широкий конфликт с вовлечением в него стран Ближнего Востока, а также государств Запада.

Реакция арабских стран и западных государств на события, связанные с Кувейтом, отражала позицию каждой из сторон по вопросу о предоставлении Кувейту независимости, арабы при этом не исключали также вероятности империалистического вмешательства в дела Ближнего Востока.

Позиция, занятая Ираком в отношении Кувейта, была прямо или косвенно осуждена арабскими государствами. Ввод Англией дополнительных войск в Кувейт оценивался арабской общественностью как следствие «жадности и агрессивности Касема, открывшей дорогу английским оккупационным войскам на арабскую землю»[158]. Правительство ОАР в официальном заявлении 28 июня 1961 г. призвало арабские страны исходить из интересов арабского единства, а не пытаться решать спорные вопросы сегодняшнего дня ссылками на конвенции и договоры, заключенные арабами или чужеземцами в далеком прошлом. Король Саудовской Аравии назвал притязания Ирака «странными и вызывающими сожаление». Посол Саудовской Аравии в Багдаде заявил иракскому правительству, что любая агрессия против Кувейта будет рассматриваться как агрессия против Саудовской Аравии. С согласия кувейтского правителя Саудовская Аравия начала 1 июля вводить контингенты своих войск на территорию Кувейта[159].

Английское правительство, ссылаясь на положения договора от 26 июня 1961 г., оправдывало свои действия необходимостью предотвращения угрозы суверенитету Кувейта со стороны Ирака, ставшей, по утверждению английской стороны, «особенно реальной после того, как Ирак начал концентрировать войска вдоль границы с Кувейтом»[160].

Что касается заявления англичан о сосредоточении иракских войск на границе с Кувейтом, то здесь существуют весьма противоречивые данные, не дающие прямого ответа на вопрос, был ли Касем готов к использованию вооруженных сил для достижения поставленной цели[161].

Багдад выступил против ввода любых иностранных войск в Кувейт и не уставал повторять, что свои претензии к этой стране Ирак всегда стремился разрешать только мирными средствами. Касем решительно отверг появившиеся сообщения о якобы имевшем место

продвижении иракских войск к кувейтской границе[162]. Подтверждают правдивость этого заявления и некоторые западные исследователи. Так, У. Данн утверждает, что Касем не ставил перед собой задачи аннексировать Кувейт, о чем свидетельствовало отсутствие каких-либо данных о передвижении иракских войск к кувейтской границе.

Обсуждение кувейтского вопроса в Совете Безопасности ООН в начале июля 1961 г. выявило острые противоречия между сторонниками и противниками независимости Кувейта, что нашло свое отражение в двух проектах резолюций, представленных Англией и Египтом.

Англия выражала готовность вывести свои войска с территории Кувейта лишь после заявления «правителя этой страны о ликвидации угрозы независимости Кувейта»[163]. Английский проект резолюции призывал «... все страны уважать независимость и территориальную целостность Кувейта, побуждать всех заинтересованных к сотрудничеству в деле сохранения мира и спокойствия в районе, внимательно наблюдать за происходящими событиями». В проекте ничего не говорилось о выводе британских войск из страны[164].

Делегация ОАР выступила за предоставление Кувейту независимости, выразила уверенность в возможности урегулирования разногласий между двумя арабскими странами «в рамках Лиги арабских государств в соответствии с арабскими принципами и традициями» и потребовала «немедленного вывода с арабской территории всех иностранных войск, чье присутствие неприемлемо для арабского мира». В египетском проекте резолюции содержался призыв к разрешению вопроса мирными средствами и немедленному выводу британских войск из Кувейта[165].

Ни один из этих проектов не набрал необходимое число голосов и не был принят.

Советский Союз поддержал египетский вариант и высказался против английского проекта резолюции как отвечающего целям сохранения британского военного присутствия в Кувейте.

Важную роль в разрешении кувейтского вопроса, в отстаивании независимости Кувейта сыграла ЛАГ. Совет этой организации принял резолюцию о вступлении Кувейта в ЛАГ и оказании содействия

в принятии его в ООН. 20 июля совет Лиги единодушно проголосовал за принятие Кувейта в члены ЛАГ. Иракская делегация в знак протеста покинула заседание еще до голосования. С этого момента Ирак прекратил сотрудничество с Лигой. Более того, 26 декабря 1961 г. министр иностранных дел Ирака Хашим Джавад сделал заявление о намерении его страны пересмотреть свои дипломатические отношения с теми странами, которые установят такие отношения с Кувейтом[166]. Следствием этого был отзыв иракских послов из столиц государств, принявших у себя послов Кувейта, но дипломатические отношения при этом сохранялись. В течение 1962 г. этот процесс был продолжен, в число «нежелательных» попали страны, традиционно дружественные Ираку, в их числе из арабских Иордания, Ливан, Тунис, а также Япония, Индия и особо США[167].

Совет Лиги призвал правительство Кувейта «принять все необходимые меры для скорейшего вывода с территории страны английских войск», а правительство Ирака – «не прибегать к силе для осуществления аннексии Кувейта»[168]. Он обратился также ко всем арабским странам «оказать эффективное содействие в деле сохранения независимости Кувейта».

Для обеспечения суверенитета Кувейта от посягательств извне в августе 1961 г. Лига приняла решение о создании арабских объединенных сил безопасности и размещении их на территории Кувейта. В состав этих объединенных сил вошли подразделения Саудовской Аравии, Судана, ОАР и Иордании. Решения ЛАГ по обеспечению суверенитета Кувейта и предпринятые Советом Лиги практические меры послужили основанием для обращения правителя Кувейта к Англии с просьбой вывести ее войска с кувейтской территории, что и было осуществлено.

Арабские контингенты были введены в сентябре – октябре 1961 г., а выводились они постепенно: в декабре 1961 г. ушли войска ОАР, в январе 1963 г. – Саудовской Аравии и Иордании. Суданские части покинули Кувейт несколько позже, уже при правительстве Хасана аль- Бакра, признавшего независимость Кувейта. В 1963 г. Кувейт был принят в члены ООН, что означало признание независимости этой страны международным сообществом. Кувейтскому кризису был положен конец. Но последующие события будут свидетель-

ствовать, что это не означало действительного урегулирования ирако-кувейтских отношений.

Выяснение мотивов, которыми руководствовался Касем в своих притязаниях на Кувейт, повлекших за собой не только существенное усложнение ирако-кувейтских отношений, но и вызваших в 1961 г. заметное обострение ситуации во всем ближневосточном регионе, имеет не только историко-познавательное, но и большое политическое значение. Кувейтский вопрос 1961 г. нашел свое продолжение на новом витке исторического развития обеих стран, приняв на сей раз характер глубочайшего кризиса 1990–91 гг. уже не локального, а регионального масштаба с угрозой перерастания в международный. Кризисным событиям в ирако-кувейтских отношениях 1961 г. дан глубокий анализ в монографии Е.С. Мелкумян «Новейшая история Кувейта»[169].

Среди факторов, которыми обосновывал Касем свои притязания на Кувейт, и небезосновательно, как считают некоторые исследователи[169] были исторический (вхождение территорий современного Ирака и Кувейта в Османскую империю), территориальный (Кувейт управлялся каймакамом, подчинявшимся губернатору лива Басра), пограничный (граница, проведенная в 1922 г. между Ираком и Кувейтом оставила много нерешенных вопросов), к которым добавился самый существенный – нефтяной.

По запасам нефти Кувейт занимает третье (после Саудовской Аравии и Ирака) место в мире. Установление контроля над кувейтской нефтью означало многократное усиление экономической и военной мощи Ирака, возрастание его политической значимости и, соответственно, престижа и авторитета его лидера в стране, регионе и в мире.

Объединение ресурсов обеих стран, по представлению Касема, должно было обеспечить поступление средств в масштабах, необходимых для реализации его грандиозных замыслов. Интересно отметить, что сами эти притязания были заявлены почти одновременно с требованиями к нефтяным компаниям о пересмотре положений действовавших нефтяных соглашений. Не исключалась также версия оказания прямого давления на правителя Кувейта с целью получения от него финансовых средств. Достичь поставленных целей в Кувейте

Касем предполагал дипломатическими средствами, хотя не исключалось и применение силового давления. К этому добавлялось и заветное желание Касема – обойти Насера, противопоставив влиянию египетского лидера обретенную мощь в восточной части «арабской родины». Но для реализации таких намерений Ирак был слишком слаб.

Притязания Касема на Кувейт активно поддерживались группами ярых сторонников арабского единства в партии Баас и в офицерском корпусе, одобрявшими идею аннексии Кувейта. Однако избранная Касемом тактика привела к изоляции Ирака в арабском мире, к резкому падению значимости страны в глазах Великобритании. Ответственность за это целиком возлагалась на Касема и его режим. Кувейтская авантюра нанесла сокрушительный удар по престижу Касема в стране. Бурные вначале одобрения иракской публики действий своего вождя сменились вскоре негодованием, а затем полным безразличием к власти.

В начале 1962 г. по приказу Касема в Багдаде была устроена выставка трех армейских автомобилей – одного английского, второго иорданского и третьего – саудовского, которые разными путями попали через неустановленную ирако – кувейтскую границу. Официальная пресса объявила эту демонстрацию «символом триумфа иракского народа над его врагами»[170].

Кувейтский вопрос существенно осложнил отношения Касема с Западом и арабским миром. На смену активным контактам первых двух лет республики пришло резкое охлаждение в этих отношениях. Как пишет Марр, «маниакальное упрямство Касема толкало его к абсолютно ненужному ослаблению связей даже с теми арабскими странами, которые были естественными союзниками Ирака в противостоянии устремлениям Египта».

Кувейтский конфликт не способствовал и решению главных внутренних проблем. Полностью приостановилось осуществление аграрной реформы, медленно шел процесс индустриализации, не выполнялись планы развития, наметилось падение доходов от нефти[171].

В сложившейся на тот момент политической ситуации в стране Касем, стремясь убедить страну в своей силе «истинного» народного

вождя и способности продолжать политику укрепления суверенитета Ирака, освобождения его от империалистической зависимости, поспешил издать законы об изъятии у нефтяных монополий неэксплуатируемых концессионных территорий и о создании государственной Национальной нефтяной компании. Доходы от нефти направлялись на неотложные нужды беднейших групп населения. Средства, предназначавшиеся на осуществление долгосрочных проектов, перенаправлялись на жилищное строительство и предоставление ссуд на строительство жителям пригородов Багдада. Был отменен введенный ранее налог на землю, помилованы приговоренные в 1958–1959 гг. к смертной казни коммунисты и представители других демократических кругов, проведена широкая амнистия, в результате которой из тюрем было выпущено около 2500 коммунистов. Касем пошел на осуществление этих мер потому, что практически все политические силы Ирака, включая старейшую влиятельную буржуазную Национально-демократическую партию, оказались в оппозиции к его режиму.

Эти меры позитивного характера были призваны сбалансировать негативные последствия фактического провала режима Касема. Но, не желая укрепления позиций левых сил, «единственный лидер» одновременно амнистировал и всех тех, кто участвовал в заговорах против него, и осужденных за преступления при монархии. Из тюрем были освобождены Рашид Али аль-Гайлани, ближайшие помощник Шаввафа, заговорщики-баасисты, а также Абд ас-Салям Ареф. Им была возвращена их собственность и право на получение пенсий. Но надежда Касема на то, что освобожденные им буржуазно-националистические силы станут сторонниками его режима, были тщетными. Именно они с 1961 г. повели подготовку к свержению Касема. Лидером в этом процессе стала партия Баас.

Активизацию оппозиционных сил подталкивал сам режим. Касем все отчетливее утрачивал свои позиции лидера. В его распоряжении оставалось единственное средство удержания власти – применение силы. Был ужесточен контроль над лицами, подозреваемыми в нелояльности к режиму, осуществление его было возложено на армию и полицию. На эти правительственные меры партия Баас ответила возобновлением своей деятельности. Был увеличен тираж

партийного органа газеты «Иштиракий» («Социалист»), расширено ее распространение в массах, велась активная пропаганда, нацеленная на подготовку населения к планировавшемуся перевороту, на разъяснение и оправдание выступления военных, «которое, – по заявлениям баасистов, « будет ответом на требования народа»[172].

Одновременно в конце 1962 г. усиливалась и тенденция к сближению демократических сил. Ее основу составляли всеобщее недовольство войной в Курдистане, все большая изоляция от масс диктаторского режима, что создавало предпосылки для перехода левых сил в активное наступление. Опираясь на них, Касем мог предотвратить заговор реакции, которая действовала тогда практически открыто. Иракская компартия 3 января 1963 г. опубликовала заявление, в котором предостерегала правительство о готовящемся заговоре. Были даже перечислены армейские части, где заговорщики действовали особенно активно.

Но Касем, утративший к тому времени всякое реальное представление о положении дел в стране, не склонен был прислушиваться к разумным советам, хотя им были предприняты меры по обеспечению собственной безопасности. В Багдаде и его окрестностях были сосредоточены большие военные силы. Территория между улицей Рашида и рекой Тигр была превращена в укрепленный лагерь. Министерство обороны охранялось девятнадцатой бригадой, которой ранее командовал Касем, а ее пятая дивизия с 1960 г. находилась под командованием сводного брата Касема генерала Абд аль-Джаббара Джавада. Сам Касем в последние месяцы своего правления, напуганный многочисленными заговорами против него, превратился в фактического пленника министерства обороны, где он чувствовал себя в относительной безопасности. Однако никаких действенных мер против хорошо известных в Багдаде заговорщиков не было предпринято. Касем отдал приказ арестовать лишь нескольких подозрительных лиц, которые играли в готовящемся заговоре второстепенную роль.

В течение последних шести недель правления Касема страна была охвачена борьбой студентов и учащихся старших классов. Начавшись с диспута между, условно говоря, «прокоммунистическими» и националистически настроенными группами студентов Ба-

гдадского университета, ситуация приобрела характер политической акции и вылилась в забастовку, поддержанную многими преподавателями. Между противостоявшими сторонами произошли столкновения, завершившиеся смертью нескольких ее участников.

К националистически настроенным арабским студентам присоединились их курдские коллеги. Очень скоро выступления учащихся вышли за пределы столицы, и забастовка стала практически всеобщей. Она охватила города Мосул, Рамади, Фаллуджу и другие районы страны. Против принявших участие в забастовке преподавателей, студентов, школьников была направлена полиция. В ходе ее акций несколько человек были убиты, расправам подверглись тысячи студентов, арестованы были многие преподаватели. В их числе председатель союза писателей Ирака Абд аль-Азиз аль-Дури, занявший пост ректора Багдадского университета после свержения Касема.

Хотя стачка студентов не оказала прямого воздействия на последовавший вскоре государственный переворот, она в полной мере выявила несостоятельность режима Касема, его неспособность влиять на ситуацию в стране и решать возникавшие в стране проблемы, не прибегая к силовым методам.

ГЛАВА 6

ИРАК В ПОИСКАХ ПУТИ К СТАБИЛИЗЦИИ (1960-е годы)

6.1. Первый приход к власти партии Баас (8 февраля – 18 ноября 1963 г.)

Организаторами государственного переворота 8 февраля 1963 г. в Ираке («Революции 14 рамадана», как назвали это событие его руководители), были представители правого крыла руководства иракской партии Баас, действовавшие совместно с другими членами так называемого «Социалистического блока», активизировавшие свою деятельность в 1961–1962 гг.

«Социалистический блок» был создан в марте 1961 г. Его ядро составили партия Баас, иракские филиалы ДАН – Движения арабских националистов, Движения насеристов-юнионистов – и военная группировка Абд ас-Саляма Арефа. К блоку примыкали Партия независимости и многочисленные националистические группировки[1]. Они установили контакты с группой военных, входивших ранее в организацию «Свободные офицеры», и образовали объединенный комитет, известный впоследствии как «Национальный совет революционного командования». Во главе этого комитета стояла небольшая по численности группа, но его члены были достаточно широко представлены в государственной администрации и в вооруженных силах. В руководство комитета входили от партии Баас генеральный секретарь регионального (иракского) отделения партии Баас Али Салих ас-Саади, Талиб Хусейн Шабиб, Хазем Джавад, от военных офицеры в отставке Абд ас-Саттар Абд аль-Латиф, Абд аль-

Керим Мустафа Нусрат, Салих Махди Аммаш; представителями армейских кругов были также Абд ас-Салям Ареф, Тахир Яхья, Ахмед Хасан аль-Бакр[2].

Лидер иракских баасистов Али Салих ас-Саади, придерживавшийся крайне правых националистических взглядов, представлял и возглавлял гражданское крыло в команде заговорщиков. Встав в оппозицию к режиму Касема, Ас-Саади отчетливо понимал, что свергнуть этот режим можно только при тесном взаимодействии с военными, разделявшими аналогичные с баасистским руководством взгляды. К ним принадлежали многие из бывших членов организации «Свободные офицеры», в том числе освобожденный незадолго до этого из тюрьмы Абд ас-Салям Ареф, по разным причинам разошедшиеся с Касемом. Главными факторами, сближавшими военную и гражданскую оппозицию, были неприятие политики Касема, приведшей к изоляции Ирака в Арабском мире, и его сближение с коммунистами. Военную группировку в Объединенном комитете возглавил Абд ас-Салям Ареф.

В 1962 г. внутри комитета было создано военное бюро из шести человек, в которое вошли Али Салих ас-Саади и группа высших офицеров-баасистов, среди них генерал Ахмад Хасан аль-Бакр, подполковник Салих Махди Аммаш и другие офицеры. Бюро привлекло к своей дятельности значительное число офицеров, как бывших в отставке, так и находившихся на службе. Их подбор осуществлялся только на основе рекомендаций кого-либо из членов руководства[3]. У заговорщиков было много единомышленников, готовых немедленно встать на их сторону с началом мятежа.

В течение 1962 г. заговорщики существенно укрепили свои позиции за счет создания разветвленной сети организаций, способных в случае выступления военных вывести на улицы большие массы людей[4]. На протяжении этого же года предпринимались неоднократные попытки свержения Касема. Однако они каждый раз откладывались в последний момент из-за четко отлаженной работы службы безопасности, успевавшей вовремя предупредить Касема о грозящей ему опасности.

В конце 1962 г. участники заговора разработали детальный план действий, который они намеревались осуществить 19 января 1963 г.,

но дата мятежа оказалась известной Касему, и заговорщики были вынуждены отложить выступление. После очередной неудачи лидеры оппозиции избрали 25 февраля 1963 г., священный для всех мусульман день праздника и.д. аль-фитр («праздник разговенья» – второй по значению праздник мусульман в честь завершения поста в месяц рамадан) окончательной датой запланированной акции, о чем сразу же был проинформирован Касем. Последовал арест трех главных участников подготовки мятежа – лидера баасистов Али Салиха ас-Саади, Салиха Махди Аммаша и Саадуна Хаммади (последний был сразу выпущен)[5]. Касем надеялся получить от арестованных полный список участников заговора, военных и гражданских, и захватить их всех одновременно. Это заставило лидеров заговора принять решение о немедленном выступлении, намеченном на 8 февраля (14 рамадана).

Главной целью заговорщиков было свержение Касема. Определяющая роль в решении этой задачи отводилась военным. Одновременно в ходе антикасемовского выступления партия Баас намеревалась продемонстрировать свою популярность среди населения, свою способность удержать под контролем «улицу» в момент возникновения кризисных ситуаций. Достижение этой цели было возможно лишь при нейтрализации главного соперника баасистов в борьбе за влияние на массы – иракских коммунистов. Сведение с ними окончательных счетов баасисты решили совместить с ликвидацией режима Касема.

К борьбе с коммунистами партия Баас серьезно готовилась на протяжении двух лет. Под ее контролем находились некоторые кварталы Багдада, например, Азамийя, а также ряд городов за пределами столицы, в частности, Рамади. Местная полиция практически не вмешивалась в вопросы противоборства различных группировок за установление ими собственного контроля над городскими кварталами даже тогда, когда дело доходило до кровавых эксцессов, происходивших в результате постоянных попыток баасистов установить свой контроль над районами, находившимися под влиянием коммунистов.

Благодаря попустительству служб безопасности за два последних года правления Касема партия Баас сумела сформировать и обу-

чить отряды партийной милиции, в которые были привлечены обманутые шовинистической пропагандой юнцы, деклассированные элементы, городские люмпены. К моменту переворота они насчитывали около двух тысяч человек[6].

Началу заговора сопутствовал ряд благоприятных для его участников факторов. В ночь на 8 февраля Касем вопреки сложившейся привычке работать по ночам в своей штабквартире в министерстве обороны находился в своем доме в квартале Алвийя. Командовавший 19 бригадой генерал Абд аль-Джаббар Джавад был болен, а его первый заместитель оказался причастным к заговору[7].

Руководство выступлением 8 февраля 1963 г. приняли на себя Абд ас-Салям Ареф и генерал Ахмад Хасан аль-Бакр. Утром они беспрепятственно заняли расположенное на правом берегу Тигра здание радиовещания, часть офицеров службы безопасности которого была посвящена в заговор, остальные не оказали никакого сопротивления.

Захватив радиостанцию, баасисты тут же провозгласили создание Национального совета революционного командования, заменившего правительство Касема. Здание радиостанции стало для них временной штабквартирой. Первым актом новой власти было обращение к нации, в котором, в частности, говорилось: «Революционное правительство, действуя в соответствии с целями Революции 14 июля, будет стремиться к установлению демократических свобод, придерживаться принципа верховенства закона и достижения национального единства на основе прочного арабо-курдского братства для защиты национальных интересов и усиления общей борьбы против империализма. Революционное правительство будет уважать права меньшинств, предоставляя им возможность участия в жизни страны»[8]. В своей дальнейшей практике лидеры «революции народа и армии» действовали прямо противоположно данным обещаниям.

Захват радиостанции и объявление о «новой революции» не означало победы заговорщиков: им еще предстояло овладеть ситуацией и установить полный контроль над страной и прежде всего ликвидировать главный бастион режима Касема – здание министерства обороны. Это было место работы Касема как премьер-министра и министра обороны, здесь же располагался генеральный штаб ирак-

ской армии. Здание было основательно укреплено, обеспечено оружием, его охранял гарнизон из «собственной» 19 бригады Касема численностью примерно в две тысячи человек. Уничтожить этот символ власти было решено с помощью авиации. 8 февраля заговорщики убили командующего военно-воздушными силами коммуниста генерала Джалала аль-Авкати и взяли под контроль аэродром военной базы Рашид, близ Багдада.

Первыми на защиту Касема поднялись коммунисты. Как только правительственное радио сообщило о заговоре, компартия, не имевшая прямых связей с Касемом, приступила к немедленной мобилизации своих членов и вывела на улицы тысячи человек, вставших на защиту режима. Они устремились к штабквартире Касема в министерстве обороны, надеясь предотвратить переворот блокированием подходов к зданию со стороны прилегающих к нему улиц.

Сюда же вместе с председателем суда Махдауи и главой военного управления Таха аль – Шейхом Ахмадом в сопровождении своего адъютанта прибыл Касем.

Касем немедленно стал отдавать приказы воинским частям начать контратаку. (Говорили, что телефонный кабель не был перерезан умышленно, чтобы дать возможность Касему самому услышать шокировавшие его ответы нелояльных к нему воинских подразделений). Некоторые части, среди них находившиеся в Кадымейне и Балкубе, ответили готовностью выполнить приказ. Касем отказался от предложения коммунистов использовать оружие против заговорщиков. Он до конца верил в способность его собственных сил справиться с ситуацией.

Министерство обороны около двух часов бомбили три Хаукер-Хантера и четыре Миг-17. Массированная бомбардировка причинила зданию министерства обороны большой ущерб, с ним полностью была прервана телефонная и радиокоммуникационная связь.

Касем, поняв всю серьезность происходящего, попытался привлечь лидеров восстания к переговорам, но эти попытки окончились полным провалом. Продолжавшиеся атаки с воздуха были дополнены ударами танков и бронемашин по хорошо укрепленным ограждениям здания министерства обороны. Атакующие поспешили объя-

вить о полном разгроме сил Касема к концу дня 8 февраля, однако противоборство продолжалось всю ночь и утром 9 февраля.

Во второй половине дня 8 февраля подошедшие танки и бронемашины под командованием полковника Абд аль-Карима Мустафы Нусрата, возглавлявшего особое воинское подразделение базы Абу Грейб, уничтожили всех 600 остававшихся на своих постах солдат и офицеров. Министерство обороны пало, но заговорщики не занимали пока еще его внутренних помещений[9].

Касем и его ближайшее окружение в течение нескольких часов находились в забаррикадированном отсеке основного здания. Здесь они впервые услышали имена главных действующих лиц заговора и проведенные ими назначения на высшие государственные посты (у Касема был транзисторный приемник). В полночь Касем, Махдауи, Таха аш-Шейх Ахмад и его личный охранник лейтенант Канаан Халиль Хаддад перебрались через неохраняемый вход в так называемый Народный зал, или Амана зал («аманат аль-асима»). У здания министерства они увидели убитых командующего военной полиции Абд аль-Карима аль-Джидду и Вахфи Тахира, главного адъютанта Касема.

Последние часы жизни Касема известны только по свидетельствам его убийц. Ранним утром 9 февраля между Касемом и Арефом состоялся телефоный разговор, в котором Касем просил разрешения уехать в Турцию или Австрию, на что получил решительный отказ. Ему предлагалось в 7 часов утра появиться у входа в Народный зал с поднятыми руками без знаков отличия. Касем не подчинился этим требованиям и в 8.30 утра был арестован вместе со своими соратниками и препровожден в здание радиовещания. Подвергнутый оскорблениям и унижению, Касем впал в депрессивное состояние, он что-то невнятно бормотал и плакал, отвергал обвинения его как «врага народа». Спешно созданный трибунал вынес всем четверым смертный приговор, который был приведен в исполнение 9 февраля 1963 г. в 13 час. 30 мин. Похоронен Касем был в тот же день. Место его захоронения неизвестно[10].

С началом воздушной атаки баасистская милиция получила приказ к действиям. Здесь впервые было объявлено название этой милиции «аль-Харас аль-каумий» («Национальная гвардия»). Воо-

руженные дубинками, автоматами, с повязками зеленого цвета на рукавах «гвардейцы» блокировали стратегические дороги, выходы из кварталов Багдада, рассыпались по улицам города и начали расправу с коммунистами по заранее составленным спискам. Уже в первые часы переворота в Багдаде погибли сотни коммунистов[11].

Потеря Касемом социальной опоры привела к тому, что переворот практически не встретил сопротивления. Только коммунистическая партия, которая сохраняла свое влияние в ряде районов Багдада и в гарнизонах, располагавшихся близ столицы, организовала активные действия. В целом войска были настроены или против режима Касема, или оставались абсолютно индифферентными к нему. Большую роль в пассивном отношении масс сыграло также и то обстоятельство, что заговорщики уже в первом коммюнике, переданном по радио утром 8 февраля, заявили о восстановлении принципов Июльской революции, ради чего и проведена «революция 14 рамадана», и о смерти Касема[12].

Новые лидеры страны, учитывая несомненную популярность Касема во многих кругах иракцев, наделявших его личность даже некоей гипнотической силой, сочли необходимым представить на телевидении изрешеченное пулями тело Касема как доказательство его смерти[13].

В первый же день переворота началось формирование структуры новой власти. Был создан Национальный совет революционного командования (НСРК) из 14 человек (позже число его членов возросло до 20), в который вошли 12 баасистов, военных и гражданских, включая весь состав Военного бюро из 6 человек, а также 4 офицера – небаасиста. НСРК стал высшим органом власти. Состав этого совета полностью никогда не раскрывался, а некоторые из его членов не были известны даже высшим властям[14]. Было объявлено, что НСРК – произвольно возникший орган, получивший свою легитимность от военных, установивших фактический контроль над властью, который должен был заменить свергнутый силой режим.

Тогда же были произведены и другие назначения на важные государственные посты. Президентом республики стал тесно сотрудничавший с Баас, небаасист, генерал Абд ас – Салям Ареф, его секретарем – Анвар Абд аль-Кадер аль-Хадити. Вице-президентом и

премьер-министром был назначен член регионального руководства партии Баас генерал в отставке Ахмед Хасан аль-Бакр. Тахир Яхья стал начальником генерального штаба, Рашид Муслех – генерал-губернатором Ирака. Но фактически вся полнота власти оказалась сосредоточенной в руках правых баасистов во главе с заместителем премьера и министром внутренних дел секретарем регионального командования партии Баас Али Салихом ас-Саади. Как руководитель партии, ас-Саади был самым влиятельным и сильным членом руководящей тройки, хотя, как показали дальнейшие события, авторитет его не был общепризнанным[15].

В первые недели существования новой власти партия Баас предпочитала оставаться в тени и направлять деятельность нового правительства таким образом, чтобы избежать непосредственной ответственности за происходившие в стране эксцессы. Тем самым лидеры партии хотели предотвратить переход в оппозицию различных религиозных и либеральных националистических группировок, по крайней мере, до исчезновения угрозы возможности «коммунистического контрпереворота». Существенная роль в обеспечении поддержки новой власти консервативной частью иракского общества отводилась Абд ас-Саляму Арефу. Национальный совет революционного командования, состоявший из баасистов и небаасистов, должен был стать связующим звеном между правительством и партией Баас. Руководство партии рассчитывало на то, что со временем все члены НСРК, включая самого Арефа, станут членами Баас. Лидеры партии, входившие в состав НСРК и бывшие одновременно членами регионального командования партии Баас, контролировались своим высшим органом – региональной конференцией, которая выдвигала вопросы региональной значимости, а претворение их в жизнь возлагалось на представителей партии в правительстве[16].

С момента формирования новых органов власти между ними и прежде всего между Национальным советом руководства революции, президентом и правительством начались трения по ключевому вопросу – признанию верховенства за одним из звеньев в созданной властной структуре. Непростыми оказались отношения между армией и Национальной гвардией, являвшейся одним из столпов баасистской власти, в обязанности которой входило обеспечение народной

поддержки Революции 14 рамадана и борьба с ее оппонентами, особенно с коммунистами. После того, как силы оппозиции были подавлены, национальные гвардейцы стали орудием в руках власти для расправы с неугодными лицами, в число которых попадали и те, кто не имел никакого отношения к политике.

Оказавшись впервые у руля правления страной, Баас ставила перед собой задачу создать однопартйное государство и установить свой безраздельный контроль над правительством и армией. Достижение такой цели было заведомо неосуществимым по многим причинам, главной из которых было положение на тот момент в самой иракской партии Баас: она была малочисленной. По одним источникам, ее членство составляло в 1964 г. не более 2500; по другим, на февраль 1963 . в партии насчитывалось около 800 полных членов, а вместе с кандидатами примерно 15 тыс. человек. (Полными членами партии были лишь те, кто входил в состав высшего звена партийного руководства).[17].

В правительственной программе – в соответствии с баасистской доктриной «единство, свобода, социализм» (в этой трилогии «социализму» отводится подчиненная роль: под ним понимается прежде всего средство, способ возрождения былого величия арабской нации) – содержалось положение о построении в Ираке "социалистического общества», давалось обещание решить курдский вопрос, делался упор на ускорение процесса объединения арабов. Однако слова так и не стали делами.

Захватив впервые власть в стране, рукводители партии Баас все усилия направили на обеспечение своего безраздельного господства в политической области. Серьезным препятствием на пути к достижению этой цели были иракские коммунисты.

В первом заявлении Национального совета революционного командования говорилось: «Наша революция пользуется поддержкой народных масс. У нее две цели: осуществить национальное единство и обеспечить власть закона»[18]. Под флагом "восстановления законности" правые баасисты развязали террор против коммунистов, которых обвинили в «измене революции»[19]. Осуществляли эти акции армейские подразделения, силы полиции и баасистские отряды Национальной гвардии. Только в первые дни переворота было убито

около 5 тысяч человек и более 10 тысяч брошены в тюрьмы[20]. Жертвами баасистов стали генеральный секретарь и член политбюро ИКП Салям Адиль, члены политбюро Мухаммед Хусейн Абу аль-Ис, Хасан Увейни и многие другие руководители иракских коммунистов, а также низовые организации ИКП[21]. В качестве обоснования своих преступных действий правобаасистские лидеры выдвинули тезис: «Интересы социализма в Ираке требуют ликвидации коммунистов»[22].

Целью баасистов было намерение расправиться со всеми своими политическими противниками, но тактическое решение этой задачи предполагало нанесение ударов по ним поодиночке. Устраняя в первую очередь коммунистов и тем укрепляя свои позиции, баасисты вначале создавали видимость готовности решить курдскую проблему на основе ранее достигнутых с курдским руководством договоренностей.

9 февраля Мустафа Барзани отдал распоряжение о прекращении военных действий против иракской армии. В новое правительство были включены два курда Баба Али и Фуад Ареф, а не шесть, как было согласовано во время контактов между баасистами и курдами.

Курдские лидеры направили новым иракским властям свои требования, предложив начать по ним переговоры. Созданию благоприятной обстановки для переговорного процесса, указывалось в послании, способствовал бы отвод иракских войск на позиции, которые они занимали до 11 сентября 1961 г.[23]

17 февраля в Багдаде начались переговоры курдов с правительством. Курдская делегация, возглавлявшаяся Джалалом Талабани, выдвинула требования о предоставлении Курдистану автономии в рамках Иракской Республики. В документе, включавшем политический, экономический и культурный аспекты, конкретизировалось само понятие автономии, которое сводилось к следующему:

в политической области – создание законодательной и исполнительной власти в Курдистане; пропорциональное представительство курдов в парламенте Ирака, который должен быть создан на основе всеобщего избирательного права, и в правительстве страны; вице-президент и вице-председатель совета министров Иракской Республики должны быть курдами; курдские вооруженные силы должны

быть преобразованы в полицейские части; в составе иракской армии будет курдская дивизия с дислокацией в курдских районах;

в экономической – предоставление Курдистану справедливой доли доходов от нефти и права свободно распоряжаться финансами для ускорения экономического развития курдских районов;

в культурной – признание курдского языка в качестве официального, введение обучения в школах на курдском языке[24].

Правительство на первых порах создавало видимость, что оно якобы готово удовлетворить национальные требования курдов на основе признания автономии. На самом деле руководство партии Баас Ирака было в принципе против мирного урегулирования с курдами. Но баасистам нужно было время для укрепления своих позиций в стране, в арабском мире и в мировом сообществе.

Переговоры, которые они вели с курдами в течение нескольких месяцев 1963 г., преследовали цель ввести в заблуждение общественность страны. Шагом в этом направлении можно считать разработанный правительством план нового административного устройства территории Ирака.

9 марта 1963 г. правительство заявило о признании национальных прав курдов на основе «децентрализации». Термин «децентрализация» никогда ранее баасистами не выдвигался. Все переговоры до свержения Касема и после установлени власти партии Баас велись на основе признания за курдами права на автономию.

План «децентрализации» предусматривал изменение административного деления Ирака. Вместо прежних 14 провинций страна делилась на 6 крупных районов – мухафез: Мосул, Киркук, Сулеймания – на севере, Багдад, Хилла, Басра – на юге. Эти районы должны были получить права в вопросах просвещения, муниципальных дел, жилищного строительства, коммуникаций, сельского хозяйства. Сулеймания (в составе собственно провинций Сулеймания, Эрбиль и 6 округов провинций Мосул и Киркук) должна была стать курдским районом, где курдский язык признавался официальным наряду с арабским; преподавание на курдском языке предусматривалось в начальной и неполной средней школе, а в школах второй ступени основным языком оставался арабский[25].

Показательным является то обстоятельство, что в таком виде план «децентрализации» был опубликован всеми иракскими газетами только 11 июня 1963 г., т.е. после возобновления войны в Курдистане. А в марте содержание «децентрализации» было изложено в общих чертах[26].

Стремясь к мирному урегулированию, руководство курдского движения согласилось с планом правительства, хотя он не учитывал большую часть требований курдов, прежде всего в политической и экономической областях. Между обеими сторонами продолжались переговоры, теперь уже по уточнению плана «децентрализации», в ходе которых правительственная сторона по-прежнему на словах признавала национальные права курдов, но уклонялась от подписания окончательного документа с ними, не желая связывать себя конкретными обязательствами. Власти не могли согласиться с расширением территории предполагаемой курдской провинции, поскольку в нее должны были войти Киркук как столица автономии, а также основные нефтяные месторождения этого региона. Неприемлемыми для них были принципы финансового и военного устройства автономии.

Переговоры между правительством и курдами велись в то же самое время, когда шла активная работа трех стран – Египта, Сирии и Ирака по вопросу создания федеративного арабского государства.

После государственного переворота 8 марта 1963 г. в Сирии, в результате которого и в этой стране к руководству пришли представители партии Баас, Ирак и Сирия, стремясь упрочить свои позиции в арабском мире и на международной арене, уже в марте начали переговоры с ОАР о единстве.

Трехсторонние переговоры завершились в Каире 17 апреля подписанием декларации о создании на базе Египта, Сирии и Ирака нового федеративного государства – Объединенной Арабской Республики[27].

Однако создание федерации трех государств так и осталось на бумаге. Причина этого кроется в тех глубоких противоречиях, которые существовали между Египтом, с одной стороны, и Сирией и Ираком, – с другой, равно как между Сирией и Ираком, а также

внутри каждой из этих двух стран, и что особенно существенно, внутри самого баасистского руководства.

Баасисты Ирака и Сирии пришли к власти не потому, что они были самой серьезной и влиятельной политической силой в своих странах: другие партии и политические группировки были еще слабее. Ни широкой социальной опоры, ни достаточной политической поддержки баасисты у себя в стране не имели. Авторитет их власти мог бы значительно возрасти, если бы им удалось заручиться поддержкой Египта, ставшего уже тогда ведущей прогрессивной силой в арабском мире и во всех развивающихся странах. Добившись согласия Египта на создание трехсторонней федерации, баасисты так и не сумели устранить серьезных разногласий между ее участниками.

Очень скоро после подписания декларации Насер поспешил отмежеваться от той политики, которую проводили баасистские руководители в своих странах, особенно в Ираке.

Расправившись с коммунистами, подвергнув репрессиям и преследованиям представителей демократических кругов страны, загнав в тюрьмы и концентрационные лагеря более 100 тыс. человек[28], упрочив, как казалось иракским баасистам, свои позиции союзом с Египтом и Сирией, правительство Ирака сочло себя вполне готовым к «решению» курдского вопроса, что должно было привести к устранению последней остававшейся оппозиционной силы в стране[29].

Ведя переговоры с курдами, власти одновременно, на протяжении февраля-июня 1963 г., готовились к подавлению курдского движения военной силой, широко используя при этом меры пропагандистского, экономического и политического характера. Извращались требования курдов, их обвиняли по сложившейся традиции в сепаратизме, в стремлении отделиться от Ирака и создать самостоятельное государство, которое включало бы в себя территории Турции и Ирана[30].

С апреля правительство стало вновь устанавливать экономическую блокаду курдских районов и перебрасывать на север воинские части. Готовясь к возобновлению войны с курдами, баасисты поспешили укрепить отношения с Англией. В мае во время переговоров в Лондоне иракская делегация выразила желание закупить у

Англии реактивные самолеты типа «Хаукер–Хантер», танки и другое вооружение[31].

Правые баасисты пошли на сближение с членами СЕНТО Турцией и Ираном. В апреле 1963 г. прошло несколько совещаний между Ираком и представителями Ирана и Турции, предложившими и планировавшихся военных операциях против курдов Ирака использовать иранские и турецкие войска. Между сторонами была достигнута договоренность о закрытии перед началом военных операций против курдов границ между тремя странами в целях перекрытия возможных каналов снабжения иракских курдов оружием, медикаментами и другими необходимыми товарами из Турции и Ирана[32]. Обсуждался вопрос и о совместных действиях.

В мае 1963 г. правительство Ирака усилило подготовку к возобновлению военных действий в Курдистане. Иракские войска установили его фактическую блокаду. Численность правительственных войск в северных районах была доведена до 45 тыс. человек[33].

С 7 июня Багдад приступил к применению силы против курдов, которое с 11 июня приобрело характер широкомасштабной истребительной войны, в которой участвовали две трети иракской армии. Бомбардировкам подвергались курдские деревни, многие из которых были уничтожены уже в первый день. Напалмом сжигался готовый к уборке урожай зерновых[34]. Военные действия сопровождались актами насилия и жестокости по отношению к мирному населению. Были проведены аресты курдов в городах. В тюрьмы было брошено 15 тыс. человек.

Начиная новую войну с курдами, официальные лица Ирака заявляли, что с «мятежниками» на севере будет покончено одним ударом, и что это не потребует от правительства больших усилий и долгого времени. Министр обороны Ирака Салех Махди Аммаш назвал начатые против курдов действия «простой прогулкой»[35]. Однако первые же столкновения с курдскими отрядами опрокинули все расчеты баасистов.

Временная передышка, которую получили курды в период переговоров с правительством, были использованы курдским руководством для укрепления своих вооруженных сил, пополнения запасов оружия, реорганизации административного управления, установле-

ния более прочных связей с племенами. В результате курдская армия стала сильнее, чем при Касеме, а само курдское национальное движение в Ираке никогда не было столь прочным, как к середине 1963 г. Оно получило значительно большую, чем при Касеме, поддержку в стране. Многие арабские офицеры и солдаты влились в отряды курдских партизан. Особое значение имело присоединение к вооруженной борьбе курдского народа иракских коммунистов, которые оказали заметное воздействие на расстановку сил внутри курдского движения в последующие годы.

Военная кампания иракских властей против курдов была решительно осуждена Советским Союзом, социалистическими странами, прогрессивной общественностью мира. Министр иностранных дел Монгольской Народной Республики предложил вынести на обсуждение сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о политике геноцида, проводимой правительством Ирака в отношении курдов[36]. Такое же предложение было сделано делегацией СССР на сессии Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС). Однако оба этих обращения не были приняты из-за противодействия ряда западных, а также арабских государств.

На начальном этапе войны правительственные войска действовали успешно. Они довольно легко овладели крупными городами Курдистана, продвинулись на север в направлении турецкой границы и даже заняли родной город Мустафы Барзани – Барзан. Однако первые же дни боев продемонстрировали силу сопротивления курдов.

С перенесением военных действий в глубинные горные районы Курдистана бои приняли затяжной характер. Правительство несло в них большие потери. Переход во второй половине августа курдских войск в наступление, освобождение Барзана и других курдских населенных пунктов от правительственных войск, установление контроля над значительной территорией в треугольнике Мосул – Барзан – Амадия[37], а также ряд крупных военных побед заставили правительство Ирака возобновить переговоры с курдами. Первые же встречи представителей обеих сторон отчетливо показали отсутствие у властей намерения всерьез обсуждать проблему мирного урегулирования. Переговоры закончились безрезультатно.

Успехи курдского сопротивления выглядят особо значимыми, если принять во внимание военно-техническое превосходство иракской армии и ту помощь, которую получало баасистское правительство извне.

Помощь баасистам оказывали Англия и США. Правительство Ирака укрепляло сотрудничество с Западом. Было выдано разрешение на возобновление деятельности 272 иностранным фирмам, из них 72 английским и 53 американским, закрытым при Касеме[38]. Правительство Ирака урегулировало свои отношения с нефтяными компаниями. В ответ компании увеличили добычу нефти, а с ней и отчисления иракскому правительству. Только в сентябре 1963 г. добыча и вывоз нефти тремя отделениями компании «Ирак петролеум» возросла на полмиллиона тонн по сравнению с добычей и вывозом в августе 1963 г. Были отменены высокие портовые сборы за вывозимую из Ирака нефть[39].

Военные действия в Курдистане, по неофициальным данным, поглощали до 500 и.д. в день. Средства для покрытия этих громадных расходов были получены Ираком от ряда стран. В июле 1963 г. ФРГ предоставила Ираку заем в размере 15 млн и.д. 12 октября было подписано соглашение о предоставлении Кувейтом беспроцентного займа Ираку в 30 млн и.д. В дополнение к полученным займам Ирак подписал 14 октября соглашение о займе в 15 млн и.д. со Швецией, вел переговоры о займе у США для поставок в страну пшеницы, риса, табака и других сельскохозяйственных продуктов[40]. Переговоры о предоставлении Ираку финансовой помощи велись также с Западной Германией и МБРР. Эти средства, в которых так нуждалась экономика Ирака, расходовались на продолжение братоубийственной войны. Однако и значительная финансовая помощь извне мало что могла изменить. Упорство, с каким вели борьбу курды, провалило надежды на возможность скорой победы властей. Баасисты прочно завязли в войне на севере.

Главным средством борьбы с «мятежниками» – по давно сложившейся традиции – была авиация. Методически осуществлялись воздушные налеты на курдские районы, в результате которых уничтожались селения, разрушались городские кварталы, погибали мирные жители – женщины, дети, старики, уничтожались поля и посе-

вы, стада домашних животных. Правительство преследовало мирное курдское население, которое под страхом смерти вынуждено было покидать свои дома и имущество и спасаться бегством. Власти приступили к заселению этих территорий арабами, распределяя между ними имущество и земли курдов, что породило одну из острейших проблем, усугубленную при последующих режимах и не получившую до настоящего времени своего разрешения. Речь идет о насильственной декурдизации мест исконного проживания курдов. Естественное стремление курдов вернуться в родные края сопряжено с огромными трудностями, поскольку урегулирование этой проблемы затрагивает в равной мере и курдов, и арабов, в свое время также насильственно перемещенных в северные курдские районы.

Проводя политику арабизации, баасистский режим уволил тысячи курдских чиновников и служащих.

Военные неудачи сопровождались нарастанием напряженности в отношениях руководства страны с военными. Летом и осенью 1963 г. из государственного аппарата, армии и правительства были удалены бывшие союзники баасистов. Чистка нанесла тяжелый удар по армии: вслед за «неблагонадежными» офицерами-курдами были уволены многие сторонники арабского единства, «насеристы» и даже аполитичные офицеры и заменены активистами Баас, профессиональные качества которых часто не оправдывали их назначения на ответственные посты[41]. Профессиональных военных возмущало нарушение существовавшего в иракской армии порядка присвоения высоких воинских званий, которых в ускоренном порядке удостаивались баасисты: президенту Абд ас-Саляму Арефу было присвоено звание маршала.

Молодые офицеры были разочарованы властью, от которой они ожидали воплощения провозглашенных лозунгов. На деле вместо ожидавшегося единства с ОАР между обеими странами возникла большая напряженность. «Свобода» воплотилась в возрастание экономической и военной зависимости от Запада. Что касается «социализма», то не было предпринято никаких экономических и социальных мер, способных удовлетворить реформаторские настроения большей части военных.

Серьезным деморализующим фактором в офицерской среде стала война с курдами: обещание «скорых побед над мятежниками севера» обернулось серией крупных поражений правительственных войск. Ответственность за неудачи армии военные возложили на «штатских» из Багдада.

Позиции правых баасистов по отношению к армии, противопоставление ей «национальной гвардии», а также открытое сближение с Западом и государствами – членами СЕНТО, затрагивавшее националистические чувства военных, усугубляли и без того сильное недовольство в войсках, и делало еще более непопулярной войну против курдов. Участились случаи перехода солдат и офицеров армии на сторону курдов[42].

О нарастании недовольства в армейской среде свидетельствовали отказы солдат участвовать в боях против курдов, бунты в ряде гарнизонов, дезертирство, а также арест в середине октября 1963 г. большой группы иракских офицеров, выступивших против политики партии Баас. Все эти факты свидетельствовали о том, что наиболее надежная опора баасистов – армия выходила из-под их контроля.

В такой трудный для иракских лидеров момент на помощь им пришло сирийское руководство партии Баас, подписавшее 8 октября 1963 г. с правительством Ирака договор о военном единстве[43]. Авторы договора рассматривали его лишь как первое звено в планировавшейся федерации двух стран. Лихорадочная деятельность по созданию такой федерации была развернута Сирией и Ираком после провала планов создания трехсторонней федерации с участием ОАР.

Вокруг появившегося документа была поднята большая шумиха: «Родилась революционная армия арабов», «первое подлинное арабское единство», «отклик арабского народа на достижение национальных целей в атмосфере единства, социализма и свободы» – так характеризовали баасисты ирако-сирийский союз. Целью военного договора провозглашалась необходимость защиты революции в обеих странах от возрастающей угрозы империализма»[44].

Однако демагогические разглагольствования об антиимпериалистической направленности подписанного соглашения никого не могли ввести в заблуждение. Истинный смысл договора заключался в подавлении народного недовольства совместными иракско-

сирийскими усилиями[45]. Подтверждением тому служила переброска в Ирак в обстановке строжайшей секретности сирийских войск. 2 октября, т.е. еще до подписания договора, на территории Ирака находились две сирийские бригады численностью около 5 тыс. человек[46]. В их состав входили танковые части, размещенные в районе Мосула. Их задача заключалась в том, чтобы помочь иракской армии добиться хоть какого-нибудь успеха в борьбе против курдов до наступления зимы, когда действия регулярной армии в горных районах становились крайне затруднительными.

Первоначально предполагалось, что сирийские войска будут использоваться для защиты и поддержания коммуникаций, чтобы высвободить иракские войска и дать возможность перебросить их на курдский фронт. Но совместное командование пошло дальше: сирийским войскам было разрешено принимать непосредственное участие в боях против курдов. Так впервые в истории вооруженные силы двух соседних арабских государств были направлены на подавление курдского национального движения.

Ирако-сирийский военный союз встретил резкое осуждение в арабских странах, его истинный характер не скрывала и западная печать, довольно критически оценившая возможность достичь с его помощью победы над курдским национальным движением. Цели, которые ставили баасисты, начиная войну с курдами, не были осуществлены. Курдское национальное движение не только не было разгромлено, но, наоборот, за месяцы боев оно укрепилось, в него влились новые силы, оно стало общекурдским. Увеличилась партизанская армия, в ее составе было 25 тыс. бойцов[47]. Вместо укрепления своих позиций в стране, на что рассчитывали баасисты, они столкнулись с растущей оппозицией режиму, которая исходила практически от всех слоев населения Ирака. Политическое положение в Ираке осенью 1963 г. характеризовалось все большей изоляцией правых баасистов как внутри страны, так и на международной арене.

Установленная властями экономическая блокада Курдистана сопровождалась резким ухудшением экономического положения в центральных и южных районах Ирака. В 1963 г. производство сельскохозяйственной продукции снизилось до 40% предреволюционно-

го уровня, что повлекло за собой снижение дохода на душу населения и рост безработицы: в 1963 г. из 3 млн работавших по найму около полумиллиона были безработными[48].

Ухудшилась ситуация и в деревне. Неоднократные заявления о намерении правительства пересмотреть аграрную реформу на деле привели к ее полному приостановлению. Крупные землевладельцы развернули тем временем наступление на крестьян с целью вернуть свои конфискованные ранее земли. Баасисты поддерживали феодалов. В результате подавляющая часть населения страны была недовольна режимом партии Баас.

В оппозиции к ней находились буржуазные демократы, националистически настроенное офицерство, юнионисты. Продолжала действовать компартия Ирака, которая, несмотря на все препятствия и понесенные жертвы, уже в июне 1963 г. смогла воссоздать свой центральный комитет. От Баас отошли все ее недавние союзники, включая Абд ас-Саляма Арефа. Объективно складывались предпосылки создания единого национально-демократического фронта для борьбы с баасистским режимом, однако организационно эти оппозиционные силы оставались разобщенными.

Резкие противоречия по вопросам внутренней и внешней политики Ирака, изначально существовавшие между участниками «Социалистического блока», привели в итоге к развалу этой весьма неустойчивой коалиции и к арестам ряда юнионистов.

Нараставшая изоляция правительства в Ираке и в арабском мире вызвала обострение противоречий внутри самой партии Баас, где столкнулись интересы как различных группировок, так и отдельных личностей, гражданских и военных. При этом объединить членов руководства партии в какие-то группы можно чисто условно, поскольку группировки складывались не на основе общей для членов партии идеологии, а объединялись вокруг отдельной личности, сила и авторитет которой были прямо пропорциональны масштабу получаемой ею семейной, клановой или общинной поддержки.

Члены гражданского крыла партии Баас, такие как Хазем Джавад и Талиб Шабиб, оба входившие в НСРК и Военное бюро, имели тесные связи с небаасистами – юнионистами. Наличие такого альянса имело большое значение, поскольку он оказывал серьезное влия-

ние на офицерский корпус. Значимость этой группировки возрастала по мере ускорения радикализации Ас-Саади и расширения полномочий национальной гвардии.

Что касается военного крыла баасистов, то здесь также существовали свои группы, объединявшиеся вокруг генералов Ахмеда Хасана аль-Бакра, министра обороны Салиха Махди Аммаша и начальника генерального штаба Тахира Яхьи. Эти военные были выходцами из одной провинции, они участвовали в движении Свободных офицеров и ясно понимали, что их участие в политической жизни Ирака возможно лишь при налаживании сотрудничества баасистов с той фракцией офицерского корпуса, которая группировалась вокруг президента Абд ас-Саляма Арефа.

В итоге размежевания в партии образовались две основные группировки – экстремисты во главе с Али Салихом ас-Саади и «умеренные», между которыми в ноябре 1963 г. произошел открытый раскол.

Саади, одна из сильных фигур в партии Баас, был сторонником жесткого курса в отношении коммунистов, демократов, курдского движения, а также соперников Ирака за его пределами, в первую очередь президента Объединенной Арабской Республики Насера. Став министром внутренних дел и заместителем премьер-министра, Саади пытался укрепить свою власть с помощью «национальной гвардии», считая ее «действительной армией партии Баас».

Такие профессиональные военные, как Ахмед Хасан аль-Бакр, Махди Аммаш, выступали против безоговорочной поддержки, которую Саади оказывал гвардии, производившей аресты по своему произволу, и настаивали на ее роспуске[49]. «Умеренные» потребовали созыва чрезвычайного заседания регионального руководства иракской партии Баас и 12 ноября 1963 г. исключили Саади и трех его сторонников из исполнительного комитета партии и выслали их из страны.

12 ноября региональная конференция Баас оформила новое руководство иракского отделения партии, в которое вошли Ахмед Хасан Бакр (дивизионный генерал, премьер-министр), возглавивший исполком, Тахир Яхья (генерал, начальник штаба вооруженных сил Ирака), Хазем Джавад (министр по делам президентства), Салех

Махди Аммаш (генерал, министр обороны. главнокомандующий объединенными сирийскими и иракскими вооруженными силами), Абд ас-Саттар Абд аль-Латиф (полковник, министр коммуникаций)[50].

12 ноября в Багдаде сложилась крайне напряженная обстановка. В столицу были введены танки, расположившиеся у зданий основных правительственных учреждений, а 13 экстремистски настроенных баасистов – гражданских и военных предприняли неудавшуюся попытку государственного переворота. Правительство быстро овладело положением[51].

13 ноября в Багдад из Дамаска срочно прибыли лидеры национального (общеарабского) руководства партии Баас в составе премьер-министра Сирии Амина Хафиза, начальника генерального штаба сирийской армии генерала Салаха Джедида, сирийского министра Абд аль-Халека Накшбанди и отца – основателя партии Баас Мишеля Афляка[52]. На заседании, продолжавшемся целые сутки, руководители совместно с иракским региональным руководством обсуждали «практические шаги по укреплению единства партии и верности ее уставу».

Проходивший в октябре 1963 г. в Дамаске VI общеарабский съезд Баас принял решение об отстранении лидеров иракского регионального отделения от руководства партией и страной. Однако пока баасисты решали свои внутренние разногласия, военные во главе с президентом Абд ас – Салямом Арефом 18 ноября совершили в Ираке первый за всю историю страны бескровный государственный переворот и отстранили правых баасистов от управления ею.

6.2. Военный режим Арефов. Абдель Салям Ареф у власти (18 ноября 1963 – 13 апреля 1966 г.)

Пришедшие к власти военные освободились от блока с правыми баасистами, но сохранили сотрудничество с лидерами «умеренного» крыла Баас – Тахиром Яхья, Талебом Шабибом, Хаземом Джавадом и др., поддержавшими переворот[53].

Выступление армии было ускорено серьезными поражениями, которые понесли правительственные войска в Курдистане в последние недели правления правых баасистов. В боях, развернувшихся в районе Киркука, Сулеймании и Харира, правительственные части были разбиты. Потери убитыми и ранеными составили около тысячи солдат, многие попали в плен. Курды захватили все оружие противника[54].

Все ключевые посты в правительстве заняли военные, многие из которых были связаны друг с другом не только родственными, но и давними политическими узами. С момента прихода к власти Ареф приступил к выстраиванию своего режима, который должен был представлять собою надежную, прочную и безопасную систему, полностью исключавшую возможность нового переворота. Для достижения этой цели ядро правящей элиты было сформировано из ближайших родственников Арефа и членов племен, находившихся под его патронажем. Надежной опорой Арефа стал его брат Абд ар-Рахман, исполнявший обязанности заместителя начальника генштаба и командующего пятой бригады, что давало возможность контролировать войска. Во главе сформированной «Республиканской гвардии», являвшейся хорошо оснащенным элитным подразделением вооруженных сил, был поставлен полковник Саид Слейби, родственник Арефа, принадлежавший к той же племенной группе альджумайла, что и Ареф. Слейби был убежден, что именно на основе этого племени должна формироваться Национальная гвардия, а ее стратегическое размещение близ Багдада призвано гарантировать защиту режима от возможных попыток переворотов в будущем[55].

Ареф стремился к установлению режима сильной единоличной власти. Это предполагало постепенное вытеснение из властных структур союзников Арефа по перевороту 18 ноября 1963 г. Наиболее опасными для себя Ареф считал баасистов. Укрепление собственных позиций новый лидер страны начал с подрыва места и роли партии Баас в политической жизни Ирака. В совершенстве овладев «правилами игры» в процессе подготовки военными при его активном личном участии заговора 18 ноября, Ареф прежде всего принял меры по ослаблению позиций Баас в армии. Он отступил от традиционного принципа формирования воинских подразделений на ос-

нове семейного или кланового родства. Однородность армейских частей была нарушена за счет перевода офицеров – членов партии Баас в разные подразделения и смещения баасистов с высших командных постов или, как это произошло с Ахмедом аль-Бакром, выдворения их из армии.

Все поддержавшие военных баасисты были членами военного бюро партии Баас, и все они были тикритцами, выходцами из небольшого городка Тикрит, расположенного к северо-западу от Багдада. По своим взглядам большинство из них были насеристами – юнионистами. Эта тесно сплоченная группа впервые стала известной при правобаасистском режиме. Главной фигурой в группе офицеров – насеристов был Ареф Абд ар-Раззак, занявший вначале пост министра сельского хозяйства, а затем командующего военно – воздушными силами[56].

Пришедшие к власти военные создали «Национальный совет революционного командования» (НСРК), составленный только из высших офицеров. Абд ас – Салям Ареф наделил себя на год, отведенный для стабилизации ситуации в стране, экстраординарной властью. Он занял три наиболее важных поста: президента республики, председателя НСРК и главнокомандующего вооруженными силами Ирака[57]. В случае необходимости этот срок мог быть продлен. Малозначимый и вскоре упраздненный пост вице-президента занял Ахмед Хасан аль-Бакр.

В сформированном новом правительстве 8 министров, включая премьера, были армейскими офицерами. Три офицера из свергнутого правительства, вошедшие в состав нового кабинета, не разделяли баасистской идеологии. На сей раз власть прочно держали в своих руках военные. Премьером стал генерал Тахир Яхья, баасист, бывший начальник генерального штаба иракской армии, вскоре занявший место второго лица режима. Бывший командующий военно-воздушными силами Ирака, тоже баасист, Хардан Тикрити был назначен министром обороны. По своей сути новый кабинет был временным блоком различных группировок, что наложило свой отпечаток и на программы правительства, и на его практическую деятельность[58]. Этот блок включал в себя насеристов – юнионистов, которым принадлежало большинство в НСРК, группировку президента

республики Арефа и группировку премьера Тахира Яхьи – Рашида Муслеха.

26 ноября была обнародована правительственная программа. В ней выражалось намерение построить в Ираке «арабский социализм», гарантировать свободу, равенство и безопасность граждан, принять новую конституцию, путем всеобщего, прямого и тайного голосования избрать высший государственный орган – Национальное собрание, поддерживать профсоюзы и общественные организации и укреплять их роль в жизни страны, ускорить реализацию закона об аграрной реформе от 30 сентября 1958 г., создать Национальную нефтяную компанию, принять меры для планового развития экономики. Программа не предусматривала легализации политических партий, планировалось создание единой политической организации – Арабского социалистического союза Ирака (АСС)[59].

Во внешней политике провозглашалась верность принципам неприсоединения, стремление бороться за мир, против колониализма, добиваться единства с арабскими странами, в первую очередь с ОАР, нормализовать отношения с Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

В первые месяцы после переворота новый режим занимался упрочением своих позиций в государственном аппарате и в армии путем отстранения от важных постов представителей «центристской» группировки Баас. Но эти меры мало способствовали укреплению единства нового режима, сближению позиций его членов по вопросам, касавшимся осуществления провозглашенной правительственной программы.

В своем первоначальном составе правительство просуществовало недолго. В марте 1964 г. был упразднен пост вице-президента. Занимавший его Ахмед Хасан аль-Бакр был выведен из кабинета и определен во внешнеполитическое ведомство. Хардан Тикрити был смещен в марте. К весне 1964 г. власть полностью принадлежала Арефу и юнионистам.

Удаление баасистов из правительства было крайне болезненно воспринято руководством партии Баас, особенно Бакром, перешедшим в число ярых оппозиционеров команде Арефа. С этого момента

он принял решение свергнуть этот режим при первой же представившейся возможности[60].

В целом переворот 18 ноября, отстранивший от власти сначала правых баасистов, а затем и тех, кто вместе с военными совершил переворот, не стал и не мог стать серьезной вехой в развитии Ирака. Причина этого кроется в социальной природе власти, установленной в ноябре 1963 г. и сохранявшейся до июля 1968 г.

К управлению страной пришла военно-бюрократическая группировка, сросшаяся с помещиками, подрядчиками – строителями, со всей паразитической спекулянтской прослойкой. Стремясь закрепить свое господствующее положение и сохранить монополию на власть, новые лидеры сразу же запретили деятельность всех политических партий[61].

Внутренняя политика новой власти формировалась под воздействием весьма противоречивых факторов. С одной стороны, интересы этой правящей корпорации требовали ослабления в стране позиций иностранного капитала и сохранявшихся корней феодализма. В этом случае меры правительства, ослаблявшие эти силы, носили антиимпериалистический и антифеодальный характер. Но предпринимавшиеся при этом властями действия были непоследовательными и половинчатыми, отражавшими присущую военной бюрократии боязнь радикальных перемен. Избранный новым режимом политический курс был призван сдерживать инициативу масс, не допускать их к активным действиям в борьбе за изменение социально-экономического и политического развития Ирака. Политика лавирования правящих военных кругов между силами реакции и демократизма, их стремление найти некий «третий» путь, выдавая себя за силу общенациональную, надклассовую, в значительной мере объясняет те зигзаги, которыми характеризуется развитие Ирака в 60-е годы.

Группировка Арефа-Яхья пришла к управлению страной в обстановке глубокой изоляции власти. Нужны были срочные меры, которые расширили бы социальную опору режима. Средством укрепления своего авторитета внутри страны власть избрала политический курс, образцом для которого служил «арабский социализм» Насера. Декларирование иракскими властями этого пути обеспечи-

вало им столь необходимую поддержку Насера, укрепляло их позиции на международной арене.

Режим Абд ас-Саляма Арефа опирался на суннитскую часть населения Ирака, включавшую и представителей старых консервативных кругов, причастных к мосульскому и другим мятежам при Касеме. Но центральное место в гражданском окружении Арефа занимали молодые профессионалы и технократы, для которых идеалом общественного развития был социализм в его насеристском варианте.

Короткое правление Абд ас-Саляма Арефа было временем относительного спокойствия, спада напряженности в стране. Была предоставлена большая свобода СМИ, несколько расширились возможности проведения различных общественных акций. Удалось достичь определенного баланса между внутренними потребностями Ирака и проводимой Багдадом внешней политикой, в основе которой были заложены принципы устойчивости и эффективности, а не идеологические соображения, которыми руководствовались иракские правительства после 1958 г[62].

4 мая 1964 г. была принята очередная Временная конституция Иракской республики, объявившая страну «демократическим социалистическим, независимым государством, опирающимся на арабское наследие и ислам». Конституция предусматривала по истечении трехлетнего «переходного периода» создание высшего выборного органа республики – Национального собрания. До избрания Национального собрания вся власть в стране фактически сосредоточивалась в руках президента и Национального Совета революционного командования (НСРК)[63]. Был также создан Арабский социалистический союз (АСС), скопированный с Арабского социалистического союза Египта.

Начался процесс постепенного сближения с ОАР, затронувший области политического, экономического, военного и культурного сотрудничества. Целям его дальнейшего упрочения должны были служить образованный 26 мая 1964 г. объединенный Президентский совет из 25 человек (13 – от Ирака, 12 – от ОАР), проведенная унификация флагов и гербов, введение взаимной преференциальной системы таможенных пошлин[64].

На стабилизацию экономического положения в Ираке была направлена правительственная политика развития не только государственного, но также частного и смешанного секторов экономики, стимулирования инвестиций частных банков в промышленное строительство. Были предприняты некоторые шаги к проведению практически забытой аграрной реформы. В апреле 1964 г. в провинциях Багдад и Амара крестьянам было роздано свыше 22 тыс. га земли. Заявленный режимом курс побудил многих иракцев, оказавшихся за рубежом, вернуться в страну, а с ними стали возвращаться и капиталы. 8 февраля 1964 была создана Иракская национальная нефтяная компания (ИННК).

Мерой, направленной на укрепление нового режима, явилась национализация в июле 1964 г. 27 основных предприятий по производству цемента, строительных материалов, текстиля, обуви, мыла, спичек, сигарет, масла, муки[65]. На основании «социалистических» законов в Ираке подлежали национализации также банки, торговые и страховые компании. Создавался государственный сектор, призванный стать катализатором развития и средством перераспределения доходов среди различных социальных групп страны. Последовавшими затем дополнениями к «социалистическим» законам государственная монополия была установлена на импорт машин и оборудования, фармацевтическую продукцию, чай, сахар и другие товары. Держатели акций национализированных компаний получали компенсацию, капитал банков и промышленных предприятий переводился в боны, подлежавшие оплате в течение 15 лет при 3% роста. По закону в разряд государственных переводились ведущие промышленные предприятия, мелкие компании оставались частными, а отрасли, связанные главным образом с производством потребительских товаров, образовывали смешанный сектор. По новым законам 25% прибылей всех компаний должны были распределяться среди рабочих и служащих в виде наличных денег, а также мер социальной направленности. Рабочие и служащие должны были принимать участие в управлении компаниями и иметь своих представителей в совете директоров.

Немедленной реакцией консервативных предпринимательских кругов на законы о национализации была приостановка ими частных

инвестиций, что усугубило и без того неустойчивое положение в экономике Ирака. И хотя Ареф поспешил заявить о том, что продолжения национализации не будет, внутренняя реакция, получавшая существенную поддержку прежде всего от «Ирак петролеум компани», стала действовать более решительно. Ее в принципе не устраивал прогрессивный курс, проводившийся правительством Тахира Яхьи, большинство членов которого до определенного момента составляли юнионисты.

Режим Арефа-Яхьи не устраивал и патриотические круги Ирака: они требовали от правительства большей решительности в проведении преобразований по египетскому образцу и демократизации общественной жизни[66]. Залогом успешного развития Ирака могло быть в тех условиях объединение всех национально-патриотических сил. Однако юнионисты не пошли на сотрудничество с левыми политическими партиями, что и обусловило те негативные явления, которые в итоге не дали развиться позитивным тенденциям в Ираке в 60-е годы.

Иракские законы о национализации не могли оказать какого-либо значительного влияния на состояние экономики страны. Скопированные по форме с египетских, они коренным образом отличались от последних по существу. В Египте национализировались имевшиеся здесь крупные национальные и иностранные промышленные предприятия в базовых отраслях экономики, и переход их в руки государства служил основой для создания мощного государственного сектора, позволявшего проводить целенаправленную экономическую политику, призванную ускорить процесс модернизации всех сфер общественной жизни страны. В Ираке крупная современная промышленность (за исключением нефтяной, находившейся полностью в руках иностранных компаний) фактически отсутствовала. Поэтому национализация не могла стать рычагом, способным радикально изменить социально-экономический облик Ирака. Модернизация страны означала осуществление сложного комплекса экономических, социальных, образовательно – культурных задач, справиться с которыми предстояло прежде всего государству при весьма желательном участии в этом процессе и частного капитала, национального и иностранного. Решение внутренних проблем требовало

от режима Арефа – Яхьи расширения и укрепления связей с внешним миром, естественно, на принципах равноправия и взаимной выгоды.

В течение почти двухлетнего пребывания Тахира Яхьи на посту премьера (до сентября 1965 г.) правительство предприняло ряд позитивных шагов во внешней политике, укрепивших международный авторитет Ирака и сыгравших определенную роль в стабилизации его внутреннего положения. В их числе установление более тесных связей с ОАР, нормализация отношений с Советским Союзом и другими соцстранами при сохранении налаженных отношений и с Западом. Советский Союз сыграл заметную роль в модернизации иракских вооруженных сил. С начала 1964 г. были возобновлены поставки в Ирак вооружения. Сюда из СССР поступили ракетные установки «земля-воздух», три дополнительные эскадрильи МИГ-21 и первый в Ираке бомбардировщик среднего класса ТУ-16. В 1964 г. было завершено строительство атомного реактора, осуществлявшееся при научно-техническом содействии СССР. Продолжалось возведение начатых ранее объектов[67].

Новая власть отчетливо осознавала, что степень ее прочности в стране и на международной арене во многом зависела от стабилизации ситуации в курдских районах. В одном из первых заявлений правительства говорилось, что мир с курдами «будет восстановлен через несколько дней»[68]. Однако военные действия на севере не прекращались.

Курды приветствовали падение баасистского режима. Они проявили готовность урегулировать свои отношения с правительством мирным путем и установить «полное сотрудничество с новой властью во имя спасения Ирака от национальной катастрофы», о чем говорилось в заявлении ДПК 20 ноября 1963 г. Но при этом подчеркивалось, что «стабильности и мира в Ираке не будет, если не будут уважаться национальные права курдов на основе автономии в рамках иракского государства или в рамках федерального объединения Ирака с другими арабскими государствами»[69].

Выражая готовность вести переговоры с правительством, руководство курдов проявляло вместе с тем вполне понятную сдержанность и недоверие к новому режиму, руководящие посты в котором

заняли лица, полностью ответственные за срыв переговоров в июне 1963 г. и возобновление войны в Курдистане.

Военная группировка, возглавившая Ирак, не была в состоянии вывести Ирак из политического и социального кризиса, а, следовательно, и решить курдскую проблему мирным демократическим путем. Вместе с тем продолжение войны в Курдистане не способствовало стабилизации нового режима.

Военные неудачи правительственных войск в предшествующие месяцы на фоне продолжавшейся курдами большой работы по укреплению своих вооруженных сил, превращению их из разрозненных партизанских отрядов в практически регулярную армию вынудило Багдад пойти на переговоры с курдами. Итогом этих переговоров было подписание в феврале 1964 г. соглашения о прекращении огня, в котором требования курдов были учтены далеко не в полной мере. В соглашении говорилось только о гарантировании национальных прав курдов и давалось обещание зафиксировать это положение во Временной конституции. Ни о какой курдской автономии в соглашении не было и упоминания. Но руководство ДПК согласилось с этим вариантом документа, рассматривая его и начатые Багдадом некоторые шаги по его претворению в жизнь как предпосылку для дальнейшего продвижения процесса мирного урегулирования курдской проблемы на основе требований курдской стороны. Соглашение о прекращении огня давало курдам возможность приступить к восстановлению нормальной жизни в Курдистане, к закреплению достигнутых успехов в создании местной администрации и совершенствовании вооруженных сил. В условиях установленного мира Мустафа Барзани и его сторонники выступали за дальнейшие контакты с правительством, чтобы добиться от него признания за Курдистаном его права на автономию.

Иным было отношение правительства Ирака к соглашению: прекращение огня власти воспринимали как окончательное урегулирование с курдами.

В течение 1964 и в начале 1965 годов Мустафа Барзани многократно обращался к правительству Ирака с призывом возобновить переговоры с целью законодательного закрепления национальных прав курдов. Режим Арефа – Яхьи, не допускавший и мысли о курд-

ской автономии, в своих ответах либо характеризовал требования курдов как «чрезмерные», либо оставлял послания курдского руководства без ответа. Багдад признавал единственным путем «урегулирования» курдской проблемы – применение силы.

На сохранение избранного властью стратегического курса в отношении курдов влияла также ситуация, складывавшаяся внутри самого курдского движения.

После прекращения огня ускорилось давно назревавшее размежевание в среде курдских лидеров, представлявших два различных течения в национальном движении курдов.

Первое, возглавлявшееся Мустафой Барзани и руководством курдских вооруженных сил, отражало интересы большинства курдского народа. Оно выступало за широкий демократический фронт в Курдистане, в котором участвовали бы все социальные слои, независимо от их партийной принадлежности, в том числе и коммунисты – курды и арабы. Это течение ставило целью совместной деятельности всех патриотических сил признание за курдами права на автономию на основе широкой демократизации как в Курдистане, так и во всем Ираке. Наиболее желательным средством достижения курдским народом своих национальных прав это крыло признавало демократический, мирный путь. Решение курдской проблемы виделось в переговорах с таким правительством, которое будет осуществлять широкие политические, экономические и социальные преобразования в стране в интересах большинства иракского народа.

Второе течение было представлено генеральным секретарем ДПК Ибрагимом Ахмедом и членом политбюро партии Джалалем Талабани, хотя полностью отождествлять этих двух политических лидеров нельзя.

Ибрагим Ахмед, один из основателей Демократической партии Курдистана, ставший ее генеральным секретарем в 1956 г., выступал за подчинение всего курдского движения руководству ДПК, за отстранение «старых» лидеров, к которым в первую очередь он причислял Мустафу Барзани, за установление в Курдистане националистического режима, который позволял бы сохранить все права и привилегии за имущими слоями курдского народа. Ибрагим Ахмед был ярым противником коммунистов и Иракской компартии, хотя

как весьма искушенный партийный деятель, он умел маскировать свой антикоммунизм, а порой вступать в союзы с коммунистами, но делалось это всегда по чисто конъюнктурным соображениям.

Сближение между Ахмедом и Талабани произошло в период борьбы против Касема, когда они установили контакты с баасистами и вели с ними переговоры о совместных действиях. В достижении Курдистаном автономии оба партийных лидера делали ставку на Запад. Единственным средством получения курдами своих национальных прав и Ахмед и Талабани считали вооруженную борьбу. Создав и поставив под свой контроль значительные вооруженные силы, эти руководители ДПК имели материальную базу для реализации своих целей.

Сразу после подписания соглашения о прекращении огня Талабани отдал приказ войскам численностью примерно в 6 тыс. человек, находившимся в районе Сулеймании и Киркука под его непосредственным командованием, не принимать во внимание это соглашение, продолжать изучение партизанской тактики, чтобы быть готовыми выступить в любую минуту[70].

Отказ от согласованных действий с Мустафой Барзани и членами политбюро, не разделявшими экстремистских устремлений Ахмеда-Талабани, было чревато весьма серьезными последствиями.

Попыткой преодолеть возникший в ДПК кризис был срочный созыв VI съезда партии в июне 1964 г., но Ахмед и Талабани отказались от участия в нем[71]. Съезд осудил группу раскольников и исключил 14 членов бывшего ЦК из партии. Председателем ДПК был переизбран Мустафа Барзани.

Исключенные члены ЦК во главе с Талабани встали на путь открытой борьбы против Барзани. Они подняли мятеж в районе Ханекина, в провинции Киркук, попытались организовать заговор с целью убийства Мустафы Барзани[72]. Но мятежники были разбиты. Талабани с небольшой группой своих сторонников бежал в Иран, некоторые члены ЦК ДПК оказались в Багдаде, а большая часть бойцов перешла на сторону Барзани.

В октябре 1964 г. в Курдистане были сформированы законодательная и исполнительная власть. Ею стали Совет революционного командования (парламент) в составе 43 человек и правительство из

11 человек. Были образованы также 5 комитетов для рассмотрения вопросов, касавшихся выработки конституции автономного Курдистана, финансов, военных дел и замены военного руководства гражданской курдской администрацией[73]. Отношения между курдами и Багдадом оставались по-прежнему напряженными.

Развертывавшиеся в Ираке процессы усиливали противоречия в правящем блоке. В начале 1965 г. обострилась борьба между юнионистами и группировкой Тахира Яхьи. Режим Арефа, испытывая давление правых сил, пошел на сближение с премьером Яхья и на разрыв с юнионистами, что сразу сказалось на политике правительства. 4 апреля 1965 г. возобновились военные действия против курдов, наметилось ослабление отношений с ОАР, было заключено соглашение с Ирак петролеум компани об увеличении вдвое предоставленной ей концессионной территории и передаче под ее контроль деятельности ИННК.

В знак протеста против таких решений правительства из его состава вышли министры-юнионисты, сохранившие, однако, за собой большинство в НСРК и в Исполкоме АСС. Они подвергли Арефа резкой критике и потребовали отменить принятые решения. В ответ президент в середине августа 1965 г. ликвидировал НСРК, распустил исполком АСС и реорганизовал правительство. В сентябре Тахир Яхья ушел в отставку, кабинет было поручено сформировать командующему ВВС Абд ар-Раззаку Арефу. Новый премьер был тесно связан с юнионистами, однако все ключевые министерские посты были отданы сторонникам Абд ас-Саляма Арефа.

Правительство Абд ар-Раззака проработало 10 дней. 16 сентября 1965 г. юнионисты вместе с премьером, воспользовавшись отъездом президента Арефа на III конференцию глав арабских государств в Касабланке, предприняли неудачную попытку государственного переворота. Абд ар-Раззак Ареф бежал в ОАР[74].

Возвратившийся в страну президент поручил формирование правительства Абд ар-Рахману аль-Баззазу, лицу гражданскому, представителю старшего поколения, юристу по образованию, арабскому националисту по убеждениям, бывшему до этого послом Ирака в Каире и Лондоне. Политикой он начал заниматься еще в 30-е годы, позже поддержал движение Рашида Али аль-Гайлани, за что

был интернирован во время второй мировой войны. Абд ар-Рахман аль-Баззаз оказался на тот момент самой подходящей фигурой на пост премьера. Он устраивал не только либералов, но и получал поддержку многих других групп иракского общества, уставшего от правления военных. Аль-Баззаз был нужен и самому Арефу, поскольку как человек гражданский, аль-Баззаз не был связан с какой-либо военной группировкой, которая могла бы быть опасной для президента: именно в военных Ареф видел главную опасность для себя. Назначая премьером гражданского, Ареф рассчитывал таким образом хотя бы немного потеснить от власти военных и прежде всего нейтрализовать ядро убежденных насеристов в армии. Наступил конец сотрудничества Арефа с юнионистами.

За семь лет, прошедших после революции 1958 г., кабинет Абд ар-Рахмана аль-Баззаза был первым в стране гражданским правительством[75].

Абд ар-Рахман аль-Баззаз, человек весьма далекий от левых взглядов, не связанный ни с одной политической партией, отличался трезвым, реалистическим подходом к решению стоявших перед Ираком задач. От предшественников новому премьеру досталось весьма тяжелое, обремененное множеством проблем наследство.

Проблемы эти касались фундаментальных основ экономического и политического устройства Ирака. И любая попытка внести в него какие-либо коррективы означал неизбежное обострение борьбы различных группировок, дальнейшее нарастание политической нестабильности, усугублявшейся быстрым ухудшением ситуации в экономике Ирака, в которой к традиционным «болезням» добавились последствия непродуманных мер предшествующих властей.

Национализация ряда промышленных предприятий самым негативным образом сказалась на положении в экономике Ирака в целом. На перешедших под контроль государства предприятиях после 1964 г. произошло значительное падение производительности. Одновременно наметилась четкая тенденция к сокращению инвестиций в предприятия, остававшиеся в частном секторе, вызванная неопределенностью их дальнейшей судьбы. И хотя этот сектор сохранял вначале свою эффективность, но и в нем наметился постепенный спад[76].

Еще более серьезно складывалась ситуация в преобладающем секторе иракской экономики – в сельском хозяйстве. Нестабильность, частая смена приоритетов в политике властей в предшествующие годы сопровождались острой нехваткой инвестиций в эту отрасль. Эти факторы в сочетании с такими природными бедствиями, как засуха, налеты саранчи и другие сезонные явления, вели с 1958 г. к постоянному снижению продуктивности сельского хозяйства. К 60-м годам Ирак превратился в импортера значительной части продовольственного зерна, в то время как он мог теоретически быть его экспортером. Условия, в которых находились крестьяне страны, особенно в ее южных районах, ускорило их миграцию в города, прежде всего в Багдад. Со столицей, где концентрировалась экономическая деятельность всей страны, сельские мигранты связывали свои иллюзии на лучшую жизнь. Однако массовая миграция порождала большие дополнительные трудности, заключавшиеся в нехватке соответствующих рабочих мест, в возможностях обеспечения всего населения страны продовольствием, решения жилищных и социальных вопросов.

Вступая на пост премьера, аль-Баззаз пообещал положить конец преследованиям политической оппозиции и предоставить ей большие возможности для открытого выражения собственных взглядов на проблемы развития страны. Говорилось также о возможности легализации партий, восстановлении парламента и проведении выборов. Одновременно аль-Баззаз объявил об окончании национализации и изложил свое видение тех неотложных мер, осуществление которых должно вернуть уверенность бизнесу и поддержку частному предпринимательству[77]. Он не выступал за пересмотр результатов осуществленного процесса секвестрации, но полагал, что компенсационные выплаты собственникам имущества и землевладельцам следовало повысить.

Правительство приняло меры, поощрявшие развитие частного сектора. Допускалось создание предприятий в разных отраслях экономики с капиталом до 250 тыс. и.д. (700 тыс. долл.). Разрабатывались совместные проекты с участием национального и иностранного капитала, пересматривались налоговые условия, направленные на защиту инвестиций. Эти действия кабинета аль-Баззаза вели к ожив-

ленно бизнеса в Ираке. Удалось несколько снизить бюджетный дефицит, возобновить промышленное строительство, укрепить и.д.

Наметились перемены и в политической сфере: она постепенно приобретала гражданский характер. Эта тенденция, оказывавшая влияние на все иракское государство, ассоциировалась прежде всего с премьер-министром аль-Баззазом. Национальный совет революционного командования, состоявший только из военных, был распущен, а его функции переданы правительству. Был создан новый орган – Совет национальной обороны с очень ограниченными полномочиями, сводившимися исключительно к обеспечению внутренней безопасности. Возрастала роль гражданских технократов, как это было и до аль-Баззаза, когда в кабинет министров кандидаты – профессионалы часто подбирались президентом Багдадского университета из числа его профессоров. В новом правительстве значимость гражданских лиц существенно увеличилась, поскольку кабинет возглавил гражданский, известный своей компетентностью премьер. Кроме того, в отличие от всех предыдущих, режим аль-Баззаза приобретал черты открытости, позволявшей обсуждать планы, организовывать дискуссии с участием в них гражданских экспертов. Однако у всех этих порождавших надежды на перемены к лучшему тенденций оказался очень короткий век. Конец им положила внезапная трагическая смерть президента Абд ас-Саляма Арефа. 13 апреля 1966 г., когда президент в ходе своей длительной поездки по стране вместе с сопровождавшими его министрами внутренних дел Абд аль-Латифом ад-Дарази, промышленности Мустафой Абд Аллахом и другими официальными лицами направлялся в Басру, его вертолет попал в песчаную бурю и потерпел катастрофу. Все находившиеся на борту погибли.

6.3. Режим второго Арефа (13 апреля 1966 – 17 июля 1968 г.)

После гибели Абд ас-Саляма Арефа в соответствии с конституцией 1964 г. обязанности президента временно принял на себя Абд ар-Рахман аль-Баззаз. Национальному совету обороны и правительству предстояло избрать нового президента. На этот пост были вы-

двинуты три кандидатуры: премьер аль-Баззаз, брат погибшего президента Абд ар-Рахман Ареф и министр обороны Абд аль-Азиз аль-Укейли. Из развернувшейся острейшей борьбы за власть победителем вышел брат покойного президента Абд ар-Рахман Ареф, личность довольно слабая, не обладавшая теми достоинствами, которые были у его брата Абд ас-Саляма Арефа.

Приход к управлению Ираком Абд аль-Рахмана Арефа обострил борьбу между военной и гражданской группами в руководстве страной. Интересы гражданских представлял вновь назначенный премьером Абд ар-Рахман аль-Баззаз, выступавший за развитие частного предпринимательства, за создание в Ираке системы буржуазного парламентаризма, за стабилизацию внутриполитической обстановки, что требовало, прежде всего, покончить с гражданской войной в стране, мирным и демократическим путем решить курдскую проблему. Сохранение напряженности в курдских районах, где короткие передышки сменялись вооруженными действиями, оставалось одним из главных препятствий на пути решения общеиракских проблем в политической, экономической, социальной и внешнеполитической сферах. Курдский вопрос требовал безотлагательного обращения к нему власти.

Подписанное в феврале 1964 г. Мутафой Барзани и Абд ас-Салямом Арефом соглашение о прекращении огня продержалось недолго. Обращения Барзани продолжить переговоры об урегулировании отношений курдов с правительством не находили отклика. Премьер аль-Баззаз, реально оценивая негативное воздействие нерешенности курдской проблемы на внутреннюю и внешнюю политику страны, считал возможным достичь мирного урегулирования курдского вопроса путем переговоров[78].

Однако большинство в правительстве, возглавлявшееся министром обороны Абд аль-Азизом аль-Укейли, составляли сторонники вооруженного подавления курдского движения. Эту группу поддерживал и президент Абд ас-Салям Ареф. Линия министра обороны возобладала, и в октябре 1965 г. правительственные войска начали широкое наступление против курдов. Тогда же было принято секретное решение правительства о массовом уничтожении курдских деревень[79].

Правительственные войска при поддержке авиации, танков и артиллерии предприняли наступление в нескольких направлениях. В конце декабря 1965 – начале января 1966 г. особенно упорные бои развернулись близ городка Пенджвин. Курды сумели не только сдержать армейское наступление, но овладели этим пунктом и продвинулись в направлении Киркука. Официальная пропаганда умалчивала о происходивших событиях.

Военные действия дополнялись репрессиями против мирного населения. В меморандуме, направленном Мустафой Барзани генеральному секретарю ООН У Тану 17 февраля 1966 г., указывалось, что иракское правительство, осуществляя тактику «выжженной земли», изгоняет тысячи курдов с их родных мест, обрекая на голодную смерть женщин и детей[80]. Барзани обращался к ООН с просьбой направить в Курдистан комиссию для расследования преступлений иракского правительства.

В марте 1966 г. правительственные войска, превосходившие курдские отряды своей численностью и технической оснащенностью, начали новое наступление и продвинулись вглубь горных районов. Ожесточенные бои продолжались здесь в марте и апреле. Развернувшаяся после гибели Абд ас-Саляма Арефа борьба за власть между военной и гражданской группами в руководстве страной, завершилась реорганизацией правительства, что сопровождалось некоторым ослаблением позиций экстремистски настроенных военных. Премьером остался аль-Баззаз. В состав его кабинета не вошел Укейли и его сторонники – приверженцы вооруженого подавления курдского движения.

В связи со смертью Абд ас-Саляма Арефа Мустафа Барзани объявил о прекращении на месяц военных действий и заявил о готовности курдской стороны к переговорам о предоставлении курдам автономии, выдвинув в качестве предварительных условий для их ведения освобождение заключенных, роспуск всех проправительственных курдских частей и отвод из курдских районов правительственных войск[81].

В ответ на это предложение последовал категорический отказ президента прекратить военные действия и вести переговоры с «мятежниками – сепаратистами, стремящимися отделиться от Ирака,

чего власти страны никогда не допустят». Официальный Багдад воспринимал требование курдами автономии как их намерение выйти из состава иракского государства[82]. Подкреплены эти высказывания были активизацией наступления на курдов в районе Равандуза, продолжавшегося в течение декады. Однако, несмотря на свое превосходство, правительственные войска терпели поражения и в июне были полностью разгромлены, что переломило ход весенней кампании 1966 г.

Продолжение режимом военных действий было сопряжено не только с огромными материальными потерями, но оно наносило ущерб военно-политическому имиджу Ирака, подрывало его престиж на международной арене. Правительство нуждалось в прекращении военных действий, но оно не хотело вступать в переговоры со своим главным противником – Мустафой Барзани, а пошло на установление тайных контактов с Джалалом Талабани[83], Такие действия властей вызвали резкий протест барзанистов, заявивших, что они «не признают никакого решения, которое будет принято без участия истинных представителей борющегося курдского народа»[84].

Твердая позиция Баразани вынудила правительство Баззаза вести переговоры с его полномочными представителями. В результате переговоров 29 июня 1966 г. появилась правительственная программа по курдскому вопросу из 12 открытых и 3 секретных пунктов. Согласованный документ не предоставлял автономии курдскому народу, но в нем предусматривалось прекращение военных действий, и была зафиксирована готовность власти удовлетворить значительную часть требований, выдвигавшихся курдской стороной[85].

Курды признавались как нация, что должно было быть закреплено в постоянной конституции, курдский язык объявлялся официальным наряду с арабским в курдских районах, где устанавливалась децентрализованная администрация. Курдам гарантировалось представительство в будущих парламентах и в составе государственных служащих. Курдские воинские части интегрировались в регулярную армию Ирака. Выделялись средства на восстановление севера. Программа содержала также три необъявленных пункта: разрешение деятельности ДПК в других районах Ирака, создание в провинции

Мосул округа Дохук с курдским населением и постепенное освобождение заключенных[86].

Положения этого соглашения не получили своего практического воплощения, они так и остались на бумаге. Но для курдов подписанный 29 июня 1966 г документ имел большое значение: во всех последующих переговорах с властями курдское руководство опиралось на него как на базовую основу урегулирования курдской проблемы.

Сообщение о решении иракского правительства прекратить военные действия в Курдистане и его готовности к мирному урегулированию курдской проблемы было с удовлетворением встречено как в Ираке, так и в других странах. Однако в самом Ираке имелась весьма значительная группа в армейской среде и среди гражданских националистов, категорически возражавших против ряда статей соглашения, особенно против намерения правительства включить курдские части в состав армейских подразделений. Эта группа по-прежнему стояла на позициях вооруженного подавления курдского движения. На следующий день после объявления правительственной программы по курдскому вопросу, 30 июня, была предпринята попытка государственного переворота с целью отстранить от власти аль-Баззаза. Инициатором заговора и его главой был Абд ар-Раззак Ареф, тайно вернувшийся из Каира в Багдад. Однако попытка переворота окончилась провалом. Президент Ареф знал о заговоре и был готов к его ликвидации. Багдадский гарнизон и президентская гвардия остались верными власти. Абд ар-Рахман Ареф сам возглавил собственную гвардию, выступил с нею навстречу колонне танков, двигавшихся на Багдад, и легко с ними справился. Абд ар-Раззак был арестован в Мосуле лояльными президенту войсками. Заговор не получил широкой поддержки. Народ Ирака и его армия устали от переворотов. К 1 июля все было кончено. Правительство довольно мягко обошлось с участниками выступления. Несколько офицеров и гражданских лиц были арестованы и находились под надзором до суда, который так никогда и не состоялся. Все они были отпущены после отставки правительства аль-Баззаза. Ареф Абд ар-Раззак был освобожден в следующем году[87].

Правительство Баззаза провело ряд внешнеполитических акций, направленных на улучшение и развитие добрососедских отношений

Ирака с Турцией и Ираном. Баззаз посетил также Каир, где вел переговоры о практических шагах по осуществлению единства между двумя странами[88]. С 27 июля по 3 августа Баззаз находился с официальным визитом в Советском Союзе, где вел переговоры с Советским правительством по широкому кругу вопросов, затрагивавших интересы обеих сторон[89].

Предпринятые Баззазом меры внешнеполитического характера упрочивали позиции Ирака на международной арене. Проводимый премьер-министром курс способствовал дальнейшему повышению авторитета Баззаза в стране. На этом фоне все отчетливее проступала слабость президента Абд ар-Рахмана Арефа, быстро терявшего доверие иракцев из-за его неспособности обеспечить баланс между различными политическими группировками страны и держать под контролем соперничающие партии. Между тем военные, особенно насеристы и социалисты, востанавливали свои утраченные было позиции и повели наступление на премьера Баззаза и его либеральную политику. Все более напряженными становились отношения между Арефом и Баззазом: президент ревниво относился к популярности премьера в среде гражданской части иракского общества.

Против укрепления позиций премьера выступили военные. Они решительно потребовали от президента Арефа отставки его правительства, пригрозив в противном случае выйти из состава правительства. Ареф не рискнул выступить против военных, от которых в конечном счете зависело его собственное положение. По возвращении из Москвы Баззаз 6 августа подал в отставку.

Премьером был назначен Наджи Талиб, хорошо известный в стране по активному участию в Июльской революции, либерально настроенный националист, шиит. Выбор был сделан не случайно: Ареф, зная склонность Талиба к компромиссам, полагал, что он сумеет наилучшим образом уравновешивать интересы различных сторон.

Излагая программу своего правительства, Наджи Талиб подтвердил, что оно будет придерживаться в курдском вопросе программы от 29 июня[90].

Западная печать отмечала, что правительству Талиба «будет много труднее, чем Баззазу, добиться урегулирования с курдами:

курды никогда не окажут такого доверия военному, какое они питали к Баззазу. К тому же, Талибу труднее противостоять нажиму той группы военных, которые расценили программу от 29 июня как предательство интересов армии»[91].

Во время своего премьерства Наджи Талиб не смог решить ни одной из ключевых проблем страны. Более того, прозошло значительное ухудшение экономической ситуации и обострилась политическая борьба.

В декабре 1966 г. Ирак столкнулся с большими экономическими трудностями, вызванными разногласиями с Сирией, причиной которых была неурегулированность финансовых отношений сирийской стороны с Ирак Петролеум Компани, перекрывшей в целях давления на Дамаск на три месяца добычу и перекачку нефти по нефтепроводу, проходящему по территории Сирии. Эта акция ИПК вызвала в Ираке бюджетный кризис.

Осложнялась и политическая ситуация. Истекал трехлетний период действия Временной конституции, и встал вопрос о принятии постоянной конституции и проведении давно обещанных, но так и не состоявшихся выборов в Национальное собрание. Требовалось продление президентского срока Арефа, поскольку он был избран только на один год. Срок ему продлили, но для разработки постоянной конституции ничего не было сделано.

Не было продвижения и в реализации программы по курдскому вопросу. К осени 1966 г. из 15 пунктов программы были выполнены два: предоставлена амнистия участникам курдского движения и создано министерство по делам реконструкции севера, которое существовало чисто номинально и никакими практическими вопросами не занималось. Безрезультатными оказались переговоры между правительством и руководством курдским движением, состоявшиеся в Багдаде в начале января 1967 г.

Попыткой режима укрепить свои позиции и снизить критику в свой адрес было одобрение 28 января 1967 г. Советом министров проекта избирательного закона. Избирательный закон, предусматривавший порядок избрания 150 депутатов в высший законодательный орган Иракской Республики – Национальное собрание, обладал рядом существенных недостатков. Он не предусматривал представи-

тельства в Национальном собрании трудящихся города и деревни, участия в голосовании женщин, лишал представителей каких-либо партий или организаций, кроме Социалистического союза Ирака, выдвигать своих кандидатов.

Намерение правительства не допустить в состав Национального собрания представителей оппозиции вызвало резкие протесты лидеров запрещенных, но продолжавших свою деятельность в нелегальных условиях НДП, Партии независимости, Баас и ДПК, юнионистских партий и организаций. Попытки президента Арефа достичь с руководителями оппозиции взаимоприемлемого решения спорных вопросов, связанных с предстоящими выборами в Национальное собрание, не имели успеха. 8 февраля 1967 г. избирательный закон был утвержден в его первоначальном виде, что вызвало новый взрыв недовольства в стране. 10 февраля Совет министров вынужден был принять к утвержденному закону ряд поправок, которые предусматривали выделение в Национальном собрании 25% мест представителям рабочих и крестьян, право избирать и быть избранными для женщин (добровольно), создание специального комитета для наблюдения за выборами и обеспечения свободы голосования для избирателей. Однако за исполкомом ССИ было сохранено право составления списка кандидатов, исключая из него лиц, «не отвечающих необходимым условиям», в числе которых главным являлось обязательное членство в Социалистическом союзе Ирака[92].

Отказ правительства Наджи Талиба от сотрудничества с демократическими силами страны, тяжелое экономическое положение Ирака, нерешенность аграрного вопроса, сохранение напряженности на севере – все это порождало политическую нестабильность, усиливало борьбу различных группировок в самом правящем лагере. В это же время усиливалось движение оппозиции, всерьез обсуждавшей вопрос о смене режима. Его поднимали сторонники возврата к гражданскому правлению, умеренные баасисты, намеревавшиеся вернуть себе власть, а также насеристы, заинтересованные в активизации процесса достижения единства. Острая борьба велась и между президентом и премьером.

Не выдержав оказывавшегося на него давления, Наджи Талиб 6 мая 1967 г. подал в отставку. Ситуация в стране была настолько

сложной, что ни один из тех, кому предлагался пост премьера, не приняли этого предложения. В итоге премьером стал сам Ареф. 10 мая было сформировано новое коалиционное правительство, в которое вошли представители разнородных групп и течений. У премьера было четыре заместителя, одним из которых стал Тахир Яхья, трижды занимавший пост премьер-министра в прежних кабинетах, являвшийся самой сильной личностью в правительстве Арефа. Заместителями премьера стали также Абд аль-Гани ар-Рави, известный своей твердой приверженностью иракскому национализму, и.о. министра по делам восстановления севера стал курд Фуад Ареф, четвертым был шиит Исмаил Мустафа[93]. Правительство Арефа, писала курдская газета «Ат-Таахи», выходившая в Багдаде на арабском языке, «состояло из министров, у которых не хватало умения ладить между собой», что серьезно осложняло работу кабинета. «Оно (правительство), – делала вывод газета, – может столкнуться с проблемами, которые будут отвлекать его от непосредственных обязанностей и мешать выполнению его программы»[94]. Как и все его предшественники, новое правительство ничего не сделало для развития политической партийной структуры, которая стала бы ее опорой, или способствовала бы достижению консенсуса с другими политическими силами[95].

Ареф возглавил управление Ираком в обстановке неуклонного возрастания напряженности в отношениях между арабскими странами и Израилем, что отодвинуло на второй план все внутренние вопросы. Перед лицом нарастания угрозы со стороны Израиля весной 1967 г. наметилась тенденция к сближению арабских стран. Так, несмотря на натянутые отношения Ирака с Сирией, он послал на помощь сирийской армии подразделение своих войск. Правда, помощь эта носила скорее символический характер, так же как и отправка иракских частей в Газу для присоединения к войскам ОАР. К границе Сирии и Иордании из северных районов Ирака перебрасывались некоторые армейские части[96].

Складывавшаяся в арабо-израильских отношениях ситуация требовала от правительства Ирака проведения серьезных мер по мобилизации страны. Однако действия арабских лидеров в мае и начале июня 1967 г. проводились без учета реального соотношения сил и не

способствовали выработке у иракского народа трезвого подхода к оценке серьезности момента.

5 июня 1967 г. Израиль начал военные действия против Египта, Иордании и Сирии. В тот же день иракское правительство прекратило отгрузку нефти пособникам агрессии – США, Англии и ФРГ, наложило эмбарго на импорт их товаров и запретило их самолетам использовать иракские аэродромы. Ирак разорвал дипломатические отношения с Англией и США (отношения с ФРГ были разорваны ранее), закрыл все культурные миссии и иные учреждения Англии, США и ФРГ в стране. Перед посольствами этих государств в Багдаде состоялись многочисленные демонстрации протеста против агрессии Израиля и против тех империалистических государств, которые оказывали помощь агрессору.

Участие Ирака в «шестидневной» войне было минимальным, хотя его войска находились на иорданском фронте. Как и другие арабские режимы, Ирак несет ответственность за сокрушительное поражение арабов в этой войне. Выявившаяся его полная неподготовленность к военному столкновению с Израилем оказала весьма серьезное воздействие на последующее политическое развитие страны.

6.4. Ситуация в Ираке после «Шестидневной» войны

Поражение арабских стан в очередной арабо-израильской войне в июне 1967 г. оказало свое влияние практически на все аспекты жизни Ирака.

Внутренняя политика президента Абд ар-Рахмана Арефа, избравшего тактику лавирования между левой и правой оппозицией, имела двойственный характер с весьма неоднозначными последствиями. Проводившийся Арефом внутриполитический курс лишь расшатывал его режим и вел к дальнейшему обострению политического кризиса в стране. Стремясь не допустить его нарастания, правительство предприняло шаги, которые, по представлению властей, могли бы содействовать укреплению режима. Опасаясь оппозиции, президент пошел на поддержку правых. Уступкой им явилось назна-

чение 10 июня 1967 г. на пост премьера вновь Тахира Яхьи, которому было поручено сформировать «правительство военного спасения». Тахир Яхья занял также пост министра внутренних дел. Новый премьер 11 июля выступил с программным заявлением, в котором выражалась готовность правительства принять необходимые меры для укрепления обороны страны и повышения боеспособности иракской армии, демократизировать режим и обеспечить единство национальных сил.

В программе экономического развития страны упор был сделан на проблеме нефти как главном источнике средств для обеспечения нормальной деятельности правительства во всех сферах его внутренней и внешней политики. Новое правительство пообещало также «прилагать усилия для выполнения «баззазовской программы» установления мира на севере и развития северных провинций»[97].

Средство вывода страны из тяжелого финансового положения власти видели в реальном изменении своей политики в нефтяном вопросе, что означало качественный поворот в претворении в жизнь уже имевшейся законодательной базы, заложенной законом № 80 от 1961 г. Принятый в его развитие, но не исполнявшийся при Наджи Талибе закон № 97 вступил в силу 6 августа 1967 г[98]. По нему государственной Иракской Национальной Нефтяной Компании передавались земли, изъятые у Ирак Петролеум Компани, с правом добычи нефти и газа на всей изъятой территории. Конкретизация положений этого документа была дана в изданном 22 сентября 1967 г. законе № 123, в соответствии с которым Компании предоставлялись эксклюзивные права вести все виды работ, связанных с разведкой, добычей, переработкой, хранением, транспортировкой и распределением нефти и нефтепродуктов, а также создавать дочерние фирмы, заключать договоры с иностранными компаниями и получать кредиты за границей и внутри страны[99]. Хотя сотрудничество ИННК с другими государствами или компаниями на базе пересмотренных соглашений и допускалось, но контроль над нефтяными ресурсами переходил полностью в руки Ирака. По закону № 123 ИННК была реорганизована и поставлена под прямой конторль президента Республики. Ей предписывалось немедленно приступить к эксплуатации изъятых у ИПК месторождений[100].

Некогда всемогущая ИПК перестала быть полновластным хозяином в Ираке. Она лишилась 99,5% первоначальной территории концессии, права разведки и добычи нефти на новых площадях. Однако и на оставшейся части территории концессии ИПК и ее филиалы добыли в 1968 г. 72,5 млн т нефти, уплатив правительству Ирака около полумиллиарда долларов, что составило 80% доходов государственного бюджета[101].

Монополии ИПК иракское правительство противопоставило развитие сотрудничества в области нефти с другими странами. В ноябре 1967 – начале 1968 г. были начаты переговоры с делегациями Франции и Советского Союза.

24 ноября ИННК подписала с группой государственных французских нефтяных компаний (Enterprise de Recherches et d'Activites Petrolieres (ERAP – ЭРАП) соглашение о разведке и добыче нефти в южных районах страны. По этому соглашению ЭРАП обязалась провести в течение ближайших шести лет геологоразведочные работы на площади в 10,8 тыс. кв км (с возвратом ИННК трех четвертей этой площади к концу пятого года) и осуществлять добычу нефти в течение двадцати последующих лет на той части оставшейся в ее распоряжении территории, которую к установленному в соглашении сроку она начнет эксплуатировать. В момент начала добычи нефти ЭРАП должна была выплатить ИННК безвозмездно 15 млн долл. ИННК, со своей стороны, гарантировала ЭРАП покрытие всех ее расходов по разведке и добыче нефти, строительству нефтепровода и нефтеналивного причала за счет продажи ей 30% от половины будущей добычи нефти по цене 81 цент за 1 баррель, что было на 53% ниже мировых цен. Соглашением предусматривалось также, что дирекция ИННК будет осуществлять контроль над всеми операциями ЭРАП[102].

Соглашение с ЭРАП имело в себе ряд существенных недостатков. Оно было заключено на длительный срок, под концессию отводилась большая территория, оплата за расходы нефтью устанавливалась по ценам почти в два раза ниже мировых. Лишая монополии ИПК, соглашение с ЭРАП, в свою очередь, не давало Ираку возможности свободного и полного использования своих нефтяных богатств для решения национальных проблем страны.

В ноябре 1967 г. правительство Тахира Яхьи обратилось с просьбой к СССР оказать содействие ИННК в освоении района Северной Румейлы, являющегося одним из богатейших иракских нефтяных месторождений[103]. Его называют «нефтяной жемчужиной» Ирака. Осваивать это месторождение предполагалось в два этапа. Краткосрочная программа была рассчитана на два года. На этом этапе необходимо было освоить шесть имевшихся скважин и проложить нефтепровод до Фао на Персидском заливе для экспорта сырой нефти. По расчетам, этот проект должен был производить в начале эксплуатации 5 млн т нефти в год с доходом около 16 млн и.д. (44,8 млн долл.). По второй, долгосрочной части программы намечалось увеличение ежегодной добычи нефти на 18 млн т за счет освоения новых скважин и строительства нефтепровода и глубоководного терминала в Персидском заливе. На реализацию этой долгосрочной программы требовалось примерно 26 млн и.д., источником для которых должны были служить доходы от реализации первого плана. Предполагалось, что второй проект будет приносить доход в 50 млн и.д. в год. Оба проекта рассматривались лишь как начальные шаги в осуществлении национальной нефтяной политики, которая в итоге, как полагали некоторые иракские эксперты, должна была привести к национализации всей нефтяной отрасли[104].

Советское правительство положительно отнеслось к просьбе иракского руководства, и вскоре между двумя странами была достигнута договоренность, зафиксированная в письмах, которыми стороны обменялись 24 декабря 1967 г.[105]

Позитивные шаги правительства Тахира Яхьи в области развития национальной нефтяной промышленности имели определенное политическое и психологическое значение, но они не могли быстро и эффективно повлиять на подъем иракской экономики и тем самым повысить престиж власти[106].

Правительство Ирака остро нуждалось в укреплении своего положения, чему могли бы содействовать перемены в его отношении к внутриполитическим проблемам. Из них самыми насущными попрежнему оставались проблемы демократизации общественной жизни Ирака и решения курдского вопроса. Однако правительство продолжало следовать избранному курсу.

В конце 1967 г. парламентские выборы вновь были отложены. Декларированное намерение выполнить соглашение с курдами от 29 июня 1966 г. оставалось пустыми словами. На деле власти активно разжигали рознь между различными курдскими политическими силами[107].

Крайне медленными темпами осуществлялась аграрная реформа. Сельское хозяйство испытывало большие трудности. По официальным данным, в 1967 г. из 6 млн дунамов орошаемых земель, конфискованных у крупных собственников по закону об аграрной реформе 1958 г., половина осталась не обработанной из-за отсутствия у крестьян необходимых сельскохозяйственных машин и орудий. В результате этого товарность сельского хозяйства резко снизилась, и Ирак был вынужден импортировать большое количество пшеницы и риса.

Резко возросли военные расходы. Одна только армия поглощала 90% доходов от нефти. В итоге дефицит государственного бюджета в 1967/68 финансовом году достиг рекордной цифры – 120 млн долл.[108]

После «шестидневной войны» с Израилем правительство Тахира Яхьи ввело новые налоги с населения и «дополнительный оборонный налог» на импортируемое продовольствие и товары широкого потребления. Эти налоги ухудшили и без того тяжелое экономическое положение и вызвали массовый рост недовольства, сопровождавшийся стихийными выступлениями в городе и деревне.

Реакционный характер режима Арефа – Тахира Яхьи наглядно проявлялся и в его политике по отношению к курдскому движению. Будучи одним из сторонников «военного решения» курдской проблемы, Тахир Яхья последовательно вел линию на подрыв соглашения от 29 июня. Располагавшиеся в курдских районах воинские части получали новое подкрепление. Значительные средства выделялись тем курдским силам, которые вели борьбу против Барзани, ДПК и их вооруженных отрядов – пешмерга, организовывали террористические акции против мирного населения. Все это обостряло отношения между правительством и курдами. Но при этом власти не рисковали возобновить военные действия против курдов. Они давали себе отчет в том, что, начав гражданскую войну в условиях, когда

внимание всех арабов было приковано к последствиям израильской агрессии, они тем самым ставили под вопрос существование самого правительства. Вполне реально в этом случае создавалась возможность соперничавшим военно-политическим группировкам захватить власть. Этого режим допустить не хотел, поэтому было решено возобновить переговоры с Барзани. С сентября 1967 до января 1968 г. их вели и сам премьер Тахир Яхья, и его министры. Переговоры были лишь ширмой, за которой правительственная сторона скрывала свое намерение сорвать соглашение от 29 июня и найти аргументы в пользу военного решения курдской проблемы.

В конце 1967 – начале 1968 г. в политике иракского правительства все отчетливее обозначался курс на усиление репрессий против демократических сил. Его проявлением стало установление государственного контроля над четырьмя выходившими в стране газетами и закрытие остальных периодических изданий[109].

В январе 1968 г. в Багдаде была расстреляна забастовка студентов университета. Этот расстрел вызвал мощную волну протеста.

Усилились репрессии против оппозиционных сил различных политических направлений, но, как всегда, прежде всего против ИКП. Многие коммунисты были брошены в тюрьмы.

Тогда же шесть министров иракского правительства подали в отставку. В последующие месяцы правительственные кризисы следовали один за другим. Число «подходящих» кандидатов занять места в правительстве неуклонно сокращалось. Одни под различными предлогами уклонялись от такой «чести», другие открыто примкнули к оппозиции[110].

В этих условиях правительство Арефа–Яхьи попыталось разрядить политическую обстановку, объявив в начале 1968 г. о создании временного Законодательного совета, который должен был действовать до созыва Национального собрания, сформированного на основе проведенных выборов. Проект закона, предусматривавший создание Совета из 120 человек, представлявших рабочих, крестьян, другие социальные группы, подвергся критике за то, что его состав назначался, а не избирался. Лидеры оппозиции не согласились признать Социалистический союз Ирака как замену политическим партиям: они настаивали на многопартийной системе[111].

14 апреля 1968 г. тринадцать отставных генералов, в том числе два бывших премьер-министра, представлявших почти все оттенки националистически настроенного высшего офицерства, опубликовали совместный манифест. В этом документе они требовали возвращения к конституционной жизни, настаивали на подготовке парламентских выборов, осуждали «личную власть в стране, ее изоляцию от народа и ее неспособность осознать масштабы палестинского поражения»[112]. В числе основных требований, выдвинутых в этом манифесте, было и требование «разрешить курдскую проблему разумным, мирным путем». Это положение документа выглядело весьма неубедительно, поскольку исходило оно от тех, кто был непосредственным участником выработки и осуществления планов войны в Курдистане. Цель авторов манифеста заключалась в свержении режима Арефа любыми средствами, где такие вопросы, как возвращение к парламентской жизни, решение мирными средствами курдского вопроса, «трезвая оценка» последствий «шестидневной войны», должны были послужить достаточно весомыми аргументами, способными обеспечить этой группе военных успех в борьбе за власть в Ираке.

Весной 1968 г. усилила свою деятельность оппозиция – и справа и слева. В сплочении оппозиционно настроенных высших офицеров ведущую роль играл Хасан аль-Бакр.

Активизировалось «Арабское революционное движение» – организация молодых офицеров, ставившая своей целью свержение правящего режима силой. Для подготовки переворота руководители этой организации – заместитель начальника второго бюро разведки полковник Абд ар-Раззак ан-Найеф и командующий президентской гвардией генерал Ибрагим Абд ар-Рахман Дауд установили связь с руководителями партии Баас генералом Ахмедом Хасаном аль-Бакром, Салехом Махди Аммашем, Харданом Тикрити. К ним примкнула группа офицеров старой английской выучки, например, Абд аль-Азиз аль-Укайли.

На левом фланге находилось коммунистическое движение, представленное двумя партиями. Одной из них был Центральный комитет Коммунистической партии Ирака (ИКП), другой – отколовшаяся от нее в сентябре 1967 г. группа, назвавшая себя «цен-

тральным командованием», во главе с Азизом аль-Хаджжем. Эта группа вела борьбу против режима в южных районах страны, используя партизанские методы. Свою активность сохраняла НДП.

В условиях усиления политической напряженности и роста недовольства правительством широких народных масс предпринимавшиеся в мае – июле 1968 г. президентом Арефом и премьером Яхья меры по спасению режима имели своим результатом еще большее осложнение обстановки в стране.

2 мая было опубликовано официальное заявление о продлении на два года «переходного периода», а 5 июля – переработанный проект создания Национального совета, которому предполагалось передать законодательные полномочия до избрания парламента. 12 июля Тахир Яхья объявил о решении реорганизовать правительство и включить в его состав представителей оппозиции. Но эта мера уже не могла спасти действовавшую власть.

Диктаторский режим военных стал главным препятствием на пути развития Ирака.

ГЛАВА 7

ВТОРИЧНЫЙ ПРИХОД К ВЛАСТИ ПАРТИИ БААС (17–30 июля 1968 – конец 90-х гг. XX в.)

7.1. Политическая ситуация в Ираке в конце 1960-х годов

К началу 1968 г. в Ираке практически все социально-политические силы, каждая по своим собственным мотивам, были настроены против слабого, неспособного к решению наболевших проблем в экономике и социальной сфере режима Арефа. Реальными силами, способными совершить государственный переворот, были партия Баас и небольшая группа высших офицеров, недовольных Арефом, возглавлявшаяся заместителем главы военной разведки Абд ар-Раззак ан-Найефом и командующим Республиканской гвардии Ибрагимом ад-Даудом. Фактически от этих двоих зависела судьба режима. Ан-Найеф и ад-Дауд входили в армейскую группу, называвшую себя «Арабское революционное движение». Эта группа играла решающую роль в поддержке власти обоих Арефов. К тому же оба были выходцами из Рамади, что связывало их с Арефом и Саидом Слейби, главой военной опоры Арефов, узами землячества. К 1968 г. ан-Найеф и ад-Дауд полностью утратили доверие к режиму, хотя в их планы организации государственного переворота не входила задача свержения Арефа. Главным объектом их недовольства был Тахир Яхья[1].

Другой силой, готовившейся к свержению режима Арефа, была партия Баас. Её целью было возвращение к власти. Военное бюро

партии и её региональное руководство разработали план восстановления баасистского режима в Ираке. Реализация такого плана была возможна лишь в блоке с армейской оппозицией, что ясно осознавали лидеры Баас. Но прежде чем такой контакт был установлен, сама партия Баас прошла сложный путь идеологической и организационной трансформации[2].

На проходившем в феврале 1964 г. в Дамаске седьмом национальном съезде Баас ас-Саади и его фракция были исключены из партии. В состав национального руководства партии вошел Ахмед Хасан аль-Бакр. Новое национальное командование избрало региональное иракское руководство во главе с Абд аль-Керимом аш-Шейхли, перед которым была поставлена задача реорганизовать партию и преодолеть в ней внутренние разногласия. Решение поставленной задачи осложнялось тем, что ас-Саади через своих сторонников в Багдаде продолжал сохранять значительный контроль над иракским партийным аппаратом[3]. До того, как была начата его реорганизация, партия в сентябре 1964 г. предприняла неудачную попытку отстранить от власти Абд ас-Саляма Арефа. Заговор был раскрыт. Члены руководства партии Баас поспешили скрыться, среди них был Хасан аль-Бакр. Партия была вынуждена уйти в глубокое подполье.

1964 – 1965 гг. были временем резкого обострения внутрипартийной борьбы и разногласий в руководстве Баас как на региональном, так и на национальном уровнях. Реально этот процесс касался Сирии и Ирака, где Баас стала правящей.

В Сирии баасисты пришли к руководству страной 8 марта 1963 г. В 60-е годы эта страна переживала один из сложнейших этапов своей новейшей истории. В борьбу за власть вступила группа националистически настроенных армейских офицеров – баасистов, заинтересованных, прежде всего, в решении проблем Сирии, а не всех арабов в гипотетическом общеарабском союзе, образование которого не просматривалось даже в отдаленном будущем. Эта группа сформировалась после распада в 1961 г. ОАР из военных и некоторых гражданских членов партии Баас, разделявших националистические взгляды офицеров.

Партия Баас создавалась представителями гражданской интеллигенции. В дальнейшем членами партии становились офицеры. В процессе эволюции в сирийском отделении преобладающие позиции заняли военные, принадлежавшие к тому же к одной из шиитских религиозных групп – алавитам[4]. Постепенно интересы этой сирийской фракции Баас пришли в резкое противоречие с позицией старой гвардии партии во главе с Афляком и Битаром.

Вскоре этот раскол проявился и в общенациональном руководстве. На созванном в апреле 1965 г. восьмом съезде партии Баас (последнем в общеарабском формате) была предпринята безрезультатная попытка примирить старую гвардию и сирийских военных. После съезда старое руководство потратило много сил для того, чтобы сдержать растущее влияние в партии военных. Завершением этих неудавшихся маневров стал военный переворот в Сирии 23 февраля 1966 г., возглавленный Салахом Джадидом. Этот переворот положил конец всяким надеждам на арабское единство под эгидой партии Баас.

Новые сирийские лидеры исключили Афляка и Битара из партии и выслали их из страны. Другие члены национального руководства Баас были отправлены в тюрьмы[5]. В сентябре 1966 г. был созван новый «национальный конгресс», избравший «национальное командование», полностью состоявшее из лояльных сирийской власти членов.

Эти события повлияли на новое иракское региональное руководство, которое поддержало старую партийную гвардию и сделало ее опорой в своей внутренней борьбе в Ираке. Основатели партии переместились в Багдад, что было вполне логично. Иракское отделение Баас, в отличие от сирийцев, сохранило свою историческую гражданскую основу. К тому же Мишель Афляк был общепризнанным идеологом баасизма. Принимая у себя этих баасистских вождей, иракские лидеры надеялись на существенное укрепление своих позиций. По инициативе Саддама Хусейна иракские баасисты провели свой чрезвычайный съезд, избравший новое региональное руководство Ирака, что было явной победой антисирийских баасистских сил, во главе которых стояли генеральный секретарь иракской партии Баас Ахмед Хасан аль-Бакр и заместитель генерального сек-

ретаря Саддам Хусейн. Именно они сыграли решающую роль в возвращении к власти в Ираке партии Баас. Позже они вошли в первый состав нового правительства[6].

С избранием нового регионального иракского командования завершился раскол в партии Баас. Новый «общеарабский» конгресс был созван иракцами в феврале 1968 г., на котором они избрали свое собственное "национальное» руководство во главе с Мишелем Афляком в качестве генерального секретаря[7]. С этого времени партия, декларировавшая себя как выразительницу общеарабских интересов, ставившая перед собой задачу достижения арабского единства, фактически была представлена двумя «общеарабскими» руководствами, каждое из которых имело в своем составе фракции, поддерживавшие соответственно режимы в Дамаске и Багдаде. Раскол породил острую партийную вражду, которая влияла на внешнеполитические отношения обеих стран после июля 1968 г. и часто приводила также к попыткам подрыва власти своего противника изнутри[8].

В итоге событий 1965–1966 гг. произошла смена лидеров в иракской партии Баас. Господствующие позиции среди ее членов как гражданских, так и военных, заняли тикритцы. В эту группу входили Ахмед Хасан аль-Бакр, Умар аль-Али, Саддам Хусейн и Хардан Тикрити, последний находился на второстепенных позициях. Значительное место в руководстве принадлежало также выходцам из города Самарра, таким как Абд аль-Халид и Абд Аллах ас-Самарраи. За исключением аль-Бакра, Аммаша и Хардана Тикрити ни один из названных до этого не играл какой-либо заметной роли в общественной жизни Ирака. Но при этом многие имели богатый опыт партийной деятельности, накопленный главным образом в период нахождения партии в подполье, ориентированный на беспощадную борьбу за власть. Эта черта характеризовала деятельность баасистского руководства в последующие годы.

В 1967 г. партия Баас Ирака провела большую работу по реорганизации своей структуры. Были созданы ее отделения на местах, сформирована милиция и служба безопасности, внедрены члены партии в массовые организации, особенно в студенческую и преподавательскую среду. И, что особенно важно, была установлена связь с военными. Посредником в налаживании контакта между баасист-

скими лидерами и ан-Найефом и ад-Даудом был командир главного танкового корпуса Республиканской гвардии Садун Гайдан, давно ставший сторонником Баас, о чем не знали Найеф и Дауд.

Баасисты вели также активную работу по привлечению масс на свою сторону. Студенческая забастовка в январе 1968 г. была их рук делом, хотя в ней принимали участие и коммунисты. Они же были организаторами демонстрации, проходившей в марте 1968 г. под лозунгами свержения правительства Яхьи. Баасисты инициировали направление военными меморандума президенту Арефу с требованием отставки правительства Яхьи в апреле 1968 г. Таким образом, к середине 1968 г. Баас была полностью готова к борьбе за власть.

Непосредственная подготовка к государственному перевороту началась с момента объявления Арефа о продлении еще на два года переходного периода и о реорганизации 17 июля правительства Яхьи. Заговорщики решили действовать на опережение.

Оценив сложившуюся ситуацию, партия Баас при поддержке военных 17–30 июля 1968 г. совершила государственный переворот и обеспечила себе безраздельную власть в стране.

17 июля военные быстро овладели ключевыми объектами Багдада. В результате решительных действий Саадуна Гайдана был взят Республиканский дворец. После небольшого сопротивления Ареф сдался. Он и премьер Яхья были смещены со всех постов. Ареф был выслан в Англию, последующие годы изгнания он провел в Стамбуле и в Каире.

Для руководства делами республики был учрежден Совет революционного командования (СРК), сосредоточивший в своих руках всю полноту власти. Правящую коалицию составили Ахмед Хасан аль-Бакр в качестве президента, пост премьера занял ан-Найеф. Его заместителями были назаначены ад-Дауд и баасист Салих Махди Аммаш, возглавившие соответственно ведомства обороны и внутренних дел. Начальником генерального штаба и командующим военно-воздушными силами стал баасист Хардан ат-Тикрити. Противовесом ему явилось назначение командующим Республиканской гвардии Саадуна Гайдана. Несколько мест в кабинете были предназначены для баасистов. Но большая часть портфелей была отдана сторонникам трёх главных небаасистских лидеров переворота или

представителям оппозиционных кругов Ирака, среди них в правительство вошли глава иракской организации Братья – мусульмане и четыре курда, один из которых представлял движение Барзани[9].

Такая расстановка сил не устраивала ни одну из сторон. Внутри сформированной правящей коалиции развернулась острейшая борьба за верховенство. Особую активность проявили баасисты. Перетянув на свою сторону Саадуна Гайдана, Хасан аль-Бакр и Хардан ат-Тикрити нейтрализовали тем самым Республиканскую гвардию. Одновременно к ним присоединился командующий багдадским гарнизоном Хаммад Шихаб ат-Тикрити, родственник аль-Бакра. Как говорится в материалах 8-го съезда партии Баас Ирака, состоявшегося в январе 1974 г., региональное руководство согласилось на участие Найефа и Дауда в государственном перевороте 17 июля 1968 г., одновременно приняв решение об отстранении их от власти при первой же возможности[10]. В момент визита ад-Дауда в Иорданию 30 июля баасисты совершили мини-переворот. Они заняли все важнейшие объекты Багдада и выслали из страны ан-Найефа. Партия Баас вернула себе власть в Ираке.

Ее успеху способствовало прежде всего твердое намерение вернуться к руководству страной. К этому следует добавить большой опыт, которым обладала партия Баас, наличие у нее более или менее четко сформулированной политической программы, что – на фоне разобщенности и слабости левых сил, в том числе и коммунистов, – обеспечило баасистам существенные преимущества в борьбе за власть.

Характерными чертами нового режима явилось преобладание в новой власти военных. В обновленный состав Совета революционного командования вошли только военные. Им же принадлежали четыре ключевых поста в государстве: президента, премьера, министров обороны и внутренних дел. При этом господствующие позиции заняли тикритцы, особенно те из них, кто был родственником аль-Бакра. Ведущие баасистские лидеры, устранив своих конкурентов, постарались существенно укрепить и расширить свои полномочия. Ахмед Хасан аль-Бакр занял посты президента, председателя Совета революционного командования, премьер-министра, главнокомандующего вооруженными силами, генерального секретаря пар-

тии Баас, т. е. в его руках сосредоточилась огромная власть. Хасан аль-Бакр был особо популярен в армейской среде в целом. Он был типичным полковым офицером, заботившимся о благополучии своих подчиненных, способным разговаривать на языке офицерской корпоративности в случае необходимости установления нужных связей с товарищами по оружию[11]. Но реальной власти он не имел. Ключевая роль в этом вопросе негласно принадлежала не занимавшему официально никаких постов родственнику Бакра Саддаму Хусейну. Особенностью было также и то, что власть полностью контролировалась баасистами. Им принадлежали все ключевые посты: начальника генерального штаба, командующего багдадским гарнизоном и военно-воздушными силами. Одновременно они заменили многих гражданских служащих. На менее значимые должности назначали также только баасистов или их проверенных сторонников. Новые руководители хорошо усвоили урок 1963 г. – не делить власть с небаасистами. Этого принципа они твердо придерживались в течение последующего десятилетия[12]. В итоге у власти в Ираке оказались баасисты – военные, но в целом влияние партии Баас в стране было довольно слабым, она не имела здесь прочных позиций. Во многом это объяснялось сохранявшейся малочисленностью самой партии: по ее собственным оценкам, в 1968 г. в ее рядах находилось около 5 тысяч членов[13].

Для удержания власти баасистам необходимо было сосредоточить в своих руках полностью государственный аппарат и не допустить серьезного противоборства среди руководящей элиты. Важно было также утвердить позитивный имидж режима партии Баас за пределами Ирака. На решение этих задач ушло около пяти лет (с 1968 по 1973 гг.)[14].

Средствами достижения поставленных целей было упрочение позиций Баас в армейской и гражданской среде, а также применение мер насилия в отношении некоторых представителей свергнутого режима и оппозиции.

Через несколько месяцев после прихода к власти баасистское руководство организовало ряд закрытых судебных процессов над лицами, деятельность которых представляла для них реальную или мнимую угрозу. Обвинения выдвигались самые разные: шпионаж в

пользу США, Израиля и Ирана, намерение свергнуть новое правительство. Эти процессы должны были продемонстрировать жесткость режима и показать другим политическим группам, что Баас не допустит никаких попыток свергнуть ее власть. Первым был арестован Яхья и другие националисты и насеристы. Их обвинили в коррупции и отправили в тюрьму. С ними обошлись достаточно мягко, и поскольку их вина не была доказана, все они со временем были освобождены.

Большую жесткость режим проявлял к прозападным элементам, в иракским сотрудникам западных фирм. За ними последовали аресты «шпионивших в пользу Израиля» и «поставлявших информацию организации СЕНТО». Очевидная обсурдность предъявленных обвинений вызвала бурные протесты мировой общественности, что не повлияло на новые власти: 14 человек, приговоренных к смерти, были публично повешены для большего устрашения. Всего к 1970 г., по официальным данным, было казнено 86 человек. Неизвестным было число арестованных[15]. В действительности жертв баасистского режима было намного больше.

Установленный 30 июля 1968 г. режим в Ираке не был полностью баасистским. Вхождение в состав правящей верхушки вовсе не определялось только членством в этой партии. Принадлежность к Баас была лишь одним из многих факторов, влиявших на идеологию и средства формирования политики Ирака. Не меньшую значимость имело наличие среди ключевых фигур нового режима большой когорты армейских офицеров, оказывавших весьма значительное влияние на формирование политической линии государства. Своим вхождением во власть военные обеспечивали сохранение связей с той социальной средой иракского общества, из которой исторически формировался офицерский корпус. В новом правительстве были непропорционально представлены группировки военных, выходцев из известных провинциальных арабо-суннитских семей и племенных кланов северо-западных районов Ирака. Присущие этим группировкам военных представления о чести, достоинстве, своей индивидуальности при наличии известной неуверенности в своем статусе, сплачивала их, превращая военных в еще один центр влияния на

взгляды и методы действий пришедших к власти в Ираке в июле 1968 г[16].

В конце 60-х годов Ирак, как и ранее, стоял перед теми же проблемами, которые призвана была решить революция 1958 г. В экономике – несостоявшаяся аграрная реформа, преобладание допромышленного уровня в индустрии, господство иностранных фирм; в политике – нерешенность курдского национального вопроса, отсутствие единства политических сил, никакого продвижения в области демократизации государственно-политического устройства страны. Придя вторично к власти, партия Баас была полна решимости теперь удержать ее в своих руках. Добиться этого можно было лишь при опоре на широкие массы иракского народа, что для баасистов явилось делом совсем не простым.

Сам переворот 17–30 июля был встречен в Ираке весьма настороженно: с партией Баас, с именем Ахмеда Хасана аль-Бакра, равно как и других активных участников переворота, у иракцев ассоциировался мрачный период баасистского правления 1963 г., ввергнувшего страну в глубокий всеобъемлющий кризис и нанесшего огромный урон делу национального единства страны политикой истребления коммунистов и вооружённого подавления курдского национального движения. С таким наследием недавнего прошлого партия Баас могла завоевать доверие масс, лишь обращаясь к решению самых неотложных проблем. К ним принадлежали прежде всего экономическая и социальная сферы, которые и должны были обеспечить прочность режима.

В экономической области предстояло начать решительную борьбу против отсталости, добиться ликвидации зависимости Ирака от иностранного капитала и на основе устойчивого развития экономики осуществлять неуклонное повышение жизненного уровня населения страны. Это была стратегия экономического развития, которая нашла свое более четкое оформление позже в программных документах партии Баас – в Хартии 1971 г., в материалах ее VIII регионального съезда в 1974 г. Но основные положения этой стратегической линии были определены уже в первых документах пришедших в 1968 г. к власти руководителей. 17 июля СРК, излагая основные направления своей внутренней и внешней политики, к задачам

первостепенной важности, которые призвана была решить «белая революция» (так за ее «бескровность» назвали переворот 17–30 июля его участники), отнес следующие: в политической области создать «подлинно демократическое, социалистическое, единое государство, которое могло бы служить примером другим государствам в Арабском и в Третьем мире в целом». Первейшей задачей Баас в деле обеспечения Ираку реальной политической независимости являлась «полная ликвидация иностранной разведывательной сети и ее агентов». Другой очень важной задачей в политической сфере называлось создание сильной центральной власти[17].

В экономической области предстояло внести изменения в закон об аграрной реформе в интересах крестьянства, укреплять и развивать государственный сектор при одновременном поощрении частного сектора, восстановить права Ирака на его национальные богатства, в первую очередь нефть. В заявлении указывалось, что в экономической политике «революция будет проводить курс, направленный на развитие национальной экономики путем использования национальных ресурсов и сырья, ликвидацию эксплуатации монополий, уменьшение зависимости Ирака от доли отчислений в иракский бюджет иностранными нефтяными компаниями[18].

Новые руководители обещали «покончить с расколом и коррупцией, разумно решить проблему севера, защищать национальное единство, создать общество, в котором будет господствовать братство, дружба, национальное сплочение и чувство ответственности". Все это предполагалось достичь путем обеспечения демократических прав граждан с последующим восстановлением парламентской системы, которая будет представлять интересы «всех народных и национальных слоев общества"[19].

Во внешней политике руководители переворота обязались придерживаться принципов Устава ООН, стремиться к установлению сотрудничества между государствами на основе равноправия, крепить братские отношения со всеми арабскими, мусульманскими и дружественными государствами.

Определенная партией Баас стратегия развития была рассчитана на длительное время. Масштабность вставших перед Ираком проблем, большие сложности в их реализации, настоятельная необхо-

димость в расширении социальной опоры режима выдвигали в качестве первостепенной задачу укрепления единства прогрессивных политических сил страны.

Новое руководство постоянно подчеркивало, что «революция 17 июля явилась естественным продолжением революции 14 июля 1958 г. и развитием прогрессивного, направленного на достижение единства народного движения». В одном из первых документов СРК говорилось: «Революция перелистывает сейчас последнюю страницу прежнего пассивного отношения ко всем силам, враждебным империализму, и открывает новую страницу, устанавливая с этими силами тесные связи, что создает предпосылки для немедленного достижения национального единства, для предоставления Ираку возможности занять ведущую роль в уготованной судьбой борьбе арабской нации против империализма и Израиля, для сплочения всех освободительных сил во всем мире»[20].

Для решения этих задач правительство призвало к сотрудничеству другие политические силы страны. Таковыми в Ираке являлись в первую очередь коммунисты и курды. Баасисты крайне нуждались в их поддержке, так как рассчитывали через сотрудничество с ИКП и ДПК заручиться поддержкой тех слоев населения, среди которых обе эти партии имели большой авторитет. Содействовать этому могли также конкретные дела нового правительства. Оно предприняло ряд мер, направленных на завоевание симпатий трудящихся. Были внесены коррективы в аграрную реформу и трудовое законодательство, принят закон об изменении порядка налогообложения, по которому лица с ограниченными доходами полностью освобождались от введенного в 1967 г. налога на оборону, для других категорий населения размер налога существенно сокращался, снижены цены на бензин и дизельное топливо. Однако какого-либо заметного эффекта эти шаги правительства не дали: от него ждали решений по коренным политическим, экономическим и социальным проблемам в соответствии с данными обещаниями.

Оценку ситуации, сложившейся в Ираке в первые месяцы после прихода к власти партии Баас, дал пленум иракских коммунистов, состоявшийся в октябре 1968 г. Проанализировав текущее положение в стране, пленум подверг резкой критике внутреннюю политику

правящей партии Баас, направленную на сохранение прежних методов управления, ограничение свобод и демократических прав народных масс, продолжение шовинистического курса в курдском национальном вопросе. Выход из политического, экономического и социального кризиса, в котором Ирак находился после революции 1958 г., компартия наметила в опубликованном в ноябре 1968 г. проекте Хартии сотрудничества патриотических сил Ирака[21]. Отметив, что страна находится на этапе национально-демократической революции, компартия указала, что острие борьбы иракского народа должно быть направлено против колониализма, неоколониализма и остатков феодализма. Претворение этих задач в жизнь требовало проведения глубоких преобразований в национальной экономике, установления демократической представительной формы правления, демократического решения курдского вопроса. Характер стоявших перед страной задач, подчеркивалось в Хартии, создавал объективные предпосылки для сотрудничества патриотически настроенных слоев общества – от трудящихся до части национальной буржуазии. Конкретным проявлением такого сотрудничества должен был стать политический союз между силами, представляющими интересы всех этих классов и прослоек – национальный демократический фронт всех патриотических партий и прогрессивных сил, независимо от их убеждений и национальной принадлежности. Хартия особо подчеркивала, что партии, вошедшие во фронт, должны сохранять независимость в идеологических, политических и организационных вопросах, а также самостоятельность практической и идеологической деятельности всех сотрудничающих партий и политических сил. Проводить в жизнь широкую программу намеченных мер должно было созданное на основе фронта коалиционное правительство[22].

Компартия особо подчеркивала, что выполнение стоявших на том этапе перед страной задач неизбежно повлечет за собой сопротивление внутренней и внешней реакции, противостоять которому можно, лишь мобилизуя на эту борьбу народные массы[23].

Логика борьбы за власть подводила и руководство Баас к пониманию необходимости опоры на народные массы, тем более, что в 1968–1969 гг. режим подвергался непрерывному давлению извне, сталкивался с заговорами внутренней реакции. Вместе с тем, став

правящей партией, Баас стремилась поставить под свой контроль и действия народных масс, и политические силы Ирака.

В целях расширения социальной базы правительство с 1970 г. приступило к проведению мер, затрагивавших интересы широких слоев трудящихся.

Уже в мае 1969 г. были приняты важные декреты, направленные на углубление аграрных преобразований: отменялась компенсация за землю, изъятую у землевладельцев по аграрной реформе; аннулировалась выплата крестьянами за ранее полученные земли; феодалы лишились права выбирать лучшие участки земли; сельхозинвентарь и машины, принадлежавшие государству, артезианские колодцы передавались в ведение крестьянских кооперативов. С 1969 г. власти приступили к серьезным мерам по кооперированию крестьян. Создавались коллективные хозяйства производственного типа с обобществленной землей. К концу 1972 г. в Ираке насчитывалось около 1100 потребительско-сбытовых, кредитных и иных кооперативов, объединивших более 158 тыс.(15%) семей против 400 кооперативов в середине 1968 г. Принятие этих законов наносило существенный удар по феодальной собственности, подрывало экономические и политические позиции феодалов, ограничивало их влияние на общественную жизнь Ирака. Значительно улучшалось положение основной части населения страны – крестьян, что способствовало упрочению позиций партии Баас и росту ее престижа.

Вместе с тем, создававшиеся на рубеже 60–70-х гг. государственные и коллективные фермы и кооперативы не обеспечивали страну сельскохозяйственной продукцией. И ситуация в аграрной сфере оставалась достаточно сложной. Существенной проблемой была нехватка земли, пригодной для использования. Больше всего от этого фактора страдала крестьянская беднота, у которой надела или не было совсем, или он был так мал, что не мог обеспечить крестьянина и его семью даже минимумом потребностей. Ситуация усугублялась ростом численности населения деревни, внедрением техники в сельскохозяйственное производство, ускорением социального расслоения. Этот процесс сопровождался резким ростом числа безземельных крестьян, что вынуждало их наниматься на работу к состоятельному землевладельцу, или уходить в город. В итоге в дере-

не усиливалась эксплуатация, порождавшая новый тип классового конфликта. Одновременно нарастала безработица. Перед аграрным сектором стояла задача развития и превращения в отрасль экономики Ирака, способную полностью обеспечить страну продовольствием.

Правительство приступило также к осуществлению социальных реформ, затрагивавших интересы и других слоев общества: рабочих, служащих, студентов. Было распространено действие закона о социальном обеспечении на рабочих, занятых в частном секторе, уравнены в правах временные и постоянные служащие; разработан закон о пенсиях. Были проведены выборы в профсоюзах и создана Генеральная федерация профсоюзов Ирака. Трудящимся были переданы десятки тысяч домов. Расширено строительство школ, особенно в сельской местности. Увеличено количество стипендий в иракских учебных заведениях.

Заметные меры правительство предприняло в сфере здравоохранения: росло число оснащенных современным оборудованием больниц и поликлиник по всему Ираку, увеличивался контингент квалифицированных врачей и других медицинских работников, снижалось число инфекционных и эпидемических заболеваний. Новое правительство приступило к претворению в жизнь планов экономического развития. Было завершено строительство завода антибиотиков в Самарре и стекольного завода в Рамади, увеличена мощность текстильной фабрики и сахарного завода в Мосуле. Правительство заняло позицию поощрения частного сектора в области создания национальных компаний с целью освоения ими богатств страны.

Были изданы законы об освобождении политических заключенных и восстановлении на работе всех уволенных по политическим мотивам. Из тюрем были освобождены коммунисты, часть из них была восстановлена на прежней работе. В июне 1969 г., во время работы Международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, руководители Иракской коммунистической партии впервые выехали за пределы страны, имея на руках официальные паспорта.

Баас предпринимала шаги для налаживания контактов с компартией. Как писал орган партии Баас газета «Ас-Саура», «Баас осозна-

ла необходимость союза с прогрессистами, в первую очередь с Иракской компартией, по ряду причин. Компартия исходит в своей деятельности из понятий научного социализма, представляющего интересы пролетариата; эта партия имеет важные связи с широкими народными массами, боевое прошлое, а также интернациональные связи с социалистическими странами и коммунистическими партиями, которые выступают на стороне арабской революции».

Такого подхода к компартии придерживались далеко не все члены партии Баас. Среди влиятельных членов этой партии было немало и таких, которые, как отмечала компартия, не могли отделаться от тенденций антикоммунизма, готовы были идти на союз с кем угодно, лишь бы отстранить коммунистов от участия в общественной и политической деятельности».

Рецидивы антикоммунизма сохранялись на протяжении всего 1969 г. В июне 1969 г. был убит член ЦК компартии Саттар Худейри. Весной 1969 г. в тюрьме Каср ан-Нихайя погибли коммунисты Ахмед Мухаммед аль-Халляк, Хашим аль-Ааюси, Азиз Фааль Дашат, Мага Гинду и другие. В сентябре 1969 г. был похищен член багдадского комитета компартии Абдель Амир Саид. Коммунистическая партия неоднократно подчеркивала, что политика репрессий по отношению к коммунистам и другим демократам Ирака поощряет реакцию, выступающую против всех прогрессивных шагов правительства, осуществленных после 17 июля 1968 г. Коммунисты, поддерживая прогрессивные мероприятия правительства в социальной и экономической областях, решительно настаивали на последовательном претворении их в жизнь, на дальнейшей демократизации внутриполитической обстановки в стране на основе сплочения в едином фронте всех патриотических национальных сил.

Однако политическая линия, которой придерживалось руководство партии Баас в 1969 г., в целом может быть охарактеризована как непоследовательная и противоречивая: предпринимая весьма значимые меры в интересах широких народных масс, правительство одновременно не отказывалось от традиционных методов давления, надеясь ослабить другие политические силы, сделать их более сговорчивыми, чтобы им можно было диктовать условия сотрудничества в едином фронте. Все это определяло сложность политической

ситуации в стране, усугублявшейся к тому же не прекращавшейся борьбой различных группировок внутри правящего руководства Баас. Наиболее консервативные из них всеми силами стремились не допустить коренных перемен в области аграрных отношений, подрыва позиций феодально-помещичьих кругов. Они пытались блокировать политику правительства, направленную на развитие национальной промышленности, разработку природных ресурсов Ирака. Но самое большое их противодействие вызывали контакты руководства Баас с коммунистами и переговоры с руководителями курдского национального движения о достижении политического разрешения этой одной из наиболее болезненных и острых проблем страны, которая препятствовала укреплению позиций революционного крыла внутри Баас, сдерживала решение других неотложных политических и социально-экономических вопросов в Ираке, мешала повышению его авторитета на международной арене.

Предшествующий опыт подвел ведущие политические силы страны к пониманию: любой прогресс, а тем более радикальное обновление Ирака возможны лишь при условии сплочения в единый фронт всех прогрессивных демократических сил иракского общества. Такого подхода придерживалась Иракская компартия. К выводу о необходимости сплочения революционных сил в рамках единого фронта пришла и партия Баас, огласившая публично «ошибочность своей тактики противоборства с коммунистами». В конце 60-х годов ИКП была признана рядом группировок Баас, в их числе и наиболее влиятельной из них во главе с Ахмедом Хасаном аль-Бакром, «патриотической силой», на которую «необходимо ориентироваться». Еще до переворота в июле 1968 г. будущий президент Ирака Ахмед Хасан аль-Бакр негласно встречался с представителями ЦК ИКП. На этих переговорах он подчеркнул, что с самого начала был против развязывания в 1963 г. антикоммунистического террора и стремился ликвидировать его последствия». Аль-Бакр поставил в известность представителей ЦК ИКП о готовившемся перевороте и заявил о намерении руководства Баас сотрудничать с ЦК ИКП, подчеркнув, что компартия располагает необходимыми для такого сотрудничества возможностями и качествами, искренностью и самоотверженно-

стью», что делает ее «ближе к баасистам, чем другие оппозиционные партии»[24].

24 июля 1968 г. в момент острейшей борьбы за власть между совершившими переворот 17 июля военной группировкой Найефа Дауда и руководством Баас баасисты вновь обратились к ИКП с предложением сотрудничества. Коммунистам предлагалось внести вклад в формирование государственного аппарата, поскольку в их рядах были «прекрасные квалифицированные хозяйственники, которым» баасисты «готовы доверить такие участки, как Иракская национальная нефтяная компания (ИННК), налаживание деятельности других экономических объектов»[25]. 30 июля 1968г. президент Бакр предложил двум представителям компартии вступить в правящую коалицию.

Однако тогда это предложение не было принято иракскими коммунистами: едва оправившейся от баасистского разгрома 1963 г. компартии было слишком трудно пойти на сотрудничество с лицами, несшими за это прямую ответственность. К тому же и само баасистское руководство после 17 июля 1968 г. сдерживало возможность конструктивного диалога с компартией проведением, по существу, прежнего антикоммунистического и антидемократического курса. Коммунисты подвергались преследованиям, их заключали в тюрьмы без суда и следствия, осуществлялись нападения на первичные организации компартии. Делая заявления о готовности сотрудничать с патриотическими силами страны, Баас искала выход из той глубокой изоляции, в которую она завела себя своей реакционной, антидемократической, антикоммунистической политикой во время кратковременного пребывания у власти в 1963 г. При этом перекладывание ответственности за разгул жесточайшего террора в стране в 1963 г. на прежних партийных руководителей не затрагивало существа баасизма как идейно-политического течения. По своей классовой природе и идейной платформе Баас, особенно ее иракский филиал, была и оставалась на антикоммунистических позициях. Внесенные же корректировки были вынужденной мерой и делались по сугубо тактическим соображениям. Осложнялись контакты ведущих политических сил Ирака также и тем, что в первые месяцы пребывания у власти (июль 1968 г. – начало 1970 г.) баасистское руково-

ство, выдвигая предложение о сотрудничестве, настаивало на признании партии Баас единственной «руководящей силой» в едином фронте. Политикой преследований и притеснений Баас рассчитывала ослабить своих потенциальных союзников, сделать их более сговорчивыми. В этих условиях обеим партиям – Баас и ИКП было очень трудно достичь договоренности о сотрудничестве.

После прихода Баас к власти в 1968 г. ИКП, исходя из своих тактических установок, ставила возможность сотрудничества с баасистами в зависимость от выполнения ими ряда предварительных условий: проведения в Ираке глубокой демократической реформы, прекращения террора и преследований, пыток и политических убийств, установления конституционного правопорядка, свободы слова и собраний, отмены чрезвычайного положения и установления конкретного срока выборов в Национальное собрание. К осуществлению столь серьезных преобразований, требовавших к тому же длительного времени, Баас в тот момент еще не была готова. К тому же в стратегическом плане Баас по-иному представляла себе суть демократии и демократической реформы в Ираке, только себя видела она во главе сильного иракского государства. Баасистам поддержка компартии была нужна незамедлительно, сразу после прихода к власти, а не в перспективе.

Сближению обеих партий на тот момент препятствовала также линия компартии, которой она придерживалась до 1973 г.: обязательность политического руководства марксистско-ленинского авангарда развитием революционного процесса уже на национально-демократическом этапе. Преодолению тактических и идеологических преград, существовавших между обеими партиями, могло способствовать внесение коммунистами корректив в некоторые разделы программы, принятой на II съезде ИКП в 1970 г. Но иракские коммунисты не были к этому готовы, и принятый съездом документ не соответствовал тому историческому моменту, который переживал Ирак. При этом отношение компартии к Баас определялось самой сутью баасизма, идеологическим основам и политической практике которого присущи черты мелкобуржуазного революционаризма, сочетающие борьбу против буржуазно-феодальной реакции и засилья империализма с проявлениями политической незрелости, склонно-

стью к заговорам и террору, неразборчивостью в подборе союзников, антикоммунистической фразеологией. Все это мешало иракским коммунистам идти на сближение с партией Баас после ее прихода к власти в 1968 г.

В сложившейся тогда ситуации партия Баас пошла по пути противопоставления коммунистам курдских демократов, пытаясь всячески подчеркнуть свои дружественные отношения с ДПК, умалчивая при этом, что на протяжении всего 1969 г. не прекращались военные действия против отрядов Барзани и карательные акции против курдского мирного населения. И только попытка антиправительственного переворота в январе 1970 г. заставила баасистское руководство пойти на урегулирование курдского вопроса, сдерживавшего решение других неотложных политических и социально-экономических проблем Ирака.

7.2. Решение курдского вопроса по-баасистски

За десятилетие, прошедшее с победы иракской революции (1958–1968 гг.), в курдском национальном движении в Ираке произошли существенные изменения. Получив конституционное закрепление равенства прав с арабами, курды связали с этим надежды на разрешение своих национальных чаяний и поэтому влились в ряды активных защитников революции.

Провозглашение в Республиканской конституции равноправия курдов рассматривалось Демократической партией Курдистана как важная политическая предпосылка в решении других, особенно экономических и социально-культурных проблем. Однако открывавшиеся перед курдским народом перспективы осуществления национальных прав демократическим путем не стали реальностью. Единственным средством «решения» проблем Иракского Курдистана, призванных покончить с экономической и культурной отсталостью, политической и социальной неразвитостью, нищетой и бедствиями курдского народа, правящие режимы считали силу. В итоге отстаивать свои права, в том числе и само право на жизнь иракские курды

вынуждены были с оружием в руках. С небольшими перерывами эта борьба продолжалась практически с 1961 по 1975 гг.

Требование предоставления курдам национальной автономии в рамках иракского единства стало основным при всех контактах лидеров курдского национального движения с правительством.

Пришедшие в июле 1968 г. к власти лидеры партии Баас отдавали себе отчет в том, что дальнейшая судьба правительства во многом будет зависеть от той позиции, которую займут курды. Готовясь к борьбе за власть, Баас еще в 1966 г. установила контакты с курдским национальным движением и, стремясь заручиться поддержкой его лидеров, обещала удовлетворить требования курдов после своего прихода к власти[26]. Встреча с представителями Мустафы Барзани состоялась и непосредственно перед переворотом 17 июля. Поскольку курды в качестве основы для любого урегулирования требовали признания и исполнения программы от 29 июня 1966 г., Совет революционного командования вынужден был признать это в своем коммюнике №1.

Курды не питали особого доверия к новым руководителям страны. В интервью, данном в те дни Мустафой Барзани корреспонденту французской газеты «Монд» Эрику Руло, отмечалось: «До тех пор, пока в Багдаде одна военная диктатура будет сменять другую, невозможно разрешить нашу национальную проблему. Национальные права курдов и единство иракского государства будут осуществлены лишь после установления в стране подлинной демократии»[27].

Реорганизованный после 30 июля СРК заявил о своей готовности вступить в переговоры с курдами по претворению в жизнь программы от 29 июня 1966 г[28].

Создавая основу для ведения переговоров с курдами, баасистские руководители объявили амнистию всем военным и гражданским лицам, участвовавшим в вооруженном движении, возглавлявшемся Мустафой Барзани, заявили о частичном освобождении из тюрем политзаключенных, приступили к выполнению мер, связанных с требованиями курдов в области развития их национальной культуры[29]. В июле в реорганизованное правительство в качестве министров были включены три курда: два барзаниста и один, представлявший сторону Талабани-ДПК. Это создавало основу для пере-

говоров, но при этом власти использовали тактику противопоставления одной курдской группировки другой. В результате уже через месяц представители Барзани оставили свои посты[30].

В августе 1968 г. начались переговоры между правительством и представителями Мустафы Барзани. ДПК отнеслась к начатым переговорам как маневру Баас с целью выигрыша времени для последующего перехода к методам вооруженного подавления курдского движения. Переговоры шли трудно, обе стороны выдвигали ряд жестких предварительных требований. Курды настаивали на выводе из Курдистана всех правительственных войск, на роспуске курдских наемных отрядов, выступавших на стороне правительства. Правительство же уклонялось от выполнения этих требований, хотя ранее дало согласие на их осуществление. В итоге переговоры зашли в тупик и были прерваны[31].

Столкнувшись с твердой позицией сторонников Барзани и не решаясь возобновить военные действия, на чем настаивали наиболее экстремистски настроенные члены кабинета, правительство пошло на поддержку тех сил, которые вели борьбу против Мустафы Барзани. Были увеличены ассигнования курдским наемникам и установлены связи с главой отколовшейся в 1964 г. от ДПК группы Джалала Талабани. Правительство рассматривало группу Талабани как «прогрессивную курдскую силу», противопоставляя ее Барзани и ДПК, видело в ней возможного партнера на переговорах, снабжало ее оружием и поощряло на вооруженные выступления против Барзани[32].

Поддержка правительством отделившейся группы привела к серьезному обострению его отношений с ДПК и Барзани. Осенью 1968 г. вооруженные действия в Курдистане возобновились[33].

На конец 1968 г. в курдских районах было сосредоточено около 60 тысяч правительственных войск. 3 января 1969 г. они предприняли наступление против курдов на фронте протяженностью около 300 км[34].

Партизаны М. Барзани успешно отбивали все попытки войск продвинуться в глубь территории Курдистана. 1 марта 1969 г. они организовали нападение на установки Ирак Петролеум Компани в районе Киркука и вывели из строя 10 из 12 резервуаров с сырой

нефтью[35]. Эта операция была проведена так быстро, четко и организованно, что у западных обозревателей были все основания оценить ее не как партизанскую акцию, а как блестяще подготовленную и осуществленную операцию регулярной курдской армии. Разрушение нефтяных установок на время прекратило подачу нефти, причинив существенный финансовый ущерб стране.

Своими действиями курды подтверждали тщетность надежд на вооруженное подавление их национального движения. Продолжение войны на Севере ослабляло баасистский режим, усиливало против него оппозицию и слева и справа.

Вооруженные действия против курдов сопровождались и другими антидемократическими акциями правительства: усилились притеснения коммунистов и других представителей левых сил, репрессиям подвергались забастовки рабочих и студенческие демонстрации, баасисты прибегли к применению силы и прямой фальсификации при выборах в профессиональные, крестьянские и студенческие союзы, стремясь обеспечить победу лишь представителям своей партии.

Ситуация, сложившаяся в курдском вопросе в 1969 г., и ее воздействие на экономическую и политическую обстановку в стране в целом заставили иракское руководство перейти к более решительным действиям, хотя его подход к курдской проблеме был далеко не однозначен. С одной стороны, здесь нашли отражение те общие прогрессивные мероприятия, которые проводились в Ираке в течение 1969 г. Среди них объявление о предоставлении амнистии всем участникам событий на Севере и гарантии восстановления их на работе. Был открыт университет в Сулеймании, создана Курдская академия наук. Власти начали восстановление разрушенных войной районов на Севере, строительство промышленных предприятий. В школах вводилось обучение на курдском языке. Расширялось медицинское обслуживание[36].

С 1 октября 1969 г. в Ираке вводилось новое административное деление. Из 16 провинций три – Сулеймания, Эрбиль и Дохук – были курдскими и одна – Киркук – арабо-курдская[37].

Было создано курдское издательство, увеличено издание газет и журналов на курдском языке, учреждена ассоциация курдских писателей.

Вместе с тем, в течение 1969 г. велись непрекращавшиеся военные действия против войск Барзани, организовывались крупные наступательные операции и карательные акции против гражданского населения[38]. Эти действия не принесли правительству какого-либо военного успеха, но они серьезно осложняли политическую ситуацию в стране, подрывали позиции Баас. Положение усугублялось огромными военными расходами. В 1969 г. они составили 100 млн и.д., или 30% государственного бюджета[39]. Ущерб многократно возрастал за счет разрушений городов и селений, гибели урожая и скота. Велики были и людские потери.

В прекращении вооруженного противостояния были заинтересованы обе стороны, однако диалог между ними налаживался очень трудно. Лишь в декабре 1969 г. начались официальные переговоры, в ходе которых обе стороны выдвигали заведомо неприемлемые положения. Так, правительство категорически отвергло требование ввести в состав Совета революционного командования представителей курдов, а также включить Киркук в курдскую автономию.

Переговоры с курдами консолидировали силы реакции, готовившей государственный переворот. Он был раскрыт в ночь на 21 января 1970 г. К заговору были причастны высшие военные чины, ставившие целью свергнуть правительство Хасана аль-Бакра, вернуть к управлению страной сторонников прежнего режима, приостановить начатые социально-экономические преобразования. 44 заговорщика были казнены[40].

Складывавшаяся ситуация вынуждала лидеров Баас вносить коррективы во внутреннюю и внешнюю политику как непременного условия сохранения устоев правящего режима. Было очевидно, что стабилизация положения в стране невозможна без решения курдской проблемы, от которой в значительной мере зависело также и международное положение Ирака.

Попытка переворота заставила правительство активизировать переговоры с курдами, завершившиеся подписанием Саддамом Хусейном и Мустафой Барзани 10 марта 1970 г. Соглашения, которое

известно в Ираке как «Заявление Совета революционного командования об урегулировании курдской проблемы», чаще именуемое просто «Заявление» или «Исторический Манифест 11 марта» (день публикации документа). Главным в Соглашении, отразившем важнейшие требования курдов, явилось признание за курдским народом права на национальную автономию[41].

Провозглашение программы мирного урегулирования курдской проблемы в Ираке на основе предоставления курдскому народу автономии явилось важной вехой в истории курдского национального движения и в борьбе всего иракского народа за демократическое переустройство общественного уклада страны, за социальный прогресс и подлинную независимость. При последовательном претворении в жизнь политических, военных, экономических, социальных аспектов намеченной программы автономии курдов создавалась бы серьезная база для решения на демократической основе одного из наиболее болезненных вопросов внутриполитической жизни Ирака, требовавшего как от правительства, так и руководителей курдского движения, политической зрелости, выдержки, готовности и умения путем договоренностей решать сложные вопросы.

Действия обеих сторон в первые месяцы после принятия Соглашения 1970 г. создавали надежды на решение курдской проблемы в Ираке мирным, демократическим путем. Но этим надеждам не суждено было стать действительностью при баасистском режиме: ни в теоретические, ни в политические установки баасистов национальное самоопределение курдов не вписывалось. Баас пошла на подписание Мартовского соглашения с курдами «вынужденно в условиях безвыходности для правящего режима». Слабая во всех отношениях, в том числе военном, что подтверждалось попытками сломить сопротивление курдов вооруженной силой, власть нуждалась в выигрыше времени. Урегулирование с курдами ей было необходимо по тактическим соображениям. Современный Курдистан. Проблемы национального движения.

Для подготовки к провозглашению автономии устанавливался четырехлетний срок, в течение которого должны были быть определены границы автономии, ее столица, степень реализации в Курдистане намеченной многоаспектной программы, решены наиболее

сложные вопросы взаимоотношений курдской автономной власти с центром.

Достижение урегулирования с курдами повышало международный престиж Ирака, укрепляло позиции Баас и внутри страны. Это позволило тогда правительству Ирака приступить к решению и других неотложных задач в социально-экономической и политической областях.

7.3. Аграрные преобразования в 1970–1975 гг.

С 1970 г. партия Баас Ирака вступила на путь проведения более решительных преобразований в социально-экономической сфере, основы которого были определены документами VII регионального съезда Баас, опубликованными в марте 1969 г. (сам съезд работал в ноябре 1968 г.). Поставив задачу достижения экономической самостоятельности Ирака, VII съезд важнейшую роль отводил ликвидации зависимости страны от иностранных нефтяных монополий, установлению контроля над всеми природными ресурсами Ирака, что должно было содействовать ускорению индустриализации страны на базе преимущественного развития государственного сектора. Особое внимание VII съезд Баас уделил аграрному вопросу: без коренной ломки сохранявшихся в иракской деревне полуфеодальных отношений ни о каком прогрессе в развитии производительных сил страны, повышении жизненного уровня трудовых слоев населения не могло быть и речи. От решения аграрного вопроса зависели общие перспективы экономического и политического развития Ирака.

Несмотря на то, что в этой главной отрасли хозяйства страны после революции 1958 г. происходили некоторые изменения, важность решения проблем сельского хозяйства не утратила своей актуальности: в валовом национальном продукте оно занимало на начало 70-х годов второе (после нефтедобычи) место. 52% всего населения страны по-прежнему было связано с сельским хозяйством.

Аграрная реформа, проводившаяся в Ираке в два этапа – 1958–1970 и после 1970 г., – сыграла главную роль в решении острых социальных проблем иракской деревни и в изменении материально-

технической оснащенности сельскохозяйственного производства. На реформы возлагались надежды существенного повышения эффективности сельского хозяйства, что должно было обеспечить страну продовольствием и сырьем, а повышение жизненного уровня крестьянства рассматривалось как важнейшая предпосылка расширения внутреннего рынка страны.

Принятый после революции аграрный закон № 30 1958 г. ставил целью ограничение, а не искоренение феодального землевладения, к тому же он содержал такое множество лазеек для его обхода, что в итоге произошло фактическое затухание реформы в 60-е годы.

Раздел земель фактически приостановился. За 12 лет проведения реформы (на 1970 г.) она не затронула существенно экономического могущества крупных владельцев. Всего к середине 1970 г. у 20 тыс. собственников земли оставалось 9, 25 млн дунамов лучших земель. Распределение конфискованных земель среди крестьян приобрело затяжной и весьма ограниченный характер: на 1969 г. лишь 25% земель, попадавших под действие закона об аграрной реформе, было передано крестьянам.

Придя к власти в 1968 г., руководство Баас уделило большое внимание аграрной проблеме. Определенное влияние на выработку политики партии Баас в области сельского хозяйства оказал опубликованный в ноябре 1968 г. проект Хартии сотрудничества патриотических сил Ирака, предложенный ИКП. В нем компартия вновь выступила за внесение поправок в аграрный закон и за его дальнейшее развитие. 20 мая 1969 г. правительством был сделан первый шаг в этом направлении: принятый закон отменял все государственные обязательства по выплате компенсации за землю, изъятую у крупных землевладельцев[42].

Новым этапом в аграрной политике иракского государства стал закон № 117, изданный 21 мая 1970 г. Предположительно он распространялся на 10 тыс. собственников из 20 тыс., владевших более 100 дунамами земли. Изъятию подлежало 20% принадлежавших им земель. Максимум землевладения определялся с учетом плодородия почвы, расположения участков, обеспеченности водой, вида выращиваемых культур и т.д. В итоге максимум земельной собственности на богарных землях был установлен в 2000–1000 дунамов, на

поливных землях 600–40 дунамов. Распределялись земли участками в 200–100 и 60–4 дунамов соответственно[43]. При таком подходе 29,5% площади, или около 7 млн дунамов, сохранялось у прежних хозяев в виде максимального надела. Таких хозяев было 23544, или 13,9% общего количества земельных собственников. Остальные 70,5% площадей находились в руках мелких собственников или Управления аграрной реформы. Закон № 117 предусматривал обязательное создание кооперативов на землях, получаемых крестьянами от государства.

Новый закон ставил задачу расширения обрабатываемых земель для крестьян, освобождения крестьян от полуфеодальной кабалы за счет устранения огромного разрыва в размерах земельных владений, а также путем изменения соотношения форм производства в пользу общественного сектора. Закон решительнее расчищал путь капиталистическому развитию иракской деревни.

В 70-е годы ускорились темпы аграрных преобразований. По официальным данным, земли, отчужденные за предшествующие 12 лет у крупных землевладельцев, составили 4,2 млн дунамов, тогда как только за 5 лет после издания закона № 117 (1970–1975 гг.) было отчуждено 6,2 млн дунамов.

На 1973 г., по закону 1958 г., было распределено 3,6 млн дунамов среди 66,8 тыс. крестьянских семей, а по закону 1970 г. – еще 6,3 млн дунамов среди 150 тыс. семей (в основном в долгосрочную аренду). Планировалось к концу 1974 г. увеличить число семей, получивших землю, до 500 тыс., а площади конфискованных земель – до 14 млн дунамов. Фонды аграрной реформы с 1958 по 1974 г. должны были составить около 15 млн дунамов с учетом государственных и конфискованных земель. По опубликованным данным, фонд аграрной реформы на середину 70-х годов составлял примерно 13 млн дунамов. При очевидной прогрессивности своего характера закон 1970 г. вместе с тем оставил в собственности крупных владельцев около 5 млн дунамов[44].

По законам аграрной реформы № 117 1970 г. и № 90 1975 г. (касался Курдистана) крестьяне, наделенные землей, и арендаторы участков размером менее 10 и от 10 до 20 дунамов, численностью 649,3 тыс. человек получили 17,002 млн дунамов. 33 514 пользова-

телей участков от 120 до 300 и свыше 300 дунамов имели в своем распоряжении 7,5 млн дунамов[45]. Сохраненные за феодалами земли в десять раз превышали размеры распределенных по этим законам участков среди беднейшего крестьянства.

Крестьяне, наделенные землей, и арендаторы получили по 37–43 дунама на семью, что составляет норму мелкого крестьянского хозяйства. В ряде районов орошаемого земледелия с высокой плотностью населения земли распределялись по 1–2 га (4–8 дунамов).

На 1975 г. из фонда земель аграрной реформы землей были наделены около 60% крестьянских семей.

В результате проведения аграрной реформы большая часть земли оказалась в распоряжении мелкого и среднего крестьянства, что привело к расширению мелкотоварного сектора, в рамках которого ограничены возможности даже простого воспроизводства. Одним из путей обеспечения быстрого роста сельскохозяйственного производства и более полного учета интересов широких масс крестьянства явился процесс постепенного производственного кооперирования крестьян и вторжения государственного сектора в сферу сельскохозяйственной экономики.

Характерной чертой аграрных преобразований в Ираке являлось превращение государства в крупнейшего держателя земель. Лишь меньшая часть этих земель была распределена среди нуждающегося крестьянства, а большую часть государство сдавало в аренду. Государственная программа преобразований в сельском хозяйстве предусматривала развитие кооперации, поощрение частной инициативы и создание сектора государственных хозяйств.

По закону об аграрной реформе (как от 1958, так и от 1970 годов) крестьяне, получившие землю, подлежали обязательному кооперированию. В 70-е годы в Ираке сложились три типа кооперативов: снабженческо-сбытовые, группы по совместной обработке земли, в которых индивидуальная собственность крестьян использовалась сообща, и коллективные хозяйства, где основные средства производства и земля находились в коллективной собственности. Иногда в рамках одной большой деревни все эти формы кооперации, а также государственная ферма объединялись в сельскохозяйственное предприятие с общим управленческим аппаратом. Подобная практи-

ка могла способствовать постепенному развитию действительно прогрессивных форм хозяйствования, а также давала возможность каждой из этих форм доказывать свою эффективность и жизненность.

По данным министерства сельского хозяйства, на середину 1976 г. в Ираке функционировал 1721 кооператив, которые обрабатывали 18 млн дунамов.

Были созданы и коллективные хозяйства, считавшиеся более совершенной формой общественного производства. В нем обобществлялись земля, орудия, труд. Закон № 117 делал особый упор на создание коллективных хозяйств путем передачи земель в коллективную собственность. Распределение доходов в них осуществлялось, как говорилось в законе, «в соответствии с принципами социалистической кооперации», по количеству затраченного труда. Руководители страны надеялись через коллективные хозяйства обеспечить госсектору большую возможность влиять на сельскохозяйственное производство. Поэтому и намечалось в перспективе превратить все кооперативные общества в коллективные хозяйства. В 1974 г. в стране насчитывалось 126 коллективных хозяйств, занимавших 140 тыс. га земли. Число их членов равнялось 11,5 тыс. По пятилетнему плану 1976–1980 гг. предполагалось преобразовать в коллективные хозяйства 400 снабженческо-сбытовых кооперативов. Однако данная форма организации хозяйства не получила в Ираке развития, что связано прежде всего с самим характером проводившихся в деревне преобразований, направленных на подрыв феодальных отношений и на создание большего простора для развития отношений капиталистических. Попытки преобразования мелких, раздробленных, отсталых крестьянских хозяйств в крупные, основанные на производственном кооперировании, в конкретных экономических и социально-политических условиях Ирака были обречены на неудачу. К тому же при организации коллективных хозяйств допускались серьезные ошибки в организации труда, в системе оплаты, которая не учитывала различия в количестве и качестве труда. Полученный урожай после обязательных выплат и вычетов делился поровну между членами производственной бригады.

В Ираке сложился и еще один вид хозяйства – госхоз. В нем все являлось государственной собственностью – земля и средства производства. Цель этого вида хозяйства – создание соответствующей инфраструктуры, способствующей существенному развитию этой важнейшей отрасли экономики Ирака: строительство мелиоративных и дренажных систем, имеющих первостепенное значение для освоения новых земель и сохранения плодородия обрабатываемых площадей, электрификацию, развитие системы коммуникаций, складских помещений, зерновых элеваторов, создание образцовых деревень[46].

Сельское хозяйство Ирака находится в полной зависимости от природно-климатических условий этого региона. Большая часть земледельческих районов Ирака, кроме Севера, расположена на пустынной территории, где занятие земледелием невозможно без орошения. Специфика природных условий наряду с несовершенством иракских оросительных и противопадковых систем, низкой культурой земледелия сопровождается одним из очень существенных бедствий этой страны – прогрессирующим засолением почв. Это явление требует от государства больших усилий по созданию эффективных оросительных и дренажных систем. Республиканские власти уделяли бльшое внимание решению этой пробемы, поскольку от этого зависит возможность восстановления плодородия почв в центральных и южных районах страны[47]. Немецкий исследователь Х. Дидден, изучавший проблему засоления почв в Ираке, писал: «Орошение квадратного метра почвы в течение года тысячей литров воды из р. Тигр, при содержании соли в ней 300 мг/л (содержание соли в Тигре и Евфрате в летнее время при самом низком уровне грунтовых вод в несколько раз выше, чем зимой, достигая в нижнем течении этих рек 1000 мг/л), в условиях отсутствия дренажа может привести к тому, что за 50 лет вода покроет каждый квадратный метр орошаемой территории 1,5 кг соли, которая способна пропитать почву на глубину до 1 м»[48].

В 70–80-е годы иракские власти уделяли серьезное внимание восстановлению плодородия почв, направляя на эти цели большие средства, что сопровождалось существенным увеличением площадей, годных к обработке. К концу 1974 г. рекультивированные зем-

ли, готовые к использованию, составили 28 тыс. дунамов, а к концу 1981 г. площадь таких земель возросла до 524 тыс. дунамов[49].

Эти успехи были достигнуты благодаря тем усилиям, которые в те же годы предпринимались государством в сфере реализации ирригационных проектов и возведения дамб, призванных регулировать использование водных источников в стране и расширять зону орошаемых площадей. В западной пустыне была построена дамба Хамрин и еще шесть дамб, завершено строительство канала Тартар-Евфрат. Успешно велись работы на канале Тартар-Тигр и дамбах Хадита, Мосул и Дохук, а также по реализации ряда ирригационных и десолинационных проектов, таких, как Халис, Киркук, Хилла-Диванийя, Диджайла, Далмадж, Роз, Абу – Грейб, Рамади и Исхаки. Многое было сделано государством также и в сфере социального развития сельских районов. Строились школы, больницы, жилые дома, водопроводы, расширялась электрификация.

Занимался госхоз и производственной деятельностью. Ему принадлежали государственные хозяйства, фермы, машинопрокатные станции (МПС), опытные станции. Госхозы были созданы как экспериментальные хозяйства для проверки в условиях Ирака современных методов агротехники, эффективного использования мелиорированных земель, применения сельскохозяйственной техники, а также для пропаганды полученного опыта[50].

Госхоз в производственной сфере оказывал серьезную помощь частному сектору, снабжая его техникой, качественными семенами, племенным скотом, обучением кадров.

Для развития государственных хозяйств в Ираке существуют весьма благоприятные условия в виде «избыточных» сельскохозяйственных угодий. Однако этот сектор развивался крайне медленно.

На начало 70-х годов в Ираке было 7 госхозов и 14 государственных ферм, занимавших 390 тыс. дунамов, что составляло 1,5% от всех возделывавшихся в стране земель. К середине 1976 г. их стало 35.

Госхозы специализировались с самого начала на производстве улучшенных семян и служили своеобразным опытным полем. Но они практически не содействовали повышению урожайности в стране.

Медленное развитие государственного сектора в сельском хозяйстве было обусловлено многими факторами – объективными и субъективными. Госхозам были отведены непригодные, в основном засоленные земли, введение которых в сельскохозяйственный оборот требует больших затрат. Однако выделявшиеся госхозам материальные и финансовые средства даже в малой степени не соответствовали размерам земельных площадей, находившихся в их ведении и разбросанных по всей стране.

Сдерживала развитие государственных ферм путаница в определении прав собственности на землю, неотлаженность внутренних и особенно внешних административно-технических связей, а также несовершенство системы материального стимулирования и заработной платы, текучестью кадров, что в сочетании с общей нехваткой квалифицированных специалистов порождало большие трудности в кадровом обеспечении госферм.

Отсутствие опыта государственного хозяйствования в агросфере, усугублявшееся саботажем бюрократического аппарата управления сельским хозяйством, сдерживали развитие производства, вели к простою техники, замене ее применения ручным трудом, в результате чего возрастала себестоимость продукции, хозяйство становилось нерентабельным.

В начале 70-х годов произошло увеличение числа государственных ферм, специализировавшихся на производстве самой разнообразной сельскохозяйственной продукции. В 1970 г. в Ираке была создана Государственная корпорация развития сельского хозяйства, отвечавшая за производство и сбыт сельскохозяйственной продукции, включавшая в себя пять компаний по производству продукции животноводства, зерна, рыболовства и т.д. Общая стоимость всех проектов, намеченных корпорацией в области развития сельскохозяйственного производства и сбыта в 1970–1974 гг., оценивалась в 100 млн и.д. (из общей суммы расходов на развитие сельского хозяйства за эти годы в 336 млн и.д.). Благодаря вниманию к госсектору в аграрной отрасли со стороны государства здесь были достигнуты весьма заметные успехи, что нашло свое проявление в возрастании доли его вклада в сальскохозяйственную отрасль страны с 0,3% в 1968 г. до 0,7% в 1974 и до 49,4% в 1981 г. Одновременно возрас-

тала и стоимость произведенной госсектором продукции с 1,4% в 1974 г. до 43,4% в 1981 г[51].

Несмотря на определенные успехи, в целом к началу 80-х годов формирование государственных хозяйств в Ираке не вышло за пределы начальной стадии.

Проведение аграрной реформы, ликвидировавшей класс феодалов, повлекло за собой изменение методов хозяйствования в иракской деревне. Бывшие феодалы стали переходить к капиталистическим методам ведения хозяйства, приобретая тракторы, машины и другую технику. Основная часть сельскохозяйственной техники оказалась сосредоточенной в руках частных предпринимателей.

Крестьяне, получившие землю, во многих случаях не имели собственного инвентаря, а зачастую и средств существования, чтобы дожить до нового урожая. В этих условиях они не могли приступить к самостоятельной обработке полученных земель. В результате в сельском хозяйстве Ирака возникла новая система отношений: часть бедных крестьян стала сдавать свои земли в аренду. Таким образом, аграрная реформа, направленная на ограничение феодального землевладения, привела в Ираке к дроблению землевладения при одновременной концентрации землепользования в руках зажиточной части населения.

Осуществление аграрной реформы обострило классовую борьбу в деревне. Прежние землевладельцы прилагали усилия к тому, чтобы, сохранив в своей собственности максимально большие наделы земли, осуществлять преобразования, имеющие объективно капиталистическое содержание, за счет крестьянства, при использовании издольных методов традиционных арендных отношений.

Быстро набирала силу сельская буржуазия. Отстаивая свои позиции, она пыталась увлечь за собой средние и беднейшие слои крестьянства, используя в этих целях сельскохозяйственную кооперацию. Поскольку в кооперативы наряду с получившей землю по реформе крестьянской беднотой принимались и сельские богатеи, руководство кооперативами оказалось в руках последних. От организации кооперативов наибольшая выгода досталась именно сельской буржуазии: получаемые от государства кредиты, технику, агрономи-

ческую помощь она использовала в целях личного обогащения, эксплуатируя традиционно зависимых от нее бедных крестьян.

Проведение аграрной реформы в Ираке, особенно на втором ее этапе, принесло стране определенные успехи. Изменилась социальная структура деревни: исчез слой крупных феодалов, потеряла опору в деревне компрадорская буржуазия. На первый план выдвинулся слой сельской буржуазии и богатых крестьян, которые заняли руководящие посты в крестьянских союзах, в кооперативах. Укрепились и политические позиции этих слоев.

Развитию частных капиталистических хозяйств в деревне содействовали возможность увеличения хозяйства за счет аренды земли или освоения земли в частном порядке (что вообще не ограничивается) и наличие рынка дешевой или даровой семейной рабочей силы. Доля наемного труда в сельском хозяйстве Ирака существенно увеличилась: в 1964 г. она составляла 100 тыс. человек, а в начале 70-х годов уже 165 тыс.

Ограничения арендной платы за землю улучшило главным образом положение арендаторских хозяйств капиталистического типа. К тому же эксплуататорская верхушка деревни быстро приспособилась к государственным льготам, предоставляемым членам кооперативов. Росту капитализма в деревне содействовала также связь земельной верхушки с госаппаратом.

Показателем развития капиталистических отношений в деревне стал рост применения техники. На протяжении 70-х годов в стране неуклонно увеличивалось число проданной частным лицам сельскохозяйственной техники. За четыре года (1968–1971 гг.) было продано тракторов – 3,5 тыс., плугов – 1,6 тыс., комбайнов – 685 штук, а за 1972–1975 гг. соответственно – 4,2 тыс., 2,5 тыс., 1589 штук.

Владельцами сельскохозяйственных угодий стали также многие государственные чиновники и высокопоставленные лица, использовавшие свое служебное положение для приобретения земель. Они же зачастую становились основными собственниками техники, сдаваемой ими в аренду крестьянам на кабальных условиях.

Экономические позиции прежней деревенской верхушки были подорваны, но она не только сохранила свои значительные позиции в деревне и даже рычаги влияния на национальную экономику, но в

70-е годы увеличила свои ряды за счет слияния с выросшей из низов сельской буржуазией.

Часть середняков и мелкая сельская буржуазия в лице деревенских старост и шейхов продолжала играть ведущую роль не только как старая традиционная сила, но как наиболее влиятельная прослойка в административных советах кооперативов и деревень.

Они выступали единым фронтом против всяких мер, направленных на усиление роли государства в социально-экономической жизни деревни, используя отсталость, забитость и экономическую зависимость от них большинства местных крестьян. Эта зависимость заметно снижала уровень социальной активности крестьянства.

В таких условиях государство пошло на создание крестьянских союзов, объединивших сельскохозяйственных рабочих. Повсеместно в провинциях были созданы ячейки правящей партии Баас, принимались и другие меры.

В целом, аграрная реформа, нанеся удар по полуфеодальным производственным отношениям в деревне, не сопровождалась в последующие годы качественными изменениями в структуре и общем уровне сельскохозяйственного производства Ирака. Причина этого заключалась в том, что аграрные преобразования не только не ликвидировали, но и значительно расширили малопродуктивное мелкотоварное производство в деревне за счет роста численности мелких собственников земли. По данным на середину 70-х годов, около 420 тыс. крестьян получили землю в собственность или в аренду. В итоге число мелких собственников земли (вместе с арендаторами) увеличилось до 545 тыс.

После проведения реформы не утратила своей остроты проблема безземелья и малоземелья. 250 тыс. крестьянских семей в середине 70-х годов влачили нищенское существование, не имея ни земли, ни орудий производства.

Темпы развития сельского хозяйства Ирака оставались низкими и резко отставали от темпов развития промышленности. Эта отрасль не обеспечивала постоянно возраставший спрос на сельскохозяйственную продукцию. Страна вынуждена ввозить значительное количество продовольствия. В 1975 г. его было ввезено на сумму около 136 млн и.д. Хотя, как заявил тогдашний президент Ирака Ахмед

Хасан аль-Бакр, при использовании всех возможностей страна могла бы кормить 70 млн человек.

Проходивший в 1974 году VIII съезд партии Баас, характеризуя положение в сельском хозяйстве, отметил, что «значительное количество крестьян не имело земли и вынуждено было отдавать в наем свою рабочую силу средним, а иногда и мелким собственникам земли, или мигрировать в город в поисках работы»[52]. Ожидался неизбежный быстрый рост таких крестьян в связи с естественным ростом населения, процессом дробления семей, а также в связи с более широким использованием техники. Результатом этого, говорилось в документах съезда, было расширение сферы эксплуататорских отношений в деревне, зарождение классовой борьбы в новой форме и рост безработицы в стране[53]. Выход из такой ситуации партия Баас намечала на путях дальнейшего развития кооперативных, коллективных и государственных хозяйств, которым отводилось в перспективе место ведущего сектора в производственном процессе, призванного создать «предпосылки перехода к социализму в иракской деревне». Для иракского баасистского руководства любое вмешательство государства в экономику уже приобретало характер «социализма».

Выразительницей интересов беднейших и средних слоев крестьянства и сельскохозяйственных рабочих являлась компартия Ирака. Она последовательно выступала на протяжении 70-х годов за дальнейшее углубление аграрной реформы: снижение предельных норм землевладения, оказание крестьянам финансовой, технической и агротехнической помощи со стороны государства, широкого привлечения бедняков и сельскохозяйственных рабочих к участию в управлении и руководстве сельскохозяйственным производством, при всемерном развитии коллективных форм хозяйствования в деревне.

7.4. Политика Баас в области индустрии

70-е годы XX в. в Ираке специалисты назвали «Золотым веком» в истории этой страны. Укрепление политической независимости страны, решение насущных экономических и социальных проблем

настоятельно требовали ломки отсталой экономической структуры Ирака, создания современной материально-технической базы, опирающейся прежде всего на развитую индустрию. Вырабатывая стратегию национального развития в начале 70-х годов, партия Баас особое внимание уделяла промышленности. Необходимо было повысить долю промышленного производства в экономике страны, которая в то время составляла 10% валового национального продукта (без нефти). Поэтому в пятилетнем плане 1970–1974 гг. предусматривалось ускорение темпов индустриализации, создание таких отраслей современного производства, как нефтехимия, электротехника и электроника, машиностроение, судостроение и др.. При этом определяющим фактором экономического развития Ирака становился государственный сектор: в условиях отсталости, неразвитости, зависимости, слабости национальной буржуазии лишь государственный сектор мог обеспечить создание материальных предпосылок для трансформации экономических структур, их диверсификации, углубления общественного разделения труда и внедрения техники и технологий в соответствии с требованиями времени, образования комплекса промышленных отраслей, определяющих характер специализации и особенности расширенного воспроизводства.

В государственном секторе была сосредоточена вся фабрично-заводская промышленность и инфраструктура. По плану 1970–1974 гг. на развитие госсектора было выделено более 70% всех средств. Преимущественное развитие госсектора обеспечивалось рядом специальных программ, предоставлением льгот при получении лицензий, кредитов, средств из государственного бюджета.

Политика повышения темпов индустриализации Ирака находила свое проявление в росте капиталовложений в промышленность. По пятилетнему плану 1965–1969 гг. в развитие промышленности было направлено 166,8 млн и.д., или 30% всех капиталовложений,[54] а по плану 1970–1974 гг. – более 500 млн и.д., или 35%. Ежегодный прирост промышленной продукции планировался на уровне 12%.

Уделяя серьезное внимание проблемам индустриализации, партия Баас стремилась расширить свое влияние и среди иракских рабочих. Решению этой задачи во многом способствовали законы, принятые после 1968 г. В 1969 г. (дополнен в 1970 г.) был принят

закон о пенсиях и социальном обеспечении, предусматривавший выплату пособий и денежных компенсаций трудящимся по старости, временной нетрудоспособности, инвалидности, при рождении ребенка и в случае смерти кормильца. Закон распространялся на всех рабочих и служащих, занятых в госсекторе за исключением работавших в частных и смешанных организациях, а также в сельском хозяйстве.

В 1970 г. был принят закон о труде. Этот закон определил взаимоотношения между правительством и рабочими. Он гарантировал свободу деятельности профессиональных союзов, провозглашал необходимость привлечения рабочих к разработке планов экономического развития и претворению этих планов в жизнь.

В стране многое делалось для улучшения медицинского обслуживания, профессиональной подготовки и обучения рабочих. Министерством труда и социального обеспечения были созданы учебные центры для рабочих, где они могли получить образование. Учреждена была также организация, занимавшаяся вопросами найма и профессиональной подготовки, через которую осуществлялось трудоустройство рабочих. Эти меры способствовали активизации рабочего движения в Ираке, мобилизации иракского пролетариата на претворение в жизнь намечавшейся иракским руководством обширной программы социально-экономического развития.

Дальнейшее улучшение положения рабочих, как и всех трудящихся, связывалось иракским руководством с экономическим прогрессом страны. При этом, как отмечалось в проекте Хартии национальных действий, важном программном документе, обнародованном Баас в ноябре 1971 г., этот прогресс не мог быть достигнут «на путях капиталистического развития». «Капиталистический курс развития отвергается не только в принципе, – говорилось в Хартии, – но и потому, что он не в состоянии выполнить задачи подъема национальной экономики и гарантировать благосостояние всех граждан страны»[55].

VIII региональный съезд Баас, подтвердивший ориентацию Ирака на строительство социалистического общества, особый акцент сделал на значимости госсектора, позиции которого в промышленности к тому времени существенно укрепились. Этому способство-

вало большое индустриальное строительство, развернувшееся в стране. На рубеже 60–70-х годов были созданы предприятия в таких отраслях, как машиностроение, гидроэлектроэнергетика, нефтехимия, электротехника. В 1966 г. в Багдаде построен первенец этой отрасли – электротехнический завод. В 1970 – 1971 гг. в Искандерии было завершено строительство первой очереди крупнейшего в стране предприятия – завода сельскохозяйственных машин. В 60-е гг. были построены первые предприятия химической промышленности: завод антибиотиков и фармацевтических препаратов в Самарре, завод искусственного волокна в Хиндии, а в начале 70-х гг. – завода химических удобрений в районе Басры[56].

Наряду с созданием предприятий в новых для Ирака отраслях промышленности государство большое внимание уделяло строительству современных предприятий в традиционных отраслях – текстильной, пищевой, производстве стройматериалов.

Развитие промышленности в государственном секторе сталкивалось с серьезными проблемами. Несмотря на достигнутые в нем существенные успехи за 1974–1981 гг., этот сектор продолжал испытывать давление многих объективных и субъективных факторов, негативно влиявших на реализацию им высоких задач, определенных партийной программой. Значительная часть этих проблем была связана с уровнем экономического развития страны, отсутствием опыта в индустриальном строительстве, тем более с его социалистической ориентированностью. Но к этому добавлялись и явления субъективного характера: низкая производительность труда рабочих как следствие сохранявшегося отставания от современного уровня технологического развития; состояние человеческого фактора оставалось ниже требуемого стандарта и по количеству, и по качеству. Для преодоления этого отставания требовались большие усилия. Среди многих причин, негативно влиявших на модернизацию индустрии госсектора, находились такие факторы, как существенный дисбаланс между инженерными и среднетехническими кадрами с перевесом в сторону инженерных, к тому же крайне малочисленных и зачастую не обладавших соответствующим уровнем профессиональных знаний и опыта. Это приводило к тому, что современное оборудование, ориентированное на применение новейших техноло-

ний, простаивало из-за полного отсутствия необходимых специалистов или быстро выходило из строя из-за неквалифицированного подхода к его применению. Ситуацию усугубляла нехватка работников среднетехнического звена. Быстрый рост числа новых промышленных предприятий не сопровождался адекватной подготовкой квалифицированных кадров.

При всей остроте спроса на рабочую силу в Ираке, тем не менее, сохранялась в ряде отраслей госсектора безработица, особенно среди гражданских административных служащих, а также среди рабочих и технических специалистов. Огромной проблемой для госсектора был также разрыв между масштабом расширения промышленного развития и реализацией проектов инфраструктурного обеспечения, таких как транспортная сеть, шоссейные и железные дороги, складские помещения, коммуникации, жилищное строительство. И хотя в этой сфере были определенные достижения, они были далеки от требуемого уровня в соответствии с вложенными в индустрию в 70-е гг. средствами.[57]. Эти недочеты и трудости с неизбежностью влекли за собой высокую себестоимость производимой продукции, низкое ее качество, что делало ее неконкурентоспособной в сопоставлении с импортными товарами. Тормозилось развитие национальной промышленности узостью внутреннего рынка, а также прямым сопротивлением тех сил, чьи интересы ущемлялись развитием госсектора – торговой и промышленной буржуазии[58].

Реализация планов ускоренного экономического развития Ирака требовала огромных финансовых вложений, поступление которых напрямую зависит от главного богатства страны – нефти. Ирак располагает огромными нефтяными ресурсами: на конец 1971 г. они оценивались в 4,84 млрд т. В 1971 г. концерн Ирак Петролеум Компани, монополизировавший эксплуатацию нефтяных промыслов Ирака, добыл 82,4 млн т, из которых 78,6 млн т (95,5%) было вывезено из страны[59]. Большую часть доходов от экспорта сырой нефти, а также доходы от ее транспортировки, переработки и сбыта нефтепродуктов (около 75–80% прибылей от всех операций с нефтью) концерн ИПК присваивал себе, что давало ему возможность оказывать давление на иракские правительства в нужном для себя направлении. После 1968 г. ИПК, пытаясь свернуть Ирак с пути глубоких

социально-экономических преобразований, прибегала к испытанному средству – сокращению добычи нефти. В этих условиях Совет революционного командования Ирака предъявил 17 мая 1972 г. ультиматум нефтяной компании с требованием в течение двух недель предоставить стране более высокую гарантированную долю в доходах от нефти и большее участие в руководстве компании. ИПК отвергла эти требования. Тогда 1 июня 1972 г. президент Иракской республики Ахмед Хасан аль-Бакр объявил о национализации «Ирак Петролеум Компани»[60]. Это был сильнейший удар по позициям иностранного капитала в Ираке и на всем Ближнем Востоке. Ирак взял в свои руки основное богатство страны – нефть. Эта мера обеспечила иракскому правительству всенародную поддержку.

Конфликт с ИПК привел к резкому сокращению финансовых поступлений от добычи и экспорта нефти, что повлекло за собой неизбежное сокращение программы капиталовложений в 1972–1973 гг. с 242 млн до 119, затем они были повышены до 131 млн и.д.[61] В эти трудные для Ирака дни на помощь ему пришел Советский Союз и другие социалистические страны – ВНР, НРБ, СРР. Попытки нефтяного картеля помешать добыче, транспортировке и сбыту иракской нефти были сорваны.

Национализация ИПК была поддержана арабскими странами, а также Организацией стран – экспортеров нефти (ОПЕК) и Организацией арабских стран – экспортеров нефти (ОАПЕК), которые создали специальные фонды помощи Ираку и предприняли другие меры с целью не допустить возмещения потерь ИПК за счет увеличения добычи нефти в других районах.

Твердая позиция Ирака заставила нефтяной картель пойти на переговоры. 1 марта 1973 г. между иракским правительством и ИПК было подписано соглашение об урегулировании всех спорных вопросов. ИПК согласилась выплатить Ираку 171 млн ф.ст. в порядке погашения прежних долгов, отказалась от всех претензий Ираку в обмен на 15 млн т сырой нефти и выразила готовность увеличить производительность своего дочернего предприятия «Басра Петролеум», действовавшего на юге Ирака, доведя добычу здесь до 80 млн т в год[62].

Национализированные нефтепромыслы на севере Ирака очень скоро не только достигли прежнего уровня добычи, но значительно превзошли его. В 1971 г. ИПК добыла здесь 51 млн т, а после национализации в 1973 г. общая добыча нефти в Ираке составила 95 млн т.

Кроме того, ИПК согласилась продать Ираку находившийся на территории Ливана участок нефтепровода и другие принадлежавшие ей сооружения в случае согласия Ливана.

Достижение соглашения с ИПК явилось важной победой иракского народа в борьбе за экономическую независимость. Ирак выстоял в схватке с нефтяными монополиями. Эта победа дала стране ощутимый экономический эффект. Уже через месяц после опубликования соглашения в стране был отменен режим экономии, введенный в мае 1972 г. В Багдаде было объявлено о начале выполнения плана экономического развития на 1973–1974 гг., на который было ассигновано 300 млн дин. Новый план включал в 2 раза больше промышленных объектов, чем предыдущий.

В 1973 г. правительство Ирака осуществило национализацию имущества американских компаний «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» и «Мобил Ойл Корпорейшен», доля которых в международной компании «Басра Петролеум Компани» составляла 23,75%.

Всего с июня 1972 г. национальная нефтяная промышленность эксплуатировала 6 месторождений нефти, из них 5 на севере страны. Добычу нефти в районе Киркука вела созданная в июне 1972 г. Иракская компания по нефтяным операциям (ИКНО), а в остальных районах Иракская национальная нефтяная компания (ИННК). 1 марта 1973 г. «Мосул Ойл Компани» была присоединена к ИКНО.

В декабре 1975 г. Ирак стал полновластным хозяином всех своих нефтяных богатств, когда были ликвидированы позиции двух последних иностранных компаний, действовавших на территории страны, – «Бритиш Петролеум Компани» и «Компани франсез де петроль» – им принадлежали акции в «Басра Петролеум Компани».

Одним из решающих условий, обеспечивших победу над иностранными нефтяными монополиями, было укрепление сотрудничества Ирака с Советским Союзом и другими социалистическими странами. 4 июля 1969 г. между правительствами Ирака и Советского Союза было заключено соглашение о техническом и экономиче-

ском сотрудничестве в области развития национальной нефтяной промышленности Иракской Республики. Советский Союз обязался оказать Ираку помощь в развитии нефтяных промыслов в Северной Румейле, в прокладке нефтепровода к порту Фао, в подготовке специалистов во всех областях нефтяной промышленности. Нефтепромысел Северная Румейла вводился тремя очередями с 1972 г. по 1975 г., наращивая мощности с 5 млн т до 45 млн т.[63] Его создание наносило существенный удар по позициям иностранных нефтяных монополий в Ираке.

Национализация нефтяных компаний передала в руки государства всю нефтяную отрасль, что существенно изменило возможности его руководства в разработке и осуществлении крупных планов экономического и социального развития страны. Увеличение добычи нефти в последующие годы сопровождалось ростом главного источника средств финансирования бюджетов развития. В 1975 г. было добыто 109,2 млн т нефти. Увеличение добычи наряду с резко возросшими ценами на нефть на мировом рынке привели к быстрому росту валютных доходов Ирака. В 1974 г. эти доходы составили 7,6 млрд долл. (в 1972 г. – 0,6 млрд) . Это позволило значительно повысить ассигнования на два последние года пятилетнего плана 1970–1974 гг. Так, на 1973 г. первоначально предполагалось ассигновать 204 млн дин. Рост поступлений от национализированной нефти позволил государству повысить ассигнования до 387 млн и.д. В 1974 г. финансирование плана за счет доходов от нефти увеличилось с предполагаемых 1024 млн дин. до 1169 млн дин., что составило 88% общих ассигнований плана. В 1974–1975 г. в промышленность было направлено 392 млн и.д., а в сельское хозяйство 192 млн и.д. (против 60 и 65 млн и.д. соответственно в предыдущем году)[64]. Только в течение 1974 г. было официально утверждено строительство 379 объектов на сумму 225 млн и.д., из них 95 млн и.д. – на строительство предприятий по производству машин и оборудования. 93% этой суммы, т.е. 210 млн и.д., были направлены в госсектор, из них 84 млн и.д. на производство машин и оборудования.

Но и после перехода в руки иракского государства основного богатства страны – нефти его государственный сектор не был в состоянии эффективно решать экономические проблемы страны.

Большое место принадлежало здесь также частному и смешанному секторам, над которыми госсектор пытался осуществлять контроль.

После революции 1958 г. взаимоотношения государства и частного сектора в целом благоприятствовали развитию частнокапиталистического предпринимательства прежде всего в промышленности, торговле и сельском хозяйстве. Ставя задачей скорейшую индустриализацию страны, создав в этих целях Промышленный банк, выдававший ссуды частнокапиталистическому сектору в легкой и пищевой промышленности, государство предоставило национальному промышленному капиталу налоговые льготы, проводило политику протекционизма, ограничивая импорт и устанавливая повышенные импортные пошлины на готовую продукцию, аналогичную выпускаемой в Ираке. Однако иракская буржуазия оценивала эти меры государства как недостаточные и требовала усиления политики протекционизма.

Национализация в соответствии с принятыми в июле 1964 г. в Ираке декретами о национализации 27 крупных частных компаний в сферах кредита, промышленности и торговли с общим капиталом 21,5 млн дин. положила начало распределению сферы деятельности государственного и частного секторов в экономике. Монополией государства стали кредитно-банковская система, все нефтяное и газовое хозяйство, производство электроэнергии, цемента, сигарет, спичек, сахара[65]. В законах, принятых в 1964–1968 гг., исключительной сферой деятельности госсектора были объявлены связь, воздушный, морской и железнодорожный транспорт, разведка и добыча любых минералов и ряд других отраслей хозяйства. Огромное значение имело создание Иракской национальной нефтяной и государственной горнорудной компаний. Этими мерами государство закрепило за собой ведущую роль в экономическом развитии Ирака. Расширение удельного веса госсектора в промышленном производстве качественно меняло его долю в национальном доходе: за 10 лет (1960–1969) она выросла более чем вдвое – с 40 до 81%[66].

Промышленная политика республиканской власти подорвала позиции национального частного капитала. Дополнительным фактором его ослабления было также принятие законов, направленных против концентрации капиталов. Попытку высвободить деятель-

ность частного капитала из-под контроля государства предприня правительство премьера Аль-Баззаза, сторонника свободного пред принимательства, находившегося у власти около года в 1965 1966 гг. Экономическая политика Аль-Баззаза привела к оживлени среднего и крупного частного капитала. Так, с сентября 1965 г. по май 1966 г. в Ираке было основано 55 новых частных компаний с капиталом около 1,4 млн и.д. За такой же срок годом ранее была создана лишь 21 компания с капиталом 0,6 млн дин. В 1966 г. в Федерацию промышленности входило 1509 компаний с капиталом свыше 3 тыс. и.д. и выше. Общий капитал всех членов федерации достигал 67 млн и.д., в том числе крупных компаний – 55 млн и.д.

Экономическая политика государства в 1965–1968 гг. отражала балансирование правящих кругов между интересами (относительно) крупной национальной буржуазии, с одной стороны, и мелкой буржуазии, – с другой, причем интересы частнокапиталистического предпринимательства преобладали над потребностями госсектора. Новый этап во взаимоотношениях государства и частного капитала начался в Ираке с приходом в 1968 г. к власти партии Баас. На протяжении 70–80-х гг. корректировки в экономическом планировании были связаны прежде всего с изменившимися финансовыми возможностями государства в результате завершившейся в 1975 г. национализацией иностранных нефтяных компаний концерна Ирак Петролеум и ввода в эксплуатацию построенного при содействии СССР нефтепромысла Северная Румейла, что резко увеличило доходы правительства. После 1975 г. политика государства в отношении частного капитала определялась значительным повышением нефтедолларовых доходов Ирака, а с сентября 1980 г. – войной между Ираком и Ираном.

Иракская партия Баас представляла, как отмечалось в проекте «Хартии национального действия» 1971 г., «интересы широких масс рабочих, крестьян и других групп трудящихся"[67]. Объективно она отражала интересы низших и средних слоев национальной буржуазии.

В Хартии подчеркивалось, что «частный сектор еще способен играть позитивную роль в строительстве национальной экономики» и что «необходимо поддерживать его путем руководства со стороны

государственного сектора и сотрудничества с госсектором"[68]. Итоги поощрения деятельности частного сектора стало не только и не столько укрепление мелкокапиталистического производства, сколько появление новых средних и крупных капиталистических предприятий, главным образом в строительстве, сфере услуг, в промышленности[69]. С началом нефтяного бума происходил резкий рост размеров номинального капитала отдельных частных компаний.

Разрабатывая план экономического развития, государство пыталось привлечь к его реализации частный капитал. По плану на 1970/71–1974/75 гг. удельный вес частного и смешанного секторов был установлен в размере 18% общего объема капиталовложений и предполагалось его участие в промышленности, строительстве и подрядном деле, развитии транспорта и связи. Частному капиталу разрешалось строительство средних и мелких промышленных предприятий, предприятий внутренней торговли, создание компаний в области автодорожного и речного транспорта, строительства кинотеатров, кафе, ресторанов, гостиниц.

После 1968 г. правительство приняло меры по активизации частного капитала. В начале 1969 г. было решено начать выплату компенсаций и процентов бывшим владельцам (акционерам) компаний, национализированных в 1964 г.

Поощрительные меры государства в отношении частного сектора содействовали его существенному расширению. Около 90% оплаченного капитала созданных в 1971–1975 гг. компаний пришлось на промышленность. В конце 1975 г. в Ираке насчитывалось 572 акционерные компании, из них 286 – в области промышленности, 138 – в торговле, 53 – в области транспорта и туризма. Выросло число крупных компаний, особенно после начала нефтяного бума.

Значительное место в экономической структуре Ирака принадлежало смешанному сектору. Создание такого сектора путем объединения мелких и средних частных компаний с привлечением государственного капитала в лице Промышленного банка являлось, по мнению иракского руководства, одним из перспективных методов преобразования частнокапиталистического сектора и контроля за его деятельностью со стороны государства. На практике же доля смешанного сектора оставалась весьма скромной. В 1977 г. продукция

смешанного сектора составила 6,5% стоимости реализуемой продукции (госсектора – 70,6%, частного сектора – 22,9%[70].

В 70-е годы в смешанном секторе неуклонно росла доля госсектора. В конце 1978 г. в смешанном секторе промышленности насчитывалось 18 компаний: 3 – в области электротехники и электроники, 6 – химии, по 2 – в пищевой и текстильной промышленности и в производстве строительных материалов, 3 – в остальных отраслях индустрии. Ведущее место среди отраслей по инвестициям (40,3% и 28,9%, соответственно) занимали электротехническая и химическая промышленность.

В 70-е годы руководство страны ставило задачу ослабления позиций торговой иракской буржуазии, которая, по его оценке, являлась наиболее паразитирующим классом общества, более всех других тормозящим «социалистические прогрессивные преобразования». Позиции торговой буржуазии были существенно подорваны в оптовой внутренней и внешней торговле. Доля госсектора во внешней торговле достигла в 1974 г. 82%. Крупные торговые фирмы были разделены на мелкие, в результате чего выиграли средние и мелкие торговцы. Государство видело путь к ограничению торгового капитала в области внутренней розничной торговли через создание смешанных предприятий.

Проводившаяся в 70-е годы иракским правительством политика в отношении частного сектора имела далеко не однозначные последствия. В целом она вела к расширению и укреплению позиций мелкой буржуазии. Но при этом среди иракской буржуазии стали выдвигаться на первый план те ее слои, которые выросли на крупных подрядах, преимущественно в сфере строительства. По размеру оплаченного капитала к началу 1976 г. эта группа буржуазии занимала третье место – после промышленной и торговой буржуазии. За 1970–1975 гг. число подрядчиков в стране выросло с 728 до 2788, т.е. почти в 4 раза, а их состояние в середине 70-х годов оценивалось примерно в 30 млн дин. Эта прослойка иракской буржуазии получала прибыль, намного превышающую среднюю прибыль в остальных сферах хозяйства. Она привлекала наиболее квалифицированные кадры рабочих, инженеров, техников, администраторов, в которых остро нуждался госсектор[71].

Политическая ситуация в Ираке в 1970–1975 гг. Создание Прогрессивного национально-патриотического фронта

В начале 70-х годов в деятельности иракского руководства все отчетливее проявлялись прогрессивные тенденции, как во внутренней, так и во внешней политике.

Внутри страны партия Баас приступила к решению наиболее актуальных экономических и социальных проблем, затрагивавших интересы широких слоев трудового населения. Особое значение приобретали реализация программы мирного демократического урегулирования с курдами и последовательное претворение в жизнь закона об аграрной реформе.

Существенные перемены происходили и во внешней политике Ирака. Курс на упрочение политической независимости и экономической самостоятельности страны партия Баас связывала с расширением сотрудничества с дружественными Ираку государствами, среди которых особое место отводилось Советскому Союзу и другим социалистическим странам, а также с освобождением национальной экономики из-под контроля империалистических монополий, с переходом природных богатств, прежде всего нефти, в руки иракского государства.

На этих важнейших направлениях внешнеполитической деятельности иракское руководство добилось больших успехов. Заключенный 9 апреля 1972 г. Советско-иракский Договор о дружбе и сотрудничестве поднял на более высокую ступень отношения между СССР и Ираком. По определению тогдашнего президента Иракской республики Ахмеда Х. аль-Бакра, Договор заложил «основу стратегической линии Ирака, направленной на укрепление политической независимости и развитие национальной экономики, и обеспечил необходимые условия для нажима на империалистические монополии». Параллельно иракцы вели активные переговоры с Западом о расширении сотрудничества в различных сферах, а громкие и лестные слова в адрес СССР скрывали истинные устремления иракского руководства, ориентировавшегося в значительно большей степени на западные государства.

Национализация в том же году концерна «Ирак Петролеум», открыв большие возможности для экономического развития Ирака, существенно повысила престиж иракской Баас на международной арене.

Начатые преобразования способствовали стабилизации внутриполитического положения в Ираке, расширению социальной опоры Баас. Они носили прогрессивный характер, укрепляли независимость страны, создавали тем самым предпосылки для объединения национально-патриотических сил в рамках единого фронта, открывали возможность для начала конструктивного диалога Баас с другими прогрессивными политическими организациями страны, объективно способствовали изменению позиций ряда партий, в том числе Иракской коммунистической партии, в отношении объединения с Баас в рамках единого национального фронта.

Политическая деятельность всех республиканских режимов в Ираке после 1958 г. отчетливо показала несостоятельность попыток удержания власти в руках отдельных группировок, опиравшихся на армию или узкие социальные слои. Сменявшие друг друга в 1958–1968 гг. режимы ясно продемонстрировали свою неспособность обеспечить прогрессивное развитие страны. Задачи, стоявшие перед Ираком, по своему объективному содержанию отражали требования национально-демократического этапа революции, затрагивавшего интересы широких масс иракского народа, принадлежащих к самым различным социальным слоям, слабо расчлененным классовой дифференциацией. Сам характер иракского общества требовал единства демократических политических сил страны. Условием обеспечения независимого прогрессивного развития Ирака должна быть их консолидация, единство их действий в борьбе с местной реакцией, поддерживаемой иностранным капиталом.

Идею единства национально-патриотических сил последовательно отстаивала компартия Ирака. Что касается партии Баас, то ей потребовались долгие годы, чтобы придти к пониманию необходимости союза с прогрессивными силами и прежде всего с коммунистической партией. Практическое осуществление такого союза оказалось делом исключительно трудным, так как оно осложнялось не столько идеологическими различиями двух партий, сколько той

политической практикой, к которой прибегала в предшествующие годы партия Баас, стремившаяся укрепить свои позиции в массах. Опора ИКП и Баас на одни и те же социальные слои трудящихся и интеллигенции, включая армейскую, где компартия как более «старая» и влиятельная имела довольно прочные позиции, служила источником жесткой линии баасистов в отношении ИКП. Баас в коммунистах видела своего главного политического соперника и в борьбе за расширение своей социальной базы не останавливалась даже перед их физическим уничтожением. Все это существенно осложняло возможность диалога между обеими партиями. Не одинаков был и их подход к проблеме союза и руководства этим союзом в рамках единого национального фронта.

Поставив задачу захвата власти, лидеры Баас долго не могли принять окончательного решения относительно основного союзника в будущей правящей коалиции. Выбор был между коммунистами и курдами – ИКП и ДПК. Первоначально ставка была сделана на ИКП, о чем свидетельствует негласная встреча в июле 1968 г. представителя Баас Хасана аль-Бакра с членами ЦК ИКП, где коммунистам было заявлено о стремлении Баас «ликвидировать последствия развязанного ее прежним руководством в 1963 г. антикоммунистического террора» и о ее намерении сотрудничать с ЦК ИКП, поскольку компартия располагает необходимыми для такого сотрудничества возможностями и качествами, искренностью и самоотверженностью, что делает ее «ближе к баасистам, чем другие оппозиционные партии»[72]. Трудно сказать, насколько искренней была эта высокая оценка, данная Хасаном аль-Бакром иракским коммунистам. Партии Баас поддержка ИКП была необходима для упрочения своей власти.

Позднее, 24 июля 1968 г., в разгар борьбы за власть между военной группировкой Найефа – Дауда и руководством Баас, баасисты вновь обратились к ИКП с предложением сотрудничества. Переговоры вел личный представитель Бакра министр здравоохранения в новом баасистском правительстве Иззет Мустафа, призвавший коммунистов как «прекрасных квалифицированных хозяйственников», внести вклад в формирование государственного аппарата. Баас была готова доверить ИКП «такие участки, как Иракская национальная

нефтяная компания (ИННК), налаживание других экономических объектов».

Первые годы после прихода Баас к власти в 1968 г. были временем трудного поиска путей сближения ведущих политических сил Ирака. Практическая реализация идеи единого фронта требовала от его будущих участников гибкости, готовности идти на компромисс. Нужны были шаги навстречу друг другу, на что сложно было решиться как правящей партии Баас, так и ИКП, ДПК, другим политическим силам страны. Схожесть предлагавшейся партией Баас и компартией программы общественного развития создавала объективную основу для сближения этих партий, однако занятые и коммунистами и баасистами позиции не вели к этому: коммунисты исходили из принципа руководства марксистско-ленинского авангарда на этапе национально-демократической революции, баасисты не желали делить власть с кем бы то ни было.

Для Баас коммунисты всегда были основными конкурентами в борьбе за массы. ИКП, что было общепризнанным, в том числе западными специалистами, – являлась самой крупной коммунистической партией в арабском мире и была лучше организована, чем любая политическая сила в Ираке, в том числе и сама баасистская партия.

Залогом преодоления взаимного недоверия и вражды между различными политическими силами могли стать конкретные шаги власти в решении коренных экономических и социально-политических проблем. На этой основе и происходила эволюция подходов к идее единого фронта как компартии, так и Баас. При этом Баас продолжала отстаивать свою роль «руководящей силы» в едином фронте.

В октябре 1969 г. пленум ЦК ИКП, обсудив предложение генерального секретаря регионального руководства Баас Ахмеда Хасана аль-Бакра о создании единого фронта и проанализировав положение в стране и действия Баас, оценил политику баасистов как «национальную, антиимпериалистическую» и выразил готовность ИКП сотрудничать с партией Баас в борьбе против империализма, за демократию и социальный прогресс. Вместе с тем пленум осудил анти-

демократические действия Баас, которые противоречили ее стремлениям объединить прогрессивные силы страны.

Эта линия нашла развитие и на втором съезде ИКП в сентябре 1970 г. В принятой программе создание фронта рассматривалось как актуальная задача ИКП» и как «действенный и необходимый инструмент» для мобилизации сил и всех потенциальных возможностей иракского народа в осуществлении задач современного этапа иракской революции». Съезд осудил правящий режим за усиление репрессий против патриотических партий и прогрессивных сил в первые два года его правления, ставших серьезным препятствием на пути образования национального фронта[73].

На съезде была выработана политика ИКП по отношению к правящему режиму, которая заключалась в «противодействии и критике всех отрицательных сторон антидемократического курса правительства, но наряду с этим выражалась поддержка его прогрессивных мер, а также его антиимпериалистической, антисионистской и антиреакционной позиции»[74].

Рассматривая Баас как реальную политическую силу, в руках которой сосредоточена вся полнота государственной власти, компартия стала более гибко подходить к вопросу создания фронта. Постепенно руководство ИКП пришло к выводу о том, что требование к Баас отказаться от «руководящей роли» не отвечает конкретным условиям Ирака и не учитывает твердых намерений стоящей у власти партии отстаивать свои преимущественные командные позиции в предполагаемом фронте.

В рядах компартии стало преобладать мнение, что к вопросу о формах и методах сотрудничества с Баас, которую коммунисты оценивали как «представляющую революционную часть мелкобуржуазной демократии», нельзя подходить догматически. Отсутствие взаимопонимания и соперничество между двумя партиями из-за руководства революционным движением были лишь на руку «империализму и реакции». В рамках фронта, полагали коммунисты, они как носители идей научного социализма, могли более эффективно влиять на идеологию революционных демократов, отстаивать курс на глубокие социально-экономические и политические преобразования.

В то же время, когда коммунисты делали шаги навстречу призывам Баас к единству, режим не прекращал репрессий против ИКП: продолжались аресты, заключения в тюрьмы, пытки и убийства членов компартии[75].

В 1971 г. ИКП признала руководящую роль Баас. Позиция компартии по этому вопросу была изложена в заявлении первого секретаря ЦК ИКП Азиза Мухаммеда: «Мы, коммунисты, убеждены в том, что Баас, являющаяся правящей партией, имеет реальную возможность руководить государственной властью в стране. Мы лишь требуем сотрудничества в рамках отношений взаимного уважения и согласия на основе общей программы с сохранением организационной и идеологической независимости и с сохранением нашего законного права на деятельность в качестве политической партии».

Среди коммунистов не было единства по вопросу присоединения к единому фронту. Позитивная сторона взаимодействия с Баас связывалась с проявлением лояльности режима, предоставившего компартии определенную свободу легальной деятельности: в правительстве были два коммуниста, ИКП имела еженедельную газету, ежемесячно издавался дискуссионный журнал. Создавалось представление о появлении благоприятных для компартии условий, когда после долгих лет преследований она сможет сплотить свои ряды, восстановить традиционные связи с массовыми организациями – женскими, молодежными, студенческими, профессиональными и др. Некоторые коммунисты восприняли создание Фронта как возможность их возвращения в Ирак после внужденной ссылки и легального участия в политической деятельности.

Но одновременно среди коммунистов было много тех, кто выступал против вступления партии во Фронт. Кроме неприятия теоретических постулатов баасизма и органически присущего баасистам антикоммунизма, противники вступления во Фронт видели крайне негативные последствия для компартии от предполагаемого расширения участия коммунистов в правительстве. По оценке оппонентов, любой союз ИКП с Баас дискредитирует коммунистов, особенно в глазах тех, кто пострадал от рук баасистов в 1963 г. и после 1968 г. Противники блока с Баас были твердо убеждены, что баасистское

руководство намерено использовать коммунистов, а затем рано или поздно вновь отвернется от них[76].

Единого подхода к единству не было и среди членов партии Баас. Ее "левые" одобряли участие во Фронте коммунистов. Другие, из числа твердых националистов и антикоммунистов были категорически против.

В ретроспективе решение компартии Ирака войти во Фронт национального единства выглядело как самоубийство. Однако на тот момент иракские коммунисты, учтя все "про" и "контра», в том числе и политику Советского Союза, расширявшего разностороннее сотрудничество с Ираком, решили войти во Фронт.

Отсутствием в Ираке единства прогрессивных сил не раз пыталась воспользоваться иракская реакция, предпринимавшая попытки осуществить государственный переворот с целью отстранить от власти баасистский режим. Это заставляло лидеров Баас активизировать практическую деятельность по созданию союза прогрессивных сил страны. Важным шагом в этом направлении стал проект Хартии национальных действий, опубликованный партией Баас 15 ноября 1971 г. Это была программа действий, направленных на решение задач национально-демократического этапа революции в Ираке и создания условий для завершения переходного периода и установления демократического парламентского строя, который будет гарантировать права народа.

В Хартии подчеркивалось, что решение намеченных задач требует сплочения всех национальных сил Ирака, и содержалось обращение к политическим партиям поддержать идею сотрудничества патриотических сил в едином фронте. При этом условием сотрудничества основных политических сил страны партия Баас выдвигала признание гегемонии Баас в стране и во фронте, запрещение деятельности небаасистских сил в армии».

Призывая политические партии к сотрудничеству, Баас одновременно предпринимала шаги, направленные на лишение их реальной власти. В частности, возможность влияния на государственную власть со стороны ИКП и других прогрессивных сил ограничивалась механизмом создания народных советов во всех административных единицах Иракской Республики, которые должны были формиро-

ваться не путем демократических выборов, а назначением его членов вышестоящими государственными органами.

И, тем не менее, проект Хартии стал важным моментом политической жизни Ирака, открыв возможность для реального сотрудничества национально-демократических сил, выступавших за углубление революционного процесса в стране в интересах широких народных масс.

Положения Хартии давали основу для возобновления диалога Баас, ИКП и ДПК. 27 ноября 1971 г. ЦК ИКП, основываясь на решениях своего расширенного пленума, обратился к руководству Баас с письмом, в котором содержалось согласие с основными положениями Хартии. Диалог между двумя партиями проходил в 1971–1973 гг. Был он трудным и мучительным, требовавшим от каждой из сторон мудрости, выдержки, готовности отказываться от прежних догматических позиций.

В начале мая 1973 г. состоялся пленум ЦК ИКП, который отметил серьезные перемены, осуществляемые Баас. Пленум выдвинул на рассмотрение Баас конкретную программу действий по созданию фронта, которая включала следующие положения:

1. Легализация партий и партийных органов.

2. Объявление амнистии всем политзаключенным, проведение выборов в Народное собрание, реорганизация народных советов на основе коалиционного участия, сотрудничество в массовых организациях.

3. Решение курдской проблемы на основе выполнения Мартовского Заявления.

4. Реализация задач социально-экономического развития.

5. Создание Прогрессивного национального фронта на основе полной организационной независимости каждой из партий.

Условия коммунистической партии об участии во фронте были приняты Баас через два месяца. Попытка государственного переворота военной реакционной группировки Назыма Кзара 30 июня 1973 г. ускорила процесс создания фронта, подтвердив еще раз, что единственная возможность упрочить режим и продолжить демократический путь развития лежит в единстве всех прогрессивных партий и организаций.

17 июля 1973 г. руководители Баас и ИКП подписали совместное заявление о сотрудничестве в Прогрессивном национально-патриотическом фронте (ПНПФ), призвав и другие политические силы, прежде всего ДПК присоединиться к их заявлению. Тем самым был сделан первый, но весьма важный шаг на пути объединения прогрессивных сил в демократическом фронте, создавались благоприятные условия для активизации и демократизации политической жизни в Ираке.

28 августа 1973 г. были опубликованы основные документы ПНПФ – Хартия и Устав[77]. Эти документы отразили качественно новый этап развития Ирака, характер задач, стоящих перед страной, и соответственно и расстановку социальных и политических сил, способных обеспечивать продвижение страны по пути прогресса.

В основу Хартии легли принципы и цели, изложенные в проекте Хартии национальных действий от 15 ноября 1971 г., в который были внесены существенные изменения в процессе его обсуждения. «Социальной основой революции и прогрессивного фронта в Ираке, – говорилось в Хартии, – являются рабочие, крестьяне, патриотическая учащаяся молодежь и интеллигенция». При этом отмечалось «особое значение авангардной роли рабочего класса и его организаций в экономическом, социальном и политическом развитии Ирака»[78].

«В течение нынешнего переходного периода, – говорилось в документе, – национальное правительство, созданное на основе коалиции национальных партий и прогрессивных сил, призвано осуществить задачи, определяемые Хартией. На этой основе будет установлен политический строй, обеспечивающий демократические свободы народу, в том числе свободу деятельности национальных политических партий, демократических общественных и профессиональных организаций рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции. В переходный период должны быть подготовлены выборы в Национальное собрание, разработан проект постоянной конституции».

Хартия 17 июля 1973 г. ставила задачи углубления национально-демократической революции, что включало «полное освобождение национальной экономики от иностранной зависимости, создание многоотраслевого хозяйства, в первую очередь развитой промыш-

ленности, обеспечение благосостояния трудящихся, ликвидацию всех проявлений эксплуатации».[79] Основой национальной экономики объявлялся госсектор. Но при этом не ставилась задача ликвидации частного сектора. Значительная часть мелкой и средней буржуазии призывалась к активному сотрудничеству в социально-экономическом развитии страны. Хартия отражала реальную картину положения в Ираке. Исторический этап, переживаемый Ираком, Хартия определяла как «этап завершения национально-демократической революции, движения по пути социального прогресса и национального единства, подготовки условий для перехода к социализму».

В разделе, посвященном курдской проблеме, Хартия подчеркивала важность ее решения мирным путем.

В области внешней политики Хартия подтверждала безоговорочное присоединение Ирака к лагерю народов, борющихся против империализма, агрессии, сионизма и других форм расовой дискриминации. Революционное движение в Ираке рассматривалось как «часть мирового революционного процесса» и подчеркивалась необходимость укрепления отношений союза и сотрудничества с Советским Союзом, другими странами социализма, а также с национально-освободительным движением.

Организационная структура и основные принципы, на которых строились взаимоотношения участников фронта, определялись Уставом ПНПФ. Постоянным руководящим органом фронта являлся Высший комитет из 16 членов. В него вошли 8 представителей от партии Баас, 3 от ИКП, по одному имели прогрессивные националисты и независимые демократы. 3 места были зарезервированы за ДПК, которая тогда отказалась войти во фронт. Исполнительным органом фронта, осуществлявшим повседневную деятельность, стал Секретариат, состоявший из 8 членов, в том числе 4 от Баас и по 2 от ИКП и ДПК (последние оставались вакантными)[80].

Решения Высшего комитета Фронта, принятые единогласно, являлись обязательными для всех сторон, участвовавших во Фронте, для комиссий и органов Фронта. Председателем Высшего комитета ПНПФ стал тогдашний генеральный секретарь регионального руководства партии Баас Ахмед Хасан аль-Бакр, генеральным секретарем Фронта – член регионального руководства Баас Наим Хаддад.

Отделения Фронта были созданы в 15 провинциях Ирака.

Достижение единства национально-патриотических сил Ирака в рамках ПНПФ было крупнейшим политическим событием первой половины 70-х годов, которое получило поддержку прогрессивных сил как внутри страны, так и за рубежом.

Высший комитет Фронта рассматривал важные вопросы экономического и политического развития Ирака. Компартия придерживалась линии, направленной на укрепление ПНПФ, на повышение эффективности его деятельности, что коммунисты связывали с необходимостью вовлечения в политическую жизнь трудящихся и осуществления взаимодействия в рамках массовых общественных организаций.

Сотрудничество ИКП и Баас в ПНПФ принесло положительные результаты: между двумя партиями улучшилось взаимопонимание, их связи стали более прочными. Совместная работа во Фронте укрепила контакты ИКП с государственным аппаратом, усилила влияние коммунистов на решение важных социально-экономических и политических задач. В результате сотрудничества продолжился процесс углубления социально-экономических преобразований. Расширились связи иракского правительства с СССР и странами социалистического содружества.

Вместе с тем уже в начале деятельности Фронта стали отчетливо проявляться тенденции, которые в дальнейшем станут преобладающими и в конечном счете парализуют его деятельность. Проводившиеся в стране прогрессивные преобразования, политика сотрудничества с другими национальными силами укрепляли позиции и авторитет партии Баас. Это обеспечивало лидерам Баас возможность расширять влияние и идеологическое воздействие на массы, что само по себе создавало трудности для коммунистов. Партия Баас использовала свое руководство Фронтом для упрочения своих позиций, давая при этом "твердую гарантию продолжения и развития революции и сохранения и укрепления Фронта».

Однако в реальной жизни слова у баасистов далеко не всегда совпадали с делами. И в 1974 и в 1975 гг. имели место антикоммунистические высказывания и действия, в официальной прессе появ-

лялись статьи антикоммунистического содержания. Все это осложняло отношения ИКП и Баас в рамках Фронта.

Осуждая эти рецидивы антикоммунизма, ИКП прилагала в то время много усилий для укрепления союза с Баас и другими политическими силами, призванного выполнить, по представлению коммунистов, определяющую роль «в завершении национально-демократической революции и развитии страны по некапиталистическому пути к социализму».

На политическую ситуацию в Ираке продолжали серьезно влиять взаимоотношения между правительством и руководителями Демократической партии Курдистана, ход выполнения статей Мартовского соглашения 1970 г. Правительство приняло ряд документов, направленных на реализацию достигнутых с курдами договоренностей. Временная конституция, принятая в июле 1970 г.[81], закрепила положение о том, что иракский народ состоит из двух основных наций – арабов и курдов, признала национальные права курдского народа и законные права всех национальных меньшинств в Ираке. Курдский язык получил статус официального в Курдистане. Территория, большинство населения которой составляют курды, должна была стать автономией, что подлежало закреплению Законом (Конституция 1970 г.).

Вместе с тем уже с весны 1970 г. стали отчетливо обнаруживаться тенденции ограничения автономных прав курдов, что нашло свое отражение в определении границ будущей курдской автономии, из которой исключался нефтеносный район Киркука, в то время как курдское руководство настаивало на признании Киркука центром курдской автономии.

Власти систематически наращивали военно-политический контроль в Курдистане. В 1970–1971 гг. был организован ряд террористических актов против ближайшего окружения Мустафы Барзани, а также против него самого[82].

Проводились меры по изменению демографической ситуации в курдских районах. Из провинции Киркук продолжалось выселение курдов, заменявшихся арабами преимущественно христианского вероисповедания. В 1971–1972 гг. из приграничного района в Иран было выселено до 50 тыс. так называемых «иранцев», потомков кур-

дов, давно обосновавшихся в Ираке и порвавших с Ираном всякие связи.

После провозглашения Мартовского Манифеста иракские власти приложили много усилий к баасизации страны, к упрочению своих позиций в армии, государственном аппарате. Эта линия последовательно проводилась и в Курдистане, где Баас прибегала также к своему испытанному приему – расколу политических сил. Воспользовавшись тем, что в курдском национальном движении еще с 60-х годов наметилось несколько течений, отражавших менявшуюся социально-политическую ситуацию в стране в целом и в самом курдском обществе, Баас пошла на поддержку сил, оппозиционных М. Барзани. Влияние и авторитет М. Барзани были по-прежнему сильны в районах с прочно сохранявшимися традиционными отношениями. Но менявшаяся социальная структура населения Курдистана сопровождалась появлением и других политических деятелей курдов, пользовавшихся в этой новой социальной среде авторитетом, подкреплявшимся также той видной ролью, которую играли эти новые политики в вооруженной борьбе курдов в 60-е годы.

Баасисты сделали ставку на бывшего члена Политбюро ДПК, известного политического деятеля курдов Хашима Акрауи, выступавшего за мирное урегулирование курдской проблемы, за вступление ДПК в ПНПФ. На основе группы Хашима Акрауи баасисты намеревались создать курдскую политическую партию, которая стала бы, по словам С.Хусейна, «легальной альтернативой тем, кто закрепился в горах», т.е. речь шла о создании отделения партии Баас из курдов с целью полностью подчинить ситуацию в Курдистане баасистскому контролю.

Обстановка в Курдистане стала резко ухудшаться с лета 1972 г., когда произошли вооруженные столкновения между правительственными и курдскими войсками в Сулеймании и Синджаре.

Невыполнение Советом революционного командования взятых на себя обязательств по Манифесту 11 марта, его очевидное нежелание решать курдский вопрос демократическим путем послужили основанием для ДПК воздержаться от вступления в созданный в 1973 г. Прогрессивный национально-патриотический фронт. Всегда

настороженно и с недоверием относившееся к политике баасистов руководство курдов стало готовиться к вооруженной борьбе.

В этот весьма напряженный момент вице-президент Ирака С.Хусейн объявил 11 марта 1974 г. о принятом законе № 33[79], провозгласившем автономию Курдистана и объявившем о создании в рамках Ирака Курдского автономного района (КАР) на основе трех провинций – Эрбиль, Дохук и Сулеймания со столицей в городе Эрбиль[80]. Предусматривалось создание Законодательного и Исполнительного советов и судов КАР, перечислялись функции законодательного совета автономии. Одна из статей закона гласила: «Несмотря на полномочия, предоставленные автономному району, ...во всех частях Ирака приоритет принадлежит центральным ведомствам или их представителям. Органы внутренних дел и госбезопасности подлежат контролю министерства внутренних дел». В составе центрального правительства учреждалась должность государственного министра по делам севера, в функции которого входило утверждение всех решений органов власти в КАР.

Закон подтверждал предоставление курдам в пределах автономии гражданских прав и политических свобод, курдский язык признавался официальным наряду с арабским. Для улучшения экономического положения в Курдистане, говорилось в законе, предусматривалось создание специального бюджета КАР, одним из источников формирования которого становились ежегодные государственные дотации.

Закон от 11 марта 1974 г. означал отход баасистского режима от ряда важнейших установок Декларации от 11 марта 1970 г. Как теория, так и практика иракских баасистов, давали основание считать, что демократическое решенеие курдского вопроса никогда не входило в их планы. Некоторые позитивные моменты в действиях иракского правительства по курдскому вопросу были продиктованы конъюнктурными соображениями и были призваны помочь правительству выйти из политического кризиса, а затем вернуться к прежней дискриминационной политике по отношению к курдскому населению[81].

После провозглашения Декларации 11 марта 1970 г. иракские власти приложили много усилий для выхода из политической и ме-

международной изоляции, в которой они пребывали на рубеже 60–70-х гг. Важную роль в решении этой непростой для баасистов задачи сыграла национализация 1 июня 1972 г. имущества Ирак Петролеум Компании (ИПК), а в дальнейшем и ее дочерних подразделений, работавших в Ираке.

Свое влияние на иракцев, включая курдов, оказывали проводившиеся в жизнь законы, направленные на повышение жизненного уровня сельского и городского населения страны, включение в состав правительства двух коммунистов, диалог между демократическими силами страны о создании необходимых условий для развития Ирака, его модернизации на принципах демократии, свободы, равенства и справедливости. Позитивно в стране оценивалось также достижение соглашения между Баас и ИКП о Хартии национальных действий и условиях деятельности партий, входящих в Прогессивный национально-патриотический фронт, в составе которого, кроме баасистов и коммунистов, находились представители некоторых социалистических групп. Войти во фронт предлагалось и ДПК, но, имея собственное представление о политике Баас, лидеры курдов отклонили тогда это приглашение. Они не доверяли баасистам. И созданный ПНПФ рассматривали как «инструмент, обеспечивавший монополию правящей партии во всех областях жизни страны»[42].

Все происходившее тогда в Ираке воспринималось в самой стране и за ее пределами как весьма позитивная политика иракского руководства, придававшая ему весьма привлекательный имидж.

Существенную поддержку баасистскому режиму Ирака на международном уровне оказало заключение «Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Ираком» в апреле 1972 г., устанавление тесных межпартийных связей КПСС и иракской Баас, разностороннее сотрудничество и с другими странами социалистического содружества. Все это укрепляло баасистский режим, в том числе и внутри страны.

Руководству ДПК было предложено в двухнедельный срок одобрить закон № 33, пересмотреть свое отношение к Баас и вступить в ПНПФ.

ДПК во главе с Барзани не поддалась нажиму, расценив новый закон как шаг назад по сравнению с Манифестом 1970 г., как попытку юридически закрепить «гегемонию не только Багдада, но и доминирующей в правительстве группы Тикрити», т.е. прежде всего Саддама Хусейна и его окружения, все более отчетливо сосредоточивавшего власть в своих руках и не собиравшегося ее с кем-либо делить.

Негативное отношение к закону об автономии определялось у курдского руководства прежде всего тем, что этот закон не учитывал требований курдов об уточнении территории автономного района. Власти произвольно исключили из него округа с преобладавшим курдским населением – Синджар, Ханакин и Киркук (последние два района богаты нефтью).

Руководство ДПК отказалось одобрить закон как несовершенный и принятый без предварительного согласования с ним. Одновременно ушли в отставку министры-курды, введенные в правительство после соглашения 11 марта. На их места правительство назначило в апреле 1974 г. пять новых министров-курдов, а несколько позже курд Таха Мохиэддин Мааруф занял пост вице-президента Ирака.

В марте 1974 г. отряды М. Барзани перешли к вооруженному сопротивлению правительству. В горные районы вступили части иракской армии. Военные действия сразу приобрели крайне ожесточенный характер и сопровождались большими жертвами среди мирного населения. Последовала массовая эмиграция курдов в соседний Иран. Курдские районы были подвергнуты экономической блокаде. Под предлогом укрывательства курдскими крестьянами «пешмерга» войска разрушали мирные деревни, их жителей насильственно переселяли в центральные и южные районы страны, продолжалось начатое ранее изменение демографической ситуации в Киркуке, осуществлялась депортация представителей курдской интеллигенции.

Такая политика правительства вызывала резкий протест компартии, справедливо оценивавшей антикурдские действия как наносящие огромный ущерб делу политического урегулирования одной из важнейших внутренних проблем страны.

В тот момент коммунисты Ирака добивались полного и последовательного проведения в жизнь закона об автономии Иракского Курдистана. Состоявшийся в июне 1974 г. пленум ЦК ИКП, отметив политическое размежевание в рядах курдского национального движения, призвал все курдские демократические политические партии объединить свои усилия для сотрудничества с другими патриотическими силами страны в рамках ПНПФ. Компартия выступала за создание на подлинно демократической основе, при опоре на широкие массы арабов и курдов, предусмотренных законом органов власти автономного района, которым и предстояло развернуть большую работу в области социально-экономических преобразований, демократизации всех сфер общественной жизни Курдского автономного района.

Однако баасисты поставили задачу военного разгрома курдского национального движения. В ходе начатого в августе 1974 г. наступления в Курдистане правительственные войска вытеснили отряды «пешмерга» из пограничных с Ираном районов, а в декабре они установили контроль над горными дорогами, по которым из Ирана курды получали постоянную помощь, включая современное оружие.

Широкую поддержку сторонникам Мустафы Барзани с 1975 г. стал оказывать шах Ирана, стремившийся использовать курдское движение для дестабилизации положения в Ираке. Вмешательство Ирана во внутренние дела Ирака создавало реальную угрозу возникновения вооруженного конфликта между двумя соседними государствами. Такой поворот событий не отвечал стратегическим интересам Ирана, поэтому шах пошел на урегулирование взаимоотношений с Ираком. 6 марта 1975 г. в Алжире во время очередной сессии стран – членов ОПЕК шах Ирана и заместитель председателя Совета революционного командования С. Хусейн подписали соглашение, регулировавшее ирано-иракские пограничные отношения. Обе стороны выразили «искреннее желание достичь окончательного и полного урегулирования всех существующих между ними проблем», обязывались поддерживать обстановку доверия и безопасности и осуществлять над ней действенный контроль, препятствуя деятельности, враждебной в отношении другой стороны[83]. Это соглашение лишило «пешмерга» всякой помощи со стороны Ирана.

В 1974–1975 гг. правительственные войска, развернувшие полномасштабные действия в северных районах, разгромили вооруженное сопротивление курдов. В апреле 1975 г. руководство ДПК распорядилось прекратить сопротивление иракским вооруженным силам. Мустафа Барзани с частью войск ушел на территорию Ирана. Затем он уехал в США, где и умер в 1979 г.

В 1975 г. завершился длительный этап борьбы курдского народа за автономию, завершился «решением» курдского вопроса в Ираке по-баасистски, т.е. на основе лишения курдского народа права на демократическое развитие. Военные, административные и политические структуры, созданные за долгие годы освободительной борьбы в Южном Курдистане, развалились. Завершился один из важнейших этапов национально-освободительного движения курдского народа. Его несомненные успехи, а также неудачи и просчеты обусловили новые подходы к вопросам борьбы курдов за национальное самоопределение[84].

«Автономия» курдов стала средством полного контроля со стороны партии Баас за происходящими в Курдистане процессами и подчинения развития района интересам баасистов.

Участники движения Барзани подверглись репрессиям, арестам и казням. Преследования были обрушены и на значительную часть курдских патриотов, имевших большие заслуги в борьбе за автономию. В Курдистане появились специальные лагеря «по перевоспитанию» беженцев, возвращавшихся из Ирана, усилились репрессии против партизан, в более широких масштабах развернулась «арабизация» Курдистана.

Подавив вооруженное движение в Курдистане, баасисты приложили немало усилий к тому, чтобы устранить возможность его возникновения в будущем. Этой цели содействовало дальнейшее изменение демографии курдских районов, создание вдоль всей иракско-турецкой границы полосы шириной в 20 км, в пределах которой разрушались все деревни.

В результате массовой депортации более 700 тыс. курдов были высланы из родных мест. Для них были созданы специальные «жилые комплексы», которые охранялись вооруженными отрядами[85]. По оценке иракских коммунистов, эти «жилые комплексы» своими

ужасными условиями, жестокостью обращения с поселенцами напоминали «стратегические деревни», созданные американцами во время войны во Вьетнаме, и концентрационные лагеря времен господства французов в Алжире. Курдам были запрещены контакты между отдельными семьями, им не разрешалось покидать новые места жительства. Любое проявление протеста против условий в «жилых комплексах» жестоко подавлялось[86]. О масштабах насилия, чинимого над курдами, свидетельствует тот факт, что район, откуда выселялись курды, по размерам оказался равным территории современного Ливана. По данным ИКП, с 1974 по 1978 гг. в провинциях Диала, Сулеймания, Эрбиль, Киркук, Дохук и Мосул обезлюдели 1222 деревни, часть из которых была стерта с лица земли бульдозерами или танками[87]. Переселение арабских кочевников в курдские селения привело к резкому обострению отношений между арабами и курдами. На новых местах курды-переселенцы ставились под постоянный контроль местных властей, страдали от тяжелейших лишений, нехватки пищи, жилья, отсутствия медицинской помощи, от безработицы.

В последующие годы правительство проводило линию на сокращение территории Курдского автономного района, передав управление рядом его областей арабским провинциям.

Насильственное массовое переселение курдов вызвало глубокий экономический кризис в Курдистане: меры правительства нанесли огромный удар по земледелию и животноводству – основным отраслям экономики КАР.

Правительство усилило также дискриминацию курдов в области культуры, образования. Вопреки положению об автономии в 1978/79 учебном году в половине курдских школ были введены арабские программы, курдские учебники заменялись арабскими. В 1976 г. с согласия правительства была закрыта Курдская Академия наук, основанная в ноябре 1970 г. Курдский университет в Сулеймании утратил свою роль центра подготовки специалистов-курдов в различных областях знаний, т.к. число обучающихся в нем курдов было сведено к минимуму. По распоряжению иракских властей название большинства школ, сельскохозяйственных кооперативов, гостиниц и ресторанов в Иракском Курдистане были заменены арабскими.

Подавление вооруженного выступления Мустафы Барзани в 1974–1975 гг. привело к изменению политической ситуации в Курдистане, к расколу в рядах руководства курдским национальным движением, к образованию на месте ДПК нескольких группировок, вступивших между собою в противоборство.

От ДПК отделилась группа Хашима Акрауи, образовавшая курдскую партию под тем же названием – Демократическая партия Курдистана. Эта группа поддержала закон об автономии, пошла на сотрудничество с правительством, сам Х. Акрауи стал государственным министром. Вместе с воссозданной в 1974 г. Революционной партией Курдистана ДПК вошла в 1975 г. в Прогрессивный национально-патриотический фронт. Опираясь на эти курдские организации, Баас создала Исполнительный и Законодательный Советы КАР, к формированию которых демократические круги курдов отношения не имели.

Никакой реальной властью Законодательный и Исполнительный советы КАР не обладали. Их члены не избирались местным населением, а назначались официальными иракскими властями из числа феодалов и глав тех племен, которые боролись с барзанистами, проявили себя как предатели интересов курдского народа. Баасисты не допустили к руководству региональными советами даже тех курдских политических деятелей, которые выступили против курса Барзани в 1974–1975 гг. и поддержали правительство.

Фактически делами Курдского автономного района руководил государственный министр по делам координации.

Поражение курдов повлекло за собой ослабление общедемократической борьбы в Ираке, что содействовало ускорению становления диктатуры баасистского руководства.

Расправившись с курдами, исключив их из политического процесса как активную силу (по представлению баасистского руководства, если и не навсегда, то, по крайней мере, надолго), теперь режим мог сосредоточиться на реализации планов укрепления экономической и военной мощи страны, дальнейшей модернизации ее производственно – технической базы. Но для этого необходимо было обеспечить политическую стабильность в стране, что требовало сплочения тех политических сил, которые последовательно отстаи-

вали идею единства на основе общей прогрессивной демократической платформы.

Ставя задачу быть единственной правящей силой страны, лидеры Баас понимали, что для ее решения необходимо создать прочную экономическую базу и добиться социальной поддержки населения Ирака, вырвав отдельные его группы из-под влияния других политических сил, прежде всего коммунистов.

ГЛАВА 8

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИРАКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ

8.1. Основные итоги социально-экономических преобразований

70-е годы XX в. специалисты называют «Золотым веком» в истории современного Ирака. «Лучшими для всего мира» оценивал эти годы крупнейший специалист по нефти Ирака Грегор Муттитт[1]. Уже к середине 70-х в Ираке произошли существенные перемены как в политической, так и в социально-экономической областях. Важным фактором укрепления политических позиций баасистского руководства и стабилизации ситуации в стране стало создание Прогрессивного Национального Патриотического Фронта (ПНПФ), объединившего в своих рядах наиболее влиятельные политические организации Ирака – правящую Баас и компартию.

Проведение таких крупномасштабных преобразований в социально-экономической области, как развитие инфраструктуры, реализация качественно новой аграрной реформы, индустриализация, осуществление социальных программ, направленных на повышение материального и культурного уровня жизни народа, было результатом возросших финансовых возможностей государства, главным источником возрастания которых явился нефтяной сектор.

Решающим фактором резкого роста доходов от нефти явилось установление Ираком в 1972–1975 гг. полного контроля над нефтяными богатствами страны. Этот фактор был усилен разразившимся в начале 70-х годов мировым топливно-энергетическим кризисом, возрастанием спроса на нефть и резким повышением цен на энерге-

нефтяное сырье после арабо-израильской Октябрьской войны 1973 г. Скачкообразный рост доходов Ирака стал основой выработки и реализации иракским руководством народнохозяйственных планов, рассчитанных на длительную перспективу. Доходы Ирака за 1973–1978 гг. только от экспорта нефти увеличились почти в 10 раз. За 1972–1977 гг. ИННК повысила производство с 1,5 до 3,5 млн барр./день[2]. ОПЕС. К 1976 г. доля сырой нефти составила 87% годового бюджета страны[3]. В 1979–1980 гг. доля доходов от нефти возросла до 20–25 млрд долл. После национализации доход на душу населения вырос с 1745 долл. в 1970 г. до 4083 долл. в 1980 г. при росте населения за это время примерно на 50%[4]. Иракские исследователи при активном участии французских и советских компаний за эти годы открыли новые нефтяные месторождения, дававшие до 6 млрд барр./год. В их числе Западная Курна, Восточный Багдад, Маджнун и Нахр Бин Умар. Раньше ИПК ограничивала добычу нефти для поддержания высоких цен на нефтяном рынке[5].

Стратегия дальнейшего социально-экономического развития Ирака была заложена на YIII съезде партии Баас в 1974 г. Отвергнув капиталистический путь развития, съезд разработал программу «социалистических преобразований» во всех областях жизни иракского общества. Годы 1974–1978 были объявлены «переходным этапом», на котором страна должна была осуществить «большой скачок» в экономическом и социальном развитии, после чего она должна была перейти в «развитое состояние"[6].

Значительный вклад в достижение поставленной цели должен был внести пятилетний план 1976–1980 гг., опубликованный в 1977 г. В этом плане делался упор на преимущественное развитие промышленности, прежде всего нефтяной, на превращение госсектора в господствующий во всей экономике, на преодоление неравномерного территориального и отраслевого размещения производительных сил, на резкое повышение уровня жизни населения. Одновременно выдвигалась задача постепенного изменения однобокой структуры национальной экономики путем снижения доли нефти в валовом продукте страны к 1981 г. до 50,1%. Планом предусматривался огромный рост ассигнований на развитие экономики – 13455 млн и.д. против 1559 млн и.д. по предыдущему плану (1970–

1974). Из этой суммы 12 255 млн и.д. направлялось на развитие государственного сектора. Среднегодовой рост национального дохода определялся в размере 16,8% против 7,1% по предыдущему плану. Основные вложения предназначались для обрабатывающей промышленности (32,9%). План предусматривал повышение среднегодового дохода на душу населения с 349,0 и.д. до 575,1, т.е. на 13,3 % ежегодно[7]. Разрабатывая стратегию национального развития, руководство страны поставило перед собой цель добиться полного и окончательного освобождения иракской экономики от всех форм иностранной зависимости.

Огромные нефтедолларовые поступления направлялись во второй половине 70-х годов в ведущие отрасли производства, что сопровождалось их модернизацией на основе достижений научно-технической революции и привело к получению в ряде отраслей обрабатывающей промышленности высоких экономических показателей.

Итоги развития Ирака за 1976–1980 гг. подвел IX Региональный съезд Баас в июне 1982 г. На нем было объявлено, что в Ираке завершено построение «баасистского социалистического общества» и «далее страна будет развиваться «по социалистическому пути».

Съезд отметил большие успехи, достигнутые во всех сферах народного хозяйства: промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и в сфере услуг, а также в реализации социальных программ, в повышении жизненного уровня населения страны. Отчетный доклад съезду изобилует цифровыми данными, свидетельствующими о масштабах развернувшихся по всей стране работ. Расходы на развитие промышленности за 1975–1981 гг. составили 3832,3 млн и.д. (в 1968–1974 гг. – 365,4 млн и.д.).

Определяющую роль в индустриализации Ирака играл государственный сектор. По официальным данным, в 1979 г. на него приходилось 90% всей произведенной в стране промышленной продукции.

Наиболее значительными из осуществленных проектов были построенный американцами нефтяной терминал в Фао, обслуживавший промыслы Северной Румейлы, завершенный в январе 1977 г. фирмой Маннесман нефтепровод Киркук–Дертийол (Турция), канал

Гартар, сооруженный с помощью Советского Союза и открытый в октябре 1976 г., а также большое число других проектов, осуществленных государством. В итоге госсектор стал доминирующим в базовых отраслях промышленности.

По данным, приведенным в отчетном докладе IX съезда партии Баас в 1982 г., с конца 60-х годов шел неуклонный процесс роста стоимости производимой национальной продукции: от 1487,2 млн и.д. в 1968 до 4883,7 млн и.д. в 1974 и до 14492,2 млн и.д. в 1981. Этот рост составил 21,9 за 1968–1974 и 17,05% – за 1975–1981 гг. (это падение связано с 1981 г., когда уже шла ирано-иракская война), по плану в 1975–1980 гг. рост должен был оставить 25,12%)[8]. За тот же период доход на душу населения вырос с 91,8 до 269,4 и 666,1 и.д., что сопоставимо с многими индустриальными странами[9].

С помощью иностранных, преимущественно японских и западноевропейских фирм в Ираке были введены в эксплуатацию сотни предприятий в новых отраслях: электронной и электротехнической, машиностроительной, химической и др. При научно-техническом содействии французской фирмы «ЕРАП» близ Багдада был сооружен центр ядерных исследований, ставший воплощением экономических возможностей Ирака, символом его прогресса в научной сфере (в июне 1981 г. этот центр был разрушен во время налетов израильской авиации). При техническом содействии иностранных специалистов были построены металлургический завод по переработке металлолома и крупные прядильно-ткацкие фабрики, стекольные, цементные, мукомольные предприятия и широкая сеть нефтегазопроводов. На полную мощность заработала национальная автотракторная промышленность, поставлявшая народному хозяйству республики грузовики и колесные тракторы.

В крупный промышленный район превращалась южная часть Курдистана, где, как и в других районах страны, в соответствии с пятилетним планом, осуществлялась индустриализация. Создавались предприятия по производству стройматериалов, а также в легкой и пищевой промышленности, часть из них довольно крупных. В 1979 г. на территории Иракского Курдистана находилось 17% крупных предприятий, в основном в районе Киркука. Как и во всем Ираке, в Курдистане развитие промышленности шло преиму-

щественно в рамках государственного сектора. Но одновременно укреплялись позиции курдской буржуазии: за 1975–1979 гг. число крупных частных промышленных предприятий выросло со 116 до 170, что составило довольно стабильно около 12% от общей численности предприятий этой категории в стране в целом.

Серьезным препятствием деятельности государства было сопротивление тех слоев общества в Ираке, чьи экономические интересы ущемлялись развитием госсектора. Это представители относительно крупной торговой и промышленной буржуазии и в ряде случаев мелкой буржуазии. Именно они часто создавали препятствия на пути сбыта продукции государственных предприятий.

Большое внимание IX съезд, наряду с государственным, уделил и частному сектору. Пятилетним планом предусматривалось его активное участие в реализации программ экономического развития Ирака. Частному сектору государство предоставило значительные льготы в кредитной сфере, облегчало импорт оборудования, проводило льготную налоговую политику. Однако развитие частного сектора контролировалось государством, что весьма неоднозначно сказывалось на взаимоотношениях этих двух секторов. Несмотря на многочисленные привилегии, предоставлявшиеся частному предпринимательству в 70-е годы, доля частного сектора в валовом совокупном продукте всех товарных отраслей (помимо нефти) снизилась с 88,2 в 1969 г. до 14,2% в 1979 г. Это снижение было связано, с одной стороны, с возрастанием доли госсектора в формировании ВВП, а также с известным кризисом доверия со стороны частника в отношении режима баасистов.

Меры государства по развитию частного предпринимательства привели к тому, что доля частного сектора в экономике Ирака, последовательно снижавшаяся в 1968–1978 гг. (с 75,8 до 22,4%), сначала стабилизировалась, а затем постепенно стала расти, достигнув 38,8% в 1982 г. Частный сектор занял ведущие позиции в строительстве – 93,8%, на транспорте, в коммуникациях и складировании – 76%, в торговле, гостиничном хозяйстве – 43,8%, в сельском хозяйстве – 47,2%, в обрабатывающей промышленности (включая мелкую) – 40,8%[10].

IX съезд, отметив отсутствие четкого разграничения сфер деятельности государственного и частного секторов в экономике, подверг деятельность частника резкой критике за сосредоточение его активности в сферах торговли, строительства, подрядных операций и услуг, где предприниматели, манипулируя ценами, создавая искусственный дефицит товаров, озабочены лишь получением высоких прибылей. Но при этом частное предпринимательство практически не проявляло интереса к промышленности и сельскому хозяйству, т. е. к тем отраслям, которые требуют больших затрат и где отдача не столь быстра. В этой связи съезд дал высокую оценку тем частным компаниям, которые развернули свою деятельность в сфере производства и сбыта, где они показали себя более эффективными, чем государственные организации. Частное предпринимательство было охарактеризовано IX съездом как «предпосылка ... социалистического строительства не на каком-то определенном этапе, а на весь исторический период». Решения IX съезда в значительной мере расширяли частнопредпринимательскую инициативу, хотя в отдельных отраслях экономики она и ранее получала поддержку государства.

Планом национального развития на 1976–1980 гг. предусматривалось также дальнейшее расширение смешанного сектора, в первую очередь в промышленности и строительстве, где позиции госсектора оставались весьма слабыми: по плану 1976–1980 гг. только 8% всех строительных работ могла выполнить государственная подрядная организация, а остальные 92% – частный иракский и иностранный капитал[11].

Особый упор в пятилетнем плане делался на качественные перемены в сельском хозяйстве, а самому аграрному сектору в политике иракского руководства отводилось центральное место. При этом ставилась оторванная от реальной оценки происходивших в иракской деревне процессов и уже в силу этого невыполнимая задача превращения госсектора (в виде государственных, коллективных и кооперативных хозяйств) в ведущий уклад сельскохозяйственного производства[12]. В 1976 г. аграрная реформа была объявлена в стране законченной, поскольку, по оценке руководства, была выполнена ее главная цель – ликвидация феодальной собственности и полуфео-

дальных отношений в иракской деревне. Но к этому времени кооперативы, преимущественно непроизводственные, обрабатывали всего 3% сельскохозяйственной площади.

В деревне быстро развивался частный сектор, которому государство стало оказывать разностороннюю помощь. Принятый в 1977 г. закон № 43, предусматривавший слияние крестьянских обществ с кооперативами, предоставлял преимущество капиталу над трудом, разрешая одному члену кооператива иметь 10% всех его акций, что означало присвоение его богатыми членами всей прибыли, поскольку в кооперативе она распределялась не по труду, а по капиталу[13]. В дальнейшем льготы частному сектору продолжали увеличиваться.

Важным шагом в решении аграрной проблемы был принятый правительством страны 25 мая 1975 г. Закон № 90 об аграрных преобразованиях в Курдистане. Принятие этого документа имело большое значение, поскольку вовлекало в сферу прогрессивных преобразований один из наиболее отсталых в экономическом отношении районов Ирака – Курдистан, который в силу особенностей существовавшей системы землевладения и землепользования, а также глубоко укоренившихся традиций родо-племенных отношений, практически не был затронут предшествующим аграрным законодательством. Перемены здесь сдерживались также многолетними вооруженными действиями.

Основными собственниками земли в Курдистане являлись крупные феодалы – шейхи, ага, в полной зависимости от которых находились курдские крестьяне, владевшие наделами земли, не обеспечивавшими нужды семьи, что вынуждало их арендовать землю феодалов на кабальных условиях.

До принятия нового закона максимальный размер землевладения здесь составлял южнее линии выпадения средней для Курдистана нормы осадков 1600–2000 дунамов (в зависимости от плодородия почв, степени отдаленности участков от коммуникаций, рынков сбыта и т.д.) и 1000–1300 дунамов – севернее этой линии. В обоих случаях потолок землевладения по Закону № 90 сокращался до 300–500 дунамов в зависимости от категории земли и выращиваемых культур. На орошаемых землях, которые в Курдистане составляют

лишь 2% всей обрабатываемой земли, максимальный размер участка устанавливался в 40–120 дунамов. Закон распространялся также на земли, занятые под фруктовыми деревьями. Высший предел участка под садом определялся на орошаемых землях в 40 дунамов, на богарных – в 50 дунамов.

Закон № 90 объявил общенародной собственностью все природные источники воды, которыми прежде распоряжались феодалы, что давало им мощное средство эксплуатации крестьян.

Изъятые земли и источники воды передавались Высшему совету по аграрной реформе и распределялись среди крестьян, подлежавших кооперированию. Проведение аграрной реформы подорвало позиции курдских феодалов, что имело несомненное положительное значение. Вместе с тем, аграрная политика иракских властей в Курдистане во второй половине 70-х годов была тесно увязана с проводившейся арабизацией курдских районов. Более 60% изъятых и 76% распределенных площадей, а также примерно 69% крестьян, получивших земли в Курдистане, находились в районах Мосула и Киркука, куда были переселены арабы на места выселенных курдских крестьян. Поэтому к концу 70-х годов аграрный вопрос оставался в Курдистане нерешенным, значительное число крестьян по-прежнему были без земли.

Под воздействием проводившейся аграрной реформы менялся технико-производственный и социальный облик иракской деревни. Однако и на конец 70-х годов положение в сельском хозяйстве оставалось тяжелым. Доля сельского хозяйства в формировании национального дохода на конец пятилетки составляла менее 20%, в то время как около 50% самодеятельного населения страны было занято в этой отрасли.

Анализируя положение в сельском хозяйстве, IX съезд подчеркнул значитетельные изменения, происшедшие в этой важнейшей отрасли хозяйства Ирака. Основой этих перемен, отметил съезд, явилось качественное изменение характера землевладения и землепользования, в результате чего ликвидированы основы феодализма в иракской деревне. Резко сократилась доля мелких хозяйств, имевших наделы до 10 дунамов. Таковых было 2,8% от общего числа хозяйств. Главное место заняли средние хозяйства (10–20 дунамов) –

66,47%. Но при этом сохранялись и очень крупные земельные владения (120–300 дунамов), составлявшие 16,9%. Были хозяйства площадью более 300 дунамов земли, они находились в основном в зоне богарного земледелия. Большие ассигнования, выделенные государством на развитие сельского хозяйства, позволили осуществить многие гидротехнические работы, проложить каналы, вернуть в производство засоленные земли. В 1975–1981 гг. расходы на сельское хозяйство составили 2029,6 млн и.д. (в 1968–1974 гг. – 239,3 млн и.д.). Однако, несмотря на то, что в экономической политике партии Баас во второй половине 70-х годов сельскому хозяйству отводилось определяющее место, линия партии в этом вопросе не была выдержана. Сельское хозяйство, как отмечал IX съезд, не достигло намеченного уровня ни в освоении земель, ни в повышении продуктивности. Одной из причин такого положения явился быстрый отток из деревни разорившихся крестьян, уходивших в промышленность и на стройки. Приведенные на съезде данные свидетельствовали о сокращении числа занятых в сельском хозяйстве с 1970 г. по 1980 г. на 5% (с 47% до 42%). Одновременно были озвучены и другие данные: с 1973 г. по 1977 г. численность занятых в сельском хозяйстве упала с 52 до 30%. Нехватку рабочих рук в деревне иракское руководство покрывало за счет привлечения иностранной рабочей силы, главным образом – египтян.

Вторая половина 70-х гг. стала временем качественного изменения облика Ирака, преображавшегося в ходе масштабного строительства, развернувшегося по всей стране. В огромную стройплощадку превратились все города и села Ирака.

Кардинально обновлялся Багдад. На субсидии крупнейшего в стране «Рафидэйн банка» началась массовая застройка жильем бывших пустырей Багдада. Коренной ломке подверглись все старые городские кварталы. Были созданы новые системы водообеспечения и очистных систем, возводились новые жилые дома, прокладывались дороги, был отстроен современный международный аэропорт. Быстрый рост городского населения сопровождался разработкой новых проектов жилищного строительства, таких как, например, «Город Революции» (ныне Садр Сити).

По второй половине 70-х годов руководство Ирака многое делало для повышения жизненного уровня народа. Правительство субсидировало товары первой необходимости, устанавливая на них твердые цены; существенно были повышены заработная плата рабочих и служащих, занятых в госсекторе, размеры пенсий ветеранам труда.

Большие изменения происходили и в других сферах социальной политики. Введение с 1979 г. бесплатного образования на всех уровнях открыло доступ к знаниям выходцам из трудящихся слоев. В конце 70-х годов в Ираке было проведено две кампании по ликвидации неграмотности взрослых людей в возрасте 15–45 лет, охватившей около двух с половиной миллионов человек, большинство из которых составили женщины (более полутора миллионов). На изменение положения женщины в иракском обществе были направлены многие меры, принимавшиеся руководством страны в 70-е годы. Были введены новые законы или внесены поправки в действующее законодательство, которые качественно меняли политический и семейный статус женщины в Ираке. Она получила равные с мужчиной права при приеме на работу, в оплате труда и пенсионном обеспечении, а также финансовую самостоятельность и право владеть землей. Женщина была поставлена в равное с мужчиной положение при разводе. При этом ей предоставлялось преимущественное право оставлять при себе детей в возрасте до 15 лет. Многое было сделано государством для охраны материнства и детства, включая оплачиваемые отпуска по беременности и уходу за ребенком, запрет использовать труд беременных женщин на тяжелых, вредных и сверхурочных работах, сокращение рабочего времени для кормящих матерей и др.

Иракские женщины стали активно участвовать в производственной и общественной жизни страны, чему в большой степени способствовала предоставленная им возможность получать образование и продвигаться по служебной лестнице. С введением обязательного начального школьного обучения число девочек-учащихся за 10 лет выросло более чем в три раза, составив в 1979 г. 1,1 млн против 300 тыс. в 1969 г. За эти же годы число студенток в университетах возросло с 6 тыс. до более 28 тыс., что равнялось почти половине всех студентов университетов в 1979 г. Такие же изменения в

составе учащихся происходили и в технических вузах, включая сельскохозяйственные и коммерческие. В результате женщины Ирака смогли овладеть самыми различными профессиями. Много среди них появилось высококвалифицированных рабочих. В целом доля женщин возросла в 1977 г. до 17, 5% рабочей силы Ирака (в 1957 г. – всего 3,2%). С 1977 г. женщины получили разрешение служить в армии и полиции. В начале 80-х годов они составляли значительную часть Народной армии.

Существенные успехи были достигнуты в области здравоохранения. Бесплатная медицинская помощь позволила вести последовательное наступление на такие ранее считавшиеся ранее неизлечимыми болезни, как оспа, холера, туберкулез, уносившие ежегодно тысячи жизней.

Эти изменения в области просвещения и здравоохранения происходили и в Курдистане. По официальным данным, с 1966 по 1981 гг. число школ увеличилось с 1290 до 4791. В 1966 г. один врач приходился здесь на 10978 человек, а в 1980 г. – на 3844 человека. Число больниц увеличилось за 1971–1980 гг. с 36 до 52, составив 26% всех больниц в стране. Эти изменения были частью той политики, которую проводило иракское руководство в социальной области в стране в целом.

Изменения в экономическом положении Курдистана вызывали сдвиги в социальной структуре курдского общества. Аграрные преобразования, подорвав позиции феодальных кругов, ускорили развитие сельской буржуазии. Становление капиталистического уклада в деревне сопровождалось разорением крестьян, которые уходили в города, пополняя ряды наемных рабочих. Особенно быстро росла численность рабочих в городах Южного Курдистана при одновременном сохранении здесь большого числа ремесленников. За 1961–1979 гг. число рабочих увеличилось вдвое: с 22015 до 45333 без занятых в нефтедобывающей отрасли. За те же годы доля рабочих в Курдистане по отношению к общему числу рабочих в стране уменьшилась с 17% до 16%.

Происходили в Курдистане изменения также и в области просвещения и здравоохранения. По официальным данным, с 1966 по 1981 гг. число школ увеличилось с 1290 до 4791. В 1966 г. один врач

приходился здесь на 10978 человек, а в 1980 г. – на 3844 человека. Число больниц увеличилось за 1971–1980 гг. с 36 до 52, составив 16% всех больниц в стране. Эти изменения были частью той политики, которую проводило иракское руководство в социальной области в стране в целом.

Экономическое развитие Ирака во второй половине 70-х годов повлекло объективно обусловленные изменения в социальной структуре иракского общества, привело к активизации, по оценке иракских коммунистов, «переходных процессов как внутри классов и социальных прослоек, так и между ними».

Наметился рост рабочего класса. По данным ИКП, на начало 80-х годов доля рабочего класса в общем числе занятых составляла около трети, крестьянство являлось второй по величине и значению производительной силой.

Происходил быстрый рост средней и крупной буржуазии на основе мелкой, как в городе, так и в деревне. В городе ее рост был связан с появлением многочисленных мелких предприятий в торговле, в сфере услуг, в строительстве, в отраслях легкой промышленности. В деревне быстрый рост кулацких хозяйств и сельской буржуазии был результатом ускорения социального размежевания крестьянства под воздействием проводившихся аграрных преобразований.

Сдвиги в социальной структуре иракского общества явились также следствием политики, проводившейся в стране в отношении частного сектора.

Индустриализация на основе госсектора при одновременном поощрении частного предпринимательства породила новые слои буржуазии. Этому в значительной степени содействовал принятый в конце 70-х годов партийным и государственным руководством Ирака курс на активизацию частнокапиталистической деятельности в стране под контролем государства во всех основных сферах экономики.

Естественным следствием курса государства на поддержку частного сектора явился численный рост крупной буржуазии и укрепление ее связей с государственной бюрократией, управленческой элитой, ускоренное формирование которой происходило в результа-

те непрерывно расширявшихся масштабов государственного строительства, разрастания госсектора.

Обогащение верхушки партии Баас, высшего офицерства и чиновничества подготовило почву для смыкания интересов этих групп с представителями национального капитала, для превращения буржуазных группировок в относительно целостную в социальном отношении прослойку. По мере укрепления этих слоев менялась и социальная природа партии Баас, – точнее ее руководящих кругов, что непосредственно сказалось на содержании внутренней и внешней политики страны.

Вместе с тем, оценивая результаты «большого скачка», IX съезд определил как нереальные заданные VIII съездом темпы развития и ориентировал партию и страну на более длительные сроки претворения в жизнь выработанной партией Баас стратегии развития Ирака. В числе главных нерешенных проблем оставалась сохранявшаяся зависимость экономики от нефтяного сектора. Об относительности успехов индустриализации свидетельствовал тот факт, что во второй половине 70-х годов около 30% предназначенных для промышленности капиталовложений не было реализовано. Сказывались большие трудности в освоении современной техники и технологии, нехватка квалифицированных кадров. Сохранялся глубокий разрыв в уровнях экономического развития отдельных районов страны. Недостатки в системе планирования и управления обусловливали хроническую недогрузку мощностей предприятий госсектора, высокую себестоимость и низкую конкурентоспособность производимой ими продукции.

Большое место в отчетном докладе IX съезду было отведено частному сектору. Отметив отсутствие четкого разграничения сфер деятельности государственного и частного секторов в экономике, съезд подверг деятельность частника резкой критике за сосредоточение его активности в сферах торговли, строительства, подрядных операций и услуг, где предприниматели, манипулируя ценами, создавая искусственный дефицит товаров, озабочены лишь получением высоких прибылей. Но при этом частное предпринимательство практически не проявляло интереса к промышленности и сельскому хозяйству, т.е. к тем отраслям, которые требуют больших затрат и

где отдача не столь быстра. В этой связи съезд дал высокую оценку тем частным компаниям, которые развернули свою деятельность в сфере производства и сбыта, где они показали себя более эффективными, чем государственные организации. Частное предпринимательство было охарактеризовано IX съездом как «предпосылка ... социалистического строительства не на каком-то определенном этапе, а на весь исторический период». Решения IX съезда в значительной мере развязали частнопредпринимательскую инициативу, хотя в отдельных отраслях экономики она и ранее получала поддержку государства.

Анализируя положение в сельском хозяйстве, IX съезд подчеркнул качественные изменения, происшедшие в этой важнейшей отрасли хозяйства Ирака. Основой этих перемен, отметил съезд, явилось качественное изменение характера землевладения и землепользования, в результате чего ликвидированы основы феодализма в иракской деревне. Резко сократилась доля мелких хозяйств, имевших наделы до 10 дунамов. Таковых было 2,8% от общего числа хозяйств. Главное место заняли средние хозяйства (10–20 дунамов) – 60,47%. Но при этом сохранялись и очень крупные земельные владения (120–300 дунамов), составлявшие 16,9%. Были хозяйства площадью более 300 дунамов земли, они находились в основном в зоне богарного земледелия. Большие ассигнования, выделенные государством на развитие сельского хозяйства, позволили осуществить многие гидротехнические работы, проложить каналы, вернуть в производство засоленные земли. В 1975–1981 гг. расходы на сельское хозяйство составили 2029,6 млн и.д. (в 1968–1974 гг. – 239,3 млн и.д.). Однако, несмотря на то, что в экономической политике партии Баас во второй половине 70-х годов сельскому хозяйству отводилось определяющее место, линия партии в этом вопросе не была выдержана. Сельское хозяйство, как отмечал IX съезд, не достигло намеченного уровня ни в освоении земель, ни в повышении продуктивности. Одной из причин такого положения явился быстрый отток из деревни разорившихся крестьян, уходивших в промышленность и на стройки. Приведенные на съезде данные свидетельствовали о сокращении числа занятых в сельском хозяйстве с 1970 г. по 1980 г. на 5% (с 47% до 42%). Одновременно были озву-

чены и другие данные: с 1973 г. по 1977 г. численность занятых в сельском хозяйстве упала с 52 до 30%. Нехватку рабочих рук в деревне иракское руководство покрывало за счет привлечения иностранной рабочей силы, главным образом – египтян.

В целом план 1976–1980 гг. внес значительный вклад в развитие производительных сил Ирака, в диверсификацию структуры его экономики, в повышение жизненного уровня населения. Результатом этих перемен было формирование объективных условий для ускоренного развития капитализма. Сдерживался этот процесс незавершенностью и недостаточной глубиной социально-экономических преобразований.

Процессу модернизации иракской экономики во многом содействовала в 70-е гг. внешнеполитическая деятельность иракского руководства, направленная на расширение торгово-экономических связей с развитыми капиталистическими странами. Эта сфера политики иракских властей после революции 1958 г. не отличалась стабильностью: подъем и нормализация уровня этих отношений сменялись разким падением или их полным прерыванием. Исключением были арабские страны: их эти изменения не касались. Еще в 1961 г. арабский капитал был приравнен к частному иракскому капиталу, таким оставался его статус и в дальнейшем.

Наибольшую роль в развитии госсектора Ирака после революции сыграли его внешнеэкономические связи с Японией, Англией, США, ФРГ, Францией[14]. Расширение программ развития, по сути, только начиналось, когда в 1982–83 гг. стало ощущаться негативное влияние войны с Ираном.

В 1978 г. на долю Франции, Италии, ряда других западноевропейских стран, а также Японии приходилось 86% всего внешнеторгового оборота Ирака, а доля их участия в проектах развития национальной экономики достигла 91%. В 1979 г. общая стоимость контрактов с фирмами капиталистических государств составила 6 млрд долл. Среди ближневосточных стран Ирак занимал второе после Саудовской Аравии место по общему объему торгово-экономического сотрудничества с названными странами. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений между Ираком и США (прерванных в 1967 и восстановленных в 1984 г.), их торговый об-

ней развивался и составил в 1976 г. 500 млн долл., а в 1979 г. превысил 1 млрд долл.

В 1973–1978 гг. абсолютные показатели товарооборота Ирака с СССР и другими социалистическими странами удвоились, однако доля Советского Союза в общем товарообороте страны уменьшилась наполовину и составила в 1979 г. в экспорте 13%, а в импорте – 10%.

Поворот иракских властей от Советского Союза в сторону Японии и Запада отчасти был связан с их стремлением ускорить осуществление программы развития на качественно новом техническом уровне, который, по оценке руководства Ирака, не могли предоставить социалистические страны. Вместе с тем экономическое и техническое сотрудничество Ирака с СССР в этот период было эффективным и полезным для обеих сторон. При содействии СССР в Ираке осуществлялась широкая программа создания многоотраслевой промышленности, развития сельского хозяйства и транспорта. СССР участвовал в строительстве около 100 экономических объектов в таких важных отраслях народного хозяйства, как добыча и транспортировка нефти, энергетика, водное хозяйство. Советский Союз осуществлял один из важнейших проектов середины 70-х гг. – прокладку нефтепровода Басра–Багдад.

Большое внимание иракские лидеры уделяли в эти годы модернизации своих вооруженных сил и диверсификации источников вооружения. Первый важный заказ на поставку западного вооружения относится к сентябрю 1976 г., когда Франция согласилась поставить Ираку от 60 до 80 Миражей F1s, а затем в 1977 г. последовал заказ на 200 AMX 30 танков. В Бразилии был размещен заказ на поставку 200 бронированных машин, в Италии – на морские суда. Однако Советский Союз оставался главным поставщиком Ираку танков, артиллерии и военных самолетов. Запад не был готов заменить полностью иракскую военную систему до того времени, «пока сам Ирак не будет поставлен под его полный контроль»[15].

Успехи, достигнутые Ираком, как во внутренней, так и во внешней политике, существенно повысили авторитет партии Баас среди народных масс, укрепили баасистский режим. Провозглашенный в 1974 г. VIII съездом курс на «расширение сферы ответственности Баас в руководстве государством и обществом», на строительство

«сильной централизованной национальной власти» нашел свое практическое воплощение в ускорении баасизациии всей общественной жизни и становлении однопартийной диктатуры, что непосредственным образом сказалось на взаимоотношениях партии Баас с другими политическими силами страны.

8.2. Взаимоотношения Баас и компартии. Судьба ПНПФ. Приход к власти Саддама Хусейна

Во второй половине 70-х годов происходило дальнейшее укрепление позиций партии Баас в Ираке. Оно осуществлялось как по линии «баасизации» всей системы государственной власти, так и путем фактического отказа от партнерства с другими политическими силами.

Первостепенное внимание правящие круги Ирака уделяли «баасизации» армии. Вызывалась эта необходимость тем, что реальная власть в стране принадлежала гражданской фракции Баас, которая стремилась поставить армию под свой безраздельный контроль. Это достигалось как путем непрерывных чисток офицерского корпуса, недопущением в армию «коммунистических идей», а также наделением руководителей Баас высшими военными полномочиями и включением в руководящее звено партии военных, как правило, ближайших родственников президента, пользовавшихся его личным доверием.

В Ираке партия Баас являлась главной опорой режима, поэтому укреплению ее рядов, защите Баас от «подрывного воздействия» постоянно уделялось самое пристальное внимание. Беспощадно подавлялось всякое инакомыслие.

Баас в Ираке являлась не столько политической, сколько военно-политической организацией, опиравшейся на сеть глубоко законспирированных ячеек со своим вооружением, средствами транспорта, техническими службами. Они и формировали «народную армию», в обязанности которой входило обеспечение военной безопасности, а также сбор информации о настроениях и политических симпатиях населения, о деятельности других политических сил, в

первую очередь коммунистов. Эти сведения поступали в Генеральный департамент разведки и Специальный отдел безопасности Регионального руководства Баас.

Сфере безопасности Баас уделяла всегда очень большое внимание. Служба безопасности этой партии формировалась в годы «холодной войны». Идеологическую и материальную поддержку баасисты получали от ООН, Советского Союза, ГДР. В 1964–1966 гг. существовавшее секретное агентство сложилось в специальное подразделение иракского отделения партии Баас и называлось «аль-Джихаз аль-хасс» со своим аппаратом. Его кодовое название было «Джихаз Ханин», или «инструмент жажды»[16]. В середине 70-х годов в Ираке быстро осуществлялась «баасизация» основных сфер общественно-политической жизни, в которых сотрудничали коммунисты и баасисты. Под полный контроль партии Баас перешли госаппарат и карательные органы государственной власти. С 1968 г. коммунисты не имели доступа в министерство обороны, внутренних и иностранных дел, высшего и среднего образования, в средства массовой информации, вооруженные силы, рабочие профсоюзы, кооперативные крестьянские ассоциации, другие массовые общественные организации. В стране действовало законодательство, предусматривавшее суровое (вплоть до смертной казни) наказание за нарушение политических принципов «баасизации"[17].

Обеспечив к середине 70-х годов поддержку своей внутри- и внешнеполитической деятельности со стороны широких масс населения, укрепив позиции партийного руководства, Баас все меньше нуждалась в сотрудничестве с другими политическими партиями и прежде всего со своим главным «партнером» в ПНПФ -- Коммунистической партией Ирака.

Первые признаки осложнения отношений между участниками ПНПФ, между Баас и компартией возникли в связи с усилившимися ограничениями деятельности компартии. Так, еще в конце 1974 г. был принят закон, запрещавший любую небаасистскую политическую деятельность в армии.Сотрудничество с коммунистами, на которое пошла партия Баас, определялось прежде всего тактическими соображениями: на первом этапе деятельности ПНПФ партия Баас старалась использовать влияние ИКП в стране и особенно в Курди-

стане для укрепления своих позиций и для подавления развернувшейся здесь вооруженной борьбы курдов во главе с Мустафой Барзани, не признавших баасистского варианта объявленной 11 марта 1974 г. автономии курдских районов.

Война на севере поставила ИКП в весьма сложное положение: она вынуждена была поддерживать режим Баас, но при этом не могла принять тех методов «решения» курдского вопроса, которые применили баасисты в Курдистане в 1974–1975 гг.

Возникшая ситуация существенно подрывала традиционно прочные позиции коммунистов в Курдистане, сложившиеся еще со времен второй мировой войны. На всех этапах истории ИКП курды занимали важное место в ее руководстве. Курдом являлся первый секретарь компартии Азиз Мухаммед.

Баасисты, учитывая эти моменты, старались максимально использовать в своих интересах политические возможности ИКП в Курдистане, а заодно подорвать позиции коммунистов среди курдов и подготовить почву для создания здесь пробаасистских курдских организаций.

В 1975 г. курдское восстание было подавлено, и это сразу сказалось на характере отношений баасистов и коммунистов в рамках ПНПФ. Однако вплоть до 1977 г., когда положение в Курдистане окончательно стабилизировалось, курдский фактор продолжал «подогревать» интерес партии Баас к ПНПФ.

Сломив с невольной помощью ИКП сопротивление одного из своих главных конкурентов – ДПК, партия Баас получила свободу рук в решении второй задачи – полного подчинения коммунистов. Задача эта во многом облегчалась значительным ослаблением позиций ИКП за счет роспуска массовых общественных организаций ИКП в 1975 г. Как уже отмечалось, на протяжении всех лет сотрудничества Баас и ИКП в ПНПФ не прекращались антикоммунистические акции, в том числе подрыв низовых организаций компартии. За 1974–1975 гг. «суды революции» приговорили к смертной казни 18 коммунистов и сторонников ИКП, в том числе двух отставных военнослужащих. Они были обвинены в установлении связей с военными в целях создания организации ИКП в войсках и пропаганды

коммунистических идей», а также в участии в курдском движении[18].

С 1976 г. антикоммунистические тенденции в Ираке получили более широкое распространение. Так, в 8-м номере за 1976 г. авторитетного журнала «Афак арабийя» было опубликовано интервью основателя партии Баас Мишеля Афляка[19], в котором он в обычной для себя манере обрушился на научный социализм, провозглашая национализм и ислам двигателями арабской революции и призывая к борьбе против коммунистической идеологии и, в частности, против Иракской компартии как основного идеологического соперника баасизма в регионе.

После решительного протеста коммунистов этот номер журнала был изъят из продажи.

Не содействовал делу укрепления отношений между ИКП и Баас организованный 8 февраля 1976 г., в годовщину баасистского переворота 1963 г. парад, в котором приняла участие 30–тысячная «народная армия», являвшаяся прямой наследницей национальной гвардии, развязавшей тогда резню коммунистов.

Особую важность в тех условиях приобретала задача укрепления доверия между коммунистами и баасистами. На состоявшемся в январе 1977 г. очередном заседании секретариата ПНПФ был сделан особый упор на необходимости серьезной работы по укреплению взаимного доверия входящих в его состав партий. По мнению иракских коммунистов, этому могли во многом содействовать демократизация общественной жизни, завершение переходного периода, отмена чрезвычайного положения, принятие постоянной конституции и создание конституционных органов и учреждений – законодательных и исполнительных, в том числе и выборные народные советы во всех административных единицах, а также проведение и других мер, направленных на обеспечение более широкого участия народных масс в борьбе за осуществление прогрессивных преобразований.

Однако баасисты были заняты в первую очередь укреплением своих позиций в государстве и обществе, и ПНПФ они использовали для ослабления коммунистов и для устранения их в дальнейшем с политической арены как самостоятельной политической силы.

Репрессии против коммунистов усилились в 1976–1977 г. В направленном А. Мухаммедом руководству партии Баас письме указывалось, что только в апреле 1977 г. один из трибуналов утвердил приговоры, в том числе два смертных, по делам 30 коммунистов и сочувствующих партии. Всего же весной и летом 1977 г. органами безопасности Басры и Среднего Евфрата было арестовано 73 члена ИКП. Волна арестов распространилась и на другие провинции[20].

Развязанная антикоммунистическая кампания имела целью представить компартию как силу, выступающую против курса правящей Баас и Хартии ПНПФ, а, следовательно, несущую всю полноту ответственности за развал Фронта.

Поставив задачу полной ликвидации ИКП, органы власти наносили удары прежде всего по среднему и руководящему звену ИКП. Весной 1979 г. число арестованных по политическим мотивам (большинство их составляли коммунисты) равнялось 10 тыс. «Законность» и «правомерность» развязанных против коммунистов репрессий обосновывалась широко развернутой в то время в иракской печати кампании обвинения ИКП в «антипатриотическом» и «антинациональном» характере ее деятельности на протяжении всей истории партии.

Развязав преследование коммунистов, партия Баас сделала невозможным дальнейшее пребывание представителей ИКП в составе ПНПФ. В апреле 1979 г. из правительства вышли министры-коммунисты. Состоявшийся в апреле 1979 г. пленум ЦК ИКП констатировал, что в знак протеста против грубого нарушения партией Баас Хартии и Устава ПНПФ представители ИКП перестали участвовать в работе Фронта. В принятых пленумом документах говорилось: «... все нынешние и будущие заявления, сделанные от имени Прогрессивного национально-патриотического Фронта, отражают только позицию Партии арабского социалистического возрождения Ирака».

Апрельское заявление ЦК ИКП фактически означало выход компартии из ПНПФ, а в более широком смысле – и распад Фронта. Хотя формально с уходом коммунистов фронт продолжал свое существование (в его составе остались, помимо Баас, курдские проправительственные группировки и так называемые «независимые

демократы»), на деле он утратил всякое реальное значение как арена взаимодействия и сотрудничества самостоятельных революционных партий, окончательно превратившись в верхушечную организацию.

Распад ПНПФ в Ираке был вызван комплексом причин, среди которых главное место принадлежит особенностям социально-экономического развития страны в 70-е годы, приведшим к быстрой социально-классовой дифференциации иракского общества. Бурное экономическое развитие под воздействием «нефтяного фактора» вызвало ускорение расслоения в среде крестьянства, быстрый рост кулачества и сельской буржуазии. В госсекторе появились прослойки технократов и паразитической необуржуазии, действовавшие в первую очередь в сфере подрядов, посреднических операциях между госсектором, частником и иностранными фирмами. В результате срашивания партийно-государственной баасистской элиты с необуржуазией изменилась и социальная природа правящего режима, что нашло отражение в эволюции идейно-политических взглядов руководства партии Баас и непосредственно отразилось на характере внутренней и внешней политики иракского руководства.

Не последнюю роль в судьбе ПНПФ Ирака сыграло также неединство теоретических и идеологических принципов, которыми руководствовались компартия и партия Баас, коренные различия в их подходе к определению сущности и путей разрешения самых важных проблем развития Ирака на этапе национально-демократической революции.

Уже в конце 70-х годов в Ираке стал складываться авторитарный диктаторский режим. Тенденции авторитаризма у революционной демократии закладываются во многом масштабом тех стратегических целей, которые они ставят перед собой, усугубляемые в дальнейшем политической практикой, применяемой в ходе их реализации.

Преодолеть экономическую отсталость, социально-политическую и культурную неразвитость, обеспечить построение «социализма» можно лишь на основе вовлечения в эту грандиозную по своей значимости работу широких народных масс, разнородных по своей социальной принадлежности. Решение задачи их сплочения уже само по себе порождает тенденцию к складыванию авторитарного ре-

жима. Как отмечает в своей работе «"Третий мир"»: общество, власть, армия» Г.И. Мирский, «общество, не имеющее ярко выраженного класса гегемона, общество с незавершенным процессом классовой дифференциации, отличающееся многоукладностью, преобладанием мелких производителей, мало или совсем не включенных в систему капиталистического производства, – такое общество является благоприятной питательной средой для мощной государственной власти».

Мелкой буржуазии всегда свойственно стремление к установлению режима сильной власти, вплоть до диктаторского, хотя сам режим может носить при этом революционный характер.

Ираку, как и любой стране Востока, присуща традиция сильного государства, потребность в котором диктуется также конкретными, объективно существующими в этой стране условиями – ее крайне пестрым и сложным по своей структуре социумом при фактическом отсутствии демократических традиций в управлении таким гетерогенным сообществом. Отстранив от участия в делах государственного управления партии демократической направленности, пользовавшиеся авторитетом и поддержкой довольно широких слоев иракского населения и его общественных организаций, власти проводили социально-экономические преобразования «сверху», без привлечения к решению этих задач политических сил, представлявших интересы широких народных масс. В итоге резко возросла роль государственно-административного аппарата, сопроводжавшаяся его быстрым и непомерным разбуханием. Государственная бюрократия являлась основой и опорой формировавшегося в Ираке авторитарного режима.

Монополизация власти влекла за собой обострение борьбы и внутри самой баасистской партии во второй половине 70-х годов. Разнородная социальная опора Баас находила свое отражение в наличии группировок внутри партии, в борьбе между ними на различных этапах деятельности Баас. С 1963 г. в партии Баас противоборство разгорелось между ее военным и гражданским крылом. Победу одержали гражданские во главе с Саддамом Хусейном, хотя решающую роль в этой победе сыграл генерал Ахмед Хасан аль-Бакр, возглавивший ту часть партии, которая стремилась критически оце-

шить свой предшествующий опыт, особенно время нахождения у власти в 1963 г., и выработать реалистическую программу своей деятельности на последующий исторический период. После прихода к власти в 1968 г. А.Х. Бакр стал президентом страны и Генеральным секретарем партии Баас, однако «человеком № 1» в партии был родственник Бакра, ставший вице-президентом, заместителем генсека партии, а также председателем партийного бюро по национальной безопасности и главой военной разведки, Саддам Хусейн, поставивший фактически под свой контроль руководство Баас.

Утвердившийся в 1968 г. баасистский режим, пройдя в последующие три десятилетия очень сложный и неоднозначный по своему содержанию путь, наполненный многими позитивами, на смену которым приходили тяжелейшие потрясения, обнаружил, тем не менее, удивительную устойчивость. Обеспечивалась она действием различных факторов, в том числе и спецификой клановой структуры арабской суннитской общины, ее влиянием на баланс сил в политической элите Ирака[21].

Иракские баасистские идеологи с момента основания партии Баас полагали, что определяющим фактором стабильности власти в Ираке являлось обеспечение доминирования в структуре военно-политического управления государством суннитского конфессионального меньшинства. При этом они были твердо убеждены в том, что приход к власти иракских шиитов несет в себе не только опасность негативного влияния на мозаику иракского общества, но и необратимые геополитические изменения и миграционные процессы в регионе в целом, чреватые нарушением баланса сил в пользу Ирана.

Придя к власти, Саддам Хусейн отчетливо понимал неотделимость вопросов собственного выживания, безопасности и поддержания стабильности в стране в целом от проблем расстановки сил в племенном сообществе, а также внутри его собственного тикритского клана. Родоплеменной баланс при этом всегда находил отражение во всех органах власти, в связи с чем С.Хусейн вынужден был постоянно вести сложную игру, добиваясь в балансировании различных сил перевеса в свою пользу.

Несмотря на «болезненность» для стабильности режима внутриклановых манипуляций и жесткое использование репрессивных мер

воздействия на сородичей, – неизменным оставался факт сохранения представительства конкретных кланов в структурах власти и окружении самого президента страны. В большинстве случаев С. Хусейн ограничивался количественной корректировкой «квот» того или иного нетикритского рода или изменением его положения в иерархической структуре власти. К тикритским родам был более жесткий подход.

Подобная методика взаимодействия С. Хусейна с родоплеменным фактором связана с ограниченным числом суннитских племен, в том числе в рамках самого тикритского клана, на поддержку которых могла рассчитывать правящая элита в своем противостоянии притязаниям на власть шиитского конфессионального большинства.

Постоянной величиной властной структуры при Саддаме Хусейне являлась закрепленная за представителями клана Тикрити «гарантированность» лидирующих постов в силовых ведомствах и финансовых институтах. Бывали и исключения. Среди них вице-президент Таха Ясин Рамадан (курд), вице-премьер Тарик Азиз (христианин-униат), министр иностранных дел страны Мухаммед Саххаф (мусульманин-шиит), которых С. Хусейн ценил как за высокие профессиональные качества, так и за многолетнюю безграничную личную преданность[22].

После вторичного прихода к власти партии Баас борьба в ее рядах не прекращалась. С.Хусейн продолжал укреплять свои позиции. В 1976 г. ему, гражданскому лицу, было присвоено генеральское звание. В 1977 г. соотношение сил в руководстве Баас изменилось в пользу С.Хусейна. По его настоянию была проведена реорганизация Совета революционного командования, число членов которого было увеличено с 5 до 15, а затем доведено до 22 главным образом за счет его сторонников и родственников.

Установив контроль над государственным аппаратом, армией, органами безопасности, милиции и партии, С.Хусейн и его окружение обеспечили себе прочные позиции в стране. 17 июля 1979 г. А.Х. Бакр «добровольно» отказался от занимаемых постов «по болезни» и был посажен под домашний арест. Власть сосредоточилась в руках единоличного лидера С. Хусейна, который стал Генеральным секретарем регионального руководства Баас, председателем

президентом республики, премьер-министром (позже пост премьера был упразднен), главнокомандующим вооруженными силами страны, а также главой практически всех общественных организаций.

В течение двух последующих недель были казнены около 500 занимавших высокие посты баасистов[23].

В 1979–1980 гг. в Ираке произошли выступления политических сил против усиления диктатуры С.Хусейна, среди которых было много баасистов. Правительство развернуло репрессии в отношении этих сил. В начале августа 1980 г. был раскрыт «план государственного переворота» и 67 политических деятелей – членов партии Баас были брошены в тюрьму. Специальный суд приговорил 21 человека, в том числе заместителя премьер-министра Аднана Хусейна, к смертной казни, а 33 к тюремному заключению.

С 1979 г. в Ираке стал складываться культ личности С.Хусейна, который сам оценивал себя как «символ всех иракцев». Упрочив свои позиции в стране, С. Хусейн активизировал и свою внешнеполитическую деятельность.

В 70-е годы значительно возросла роль Иракской Республики в международных делах. Она принимала активное участие в Движении неприсоединения. В 1979 г., во время работы 6-й конференции Движения в Гаване, Ирак был избран местом следующей встречи участников Движения неприсоединения. Кэмп-дэвидская сделка и подписание в 1979 г. мирного договора Египта с Израилем качественно изменили ситуацию на Ближнем Востоке. В конце 70-х годов иракское руководство все отчетливее стало обнаруживать свое стремление к лидерству в регионе и в арабском мире в целом.

В феврале 1980 г. С. Хусейн выдвинул Национальную хартию, в которой изложил основные принципы отношений с арабскими странами, провозгласив ее целью достижение «единства арабской нации». В этом документе достаточно ясно проступало стремление Ирака к превращению в региональную державу. Способствовать тому, по представлению иракского лидера, могла изменившаяся ситуация в регионе после победы в 1979 г. антишахской, антиимпериалистической революции в Иране.

В 1979–1980 гг. происходило обострение традиционно напряженных отношений двух соседних стран – Ирана и Ирака, приведшее в итоге к вооруженному конфликту между ними[24].

Одновременно партия Баас старалась придать демократический облик режиму. В декабре 1979 г. был опубликован законопроект о создании Национального совета – органа с консультативными полномочиями и правом законодательной инициативы, а также Законодательного совета Курдского автономного района. Выборы в Национальный совет страны состоялись в июне 1980 г. На 250 мест было выдвинуто 640 кандидатов из числа представителей Баас и партий, оставшихся в ПНПФ. Выдвигать кандидатуры коммунистов и представителей других оппозиционных партий было запрещено[25].

В сентябре 1980 г. прошли первые выборы в Законодательный совет КАР, кандидаты в который были выдвинуты от курдских политических партий, сотрудничавших с Баас.

Руководство Ирака стремилось экономическими и политическими мерами поставить курдские районы под свой безраздельный контроль. Однако, полностью решить эту задачу ему не удалось. Созданный Курдский автономный район включил в себя менее половины территории, населенной курдами, В него не вошли исконно курдские районы Джебель Синджар, территория между Акрой и Мосулом, Киркук и зона вдоль иранской границы. Границы провинций Киркук (переименованной в Тамим) и Салах эд-Дин (новой провинции, созданной на основе Тикрита), были проведены таким образом, чтобы подтвердить их «арабский характер». Такая политика властей наряду с огромными экономическими трудностями, последовавшими в 1975 г., создавали основу для сохранения напряженности в Курдистане.

С начала 1977 г. действия курдских отрядов против властей возобновились, что вынуждало правительство держать на севере значительные воинские силы. Им удавалось более или менее контролировать ситуацию, пока на основе Алжирских соглашений была закрыта граница с Ираном. Однако после революции в Иране в феврале 1979 г. эти соглашения прекратили свое действие. Курды вновь образовали свои базы на иранской территории. Обеспокоенное таким развитием событий иракское руководство пошло на развитие

отношений с Турцией. Во время состоявшегося в апреле 1979 г. визита в Багдад главы военного ведомства Турции генерала Эврена была достигнута договоренность о координации политики обеих стран в курдском вопросе.

8.3. Шиитская оппозиция в Ираке

В политической жизни Ирака религиозный фактор всегда играл заметную роль. А поскольку, основная масса населения страны принадлежит к шиитскому направлению ислама, именно шиитский вопрос был и остается одной из наиболее острых внутриполитических проблем Ирака, хотя после оккупации Ирака в 2003 г. проблема эта претерпела существенные изменения.

Шииты, представлявшие самую отсталую в политическом, экономическом и культурном отношении часть населения, всегда являлись базой оппозиционных настроений.

Проводившиеся в Ираке в 70-е годы социально-экономические преобразования имели своим следствием ускорение имущественного расслоения, социальной дифференции, что вело к обострению противоречий между различными социальными группами страны. Поскольку особо быстрыми темпами шло обогащение партийно-государственной баасистской верхушки, принадлежавшей практически полностью к суннитскому направлению ислама, то столкновение противоречивых социальных, экономических и политических интересов различных групп населения приобрело характер религиозно-общинного суннитско-шиитского противостояния. Шиизм для большей части иракского арабского населения является не столько мировоззренческой системой, сколько консолидирующей силой, включающей подавляющую часть иракского арабского элемента в нацию. Несомненно, внутри шиитской общины существует далеко зашедшее социальное неравенство, однако вероисповедное единство, маскируя классовые противоречия внутри общины, позволяет абсолютизировать известное совпадение интересов единоверцев как социальной группы перед лицом традиционно господствовавшей суннитской общины.

Местами расселения шиитов являются Кербела, Неджеф, Багдад. Их основным занятием в городах были торговля, ремесло, а также религиозная деятельность. Но подавляющую часть шиитского населения составляют жители южных сельских районов Ирака, преимущественно крестьянская беднота, находившаяся в полной зависимости от своих племенных вождей, богатых шиитов, владевших практически всеми обрабатываеми землями. В поисках спасения крестьяне-бедняки уходили в города. Предместья иракских городов быстро обрастали страшными трущобами, заселенными шиитской беднотой, пополнившей такую же социальную группу суннитов[26].

Шииты всегда соблюдали дистанцию между собой и центральными властями (будь то османы, англичане или арабы). Отчасти это объясняется представлением шиитов о том, что служба в светском государстве является для них чем-то «неподобающим». По тем же мотивам немногие шииты в период мандата и монархии становились армейскими офицерами, и лишь некоторые из них дослуживались до высокого ранга. Но постепенно эти мотивы отступали по мере расширения светского образования, хотя до революции незначительное число шиитов занимало посты в государственной службе и в правительстве. Значительно большее представительство они имели в парламенте. Вместе с тем, поскольку более половины населения – шииты, соответственно они всегда составляли большую часть рядовых солдат[27]. Проводившиеся в Ираке после революции 1958 г. аграрные преобразования, ускорив расслоение крестьянства и рост крестьянской бедноты, вынудили многих из них покидать деревни, мигрировать в крупные города, в первую очередь в Багдад, в поисках работы, где они продолжают образовывать наименее обеспеченную часть городского населения.

Среди этой части шиитов особый отклик находили идеи коммунистов, выступавших за экономический прогресс Ирака, ликвидацию эксплуатации и нищеты, за широкую демократизацию общественной жизни. Компартия имела прочную опору среди трудящихся – шиитов.

Возраставшее влияние коммунистов, утверждение светского характера государства, все более широкое распространение образования на фоне дальнейшего ухудшения экономического положения в

Ирака затрагивали все слои шиитской общины. Как и во всей стране, здесь шло имущественное и социальное расслоение, шииты втягивались в политическую борьбу. Заручиться их поддержкой стремились политические партии, возникавшие в стране с 40-х годов[28].

Эти изменения непосредственно затрагивали также шиитское духовенство. Известные шиитские муджтахиды проявляли большую озабоченность падением интереса молодежи к религиозной деятельности, сокращением пожертвований верующих на содержание святых мест и оплату духовенства. Но особую их тревогу вызывал быстрый рост «атеистического коммунизма», втягивавшего в сферу своего влияния все большее число членов шиитской общины[29], на что еще в 1953 г. обратил внимание ведущий богослов аятолла Кашиф аль-Гита.

Осенью 1958 г. некоторые из ведущих улемов Неджефа образовали Ассоциацию улемов Неджефа, члены которой составили в дальнейшем ядро организации «Ад-Даава аль-исламийя» («Исламский призыв» или просто «Призыв» – ад-Даава), возникшей в 1968 г. Ассоциация провозгласила своей целью повышение самосознания общины и борьбу с атеизмом, который тогда был синонимом коммунизма и марксизма, поскольку баасизм еще не был особенно влиятельным и не находил отклика у шиитов[30]. Ассоциация была тайным обществом, а поэтому точных данных о ее возникновении и членстве нет. Известно, что важную роль в ее деятельности играл Мухаммед Бакр ас-Садр, которому было тогда 30 лет, но он уже был автором многих публикаций, в которых заявил о себе как о выдающемся теоретике. В 1959 и 1961гг. он издал работы «Наша философия» и «Наша экономика». Вторая книга, содержащая более 700 страниц, стала особо популярной и выдержала несколько изданий главным образом из-за того, что в ней содержится идеологическое обоснование исламского экономического порядка.

В 1964 г. Мухсин аль-Хаким (Ат-Табатабаи) и Абуль Касем аль-Хоуи, носившие высокое духовное звание «марджаа ат-таклид"[31] присоединились к находившемуся в изгнании в Неджефе иранскому аятолле, ярому противнику светской монархии Пехлеви, Рухолла Хомейни. В 1960 г. Мухсин аль-Хаким издал фетву, запрещающую

членство в Коммунистической партии Ирака, пользовавшейся тогда наибольшим влиянием среди шиитов.

Созданная в 1968 г. партия Призыва – ад-Даава, стремясь к расширению своей деятельности, учредила тайную сеть организаций, в задачу которых входило оказывать содействие в установлении исламского порядка. Основные цели организации нашли отражение в теоретических постулатах ее лидеров.

По мнению теоретиков ад-Даавы, даже в первые века своего основания исламская религия не проводилась в жизнь так, как это должно было быть, и, тем не менее, она была принципом и единственной детерминантой исламского государства. В те времена этого было достаточно для пресечения всяческих злоупотреблений. Однако со времени установления господства империалистических держав над мусульманским миром ислам утратил свою способность быть основой социального порядка, и по существу чуждые принципы, такие как буржуазная демократия и марксистский социализм, заняли место ислама. По мере того как эти идеологические системы оказывали извне свое влияние на развитие мусульманского общества, его вредное воздействие все отчетливее проявлялось в сознании мусульман: многие мусульмане утратили способность воспринимать ислам как всеобъемлющую систему духовной основы своей жизни. В этом шиитские лидеры видели причины тех проблем – экономических, социальных, политических, с которыми сталкивались мусульмане. В такой ситуации, с их точки зрения, каких-либо реформ было явно недостаточно. Различные неисламские варианты социального порядка и их идеологические принципы должны быть заменены принципами ислама. Достижение этой цели есть революционная задача. Важной чертой этих взглядов является то, что они были обращены к мусульманам вообще, а не к шиитам только[32]. Для широкого распространения данной доктрины в секуляризированном Ираке было мало оснований, однако ад-Даава, равно как и другие шиитские организации, вызывали определенное беспокойство партии Баас в начале 70-х годов. Тогда были созданы специальные подразделения службы безопасности, в задачу которых входило следить за потенциальной шиитской оппозицией. Хотя первоначальный импульс появления шиитских организаций в 50-х годах был связан с намерени-

ли создать противовес коммунистам, однако главная причина активизации деятельности ад-Даава и других подобных организаций, как суннитских, так и шиитских, вызывалась их негативным отношением к секуляризму, особенно к возраставшему вмешательству светского государства во все сферы жизни, включая духовную.

Для иракских шиитских лидеров такое вторжение было особенно неприемлемо, поскольку прежде власти предоставляли им возможность самим решать внутренние дела общины. Но с приходом Баас улемы столкнулись с тем, что, во-первых, режим безоговорочно заявил о себе как светском и, следовательно, как оппозиционном религиозному суннизму и шиизму. Во-вторых, он уверенно стал утверждать свое право полностью контролировать все сферы общественной жизни, что являлось серьезной угрозой традиционным позициям и привилегиям, которыми обладали улемы.

В 1969 г. аятолла Мухсин аль-Хаким заявил протест партии Баас в связи, как он выразился, «с деградацией религиозных деятелей» в священных городах, обвинив официальные власти в «отступлении от веры». Первые шиитские оппозиционные группы проявили себя в декабре 1974 г., когда были казнены пять улемов. Эта акция заставила оппозицию затаиться, и в течение более двух лет она не напоминала о себе.

В феврале 1977 г. произошли события, свидетельствовавшие о наличии широкой шиитской оппозиции. В траурные дни ашура, 5 и 6 февраля, когда тысячи паломников собрались у святынь в Кербеле и Неджефе, духовенство возглавило огромные демонстрации для пропаганды своих идей и организации антиправительственных беспорядков. В священные города были введены войска, несколько паломников были убиты во время происшедших столкновений, около 2 тыс. человек арестованы, включая Мухаммеда Бакра аль-Хакима, сына умершего в 1970 г. аятоллы Мухсина аль-Хакима[33]. В конце февраля был учрежден специальный суд под председательством Иззата Мустафы, члена Совета революционного командования, Н. Хасана аль-Джасима, государственного министра и министра по делам Курдистана, и Хасана аль-Амири, министра торговли, для изучения инцидентов в Кербеле и Неджефе и наказания виновных. Аль-Джасим и аль-Амири, оба шииты, были избраны в региональное

руководство партии Баас только в январе 1977 г. В результате проделанной судом работы 8 улемов были казнены и 15 осуждены на пожизненное тюремное заключение. Эти наказания были сочтены властями слишком мягкими, и двое «судей» (Мустафа и Джасим) были смещены со своих постов и исключены из партии.

В последующие месяцы С. Хусейн в ряде своих заявлений отметил, что правительство со всей серьезностью отнеслось к инцидентам в святых городах. В речи, произнесенной в августе того же года, С. Хусейн заявил, что Баас «всегда на стороне веры», но при этом предостерег от использования религии как силы, оппозиционной режиму и его политике. Принимая во внимание влияние, которым пользовались религиозные деятели в стране, Баас не могла прибегать лишь к методам подавления. Надо было менять тактику[34]

Исторически сложилось так, что основателем партии Баас в Ираке в 1952 году стал Фуад ар-Рикаби, шиит, и первыми баасистами были шииты – родственники и друзья Ар-Рикаби. Однако после его выхода из партии в 1959 г. с ним ушли почти все его сторонники.

С утверждением в Баас «тикритцев» в 1968 г. в высшем эшелоне партийного руководства не было ни одного шиита. Положение не менялось вплоть до назначения четырех шиитов в состав Совета революционного командования в сентябре 1977 г.

Шииты вступали в партию Баас после ее прихода к власти в 1968 г., и некоторые со временем добились заметного положения, однако в целом большинство шиитов остались индифферентными к баасизму. Только после того как Баас стала проявлять интерес к шиитской бедноте, особенно крестьянам, многие шииты стали поддерживать Баас, хотя их больше привлекала не ее идеология, а социально-экономическая политика.

Власти предпринимали шаги для укрепления отношений с шиитами, предоставляя им в 70-е годы от 1/5 до 1/3 мест в правительстве. И хотя многие шииты сотрудничали с Баас и являлись членами партии, но за суннитами всегда сохранялось безусловное превосходство, им принадлежали важнейшие посты в администрации и армии[35].

Не просто складывались отношения между руководством Баас и шиитским духовенством, в котором власти усматривали постоянную

группу. Оппозиция тогда ассоциировалась с Мухаммедом Бакром ас-Садром и организацией ад-Даава.

Относительное равновесие обеих сторон сохранялось до высылки из Ирака аятоллы Хомейни в октябре 1978 г. и победы исламской революции в Иране в начале 1979 г. На первых порах исламская революция вызвала подъем среди широких масс мусульман. Такая ситуация подтолкнула лидеров ад-Даава к открытому конфликту с Баас, к организации нападений на местные отделения партии, полицейские посты. Она открыто выступила с выражением своей поддержки Иранской революции. Баас ответила на это тактикой «кнута и пряника».

Была развязана жестокая кампания против ад-Даава и ее лидеров. Многие подозреваемые в принадлежности к этой организации были арестованы. Членство в организации наказывалось смертной казнью. Ас-Садр был увезен в Багдад для допроса весной 1979 г. Когда он отказался публично отречься от своих взглядов, его заключили под домашний арест в Неджефе, запретив ему контакты с внешним миром. После покушения на жизнь министра иностранных дел Тарика Азиза в университете Мустансирийя в начале апреля 1980 г. ас-Садр и его сестра Бинт Худа были вновь привезены в Багдад, где они были казнены 9 апреля[36].

После казни М.Бакра ас-Садра от ад-Даава откололась «Организация исламского действия», осудившая террор как неоправданную трату сил и призвавшая к кропотливой подготовительной работе – военной и политической – среди населения на базе панисламизма.

В ад-Даава произошел раскол. Часть организации осталась на прежних позициях террористической деятельности, поддерживая связи с иракской армией через созданную уже во время войны с Ираном «Революционную армию освобождения Ирака».

Еще в 1978 г. три группы исламской эмиграции создали в Париже «Движение исламского освобождения Ирака».

В начале 1979 г. выпускники школ и колледжей Багдада основали «Организацию муджахидинов» с целью свержения баасистского режима и установления исламского правления. Опыт иранской революции при этом оценивался ими весьма критически и не брался за образец.

В 1980 г. в Тегеране на пресс-конференции был представлен в качестве нового лидера исламской оппозиции в Ираке сын покойного Мухсина аль-Хакима аятолла Сейид Мухаммед Бакр аль-Хаким. С целью сплочения вокруг себя исламской оппозиции он создал организацию «Ассоциация улемов». В целом же шиитская оппозиция в Ираке оставалась разобщенной, между ее организациями не было единства, которому препятствовала и политика правительства. Осуществляя жесточайший террор, преследуя шиитскую оппозицию, иракские власти существенно подрывали возможности ее активной деятельности внутри страны.

Одновременно иракское руководство старалось привлечь шиитов на свою сторону. Только в 1979 г. на религиозные цели была выделена сумма более 24 млнир.дин. Ассигнования делались и в дальнейшем. Они шли главным образом на обновление святынь в городах Кербела и Неджеф. Сам Саддам Хусейн, несмотря на свою суннитскую принадлежность, наносил визиты духовным лидерам шиитов, часто посещал шиитские мечети, выделял из своих личных средств большие суммы на реконструкцию многих святых мест шиитов, чем вызывал расположение к себе и режиму шиитского духовенства.

С. Хусейн накануне принятия важных решений посещал усыпальницу имама Али. Многие события общественного и политического характера стали открываться чтением Корана.

Во всем этом находил отражение прагматический расчет завоевать популярность среди верующих – как шиитов, так и суннитов, – и использовать их религиозные чувства в своих политических интересах. Кроме того, религия выступала как средство мобилизации масс на более активное участие в социально-экономических и политических программах партии Баас, а также эффективного противостояния влиянию «чуждых иностранных идеологий» и внутренней левой оппозиции.

Баасизм никогда не был чужд религии. Он рассматривает религию в первую очередь в увязке с вопросом арабского единства, т.к. видит в ней выражение национальной веры арабов и восполнение их духовного, социального и исторического наследия.

Теоретические установки Баас по отношению к религии давали ей широкие возможности для маневрирования на практике, что позволяло заигрывать с верующими, создавало условия для расширения сотрудничества с правыми элементами, гарантировало благожелательность консервативных арабских режимов.

ГЛАВА 9

ИРАК В 80-е ГОДЫ. ИРАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА

9.1. Истоки ирано-иракских противоречий

Развернувшиеся в Ираке в 70-е годы социально-экономические и политические процессы оказывали влияние на внешнюю политику Ирака. Присущая этим процессам внутренняя противоречивость определяла эволюцию внешнеполитической деятельности Баас.

На начальном этапе, когда баасистское руководство нуждалось в укреплении режима путем консолидации патриотических сил, среди которых особое место в противостоянии империализму и арабской реакции занимала компартия, Баас твердо ориентировалась на «стратегический союз» с СССР и другими социалистическими странами. Наиболее полное отражение эта линия нашла в подписании Договора о дружбе и сотрудничестве между Ираком и СССР в апреле 1972 г., положившего начало широкому взаимодействию Ирака во всех областях не только с Советским Союзом, но и со странами социалистического содружества в целом. Такой курс укрепил режим, упрочил его позиции в противостоянии Израилю, а также способствовал улучшению отношений Ирака с соседними странами и выводу его из внешнеполитической изоляции, что повышало авторитет режима как внутри страны, так и за ее пределами.

Советско-иракские отношения в целом развивались поступательно. Вместе с тем имели место и серьезные спады, связанные с

завершился в 1978 г. широкими репрессиями правительства Ирака против иракских коммунистов.

В 80-е годы советско-иракские отношения нормализовались и продолжали развиваться на основе Договора о дружбе и сотрудничестве.

Укрепляя экономическую базу страны, решая социальные проблемы, баасистское руководство упрочивало свои позиции внутри Ирака. Но одновременно оно ставило перед собой амбициозные задачи занять лидирующее место в арабском и в развивающемся мире в целом.

IX съезд партии Баас, собравшийся в июне 1982 г., в условиях уже второго года продолжавшейся войны с Ираном, рассмотрел широкий круг вопросов текущего момента, остановился на стратегических задачах дальнейшего развития Ирака, уделил большое внимание внешнеполитической деятельности партии. При этом концепция взаимоотношений Ирака с различными группами государств претерпела в подходах иракского руководства некоторые изменения.

Исходным критерием развития отношений Ирака с СССР и США съезд определил позицию обоих государств по проблеме ближневосточного урегулирования. Получила подтверждение оценка США как постоянного союзника «сионистского врага»[1]. Позиция СССР, неизменно выступающего в поддержку борьбы арабов против сионистской агрессии, была оценена положительно[2].

Фактически же различия между великими державами не проводилось. Призывая к осторожности в связи с «существующей опасностью попасть в зависимость от великих держав», съезд выдвинул тезис о том, что «часто малым нациям наносится ущерб равным образом от конфронтации между великими державами».

В отношении развитых капиталистических стран Ирак придерживался так называемого «реалистического курса», суть которого заключалась в «борьбе против империалистической политики на всех уровнях и любыми методами» и использовании экономического и научно-технического потенциала этих стран в целях развития Ирака, отдавая при этом предпочтение тем из них, кто активно не поддерживает Израиль.

Особое место руководство Ирака уделяло отношениям с развивающимися странами, совместной с ними борьбе за ликвидацию всех форм колониализма, за мир и социальный прогресс. При этом Ираку его лидеры отводили «активную и даже авангардную роль» в деле завоевания этими странами «достойного и влиятельного места в международном масштабе». Баас определила политику позитивного нейтралитета и неприсоединения краеугольным камнем своей внешней политики. Наращивание активности во взаимоотношениях с развивающимися странами рассматривалось руководством Баас как действенное средство превращения Ирака в региональную державу и на этой основе в фактор силы в «третьем мире» в целом.

Центральное место во внешнеполитической стратегии Баас занимал регион Ближнего и Среднего Востока, особенно зона Персидского залива. Именно здесь баасисты усматривали для себя возможность утвердиться в качестве ведущей политической силы. Однако эти амбициозные притязания наталкивались на наличие в данной зоне и других центров силы – прежде всего Ирана, а также набравшей большую мощь к концу XX в. Саудовской Аравии. Борьба за лидерство в районе Персидского залива стала определяющей линией в региональной политике Ирака в 70-е годы. Главным препятствием на пути достижения этой цели являлся Иран, с которым у Ирака традиционно существовали весьма напряженные отношения. IX съезд партии Баас уделил большое внимание конфликтному характеру ирано-иракских отношений, отметив их глубинные исторические корни и определив в качестве основы перманентно возникающих конфликтов между обеими сторонами качественные различия арабского и персидского национализмов, их цивилизаций и стратегических интересов[3].

Ирано-иракское соперничество уходит своими корнями вглубь веков. Истоки современных межгосударственных противоречий берут свое начало с XVI в. Пройдя через века, они растянулись на весь XX век – время становления современных иракского и иранского государств. Противоречия эти представляют собой сложный комплекс факторов, среди которых большое место занимают взаимные территориальные притязания: границы между обоими государствами определялись внешними силами, и никогда не были признаны ни

иракской, ни иранской сторонами. С территориальным фактором связана одна из острейших проблем – курдская, всегда служившая предлогом для вмешательства сторон во внутренние дела друг друга. Меры по урегулированию границ с Ираном предпринимали еще власти Османской империи, в состав которой входила Месопотамия – нынешний Ирак. Борьбу с Ираном за эту территорию османы вели более ста лет. Только с 1508 по 1543 г. она четыре раза переходила от одной державы к другой. В мае 1555 г. был подписан ирано-турецкий (Амасийский) мирный договор – первое письменное соглашение между двумя государствами. Но и после этого военные столкновения между ними продолжались. В 1623 г. Месопотамию захватила Персия. В 1639 г. Османская империя вернула ее себе. Тогда же между двумя государствами было подписано Зохабское мирное соглашение, впервые установившее границы между Ираном и Ираком[4]. Однако к прочному миру оно не привело. Следующие попытки снять напряжение в ирако-иранских отношениях предпринимались в XIX в. В 1823 и 1847 гг. были подписаны Эрзерумские договоры, однако положения их не были реализованы, и между обеими странами велись бесконечные споры[5].

Спорным моментом во взаимоотношениях Ирана и Ирака являются в том числе и часть границы протяженностью в 82 км., проходящая вдоль реки Шатт аль-Араб, являющейся общим руслом рек Евфрат и Тигр в их нижнем течении. В целом прохождение границы определялось Константинопольским протоколом 1913 г., подписанным представителями Османской империи, Персии, России и Англии, и приложенным к нему документом 1914 г. На водном участке она шла по иранскому берегу до устья, оставляя под властью Османской империи реку и все расположенные на ней острова, за исключением участка с рядом островов в районе Хорремшехра, которые передавались Ирану. Иран требовал пересмотра этого положения и настаивал на проведении всей водной части границы по тальвегу – самой глубокой части русла реки. Ирак претендовал на участки территории, входившей по Константинопольскому протоколу в состав Ирана, общей площадью в 400 км (вдоль сухопутной части границы к северу от Шатт аль-Араба)[6]. В гегемонии шахского Ирана в зоне Персидского залива монархический Ирак видел постоянную угрозу

своим территориям. Опасения эти оправдались в 1925 г., когда иранские войска вторглись в «арабские» земли, в населенный арабами район Мухаммары (Хузестана)[7]. В 1937 г. под давлением Англии между Ираном и Ираком был заключен пограничный договор, предусматривавший незначительные изменения границы в пользу Ирана в районе Абадана, где 7-километровый участок должен был проходить по тальвегу. Иран же настаивал на прохождении всей границы по этому принципу[8].

На ирано-иракские отношения существенное влияние оказывал также религиозный фактор: Иран – государство шиитское, в Ираке при количественном преобладании в населении страны шиитов власть всегда принадлежала суннитам. Такой расклад был постоянным источником вмешательства властей во внутренние дела друг друга.

Конфликтная ситуация в зоне Персидского залива стала быстро нарастать в 70-е гг. XX в. Ее ускорителями были стремительное развитие нефтяной индустрии и обрушившиеся на регион доходы от черного золота. В начале 70-х гг. из зоны Залива «ушла» Англия. Это было время обретения суверенитета аравийскими монархиями зоны Персидского залива, образования федерации этих малых государств. Самой сильной, в том числе военной державой зоны Персидского залива был на то время шахский Иран, который заручился согласием Англии заполучить острова Большой и Малый Томб и Абу Муса в Ормузском проливе, имеющие огромное стратегическое значение. Англичане поддержали это желание иранского шаха, поскольку видели в нем единственную силу, способную быть гарантом безопасности интересов западных нефтяных монополий в этом важном для них регионе. В это время и Англия и США оказывали Ирану и другим монархиям зоны Персидского залива большую разностороннюю, в том числе и военную помощь.

30 ноября 1971 г. иранские войска высадились на островах Абу Муса и Большой и Малый Томб в Ормузском проливе, на которые претендовали ОАЭ (имеется информация, что накануне образования ОАЭ эмират Аш-Шарджа уступил остров Абу Муса Ирану. Два других были захвачены вопреки воле эмирата Рас-Аль-Хайма)[9]. Эта акция Ирана вызвала взрыв возмущения во всех арабских странах,

Ирак разорвал дипломатические отношения с Ираном. 1971–1972 гг. были временем острого ирано-арабского противостояния, в которое вовлекалось и международное сообщество[10].

Складывавшаяся ситуация больше всего беспокоила Ирак: намечавшийся англо-ирано-американский альянс мог иметь прежде всего антииракскую направленность. Характеристика ирано-иракских отношений того времени была дана VIII съездом Баас. «В последние годы в отношениях с Ираном сохранялись напряженные отношения, что было результатом враждебной позиции иранского государства. Оно в одностороннем порядке разорвало договор 1937 г., устраивало провокации на границе, вмешивалось во внутренние дела Ирака». Пришедшие к власти в июле 1968 г. баасистские лидеры заявили о готовности «защищать свои законные права и интересы, противостоять любой попытке угрозы им или их нарушение». Но при этом они выражало желание «установить добрососедские отношения с Ираном на основе справедливости, гарантируя взаимные интересы обеих стран в соответствии с их давними историческими связями. Революция стремится к решению проблем с Ираном мирными средствами, для чего предприняла необходимые меры, включающие восстановление дипломатических отношений и приглашение Ирана присоединиться к переговорному урегулированию»[11].

Положение постепенно нормализовалось, что позволило урегулировать ирако-иранские отношения. 6 марта 1975 г. во время сессии стран ОПЕК в Алжире шах Ирана и заместитель председателя Совета революционного командования Ирака Саддам Хусейн при посредничестве тогдашнего президента Алжира Хуари Бумедьена подписали соглашение, регулировавшее ирано-иракские отношения в вопросе о Шатт аль-Арабе и другие пограничные проблемы[12]. В первом пункте соглашения говорится, что стороны решили провести окончательную демаркацию сухопутной границы на основе Константинопольского протокола 1913 г. и протоколов Комиссии по делимитации границ 1914 г. Алжирское соглашение означало компромисс: Иран обязался прекратить поддержку курдских повстанцев, боровшихся в тот момент против баасистских властей, а Ирак согласился на признание равных прав Ирана на Шатт аль-Араб и на делимитацию речной границы по тальвегу. На его основе 13 июня

того же года в Багдаде был подписан договор о границах и добрососедстве[13], касавшийся вопросов демаркации сухопутных и делимитации речных границ, а также обеспечения безопасности на иранской границе. 26 декабря 1975 г. Ирак и Иран подписали четыре дополнительных соглашения к договору по вопросам судоходства по Шатт аль-Арабу, использования пограничных рек и пастбищ, а также прав и полномочий пограничных комиссаров[14].

К моменту подписания договора 1975 г. смешанная иракско-иранская комиссия провела окончательную демаркацию сухопутной и делимитацию речной границы (по тальвегу). Эта линия границы закреплялась договором как неприкосновенная, постоянная и окончательная, а соответствующие положения договора и протоколов к нему – как не подлежащие изменению и нарушению ни под каким предлогом. Стороны заявили, что положения договора о линии границы и об осуществлении строгого контроля рассматриваются ими в неразрывной связи как составные элементы всеобъемлющего урегулирования, и поэтому любое нарушение хотя бы одного из его компонентов будет несовместимо с духом Алжирского соглашения[15].

Однако, как показали дальнейшие события, стороны не спешили с выполнением ряда пунктов договора. Иракское руководство затягивало разработку конвенции о совместном использовании вод Шатт аль-Араба, а Иран не спешил отдавать Ираку отошедшие к нему по договору приграничные участки[16].

Достигнутая договоренность об урегулировании отношений с Ираном позволила тогда Багдаду быстро «умиротворить» курдов, снять давление со стороны Ирана и приступить более уверенно к реализации своих далеко простиравшихся внешнеполитических целей.

Благоприятно складывались для иракского руководства происходившие во второй половине 70-х годов перемены в расстановке сил в регионе. В арабской «семье» произошло разкое падение престижа Египта, подписавшего мирный договор с Израилем. Еще большее значение имело падение шахского режима в Иране в феврале 1979 г. На фоне этих крупных изменений укрепившийся баасистский режим в Ираке начал открыто претендовать на роль лидера в арабском мире. Первым шагом в этом направлении, по представле-

ракского руководства, должно было стать утверждение гегемонии Ирака в зоне Персидского залива. Укреплению в этом намерении иракскому руководству "помогли" пришедшие к власти в Тегеране религиозные шиитские лидеры во главе с Рахбаром Исламской Республики Иран Рухоллой Хомейни. Между обеими странами стремительными темпами обострялись отношения: Хомейни не забыл своего выдворения в 1978 г. багдадскими властями из Ирака, где он жил с 1964 г. В основу своей политики в отношении мусульманских стран новые иранские власти поставили «экспорт исламской революции», который касался прежде всего стран с преобладающим шиитским населением. Первым в этом ряду стоял Ирак, за ним Кувейт, Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ и Оман.

Иракское руководство расценило эти намерения Тегерана как достаточный повод для утверждения своего лидерства в регионе. Подходящим посчитало оно и момент для решения этой задачи: по представлению лидеров Ирака, антишахская исламская революция настолько ослабила Иран, что лишила его способности помешать Ираку достичь поставленной цели. Между обеими странами нарастала напряженность, которая осенью 1980 г. вылилась в вооруженный конфликт.

9.2. Военный аспект ирано-иракской войны

Ирано-иракская война – самая крупная, самая кровопролитная из всех, происходивших после второй мировой войны. По своим масштабам, продолжительности, по ожесточенности и непримиримости сражавшихся сторон, по степени вовлеченности в конфликт других государств – прямо или косвенно – она не знает себе равных.

Ни один из возникавших конфликтов не затрагивал так, как ирано-иракский, политических и экономических интересов других стран, не носил тотального характера, когда бы враждующие стороны ставили перед собой цель полного разгрома противника, захвата страны, с которой они воюют, уничтожения правящего там режима.

В кратком виде основные события ирано-иракской войны выглядят следующим образом.

После свержения шахского режима в Иране в феврале 1979 г. иракцы начали оказывать поддержку оппозиционным режиму Хомейни силам, подогревать сепаратистские настроения в Иранском Курдистане и населенной арабами иранской провинции Хузестан. С другой стороны, подстрекательские действия иранцев, в том числе активная пропаганда идей «экспорта исламской революции», привели к антиправительственным выступлениям в шиитской общине Ирака. Участились вооруженные столкновения на границе.

Отношения между Ираном и Ираком стали быстро ухудшаться осенью 1979 г. 30 октября 1979 г. Ирак денонсировал соглашение 1975 г., призвал Иран уйти с островов в нижней части Персидского залива и потребовал защиты национальных меньшинств (имелись в виду арабы Хузестана).

С 1 апреля 1980 г. кризис ускорил продвижение к своей критической отметке. В этот день было совершено покушение на члена Совета революционного командования Ирака, ближайшего соратника Саддама Хусейна Тарика Азиза. Было много раненых и убитых студентов. За этим последовали террористические акты 5 и 12 апреля. Ответом была немедленная депортация тысяч шиитов иранского происхождения в Иран. К осени 1980 г. число репатриантов достигло 35 тыс.[17]

7 апреля 1980 г. МИД Ирана заявил об отзыве из Багдада всего персонала своего посольства и консульства, предложив Ираку сделать то же самое.

В ответ Национальный совет Ирака 18 сентября 1980 г. принял решение о денонсации ирано-иракского договора от 13 июня 1975 г. Ирак, исходя из собственной интерпретации, обвинил Иран в нарушении ряда статей договора 1975 г., что, по условиям этого документа, означало полное прекращение его действия. То есть, по оценке иракской стороны, «Иран аннулировал его (договор) словом и делом».

Тегеран резко осудил денонсацию договора Ираком и заявил, что, со своей стороны, будет соблюдать его. Де-юре дипломатические отношения между Ираном и Ираком сохранялись до конца войны[18].

По утверждению иракцев, войну начал Иран, подвергнув 4 сентября 1980 г. артобстрелу и бомбардировке с воздуха ряд иракских приграничных населенных пунктов. В Тегеране же считают, что война началась 22 сентября, когда иракские войска перешли иранскую границу и оккупировали около 25 тыс. кв. км территории Ирана.

В переходе острых противоречий между обеими странами в вооруженную стадию повинно руководство и Ирака и Ирана. В ноябре 1980 г. Ирак опубликовал меморандум, в котором приводились такие данные. Только за 5 месяцев (февраль 1979 – июль 1980 г.) (так в тексте договора) иранские вооруженные силы 224 раза нарушали сухопутную и морскую границы Ирака, а также вторгались в его воздушное пространство. За этот период, говорилось в меморандуме,

правительство Ирака направило Ирану 240 нот протеста в связи с вооруженными инцидентами Тегерана на ирано-иракской границе. Все это иракская сторона обосновывала в качестве причин, побудивших ее «нанести решительный удар по иранским военным объектам»[19].

Западная печать отмечала цели военных действий Ирака. Ими назывались захват богатой нефтью провинции Хузестан с преобладающим арабским населением или установление какой-либо формы контроля над нею; пересмотр в свою сторону соглашений, определявших границы между двумя странами; устранение Хомейни и замена его другим лидером[20].

Ирано-иракская война прошла через несколько этапов. На начальном этапе военные действия складывались благополучно для иракских войск. Вплоть до ноября 1980 г. они успешно развивали наступление, обладая превосходством в сухопутных войсках, и в руководстве ими. Накануне войны их численность составляла 330 тыс. человек. Кроме них, была также обученная Народная армия в составе около 200 тыс. человек. Армию дополняли службы безопасности, разведки, механизированной полиции и пограничников[21]. Иранские сухопутные войска при шахе вдвое превышали иракские. По оценке западных специалистов, они были более современными и лучше вооружены, чем иракские.

В начале войны Ирак уступал Ирану в численности и техни-ческой оснащенности военновоздушных и военноморских сил. Иран обладал высоким уровнем военного потенциала, не имевшего себе равного в период шахского правления не только в зоне Персидского залива, но и в смежных районах. В 1973 г. на вооружении шаха имелось 920 танков, 159 боевых самолетов и самый крупный в Заливе военно-морской флот[22]. Ирак отводил армии Ирана по ее мощности 5-е или 6-е место в мире[23]. Однако очень скоро Иран стал терять свои преимущества. Иракские летчики проявили большое мастерство в воздушных боях, что привело к массовой гибели лучших пилотов Ирана и вызвало резкое сокращение иранских военновоздушных сил[24].

Свое влияние на ход вооруженного противостояния сторон оказала политика новых властей Ирана: после исламской революции его военная мощь была существенно подорвана целенаправленными действиями революционной власти. Воспринимая шахскую армию как враждебную силу, они пошли на сокращение численности вооруженных сил и военного бюджета, на уменьшение состава ВВС и ВМС. Исламские власти нанесли непоправимый урон управлению этими войсками. Разгрому подвергся офицерский корпус: армию «очищали» от наиболее известных генералов, сажая их в тюрьмы и расстреливая. Из Ирана были высланы военные специалисты, в основном американцы[25].

По данным Лондонского института стратегических исследований, к началу войны в иранской армии было 1100 танков и 316 боевых самолетов, из которых летать могли только 98. У Ирака было 2100 танков и 290 боевых самолетов[26].

Ирак с 1968 г. проводил политику, направленную на создание современной, профессиональной, хорошо обученной и оснащенной новейшими видами вооружения и боевой техники армии. Такая задача была поставлена VIII съездом партии Баас и последовательно реализовывалась в 70-е гг. IX съезд, подводя итоги деятельности властей в этой области, констатировал значительные качественные изменения в иракских вооруженных силах. Перемены затронули как численность и состояние личного состава ВС, уровень обученности солдат и офицеров, так и техническую оснащенность войск. По этим

показателям Ирак признавался самым мощным в арабском мире. Этой профессиональной армии противостояли существенно ослабленные иранские вооруженные силы, в ряды которых влились волонтеры, в основном необученная молодежь, значительную часть которых составляли подростки. Это позволило Ираку занять большую иранскую территорию и нанести Ирану существенный урон в живой силе и технике. По иракским данным, за три месяца Иран потерял 6160 человек убитыми и несколько тысяч ранеными. За этот период было уничтожено 570 иранских танков и большое число самолетов[27].

Важнейшей стратегической задачей Ирака было разрушение нефтяной отрасли экономики Ирана. Первые удары были нанесены по экспортным предприятиям и терминалам: нефтеперерабатывающим и нефтехимическим заводам[28]. В результате бомбардировок с воздуха и артиллерийского обстрела были полностью выведены из строя или частично повреждены крупнейший на Ближнем и Среднем Востоке нефтеперерабатывающий комбинат в Абадане, нефтеочистительные заводы в Керманшахе, Исфагане, Тебризе, Бендер–Хомейни, почти все нефтепромыслы на юге Ирана, нефтеэкспортные причалы и портовые сооружения на острове Харк, в Абадане, в Хорремшехре[29].

Преимущества, которых Ирак добился на первом этапе войны, были связаны с расчетом на молниеносную победу. Однако расчеты эти не оправдались. Уже в конце 1980 г. фактически начался переход ко второму этапу войны, когда произошла некоторая стабилизация обстановки, сменившаяся продолжением военных действий. В начале 1981 г. иранская армия предприняла контрнаступление. Между осенью 1981 и летом 1982 г. иранцы вернули почти все утраченные позиции. К лету 1982 г. Ирак был вынужден отвести свои войска с иранской территории. Багдад объявил о своей готовности вести переговоры о мире. В ответ Тегеран заявил о своей готовности сражаться до конца, чтобы «положить конец» войне в Персидском заливе и «создать условия для свержения режима Саддама Хусейна»

Потери Ирана от разрушения нефтяных предприятий были весьма тяжелыми, но иранцы вели упорную работу по их восстанов-

лению и продолжению экспорта нефти, хотя и в уменьшенном масштабе по сравнению с довоенным уровнем.

В 1982 г. военно-стратегическая инициатива перешла к иранцам, которые за 1982–1987 гг. провели на территории Ирака ряд широкомасштабных операций. С конца мая 1982 г. иранская артиллерия приступила к систематическому обстрелу Басры. Это был очень сильный удар по иракскому режиму, назвавшему войну с Ираном «Кадисией Хусейна» в память о победе арабов-мусульман над персами в 637 г. В этих условиях Ирак заявил об одностороннем прекращении огня и 9 июня 1982 г. предложил в течение двух недель вернуться к довоенным границам, если Иран согласится прекратить войну. Ответа от иранской стороны не последовало. 21 июня Ирак заявил о выводе своих войск. Далее борьба обеих сторон продолжалась без каких-либо серьезных премен, но с большими людскими потерями.

В начале 1986 г. иранцам удалось форсировать р. Шатт эль-Араб южнее Басры и захватить полуостров Фао, в результате чего возникла угроза выхода иранских войск к ирако-кувейтской границе и отсечения Ирака от Персидского залива. В январе 1987 г. иранские войска захватили новые участки иракской территории и приблизились к Басре на расстояние 10–12 км.

Иракское руководство в своей тактике продолжало линию на последовательные удары по нефтяной отрасли Ирана. В 1984 г. военные действия распространились на акваторию Персидского залива. Развернулась так называемая «танкерная война», целью которой было нанесение удара по иранскому нефтяному экспорту. Ираки объявили зоной военных действий прибрежные воды Ирана и стали наносить удары по следующим в иранские порты танкерам и сухогрузам, а также по нефтяным терминалам на острове Харк, рассчитывая полностью блокировать экспорт иранской нефти. К тому же Багдад стремился к интернационализации ирано-иракского конфликта, что ему и удалось.

В качестве ответной меры иранцы прибегли к нападениям на танкеры, беспрепятственно вывозившие нефть из арабских стран Персидского залива через Ормузский пролив и перечислявшие часть выручки от ее продажи на международных рынках Ираку, а также

стали задерживать и подвергать досмотру гражданские суда в зоне Залива.

Во второй половине 80-х гг. произошло расширение масштабов «танкерной войны». По данным лондонской страховой компании «Ллойд», нападениям с двух сторон подверглись свыше 550 судов, из которых 160 получили повреждения. Особого напряжения эта ситуация достигла в 1987–1988 гг. Центр оборонной информации США приводит следующую статистику: за период с 22.07.1986 г. по 14.07.1987 г. было атаковано 117 судов, а в период между 22.07.1987 и 14.07.1988 гг. – 187[30].

«Танкерная война» создавала угрозу стабильности обеспечения мирового рынка нефтью, что привело к вовлечению в ирано-иракскую войну, в кампанию противостояния Ирану арабских стран Залива и потенциальных покупателей нефти – стран Запада. На заключительном этапе войны внешние силы все активнее вмешивались в конфликтную ситуацию в Заливе. Возможностью закрепить свои позиции на Ближнем Востоке, ослабив при этом обе противоборствующие стороны, поспешили воспользоваться США. С 1984 г. Вашингтон поддерживал Ирак, но, как выяснилось позже, одновременно поставлял большие партии оружия и Ирану. Американцы топили иранские суда, но имели столкновения и с иракскими военными судами[31].

Под предлогом обеспечения свободы судоходства в июле – августе 1987 г. в акваторию Залива были направлены эскадры боевых кораблей США, Англии и Франции.

Стратегическая цель Багдада на этом этапе заключалась в том, чтобы, опираясь на интернализацию конфликта в Заливе, заставить Иран заключить мир с Ираком. Однако Иран продолжал войну, которая на своем заключительном этапе была перенесена в курдские районы.

В 1988 г. ситуация на фронте изменилась в лучшую для Ирака сторону. Иракские войска провели в апреле-июне 1988 г. ряд успешных операций по освобождению полуострова Фао, ликвидации иранских плацдармов в районе Басры, на других участках фронта и практически освободили всю свою территорию.

Во время ирано-иракской войны большая часть линии фронта проходила по территории Курдистана. В курдских районах, как Ирака, так и Ирана, находились контингенты вооруженных сил этих стран, которые исполняли карательные функции против «своих курдов». Военные действия привели к дальнейшему ухудшению социально-экономического положения населения Южного Курдистана, осложнению там и политической ситуации. Сохранялось противостояние двух ведущих курдских политических организаций – ДПК и ПСК, принимавшее не раз характер вооруженного противоборства. Особо ожесточенными были их столкновения в 1982–1983 гг.

В эти годы ПСК и ДПК потерпели ряд серьезных поражений от иракской армии, что заставило обе партии вступить между собой в переговоры в 1987 г. Вскоре к ним присоединились и другие политические организации с целью объединения и создания Фронта Иракского Курдистана (ФИК), о котором официально было заявлено в мае 1988 г. после страшной трагедии, пережитой иракскими курдами весной 1988 г. в ходе проведения Багдадом плана «Анфаль»[2].

На общей картине войны все более ощутимо сказывалось преимущество Ирака в авиации и ракетах повышенной дальности. Эти виды оружия широко использовались Багдадом в целях подрыва экономического потенциала Ирана и создания для него дополнительных внутриполитических трудностей.

Укреплению позиций Ирака содействовал также ряд внешних факторов. Важнейшим из них являлось усиление проиракского крена в подходе США к вопросам ирано-иракского конфликта, переход американской администрации на более жесткие позиции в отношении Ирана. Конкретным проявлением этого курса стали прямые вооруженные акции США против иранских объектов в Персидском заливе, расширение функций ВМС США в этом районе.

В неблагоприятном для Ирана направлении складывался региональный баланс сил. Серьезно ухудшились его отношения с ведущими странами Персидского залива – Саудовской Аравией и Кувейтом. Эр-Рияд, длительное время державшийся в стороне от ирано-иракского конфликта, принял решение о разрыве дипломатических отношений с Тегераном. Придерживавшиеся нейтральной позиции на первом этапе ирано-иракской войны остальные монархические

государства Персидского залива далее стали поддерживать Ирак. За годы войны они оказали ему большую финансовую помощь, поступавшую в Багдад по закрытым каналам. Саудовская Аравия предоставила Ираку 26 млрд, Кувейт – 12 млрд, ОАЭ – 5 млрд, Катар, Бахрейн, Оман – 2 млрд долл[33].

После начала ирано-иракской войны мировое сообщество неоднократно предпринимало попытки мирного урегулирования конфликта через посреднические миссии мусульманских, арабских, неприсоединившихся государств, а также ООН и в конце войны – Генерального секретаря ООН.

С самого начала войны между Ираком и Ираном СССР выступал за ее скорейшее прекращение, урегулирование всех спорных вопросов за столом переговоров. В Заявлении Советского правительства от 8 января 1987 г. отмечалось, что в основу ирано-иракского урегулирования должны быть положены принципы взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, а также подтверждение существовавших до начала конфликта границ между Ираком и Ираном. При этом обе стороны должны исходить из того, что каждый народ имеет право на независимость и свободу, право выбирать свой образ жизни, определять свою судьбу.

В своем Заявлении от 3 июля 1987 г. Советское правительство предложило, чтобы все военные корабли государств, не относящихся к этому району, были выведены из вод Персидского залива, а Иран и Ирак, в свою очередь, воздерживались от действий, которые создавали бы угрозу международному судоходству. Такие меры, проводившиеся в контексте всеобъемлющего урегулирования ирано-иракского конфликта, содействовали бы тому, чтобы обстановка там разрядилась. Для обеспечения свободы судоходства в Персидском заливе СССР предлагал учредить специальные силы ООН. Такой вариант позволил бы безболезненно вывести из этого района иностранные военно-морские силы.

Совет Безопасности ООН с 1980 по 1987 гг. принял восемь резолюций по вопросам, касающимся ирано-иракского конфликта. В резолюции Совета Безопасности 598, принятой 20 июля 1987 года, зафиксировано требование к воюющим сторонам начать переговорный

процесс. Первым шагом к урегулированию посредством переговоров должно было стать немедленное прекращение Ираном и Ираком огня, остановка всех военных действий на суше, на море и в воздухе и незамедлительный отвод всех войск к международно-признанным границам.

Ирак сразу же признал резолюцию 598 и заявил, что положения резолюции должны реализовываться в том порядке, в каком они зафиксированы в документе. Этот процесс должен был начаться с прекращения огня и отвода войск к международно-признанным границам.

Что касается Ирана, то он длительное время уклонялся от признания резолюции 598, ставил во главу угла вопрос определения ответственности за конфликт, однозначно исходя из того, что именно Ирак будет назван зачинщиком войны. Но в итоге 18 июля 1988 г. Иран неожиданно заявил о своем официальном принятии резолюции 598 и согласии выполнить все ее положения. В ходе состоявшихся после этого встреч Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра с министрами иностранных дел Ирана и Ирака в Нью-Йорке выяснилось, что, несмотря на признание обеими сторонами резолюции, у каждой из них существовали различные концепции достижения урегулирования. Иран выступал за безотлагательное прекращение огня и начало претворения в жизнь плана Генерального секретаря ООН по выполнению этой резолюции. Ирак же добивался прямых переговоров с Ираном при содействии Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, на которых следовало бы обговорить все основные аспекты мирного урегулирования еще до прекращения огня.

В результате последующих контактов удалось добиться согласия обеих сторон на прекращение огня с 20 августа 1988 г. и вступление затем в прямые переговоры 25 августа 1988 г. Такие переговоры начались в указанный срок в Женеве на уровне министров иностранных дел при участии Генерального секретаря ООН.

Война не принесла победы ни одной из сторон, но при этом обе заявили о своем военном триумфе.

Ирано-иракская война не оправдала многих прогнозов: предсказания о падении режимов в случае разрушения нефтяной промышленности обеих стран, о возникновении голода, о поддержке иран-

ков иракскими шиитами и, соответственно, иранскими арабами – действий Ирака, а также о серьезном осложнении на мировом рынке нефти и о неизбежном втягивании в войну соседних арабских государств. Война продемонстрировала прочность обоих режимов, более глубокую привязанность народов Ирана и Ирака на основе национально-государственной принадлежности, а не этнической или религиозной общности.

По расчетам иракской стороны, война с Ираном должна была продлиться менее двух недель[34]. По другим источникам, от нескольких недель до, в крайнем случае, нескольких месяцев[35]. Однако она растянулась на долгие 8 лет, став единственной в истории «третьего мира» по своей продолжительности войной. А завершение ее для обеих стран не было победоносным, поскольку эта война не решила ни одной проблемы в двусторонних отношениях Ирака и Ирана, не принесла явного выигрыша ни одному из ее участников. Прекращение военных действий означало состояние «ни войны, ни мира»: противоречия, приведшие Иран и Ирак к вооруженному противостоянию, сохранились и после его окончания. Более того, война породила ряд дополнительных проблем, разрешение которых затянулось на много лет. По масштабам людских потерь и разрушений ирано-иракская война сопоставима с первой мировой войной, последствия которой, по оценке специалистов, будет ощущать не одно поколение в будущем[36]. Людские потери были велики. Точных данных по ним нет. По различным оценкам, они составили от 500 тыс. до 1 млн и даже 1,5 млн человек[37]. По оценке НАТО, жертвы Ирана насчитывали от 420 до 580 тыс., Ирака около 300 тыс., к которым добавилось еще 100 тыс. в ходе тяжелых боев в районе Фао в феврале-марте 1986 г. Число погибших в ходе войны с Ираном иракцев превысило людские потери таких стран, как Англия, Франция, Чехословакия, Нидерланды во время второй мировой войны[38]. Более 4 млн человек остались без крова. Материальные потери обеих сторон составили более 600 млрд долл.[39]

Тяжелейший урон был нанесен экономикам обеих стран.

Вместе с тем, ирано-иракская война 1980–1988 гг. оказала весьма существенное и далеко неоднозначное воздействие на ситуацию и ее последующее развитие как на локальном, так и международном

уровнях. Война предотвратила распространение исламской революции на соседние страны, что было успехом не только багдадского режима, сумевшего удержать под своей властью шиитское большинство страны. Выиграли и арабские монархии Персидского залива, для которых иламский фундаментализм является смертельной угрозой.

Для народов, населяющих Персидский залив, окончательно потеряла свою привлекательность панисламистская хомейнистская идеология, превратившаяся в разновидность иранского национализма на шиитской почве[40].

Ирано-иракская война вызвала беспрецендентную по своим масштабам гонку вооружений в этом регионе. Наращивали свой военный потенциал, развивали военную инфраструктуру объединившиеся в 1981 г. в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАПГЗ) шесть аравийских монархий – Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Оман, Бахрейн, Катар. Ими была сделана ставка на создание боеспособных вооруженных сил, оснащенных самым современным оружием, на развитие ВВС, ВМФ и бронетанковых войск. Особые усилия в этом направлении прилагала Саудовская Аравия, стремившаяся выйти на лидирующие позиции в регионе, пока главные претенденты на эту роль «Ирак и Иран занимались уничтожением друг друга»[41].

В выигрыше оказались и страны Запада, прежде всего США, которым было необходимо сломить наступательный дух иранцев, угрожавших позициям Запада в регионе. США наряду с Англией и Францией усилили в 80-е гг. свое военное присутствие в зоне Залива, направленное в первую очередь на сохранение своего контроля над важнейшим нефтяным районом мира.

9.3. Экономическая политика Ирака в условиях Ирано-иракской войны

Начавшаяся в сентябре 1980 г. война с Ираном оценивалась иракским руководством как скорое и неминуемое поражение Ирана. Такой подход определял на начальном этапе войны экономическую

политику Ирака, получившую свое отражение в плане экономического развития на 1981–1985 гг.

Стратегическая цель этого плана, намеченная IX съездом партии баас в 1982 г., представляла собою грандиозную программу превращения Ирака в высокоразвитое современное государство. Средства достижения этой цели должны были стать «быстрое и всесторннее развитие всех отраслей экономики и всех аспектов жизни общества при опоре на имеющиеся национальные ресурсы, использование иностранного опыта и накопленного Ираком в процессе его всестороннего развития потенциала[42]. При этом развитие контактов с иностранными государствами и компаниям в процессе решения задач развития должно было быть тесно увязано с укреплением национальной независимости и национальных интересов[43].

Руководство страны поставило также задачу добиться самообеспечения продовольственными продуктами, что рассматривалось как задача большой экономической и политической важности[44].

С учетом продолжавшейся ирано-иракской войны IX съезд определил важнейшей задачей партии и власти недопущение возрастания недовольства масс в результате снижения уровня их материальной и социальной обеспеченности. Поэтому руководство страны исходило из обязательности продолжения намеченного плана дальнейшей модернизации страны при сохранении и повышении уровня жизни населения. Этой линии оно придерживалось на протяжении всей ирано-иракской войны. Однако практически удержать ее в какой-то мере удавалось лишь в начале войны, но уже и на этом этапе власти начали испытывать действие неизбежных спутников войны. Далее последовало быстрое нарастание нехватки продовольствия, товаров повседневного спроса, ухудшение бытовых условий.

В целом первая половина 80-х годов, по представлению иракских лидеров, должна была обеспечить переход Ирака в «развитое состояние», что означало ликвидацию отсталости во всех отраслях экономики на основе современной техники и технологии. Это должно было послужить базой для создания развитой национальной экономики, которая была бы способна существенно повысить жизненный уровень населения страны, ликвидировать отсталость Курдистана, содействовать становлению современной многоотраслевой

промышленности, эффективному использованию государственного планирования для решения главной задачи – самообеспечения Ирака во всех сферах экономики.

В первые годы войны значительные финансовые запасы и большая помощь арабских стран позволили Ираку не только продолжать программу развития, но и расширить ее. Повсеместно развернулось строительство промышленных предприятий, школ, больниц, автодорог, стадионов, жилых домов, в Багдаде прокладывалось метро.

Однако война продолжалась. Она причинила Ираку огромный экономический ущерб. Еще в начале войны были разрушены многие крупные объекты нефтяной и газовой промышленности: бомбардировки и обстрелы повредили нефтеперерабатывающие заводы Ирака на юге – в Северной Румейле, Фао, Басре, в восточных районах страны, морские порты в районе Персидского залива, а также на севере – в районе Киркука и Эз-Зубейра. Эти разрушения дополнились закрытием Сирией, которая в начавшейся войне поддерживала Иран, транзита иракской нефти к портам Средиземного моря через свою территорию. В итоге только в 1981 г. добыча нефти в Ираке сократилась со 130,2 млн т. в 1980 г. до 44,2 млн т., а доходы уменьшились с 26,500 до 10,400 млн долл., что поставило экономику Ирака на грань разорения, и в 1982 г. правительство было вынуждено сконцентрировать все ресурсы на ведении войны. В итоге это привело к заметному сокращению инвестиций в местную экономику: с 4,7 млрд и.д. в 1983 г. до 2 млрд и.д. в 1987 г.[45] Частичная компенсация понесенного ущерба восполнялась за счет увеличения добычи нефти на действовавших промыслах и пропускной способности единственно действовавшего экспортного нефтепровода Киркук – турецкая граница – Юмурталык на побережье Средиземного моря. Форсировалась прокладка дополнительной линии на территории Ирака для соединения южных нефтепромыслов страны с новым нефтепроводом, проложенным через территорию Саудовской Аравии к Красному морю (порт Янбо вступил в строй в 1986 г.), а также новых иракских линий вдоль действовавшего нефтепровода Киркук – Юмурталык[46]. Однако предпринятые меры не могли дать скорые результаты. Экономическое положение страны стало резко ухудшаться. Для завершения начатых промышленных и социальных

объектов, восстановления разрушенного войной и одновременно обеспечения фронта нужны были огромные средства, что повлекло за собой быстрое уменьшение валютных резервов, возникновение платежного дефицита. В 1980 г, доходы Ирака составляли 69,8 млрд долл., а расходы – 65,9 млрд долл. В 1981 г. доходы и расходы составили соответственно 44,9 и 47 млрд долл. Быстро истощались валютные резервы. Ирак обратился к ряду стран, прежде всего к арабским нефтедобывающим государствам зоны Персидского залива за помощью и получил займы на 22 млрд долл. Саудовская Аравия и Кувейт пошли навстречу пожеланию Ирака осуществлять экспорт нефти со своих национальных объектов в счет Ирака и таким образом содействовать поддержанию необходимых инвестиций в иракскую нефтяную промышленность. Эти страны увеличили поставку нефтепродуктов автотанкерами через иорданскую границу. В итоге в 1985 – 1987 гг. Ирак добился увеличения производства нефти до 1,5–1,7 млн барр./день[47]. Однако эти меры – финансовая и материальная помощь арабских стран не могли стабилизировать экономическое положение в стране. Ситуация усугублялась быстрым сокращением объема товаров первой необходимости, ростом цен на них, инфляцией и как следствие снижением жизненного уровня населения. Стало обнаруживать себя недовольство иракцев войной и политикой Баас. Правительство увеличило ассигнования на импорт продуктов питания и других товаров народного потребления.

По оценкам специалистов, война обходилась Ираку в 1981–1982 гг. в 1 млрд долл. в месяц. Источниками финансирования в это время были как собственные валютные резервы, так и помощь от Саудовской Аравии и других стран Залива (оценивается в 10 млрд долл. в год в период 1981–1982 гг.). В годы войны иракские доходы от нефти направлялись главным образом на закупку вооружений (до 6–8 млрд долл. в год), оставшиеся средства (если таковые были) шли на закупку технологии и потребительских товаров.

Быстро истощались валютные резервы. Падение спроса на нефть на мировом рынке создало значительные трудности для всех нефтепроизводящих стран, что привело к сокращению помощи Ираку странами Залива.

Для контроля за ростом цен правительство увеличило ассигнования в фонд их стабилизации. Поддержание уровня жизни населения обеспечивалось повышением заработной платы отдельным категориям рабочих и служащих, другими мерами по улучшению жизни народа. Особое внимание уделялось военным, работникам органов госбезопасности и милиции. Семьям погибших правительство выплачивало денежные компенсации, обеспечивало их жильем.

Дальнейший курс политики иракского руководства получил свое освещение на собравшемся 24 июля 1992 г. IX съезде партии Баас.

Перемены обнаружились в 1982 г., когда стали раздаваться призывы к строгой экономии и смещению акцентов с новых объектов на завершение уже существующих. Ужесточилась система денежных переводов для иностранных рабочих. Ирак занялся поиском источников финансирования. В ноябре 1982 г. он получил от европейских стран заем в размере 500 млн долл.

Положение в экономике усугублялось нехваткой рабочей силы. Ирак и до войны нуждался в иностранной рабочей силе. С началом войны острота этой проблемы возрастала в связи с тем, что, кроме регулярной армии, насчитывавшей около 300 тыс. чел., правительство создавало и Народную армию, численность которой уже к концу 1982 г. должна была возрасти до 500 тыс. чел. Все это резко уменьшило число занятых на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Во многих отраслях дефицит рабочей силы составлял 50%.

В свете ухудшения экономического положения в стране стала очевидной необходимость принятия более радикальных мер. Правительство перешло к режиму жесткой экономии, пересмотрело экономические планы, сократив до минимума импорт и отказавшись от осуществления новых проектов. Все проекты были поделены на «стратегические» и «нестратегические». Были приняты меры по экономии топлива и материалов, установлен строгий государственный контроль по рациональному использованию фондов, уменьшились и полностью прекратились дополнительные выплаты и была предотвращена утечка твердой валюты за границу.

В целях экономии валютных ресурсов правительство прекратило импорт тех потребительских товаров, без которых, по мнению руководства, страна могла обойтись. В 1982 г. объем импорта сократился с 19 млрд до 14–15 млрд долл. Одновременно были предусмотрены ассигнования на ввод в действие многих важных предприятий по выпуску товаров массового спроса, производившихся полностью на местном сырье.

Эти меры приостановили утечку свободно-конвертируемой валюты, но не могли эффективно повлиять на экономическую ситуацию в стране. Сокращение ввоза потребительских товаров привело к росту цен на рынке, к спекуляции товарами народного потребления. Вскоре правительству пришлось снять ограничения на импорт товаров народного потребления, и с 1984 г. вплоть до конца военных действий он продолжал расти.

В 1983 г. Ирак в полной мере ощутил последствия войны на своей экономике. Вынужденное резкое сокращение расходов заставило руководство страны обратиться к своим торговым партнерам с просьбой финансировать объекты развития. Сокращение на 50% импорта позволило Ираку снизить торговый дефицит с более чем 7 млрд долл. в 1982 г. до 2–3 млрд долл. в 1983 г. Одновременно Ирак получил кредиты от своих основных торговых партнеров и добился переноса платежей 1983 г. В итоге к концу 1983 г. положение в экономике удалось стабилизировать. В последующие годы экономическая политика иракского правительства в основе своей не претерпела существенных изменений.

Спад в экономике Ирака и завершение работ на многих объектах повлек за собой сокращение иностранных рабочих. Только в 1983 г. их число уменьшилось на 50% из таких стран, как Бангладеш, Индия, Пакистан, Филиппины и Таиланд. С сокращением деловой активности из страны уехало много западных специалистов. Отъезд иностранных рабочих был ускорен ужесточением системы денежных переводов. Самую крупную колонию иностранцев в Ираке составляли египтяне. В 1983 г. их численность сократилась на 30%, но все же египтян в Ираке был 1 млн, а их переводы составляли около 2 млрд долл. в год.

Хотя в экономике наступил спад, Ирак продолжал испытывать постоянную нехватку квалифицированных кадров, т.к. война забирала много молодых профессионально подготовленных иракцев на фронт. Ираку не хватало и квалифицированной рабочей силы для эксплуатации современных заводов и установок, строительство которых продолжалось и в годы войны.

Значительная часть промышленного потенциала страны была сконцентрирована до войны в районе Басры, оказавшемся в непосредственной близости от фронта. Поэтому правительство Ирака уделило большое внимание размещению строившихся промышленных объектов в районах, удаленных от зоны военных действий. В 1983 г. в Аль-Кайне, близ границы с Сирией, вступил в строй комплекс по производству фосфатных удобрений, продукция которого впервые стала вывозиться Ираком в другие страны. Завод удобрений производительностью 1000 тонн в день был построен в Бейджи. Там же на базе нефтеперерабатывающего комплекса вступил в строй завод по производству бензина мощностью 50 тыс. тонн в год.

Правительство придавало большую важность увеличению производства стройматериалов. За годы войны была введена в строй серия новых цементных заводов: в 1983 г. начали производство заводы в Хите и близ Мосула, в 1984 г. в районе Киркука и Самава. Увеличение производства цемента, а также уменьшение спроса на него в годы жесткой экономии позволили Ираку отказаться от его импорта. Развитию строительной промышленности содействовало создание нескольких кирпичных заводов, а также пуск в 1984 г. трех заводов индустриального комплекса Таджи возле Багдада по производству арматуры, стальных конструкций и промышленных форм.

В годы войны в Ираке велась большая работа по модернизации транспортной и коммуникационной инфраструктуры. Пятилетним планом 1981–1985 гг. на эти цели выделялось 24% бюджетных инвестиций. Поскольку значительная часть импорта поступала в страну из Иордании, Турции, Кувейта, первостепенное внимание уделялось строительству магистралей, соединивших Ирак современными дорогами именно с этими странами.

Не прекращалось в годы войны и железнодорожное строительство. Были построены линии, соединившие Багдад с Акаматом и

фосфатным комплексом в Аль-Кайме, а также Киркук–Хадита-трубопровод и Мусайиб–Самава.

Продолжались проектные работы по багдадскому метрополитену, контракт на проектирование которого в конце 1983 г. выиграла американская фирма.

Расширялась и модернизировалась телефонная сеть Ирака. Телефонная служба повысила качество работы, прежде всего за счет введения телефонных станций и линий с оптическими волокнами. Установка микроволновых и коксиально-кабельных систем позволила существенно улучшить обслуживание сельских районов.

В Ираке была разработана программа серьезного улучшения жилищных условий населения. По плану до 2000 г. в стране намечалось построить 2,5 млн новых жилищных единиц и заменить 930 тыс. уже существовавших. Война задержала реализацию намеченной программы, однако строительство жилых домов и зданий общественного назначения продолжалось и в годы войны. Огромное строительство велось в столице. В 80-е годы Багдад украсился рядом зданий, выделявшихся своей архитектурой, нестандартными инженерными решениями. Строительство многих из них велось по соображениям престижа. Но одновременно продолжалось жилищное строительство. Завершилось создание нескольких крупных микрорайонов в Багдаде. Велось строительство городов-спутников вокруг основных городов Ирака.

В решении жилищной проблемы правительство Ирака главное место отводило частному сектору, предполагая, что им будет возведено 60% новых домов. Решение столь сложной задачи в начале 80-х годов задерживалось нехваткой стройматериалов, высокой стоимостью рабочих рук и земли, а также сокращением импорта многих материалов. В результате частный сектор свои задачи выполнить не смог: по некоторым оценкам, им вводилось около 25% строившегося жилья.

В годы ирано-иракской войны происходило дальнейшее поощрение частнокапиталистического предпринимательства во всех сферах экономики. Значительное внимание взаимоотношениям государства и частного сектора уделил IX съезд партии Баас. В отчетном докладе съезду отмечалось, что между частной собственностью и

«социалистическим путем развития» отсутствуют противоречия. «На данном этапе, – говорилось в докладе, – мы можем в значительной мере отказаться от второстепенной хозяйственной деятельности в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и сфере обслуживания с тем, чтобы обеспечить всем необходимым главные отрасли экономики и выполнить основные национальные задачи. В этих второстепенных областях частный сектор, возможно, будет действовать лучше государственного».

Решения IX съезда в значительной степени развязали инициативу частнопредпринимательской деятельности, стимулировали ее развитие, хотя в отдельных отраслях экономики эта деятельность получала поддержку и ранее.

К предоставленным частному капиталу льготам в сельском хозяйстве были добавлены новые. В апреле 1981 г. СРК принял решение о роспуске совместных сельскохозяйственных кооперативов и распродаже их имущества. Правительство предполагало поднять товарность сельского хозяйства путем развития частного сектора. В 1983 г. был принят закон № 35, по которому частные лица и частные компании, в том числе и граждане других арабских стран приглашались арендовать у государства подготовленные к использованию мелиорированные земли.

Частное предпринимательство поощрялось государством и в сфере промышленности, торговли, обслуживания. В одном из своих выступлений в 1984 г. президент Ирака Саддам Хусейн отметил, что IX съезд Баас занял новую позицию в отношении частных компаний, особенно в сфере производства и сбыта, где они показали себя более эффективными, чем государственные организации. Решено было также существенно сократить импорт потребительских товаров с целью защиты и поощрения местной промышленности.

Результатом политики поощрения развития частного сектора стало основание более 1700 частных промышленных предприятий только в 1984 г. Их владельцы получили у государства в аренду по номинальной цене около 16 тыс. кв. м земли для строительства предприятий и были освобождены от таможенных пошлин на сумму 1,25 млн долл.

Развернули активную деятельность частные предприятия пищевой и легкой промышленности, такие как «Восточная компания по производству охлажденных продовольственных товаров», «Иракская шоколадная компания», «Текстильная фабрика Аль-Хилли». Некоторые из этих предприятий (Восточная и Шоколадная компании) выпускали продукцию по лицензиям западноевропейских фирм.

Курс руководства Ирака «поставить частную собственность на службу социалистическому развитию» имел неоднозначные последствия. С одной стороны, при острой нехватке средств, особенно иностранной валюты, в условиях войны с Ираном, при недостаточности квалифицированных инженерно-технических кадров государство вынуждено было привлекать частный сектор вкладывать свои капиталы в развитие национальной экономики, создавая ему для этого выгодные условия. Однако естественным следствием этого явился рост паразитических слоев местной буржуазии – подрядчиков, маклеров, ростовщиков, спекулянтов недвижимостью, происходило укрепление их связей с государственной бюрократией. Этот курс неизбежно вел к усилению эксплуатации наемных работников, и не только иракских. Поскольку на частных промышленных предприятиях были заняты и иностранные рабочие, крестьяне, другие категории трудящихся, политика правительства вела к усилению социальной напряженности и возрастанию давления этого фактора на политическую ситуацию в стране.

9.4. Политическая ситуация в Ираке в годы войны

В 80-е годы партия Баас продолжала борьбу за укрепление своих позиций и обеспечение единовластия в стране в условиях войны с Ираном.

В начале войны иракские войска успешно развивали наступление и продвинулись вглубь иранской территории. Такое развитие событий на фронте способствовало национальной консолидации и укреплению режима Баас во главе с Саддамом Хусейном. Используя успехи начального этапа войны и условия чрезвычайного положе-

ния, Баас усилила репрессивные меры по отношению к оппозиционным силам Ирака. Одновременно иракское руководство пошло на проведение мер, направленных на уменьшение национальных и религиозных противоречий в стране. Саддам Хусейн разъезжал по стране, выступал перед народом. Большое внимание уделялось развитию тех городов и районов страны, большинство населения которых составляли курды и шииты.

Переход с ноября 1981 г. инициативы на фронте к иранским войскам, выход их к маю 1982 г. практически по всему фронту на линию границы, существовавшей между двумя государствами до начала военных действий, крупное поражение иракской армии – все это с каждым днем превращало войну во все более тяжкое бремя для народа, в котором начинало нарастать недовольство политикой режима. Этим попытались воспользоваться противники С.Хусейна. Была предпринята попытка государственного переворота, возглавленного начальником полиции Фадылем Барраком. К концу июня 1982 г. Ирак вывел свои войска с территории Ирана, проявив в это время готовность к политическому урегулированию конфликта, однако это предложение тогда было полностью неприемлемо для Ирана.

Реально оценивая серьезную опасность сложившейся критической обстановки в стране для собственных позиций, руководство Баас активизировало свои усилия по выработке нового курса во внутренней и внешней политике. Целью этого курса было принятие новых мер, направленных на консолидацию власти. Определить политическую линию партии в условиях продолжавшейся войны с Ираном предстояло внеочередному IX региональному съезду партии Баас.

Съезд определил основные направления внутренней и внешней политики партии на ближайшие годы. Отметив значительное расширение рядов партии, съезд большое внимание уделил дальнейшему укреплению позиций партии и повышению авторитета ее генерального секретаря. В отчетном докладе съезду содержался целый раздел, обосновывавший «закономерность и уникальность» руководства С. Хусейном партией и государством. Только ему приписывались все успехи в развитии Ирака после вторичного прихода Баас к власти, и подчеркивалась его лидирующая роль в партии, высоко

подводились его достижения как руководителя страны. Саддам Хусейн был избран Генеральным секретарем регионального руководства партии Баас. Ключевые посты сохранили за собой еще семь членов прежнего руководства. Решения съезда существенно укрепили позиции С. Хусейна в партии.

Съезд принял решение о реорганизации СРК: число его членов было сокращено до 9 человек, и сформирован он был исключительно из преданных С. Хусейну людей[49]. Борьба Баас за укрепление своих позиций и единовластия в стране продолжалась и в дальнейшем. В октябре 1984 г. состоялись выборы в Национальный Совет Ирака. В ходе предвыборной кампании Баас осуществляла дальнейшее усиление своей руководящей роли. С этой целью в 1984 г. были внесены изменения в закон о Национальном совете. В соответствии с этими изменениями Высшая комиссия по контролю за выборами получила право отказать в регистрации тем кандидатам, которые «не верят в руководящую роль партии Баас, принципы и цели революции 17–30 июля и не внесли соответствующей их возможностям лепту в битву Кадисии Саддама». Высшая комиссия, возглавлявшаяся членами руководства Баас, внимательно следила за выдвижением кандидатов в законодательный орган Ирака. Выборы свидетельствовали о безраздельном контроле партии Баас над политической жизнью страны.

Национальный совет избирался в количестве 250 депутатов. В 1984 г. в его состав было избрано 183 депутата-баасиста, 67 депутатов – представителей других партий и «независимые», действовавшие под контролем Баас.

Политика поощрения частного сектора привела к тому, что мелкая, средняя и даже крупная буржуазия стала занимать все более прочные позиции в экономике страны. Именно эти слои и составляли социальную опору руководства Баас. В 80-е годы Баас добилась почти абсолютной гегемонии в органах местного управления и в государственном аппарате.

Осуществляя баасизацию иракского общества, нейтрализуя оппозицию и ликвидируя противников, руководство Ирака установило свою диктатуру в стране. В годы войны с Ираном в Ираке окончательно утвердилась однопартийная система. Завершилось становле-

ние власти личной диктатуры С.Хусейна. Являясь Генеральным секретарем регионального руководства Баас Ирака, председателем СРК, президентом республики и главнокомандующим вооруженными силами, С. Хусейн сосредоточил в своих руках всю полноту государственной, партийной и военной власти. Он лично решал вопросы правосудия и кадров высших ступеней государственного и партийного руководства, принимал все основные решения в политической и экономической жизни страны, окончательно утверждал законы и другие государственные акты.

В условиях чрезвычайного военного положения Баас удалось полностью контролировать обстановку в обществе и укрепить свои позиции в стране. В результате сочетания методов жесткого контроля за политической жизнью в Ираке, применения террора и репрессий с определенной гибкостью и уступками Баас смогла устранить серьезную опасность со стороны оппозиции и добиться безраздельной монополии на власть. И хотя тогда в стране баасистскому руководству не было альтернативы, это вовсе не означало, что в Ираке не было сил, выступавших против курса тогдашнего руководства.

Развязанная властями в 1977–1980 гг. антикоммунистическая кампания привела к ликвидации легальных и значительной части нелегальных организаций ИКП. Прекратили свою деятельность все провинциальные комитеты компартии в Центральном Ираке и 28 комитетов партии в Курдистане. Многие коммунисты вынуждены были эмигрировать, что наряду с репрессиями привело к резкому сокращению численности ИКП. По некоторым оценкам, в 1973–1974 гг. в ее рядах насчитывалось около 100 тыс. членов, а в начале 80-х годов их осталось несколько тысяч.

Однако ИКП не только выстояла, но, оправившись от нанесенных ей ударов, в условиях глубокого подполья, возобновила свою деятельность. Опираясь на свои традиционно сильные позиции в молодежных, студенческих, женских, части профсоюзных организаций, ИКП содействовала возобновлению их деятельности. Коммунисты воссоздали партизанские отряды в Курдистане, продолжали работу в армии, используя разногласия между основной частью офицеров и армейской верхушкой, обострившиеся в связи с отстранением А.Х. Бакра, а также с началом ирано-иракской войны. С начала

компартия поддерживала антивоенные настроения в армии, сильные среди рядового и унтер-офицерского состава, особенно среди курдов, призывая вооруженные силы присоединяться к патриотическому движению иракского народа в его борьбе против диктатуры и войны.

После распада ПНПФ компартия развернула работу по сплочению всех оппозиционных режиму сил. В декабре 1979 г. коммунисты выступили инициаторами создания четырехстороннего «Координационного комитета», в который вошли, кроме них, просирийское баасистское «Руководство иракского региона» (так называемые левые баасисты Ирака), партия «Арабское социалистическое движение» и Патриотический союз Курдистана (ПСК).

12 ноября 1980 г. в Дамаске была подписана Хартия Демократического национально-патриотического фронта (ДНПФ). Хартию подписали 8 организаций: Социалистическая партия Курдистана, Единая курдская социалистическая партия, Арабское социалистическое движение, Партия арабского социалистического возрождения (Руководство иракского региона), Иракская народно-освободительная армия, Иракская коммунистическая партия, Патриотический союз Курдистана и независимые демократы.

Создание ДНПФ внешне могло восприниматься как важный шаг в деле достижения единства и сотрудничества патриотических сил Ирака, что подкреплялось и принятой ДНПФ Хартией. В этом документе основной упор делался на «свержение диктаторского режима и установление национально-демократической коалиционной власти на конституционной основе и многопартийной политической системе. Важное место в Хартии отводилось решению курдской национальной проблемы путем предоставления курдам подлинной автономии (главную силу ДНПФ составили курды, а базой фронта в Ираке стал Курдистан). Хартия придавала особое значение укреплению единства Ирака с другими арабскими странами на антиимпериалистической и антисионистской основе. ДНПФ ставил задачу укрепления «уз дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и социалистическими странами, увеличения вклада в дело мира и разрядки». Включение в Хартию этих крайне актуальных и ждавших своего разрешения проблем было лишь декларацией о намерениях.

Учитывая, что в рамках ДНПФ объединились партии, резко отли-
чавшиеся друг от друга идеологическими, целевыми и тактическими
установками (в одних рядах оказались марксисты (ИКП и близкая к
ней Социалистическая партия Курдистана), мелкобуржуазные со-
циалисты (левые баасисты), националисты (курды), левоэкстремис-
сты (Иракская народно-освободительная армия), можно было зара-
нее предсказать судьбу такого объединения. Ничего практически не
успевший сделать Фронт распался в конце того же года.

ГЛАВА 10

КУВЕЙТСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

10.1. Предпосылки второй войны в Заливе

Ирано-иракская война, завершившаяся фактически с нулевым результатом, оказала огромное воздействие на судьбу Ирака, на развитие ситуации в ближневосточном регионе и систему международных отношений в целом.

В ходе этой войны выявился ряд весьма значимых и нежелательных для США и других западных государств факторов, среди которых главное место занимали успехи, достигнутые Ираком в создании развитого военно-промышленного комплекса, в разработке им оружия массового уничтожения (ОМУ), включая широко применение на практике – химическое. Иракцы использовали модернизированные ракеты, продемонстрировали готовность оперативной мобилизации значительных людских и материальных ресурсов.

После окончания войны Ирак активно приступил к ликвидации ее последствий, продолжая одновременно наращивать свою военную мощь. Ирану на восстановление потребовалось значительно больше времени и сил. Реально это делало Ирак победителем в минувшей войне и кандидатом на роль региональной супердержавы.

Изменения в раскладе сил в зоне Персидского залива происходили на фоне глобальных перемен: не стало Советского Союза: в противостоянии СССР – США успех принадлежал американцам.

Для Вашингтона открывалась перспектива создания однополярного мира при сохранении статуса мощной военной державы. Начавшееся сближение России и США, провозглашена разрядка, предусматривавшая существенное сокращение вооруженных сил великих держав. В целях сохранения численности своих вооруженных сил Штаты перенаправили их на борьбу «с опасными врагами». Претворить в жизнь намеченные планы США решили с «зоны своих жизненно важных интересов» – Ближнего Востока. Помог им в этом своими намерениями и действиями лидер Ирака Саддам Хусейн.

Выйдя из войны с Ираном «победителем», Саддам Хусейн вновь заявил о своих притязаниях на лидерство в регионе.

После окончания войны правительство Ирака разработало в 1988 г. 10-летний план модернизации страны, который предусматривал восстановление разрушенного и грандиозное новое строительство, осуществление стратегических проектов (в том числе атомного) при сохранении неизменно высоких расходов на оборону.

Главное место в стратегии иракского руководства по наращиванию своего экономического и военного потенциала отводилось нефтяной отрасли. До начала кувейтского кризиса в 1990 г. Ирак производил 3,5 млн барр. нефти ежедневно (175 млн тонн сырой нефти в год), занимая третье место в рамках ОПЕК и шестое место в мире. Разработанная в 1988 г. программа развития нефтяной отрасли предусматривала подъем к 1992 г. уровня добычи нефти до 5–5,5 млн барр. в день (250–275 млн тонн в год) за счет ввода в эксплуатацию до 30 новых объектов нефтяной промышленности общей стоимостью 6,2 млрд долл. К 1990 г. в стадии реализации находились объекты стоимостью 5,4 млрд долл. Валютные поступления от экспорта нефти в то время оценивались в 18 млрд долл. в год[1]. Это давало руководству страны все основания полагать, что ближайший период станет благоприятным для основательной модернизации национальной нефтяной промышленности.

Основной акцент делался на освоение месторождения Западная Курна, доразведку и разработку нового нефтяного горизонта 3-й очереди месторождения Северная Румейла, освоение месторождений Маджнун, Нахр-Умар, Хальфия, Сафван, Гарраф, Насирия, Субба. В планы была включена дальнейшая разработка северных нефтя-

для месторождений Хурмаль и Хаббаз. Планировалось начать добычу нефти в центральной части страны – Восточная Багдад и Садам.

Программа предусматривала также большое трубопроводное строительство: завершение работ по пуску на полную мощность нефтепровода Румейла – Янбо, восстановление нефтепровода Румейла – Фао, строительство второго нефтепровода Хадита – Фао, восстановление терминалов в Фао и в порту Аль-Бакр, строительство новых нефтехранилищ в Басре и Хор-Зубейре. Прорабатывался вопрос строительства ирако-иорданского нефтепровода.

Иракское руководство, понимая невозможность получения от ОПЕК согласия на полную реализацию планируемого прироста нефти (квота Ирака в ОПЕК по добыче нефти на 1990 г. составляла 1,7 млн т. в год[2]), приняло решение о строительстве нефтехимических комплексов, способных обеспечить все внутренние потребности в продуктах нефтепереработки. Финансовое обеспечение намеченного плана, по представлению Саддама Хусейна, следовало взять на себя богатым братьям-арабам как компенсацию за те усилия, которые приложил Ирак, защищая суверенитет аравийских государств в войне с Ираном.

Свой выбор Саддам Хусейн остановил на Кувейте.

В годы ирано-иракской войны Кувейт оказал Ираку весьма существенную помощь и поддержку, отойдя в известной степени от традиционно провозглашаемого его руководством внешнеполитического курса нейтрализма. После окончания войны Кувейт поспешил вернуться к сбалансированной нейтралистской политике по отношению ко всем региональным государствам, включая Иран и Ирак. Уже в феврале 1988 г. посол Кувейта в Вашингтоне Сауд Насир аль-Сабах попытался отмежеваться от враждебного отношения Ирака к Ирану, заявив: «Мы играем роль посредника между Ираком и Ираном, и мы никогда не встанем на сторону одного мусульманского государства против другого»[3].

В сентябре 1989 г. Иран восстановил дипломатические отношения с Ираком на уровне посольств. (Кувейт сохранял дипломатические отношения с Ираном на протяжении почти всей ирано-иракской войны)[4].

В феврале 1989 г. высокопоставленная кувейтская делегация посетила Багдад и сообщила о готовности Совета сотрудничества арабских государств зоны Персидского залива (ССАГПЗ) способствовать сближению Ирака и Ирана, а также участвовать в послевоенном восстановлении обоих государств[5].

Налаживая свою стратегическую линию нейтрализма, Кувейт исходил из оценки региональной ситуации как не таившей в себе в ближайшее время какой-либо серьезной опасности. Кувейтское руководство не видело для себя угрозы со стороны Ирака. Трудно было представить, чтобы ослабленные войной Ирак и Иран могли впутаться в новую военную авантюру. Багдад, по представлению Кувейта, должен был направить все свои усилия на экономическое развитие, и в этой ситуации для него крайне важное значение приобретало налаживание регионального сотрудничества[6].

На тот момент кувейтские власти не сумели дать правильную оценку Ираку как одному из вполне реальных претендентов на региональное лидерство. В своих представлениях о региональном экономическом сотрудничестве они исходили из твердой убежденности в заинтересованности Ирака в помощи Кувейта, а поэтому не видели оснований для создания иракским руководством конфликтной ситуации в отношениях с Кувейтом. Самое худшее, чего можно было ожидать от Ирака, по оценке кувейтцев, это провокаций по малозначимым пограничным спорам. Но такие вопросы всегда считались решаемыми с применением обычных для арабского сообщества средств – межарабского посредничества и достижения согласия на основе компромисса. Кувейтское руководство полагало, что любая проблема, которая может возникнуть между их страной и Ираком, будет урегулирована на основе нейтрализма и арабской солидарности[7]. Ошибочность оценки кувейтским руководством региональной ситуации и планов Багдада выявилась очень скоро.

Давние притязания Ирака к Кувейту – исторического, территориального, экономического, политического плана – в середине июля 1990 г. достигли стадии конфликта. Но этому предшествовала довольно длительная целенаправленная деятельность иракского руководства во главе с Саддамом Хусейном, начатая сразу же после окончания войны с Ираном. Целью Багдада было укрепление и су-

шественное повышение имиджа Ирака на региональном, общеарабском и локальном уровне, что, по мнению иракских лидеров, прежде всего Саддама Хусейна, должно было подготовить руководителей и общественность арабских и региональных государств к лояльному восприятию той политики, которая была намечена на ближайшие годы иракским вождем. В арсенал средств, направленных на достижение поставленной задачи, была включена исламская риторика, явно рассчитанная на поддержку масс. Обращение к исламу должно было в этом случае стать общей платформой к созданию антиамериканского фронта с Ираном. Сам Саддам не рассматривал эту кампанию как утверждение в Ираке исламских законов. Он пытался оградить иракский шиизм от влияния шиизма иранского, делая акцент на арабском, антииранском кредо, особо подчеркивая ведущую роль в исламе арабов.

Саддам Хусейн был заинтересован в поддержке арабами его планов в отношении Кувейта. Согласно иракским источникам, Саддам пытался убедить египетского президента Мубарака в том, что богатства арабов должны перераспределяться и что «голодающее население Египта» должно получать компенсацию за счет «Кувейтского Креза». Средством убеждения Мубарака в значимости «Богатого Креза» явилась передача Египту Хусейном в конце июля 1990 г. 25 млн долл. на закупку пшеницы. И было обещано получение в скором времени следующих 25 млн долл. сразу после вторжения в Кувейт[8].

Начало нарастанию напряженности в ирако-кувейтских отношениях было положено выступлением президента Ирака Саддама Хусейна на внеочередном арабском саммите в Багдаде 30 мая 1990 г., где он в безличной форме обвинил «некоторые страны» в превышении установленных ОПЕК экспортных нефтяных квот, подчеркнув, что снижение на один доллар цены за один баррель нефти означает для Ирака потерю одного миллиарда долларов в год[9]. Президент Ирака оценил нефтяную политику данных государств как имеющую антииракскую направленность и причинившую огромный ущерб экономике его страны».

15 июля заместитель премьер-министра, министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз в направленном генеральному секретарю Ли-

ги арабских государств Шазли Голейби меморандуме возложил ответственность за причиненный Ираку ущерб на Кувейт, который, воспользовавшись занятостью Ирака войной с Ираном, добывал нефть на иракской территории. В меморандуме Кувейт и ОАЭ обвинялись также в преднамеренном сговоре продажи нефти в размерах, значительно превышавшем квоты, определенные им ОПЕК, что привело к резкому падению цены на нефть на мировом рынке, причинившему за 1981–1990 гг. ущерб Ираку в размере более 89 млрд долл. 17 июня Саддам Хусейн прямо обвинил Кувейт в том, что тот является одним из инициаторов «экономической войны» и, кроме того, незаконно пользуется нефтяными месторождениями Румейлы, находящимися на иракско-кувейтской границе. В качестве компенсации за «кражу иракской доли» от Кувейта Ирак потребовал выплаты компенсации в сумме 2,4 млрд долл. за нефть, якобы добытую Кувейтом на иракских месторождениях в районе Южной Румейлы в течение 1980–1990 гг., списать десятимиллиардный долг Ирака Кувейту, образовавшийся из беспроцентных кредитов, полученных Ираком за годы войны с Ираном (хотя долг Ирака Кувейту составил за годы войны 14 млрд долл., к тому же кувейтская сторона не ставила вопрос о его погашении) и согласиться на демаркацию границы между двумя государствами на условиях Багдада[10]. Ирак обвинял Кувейт в незаконном захвате островов Персидского залива Варба, Бубиян и Файлака, что заградило проход Ирака в воды Залива[11].

Попытки Египта, Саудовской Аравии и Йеменской республики урегулировать кризис в иракско-кувейтских отношениях успеха не имели. 1 августа король Саудовской Аравии Фахд ибн Абдель Азиз организовал в Джидде встречу между наследным принцем Кувейта шейхом Садом и вице-президентом Ирака Иззатом Ибрагимом. Оба представителя договорились продолжить встречу через три дня в Багдаде, а после этого – собраться в Кувейте. Однако всего лишь через семь часов по завершении встречи в Джидде иракские войска вторглись в Кувейт[12]. Иракская делегация предъявила Кувейту ультиматум, потребовав от него, помимо списания прежнего долга, займа на сумму 10 млрд долл., а также передачу прав на владение островами Варба и Бубиян. Этих требований Кувейт не принял[13].

Оккупация Ираком Кувейта. Реакция мирового сообщества

Сосредоточив у кувейтской границы 100-тысячное войско, Ирак 2 августа 1990 г. оккупировал Кувейт. 7 августа Багдад провозгласил «всеобъемлющее, вечное и неразделимое единение с Кувейтом»[14]. 8 августа Саддам Хусейн объявил об аннексии Кувейта, о превращении его в 19-ю провинцию Ирака, названную «Аль-Саддамия».

Претендуя на роль выразителя интересов всей арабской нации, С. Хусейн выдвинул идею увязки урегулирования «проблемы Кувейта» с «немедленным и безусловным выводом израильских войск с оккупированных арабских территорий», выводом сирийских войск из Ливана, одновременным уходом Ирака и Ирана с территорий, оккупированных ими в ходе недавней войны, а также вывод войск Соединенных Штатов из зоны Залива. Иракский президент предложил, чтобы эти принципы коснулись каждой из названных сторон и сопровождались их реальным уходом. Все это должно быть осуществлено до перехода к рассмотрению кувейтского вопроса[15].

Захватив Кувейт, иракский президент заявил о намерении справедливо распределить богатства между имущими и бедными арабами», что на деле означало установление контроля над нефтяными богатствами Кувейта, которые вместе с иракскими составили бы около пятой части мировых запасов нефти. В 1989 г. Ирак экспортировал до 2,26 млн барр. в день (113 млн тонн в год). Это уже открывало Ираку возможность диктовать свои условия на мировом рынке нефти, поскольку от ее импорта зависели Западная Европа и Япония. Все это качественно изменило бы положение Ирака в мировом сообществе, особенно с учетом дальнейших экспансионистских планов, которые могли распространиться и на Саудовскую Аравию[16].

Миролюбивые силы встали на защиту Кувейта. Уже 2 августа Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 660, осудившую иракскую агрессию, потребовавшую немедленного и безоговорочного вывода иракских войск из Кувейта и призвавшую обе стороны к переговорам с целью разрешения имеющихся между ними противо-

речий[17]. Принятая 6 августа по инициативе США резолюция СБ ООН № 661 предусматривала введение системы санкций против Ирака, устанавливавшей полную торговую и экономическую блокаду Ирака. Для ее соблюдения создавалась специальная комиссия из всех членов Совета Безопасности[18].

С согласия Саудовской Аравии в районе конфликта был сконцентрирован наибольший со времени войны в Индокитае американский военный потенциал. На территории саудовского королевства в районе Хафр Аль-Батина вблизи границы с Кувейтом были дислоцированы около 700 тыс. сухопутных войск, из которых 450–500 тыс. были американскими. За ними по численности контингентов следовали Великобритания и Франция[19]. Всего в антисаддамовской коалиции приняли участие не менее 37 стран[20], из которых 14 – арабских[21].

В своих последующих резолюциях СБ ООН призывал Ирак к прекращению всех насильственных действий в отношении населения Кувейта, выводу своих войск из этой страны и возмещению нанесенного ей ущерба. 29 ноября 1990 г. Совет Безопасности принял резолюцию 678, предоставившую Ираку шанс «проявить добрую волю и выполнить условия ранее принятых резолюций» до 15 января 1991 г. В случае их невыполнения, – говорилось в резолюции 678, – будут использованы все необходимые средства, в том числе и вооруженные, для восстановления международного мира и безопасности[22].

В течение 45 дней от принятия резолюции 678 до критической даты было предпринято много усилий различными международными организациями, отдельными странами и видными политическими лицами, направленных на предотвращение развития событий по военному сценарию. Однако Саддам Хусейн отверг все мирные варианты решения конфликта.

В результате силы антииракской коалиции, получившие мандат ООН, начали против Ирака операцию «Буря в пустыне», целью которой было уничтожение иракской военной мощи. Военные действия продолжались с 17 января до конца февраля 1991 г. Саудовский генерал Халед Ибн Султан, командовавший Объединенными сухопутными войсками, под началом которого находились вооруженные

сил 14 арабских и исламских государств и 11 неисламских формирований, начал войну в Заливе «первой войной космической эры»[23]. Сухопутными войсками США командовал американский генерал Шварцкопф.

Первой и самой впечатляющей по своей разрушительной силе частью этой войны была воздушная кампания. Она началась рано утром 17 января 1991 г. с уничтожения на границе двух иракских станций раннего обнаружения вертолетами АХ-64 «Апачи», оснащенными ракетами «Хелфайер» и «Хайдра». Они пробили брешь в системе ПВО Ирака, в которую устремились ударные самолеты авиации F-15E «Игл» и F-14 «Томкэт», а за ними в течение 25 минут на Ирак волнами накатывали американские истребители «Найтхок Стелс» F-117 и запускались крылатые ракеты «Томагавк». В итоге были разрушены здания штабов, системы управления, удары наносились по президентскому дворцу, подземным КП ВВС и ПВО, командным центрам войск ПВО в различных частях страны. В течение первых 48 часов боевых действий примерно 180 крылатых ракет были выпущены против наиболее важных целей на территории Ирака[24]. За первый час воздушной кампании против Ирака было произведено 200 боевых вылетов, за первый день – 900, за первую неделю – 4000. Удары наносились в течение 38 дней, пока у иракцев не была сломлена воля к сопротивлению[25].

По признанию Халеда Ибн Султана, иракская авиация вела упорную борьбу с Коалицией за воздушное пространство и порой добивалась поразительных успехов. Так, в одном из боев иракцы сбили шесть самолетов «Торнадо» британских Королевских ВВС, сбрасывавших бомбы над сильно охраняемыми иракскими авиабазами с целью вывести из строя аэродромы[26].

Саудовский генерал давал высокую оценку военной мощи Ирака, особенно выделяя созданную им систему противовоздушной обороны. С помощью Советского Союза и Франции Ирак создал плотную оборонительную систему, которую некоторые эксперты считали даже более грозной, чем система ПВО Варшавского договора в Восточной Европе. Она была самой мощной на Ближнем Востоке: состояла из 16 тыс. ракет класса «земля-воздух», 10 тыс. зенитных орудий и 700 самолетов. Французы объединили эту сеть с по-

мощью сложной системы управления под названием «Кари». В нейтрализации этой системы Коалиция видела залог успеха. За первые дни войны в результате 800 боевых вылетов было уничтожено 29 центров противовоздушной системы Ирака, что означало разрушение системы «Кари»[27].

Война в воздухе продолжалась шесть недель. Воздушные налеты, бомбовые и ракетные удары нанесли непоправимый урон ВВС Ирака, полностью разрушив систему руководства и управления наземными войсками. Отсутствие связи привело к разобщенности иракских частей, к их изоляции друг от друга, к утрате их командованием ориентиров. Была нарушена связь Багдада с фронтом. Такая дезорганизация в войсках дополнялась утратой в результате воздушных налетов авиации коалиционных сил огромного количества военной техники, боеприпасов, материальных средств Ирака. Замена уничтоженных средств и поставки на фронт всего необходимого были крайне затруднены из-за разрушения мостов, автомобильных и железных дорог. Эти факторы негативно сказались на моральном состоянии личного состава войск Ирака.

Перед Коалицией стояла задача освобождения Кувейта от находившихся на его территории иракских вооруженных сил. Наземная операция была проведена 24–27 февраля 1991 г. 25 февраля иракские войска по приказу Саддама Хусейна оставили Кувейт. Многонациональные силы Коалиции вытеснили иракские войска из Кувейта и, продвигаясь на север, вторглись в южные районы Ирака. Среди них контингентов, находившихся под командованием генерала Халеда Ибн Султана, не было: они «получили четкий приказ не ступать ногой на иракскую землю»[28].

В Ираке американские и английские войска с самого начала наземной операции встретили ожесточенное сопротивление регулярной армии и народного ополчения. Очень скоро союзные войска стали вести себя как оккупанты, проводя жесткие зачистки и аресты. По городам и опорным пунктам иракской армии наносились непрерывные удары авиации и ракет с использованием сверхмощных неуправляемых бомб. В итоге, вопреки представлениям американских политиков и военных стратегов, население Ирака не оказало оккупантам того благожелательного приема, на который они рассчиты

вали. Даже в шиитских южных районах, где были сильны антисаддамовские настроения, население повело себя по отношению к американцам и британцам настороженно и неприязненно, хотя это вовсе не означало готовности иракских шиитов встать на защиту суннитского Багдада[29].

В Ираке были установлены так называемые «бесполетные зоны», расположенные севернее 36-й и южнее 32-й параллелей, которые контролировались с 1991 г. авиацией США и Великобритании. СБ ООН не давала разрешения на бомбардировки иракской территории. Однако англо-американская авиационная группировка наносила практически еженедельно ракетно-бомбовые удары по различным объектам Ирака. Формальным поводом для установления этих зон являлась защита курдских территорий на севере и шиитских на юге от возможного нападения иракской армии[30].

10.3. Оппозиция саддамовскому режиму

10.3.1. Оппозиция военных

Готовясь к военной кампании против Ирака, лидеры Коалиции рассчитывали на активную поддержку оппозиционных сил страны. Особые надежды возлагались ими на заговорщиков из числа военных, в задачу которых входило свержение режима. Однако эти политические силы, не имевшие какой-либо значимой социальной опоры, оказались неспособными не только свергнуть существующий режим, но и организовать против него выступление.

Одна из таких групп сложилась вокруг бывшего представителя Ирака в ООН и жившего в Лондоне Салаха Омара аль-Али аль-Тикрити, называвшая себя «Иракское национальное согласие». Ее лидер родом из Тикрита, рассчитывая на свои семейные связи, а также на связи с партией Баас, полагал возможным организовать выступление в непосредственном окружении Саддама.

В число первых создателей группы аль-Тикрити входил Аяд Алауи. Он полагал, что изменить иракский режим можно только путем вовлечения в решение этой задачи существующий иракский истеблишмент. Определенные надежды союзников на эту группу свя-

зывались с участием некоторых ее членов в неудавшейся попытке переворота за несколько месяцев до кувейтского кризиса. Заговорщики планировали убить С.Хусейна во время ежегодного парада в Багдаде. Но 26 апреля 1990 г. заговор был раскрыт, его участники арестованы и казнены. Но и после этого члены группы от своей идеи переворота не отказались.

Группа аль-Тикрити, поддерживаемая Саудовской Аравией, с начала 1991 г. стала использовать свои связи и убеждать высокопоставленных чиновников режима изменить С. Хусейну. Их целью был захват власти после поражения Хусейна в войне с коалиционными силами. Против Хусейна должна была выступить группа из 6 занимавших высокие посты генералов при поддержке десятков других офицеров – их коллег.

Наступление войск коалиции завершилось их победой, но иракские генералы так и не выступили.

Другой военной оппозиционной эмигрантской группой была находившаяся в Дамаске организация генерала Аль-Накыба, предложившая создать повстанческую армию из солдат, дезертировавших или сдавшихся в плен в ходе войны в Заливе. Аль-Накыб был готов привлечь более 300 офицеров-эмигрантов для подготовки этих солдат в случае, если Саудовская Аравия предоставит для этого свою территорию.

План обсуждался в Пентагоне и Саудовской Аравии, но претворение его в жизнь так и не началось, поскольку этот замысел требовал больших финансовых и организационных затрат.

Армейская и чиновничья оппозиция, состоявшая из замкнутых небольших элитарных групп, не проявила активности даже в исключительных условиях хаоса в момент завершения войны. Главной причиной этого была неспособность этих сил влиять на ситуацию в стране из-за отсутствия у них опоры, определенной социальной базы, а также поддержки в силовых структурах и госаппарате Ирака.

27 февраля 1991 г. завершились наземные военные действия союзников в рамках операции «Буря в пустыне», а на следующий день премьер-министр Великобритании Дж. Мейджор призвал иракцев свергнуть режим Саддама Хусейна. Ранее, 15 февраля, еще до нача-

на наземной операции, с таким же призывом обратился к иракскому народу президент США Джордж Буш-старший.

Поражение иракских войск послужило сигналом для выступления против диктаторского режима традиционных оппозиционных сил Ирака. Открыто побуждаемые союзниками почти одновременно на борьбу против Багдада поднялись шииты на юге и курды на севере.

10.1.2. Восстание шиитов

Первые признаки волнений на юге появились еще в середине февраля, когда в городах Басра и Диванийя прошли демонстрации под антибаасистскими, антисаддамовскими лозунгами. 2 марта 1991 г. в Басре началось восстание шиитов. Повстанцы громили правительственные учреждения, отделения партии Баас, спецслужб, освобождали из тюрем заключенных. Сотни сотрудников спецслужб и партийных функционеров были убиты. Зачинщиком мятежа явилась отступавшая из Кувейта иракская армия, которую поддержало гражданское население. За неделю восстание охватило весь юг страны, включая священные города шиитов – Кербелу и Неджеф. Волнения быстро перекинулись и на другие, преимущественно шиитские города – Амара, Насирийя, Кут, ставшие оплотом повстанцев. Что касается сельских районов, то видные шейхи крупных племен призывов не поддержали и даже оказывали помощь правительственным войскам в восстановлении порядка. Повстанцы жестоко расправлялись с теми, кого они считали «агентами» режима и их «пособниками». Без суда они казнили баасистов и членов их семей. Отряды республиканской гвардии с чудовищной жестокостью подавили выступления шиитов. Против своего народа были применены авиация, артиллерия, танки, напалмовые и фосфорные бомбы и снаряды.

Движение развивалось спонтанно, оно сразу приобрело характер народной интифады, в которой нашло свой выход копившееся десятилетиями недовольство шиитов своим социальным и экономическим положением, политической дискриминацией. Восстание не

имело единого руководства, не обнаруживались и признаки какого-либо влияния иракской зарубежной шиитской оппозиции. Не было также связи и координации действий между поднявшимся на борьбу курдским севером и шиитским югом. Но к вспыхнувшим в Ираке беспорядкам проявляли самый живой интерес Иран, администрация США, некоторые арабские страны, представители светской зарубежной иракской оппозиции. Опираясь на свои связи с различными группировками в шиитской среде Ирака, все они стремились использовать антисаддамовское движение для достижения собственных целей.

Восстание шиитов вдохновлялось и поддерживалось Ираном. Накануне выступления иракцев в Иране были подготовлены два боевых подразделения в помощь повстанцам. Одно было сформировано из иракских военнопленных, оставшихся в Иране после обмена пленными между обеими странами в 1990 г. Другим был отряд «Корпуса Бадр», в который вошли иракские шиитские беженцы, покинувшие Ирак или изгнанные из него в разные годы баасистскими властями. В составе этих групп были и иранцы – офицеры связи, координировавшие действия повстанцев на юге.

В тот момент, когда шииты развернули широкую борьбу против Саддама, в иранских СМИ стала активно муссироваться идея исламско-фундаменталистской направленности иракской шиитской интифады. Такое развитие событий никак не устраивало ни США, ни их европейских союзников: перспективе получить на Ближнем Востоке еще один исламский фундаменталистский «Иран» они предпочли сохранение ослабленного режима Саддама Хусейна как противовеса исламской шиитской угрозе в Ираке.

Власти Багдада оказались в чрезвычайно сложной ситуации: стремительно нарастало движение и курдов, и шиитов. Вести одновременно борьбу против повстанцев и на севере и на юге правительство было не в состоянии. На помощь ему пришли союзники, позволившие разгромить как курдскую, так и шиитскую оппозицию. Впоследствии США взяли курдов под свою защиту, выведя их из-под контроля Багдада, в то время как юг страны подвергся особенно жестоким репрессиям. Американцы, например, открыто заявили, что запрет на полеты боевых иракских самолетов на юге страны не каса-

вертолетов, которые сбивать никто не будет. Запретной для полетов являлась зона южнее 32-й параллели, т.е. района расселения шиитов. Такое заверение развязало режиму Саддама руки. Отряды республиканской гвардии, самой боеспособной и беспощадной в расправе с мирным населением части армии, вытеснили повстанцев из всех занятых ими городов. Шииты обратились к командованию многонациональных сил, находившихся недалеко от Басры, с просьбой о поддержке, но ответа не последовало. Правительственные войска тем временем учиняли расправу над местным населением. На танковой броне красовались надписи: «С сегодняшнего дня – никаких шиитов». Войска нанесли удары по важнейшим шиитским святыням и мечетям, где собирались повстанцы. Западные журналисты, побывавшие в Кербеле после акций по «умиротворению», свидетельствовали: «На расстоянии пятисот ярдов от двух святынь (гробниц Хусейна и его единокровного брата Аббаса, погибшего вместе с Хусейном в битве при Кербеле в 680 г. – Н.С.) разрушения напоминали Лондон на пике его бомбардировок германской авиацией во время второй мировой войны».

21 марта власти заставили аятоллу Сейида аль-Касема аль-Хоуи заявить о своей поддержке Саддама Хусейна и призвать шиитов к прекращению восстания.

К концу марта 1991 г. восстание было разгромлено. Спровоцированное во многом союзниками, оно было потоплено в крови. Десятки тысяч мирных жителей были убиты, но еще большее их число было вынуждено покинуть свои дома. Более 50 тыс. беженцев устремились через границу в Саудовскую Аравию, а тысячи других нашли прибежище в Иране или укрылись в болотистых районах юга Ирака. В течение лета 1991 г. выступления повстанцев-шиитов против режима Саддама Хусейна продолжались. Они носили в основном характер террористических актов, диверсий против властей и политических убийств. Отряды боевиков базировались на территории Ирана и не могли предпринимать какие-либо серьезные действия без санкции Тегерана.

10.3.3. Восстание курдов

Одновременно с шиитами на севере страны восстали курды. К началу событий, связанных с кувейтским кризисом, Багдад в целом, казалось, подавил сопротивление курдов, установив полный контроль над большей частью Курдистана, значительно изменив демографическую ситуацию в районе, изолировав его с помощью «арабского пояса» от возможных источников снабжения из Ирана и Турции, и, наконец, добившись усиления раскола в национальном движении курдов. Однако события, последовавшие за поражением Ирака от многонациональных сил зимой 1991 г., показали, что курды не утратили ни решимости, ни способности сражаться за свои права.

В марте 1991 г., воспользовавшись дезорганизацией государственного и военного управления страной, наступившего в результате поражения Ирака, а также отвлечением наиболее боеспособных сил иракской армии на подавление поднявших восстание шиитов на юге страны, курды перешли в наступление и установили контроль над всей территорией их проживания, включая города Мосул, Эрбиль и Сулеймания. Некоторое время они контролировали и Киркук. Курдские провинции Северного Ирака оказались под контролем Фронта Иракского Курдистана. К восстанию и шиитов и курдов настойчиво призывало американское руководство, а когда выступления начались, охватив 40% территории страны, оно не предприняло необходимых мер для предотвращения вооруженного подавления иракскими правительственными войсками восстаний и на юге и на севере.

Расправившись с шиитами, Багдад бросил против курдов войска, сформированные из отборных частей республиканской гвардии. Они быстро вытеснили курдов из городов. Авиация бомбила селения, дороги, места скопления беженцев. 2,5 млн мирных жителей покинули свои дома и под бомбежками и артиллерийским обстрелом перед угрозой нового применения химического оружия устремились в горы, где они погибали от голода и холода. Около 200 тысяч курдов оказались на территории Турции и Ирана[31].

Над курдским народом нависла угроза истребления, от которого его спасло вмешательство внешних сил: в курдские районы были

введены части американских, английских и французских войск, заменившие собою иракские части и приостановившие репрессии против курдского населения. В район были направлены грузы гуманитарной помощи – продовольствия, медикаментов, что спасло население от голода. Были возведены палаточные городки для курдских беженцев. С целью создания условий для возвращения курдов союзники приняли решение установить на севере Ирака «зону безопасности» под международной опекой, которая в дальнейшем должна была стать «основой подлинной курдской автономии». 5 апреля 1991 г. СБ ООН принял резолюцию № 688, установившую зону безопасности севернее 36 параллели[32]. Из этой зоны были полностью выведены иракские войска, а провинции Сулеймания, Эрбиль, Дохук перешли под контроль Фронта Иракского Курдистана, образовав единый «Свободный Курдистан».

Выступления оппозиции не привели к свержению режима С. Хусейна. Сказалась слабость антисаддамовских сил, отсутствие координации действий как между различными группами этой оппозиции, так и многоликость, внутренняя разобщенность самих этих групп, которым противостояла военная мощь государства.

В разгроме оппозиции сыграла свою роль двойственная позиция командования многонациональными антисаддамовскими силами, подтолкнувшего противников Саддама на активные выступления и не оказавшего им реальной поддержки, на которую оппозиция, несомненно, рассчитывала. Свою лепту в исход событий весны 1991 г. на севере и юге Ирака внесли также внешние региональные силы – Турция, Иран, Сирия.

Война дорого обошлась иракскому народу. Ирак потерпел военное поражение, ему был нанесен колоссальный экономический ущерб бомбардировками авиации союзников и санкциями ООН, блокировавшими все связи Ирака, прежде всего экономические, со всем остальным миром. Была разрушена гражданская инфраструктура. Велики людские потери. Однако потенциально эта страна продолжала оставаться самым многообещающим в экономическом отношении государством Арабского Востока: неизменными оставались главные богатства Ирака – его людские, нефтяные, водные и прочие природные ресурсы, позволявшие, по оценкам экспертов,

восстановить экономический потенциал за довольно короткий срок – от 5 до 10 лет.

К тому же, как показало послевоенное развитие ситуации в стране, победа союзников не была столь всеобъемлющей, как это представлялось в ходе и сразу после завершения операции «Буря в пустыне». По мнению генерала Халеда Ибн Султана, США не собирались официально принять капитуляцию иракской стороны и публично признать поражение Саддама Хусейна. Лучшие части и соединения иракской армии, прежде всего республиканская гвардия, сумели выйти из-под удара многонациональных сил и сохранить свою боеспособность, что означало сбережение Ираком в значительной степени своего военного потенциала. Среди мотивов, которыми руководствовалась в своих действиях американская администрация после войны в Заливе, Халед называет ее предположение о возможном скором свержении Саддама иракским народом. Не исключалось также и решение США «позволить Ираку сохранить мощь, достаточную для самообороны и роли регионального противовеса Ирану»[33].

Поражение, понесенное Ираком в войне в Персидском заливе в 1991 г., поставило на грань выживания политический режим Саддама Хусейна. Однако в условиях унизительного разгрома, международной блокады и падения престижа он сумел удержаться у власти, подавив в непродолжительной гражданской войне выступления как армейской светской, так и шиитской религиозной оппозиции, и локализовав оппозицию курдскую. Вопреки всем ожиданиям и прогнозам за короткий срок Саддам восстановил эффективный контроль над большей частью территории страны.

Прочность политического режима, сочетание богатства природными ресурсами с сохранившейся военной мощью делали Ирак по-прежнему чрезвычайно важным элементом региональной системы международных отношений.

10.4. Внутренняя политика иракского руководства после окончания войны

Восстановив контроль над ситуацией в стране, Саддам Хусейн приступил к реорганизации главной опоры своего режима – партии Баас, существенно ослабленной военным поражением и восстаниями курдов и шиитов. Главной целью этой перестроечной работы было спасение партии, восстановление народного доверия к ней, организационное укрепление ее рядов. Средством достижения этой цели должны были стать выборы партийных лидеров, либерализация процесса принятия решений и переоценка внутренней и внешней политики партии.

Проведенные выборы лишили важных партийных постов ряд министров правительства, что стало следствием той огромной пропасти, которая образовалась в предшествующие годы и продолжала нарастать между рядовыми членами партии и высокопоставленными лицами правительства. При этом верхняя часть иерархической лестницы партии Баас не была затронута выборами: Саддам Хусейн и его ближайшее окружение сохранили свои посты.

Наряду с тенденцией роста отчужденности между различными иерархическими группами партии Баас в начале 90-х гг. отчетливо проявилась и прямо противоположная – интеграционная – линия. Ее активизация была вызвана факторами, порожденными восстаниями шиитов и курдов: мятежники казнили тысячи баасистских функционеров, зачастую вместе с семьями. Эта месть заставила партию сплотиться.

Широкая кампания убийств баасистских должностных лиц, включая некоторых деятелей культуры, искусства, представителей интеллигенции, возродила и укрепила связи между партией и режимом. «Билета баасистской партии было достаточно, чтобы убить человека независимо от того, был ли он шиитом, курдом или суннитом. Это встревожило членов партии, заставив думать, что их судьба, возможно, больше, чем когда-либо раньше, связана с сохранением режима», – заявил декан факультета международных отношений Багдадского университета доктор Саяд Наджи Джавад[34].

Реформа в партии проявилась и в кадровых изменениях среди руководителей среднего и низшего звена. Сложившаяся в Ираке с 1979 г. фактическая однопартийная система означала членство в Баас непременным условием успешной карьеры в любой сфере деятельности. Следствием этого стали такие негативные явления, как кумовство, коррупция, засилье карьеристов на ключевых партийных постах. Главной чертой этих функционеров Баас было умение приспосабливаться и выживать в жесткой закулисной борьбе. Практически все они проявили полную беспомощность в момент восстания курдов и шиитов, неспособность принимать ответственные решения без указаний из Багдада.

После марта 1991 г. руководство Баас пыталось поощрять внутренние дискуссии в партийных организациях, вернуть преданность членов партии. Было даже разрешено выходить из партии без обычных преследований и допросов со стороны сил безопасности.

С окончанием войны руководство Баас стало уделять повышенное внимание работе с молодежью, направленной на обеспечение преемственности политической традиции, на оживление деятельности партии, а главное – на установление контроля над наиболее социально активной частью иракского общества. В 1992 г. партия намечала специальную программу работы с молодежью, в которой особое внимание уделялось демобилизованным солдатам, безработным, людям с высшим образованием, работавшим не по специальности.

Восстанавливавшаяся власть возможность своего сохранения и дальнейшего укрепления связывала с возвращением страны к нормальной жизни, что означало – наряду с внесением коррективов в методы и направленность партийной работы – сосредоточение внимания на возрождении экономического потенциала страны. При этом ставилась задача не только восстановления разрушенного до довоенного уровня, но существенное его обновление и дальнейшее развитие. На это были направлены разработанные властями краткосрочные и долгосрочные планы, охватывавшие все отрасли высокоразвитой современной иракской промышленности, практически уничтоженной во время кувейтской войны.

Решение поставленной задачи в условиях тех всеобъемлющих запретительных санкций, изолировавших Ирак от внешнего мира, тех страшных разрушений, которые принесли действия сил антииракской коалиции в 1991 г., и продолжавшиеся все 90-е годы, представлялось абсолютно недостижимым. Но страна, вопреки всем преградам, начала возрождаться. Главными успехами этого процесса стали прежде всего восстановление и развитие нефтяной промышленности, запуск новых месторождений («Саддам» – 2,5 млн т в год) и продолжение буровых и изыскательских работ, восстановление нефтехранилищ, системы трубопроводов, нефтеэкспортных терминалов и многое другое.

Одновременно налаживалась работа в сфере электроэнергетики, одной из наиболее мощных на Ближнем Востоке. По заявлению иракских официальных лиц, было восстановлено свыше 90% поврежденного оборудования. Однако эта отрасль на 1998 г. не достигла уровня 1990 г., не гарантировалась также бесперебойность поступления электроэнергии потребителям. Причина – общая на тот момент для всей экономики Ирака изношенность (или полное отсутствие) необходимого оборудования и невозможность его приобретения из-за рубежа.

Уделялось большое внимание налаживанию работы предприятий черной и цветной металлургии, машиностроительной, строительной, химической, текстильной, пищевой и фармацевтической отраслей. Планировалось создание многих новых объектов в самых разных отраслях промышленного производства. Важно отметить, что все работы велись самими иракцами, без привлечения иностранных специалистов[35].

В 90-е годы Ираку в условиях жесткого торгово-экономического эмбарго и контроля Комитета по санкциям удавалось не только восстанавливать, но и развивать производственные мощности отдельных отраслей хозяйства. Успехи в промышленности и строительстве наглядно свидетельствовали о потенциальных возможностях иракской экономики, служивших основанием интереса иностранных компаний Запада к рынку Ирака[36].

Однако непрекращавшиеся на протяжении всех 90-х гг. бомбардировки территории Ирака англо-американской авиацией и сохра-

нявшиеся санкции не привели к налаживанию нормальной жизни иракцев, страдавших от разрухи, безработицы, нехватки продуктов питания, болезней и фактического отсутствия медицинской помощи[37].

10.5. Этноконфессиональная политика Багдада в 90-е годы
10.5.1. Шиитский юг после интифады

На протяжении 90-х гг. шиитское население юга Ирака было поставлено под жесткий контроль саддамовских спецслужб, подвергалось постоянным преследованиям, экономической блокаде и систематическим бомбардировкам иракских военных. Но наряду с карательными мерами иракское правительство в эти годы осуществляло мероприятия социального, политического и экономического порядка, направленные на ослабление влияния оппозиции и сохранение лояльности режиму шиитской части населения страны. Шииты демонстративно привлекались в управленческие структуры.

23 марта 1991 г. Саддам Хусейн произвел реорганизацию своего кабинета и впервые за 22 года баасистского правления назначил премьер-министром Саадуна Хаммади, шиита, выходца из Кербелы, демонстрируя тем самым свою готовность предоставить шиитам более значимое место в политике. Правда, скорее это был тактический ход, а не реальное намерение изменить шиитское представительство в центральной власти: за то короткое время, что Хаммади был у власти, принятие решений оставалось монополией Саддама и его ближайшего окружения. Уже в сентябре Хаммади был смещен. К этому времени иракский лидер почувствовал себя вновь достаточно прочно. Новым премьером стал Мухаммад Хамза аз-Зубейди, тоже шиит, хотя менее влиятельный, но известный своими прочными связями с шиитскими племенами. В районах, где проживает большинство шиитского населения, на административные и управленческие должности также назначались шииты.

Большой шум в начале 90-х гг. был поднят вокруг проекта «Третьей реки» – «Речного ирригационного проекта Саддама», который должен был стать самым могущественным символом обнов-

ния Ирака после войны 1990–1991 гг. Новая «река», а точнее, канал протяженностью 350 миль прокладывался от Махмудийи до Персидского залива. Это сооружение должно было, по замыслу его творца, нейтрализовать возложенные на Ирак международные санкции за счет существенного расширения обрабатываемых земель уже летом 1993 г. Комитет ООН по правам человека назвал этот проект «экологическим преступлением века». По мнению большинства экспертов, строительство «Третьей реки» – проект, прежде всего политический. Хотя он действительно увеличивал площади, пригодные для возделывания сельскохозяйственных культур, его главная направленность – расчленение шиитского общества и установление над ним жесткого постоянного контроля. Канал прокладывался таким образом, чтобы отделить главные священные города шиитов от сельской местности и тем самым ослабить идеологическое влияние Неджефа и Кербелы на рядовых шиитов.

Одновременно в 90-е гг. были начаты широкомасштабные работы по осушению болот на юге Ирака, что официально преподносилось как проявление доброй воли власти, направленной на улучшение положения живущих здесь испокон веков «болотных арабов». Однако более реальной была все та же цель: обеспечение контроля правительства над населением страны. Огромные по площади заболоченные районы Ирака, где в течение столетий сложился особый уклад жизни общины «болотных» арабов, оставались отдаленными от центра и недоступными для властей территориями страны. Здесь укрывались бандиты и преследуемые по политическим мотивам. Здесь обосновалась отделившаяся от иракской компартии группа аль-Хаджжа, избравшая в 1967 г. своей тактикой вооруженную борьбу против баасистского режима. Сюда бежали солдаты – дезертиры (например, во время ирано-иракской войны). Несмотря на то, что группы сопротивления в районах болот в 1991 г. не имели отношения к местному населению, Саддам принял решение ликвидировать «болотных» арабов как особую общину. Одним из поводов к осушению болот являлось также предположение о наличии в этом районе обширных месторождений нефти.

Правительство возвело в южных провинциях несколько городков для расселения шиитов. Многих «болотных» арабов переселили

в район специально прорытых водоотводных каналов или на дамбы, построенные для отделения одного канала от другого. Значительная часть болотистых территорий Ирака была осушена.

Вместе с тем власти не прекращали и силовых акций. В июле 1994 г. атаки военных на различные общины «болотных» арабов привели к разрушению целых деревень и массовому бегству обитателей болот в Иран. Против мирных жителей использовались ракеты и танки.

Одной из задач правительственной политики после 1991 г. было ослабление шиитского религиозного общества, подчинение себе его главного духовного центра – Неджефа, использование тактики «разделяй и властвуй» в отношении ученых улемов. Опала или ликвидация одних улемов сопровождалась выдвижением новых, обычно из конкурирующих фамилий.

Когда началось восстание 1991 г., верховный аятолла Абу аль-Касем аль-Хоуи был помещен под домашний арест, члены его семьи и советники из ближайшего окружения были отправлены в тюрьму, и некоторые из них убиты. После смерти аятоллы в 1992 г. за его сыном и другими шиитскими религиозными деятелями был установлен жесткий контроль.

Решая вопрос о преемнике аль-Хоуи, Багдад сделал ставку на выпущенного из тюрьмы Мухаммеда Садика Садра, арабского шиитского неполитического духовного лидера, выходца из известной в исламском ученом мире семьи, рано проявившего себя в качестве мусульманского авторитета в Неджефе. Он не поддерживал идею прихода к власти в Ираке исламистского правительства и осудил шиитскую интифаду 1991 г. Мухаммед Садр был двоюродным братом убитого в 1980 г. Мухаммеда Бакира Садра.

Власти предложили аятолле свободу религиозной деятельности, поддержку со стороны правительства и возможность развивать «арабское» шиитское крыло в обмен на отказ от политической деятельности и идей исламской революции, разрыв отношений с Ираном. Садр-второй принял эти условия.

Но в 90-е гг. в целом государство продолжало линию на ослабление религиозного общества в Ираке. В 1993 г. все религиозные структуры были национализированы и прикреплены к министерству

вакуфов и по делам религии. Возникла парадоксальная ситуация: шиитская иерархическая система превратилась в официальную организацию, относившуюся к государству, которое проводило политику, направленную против религиозных авторитетов. Одним из проявлений этого курса была поддержка традиционных умеренных исламских течений с «арабским лицом» в противовес революционным и проиранским. Однако попытки властей контролировать внутришиитские финансовые потоки, вмешиваться в формирование религиозной идеологии, выдвижение духовных лидеров и принятие фетвы продолжали вызывать скрытое сопротивление улемов. Несмотря на имевшуюся развитую сеть спецслужб и доносителей, государство не могло полностью контролировать шиитскую среду.

Мирное и «взаимовыгодное» сосуществование верховного аятоллы и режима не могло продлиться слишком долго. Популярность Мухаммеда Садра росла стремительно, а его активная религиозная деятельность вызывала раздражение властей и пресекалась. Аятолла пытался осуществлять массовые мероприятия, такие как молитва на могиле имама Хусейна в Кербеле, возрождение запрещенного С. Хусейном 50-мильного марша между Неджефом и Кербелой с участием сотен тысяч шиитов. В адрес М. Садра стали раздаваться угрозы. Противостояние между багдадским режимом и верховным аятоллой усилилось с введением М. Садром в 1998 г. обязательной для шиитов коллективной пятничной молитвы. В проповедях аятоллы звучала критика в адрес государства, осуждалась коррумпированность чиновников, которых призывали «вернуться к исламским ценностям в повседневной жизни и в работе». Власти потребовали от М. Садра отменить соответствующую фетву, а также ограничить массовый приток верующих к святыням в Неджефе и Кербеле. Верховный аятолла отказался. В ответ на это власти осуществили массовые аресты его векилей (заместителей и представителей на местах). М. Садр открыто потребовал освободить их, что было расценено как его выход из-под контроля. Садр, осудивший в 1991 г. антисаддамовскую интифаду шиитов на юге Ирака, в 1998–1999 гг. стал неудобен для властей. 18 февраля 1999 г. он, находясь вместе с тремя сыновьями в автомобиле, был обстрелян «группой неизвестных».

Вместе с М. Садром погибли и двое его сыновей. Багдадские власти выразили соболезнование третьему оставшемуся в живых сыну аятоллы. Вскоре было объявлено об успешном расследовании преступления, однако большинство в Ираке и за его пределами не поверило в непричастность режима к убийству М. Садра. По данным оппозиции, 22 его векиля сразу после ареста были казнены или приговорены к пожизненному заключению по обвинению в подрывной деятельности, их дома были разрушены. Убийство М. Садра вызвало демонстрации и выступления иракских шиитов на юге страны и в столице, приведшие к кровавым столкновениям.

Мухаммед Садр не занимался антиправительственной деятельностью, не поддерживал отношений с Ираном (где с подачи лидера ВСИРИ М.Б. Хакима его считали саддамовским агентом). Его устранили так же, как в свое время его родственника Мухаммеда Бакира Садра (первого), а в 1998 г. убили духовных авторитетов Гарави и Барджурди. Репрессии ужесточились после англо-американских бомбовых ударов в декабре 1998 г., когда власти почувствовали брожение в войсках и даже элитных частях республиканской гвардии, что грозило повторением выступлений образца 1991 г. В декабре 1998 г. шиитская оппозиция провела широкую диверсионно-террористическую кампанию на юге страны и в ее центральной части. Багдадские власти смогли восстановить контроль над ситуацией лишь в сентябре 1999 г. Последующие 3 года прошли относительно спокойно, прежде всего из-за постепенного сближения Багдада и Тегерана, что сильно ограничивало деятельность шиитской оппозиции. Однако она не отказывалась от своей цели свержения режима С. Хусейна и создания демократического Ирака, связывая решение этой задачи с совместными действиями других иракских оппозиционных сил и поддержкой извне.

10.5.2. Развитие Курдского автономного района в 90-е годы

Наступивший в Курдистане мир создал условия для практического осуществления лозунга «Курдистану – подлинную автономию» в отличие от ее урезанного варианта по закону № 33 1974 г.

Первейшей задачей в этом направлении было установление легитимной власти. Фронт Иракского Курдистана принял решение о выборах в Национальный совет (парламент) Курдистана. 19 мая 1992 г. в Южном Курдистане прошли первые парламентские выборы, результаты которых принесли практически равную победу представителям ДПК и ПСК, поделившим поровну места в законодательном органе. 4 июня 1992 г. было сформировано коалиционное правительство[38]. Впервые судьба курдов оказалась в их собственных руках.

Все происходившее тогда в курдских районах Ирака встречало самую горячую поддержку в других частях Курдистана и оценивалось как результат начавшейся здесь демократизации политического процесса. И вновь Иракский Курдистан выдвигался на передовые позиции среди остальных курдов, несмотря на многие срывы и неудачи предшествующих лет.

Национальной власти Иракского Курдистана предстояло решить множество проблем и среди них такие первостепенные, как восстановление разрушенного войной хозяйства и выработка программы экономического и социального развития района, а также, что особенно важно, осуществление мер политического характера, связанных с определением юридического статуса Иракского Курдистана, формулы его взаимоотношений с центральной властью Ирака, принятие законов, призванных содействовать утверждению демократических начал в политической жизни курдов.

За короткое время своего существования парламент принял около 100 законов и решений, направленных на нормализацию и демократизацию жизни в Курдистане. Среди них законы «О земле и земельной реформе», «О партиях», «О печати», «О запрещении ношения и применения оружия» и другие. Но наиболее важным явилось принятие 4 октября 1992 г. «Закона о федеративном союзе», в котором говорилось: «В нынешних условиях курдский народ единодушно решил свою судьбу и правовые отношения с центральной властью строить на основе федеративного союза в составе демократического Ирака»[39]. Это был качественно новый подход курдского руководства к решению сложнейшей внутриполитической проблемы

страны, своего рода идеал, в продвижении к которому политические силы курдов видели свою перспективную задачу.

Перед парламентом и правительством стояли сложные задачи по нормализации жизни в курдских провинциях, по восстановлению промышленности и сельского хозяйства, почти полностью разрушенных в годы войны.

Реакция на принятые курдским парламентом решения последовала незамедлительно. Резко негативную позицию по отношению к самому факту оформления законодательной и исполнительной власти в Южном Курдистане заняли Турция, Иран, Сирия. Собравшиеся в Анкаре в октябре 1992 г. министры иностранных дел этих стран, обсудив положение, сложившееся в Иракском Курдистане, заявили, что «не допустят нарушения территориальной целостности Ирака».

В этом заявлении нашла свое отражение обеспокоенность участников встречи не судьбой Ирака, территориальной целостности которого ничто не угрожало, поскольку во всех принятых курдским руководством документах говорится о реализации национальных прав курдов в рамках иракского единства. Власти Турции, Ирана и Сирии опасались прежде всего воздействия иракского примера на ситуацию в курдском движении в их собственных странах. Несмотря на наличие многих существенных противоречий в отношениях этих трех стран, в подходе к курдскому вопросу они проявляют редкое единодушие и готовы к любым действиям, чтобы не допустить утверждения позитивных тенденций в решении курдской проблемы. 90-е гг. наглядно продемонстрировали результаты избранного Турцией, Ираном и Сирией курса в курдском вопросе: их вмешательство в дела Южного Курдистана стало одним из существенных факторов, осложняющих ситуацию в регионе, и грозящих перерасти в конфликт значительно большего масштаба.

Не признало власть Регионального курдского правительства и руководство Рабочей партии Курдистана (РПК), поставившее под сомнение его легитимность. РПК заявила о своей готовности добиться освобождения Южного Курдистана от «ставленников иностранных государств», к которым были причислены ДПК и ПСК, и провозгласить независимое курдское государство в освобожденных

районах «Северного и Южного Курдистана», т.е. Турецкого и Иракского Курдистана.

Воспользовавшись слабостью Региональной курдской власти Ирака в начале ее деятельности, РПК создала военные базы и политические отделения своей организации на приграничных с Турцией иракских территориях. Своими действиями РПК серьезно осложняла работу Регионального курдского правительства, создавая тем самым предпосылки для неизбежного вмешательства в дела Южного Курдистана внешних сил, что имело своим следствием раскол в зыбком, не успевшем укрепиться внутриполитическом курдском единстве. Курдский парламент был вынужден предпринимать военные операции по разоружению и нейтрализации сил РПК вдоль турецкой границы. К этим акциям иракских курдов подталкивали постоянные угрозы вторжения в северные районы Ирака, исходившие от Турции. Ситуация усугублялась также и политикой других сопредельных государств, министры иностранных дел которых, регулярно встречались дважды в год, вырабатывали и согласовывали свои действия, направленные на создание всяческих препятствий в достижении успехов курдским самоуправлением на севере Ирака.

В 1993 г. произошло улучшение отношений между турецкими властями и ПСК, а также между РПК и ПСК. Но одновременно нарастали противоречия внутри курдской автономии, в значительной мере связанные с трудностями перехода от долгой вооруженной борьбы к мирному созиданию. К моменту обретения власти курды не имели собственной политической элиты, опыта администрирования. Партизанские командиры, заняв правительственные посты, не сумели сразу и эффективно использовать открывавшиеся возможности, а возникавшие проблемы пытались решать привычными для них волевыми методами. Разногласия между политическими лидерами не раз перерастали в вооруженные столкновения между ДПК и ПСК. Особенно ожесточенный характер они приняли в 1994 г. Посреднические миссии различных курдских организаций и представителей стран Запада не способствовали урегулированию разногласий между противоборствующими сторонами. Положение осложнялось вмешательством в двусторонний конфликт РПК, враждебно воспринимавшей все, что могло содействовать примирению ДПК и ПСК.

В итоге Курдистан в середине 90-х гг. оказался разделенным: в его восточной части (провинция Сулеймания) расположилась зона контроля ПСК, а в северо-западной (провинции Эрбиль и Дохук) – ДПК.

ДПК М. Барзани контролировала труднодоступные горные районы, в которых проживает около 600 тыс. человек. Социальная база этой организации довольно узка, ее основной интегрирующей силой выступает род Барзани. Но она имеет также сторонников среди многих образованных курдов, живущих в городах, которые разделяют подход лидера ДПК М.Барзани к перспективе развития Иракского Курдистана. Хотя, как считал Барзани, курды имеют право на всю территорию Курдистана, поделенную сейчас между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией, однако в мире нет сил, которые бы помогли курдам осуществить их мечту – создать единое курдское государство, а враждебность со стороны соседних стран не позволит Курдистану существовать самостоятельно. Но, кроме этих, существует и такой весьма значимый фактор, как политическая и идеологическая разнородность руководства курдским движением в каждой из частей разделенного Курдистана, равно как и внутри каждой из этих частей, что не создает предпосылок продвижения к единству, по крайней мере, в ближайшем будущем.

Независимость Южного Курдистана от Ирака также невозможна, полагал М.Барзани, поэтому решение надо искать на федеральной основе так, чтобы курды стали равноправными участниками власти в Багдаде. Но при безоговорочном условии установления в Ираке демократического режима.

ПСК осуществляла контроль над территорией, в два раза превышающей район, занимаемый ДПК, с населением 1,5 млн человек. Это в основном равнинные районы. Шире социальная база ПСК: ее составляют не клановые структуры, а технократы, интеллигенция, рабочие. Однако простое сопоставление социальной базы двух основных политических сил иракских курдов не дает повода для жесткого и категоричного определения этой базы. Все это носит весьма условный характер, ибо обе партии опираются практически на одни и те же слои населения. В большей степени взаимоотношения обеих партий зависят от их лидеров, их авторитета, признания их теми или

вными группами курдов. Что касается определения этапа политического развития Южного Курдистана в 90-е гг. и его судьбы в перспективе, то здесь позиции и Масуда Барзани и Джалала Талабани оставались, идентичны они и по большинству других аспектов развития курдского региона. Главным врагом курдского народа Дж. Талабани считал, как и М. Барзани, диктаторский баасистский режим в Багдаде. Но именно с Багдадом лидеры обеих партий не раз вступали в сотрудничество, видя в этом возможность ослабления своего политического соперника. Личное соперничество лидеров ДПК и ПСК, их амбициозные притязания на лидерство играли далеко не последнюю роль в регулярно повторявшихся на протяжении 90-х годов столкновениях противостоявших друг другу курдских группировок.

На внутреннюю ситуацию в КАР большое давление оказывает постоянное вмешательство Турции. Под предлогом борьбы с боевиками РПК в северные районы Ирака в 1996 г. вторглось до 30 тыс. турецких военнослужащих при поддержке авиации и бронетанковой техники. Они нанесли удары по лагерям и опорным пунктам РПК, оборудовали блокпосты вдоль основных коммуникаций и опорные пункты в стратегически важных районах, превращенных в своего рода «зону безопасности» на Севере Ирака. К созданию этой «зоны» прямое отношение имел Израиль, с которым Турция в тот момент развивала активное военно-политическое сотрудничество, что вызывало серьёзные опасения Сирии и Ирана. Последние, в свою очередь, в секретном порядке оказывали помощь РПК, снабжая ее отряды оружием.

Вторжения турецких войск на иракскую территорию продолжались и после 1996 г. Неоднократно после захвата 15 февраля 1999 г. лидера РПК Абдуллы Оджалана турецкие войска пересекали иракотурецкую границу, преследуя отряды боевиков РПК. В операциях по вытеснению партизанских групп РПК с курдской территории на севере Ирака участвовали вооруженные отряды ДПК.

На этапе становления курдской национальной автономии вмешательство в курдские дела властей сопредельных государств чрезвычайно осложняло обстановку в курдском регионе в целом, что существенно затрудняло, в свою очередь, преодоление разногласий

в политическом руководстве иракских курдов, мешало стабилизации положения в Южном Курдистане.

Активизация с 1995 г. усилий самих курдов при поддержке Англии, США, Франции содействовала медленному, трудно продвигавшемуся процессу сближения позиций ДПК и ПСК. В октябре 1996 г. в Анкаре прошли переговоры сторон, которые завершились подписанием соглашения, явившегося программой совместных действий руководства обеих партий в военно-политической, правовой, финансово-экономической, идеологической, внешнеполитической сферах, призванной обеспечить мир, стабильность, хозяйственное развитие Иракского Курдистана. Были созданы специализированные группы наблюдателей для контроля за выполнением этой программы, в которые вошли представители как от местных – курды, туркоманы, ассирийцы, так и от международных сил – ООН, США, Англии, Турции. Однако их усилия не сопровождались заметными успехами.

Сохранение политической нестабильности в Южном Курдистане не вызывало серьезную озабоченность США: в ней они видели угрозу своим «жизненным интересам в зоне Ближнего и Среднего Востока». Летом 1998 г. в США были приглашены лидеры ДПК и ПСК – Масуд Барзани и Джалал Талабани. Итогом их переговоров с представителями американской администрации явилось Вашингтонское соглашение от 17 сентября 1998 г., многие положения которого повторяли анкарские договоренности.

В Вашингтонском документе ДПК и ПСК еще раз подтверждали свою твердую позицию по сохранению целостности и единства Ирака, стремление к созданию демократического государства, в котором были бы гарантированы политические и гражданские права курдского народа, равно как всех иракцев, на основе свободного волеизъявления граждан страны.

Соглашение включало в себя положение о федеративном устройстве Ирака, являющееся главным в требованиях курдов и означающее разграничение полномочий федеративной единицы и центра, участие представителей федерации в центральных органах власти. Говорилось о недопустимости вмешательства в двусторонние отношения ДПК и ПСК третьих сил и содержалось требование удалить с территории Иракского Курдистана базы боевиков РПК и не

прекратить их рейдов в Турцию. Регулировался также ряд гуманитарных вопросов, направленных на сотрудничество со специализированными учреждениями ООН.

Был составлен график выполнения положений Вашингтонского соглашения, включавший и организацию выборов в Национальный парламент КАР, который формально продолжал свою работу с 1992 г. Подготовка к новым выборам началась только в 2002 г. В КАР фактически с 1994 по 2002 год функционировали два правительства, подконтрольные соответственно Демократической партии Курдистана на территории провинций Эрбиль и Дохук и Патриотическому союзу Курдистана – провинции Сулеймания. У каждой из этих политических организаций были свои вооруженные отряды. Регулярные вооруженные формирования ДПК насчитывали до 15 тыс. человек, в отрядах ополчения племен было примерно 25 тыс. человек. Регулярные вооруженные формирования ПСК составляли около 10 тыс. человек, отряды ополчения племен – около 22 тыс. человек. (Некоторые источники определяют общую численность вооруженных сил курдов в 100 тыс. человек)[41].

Только в конце 2002 г. на заседаниях объединенного парламента было сформировано единое правительство на принципе паритета. Наибольшую активность власти проявляли тогда в последовательной ликвидации баз и лагерей боевиков РПК на территории КАР и прекращении их деятельности, как против Турции, так и против местного курдского населения.

Параллельно с налаживанием нормальных отношений между руководством ДПК и ПСК в конце 90-х годов и особенно в начале нового столетия в Иракском Курдистане происходили весьма существенные перемены в государственно-административном строительстве, в экономическом развитии, в решении социальных и культурных программ.

Были проведены парламентские и муниципальные выборы, развивалась многопартийность (появилось тогда 36 партий), шел процесс формирования институтов гражданского общества – общественных и профсоюзных организаций, действует положение о свободе слова и печати, национальном и религиозном равноправии: в парламенте Курдистана отведены места для представителей националь-

но – религиозных меньшинств. Национальные меньшинства – туркоманы, ассирийцы, армяне – пользуются культурной автономией, имеют свои школы, где преподавание ведется на родном языке при обязательном изучении и арабского. Все религиозные культы и их служители в равной степени поддерживаются правительством Автономии. Многое делается для фактического равноправия женщин: отменен закон об «убийствах на почве чести», женские организации пользуются активной поддержкой правительства. В Автономии отменена смертная казнь.

Серьезные сдвиги происходили в экономической и социальной сферах Южного Курдистана, чему во многом способствовала программа ООН для Ирака «Нефть в обмен на продовольствие», разработанная в рамках международных экономических санкций. В соответствии с этой программой, реализация которой началась в 1996 г., 13% вырученных от продажи нефти средств направлялись на нужды курдского региона. Эффективное использование полученных средств буквально преобразило Курдистан.

Национальная власть при поддержке ООН свои усилия направила на развитие производственной базы. Наряду с налаживанием работы имеющихся промышленных предприятий идет строительство новых заводов, оборудование для которых закупается за рубежом. В этой сфере самым сложным вопросом является нехватка квалифицированной рабочей силы.

Многое сделано для восстановления и расширения сельскохозяйственного производства, преодолено одно из самых пагубных последствий применения отравляющих веществ в Курдистане, в результате которого из 5-ти миллионного поголовья овец и коз в 1991 г. осталось всего лишь 500 тысяч.

В 2001 г. поголовье мелкого скота достигло 11 млн. Ведется большое ирригационное строительство. До 1990 г. в Курдистане было осуществлено 24 ирригационных проекта, а за 1991–1994 гг. – 64. Большое внимание уделялось развитию электроэнергетических систем.

Качественные изменения происходят в социальной жизни иракских курдов. Преодолена безработица, составлявшая на начало 1993 г. 70%. Серьезные успехи достигнуты в области просвещения и

здравоохранения. Сегодня практически во всех курдских селениях имеются школы, в том числе и для национальных меньшинств – ассирийцев и туркоманов. Обучение в 1–6 классах обязательное. Открыт ряд колледжей. Действуют четыре государственных университета в Салах эд-Дине, Сулеймании и Дохуке, где работают квалифицированные специалисты, часть которых обучалась в Советском Союзе, а также большое количество негосударственных вузов.

Коренным образом меняется система здравоохранения. Резко возросло число больниц и поликлиник. Лечение в них бесплатное.

Ведется большое дорожное строительство, восстанавливаются старые и отстраиваются новые поселки, насаждаются леса, вырубленные при Саддаме Хусейне. Произошло значительное повышение материального уровня жизни населения. Создано курдское телевидение, имеющее спутниковые и местные каналы. Ориентация национальной власти на модернизацию социально- экономической и общественно-политической жизни в Южном Курдистане служит основой обеспечения мира и стабильности в одном из проблемных районов иракского государства. Заметные перемены произошли и в психологическом состоянии курдского общества: в активную жизнь вступает поколение, которое никогда не жило при власти Багдада, никогда не ощущало себя иракскими гражданами, плохо знает арабский язык и воспринимает фактическую независимость Курдистана как данность.

Перемены позитивного характера 90-х гг. закладывали базу для наращивания в дальнейшем темпов модернизации экономических и социально-политических структур курдского общества.

10.6. Отношения между режимом Саддама Хусейна и ООН в 90-е гг.

Потерпев военное поражение от США и других государств коалиции в ходе операции «Буря в пустыне», Ирак был вынужден принять жесткие условия прекращения огня, предъявленные ему как агрессору международным сообществом фактически в порядке ультиматума.

После завершения военных действий Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций, усугубивших экономическую и транспортную блокаду Ирака добавлением к ним воздушной и военной. Центральное место в определении позиции ООН стала принятая 3 апреля 1991 г. резолюция № 687, представляющая собою один из наиболее комплексных документов, когда-либо принимавшихся Советом Безопасности, установившая принципы сотрудничества между ООН и Ираком в поствоенный период[42].

Введенные против Ирака Международные санкции охватывали практически все направления деятельности государства, включая разоруженческую проблематику[43]. В разделе «С» резолюции определялась задача ликвидации иракского потенциала оружия массового уничтожения (ОМУ) – ядерного, ракетного, химического и биологического, средств его разработки, производства и хранения, а также предусматривались меры контроля за невозобновлением запрещенной военной деятельности в Ираке. Выполнение этого раздела резолюции возлагалось на созданную для этой цели Специальную комиссию (СК) и МАГАТЭ[44]. Созданная Спецкомиссия ООН была укомплектована в основном из американских военных и сотрудников спецслужб. В нее вошли также пять представителей государств постоянных членов Совета Безопасности ООН. На Спецкомиссию была возложена обязанность оказывать содействие рабочей группе МАГАТЭ, занятой инспекцией ядерных объектов. Комиссию возглавил шведский дипломат Рольф Экеус.

Эти так называемые «разоруженческие» положения 687-й и последующих резолюций СБ ООН, в соответствии с которыми были приняты беспрецедентные меры по контролю за военным потенциалом Ирака, сыграли особую роль в развитии ситуации вокруг Ирака в 90-е годы.

Наибольшую важность имел п. 22 резолюции 687, который определял порядок снятия экономических санкций с Ирака, напрямую увязывая экономическую проблематику с выполнением Ираком разоруженческих пунктов (п.п. 8–13).

Резолюция 687, при всем ее положительном значении, несла в себе существенный груз предвзятости и конфликтности, закладывая

тем самым предпосылки будущих кризисов в отношениях обеих сторон.

Иракское правительство в официальном письме на имя председателя СБ и Генерального секретаря ООН от 6 апреля 1991 г. обусловило свое согласие с резолюцией 687 рядом оговорок и претензий. В частности, оно высказало серьезные сомнения в справедливости цели ликвидации иракского ОМУ в условиях, когда Израиль имеет аналогичное оружие и отказывается поставить его под международный контроль. В письме содержались также упреки в адрес СБ ООН по поводу «следования двойным стандартам политики США». Но резолюция 687 была Ираком принята.

В ноябре 1993 г. Ирак официально объявил о принятии программ Спецкомиссии только после того, как Комиссия предоставила иракской стороне гарантии «уважения суверенитета, достоинства и безопасности Ирака»[45].

Особую озабоченность международной общественности вызывало наличие у Ирака ОМУ. Решением Совета Безопасности на Ирак возлагались обязательства ликвидировать под международным контролем разработку, производство и приобретение средств массового уничтожения, включая их компоненты (все химическое, биологическое оружие, все баллистические ракеты с радиусом действия более 150 км). Ирак должен был также безоговорочно согласиться с прекращением своей ядерной программы и сообщить инспекторам ООН количество, типы и места нахождения средств массового поражения. Контроль за реализацией этой программы возлагался на Спецкомиссию ООН. Инспекторы ООН действовали в Ираке на протяжении семи лет – с мая 1991 по август 1998 г., когда Ирак отказался от дальнейших проверок. Позднее было установлено, что Ирак прекратил развитие программ создания ядерного оружия уже после 1991 г. и тогда же уничтожил свои запасы химического и биологического оружия[46].

В течение 90-х гг. иракская проблема продолжала оставаться фактором напряженности в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке в целом. Отстранение Ирака на протяжении целой декады от участия в глобальных и региональных процессах не способствовало решению поставленных перед этой страной задач: изоляция

Ирака не подрывала основы его политического режима, а, напротив, укрепляла позиции его лидера Саддама Хусейна, «героя, вступившего в противоборство с силами империализма во главе с США».

Деятельность Спецкомиссии ООН, направленная на принуждение Ирака к выполнению им обязательств, предусматривавших демонтаж иракских программ создания оружия массового уничтожения, могла быть успешной лишь на основе готовности обеих сторон идти навстречу друг другу, опираясь на объективность оценок проделанной Ираком работы по искоренению условий для возрождения производства ОМУ и осознание бесперспективности конфронтационного противостояния. Снятие с Ирака международных санкций открывало бы этой стране путь в XXI в. Однако взаимодействие сторон в этом процессе развивались по иному сценарию.

С самого начала отношения между Ираком и Спецкомиссией складывались непросто, а с 1996 г. в этих взаимоотношениях нарастала напряженность, приведшая в период с ноября 1997 г. по февраль 1998 г. к кризисной ситуации, едва не вылившейся в вооруженный конфликт.

Иракцы обвиняли главу Спецкомиссии Р.Экеуса в деятельности, выходившей за рамки предоставленного ему мандата, сознательно нацеленной на создание конфликтных ситуаций с целью реализации плана США по сохранению блокады Ирака. В марте 1996 г. иракские власти впервые отказали экспертам Спецкомиссии в доступе к некоторым объектам.

Возникший кризис усугублялся намеками администрации США на возможность применения силовых методов против Ирака.

Иракское руководство ясно понимало, что без положительного доклада Спецкомиссии Совету Безопасности ООН о выполнении раздела «С» резолюции 687 отмена экономического, включая нефтяное, эмбарго невозможна. Данное обстоятельство в конечном итоге стимулировало Багдад на сотрудничество со Спецкомиссией и поиск развязок сложившегося кризиса. Так, осенью 1996 г. в ходе переговоров между иракскими властями и председателем Спецкомиссии Р. Экеусом удалось урегулировать острую проблему вывоза из Ирака ракетного лома и проведения его экспертизы в лабораториях

США, России и Франции, чему изначально резко воспротивился заместитель премьер-министра Ирака Тарик Азиз.

Были согласованы также меры и порядок проведения инспекций на «чувствительных объектах» (в их числе президентские дворцы, министерства, штабы республиканской гвардии, родов войск, спецслужб, военные базы и т.п.). Однако устранить конфликты в отношениях Ирака и Спецкомиссии в последующем не удалось.

В мае 1996 г. Ирак согласился с условиями резолюции СБ ООН № 986[47], по которой ему предоставлялось право экспорта нефти на 2 млрд долл. в течение 6 месяцев для закупки продовольствия и медикаментов в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие». 30% вырученных средств направлялись в компенсационный фонд, 13% – на гуманитарные цели курдам, 2–5% – на покрытие затрат ООН, 53% поступлений – на приобретение продовольствия и лекарств. (В октябре 2000 г. эта статья повысилась до 58%.) Резолюция СБ ООН №1284 отменяла верхний предел экспортируемой нефти, а также позволяла покупать запасные части и оборудование для обновления нефтяного сектора Ирака[48]. Администрация США продолжала курс на политический подрыв, экономическое удушение и в конечном итоге смещение режима Саддама Хусейна. Для достижения этой цели использовались самые различные средства: активизировалась работа с внешней иракской оппозицией, курдскими фракциями в КАР, региональными союзниками США и др. Не в последнюю очередь ужесточение линии США в отношении Багдада было связано с наращиванием всестороннего сотрудничества Ирака с Россией, прежде всего в нефтяной сфере, подписание российско-иракского соглашения на освоение второй очереди крупнейшего нефтяного месторождения Западная Курна, в целом перспектива укрепления позиций РФ в Ираке, Иране и регионе Залива.

На сохранение в неизменном виде санкционного режима была ориентирована и Спецкомиссия. В ее полугодовых отчетах Совету Безопасности упор делался на негативных моментах в деятельности иракских властей. Особо подчеркивалось «неполное сотрудничество Ирака со Спецкомиссией». При этом полностью игнорировались неоспоримые позитивные изменения в деятельности Багдада по ядерному и ракетному аспекту, наработанные в 1996–1997 гг., и за-

ключения МАГАТЭ. Так, в докладе за октябрь 1997 г. Агентство констатировало, что с «технической точки зрения, картина ядерной программы свидетельствует об отсутствии в Ираке какого-либо физического потенциала для производства оружейного ядерного материала в количествах, имеющих практическое значение». (Документ ООН S1997/779). В этом документе, а также в докладе за 1998 г. содержится тезис о том, что с технической точки зрения задача Агентства осуществлена, и для признания ядерного раздела закрытым требуется политическое решение СБ ООН. Важен и принципиальный вывод Агентства о возможности перевода его деятельности в режим долгосрочного мониторинга.

Исходя из данных Агентства, Россия подготовила резолюцию с предложением перевода ядерного аспекта в режим долгосрочного мониторинга с указанием выполнения пунктов 12 и 13 резолюции 687 о ликвидации ядерного потенциала Ирака. Откровенное противодействие США не позволило Совету Безопасности утвердить эту резолюцию, поскольку она не соответствовала их дальнейшим планам в отношении Ирака.

Спецкомиссия упорно обходила позитивы в действиях иракских властей в своих докладах Совету Безопасности. Возникавшие на этой почве конфликты использовались США для развертывания в СБ ООН резкой антииракской кампании.

Под давлением Вашингтона и Лондона Совет Безопасности 21 июня 1997 г принял резолюцию 1115, которая фактически перечеркнула немалые положительные моменты сотрудничества Багдада со Спецкомиссией и была направлена на ужесточение санкций[49].

В ответ иракское руководство заявило о непризнании этой резолюции и высказало обвинение в адрес СБ ООН и Спецкомиссии как инструментов антииракской политики США. В иракских СМИ впервые были опубликованы данные о фактическом засилье в Спецкомиссии американцев и англичан, целенаправленно провоцировавших Ирак к осложнению его отношений с Советом Безопасности ООН.

В августе 1997 г. Р. Экеуса сменил Р. Батлер, что не способствовало снижению напряженности во взаимоотношениях сторон, а вызвало, напротив, ее дальнейшее возрастание. Такая ситуация была следствием деятельности Комиссии и ее многочисленных инспек-

ний, по-прежнему укомплектованных преимущественно американскими специалистами, сосредоточивавшими свое внимание на поведенческой стороне дела, а не на самих разоруженческих аспектах взаимодействия с иракской стороной.

В сентябре-октябре 1997 г. иракские власти отклонили предъявленное инспекционной группой Спецкомиссии требование о доступе на территорию ряда президентских дворцов в Багдаде, не поставив предварительно Ирак в известность о своих намерениях. Руководство страны обосновывало свою позицию ссылкой на необходимость уважения достоинства, суверенитета и безопасности Ирака. О сложившейся ситуации было немедленно сообщено Совету Безопасности ООН. Воспользовавшись данным поводом, американская сторона вновь выступила с резкими обвинениями багдадских властей в «некооперативности» «и утаивании» от Комиссии запрещенного оружия.

В очередном полугодовом докладе, представленном Спецкомиссией Совету Безопасности в октябре 1997 г.[50], преувеличенные негативные констатации заслонили и перевесили существенные положительные результаты совместной работы Комиссии и Ирака по прояснению имевшихся «пробелов» по ракетному и ядерному разделу, почти безупречному функционированию системы долгосрочного мониторинга и контроля, а также налаживанию механизма экспортно-импортного контроля. При этом в октябрьском докладе особый упор был сделан на тезисе «наличие у Ирака специально разработанного «механизма сокрытия» запрещенных военных материалов». Инкриминировалось ему также утаивание 15–25 ракет СКАД, не нашедшее никакого подтверждения специальными лабораторными экспертизами.

Опираясь на негативы доклада Спецкомиссии и полностью игнорируя его позитивные выводы, США, вопреки упорному противодействию России, добились принятия Советом Безопасности 23 октября 1997 г. резолюции 1134, необъективной и несбалансированной, содержавшей новые меры ужесточения санкций в отношении Ирака. Россия, Франция, Китай и непостоянные члены СБ Египет и Кения воздержались от голосования по данной резолюции.

Иракское руководство не признало резолюцию 1134 и объявило о выдворении из страны обвиненного в шпионаже американского персонала Спецкомиссии. Пропаганда Ирака ужесточила нападки на США, Комиссию и ее главу Р.Батлера, названного «агентом ЦРУ». Вашингтон обвинялся в преднамеренном проведении линии на «блокаду и геноцид иракского народа». В выступлениях иракских партийно-государственных лидеров, в материалах центральной печати настойчиво проводился тезис о том, что резолюция 1134 окончательно закрыла для Ирака «свет в конце туннеля».

С целью предотвратить дальнейшее обострение конфронтации Багдада с Вашингтоном и не дать ей перерасти в противостояние с ООН российская дипломатия оказала энергичное давление на иракскую сторону. Однако руководство Ирака не реагировало на обращения министра иностранных дел России Е.М. Примакова и предприняло новые шаги по эскалации кризиса.

С начала ноября 1997 г. иракские власти ввели запрет на выезды американских сотрудников Спецкомиссии на инспектируемые объекты. В знак «солидарности» с ними остальной контингент Спецкомиссии самоустранился от работы. Р.Батлер потребовал адекватной реакции на действия иракской стороны от Совета Безопасности.

4 ноября в Багдад прибыла спецмиссия Генерального секретаря ООН. Иракцы получили возможность изложить свои оценки методов работы Спецкомиссии, необъективности выводов октябрьского доклада Комиссии и неадекватности поведения Р.Батлера. Они настаивали на более активной вовлеченности Генсекретаря ООН в урегулирование возникшего кризиса, в выправление ситуации с закрытием иракского разоруженческого досье и отменой санкций.

Со своей стороны, Вашингтон усиливал контрпропагандистскую кампанию против Ирака, в которой наряду с ключевыми министрами принял участие сам президент Б.Клинтон, утверждавшие сокрытие Багдадом на президентских объектах определенного потенциала ОМУ. Одновременно шло наращивание американской ударной группировки в Персидском заливе. Здесь против Ирака были сосредоточены сотни бомбардировщиков, истребителей и ракет «Томагавк».

На фоне усиленных военных приготовлений администрации США и ответных мобилизационно-оборонительных мер иракского руководства Совет Безопасности ООН единогласно утвердил резолюцию 1137, вводившую ограничения на зарубежные поездки для иракских госчиновников, связанных с запрещенными военными программами.

Ирак отреагировал немедленно: 13 ноября высший государственный орган страны – Совет революционного командования (СРК) принял решение о выдворении из Ирака 6 американских инспекторов, которые еще оставались в штаб-квартире Комиссии в Багдаде. 14 ноября они покинули Ирак. В этот критический момент свою «лепту» в накалившуюся обстановку внес Р.Батлер, отдавший распоряжение без консультаций с СБ ООН об отзыве из страны всего персонала Спецкомиссии. Столкновение между Вашингтоном и Багдадом казалось неизбежным.

Широкомасштабных военных ударов силами США и Англии по Ираку тогда удалось избежать благодаря усилиям российской дипломатии. Президенту С. Хусейну было направлено послание президента РФ Б.Н. Ельцина с призывом проявить гибкость в отношении Спецкомиссии. Более месяца продолжалась в начале 1998 г. миссия в Багдаде заместителя министра иностранных дел В.В. Посувалюка в качестве спецпредставителя президента России. Иракскому лидеру настойчиво предлагалось найти приемлемую линию урегулирования проблемы досмотра президентских объектов и предотвратить тем самым американские удары. С учетом иракских озабоченностей была начата проработка идеи проведения подобных досмотров в рамках специальной группы в составе дипломатических представителей ряда государств и экспертов Спецкомиссии. Российская мирная инициатива была энергично поддержана международной общественностью.

Благодаря настойчивым усилиям России, лично министра иностранных дел РФ Е.М.Примакова, поддержанным Францией и Китаем, удалось, вопреки яростному противодействию со стороны США и Великобритании, организовать миротворческую поездку в Багдад Генсекретаря ООН Кофи Аннана.

Итогом трудных и продолжительных переговоров К. Аннана с С. Хусейном и Т. Азизом стало подписание 23 февраля 1998 г. «Меморандума о взаимопонимании» между ООН и Ираком, в котором обе стороны подтвердили свои обязательства по процессу полной ликвидации всех запрещенных видов иракского ОМУ. Тем самым был открыт путь к деэскалации опасного кризиса и разрядке в регионе.

Последним «аккордом» иракского кризиса, начавшегося в октябре 1997 г., стала принятая СБ ООН 2 марта 1998 г. резолюция № 1154, которая одобрила итоги миссии К. Аннана в Багдад и подписанный им меморандум. Попытки англо-американцев зафиксировать в этой резолюции право автоматического нанесения ударов по Ираку в случае нарушения им своих обязательств не были поддержаны СБ.

В целом к октябрю 1998 г. международными экспертами была проделана большая работа по ликвидации иракского ОМУ.

В отчете МАГАТЭ за октябрь 1997 г. говорилось, что по всем четырем разоруженческим аспектам – ядерному, ракетному, химическому и биологическому – ситуация выглядела вполне благоприятной. Несмотря на неполную отчетность по некоторым пунктам и неполную ясность по химическому и биологическому разделам, был очевидным факт ликвидации угрозы для мирового сообщества иракского ОМУ. Иракские программы по созданию оружия массового уничтожения были раскрыты, создававшаяся десятилетиями производственная и научная база по большей части ликвидирована. Однако Спецкомиссия во главе с ее лидером Р. Батлером заняла неконструктивную позицию и при поддержке США и Великобритании продолжала настаивать на полном и безусловном выполнении буквы, а не духа резолюции № 687.

Обстановка вокруг Спецкомиссии продолжала оставаться напряженной. Иракские СМИ все чаще обвиняли инспекторов Спецкомиссии в вызывающем по отношению к местным властям поведении, в шпионской деятельности в интересах ЦРУ и «Моссад». 5 августа 1998 г. Багдад принял решение приостановить инспекционную деятельность Спецкомиссии и МАГАТЭ в стране, что вызвало очередной виток напряженности. В ответ 9 сентября 1998 г. Совет Безо-

пасности принял резолюцию № 1194, осудившую это решение руководства Ирака и потребовавшую возобновления сотрудничества со Спецкомиссией и МАГАТЭ в соответствии с ранее принятыми резолюциями и Меморандумом о взаимопонимании.

Россия в СБ ООН постоянно выступала за урегулирование иракского кризиса политико-дипломатическими методами. Однако дважды Вашингтон и Лондон принимали решение и использовали силу для «принуждения Ирака к сотрудничеству с ООН». Это привело к ужесточению иракской позиции и завело переговорный процесс в 1998 г. в Совете Безопасности ООН в тупик.

Преодоление того кризиса, который возник в конце 1998 г. между иракским руководством и Спецкомиссией ООН по вопросу выполнения Ираком обязательств, связанных с ликвидацией оружия массового уничтожения, было возможно лишь на основе последовательного выполнения Ираком соответствующих резолюций СБ ООН, снятия санкций с Ирака по мере выполнения этих резолюций, как это зафиксировано в п. 22 резолюции № 687, и урегулирование иракской проблемы исключительно политико-дипломатическими методами. Этой позиции твердо придерживалась Россия.

От обеих конфликтующих сторон требовалось движение навстречу друг другу, опираясь при этом на объективность оценок проделанной Ираком работы по искоренению условий для возрождения производства ОМУ. Снятие с Ирака международных санкций открывало бы перед этой страной путь в XXI в. Однако в конце 1998 г. развитие событий пошло по силовому сценарию.

6 октября 1998 г. исполнительный секретарь Спецкомиссии представил Генеральному секретарю ООН очередной полугодовой доклад о состоянии дел в разоруженческой сфере. Доклад был выдержан в явно негативных тонах и намеренно заострял внимание Совета на фактах «некооперативности», сокрытиях и прочих проблемных вопросах, старательно обходя при этом положительные аспекты сотрудничества. Иракцы сочли доклад тенденциозным и искажающим реальное положение вещей. 31 октября 1998 г. Ирак принял решение прекратить все формы сотрудничества со Спецкомиссией «до тех пор, пока Совет Безопасности не снимет Р. Батлера

с поста Исполнительного секретаря и не внесет изменения в состав Спецкомиссии»[51].

В октябре и ноябре предпринимались усилия по разрешению кризисной ситуации. Под влиянием настоятельных просьб из Москвы, Пекина и Парижа Багдад 13 ноября 1998 г. согласился на возобновление сотрудничества со Спецкомиссией. 17 ноября инспекторы Спецкомиссии вернулись в Багдад и приступили к работе. Они провели 300 проверок, из которых лишь пять оказались невыполненными. 20 ноября Р.Батлер пообещал, что его доклад по Ираку будет в целом положительным и что химическое досье будет закрыто в самое ближайшее время[52].

Однако после возобновления работы инспекторов Батлер заявил об отказе Багдада предоставить документы, касающиеся якобы существовавшей программы создания ядерного оружия. 14 декабря Спецкомиссия внезапно заявила о прекращении работ без объяснения причин.

К этому времени в Вашингтоне уже было принято решение о нанесении военного удара по объектам в Ираке. 16 декабря представители США и Великобритании информировали Генерального секретаря ООН о своем намерении в одностороннем порядке нанести удар по объектам в Ираке. Весь штат международных инспекторов без согласования с Советом Безопасности покинул территорию страны.

17–20 декабря 1998 г. США и Великобритания провели операцию «Лиса в пустыне», в ходе которой они нанесли по Ираку серию ракетно-бомбовых ударов. В итоге, как свидетельствуют иракские данные, было убито и ранено 1200 человек, в основном мирных жителей, а также причинен большой ущерб не только военным, но и гражданским объектам – президентским дворцам, государственным учреждениям управления, аэродромам, пунктам связи и коммуникаций, зданиям партии Баас, радио и телевидения, штаб-квартирам сил безопасности и республиканской гвардии, а также станции перекачки нефти в Северной Румейле и нефтеперегонному заводу в Басре. Непосредственным поводом для использования силы стал тенденционный, необъективный доклад председателя Спецкомиссии Р. Батлера, который к тому же самовольно, без консультаций с Советом

безопасности накануне нанесения ударов отозвал из Ирака весь персонал Спецкомиссии. Эти безответственные действия окончательно дискредитировали эту Комиссию ООН, авторитет которой и без того был подорван серией «шпионских» скандалов.

В результате силовой акции был нанесен серьезный урон проведенной в предшествующие годы работе по посткризисному урегулированию в зоне Персидского залива, в том числе по окончательному демонтажу ОМУ в соответствии с резолюциями СБ ООН. Фактически разрушенной оказалась кропотливо создававшаяся с 1991 г. система международного мониторинга за запрещенными программами Ирака.

Тогдашний вице-президент Ирака Т. Рамадан уже 19 декабря 1998 г. заявил, что «Спецкомиссия мертва и что иракцы не допустят ее на свою территорию».

К концу 1999 г. ВВС США и Англии совершили более 6 тыс. вылетов, сбросили более 1800 бомб, разрушили более 450 объектов. По использованию США в военных действиях воздушных сил война в Ираке является самой продолжительной после войны во Вьетнаме[53].

Иракское урегулирование после этих событий находилось в тупике на протяжении всего 1999 г. Только 17 декабря 1999 г. СБ ООН принял резолюцию 1284, которая, несмотря на наличие в ней положений, позволявших затягивать процесс приостановки санкций и не определившей срок принятия решения по этому важнейшему вопросу, впервые зафиксировала готовность СБ ООН реально приостановить санкции в качестве первого шага в ответ на возобновление Ираком сотрудничества с ООН в разоруженческой сфере. Вместо «батлеровской» Спецкомиссии была создана отличавшаяся по своему составу от предыдущей и подотчетная Совету Безопасности Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (United Nations Monitoring, Verifaction and Inspection Comission (UNMOVIC-ЮНМОВИК), которая в своей работе должна была опираться на нормы Устава ООН, применять коллегиальные методы работы и быть подотчетной Совету Безопасности ООН. Ее исполнительным председателем был назначен Х.Бликс, занимавший с 1981 по 1997 гг. пост Генерального директора МАГАТЭ.

Ирак не признал резолюцию № 1284 и не принял ее к исполнению ни в целом, ни по частям, заявив, что она «закрывает путь к снятию санкций». С насторженностью отнеслись иракцы и к Х. Бликсу.

Глава ЮНМОВИК разработал план работы новой комиссии, получивший одобрение Совета Безопасности ООН. Задача этой комиссии заключалась прежде всего в налаживании сотрудничества с Багдадом, в прекращении нанесения ракетно-бомбовых ударов по Ираку авиацией США и Великобритании, в немедленной отмене экономических санкций. Основанием для этого могло служить признание еще в 1998 г. полного освобождения Ирака от ядерного оружия[54], подтверждение разрушения инфраструктуры производства химического и биологического оружия, на получение которого Ираку понадобились десятилетия и миллиарды долларов, практической невозможности скорого восстановления производства ОМУ. К такому выводу британские эксперты пришли еще в 1996 г.[55] Однако такое решение не устраивало главных организаторов разрушения Ирака.

Официальные лица в Вашингтоне не уставали повторять, что санкции в Ираке будут сохраняться до тех пор, пока у власти там находится президент Хусейн. 2 января 2000 г. госсекретарь США Мадлен Олбрайт вновь заявила о том, что США «работают в направлении смены режима» в Ираке, добавив при этом: «Мы продолжаем использовать все возможности перед осуществлением, если нам это потребуется, односторонней или многосторонней акции»[56].

К концу XX в. Иракская Республика подошла в условиях международной блокады и сохранявшихся наложенных на нее СБ ООН экономических санкций без видимой перспективы их отмены: дальнейшая судьба государств Ближнего Востока была давно предопределена администрацией США. И Ираку отводилось "почетное» первое место в наглядной демонстрации сути и последствий этих американских замыслов. Для их реализации требовалось ликвидировать правящие режимы. Убрать Саддама Хусейна в Ираке – в этом и состояла тогда главная тактичекая внешнеполитическая задача США.

С такими «обнадеживающими» перспективами вступало одно из центральных государств Ближнего Востока – Ирак в XXI век. Впереди народ Ирака ждали новые, еще более суровые испытания: во-

вная кампания многонациональных сил во главе с США в марте 2003 г., ликвидация баасистского режима, оккупация страны, живущей фактически в условиях непрекращающейся гражданской войны на базе глубокого конфессионального, социально-экономического и политического раскола иракского общества, усугубленного чужеземным присутствием.

10.7. Гуманитарная ситуация в Ираке к началу XXI века

Война за освобождение Кувейта от иракских войск, продолжавшаяся около полутора месяцев, сопровождалась методичными бомбардировками авиацией многонациональных сил, в основном англо-американских, территории самого Ирака. Разгром был довершен в конце февраля 1991 г. Большое число погибших, еще большее – искалеченных мирных граждан в сочетании с разрушением объектов инфраструктуры и промышленности ввергли эту одну из богатейших стран мира, сделавшую к 80–м годам XX в. мощный рывок в современность, в глубочайший кризис. По мнению руководителя гуманитарной миссии ООН, посетившей Ирак в марте 1991 г., Марти Ахтисаари, «для экономической инфраструктуры общества, которое до января 1991 г. отличалось высокой степенью урбанизации и механизации, результаты недавнего конфликта (войны за освобождение Кувейта) были близки к апокалиптическим. Большинство средств обеспечения современной жизни либо полностью разрушено, либо основательно подорвано. На определенное время Ирак отброшен в доиндустриальную эпоху».

Начиная военные действия против иракских войск в 1991 г., американцы стремились убедить мировое сообщество в своей способности решать задачи по избирательному поражению любого военного объекта. Однако уже в ходе первой войны в Персидском заливе стало очевидным, что это утверждение не соответствует действительности. Подтверждением тому стали многочисленные зафиксированные факты отклонения высокоточного англо-американского оружия от траекторий полета и поражения невоенных (гражданских) объектов, в результате чего гибли мирные жители.

Во время войны 1991 г. под массированными бомбардировками погибло несколько десятков тысяч иракцев. Большую их часть составляли иракские военные, отступавшие из Кувейта по автостраде, ведущей к Басре. Самолеты ВВС США бомбили ирригационные системы Ирака, плотины и впервые в мировой практике разбомбили действующую атомную электростанцию. Последствия этой акции для здоровья людей никто не мог оценить. Все эти деяния американского командования Женевская конвенция относит к военным преступлениям.

К ним же относится и уничтожение армией США системы водоснабжения Ирака – водных резервуаров, необходимых для выживания людей в пустынях, которые занимают большую часть территории Ирака. Количество жертв продолжало расти. Экономические санкции, разрушенная инфраструктура, загрязнение окружающей среды привело к смерти около 2 млн заболевших иракцев, большинство среди них составили дети. Ирак занял одно из первых мест по заболеваемости детей лейкемией, что, по всей вероятности, является результатом использования боеприпасов, начиненных отработанным ураном[57].

С окончанием в 1991 г. войны в Персидском заливе англо-американская авиация продолжала наносить систематические ракетно-бомбовые удары по различным объектам на иракской территории. По официальным данным, только в 1999 г. было совершено более 16 тыс. самолетовылетов, выпущено свыше 1 тыс. ракет и управляемых авиабомб по 180 наземным объектам. Удары наносились по пунктам управления и узлам связи вооруженных сил Ирака, средствам ПВО, хранилищам горюче-смазочных материалов, промышленным объектам, нефте- и газопроводам, а также жилым кварталам городов Мосул, Киркук, Эрбиль, Эн-Насирия, Басра, сопровождавшиеся многочисленными жертвами среди мирного населения. С августа по ноябрь 1999 г. в иракских провинциях Ниневия, Дохук, Мусанна, Зи-Кар, Басра от авиабомб и управляемых ракет пострадали 18 больниц, 12 школ, 74 дома, многие из которых полностью разрушены. При ударе по школе в Мосуле 29 ноября 1998 г. были убиты и ранены 10 детей. 12 мая 1999 г. в том же районе были разрушены два завода стройматериалов. По неполным данным, за 1998–2002 гг.

В результате бомбардировок были убиты около 300 иракцев, из них более 200 – мирные жители[58].

Тяжелейшие удары были нанесены по экономике страны, уничтожившие значительную часть нефтегазовой индустрии – ведущей отрасли хозяйства Ирака (около половины всех мощностей добычи нефти, от 80 до 97% мощностей по ее переработке, достигавшей в 1990 г. 32,5 млн т). Разрушены были также морские нефтеэкспортные терминалы, предприятия нефтехимии, что привело к резкому падению уровня жизни населения страны. По оценке французских экспертов, структура коммуникаций, энергетики и промышленности были разрушены на 70%. Особо разрушительными оказались последствия коротких замыканий в энергосистеме: она была разрушена на 96%, было выведено из строя 80% мощностей всех электростанций.

Катастрофическое воздействие на экономику Ирака оказало введение экономических санкций ООН. ВВП на душу населения, составлявший 3600 долл. в начале 1980-х гг., снизился, по разным оценкам, до 700–1000 долл. в 2000–2001 гг. Уровень безработицы достиг, по официальным данным, в 1997 г. 17,5%, инфляция в 2000 г. составила 29%. Дефицит государственного бюджета к началу 2003 г. равнялся 8,5 млрд долл., или 55% ВВП Ирака. Его внешняя задолженность, по оценке экспертов ООН, увеличилась до 127 млрд долл., что составило 900% от его ВВП или 1000% от экспортных доходов страны, значительно снизившихся после введения экономических санкций ООН[59].

Уменьшение бюджетных средств государственным предприятиям, малоэффективное управление ими сопровождалось падением их рентабельности и конкурентоспособности. За пять лет (конец 90-х – начало 2000-х) крах потерпели 600 государственных компаний.

Уничтожение электроэнергетики привело к выходу из строя систем орошения, городского водоснабжения и канализации, почти всех холодильных установок. Разрушение систем канализации привело к сливу неочищенных сточных вод в реки, что способствовало распространению инфекционных, желудочно-кишечных заболеваний, о которых в Ираке почти забыли, – холеры, тифа, дизентерии, гепатита, малярии и туберкулеза.

Война 1990–1991 гг. нанесла также значительный ущерб окружающей среде в Ираке. Одним из важных факторов этого ущерба, последствия которого ощущаются населением страны и поныне, стало применение войсками США и Великобритании в артиллерийских боеприпасах сердечников из отработанного урана. Прогнозировалось возможное осаждение в районе боевых действий 50 тонн радиоактивной пыли, что могло повлечь за собой смерть от раковых заболеваний дополнительно 500 тыс. человек до конца XX в. По мнению ряда западных экспертов, прогноз был ошибочным: вместо 50 тонн на грунте осело 700 тонн радиоактивной пыли. Пострадали не только иракцы: не менее 80 тыс. военнослужащих США и 4 тыс. из Великобритании – ветеранов операции «Буря в пустыне» страдают патологиями иммунной системы. В условиях резкого ухудшения экологической ситуации в Ираке в 90-е годы получили существенное распространение болезни растений, отразившиеся на уровне производства в полеводстве и животноводстве.

Вместе с тем, несмотря на жесткое торгово-экономическое эмбарго и контроль Комиссии ООН по санкциям, Ираку удалось не только восстановить часть своей нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, пострадавшей в ходе войны в Кувейте, но и создать ряд новых производственных мощностей в отдельных отраслях хозяйства[60].

К концу XX в. Иракская Республика подошла в условиях международной блокады и наложенных на нее СБ ООН экономических санкций.

В 90-е годы иракская проблема, несмотря на определенные позитивные сдвиги в ее разрешении, оставалась одним из факторов сохранения региональной нестабильности как в зоне Персидского залива, так и на Ближнем Востоке в целом.

Сохранение такой ситуации не устраивало американских борцов с арабскими «диктаторами», радетелей замены восточного авторитаризма нормами демократии Западного образца. А это означало, что страдания иракского народа еще не закончились и что впереди его ждали новые, еще более суровые испытания: военная кампания многонациональных сил во главе с США в марте 2003 г. Эта непродолжительная война нанесла по Ираку сокрушительный удар. Она не

свелась лишь к ликвидации «преступного баасистского режима и его диктатора Саддама Хусейна», а сопровождалась довершением разрушения той модернизированной экономической, военной и социально-культурной структуры Ирака, созданной в стране 70–80-е гг., перенесшей мощный разрушительный удар 90-х гг., и отчасти восстановленной на рубеже веков.

Была демонтирована структура управления. Практически с момента оккупации страна погрузилась в атмосферу непрекращающейся гражданской войны, развернувшейся на базе глубокого конфессионального, социально-экономического и политического раскола иракского общества, усугубленного чужеземным присутствием.

Таким Ирак вступил в новый XXI век. Будто бы история этой страны, проделав круг продолжительностью в 100 лет, вернулась в свою исходную точку: отсутствие государственного единства, традиционная расчлененность на три части. Но эта расчлененность – не прежнего образца. Новое разделение страны произошло на качественно новом уровне: за XX век, особенно в его 70–80-х гг., страна совершила мощный рывок в экономической, социо-культурной и военной сферах, что вывело Ирак на иной, более высокий уровень в системе мирового рейтинга государств. Последствия вторжения в Ирак в 2003 г., именуемого американскими политиками не иначе как принятой на себя США миссии, якобы направленной на оказание помощи народам Востока в их освобождении от тирании и деспотизма правящих режимов и установления в этих странах свободы и демократии, слишком не совпадают с заявленными намерениями. Главный итог «освободительной миссии» США в Ираке – многократно углубленная расчлененность иракского социума, фактическая ликвидация иракского государства как такового.

Судьба иракского народа в прошлом столетии свидетельствует о том, что XX век сохранил для Ирака существенный багаж прошлого, в том числе тенденции, которые делают параллели с прошлым далеко не бесполезными. По-прежнему «сильные» государства считают себя вправе вмешиваться в дела стран Ближнего Востока и определять судьбы других народов, нарушая при этом международно-признанные правовые нормы. Ирак стал лишь одним в ряду подобных примеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XX-м веке древняя земля Месопотамии претерпела существенную, качественную и при этом весьма неоднозначную по характеру и последствиям эволюцию. Главная историческая задача – образование на базе трех отсталых восточных разрозненных и несхожих по многим параметрам провинций Османской империи единого государства – предполагала прежде всего формирование общенациональной консолидированной политической структуры, что всегда занимало приоритетное место в политике иракских правительств и в период монархии, и при республиканских режимах. Как показал прошедший век, выполнение этой задачи для правителей Ирака было не только чрезвычайно трудной, но в итоге и просто невыполнимой: сегодня Ирак раздроблен еще глубже, чем в начале XX в. Что же стало причиной такого трагического финала вековой истории одной из главных стран Ближнего Востока – Ирака? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. В таком итоге – сложное переплетение внутренних и внешних факторов, определявших ситуацию в этой стране в течение прошедшего века, сохраняющиеся и сегодня.

XX в. для Ирака не был эпохой, пусть медленного, но непрерывного и поступательного выхода из средневековой, отягощенной глубокими родоплеменными пережитками отсталости и продвижения по пути обновления, осовременивания, постепенного приближения к уровню стран, относимых к среднеразвитым. Для достижения такого и даже более высокого уровня у Ирака были и сохраняются огромные ресурсы, как природные, так и людские. Доказательством тому явился мощный рывок в сторону развитости, продемонстрированный страной в 70–80 гг. XX в. Хотя следует отметить, что этот прорыв затронул прежде всего материально-производственную сферу страны и практически не только не коснулся глубинных основ специфики иракского социума, но, как показали последующие события, существенно усугубили ее.

В минувшем XX веке в развитии Ирака были и существенные успехи и достижения. В период британского мандата сделаны первые шаги, направленные на сплочение различных частей бывших османских провинций в единое целое. В их числе – провозглашение Ирака целостным государством – монархией во главе с королем – носителем верховной власти, закрепленной в конституции; создание административной структуры, армии. В годы монархии – обретение ранее многих других арабских стран национального суверенитета, хотя и ограниченного британским присутствием. Получили некоторый импульс иракская экономика и социальная дифференциация, активизировалась политическая деятельность, продолжалось формирование современных вооруженных сил, системы светского образования. Этому весьма замедленному процессу определенное ускорение придала вторая мировая война, в значительной мере под воздействием потребностей находившихся в Ираке иностранных войск.

Среди причин экономической и социально-политической отсталости, тормозивших развитие Ирака, основными были засилье иностранного, преимущественно английского капитала в его экономике, господство в политической системе, созданной англичанами и поддерживавшейся их военным присутствием в стране, феодально-племенной элиты, сохранением глубоко укоренившихся родоплеменных отношений.

Одним из важнейших факторов, сдерживавших развитие Ирака, была и остается глубокая многоаспектная расчлененность всего иракского общества, находившая непосредственное отражение в политической сфере. Между лидерами различных клановых, этнических, религиозных, социальных, политических групп шла нескончаемая борьба за власть. Нестабильность усугублялась постоянным внутригрупповым противоборством, обусловленным сложностью собственной структуры этих групп. В итоге – частая смена правительств, не успевавших порой даже приступить к своей деятельности, применение силы в расправе со всеми «неугодными», будь то отдельные личности или группы политических оппонентов, политические партии, прежде всего коммунистическая, или массовые выступления боровшихся за свои экономические и социальные права рабочих, крестьян, этнических или религиозных общин. Любое про-

явление этими группами иракского населения недовольства своим положением жестоко подавлялось, как правило, с использованием вооруженных сил и авиации. Такая практика, заложенная еще англичанами, применялась и во времена монархии, и при республиканском правлении.

Более заметные перемены в экономико-производственной и социально-культурной сферах Ирака начинаются с революции 1958 г. Однако последовательному успешному продвижению этого процесса мешала все та же политическая нестабильность, частая смена режимов, острейшая борьба за власть различных политических группировок, продолжение традиционно реакционной политики в важнейшем для страны этноконфессиальном вопросе.

Пришедшее в конце 60-х гг. второй раз к власти руководство партии Баас, высказавшее свое твердое намерение за короткий срок ввести Ирак в число наиболее развитых стран «третьего мира», воплотило свои намерения в амбициозные программы, ориентированные на всестороннюю модернизацию Ирака, прежде всего его экономической и социальной сфер. Заданные этому процессу в 70–80-е годы темпы сопровождались весьма впечатляющими результатами: за два десятилетия на основе мировых технических достижений в Ираке была создана современная инфраструктура, получила развитие многоотраслевая промышленность с упором на нефтегазовую и энергетическую, а также машиностроительную, электронную и электротехническую. Большое внимание режим уделял созданию военной мощи страны.

Огромные перемены произошли в социальной сфере Ирака. По душевому доходу, уровню образования и здравоохранения не многие государства мира могли тогда встать в один ряд с этой страной.

Существенно продвинувшись по пути осовременивания, в итоге Ирак – в силу действия большого числа факторов, как внутренних, так и внешних, – удержать достигнутое и полностью реализовать свою задачу не смог и был отброшен в конце XX в. далеко в прошлое.

Встает естественный вопрос: с чем связан такой результат, каковы его причины. Почему осталась нерешенной главная задача, вставшая перед территорией древней Месопотамии в XX в.: стать

единым, сильным и суверенным государством, хотя задачу такую пытались воплощать в жизнь все сменявшие друг друга режимы. В итоге за весь XX в. иракские власти не только не сумели создать прочное единое государство и превратить пестрое по всем параметрам, гетерогенное население страны в единое сообщество, но они не содействовали также и национальному сплочению самих иракских арабов.

Главным в таком результате является вся отмеченная специфика внутренней организации населения Ирака, помноженная на характер политических режимов, принципов формирования власти, способов ее удержания. В гипертрфированном виде образцом такой власти явился режим, выстроенный последним правителем Ирака в XX в. Саддамом Хусейном. К отмеченным факторам следует добавить и такую характерную черту, как отсутствие у властей – в силу особенностей ментальности и традиций иракцев – качеств толерантности, готовности к ведению диалога, достижению компромисса, урегулированию противоречий и конфликтов мирными демократическими средствами.

Далеко не последнюю роль в развитии Ирака в XX в. играл и продолжает не просто сохранять, но и многократно усиливать свою значимость фактор внешних воздействий: общеарабский, региональный, глобальный. И «виноват» в этом сам Ирак, прежде всего его природные богатства, его географическое и геостратегическое положение, оборачивавшиеся из блага для страны ее бедой с древнейших времен. Эти факторы, дополненные обнаружением в Ираке крупных запасов нефти, и резким возрастанием в XX в. общемировой значимости этого энергетического ресурса, явились важнейшим мотивом в намерениях развитых стран Запада, сначала Великобритании, а затем и США установить свой контроль над главным иракским богатством как части богатства всех ближневосточных «нефтяных» государств, подчинив эту страну своему политическому контролю. До революции 1958 г. этим «контролером» была Англия. Но уже со второй мировой войны отчетливо обнаруживается стремление США «заменить» в этом качестве своего существенно ослабленного «союзника».

Радикальные изменения в Ираке, как и во всем ближневосточном регионе, создавали для администрации США определенные, хотя и далеко не однозначные, предпосылки. Реализации разработанных американскими администрациями планов в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, их апробации на практике в начале 90-х гг. «помог» иракский баасистский режим Саддама Хусейна с его жестким репрессивным курсом внутри страны и агрессивными устремлениями в регионе, выразившимися в аннексии Кувейта в 1990 г. Вооружившись знаменем «восстановления норм международного права» и установления в Ираке «вместо преступного диктаторского режима власти свободы и демократии», США возглавили Многонациональную коалицию, освободившую Кувейт и нанесшую мощный удар по военному, экономическому и социально-культурному потенциалу Ирака. Тяжелое положение страны и ее народа усугубилось со введением ООН в Ираке тяжелыми санкциями, дополнявшиеся непрерывными на протяжении всех 90-х годов бомбардировками англо-американской авиацией «стратегических объектов» Ирака, что на деле вело к гибели гражданского населения и выведению из строя средств обеспечения жизнедеятельности. Режим Саддама Хусейна не только устоял, но и продолжал укрепляться, а это означало, что своей главной цели – установление полного контроля над Ираком, над его нефтяными ресурсами и превращение иракской территории в базу для расправы с другими, неугодными США режимами в регионе – Сирией и Ираном – Вашингтон не достиг.

К концу XX в. в результате бессрочных (вопреки положениям резолюции 687 ООН об условиях их снятия) действий международных санкций экономика Ирака значительно пострадала. Очевидно, в давно разработанные планы Вашингтона в отношении стран Ближнего и Среднего Востока[1] не входило ослабление санкций.

Стремление установить свой безраздельный контроль над важнейшим мировым экономическим и геостратегическим регионом связывалось с обязательной ликвидацией неугодных для США политических режимов, обнаруживавших удивительную устойчивость даже в самых критических ситуациях. Реализации замыслов американских стратегов способствовали как перемены глобального характера, так и политика авторитарных режимов ближневосточных

стран. Не стало Советского Союза как основной противостоявшей США силы. Главной страной в мире стала Америка.

Из арабских стран больше всего «не устраивал» Вашингтон Ирак. Режим Саддама Хусейна подвергся жесточайшей критике за производство ОМУ, в том числе химического, уже примененного против собственного народа, за наличие других видов оружия той же направленности. Эти факторы вкупе с аннексией Кувейта, необоснованные обвинения Ирака представителями США в его «несотрудничестве с ООН» по выполнению международных санкций служили для Вашингтона предлогом силового давления на Ирак на протяжении 90-х гг. Но, несмотря на это, режиму С. Хусейна удалось обеспечить устойчивость своего правления, приспособить национальную экономику к выживанию в условиях жесткой международной изоляции и сохранить контроль над большей частью своей территории[2].

Саддам Хусейн оставался основным препятствием на пути достижения США не только крайне важной для них экономической цели – поставить под собственный контроль Ирак, Иран, государства зоны Персидского залива, Ливию, а также Египет, Сирию, Иорданию. Их главной политической задачей являлась демонстрация своего абсолютного доминирования как в ближневосточном регионе, так и в мире в целом. Наглядным примером этих намерений США стало военное вторжение американцев и их союзников в Ирак 20 марта 2003 г. и оккупация страны, продолжавшаяся до декабря 2011 г.

Американо-иракская война марта-апреля 2003 г. подвела окончательную черту под процессами и итогами исторического развития Ирака в XX в.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Конец 90-х годов XX в. и первые годы века XXI стали временем огромных усилий Вашингтона, направленных на «доказательство опасности режима Саддама Хусейна для международного сообщества». Администрация США, не принимая во внимание позитивные заключения инспекторов ООН и МАГАТЭ по действиям иракских властей в разоруженческой сфере, развернула широкомасшабную кампанию обвинений в возобновлении Ираком разработки оружия массового поражения и в сотрудничестве с международными террористическими организациями, прежде всего с «Аль-Каидой». При этом данные американской разведслужбы были прямо противоположны, но они полностью игнорировались высшим руководством страны.

Государственный секретарь США Колин Пауэлл, опираясь на ложные, ничем не подкрепленные данные, обвинил иракский режим в тесных и продолжавшихся «уже несколько десятилетий связях между Ираком и «Аль-Каидой», подчеркнув нарастание помощи Саддамом «Аль-Каиде» после взрывов американских посольств в Кении и Танзании в 1998 г.[1]

Полным извращением истинного взаимодействия Ирака с международными (по преимуществу американскими) инспекторами были данные о действиях иракских властей, приведенные госсекретарем США Колином Пауэллом в его выступлении на пленарном заседании Совета Безопасности ООН 5 февраля 2003 г.[2]

Американская администрация обвинила Саддама Хусейна не только в связях с «Аль-Каидой», но и в его причастности к террористическим актам 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. Именно Ирак был объявлен США «исчадием ада», «осью зла», против которого были направлены все эмоции, захлестнувшие американское общество после терактов 11 сентября, а затем и мощь их военной машины[3].

Предлогом для нового прямого вмешательства США и их немногочисленных союзников в ситуацию, сложившуюся в Ираке в начале XXI в., стали обвинения Саддама Хусейна в поддержке им международного терроризма, что не получило каких-либо доказательств; обвинения Ирака в невыполнении им решений Совета Безопасности ООН относительно невозобновления работ по созданию химического, бактериологического и ядерного оружия и средств их доставки: инспекции ООН явных нарушений не выявили; создание Багдадом препятствий для деятельности контрольной миссии ООН в Ираке: на все это иракское правительство дало разрешение; несоблюдение Багдадом условий военной деятельности в т.н. «запретных зонах» на юге и севере Ирака; попытки иракского руководства несанкционированного обхода режима экономических санкций, наложенных на Ирак по итогам кризиса 1990–1991 гг.; нарушение правящим баасистским режимом Ирака прав человека, выразившееся в применении химического оружия против курдских повстанцев, и другие.

При этом США «забыли» о своем существенном вкладе в развитие различных отраслей иракской индустрии в 70–80-е годы, когда и была заложена военная мощь Ирака. В это время иракский режим, развивая свою военно-промышленную базу, предпринимал масштабные усилия по производству ракетного оружия, боеприпасов, элементов химического оружия. Осуществлялась вся эта деятельность при тесном взаимодействии со странами Запада, США (хотя с Америкой у Ирака не было дипломатических отношений до 1984 г.), СССР и др.

Вся эта риторика была направлена на подготовку мирового сообщества к реализации раработанной США задолго до 2001 г., стратегической программы, направленной на «обеспечение американских интересов в зоне оперативной ответственности США», к которой был отнесен регион Ближнего и Среднего Востока. Неотъемлемой частью этой программы было решение о вооруженном вторжении в Ирак с целью смещения правящего режима и ликвидации его лидера Саддама Хусейна.

Среди тех мотивов, которыми руководствовалась администрация США значительное место отводилось нефтяному фактору. По

подсчетам экспертов, в середине первого десятилетия XXI в. поло-вина добываемой нефти будет приходиться на государства Персид-ского залива, среди которых ведущая роль могла бы, при нормали-зации международной обстановки и отмене санкций, принадлежать Ираку.

Оказав мощное давление на своих европейских союзников, Ва-шингтон, Великобритания и Австралия при участии войск некото-рых других стран 20 марта 2003 г., не имея мандата ООН, не полу-чив поддержки подавляющего большинства мирового сообщества, в нарушение всех норм международного права начали военную опе-рацию против Ирака под лозунгом «Операция Иракская свобода». Ее итогом стала глубочайшая всесторонняя катастрофа, которую когда-либо переживал иракский народ. Страна была оккупирована американо-английскими войсками. (Формально оккупационные аме-риканские войска ушли из Ирака в декабре 2011 г., оставив более 7 тыс. американских специалистов в разных сферах – военной, безо-пасности, экономической, а всего 16 тыс. своих «служащих»).

1 мая 2003 г. Джордж Буш объявил военную операцию в Ираке законченной. Баасистский режим был свергнут, его лидер Саддам Хусейн казнен (повешен) 30 декабря 2006 г. Американцы приступи-ли к реализации идеи превратить Ирак в «витрину западной демо-кратии и свободы в регионе», что, в их понимании, означало отстра-нение от власти на всех уровнях гражданской и военной службы опору Саддама – суннитов.

Разработанная оккупационными властями и одобренная на все-народном референдуме в декабре 2005 г. новая конституция Ирака закрепила порядок построения государственной структуры страны на основе общинного принципа. Своим оплотом англо-американцы сделали шиитов, противопоставив их суннитам, – «преступникам саддамовского режима, угнетавшим шиитов».

Создававшаяся в Ираке по американской схеме система госу-дарственного устройства воплотилась в беспрецедентный дальней-ший раскол иракского общества, его дезинтеграцию по этно-религиозному признаку и внутри каждой из этих общин, особенно шиитской.

На этой же основе образовались отряды вооруженной милиции, а также самые разные по своей этнической, религиозной, социальной принадлежности и политической ориентации действующие по всей стране группы боевиков, что в итоге исключило из жизни иракцев такое понятие, как «безопасность». После оккупации в их повседневную жизнь вошли кровавые эксцессы, взрывы на улицах, в мечетях, атаки смертников, разгул слепого террора, захват заложников, похищения граждан, убийства. С 2003 г. страну охватило партизанское движение.

Если режим Саддама обвиняли в «пособничестве» Аль-Каиде, не имея при этом никаких доказательств, то после оккупации Ирак реально наводнили боевики Аль-Каиды и террористические группы из соседних стран, что создает базу для вмешательства во внутренние дела Ирака заинтересованных в этом сил Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Кувейта.

Резкие изменения во внутриполитическом положении Ирака углублялись катастрофическим падением жизненного уровня больших масс населения Ирака. Развал экономики, безработица, охватившая практически всех суннитов и не только их, но и всех служивших ранее в армии, занятых на работе в административных органах разного уровня, в правительственных учреждениях и т.д.

Сокрушительный удар войной 2003 г. был нанесен по экономике страны, прежде всего по его основной – нефтяной отрасли, которая, по оценке исследователей, и была главной целью американского вторжения в эту страну. Вместо одного собственника этого богатства, сосредоточивавшего все доходы от него в своих руках – иракского государства, появилось, наряду с государственной, множество иностранных фирм[4]. В этих новых условиях резко сократились доходы от нефтяной отрасли, что самым пагубным образом отразилось на всех сферах экономической и социально-политической жизни иракцев.

Оккупация вызвала огромную волну беженцев из Ирака в соседние страны – Сирию, Иорданию. Среди них глвным образом представители интеллигенции, людей образованных, специалистов в разных областях.

Поднял голову радикальный исламизм, что проявляется, в том числе, в отношении женщин. В светском иракском государстве женщины добились равных прав с мужчиной. Женщина имела полную свободу в праве на образование, выбор профессии, вид занятий, на устройство своей личной жизни. Многие браки в Ираке заключались без учета конфессиональной принадлежности супругов (например, с иранцами). Сейчас женщин Ирака заставляют обязательно носить покрывало и вынуждают к разводу смешанные браки.

Насилию подвергаются христиане-ассирийцы. Их численность сократилась после оккупации в два раза за счет их отъезда из Ирака. (Есть данные о сокращении втрое численности в Ираке ассирийцев).

Реалии оккупированного Ирака – постоянно прерывающееся или полностью отсутствующее электрическое освещение даже в Багдаде, темные окна домов из-за массового оставления квартир их жильцами, пустые улицы по вечерам и бесконечные выстрелы или взрывы.

Разработанное американцами построение системы управления на основе конфессионального принципа неспособно обеспечить порядок и спокойствие в стране, возвратить жизнь иракцев в нормальное русло. При нынешнем глубочайшем разделении, расчлененности населения Ирака, а главное – его политической элиты – только налаживание диалога, продвижение к поиску возможных точек соприкосновения, отказ от эгоистических, узкокорыстных интересов различных кланов, групп, сообществ, осознание такого подхода как единственного и неизбежного, – и есть путь возрождения Ирака как единого самостоятельного государства.

Нужно надеяться, что XXI век станет временем возрождения страны, и на это, с учетом ускорения темпов развития всех мировых процессов, у него может уйти значительно меньше времени, чем требовалось бы в прошлом. Но каким будет это «государство»? Единым и самостоятельным? Или это будет конгломерат «независимых» образований, в определенной степени зависимых от «великих» мира сего?

Под «единым» может подразумеваться государство в его нынешних географических границах. Но и тут встает много вопросов. Как в исторической перспективе будет выглядеть ситуация в «Боль-

ном Курдистане»? Или в южной шиитской части Ирака? Пока ответов на эти вопросы нет.

Кроме внутренних проблем на Ирак будут влиять факторы расширяющейся глобализации, порождающие дополнительно большой спектр и других проблем, как политических, так и экономических. Поскольку сегодня Ирак находится фактически под контролем США, это означает для него резкое ограничение в выборе партнеров по экономическому взаимодействию. На готовность же Вашингтона способствовать возрождению Ирака рассчитывать не приходится. Ирак для американцев – точка опоры, откуда следует продвигать демократию и свободу» в Сирию, Иран и дальше. Поэтому Соединенные Штаты сосредоточены отнюдь не на стабилизации политической ситуации в Ираке.

И все же хочется верить, что на землю древней Месопотамии придет мир, будет положен конец распрям. И иракский народ будет жить в едином, богатом, процветающем государстве, где утвердятся принципы свободы, равенства, справедливости, но не в образе западной демократии, а собственном понимании иракцев смысла этих основополагающих категорий любого человеческого сообщества.

Хронология основных исторических событий в Ираке

1508–1639 – Турецко-иранская борьба (с перерывами) за Месопотамию
Август 23, 1514 – битва турецко-иранских войск на Чалдыранском поле. Захват турками Верхней Месопотамии с Мосулом.
1533–1535, 1548–1555 – турецко-иранские войны. Присоединение Нижней Месопотамии к Османской империи.
1534 – взятие турками Багдада.
1546 – взятие турками Басры.
1555 – Амасийский турецко-иранский мирный договор – первое письменное соглашение между двумя государствами.
1581 – открытие британской компанией «Туркей энд Левант» торговых факторий в Басре и Багдаде.
1619 – первый британский корабль в Персидском заливе.
1623 – захват Месопотамии Ираном.
1639 – Зохабское мирное турецко-иранское соглашение об установлении восточной границы между обоими государствами.
1779 – придание торговому представителю Ост-индской компании в Багдаде статуса политического агента, а управляющему факторией в Басре – резидента.
Конец XVIII в. – регулярные рейсы военных кораблей Ост-индской компании между Бомбеем и Басрой.
1823 – Первый Эрзерумский турецко-иранский договор.
1835 – доставка двух британских кораблей для курсирования по Евфрату.
1839–1856 – первый период танзимата.
1847 г. – Второй Эрзерумский турецко-иранский договор.
Начало 50-х XIX в. – развитие телеграфной сети в Ираке: установление связи Багдад–Стамбул; 1854 – продолжение этой линии до Басры.
1856–1976 – второй период танзимата.
1858 – новый турецкий земельный кодекс.
1861 – отмена в Ираке всех внутренних таможен и застав.
1862 – установление регулярного пароходного сообщения между Индией и Басрой.
1867 – создание Багдадского вилайета.
1869 – 1872 – Мидхат-паша – губернатор Багдадского вилайета. Начало преобразований в системе управления Ирака, его, экономике и сфере образования.
1881 – распространение на Ирак Оттоманского долга.
1891 – крупное выступление курдов Ирака против турецких властей.
1893, 1894 – открытие отделений Оттоманского банка в Багдаде и Басре.

1898 – выход в Каире первой курдской газеты «Курдистан».
1900 – начало регулярных рейсов (четыре в год) Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) между Одессой и Багдадом.
1908 – основание в Стамбуле первого легального арабского национального общества «Аль-Иха аль-Араби аль-Османи» («Арабское османское братство»), имевшее свое отделение в Ираке.
1909 – появление в Стамбуле тайного арабского общества военных «Кахтанийя» с отделением в Ираке.
1908–1910 – восстания курдов в Сулеймании и Барзане.
1912 – создание националистического общества «Аль-Джамийя аль-басрийя аль-ислахийя» («Басорское общество реформ»), просветительского учреждения «Аль-Нади аль-ватани аль-ильми» («Национальный научный клуб»).
1912–1914 – нарастание курдского движения в Ираке под руководством членов семьи Барзанджи.
1913 – создание в Стамбуле офицерами-арабами тайного общества «Аль-Ахд» («Завет», «Договор»).
1914 – Октябрь 23 – высадка англо-индийских войск в Фао.
1914 – Ноябрь 22 – 1918 ноябрь 8 – завоевание Англией территории Ирака.
1915–1916 – блокирование английских войск генерала Таунсхенда в Кут аль-Амаре.
1915–1916 – волнения шиитов в Кербеле, Неджефе и Хилле.
1916 – Март – соглашение Мак-Магон – Хусейн об участии арабов в первой мировой войне и будущем арабском государстве.
1916–1920 – формирование административной сисемы управления Ираком
– Май 16 – англо-французское соглашение Сайкса–Пико о разделе арабских территорий Османской империи.
– Июнь – начало антитурецкого восстания арабов в Хиджазе.
1917 – Март 17 – взятие Багдада английскими войсками.
1918 – Май – взятие англичанами Киркука.
– Октябрь 30 – Мудросское перемирие. Окончательное поражение Турции.
– Ноябрь 8 – оккупация английскими войсками всего Мосульского вилайета. Установление полного контроля над Месопотамией.
1918 – создание общества «Аль-Ахд аль-Иракий» («Иракский завет»).
1919 – введение закона об урегулировании племенных споров.
– создание общества «Харас аль-Истикляль» («Страж независимости»).
– восстание курдских племен в районах Захо, Барзан, Сулеймания.
1920 – Апрель 20 – получение Англией мандата на Ирак.
– Июль – октябрь – всеобщее антианглийское восстание в Ираке.

– Октябрь – создание Государственного совета Ирака – временного органа управления.

1921 – Июль 11 – провозглашение Госсоветом Фейсала, сына шерифа Мекки Хусейна, королем Ирака.

– Август 23 – утверждение Англией Фейсала королем подмандатного Ирака.

1922 – образование патриотических партий «Хизб аль-нахда аль-иракий» («Партия иракского возрождения» и «Хизб аль-ватаний аль-иракий» («Иракская национальная партия») на основе организации «Страж независимости»; умеренных «Хизб аль-шааб» («Партия народа») и «Хизб аль-Такаддум» («Партия прогресса»), а также альтернативной, проанглийской «Хизб аль-хуррийя аль-иракий» («Иракская партия свободы»).

1922 – Октябрь 10 – Англо-иракский договор.

– Ноябрь-декабрь – конференция в Эль-Укайре по вопросу установления границ между Ираком, Неджем и Кувейтом.

– Декабрь 2 – подписание Укайрского протокола об ирако-неджидийской нейтральной зоне (Протокол № 1) и документов о границах Неджд – Кувейт и Ирак – Кувейт.

1924 – Февраль – завершение выборов в Учредительное собрание Ирака.

– Март – начало работы Учредительного собрания

– Июнь 10 – ратификация Учредительным собранием Англо-иракского договора.

– Июль 10 – принятие первой конституции Ирака.

1925 – Март 14 – предоставление иракским правительством английской компании «Теркиш Петролеум» концессии на разведку и добычу нефти на всей территории Ирака (кроме Басорского вилайета) сроком на 75 лет.

– Март 21 – Публикация первой конституции Ирака.

– Декабрь 16 – решение Совета Лиги Наций англо-турецкого спора о Мосуле в пользу Англии.

1926 – Январь 13 – второй Англо-иракский договор на 25 лет.

– Окончательное закрепление Мосульского вилайета за Ираком.

1927 – Получение акций в «Тэкиш Петролеум» американскими и французскими компаниями. (С 1929 ТП получила название «Ирак Петролеум Компани» – ИПК).

– Первая крупная забастовка железнодорожников Эш-Шалиджии.

– Декабрь 16 – Англо-иракский договор о «дружбе и союзе». (Ратифицирован не был).

1930 – Июнь 30 – англо-иракский договор сроком на 25 лет.

– Создание партий «Хизб аль-Ахд» («Партии договора») во главе с Нури Саидом и «Хизб аль-иха аль-ватаний» («Партия национального братства»), к которой в 1931 г. присоединилась «Иракская национальная партия». Превращение «Партии национального братства» в блок группировок всех политических оттенков.

1931 – Создание группы «Аль-Ахали» из представителей интеллигенции и средних слоев, в их числе будущие деятели коммунистического движения.

– Массовые выступления в Ираке против Англо-иракского договора.

1930–1932 – волнения по всему Иракскому Курдистану. Восстание барзанцев во главе с братьями Ахмедом и Мустафой Барзани.

– появление первых коммунистических групп.

1932 – Октябрь 3 – Конец мандата. Ирак «суверенное» государство, член Лиги Наций

– Декабрь 13 – первая прокламация коммунистов за подписью «Фахед» – будущего лидера компартии Ирака.

1933 – ассирийская катастрофа.

– Сентябрь 8 – смерть короля Фейсала. Провозглашение королем его сына Гази.

– Сентябрь 1933 – апрель 3,1939 – правление короля Гази.

1934 – Март – создание Иракской коммунистической партии (ИКП) во главе с ее лидером Юсуфом Салманом Юсуфом, имевшим кличку «Фахед».

1935–1936 – восстания арабских племен Среднего Евфрата.

1936 – Октябрь 29 – государственный переворот Бакра Сидки, первый военный переворот новейшего времени в арабском мире.

1937 – Апрель 28 – родился Саддам Хусейн.

– Август 11 – убийство Бакра Сидки.

1939 – Апрель 3 – гибель короля Гази.

– Апрель – назначение регентом при малолетнем наследнике престола Фейсале II Абдул Иллаха, двоюродного брата Гази.

– Сентябрь 2 – разрыв Ираком дипломатических отношений с Германией.

– Сентябрь 12 – введение в Ираке чрезвычайного положения.

1941 – Апрель 1 – антианглийский государственный переворот в Ираке. Переход власти в руки Комитета национальной обороны во главе с Рашидом Али аль-Гайлани.

– Май 2 – 30 – ирако-английская война.

– Июнь 18 – установлените английского контроля над всей территорией Ирака. Вторичная оккупация страны.

1942 – воссоздание единой Коммунистической партии Ирака.

1943 – Январь Ирак объявил войну Германии и Италии
– Октябрь – внесение поправок в иракскую конституцию.
1943–1945 – Восстание барзанских курдов под руководством Мустафы Барзани.
1944 – Первая конференция компартии Ирака.
– Август 25 – Ирак впервые установил дипломатические отношения с Советским Союзом.
1944–1945 – Участие Ирака в создании Лиги арабских государств.
1945 – Первый съезд иракской компартии.
1946 – Разрешение властей на создание в Ираке политических партий.
– Апрель – образование шести политических партий.
– Мощный подъем массового движения в Ираке.
– Июль 3 – самая крупная в Ираке забастовка рабочих – нефтяников Киркука.
1948 – Январь 15 – Подписание «нового» ирако-английского Портсмутского договора.
– Январь 20–27 – восстание в Багдаде и других городах страны против Портсмутского договора.
1948 – Май 15– Начало Палестинской арабо-израильской войны.
1948–1949 – Участие Ирака в Палестинской войне.
1949 – Февраль 14–15 – казнь Генерального секретаря ИКП Юсуфа Салмана Юсуфа и двух членов ЦК партии.
1951 – Исход из Ирака более 100 тыс. евреев.
1952 – Соглашение Ирака с ИПК о новых условиях раздела прибылей от нефти.
– Ноябрь – крупные антиправительственные акции. Введение военного положения.
1954 – Май – образование предвыбоного политического союза оппозиционных национальных сил.
– Июнь – победа оппозиции на выборах. Отмена итогов выборов.
– Сентябрь – повторные выборы. Победа реакции.
1955 – Январь 3 – приостановка дипломатических отношений между Ираком и СССР.
– Февраль 24 – заключение Ираком военно-политического договора с Турцией – основу Багдадского пакта.
– Апрель 4 – подписание англо-иракского соглашения, заменившего договор 1930 г.
1956 – Февраль 1 – объединение Египта и Сирии в Объединенную Арабскую Республику (ОАР).
– Ноябрь – вооруженное восстание в Ираке.

1957 – Февраль – создание в Ираке Фронта национального единства (ФНЕ).
1958 – Февраль 14 – объединение Ирака и Иордании в Арабскую Федерацию.
Июль 14 – государственный переворот в Багдаде. Свержение Хашимитской монархии, провозглашение Ирака республикой.
Июль 16 – признание Советским Союзом Иракской Республики.
Июль 19 – восстановление дипломатических отношений между СССР и Ираком.
Июль 26 – принятие Временной конституции.
Июль 27 – отмена закона о племенах 1918 г.
Август 5– распоряжение о порядке раздела урожая между крестьянином и землевладельцем.
Сентябрь 30 – принятие закона об аграрной реформе.
Октябрь 11 – "заговор" Абд аль-Саляма Арефа. Его арест.
Октябрь 11 – Торговое соглашение между СССР и Ираком.
Декабрь 9 – раскрытие заговора Рашида Али аль-Гайлани.
1959 – Март 6–9 – ликвидация мятежа военных в Мосуле.
Март 16 – Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Ираком.
Март 24 – выход Ирака из Багдадского пакта.
Апрель 4 – вывод из Ирака всех английских войск. Денонсация Ираком ирако-английских и ирако-американских соглашений 1954–1955 гг.
Май 5 – Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Ираком.
Июль 14–17 – вооруженные столкновения в Киркуке – поворотный момент в политической ситуации республиканского Ирака.
Октябрь 7 – покушение на Касема.
1960 – Январь 1 – объявление закона об «ассоциациях».
1961 – Сентябрь 11 – начало вооруженных действий правительства против курдов.
Декабрь 11 – принятие закона № 80 об изъятии у нефтяных компаний 99,5% концессионных земель.
1959–1961 – Обострение отношений между Ираком и Ираном.
1961 – Июнь 19 – провозглашение независимости Кувейта.
Конец июня – вывод английских войск из Кувейта. Размещение иракских войск вдоль кувейтской границы.
Июль 1 – возвращение английских войск в Кувейт.
1961 – 1962 – Кризис в ирако-кувейтских отношениях.

1963 – Февраль 8 – государственный переворот в Ираке – «Революция 14 Рамадана». Первый приход партии Баас к власти. Абд аль-Салям Ареф – президент, Ахмед Хасан аль-Бакр – премьер-министр.
– Февраль 9 – казнь Абдель Керима Касема.
– Февраль-март – репрессии против коммунистов. Убийство генерального секретаря Саляма Адиля и ругих руководителей ИКП.
– Апрель 17 – декларация об объединении Египта, Сирии и Ирака в федеративное государство – Объединенную Арабскую Республику.
– Июнь – возобновление военных действий против курдов.
– Октябрь 4 – признание Ираком независимости Кувейта.
– Октябрь – VI общеарабский съезд партии Баас. Отстранение от руководства Иракским отделением Баас Али Салеха аль-Саади.
– Ноябрь 18 – военный переворот в Ираке. Приход к власти Абд аль-Саляма Арефа. Создание внеконституционного Национального совета революционного командования (НСРК) – высшего законодательного и исполнительного органа страны. (Распущен осенью 1965 г.). Утверждение власти военных.
1964 – Февраль 8 – закон о создании Иракской национальной нефтяной компании (ИННК).
– Февраль 10 – достижение властью соглашения с курдами о прекращении огня.
– Май 4 – принятие очередной Временной конституции Иракской Республики.
– Май 26 – образование объединенного Президентского совета «Ирак – ОАР».
– Июль – декреты о национализации иностранных и иракских частных наиболее крупных банков, страховых обществ, промышленных предприятий.
– Июль14 – создание Арабского социалистического союза (АСС) в качестве единой партии Ирака.
– Декабрь – принятие закона № 185 о передаче законодательной власти на время «переходного периода» Консультативному совету.
1965 – Апрель 4 – возобновление военных действий против курдов.
– Июнь-июль – обострение внутриполитической борьбы в Ираке.
– Сентябрь – назначение премьер-министром страны Абд аль-Рахмана аль-Баззаза.
– Декабрь – усиление военного давления на курдов. Обострение ирако-иранских отношений.

1966 – Апрель 13 – гибель президента Абд аль-Саляма Арефа. Избрание главой государства Абд аль-Рахмана Арефа, брата Абд аль-Саляма Арефа.
- Июнь 29– программа мирного урегулирования курдской проблемы.
- Июль 27 – официальный визит в СССР премьера Ирака Абд аль-Рахмана аль-Баззаза.
- Август 5 – отставка премьера Абд аль-Рахмана аль-Баззаза.

1967 –Январь 28 – публикация проекта избирательного закона о порядке формирования высшего законодательного органа власти – Национального собрания Иракской Республики.
- Июнь 5– "шестидневная» арабо-израильская война. Поражение арабов.
- Июль 28– создание правительства военного спасения во главе с Тахером Яхьей.
- Август 7 – закон № 97 о передаче государственной ИННК земель, изъятых у Ирак Петролеум Компании, с правом добычи нефти и газа на всей изъятой территории.
- Сентябрь 22 – закон № 123 о предоставлении ИННК права вести все виды работ в нефтяной отрасли и заключать договора.
- Ноябрь 23 – подписание ИННК соглашения с группой французских нефтяных компаний (ЭРАП) о разведке и добыче нефти в южных районах Ирака.
- Декабрь 24 – договоренность между Ираком и СССР об освоении Северной Румейлы – "нефтяной жемчужины» Ирака.
- Декабрь – III партийная конференция Компартии Ирака.

1968 – Январь – расстрел в Багдаде забастовки студентов.
- Май 2 – заявление президента Абд аль-Рахмана Арефа о продлении на два года «переходного периода».
- Июль 17- 30 – государственный переворот. Вторичный приход к власти партии Баас. Учреждение высшего органа государственной власти – Совета революционного командования (СРК), возглавленного председателем Ахмедом Хасаном аль-Бакром.
- Сентябрь 21 – провозглашение новой Временной конституции Народно-Демократической Республики Ирак.
- Сентябрь 28 – провал готовившегося группой офицеров во главе с генералом Абдель Хади аль-Рауи государственного переворота.
- Ноябрь – выдвижение компартией Ирака проекта Хартии сотрудничества патриотических прогрессивных сил страны в едином фронте.
- Ноябрь – VII региональный съезд Баас. Принятие важных решений по внутренней и внешней политике Ирака.

– 1968–1969 – возобновление военных действий в Курдистане. Успехи курдов.

1969 – Апрель – денонсация Ираном договора с Ираком 1937 г.

– Июнь – советско-иракское соглашение о технико-экономическом сотрудничестве и содействии СССР в создании национальной нефтяной промышленности Ирака.

– Август 8 – обращение руководства Баас к патриотическим партиям с призывом создать единый фронт под руководством баасистов.

– Август 11 – проект закона о новом административном делении Ирака.

– Конец 1969 – принятие Советом революционного командования (СРК) поправок к Временной конституции Ирака.

– Конец 1969 – март 1970 – переговоры между курдами и представителями власти об урегулировании курдской проблемы на основе соглашения 29 июня 1966 г.

1970 – 1971 – принятие законов о труде, социальном и пенсионном обеспечении.

1970 – Январь 20–21 – новая попытка государственного переворота.

– Март 11 – декларация об урегулировании курдской проблемы на основе признания права курдов на национальную автономию.

– Май – принятие аграрного закона № 117.

– Июль 16 – вступление в действие новой Временной конституции «суверенной народной демократической республики» Ирак.

– Сентябрь – II съезд Иракской компартии, принявший новую программу.

– Декабрь – принятие закона о создании Национального совета Ирака.

1971 – относительная свобода для расширения деятельности компартии Ирака.

– Ноябрь 16 – партия Баас обнародовала проект Хартии национальных действий, определявший основные направления внутренней и внешней политики режима.

1972 – Апрель 9 – подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Ираком.

– Май 14, – ультиматум СРК Ирак Петролеум Компани.

– Май – включение в состав иракского правительства двух коммунистов.

– Июнь – принятие СРК закона № 69 о национализации имущества ИПК.

Февраль 1973 – декбрь 1975 – национализация всех иностранных нефтяных компаний в Ираке.

1973 – Июнь 30 – неудавшаяся попытка генерального директора службы безопасности Ирака Назыма Кзара совершить государственный переворот.

– Июль 16 – подписание Баас и ИКП соглашения о Хартии национальных действий.

1974 – Январь – VIII съезд иракской партии Баас.

– Март 11 – закон № 33 о создании Курдского Автономного Района (КАР).

1974 Март – май 1975 – военные действия курдов во главе с Мустафой Барзани против закона об автономии в его правительственном варианте. Поражение барзанцев. Распад ДПК.

1975 – Март 6 – Алжирское соглашение между Ираком и Ираном.

– Июнь 1975 – закон № 90 об аграрной реформе в Курдском Автономном Районе.

1976 – Май – III съезд ИКП.

1977–1978 – нарастание в Ираке пропагандистской антикоммунистической кампании, репрессий в отношении коммунистов, их первичных организаций, периодических изданий.

1977 – Февраль – Пленум ЦК ИКП.

1978 – Март 1978 – Пленум ЦК ИКП.

– Июль 3 – декрет СРК о суровом наказании за привлечение баасистов к вступлению в другие политические партии.

1979 – Март – выход коммунистов из состава ПНПФ и правительства.

– Июль 16 – Пленум ЦК ИКП. Решение о создании Демократического национально-патриотического фронта Ирака (ДНПФ).

– Декабрь – законопроект СРК о создании Национального совета – консультативного органа с правом законодательной инициативы и Законодательного совета Курдского Автономного Района (КАР).

1980 – Июнь 1980 – выборы в Национальный совет Ирака.

– Сентябрь – выборы в Законодательный совет КАР

– Сентябрь 17, 1980 – денонсация Ираком соглашения 1975 г. с Ираном.

– Сентябрь 22 – начало ирано-иракской войны.

– Ноябрь 12 – подписание 8-ю партиями Хартии ДНПФ. Распался тогда же из-за внутренних разногласий.

– Конец ноября – создание компартией (параллельно с ДНПФ) Национально-демократического фронта (НДФ). Распался в начале 1982.

1982 – Июнь 24–27, 1982 – IX съезд партии Баас.

– отвергнуто Ираном предложение Ирака закончить войну.

1984 – начало «танкерного» этапа ирано-иракской войны.

– Ноябрь 26 – восстановление дипломатических отношений между Ираком и США.

1985 – самый активный этап ирано-иракской войны – «война городов».

1985 – 1986 – тайные поставки США различного вида вооружений Ирану. «Ирангейт».

1985 – 1986 – активизация действий Ирана в Иракском Курдистане. Поддержка антисаддамовских политических сил иракских курдов.

1987 – 1988 – реализация правительственными войсками Ирака кампании «Аль Анфаль» – уничтожение курдского населения, его жилья, скота, в том числе с применением отравляющих газов.

1987 – Июль 28 – резолюция Совета Безопасности ООН 598 – требование к обеим воюющим сторонам немедленного прекращения огня и всех операций, отвода войск к международно признанным границам.

1988 – Апрель-июль 1988 – успешные действия иракских войск на юге и на севере, в Иракском Курдистане. Возвращение всех иракских территорий.

– Август 1988 – принятие Ираном резолюции 598 СБ ООН. Окончание ирано-иракской войны.

1988 – Разработка Ираком 10–летнего плана модернизации страны.

1990 – Апрель 26 – заговор против Саддама Хусейна.

– Май 30 – саммит ЛАГ в Багдаде.

– Июль – конфликт в ирако-кувейтских отношениях.

– Июль 28-август 1 – переговоры в Джидде между наследником престола Кувейта и премьер-министром шейхом Саад Аль-Абдалла Ас-Сабахом и вице-президентом и членом Совета республиканского командования Ирака Иззат Ибрагимом.

– Август 2, – вторжение иракских войск в Кувейт. Оккупация Кувейта.

– Август 2 – принятие СБ ООН резолюции 660, вводившей эмбарго на торгово-экономические связи с Ираком.

– Август 6 – принятие СБ ООН резолюции 661 о дополнительных ограничениях в торговле с Ираком.

– Август 8 – Ирак провозгласил Кувейт своей 19-й провинцией.

– Ноябрь 29 – принятие СБ ООН резолюции 678 с требованием безоговорочного ухода Ирака из Кувейта до 15 нваря 1991 г.

1991 – Январь 17 – начало «воздушной» войны Коалиционных сил во главе с США и Англией против Ирака.

– Февраль – начало антиправительственных выступлений шиитов в южных городах.

– Февраль 24–27 – наземные военные действия между Коалиционными силами и Ираком.

– Февраль 25 – уход иракских войск из Кувейта. Вторжение сил Коалиции в южные районы Ирака.

– Конец февраля – начало марта – восстание курдов на севере. Установление провстанцами контроля над большей частью Курдистана.

– Март 2 – восстание шиитов в Басре.

Март 21 – обращение аятоллы Сейида Аль-Касема аль-Хоуи к шиитам с призывом прекратить восстание.

Март 23 – реорганизация иракского кабинета, назначение премьером шиита Саадуна Хаммади.

Конец марта – подавление шиитского восстания частями Республиканской гвардии.

Апрель 3 – принятие СБ ООН резолюции 687, учреждавшей Специальную комиссию СБ ООН при участии экспертов МАГАТЭ для контроля за выполнением Ираком возложенных на него обязательств по ликвидации ОМУ.

Апрель 5 – резолюция СБ ООН о «бесполетных зонах» для иракской правительственной авиации к северу от 36 параллели и южнее 32 параллели.

1991–1994 – меры правительства Ирака по ликвидации района расселения «болотных арабов».

1992 – Май 19 – первые парламентские выборы в Курдском Автономном Районе.

Октябрь 4 – принятие курдским парламентом «Закона о федеративном союзе».

1994 – вооруженные столкновения между ДПК и ПСК.

1996 – вторжение в северные районы Ирака 30 тыс. турецких войск. Создание Турцией «Зоны безопасности» на Севере Ирака.

Май – принятие Ираком резолюции 686 СБ ООН «нефть в обмен на продовольствие».

Октябрь – Анкарское соглашение ДПК и ПСК о совместных действиях в военно-политической, правовой, финансово-экономической, идеологической и внешнеполитической сферах.

1997 – Июнь 21, – принятие СБ ООН резолюции 1115, ужесточившей санкции против Ирака.

Октябрь – доклад МАГАТЭ об отсутствии у Ирака какого-либо потенциала для производства оружейного ядерного материала.

Октябрь 23, – СБ ООН принимает резолюцию 1134 о дальнейшем увеличении санкций против Ирака.

Октябрь 1997 – март 1998 – кризис во взаимоотношениях Ирак – ООН.

Ноябрь 4 – миротворческая миссия Генерального секретаря ООН Кофи Аннана в Багдад.

Ноябрь 13 решение СРК Ирака о выдворении из страны американских экспертов Спецкомиссии.

1998 – Февраль 23 – принятие «Меморандума о взаимопонимании» между ООН и Ираком.

– Август 5 – решение Багдада о приостановке деятельности экспертов Спецкомиссии и МАГАТЭ в Ираке.
– Сентябрь 9 – резолюция СБ ООН 1194, осуждающая решение иракских властей. Призыв к возобновлению сотрудничества.
– Октябрь 6 – доклад секретаря Спецкомиссии, исказивший состояние разоруженческого досье.
– Октябрь 31 – Ирак прекратил сотрудничество со Спецкомиссией.
– Декабрь 14 – Спецкомиссия прекратила свою работу.
– Декабрь 17–20 – англо-американская операция «Лиса в пустыне»: нанесение по Ираку мощных ракетно-бомбовых ударов.
– Декабрь 17 – принятие СБ ООН резолюции 1284 о готовности реально приостановить санкции. Создание новой, подотчетной Совету Безопасности Комиссии – ЮНМОВИК (United Nation Monitoring and Inspection Comission – UNMOVIC).
2000 – Март – Ирак нарушил запрет на полеты гражданской авиации и организовал перелеты паломников в Мекку.
– Ноябрь – возобновление работы багдадского аэропорта для международных и внутренних рейсов.
2001 – Январь – состоялась первая за три года встреча лидеров ДПК и ПСК – Масуда Барзани и Джалала Талабани. Начало улучшения в отношениях обеих сторон.
– Февраль – нанесение американцами и англичанами мощных ударов по системам воздушной защиты Багдада.
2003 – Март–апрель – война коалиционных сил во главе с США и Великобританией против Ирака. Оккупация страны.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Страны мира. Современный справочник. М., 2005. С. 136–137
[2] http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=96
[3] Там же.
[4] Конституция Ирака 1924 г.
http://www.countries.ru/library/orient/iraq/konst.htm
[5] http://irak2002.narod.ru/irakinnow.htm
[6] Современный Ирак (справочник). М., 1966. С. 7
[7] Якобсон В.А. Предисловие // Эвелин Кленгель-Брандт. Путешествие в Древний Вавилон. М., 1979. С. 7–8.
[8] Кленгель-Брандт Э. Путешествие в Древний Вавилон. С. 248.
[9] Там же. С. 8
[10] Ниязматов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Историйческий очерк. М., 1989. С. 5.

Глава 1

[1] С XIII в. Багдадский и Басорский вилайеты назывались «Ирак Арабский»; полностью самостоятельным Басорский вилайет становится в 1884 г. Мосульский вилайет османские власти всегда считали территорией Турции. См.: Адамов А. Ирак Арабский. Бассорский вилайэт. СПб., 1912. С. 4, 2.
[2] Там же. С. 152.
[3] Алитовский С.Н. Аграрный вопрос в современном Ираке. М., 1966. С. 3.
[4] Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в. – 1908 г.). М., 1975. С. 122–123.
[5] Там же. С. 123.
[6] Современный Ирак включает также бывший Мосульский вилайет.
[7] История Востока. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). Т. IV. Кн. 1. С. 97
[8] Алитовский С.Н. Аграрный вопрос в современном Ираке. С. 3.
[9] Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке. С. 165–166
[10] Езидизм, или Эздиати (курдск.) – одна из древних и таинственных религий Ближнего Востока. Последователи этой религии называются езидами, говорят на курдском языке (диалект курдманджи). См.: Григорьев С.А., Ивасько Л.И., Пирбари Д.В. Святой Лалыш. Екатеринбург: 2008. С. 5.

[11] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 166.
[12] Земли категории «мульк» – это земли абсолютного частного владения. Они никогда не занимали в Ираке видного места. Сюда входят главным образом земельные участки под строениями, огородами и садами, расположенные обычно в черте города и принадлежащие представителям различных классов. «Матрука» – земли, используемые в общественных целях: дороги, базарные площади, деревенские токи, участки под общественными постройками и пр.
[13] Алитовский С.Н. Аграрный вопрос в совеременном Ираке. С. 6.
[14] Там же. С. 6–7
[15] Marr, Phebe. The Modern History of Iraq. L., 1985. P. 24.
[16] Ibid.
[17] Ibid.
[18] Ibid. P. 25.
[19] Ibid. P. 24.
[20] Ibid.
[21] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 66–67.
[22] Там же. С. 67–68.
[23] Адамов А. Ирак Арабский. Бассорский Вилайэт в его прошлом и настоящем. СПб., 1912. С. 115.
[24] Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. М., 1960. С. 19
[25] Там же. С. 15.
[26] Там же.
[27] Там же. С. 16.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Адамов А. Указ. соч. С. 166.
[31] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 10–11.
[32] Данциг Б.М. Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960. С. 14.
[33] Там же. С. 14–15.
[34] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 10.
[35] Marr, Phebe. The Modern History of Iraq. P. 25.
[36] Данциг Б.М. Указ. соч. С. 15.
[37] Marr, Phebe. Ibid. P. 25.
[38] В 1835 г. в бухту Суэдие (на Средиземном море) были доставлены в разобранном виде два судна из Англии. Их сухим путем перевезли на берег Евфрата, собрали и спустили на воду у Биреджика, откуда они начали плавание. Одно из судов затонуло в пути, но второе благополучно дошло до Басры. Данциг Б.М. Указ. соч. С. 14.

[1] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 12.
[2] Лазарев М.С. Указ. соч. С. 28.
[3] Marr, Phebe. Ibid. P. 25.
[4] Ibid.
[5] Ibid.
[6] Ibid.
[7] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 23.
[8] Там же. С. 28.
[9] Данциг Б.М. Указ. соч. С. 15.
[10] Там же.
[11] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 21.
[12] Данциг Б.М. Указ. соч. С. 16.
[13] Адамов А. Ирак Арабский. С. 474–476.
[14] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 41.
[15] Там же. С. 90.
[16] Там же. С. 91.
[17] Там же. С. 41.
[18] Marr, Phebe. Ibid. P. 25.
[19] Ibid. P. 25–26.
[20] Ibid. Ibid. P. 26.
[21] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 151.
[22] Там же. С. 156–157.
[23] Муджтахид – высший религиозный авторитет мусульман-шиитов, обладающий правом самостоятельного решения вопросов юридическо-богословского характера; более широко – влиятельные шиитские богосло-вы.
[24] Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте. М., 1972. С. 7.
[25] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 145.
[26] Hasan Kayali. Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. – University of California Press. 1997 P. 42
[27] Ibid. P. 61–62.
[28] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 273.
[29] Там же. С. 272.
[30] Там же.
[31] Hasan Kayali. Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. P. 51.
[32] Котлов Л.Н. Указ. соч. С. 274.
[33] Лазарев М.С. Указ. соч. С. 32–33.
[34] Там же. С. 34.

[73] Там же.
[74] Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии: 1908–1914 гг. М., 1986. С. 214–221.
[75] Там же. С. 214.
[76] Там же. С. 37–38.
[77] Там же. С. 44–45.
[78] Kayali, Hasan. Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. P. 17.
[79] Tripp, Charles. A history of Iraq. – Cambridge University Press, 2002 P. 28.
[80] Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии: 1908–1914 гг. С. 329.
[81] Tripp, Charles. Ibid. P. 27.
[82] Котлов Л.Н. Становление... С. 329.
[83] Там же. С. 330–331.
[84] Там же. С. 331.
[85] Лазарев М.С. Указ. соч. С. 57.
[86] Там же. С. 93.
[87] Котлов Л.Н. Становление... С. 3.

Глава 2

[1] Корсун Н.Г. Ирак // Труды Московского ин-та востоковедения им. Н.Н. Нариманова при ЦИК СССР, IX. М., 1928. С. 35.
[2] Лазарев М.С. Указ. соч. С. 75–76.
[3] Там же. С. 77.
[4] Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987. С. 73.
[5] Там же. С. 73, 82.
[6] Там же. С. 74.
[7] Лазарев М.С., Мгои Ш.Х., Васильева Е.И., Гасратян М.А., Жигалина О.Н. История Курдистана. М., 1999. С. 219–220.
[8] Лазарев М.С. Указ. соч. С. 77–78.
[9] Там же. С. 64.
[10] Дипломатический словарь. Ч. 2. С. 174–175.
[11] Ключников Ю.В. и Сабянин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926. С. 64.
[12] Цит. по: Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. С. 219.
[13] Tripp, Charles. Ibid. P. 32.

[17] Ibid. P. 32.
[18] Ключников Ю.В. и Сабянин А.В. Международная политика... С. 188–189.
[19] Tripp, Charles. Ibid. P. 32.
[20] Фонд Од (Oudh Bequest) – наследие Од (или Авад). Шиитское государство Авад (Awadh, 1720–1856), возникшее в XVIII в. в северной Индии, – источник дохода для священных шиитских городов Кербела и Неджеф, поступавшего в Ирак при посредничестве Ирана. В 1780–1844 гг. правители, министры и др. знать Авада пересылали более 1 млн рупий на филантропические цели, экономические проекты и религиозные мероприятия в священные города. Индийские деньги помогли расширить экономический базис иранских муджтахидов в Неджефе и Кербеле, поддерживавших связи с Авадом.
Арабские семьи, в том числе наиболее известные, как Хашиф аль-Гита, не смогли установить свой контроль над индийскими деньгами, поскольку предпочтение в делах с иранскими муджтахидами имели муджтахиды Лакнау, с которыми они были связаны общностью происхождения и культурой. Иранские муджтахиды, предлагая обучающимся высокие стипендии и хорошие условия содержания, могли привлечь к себе больше студентов и приверженцев, чем арабские муджтахиды, и тем укрепляли свои позиции в священных городах
Индийские спонсоры финансировали строительство канала Хиндия, который подвел воду к Неджефу, а это повлекло за собой перемещение в этот район арабских племен, подвергавшихся активной шиитской пропаганде. Индийские деньги продолжали поступать в священные города в течение долгого времени и даже после аннексии Од Англией в 1856.
В 1825 г. в период финансовых трудностей вице-губернатор Индии получил 10 млн рупий займа у короля Од Гази ад-Дина Хайдара. Заем носил бессрочный характер, капитал никогда не был возвращен. Его возврат из расчета 5% годовых возлагался на правительство Индии и подлежал выплатам в виде пожизненной ренты на точно определенные цели. Среди получателей ренты были 4 женщины: Наваб Мубарак Махал, Султан Мариам Бегам, Мумтаз Махал и Сарфараз Махал (две первые – жены короля). Источник поступлений в Неджеф и Кербелу иссяк в 50-е гг. XX в. См.: Yitzhak Nakash. The Shi'is of Iraq. Princeton University Press. Princeton, New Jersey. 1996. P. 211.
[21] Tripp, Charles. Ibid. P. 32–34.
[22] Ibid. P. 33.
[23] Данциг Б.М. Ирак в прошлом и настоящем. С. 20.
[24] Курдское движение в новое и новейшее время. С. 102.
[25] Алитовский С.Н. Указ. соч. С. 27.

[24] Ireland Ph. Iraq. A stady in political development L., 1937. P. 93.
[25] Алитовский С.Н. Указ. соч. С. 70.
[26] Там же. С. 28.
[27] Мирский Г.И. Ирак в смутное время. М., 1961. С. 18.
[28] Haj Samira. The Making of Iraq, Capital, Power, and Ideology. State University of New York, 1997. P. 29; Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 36.
[29] Tripp, Charles. Ibid. P. 34.
[30] Ibid. P. 40.
[31] Tripp, Charles. Ibid. P. 36.
[32] Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987. С. 102–103.
[33] Основанный в 1783 г. город, насчитывавший в 1820 г. уже 10 тыс. жителей, стал и остается важным политическим, экономическим и культурным центром Южного Курдистана. Направлявшемуся сюда британскому представителю Ноэлю давалось указание создать «приемлемую народом временную систему правления». В своей политике в отношении курдов Англия исходила из учета межплеменных отношений в Курдистане, характеризовавшихся разобщенностью племен, распрями между курдскими феодально-племенными кругами, их борьбой за власть. Усугублению этой ситуации и соответствовал британский план создания нескольких курдских автономных районов. В этой связи государственный секретарь по делам Индии писал: «Что касается Курдистана, то… будет удобно поощрять создание федерации самостоятельных государств … которые могут воевать друг против друга, но не будут вредить Месопотамии».
[34] Котлов Л.Н. Национально-освободительное восстание 1920г. в Ираке. М., 1958. С. 84.
[35] Yizhak Nakash. The Shi'is of Iraq. P. 65–66.
[36] Степанова Н.В. Шиитская проблема в Ираке. Этносы и конфликты на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005. С. 102. Вопрос об участии шиитов в восстании 1920 г. продолжает оставаться дискуссионным и спорным среди изучающих новейшую историю Ирака. Представляют интерес материалы по этой проблеме Эрика Дависа в его монографии "Memories of State», где говорится о том, что участие представителей двух конфессиональных общин в восстании 1920 г. не было чем-то исключительным. Еще до него несколько известных суннитов и шиитов создали совместную политическую организацию, известную как «Аль-Мандубан» (делегаты), направившую британской оккупационной администрации петицию о предоставлении Ираку большей свободы. В 1919 г. сунниты и шииты создали «Харас аль-Истикляль». Эти совместные действия предопределили участие обеих конфессиональных групп в восстании 1920 г. и более тесное взаимодействие двух главных общин страны в иракских национальных организа-

ших, в таких, как группа аль-Ахали, Иракская коммунистическая партия и многие профессиональные организации. Восстание 1920 г. наглядно показало, что в своей современной истории Ирак вовсе не обречен на раскол по этническому и конфессиональному принципу и что сунниты и шииты должны жить во взаимной вражде и неспособности к объединению в формировании нации. Однако и английские, и иракские власти сделали все для доминирования во властных структурах всех уровней суннитов, не допустив к реальной власти шиитов. Eric Davis. Memories of State. Politics, History, and Collective Identiny in Modern Iraq. London. 2005. P. 48.

[37] Ch.Tripp. A History of Iraq. P. 45

[38] Ibid.

[39] Ibid. P. 47.

[40] Ibid. P. 48.

[41] Yitzhak Nakash. The Shi'is if Iraq. P. 79.

[42] Новейшая история арабских стран Азии. М., 1988. С. 275.

[43] Nakash. Ibid. P. 79, 80.

[44] Gavan S.S. Kurdistan: Divided nation of the Middle East. L., 1958. P. 30.

[45] Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927. С. 25. В договоре говорилось следующее: «Если в течение года с момента подписания Севрского договора большинство курдов, проживающих в районах, упомянутых в статье 64, потребуют от Лиги Наций предоставления независимости, Лига Наций согласится с предоставлением независимости курдам и опекой над ними. Турция с этого момента приступает к выполнению этих рекомендаций и теряет все права на эти районы.

Подробности этого перехода согласуются между Турцией и Антантой. Если этот переход состоится, то Антанта обязуется не препятствовать вхождению курдов, проживающих в вилайете Мосул, в независимое курдское государство».

[46] Gassemlou, Abdul Rahman. Kurdistan and the Kurds. Prague, 1965. P. 49.

[47] Никитин В. Курды. М., 1964. С. 301.

[48] Tripp, Charles. Ibid. P. 54.

[49] Ibid. P. 54–55.

[50] Ibid.

[51] Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака. М. 2006. ИБВ. С. 28–42.

[52] Haj Samira. The making of Iraq, 1900–1963. Capital, power and ideology. – State University of New York press, 1997. P. 30.

[53] Ibid.

[54] Ibid. P. 30–31.

[55] Ibid.

[56] Дипломатический словарь. Том 2. 1986 С. 351.
[57] Корсун Н.Г. Ирак. Труды Московского института востоковедения им Н.Н.Нариманова.при ЦИК СССР. IX. М., 1928. С. 35.
[58] Дипломатический словарь. Том 2. С. 351.
[59] Dowson. An Inquiry into Land Tenure. P. 19.
[60] Мирский Г.И. Ирак в смутное время. С. 8–9.

Глава3

[1] Marr, Phebe. Ibid. P. 55.
[2] Tripp, Charles. Ibid. P. 77.
[3] Marr, Phebe. Ibid. P. 55–56.
[4] Матвеев К.П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979. С. 20–21.
[5] Лазарев М.С. Предисловие к книге К.П. Матвеева Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979. С. 4.
[6] Матвеев К.П. Указ. соч. С. 40–41.
[7] Там же. С. 62–64.
[8] Там же. С. 61.
[9] Там же. С. 65.
[10] Там же. С. 65.
[11] Там же. С. 69–70.
[12] Там же. С. 92.
[13] Там же. С. 93.
[14] Там же. С. 94.
[15] Там же. С. 95.
[16] Там же. С. 109.
[17] Там же. С. 120–121.
[18] Там же. С. 127.
[19] Там же. С. 129–130.
[20] Там же. С. 134.
[21] Tripp, Charles. Ibid. P. 80.
22 Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945 гг.). М., 2005 С. 161.
[23] Там же. С. 160–161.
[24] Матвеев К.П. Ассирийский вопрос в новое и новейшее время. С. 130.
[25] Tripp, Charles. Ibid. P. 81–82. Гази был младшим ребенком в королевской семье и единственным сыном Фейсала. Он родился в Мекке, где провел свои первые 11 лет. В 1923 г. вместе с матерью и сестрами приехал в Ба-

Гази. Вначале его воспитателем была англичанка. Затем Гази поступил в Харроу в Англии, после чего прошел в Ираке полный курс обучения в Военном колледже, где он стал одним из молодых армейских офицеров, в идеологии и взглядах которых все более прочные позиции завоевал арабский национализм.

[15] Marr, Phebe. Ibid. P. 58.
[16] Ibid. P. 62.
[17] Ibid. P. 59–60.
[18] Tripp, Charles. Ibid. P. 82.
[19] Marr, Phebe. Ibid. P. 62–63.
[20] Tripp, Charles. Ibid. P. 82.
[21] Ibid. P. 82–83.
[22] Ibid. P. 83.
[23] Ibid. P. 81.
[24] Marr, Phebe. Ibid. P. 67.
[25] Ibid.
[26] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 105–106.
[27] Haj Samira. The making of Iraq 1900–1963. P. 85.
[28] Tripp, Charles. Ibid. P. 84–85.
[29] Marr, Phebe. Ibid. P. 68.
[30] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 102–103.
[31] Marr, Phebe. Ibid. P. 70–71.
[32] Tripp, Charles. Ibid. P. 88.
[33] Marr, Phebe. Ibid. P. 71.
[34] Ibid. P. 72.
[35] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 112–113.
[36] Там же. С. 113.
[37] Там же.
[38] Революционный Восток, 1937, № 1. С. 87. Цит. по: Мирский Г.И. Указ. соч. С. 113–114.
[39] Khadduri M., Independent Iraq. L., 1951. P. 97.
[40] Longrigg S., Iraq 1900 to 1950. L., 1953. P. 252.
[41] Tripp, Charles. Ibid. P. 91–92.
[42] Marr, Phebe. Ibid. P. 73–74.
[43] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 122.
[44] Там же. С. 125
[45] Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 3 С. 5–6.
[46] Marr, Phebe. Ibid. P. 74.
[47] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 105.
[48] Tripp, Charles. Ibid. P. 92.

[60] Ibid. P. 86.
[61] Tripp Charles . Ibid. P. 84–85.
[62] Samira Haj. Ibid. P. 49–50.
[63] Ibid.
[64] Tripp, Charles. Ibid. P. 85–86.
[65] Ibid.
[66] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 100–103; Tripp, Charles. Ibid. P. 84–86.
[67] Marr, Phebe. Ibid. P. 70–71.
[68] Ibid. P. 71–72.
[69] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 111–113.
[70] Tripp, Charles. Ibid. P. 88.
[71] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 112–113.
[72] Там же. С. 114.
[73] Там же. С. 112–113.
[74] Там же. С. 114.
[75] Там же. С. 114–115.
[76] Khadduri M. Independent Iraq. P. 98.
[77] Longrigg S. Iraq 1900–1950. L., 1953. P. 326; Peter Slaglett. The Kurds // Saddam's Iraq. Revolution or Reaction. L., 1986. P. 181–182.
[78] Tripp, Charles. Ibid. P. 92.
[79] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 122.
[80] Дипломатический словарь. Том 1. М. 1985. С. 411.
[81] Дипломатический словарь. Том 4. М. 1986. С. 5–6.
[82] Там же. С. 74.
[83] Там же.
[84] Khadduri M., Independent Iraq. L., 1951. P. 100.
[85] Longrigg S., Iraq 1900 to 1950. L., 1953. P. 252.
[86] Tripp, Charles. Ibid. P. 93.
[87] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 131.
[88] Tripp, Charles. Ibid. P. 94.
[89] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 136.
[90] Marr, Phebe. Ibid. P. 77.
[91] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 145.
[92] Tripp, Charles. Ibid. P. 98–99.

Глава 4

[1] The Middle East. A Political and Economic Survey. L. – N.-Y. 1951. P. 269.
[2] Marr, Phebe. Ibid. P. 91.

[1] Мирский Г.И. Указ. соч. С. 146–147.
[2] Tripp, Charles. Ibid. P. 101.
[3] *Аср саа* 27.11.1957. Khadduri M. Independent Iraq. P. 163.
[4] *Foreign Affaires*, 1942, July. P. 672. (Цит. по: Мирский Г.И. Указ. соч. С. 152).
[5] Tripp, Charles. Ibid. P. 103.
[6] Khadduri M., Independent Iraq. P. 186.
[7] Ibid. P. 191.
[8] Marr, Phebe. Ibid. P. 85–86.
[9] Sydney N. Fisher. The Middle East. F History. N.Y. 1959. P. 487.
[10] Hussain Jamil. Pre-Revjlutionary Iraq. New Delhi.1959. P. 11.
[11] al-Witry, Hashim. Health Servicies in Iraq. Jerusalem. 1944. P. 23.
[12] The Middle East. A Political and Economic Survey. P. 265.
[13] Kinche, Jon. Seven Pillars. N.-Y. 1953. P. 98.
[14] Bonne, Alfred. The Economic Development of the Middle East. L. 1945. P. 35.
[15] *Хабат*. Сентябрь 1963.
[16] Курдское движение в новое и новейшее время. С. 165.
[17] Laquer W.Z. Communism and Nationalism in the Middle East. P. 225.
[18] Longrigg S. Iraq 1900–1950. L. 1953. P. 326; Slaglett, Peter. Ibid. P. 181–182.
[19] Джаббар Али. Иракская компартия и курдский вопрос // Проблемы мира и социализма, № 8, 1962. С. 19.
[20] История Курдистана. С. 295–296.
[21] Курдское движение в новое и новейшее время. С. 168.
[22] История Курдистана. С. 297. Подробное изложение событий, связанных с курдским восстанием 1943–1945 гг. содержится в книге: Масуд Барзани. Мустафа Барзани и курдское освободительное движение (1931–1961). СПб., 2005. С. 53–114.
[23] Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952. С. 455.
[24] M.V.Seton-Williams. Britain and the Arab States. P. 40.
[25] Ibid. P. 42.
[26] Ibid. P. 42–43.
[27] *Аль-Баляд*. 28 декабря 1945.
[28] Seton-Williams M.V. Britain and the Arab States. P. 47.
[29] Marr, Phebe. Ibid. P. 98–99.
[30] Новейшая история Арабских стран Азии. С. 285.
[31] Marr Phebe. Ibid. P. 99–100.
[32] Новейшая история рабских стран Азии. С. 286.
[33] Seton Williams M.V. Ibid. P. 47.
[34] Khadduri, Majid. Ibid. P. 256.

[37] Roth Andrew. Iraq: Gold and Poverty // *The Nation*. Apr. 19. 1947. P. 445.
[38] The Middle East. A Political and Economic Survey. P. 269.
[39] Kimche, Jon. Seven Fallen Pillars P. 104–105.
[40] Новейшая история рабских стран Азии. С. 286.
[41] Khadduri, Madjid. Independent Iraq. P. 269.
[42] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 118–119.
[43] Marr Phebe. Ibid. P. 109.
[44] Ibid. P. 104–105.
[45] Tripp, Charles. Ibid. P. 123.
[46] Marr Phebe. Ibid. P. 107.
[47] Tripp, Charles. Ibid. P. 123
[48] Marr Phebe. Ibid. P. 107
[49] Ibid.
[50] Ibid.
[51] Ibid. P. 110.
[52] Tripp, Charles. Ibid. P. 128–129.
[53] Marr Phebe. Ibid. P. 110.
[54] Ibid. P.130.
[55] Ibid. P. 130–131.
[56] Ibid.
[57] Ibid. P. 143.
[58] Ibid.
[59] Kimche, Jon. Seven Fallen Pillars. N.-Y., 1953. P. 98.
[60] Ibid. P. 100.
[61] Bonn, Alfred. The economic development of the Middle East. L., 1945. P. 36.
[62] Ibid. P. 131.
[63] Ibid.
[64] Ibid. P. 132.
[65] The Middle East. A Political and Economic Survey. L. – N.Y., 1951. P. 265.
[66] Marr, Phebe. Ibid. P. 135.
[67] Ibid. P. 135–136.
[68] Ibid. P. 137.
[69] Ibid. P. 138.
[70] Ibid.
[71] Batatu H. The Old Social Classes and hhe Revolutionalionaly Movements of Iraq. Princeton, 1978. P. 1127.
[72] Marr Phebe. Ibid. P. 141.
[73] Ibid.
[74] Ibid. P. 142.
[75] Ibid. P. 145.

[87] Ibid. P. 146.
[88] Ibid.
[89] Ibid. P. 143–145.
[90] Мирский Г.И. Багдадский пакт – орудие колониализма. М., 1956. С. 9–10.
[91] Там же. С. 12.
[92] Там же. С. 13.
[93] Там же.
[94] Новейшая история арабских стран Азии. С. 287–288.
[95] Tripp, Charles. Ibid. P.136; Новейшая история арабских стран Азии С.289; Дэвис Э. С. 100.
[96] Дэвис Э. С. 102.
[97] Новейшая история арабских стран Азии С. 290.
[98] Tripp, Charles. Ibid. P. 142.
[99] Новейшая история арабских стран Азии С. 290.
[100] Tripp, Charles. Ibid. P. 142–143.
[101] *Balkans et Moyen Orient*. 1955. № 24, 25.
[102] Масуд Барзани. Мустафа Барзани и курдское освободительное движение. С. 249, 256–257.
[103] Иракская партия арабского возрождения формально была образована в 1952 г. как региональное отделение созданной в 1947 г. в Дамаске общеарабской Партии возрождения. Отцами-основателями партии были сирийцы Мишель Афляк (христианин), Салах ад-Дин Битар (суннит), Заки аль-Арсузи (алавит). В 1954 г. Баас объединилась с Сирийской социалистической партией Акрама Хаурани и в ее название добавилось слово «социалистическая». Основу идеологии и практики партии Баас составляли лозунги "единство», "свобода", "социализм», призывающие всех арабов ("единую арабскую нацию») сплотиться (мыслится – под эгидой партии Баас) для борьбы "против империализма и внутренней реакции». Идею «возрождения арабов» поддерживали представители сирийской, а в дальнейшем и других арабских стран, интеллигенции. Это были студенты, учителя, адвокаты, врачи – выходцы из низших социальных городских слоев. В июле 1943 г. группа численностью менее 10 человек выступила с программным заявлением. Многие исследователи считают эту дату временем рождением самой партии Баас. В апреле 1947 г. на момент созыва I съезда партии в ней состояло несколько сот человек[94]. В работе съезда принимали участие только партийные организации Сирии, за исключением отдельных лиц из Иордании и Ливана. С 1947 по 1954 гг. партия работала как единая организация всех арабских стран. Ее центром являлся Дамаск. Вскоре появилось отделение партии в Иордании, затем в Ливане. В июне 1954 г. состоялся II съезд, в котором приняли участие партийные организации Сирии, Иорда-

нии, Ирака и Ливана. На нем было избрано первое Национальное (общеарабское) руководство из 7 членов во главе с генеральным секретарем М.Афляком. Утвержден устав партии. Баас оформлялась тогда, когда в Сирии уже с 1924 г. действовала компартия, имевшая прочную опору практически во всех слоях населения. В Ираке компартия была основана в 1934 г. Между Баас и коммунистами возникло острое соперничество за влияние на массы. Коммунистов обвиняли за внедрение чуждой идеологии, за приверженность к революционным идеям России. В то время как баасисты идентичность арабов, панарабистскую идеологию увязывали с глубинными истоками арабских и исламских традиций, хотя баасизм признается как секуляристская идеология. Но баасизм секулярен лишь в том смысле, что и политическую жизнь не вовлекается духовенство. В обосновании же своих глубинных идеологических принципов баасизм является религиозным больше любого другого арабского националистического течения. Реальной политической силой Баас стала в Сирии и Ираке, чему способствовала четкая организационная структура, во многом заимствованная у компартии, наличие разработанной идеологии. См.: Hanna Batatu. Social Classes. P. 730.

[94] Руиндеж Д.Б. С. 25.

[95] Khadduri, Majid. Republican Iraq. Oxford University Press, 1969. P. 13.

[96] Ibid. P. 14.

[97] Tripp, Charles. Ibid. P. 143.

[98] Khadduri, Majid. Republican Iraq. Oxford University Press. 1969. P. 15–16.

[99] Marr Phebe. Ibid. P. 154.

[100] Tripp, Charles. Ibid. P. 144 Хаддури, 17.

[101] Tripp, Charles. Ibid.

[102] Абдель Керим Касем родился 21 ноября 1914 г. в Махдийе, бедном квартале Багдада. Он был младшим из трех сыновей Касема ибн Мухаммеда ибн Бакра. Родители Касема происходили их бедных арабских семей. Семья его отца принадлежала к клану Кахтанийя южных арабов, а родители его матери к клану Аднанийя северных арабов. Враждебно настроенные к Касему биографы отрицали его арабскую принадлежность, поскольку его отец был якобы турком, а его мать курдянкой. Более достоверные источники свидетельствуют, что его отец был арабом-суннитом, а родители его матери были шиитами-курдами, которые большой массой мигрировали в Багдад из района близ иранской границы. Касем в 1931 г. успешно закончил среднюю школу и около года был преподавателем в начальной школе. В дальнейшем Касем практически всю свою жизнь провел в армии. В 17 лет он поступил в Военный колледж в Багдаде и в 1934 г. получил звание младшего лейтенанта. Затем он продолжил обучение в Армейском штабном колледже, где проявил себя как способный организатор. Свой боевой опыт

он приобретал в подавлении восстаний племен Среднего Евфрата в 1935 г, и курдов в 1945 г., участвовал он также в антианглийской войне 1941 г. В 1948–1949 гг. в составе иракских войск воевал в Палестине. В 1955 г. Касему было присвоено звание полковника, и он был назначен комбригом.
Касем верил, что судьбой ему предназначено выполнение великой миссии, возложенной на него Богом, а поэтому ему якобы позволялось прибегать к любым средствам для достижения поставленной цели, вплоть до мученичества. Касем, видимо, не обладал глубоким пониманием политических и идеологических процессов; вне его понимания оставались также побудительные мотивы реакции отдельных личностей на те или иные общественные дела и проблемы. Но при этом Касем обладал выдающейся способностью поддерживать равновесие между различными силами в Ираке, сам оставаясь всегда в стороне. При всех маневрированиях между коммунистами, про-коммунистами, националистами и про-националистами, курдами и другими общинами Касем умудрялся оставаться вне этих группировок.
[103] Khadduri, Majid. Republican Iraq. Oxford University Press. 1969. P. 17.
[104] Marr, Phebe. Ibid. P. 154.
[105] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 26.
[106] Ibid.
[107] Ibid. P. 27
[108] Ibid. P. 28.
[110] Tripp, Charles. Ibid. P. 146.
[111] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 78.
[112] Ibid. P. 34–35.
[113] Документы III конференции ИКП «Борец партии», № 4. С. 9. (араб.яз.)

Глава 5

[1] Dann, Uriel. Iraq under Qassem: A Political History, 1958–1963. Jerusalem, 1969. P. 34
[2] *Аль-Ахд аль-Джадид*. 1.05.1962.
[3] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 40–42.
[4] Ibid. P. 45
[5] Заявление Демократической партии Курдистана от 16.07.1958 г. (араб. яз.)
[6] *Аль-Вакайя аль-Иракийя*. 13.08.1958; Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем. (Из истории конституционного развития Ирака). М., 2006. С. 43–46.
[7] *Аль-Вакайя аль-Иракийя*. 13.08.1958
[8] Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем. С. 44.

[9] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 83.
[10] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 45.
[11] Ibid.
[12] Ibid. P. 46.
[13] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 81.
[14] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 46.
[15] The Iraqi Revolution in its second year. Baghdad. 1960. P. 255.
[16] The Iraqi Revolution. One year of Progress. Baghdad. P.22
[17] *Аль-Вакайя аль-Иракийя*, 13.VIII.1958.
[18] *The Iraq Times*. 30.VII.1958.
[19] The Republic of Iraq. Baghdad, 1958. P. 6.
[20] *Аль-Вакайя аль-Иракийя*. 30.IX.1958.
[21] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 84–85.
[22] *Iraqi Review*, 23.VII.1959. P. 28.
[23] *Иттихад аш-Шааб*, 30.III.1959.
[24] Abdallah A. The Path to the Unity of the Arab Nation // *Iraqi Review*, 4.VI.1959. P. 7–8, 20.
[25] Ibid.; *Iraqi Review*, 18.VI.1959. P. 14.
[26] Абд ас-Салям Ареф – наряду с Абдель Керимом Касемом – был творцом Революции 14 июля 1958 г. в Ираке. Он был выходцем из бедной семьи, связанной с кочевыми племенами, родился в багдадском районе аль-Кярхе. В 1942 г. он окончил Военный колледж в звании младшего лейтенанта и непродолжительное время прослужил в охране военной тюрьмы в Багдаде, в которой оказались некоторые армейские офицеры, участвовавшие в майских событиях 1941 г. В Басре в 1942 г. Ареф встретился с Касемом. Позже Ареф говорил об их причастности к какой-то тайной деятельности, что также вызывает сомнение. Затем в 1944 г. Касем был переведен в Джалулу, а Ареф в Насирийю. Оба встретились вновь, когда иракские вооруженные силы приняли участие в Палестинской войне в 1948 г. В 1954–1958 гг. Касем и Ареф служили вместе, тогда они и создали ячейку «Свободные офицеры», независимую от Центральной организации. Члены группы воспринимали Арефа как друга и протеже Касема. В этот момент никаких проявлений нелояльности со стороны Арефа к Касему не был, напротив, он очень настойчиво поддерживал кандидатуру Касема как лидера «Свободных офицеров». См.: Rose al-Yusuf. 16 May 1966. P. 16.
[27] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 91.
[28] Ibid. P. 86–87; Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 159.
[29] *Иттихад аш-Шааб*. 15.09.1958.
[30] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 97–98; Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 160.

[41] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 99.
[42] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 154–155.
[43] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 99–100.
[44] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 155–156.
[45] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 101–103.
[46] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 162.
[47] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 134.
[48] *Аш-Шааб*. 25.08.1959.
[49] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 166.
[50] Ibid. P. 165.
[51] Мирский. Армия и политика в странах Азии и Африки. 1970. С. 151.
[52] *Иттихад аш-Шааб*. 12.03.1959.
[53] Ibid. 19.03.1959
[54] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 163.
[55] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 111; Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 163.
[56] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 112.
[57] Ibid.
[58] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 219.
[59] СССР и арабские страны, 1917–1960. Документы и материалы. С. 694–700.
[60] Там же. С. 726–728.
[61] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 186.
[62] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 164–165.
[63] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 157.
[64] *Ас-Саура*, 3.08.1959; *Иттихад аш-Шааб,* 3.08.1959.
[65] *Иттихад аш-Шааб*, 3.08.1959.
[66] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 158.
[67] Statistical Abstract. Baghdad, 1960. P. 145.
[68] Алитовский С.Н. Аграрный вопрос в современном Ираке. С. 148–149; *Иттихад аш-Шааб*, 11.02.1959.
[69] *Иттихад аш-Шааб*, 3.08. 1959.
[70] *Iraqi Review Supplement,* 28.06.1959.
[71] *Иттихад аш-Шааб*, 03.08.1959.
[72] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 184–189, 206.
[73] Ibid. P. 164
[74] Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость. С. 242.
[75] *Аль-Вакайя аль-Иракийя*, 2.01.1960.
[76] *Хизб аш-Шуюий аль-Ираки.*
[77] *Иттихад аш-Шааб*, 10.01.1960.

[68] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 142.
[69] *Iraqi Review,* No. 34. November 1960. P. 5.
[70] Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость. С. 243.
[71] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 143.
[72] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P.167–168; Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 143–144.
[73] *Иттихад аш-Шааб*, 11.01.1960.
[74] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 145.
[75] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 300.
[76] *Ахбар*, 25.02.1960; *Ас-Саура*, 1.04.1960. Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 301–302.
[77] *The Iraq Times*, 29.04.1960.
[78] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 302.
[79] *Хайят*, 22.10.1960.
[80] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 146.
[81] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 302.
[82] *Ахали*, 28.03.1960; *The Iraq Times*, 29.03.1960.
[83] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 168.
[84] *Аль-Заман*, 09.05.1961.
[85] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 169.
[86] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 150.
[87] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 170.
[88] *Аль-Вакайя аль-Иракийя*, 13.VIII.1958.
[89] *The Iraq Times*, 30.VII.1958.
[90] *The Iraq Times*, 6.VIII.1958.
[91] *Аль-Вакайя аль-Иракийя*, 23.VII.1958.
[92] The Republic of Iraq. Baghdad. 1958. P.6.
[93] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 54–55.
[94] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 157.
[95] *Иттихад аш-Шааб*, 19–20.III.1959.
[96] Khadduri. Majid. Republican Iraq. P. 159.
[97] Шахбазян Г.С. Государственный сектор в эконмике Ирака. М., 1974. С. 25–26.
[98] Provisional Economic Plan. Republic of Iraq. Baghdad. 1960. P. 86. Цит. по: Там же. С. 29–30.
[99] Шахбазян Г.С. Государственный сектор в эконмике Ирака. С. 27–28.
[100] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 160.
[101] Шахбазян Г.С. Государственный сектор в эконмике Ирака. С. 211–212.
[102] Там же. С. 214.
[103] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 164.

[104] Шахбазян Г.С. Государственный сектор в экономике Ирака. С. 30.
[105] *Аз-Заман,* 10.01.1960.
[106] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 298.
[107] *Хабат,* 11.05.1960.
[108] *Хабат,* 19.10.1960.
[109] *Хабат,* 12.12.1960.
[110] *Хабат,* 13.03.1961.
[111] *Аль-Инсанийя,* 28.02.1961.
[112] *Аз-Заман,* 22.02.1961.
[113] *Ас-Саура,* 2.03.1961.
[114] *Аль-Истикляль,* 7.03.1961.
[115] *Аль-Инсанийя,* 28.02.1961.
[116] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 334.
[117] Заявление Политбюро ЦК компартии Ирака от 13.09.1961 «О военной кампании в Курдистане» (араб. яз.).
[118] Письмо политбюро ДПК Абд аль-Кериму Касему от 18 июля 1961 г. (араб. яз.).
[119] Там же.
[120] Заявление Политбюро ЦК компартии Ирака от 22.08.1961 (араб. яз.).
[121] Заявление Политбюро ЦК компартии Ирака от 17.09.1961 (араб. яз.).
[122] Документы III партийной конференции ИКП 1967 г. «Борец партии». № 4, 1968. С. 25 (араб. яз.).
[123] Iraqi Letter. Information Bulletin. June 1962. No. 6. P. 7–34
[124] Документы. «Борец партии». № 4, 1968. С. 28–29 (араб. яз.).
[125] *Le Monde,* 11.05.1963.
[126] Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость. С. 253.
[127] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 337.
[128] Le Monde, 12.04.1965.
[129] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 340.
[130] Ibid. P. 339.
[131] Iraq News Agency. 26.09.1961.
[132] *Хабат,* 09.1962.
[133] Гассемлу А.Р. Курдистан и курды. С. 226.
[134] Schmidt D.A. Journey among Brave Men. P. 249
[135] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 344–345.
[136] Schmidt D.A. Journey among Brave Men. P. 249.
[137] *Le Monde,* 10.04.1963.
[138] Там же.
[139] Hurewith J.C. Middle East Politics. The Military Dimension. N.-Y., 1969. P. 157.

[140] *Mideast Mirror.* Beirut. 28.04.1963.
[141] Ghassemlou, Abdul Rahman. Kurdistan and the Kurds. Prague, 1965. P. 246–255.
[142] Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость. С. 260–262.
[143] Документы III конференции компартии Ирака. «Борец партии» № 4. 1968. С. 32–35 (араб. яз.).
[144] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 353.
[145] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 160.
[146] Ibid. P. 163–164.
[147] Ministry of Oil. Bayan Wasarat of Naft. Baghdad. 1961. P. 47.
[148] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 183.
[149] Ibid. P.184
[150] Ibid.
[151] Ibid.
[152] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 348.
[153] Ibid. P. 349.
[154] Ниязматов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. М., 1989. С. 25.
[155] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 164.
[156] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 349–350.
[157] Ibid.
[158] Ibid.
[159] Ibid. P. 351.
[160] Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 119.
[161] Там же. С. 116–117.
[162] Белоногов А.М. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. С. 8–10.
[163] Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. С. 117.
[164] Там же. С. 117–118.
[165] Там же.
[166] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 351.
[167] Ibid. P. 351–352.
[168] Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. С. 118.
[169] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 166–168.
[170] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 353.
[171] Документы III конференции компартии Ирака. "Борец партии". № 4. 1968. С. 34.
[172] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 360–361.

[1] Новейшая история арабских стран Азии. С. 299.
[2] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 365.
[3] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 169.
[4] Ibid. P. 168–169.
[5] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 364–365.
[6] On the Situation of Iraq. The High Committee for the Defence of the Iraqi People. 07.1963.
[7] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 365.
[8] *Аль-Ахрам*, 9.02.1963.
[9] Dann, Uriel. Iraq under Qassem. P. 371.
[10] Ibid. 371–372.
[11] On the Situation of Iraq. The High Committee for the Defence of the Iraqi People. 07.1963.
[12] *The Iraq Times*, 11.02.1963.
[13] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 170.
[14] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 196–197.
[15] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 171.
[16] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 196.
[17] Batatu, Hanna. The Old Social Classes. P. 1010.
[18] *The Iraq Times*, 11.02.1963.
[19] *Аль-Джумхурийя*, 18.02.1963.
[20] On the Situation of Iraq. The High Committee for the Defence of the Iraqi People. 07.1963.
[21] Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость. С. 264; Нотин А. Борьба коммунистических партий Сирии и Ирака за национально-прогрессивный фронт (70–80-е годы). С. 23.
[22] *Аль-Джумхурийя*, 18.02.1963
[23] Сборник документов ДПК с 09.1962 по 15.02.1963. – С.18–19
[24] Там же. С. 20–21.
[25] *The Iraq Times*, 12.06.1963.
[26] *Аль-Джумхурийя*, 11.03.1963.
[27] *Аль-Джумхурийя*, 18.04.1963.
[28] On the Situation in Iraq. The High Committee for the Defence of Iruqi People. 29 June 1963.
[29] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 172.
[30] *Лисан аль-Халь*, 18.05.1963.
[31] *Figaro*, 05.06.1963.

[32] Мгои Ш.Х. Некоторые международные аспекты курдского национального демократического движения в Ираке. Ереван, 1968. С. 72.
[33] Заявление политбюро ДПК. 11.06.1963. (Баян аль-Хизб аль-димукрати аль-курдистани «Асаба аль-Баас аль-Хакима фи аль-Ирак начала харби ль-зира аля шуубина аль-курди». *Хабат,* 11 хазиран 1963.
[34] *Хабат,* 09.1963.
[35] *Аль-Джамахир,* 03.07.1963.
[36] *Правда,* 02.07.1963.
[37] *Правда,* 23.08.1963.
[38] Gassemlou Abdul Rahman. Kurdistan and the Kurds. Prague, 1965. P. 228.
[39] *Ат-Талиа,* 24.10.1963.
[40] *Middle East Journal.* 1964. No. 2. P. 181.
[41] *Аль-Ануар,* 04.09.1963.
[42] *Аль-Хуррийя,* 15.10.1963.
[43] *Аль-Джамахир,* 9.10.1963.
[44] *Аль-Баас,* 9.10.1963.
[45] *Ан-Нида,* 10.10.1963.
[46] *The New York Times,* 21.10.1963.
[47] *Хабат,* 09.1963.
[48] Langley K.M. Iraq. Some Aspects of the Economic Scene // *Middle East Journal.* 1964. No. 2. P. 181.
[49] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 174
[50] *Аль-Джамахир,* 14.11.1963
[51] *Аль-Баас,* 14.11.1963.
[52] *Аль-Хайят,* 13.11.1963.
[53] *Middle East Journal.* 1964. No 1. P. 85–86.
[54] Заявление Комитета защиты прав курдского народа. Лозанна, 19.11.1963.
[55] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 176.
[56] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 190.
[57] *Аль-Кифах*, 22.11.1963.
[58] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 218.
[59] Новейшая история арабских стран Азии. С. 302.
[60] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 191.
[61] *Аль-Ахрам,* 22.11.1963.
[62] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 192.
[63] http://www.aldawamovement.net/Dastor/1964.htm.
[64] Новейшая история арабских стран Азии. С. 303.
[65] Шахбазян Г.С. Государственный сектор в экономике Ирака. С. 62–63.
[66] Новейшая история арабских стран Азии. С. 304.
[67] Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость. С. 271–276.

[78] *Аль-Ахрам*, 25.11.1963.
[79] *Аль-Ахрам*, 21.11.1963.
[80] *Middle East Journal*. 1964.No 2. P. 219.
[81] *Аль-Хайят*, 7.08.1964.
[82] Там же.
[83] *New York Times*, 12.11.1964.
[84] *Аль-Араб*, 20.09.1965.
[85] *Baghdad News*, 22.09.1965.
[86] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 184.
[87] Ibid. P. 183–184.
[88] *Аль-Араб*, 24.09.1965.
[89] *Ан-Нида*, 7.01.1966.
[90] *Middle East Journal*. 1966. No. 2. P. 211.
[91] *Аль-Манар*, 19.04.1966.
[92] *Аль-Джумхурийя*, 26.04. и 29.04.1966.
[93] *Аль-Джумхурийя*, 20–21.06.1966.
[94] *Хабат*, 07.1966.
[95] *Ас-Саура аль-Арабийя*, 30.06.1966.
[96] *Хабат*, 07.1966.
[97] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 200.
[98] *Аль-Ахрам*, 22.07.1966.
[99] *Правда*, 4.08.1966.
[100] *Ас-Саура аль-Арабийя*, 07.08.1966.
[101] *The Guardian*, 8.08.1966.
[102] Новейшая история арабских стран Азии. С. 306–307.
[103] *Middle East Journal*, 1967. No. 3. P. 383.
[104] *Ат-Таахи*, 14.05.1967.
[105] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 200–201.
[106] Мгои Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике. С. 267–269.
[107] Iraq: Official Statements of Policy on internal, Arab and Foreign Affairs. Baghdad, 1967. P. 10.
[108] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 292.
[109] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 203.
[110] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 292.
[111] Новейшая история арабских стран Азии. С. 307–308.
[112] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 293.
[113] Ibid.
[114] Ibid. P. 293–294.
[115] Новейшая история арабских стран Азии. С. 308.

[106] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 294–295.
[107] Мгои Ш.Х. Указ. соч. С. 273–274.
[108] Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость. С. 289.
[109] Мгои Ш.Х. Указ. соч. С. 275.
[110] Там же С. 277.
[111] Khadduri, Majid. Republican Iraq. P. 295.
[112] *Le Monde,* 9.10.1968.

Глава 7

[1] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 204–205.
[2] *Аль-Вака'и аль-Иракийя,* 26.03.1974.
[3] Там же.
[4] В период мандата французские власти формировали вооруженные силы Сирии из представителей этнических и конфессиональных меньшинств – курдов, черкесов, алавитов, исмаилитов, друзов, – противопоставляя их традиционно господствовавшим в административной и армейской сферах суннитам и предоставляя им возможность повышения социального статуса за счет получения образования, в том числе и военного.
[5] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 207.
[6] Khadduri, Majid. Socialist Iraq: a Stady in Iraqi Politics since 1968. Washington, 1978. P. 93–94.
[7] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 208.
[8] Ibid.
[9] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 191.
[10] The Political Report of the Eighth Congress. P. 26.
[11] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 194–195.
[12] Hanna Batatu. Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. Princeton. N.-Y. Princeton University Press. 1978.P.1076.
[13] *The Economist,* 24–30 June. P. 78.
[14] Marr, Phebe. The modern history of Iraq. P. 213.
[15] Ibid. P. 214.
[16] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 193.
[17] The 1968 Revolution in Iraq. Experience and Congress of the Arab Ba'th Socialist Party in Iraq, January 1974. London, 1979. P. 30–31, 38.
[18] Ibid.
[19] Kissing's Contemporary Archives. 1968. P. 22869.
[20] *Аль-Джумхурийя,* 1.08.1968.
[21] *Аль-Ахбар,* 17.11.1968.

[33] Там же.
[34] Там же.
[35] Потин А. Борьба коммунистических партий Сирии и Ирака за национально-прогрессивный фронт (70–80-е годы). С. 41–42.
[36] Там же. С. 42.
[37] *Аль-Гумхурийя*. Каир. 23.07.1968.
[38] *Le Monde,* 29.12.1968.
[39] *Аль-Джумхурийя*. Багдад. 03.08.1968.
[40] *Middle East Journal.* 1968. № 4. P. 482.
[41] Tripp, Charles. A History of Iraq. P. 199.
[42] *Ан-Таахи,* 13.08.1968.
[43] *New Middle East.* No.10. July 1969. P. 24.
[44] *Аль-Ануар,* 22.10.1968.
[45] Keesing's Contemporary Archives. 1970. P. 23827
[46] New Middle East. No.8. May 1969. P.44
[47] Факты о революции 17 июля. Багдад. 1959. С. 9–10 (араб. яз./
[48] *Ас-Саура*, 1.10.1969.
[49] Keesing's Contemporary Archives. February. 14–21.1970. P. 23827.
[50] New Middle East. No. 22. July. 1970. P. 25.
[51] *The Guardian,* 31.01.1970.
[52] *Ан-Нур,* 12.03.1970.
[53] The Agrarian Reform Law. Baghdad. 1970. P. 9.
[54] Ibid. P. 29–30.
[55] *Ас-Сакафа аль-Джадида.* 1971, № 2. С. 14.
[56] The Central Report of the Ninth Regional Congress. P. 131.
[57] Шахбазян Г.С. Государственный сектор в экономике Ирака. С. 102–103.
[58] Там же. С. 105.
[59] Didden H. Irak. Eine sozio-oekonomische Betrachtung. Opladen, 1969.
[60] The Central Report of the Ninth Regional Congress. P. 133.
[61] Ibid. P. 103, 114.
[62] The Central Report of the Ninth Regional Congres. P. 132.
[63] The Political Report of the Eighth Congress of the Arab Ba'th Sotialist Party in Iraq. P. 77.
[64] The Political Report of the Eighth Congress P. 76–77; 83–85.
[65] The Five-Years Detailed Economic Plan (1961/62–1965/66).
[66] *Ас-Саура*, 16.10.1971.
[67] Шахбазян г.С. Государственный сектор в экономике Ирака. С. 66–67.
[68] The Central Report of the Ninth Congress. P. 124–125.
[69] Шахбазян г.С. Государственный сектор в экономике Ирака. С. 67
[70] *Middle East Economic Digest.* 1972, No. 9.

[60] Text of Nationalization. Law No. 69 of 1972. The Economy of Iraq. Development and Perspectives. 1958–1976–1980. Madrid, 1977. P. 174–176.
[61] Ibid. P. 37.
[62] Ibid. Appendices. P. 177–179.
[63] Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 34. С. 457–458.
[64] *Ас-Саура*, 05.01.1976.
[65] *Ас-Сынаий.* Багдад. 1964. № 4 С. 31.
[66] Шахбазян Г.С. Указ. соч. С. 65–66.
[67] The National Action Charter. Baghdad. 1971.
[68] Ibid. P. 36–45.
[69] Развитие капитализма в арабском мире. С. 335.
[70] Там же. С. 336.
[71] Там же. С. 337.
[72] Нотин А. Борьба коммунистических партий Сирии и Ирака за национально-пргрессивный фронт (70–80-е годы). Специальный бюллетень (ИВ АН СССР), №5, 1987. С. 41–42.
[73] *Ан-Нур,* 12.03.1970.
[74] История Курдистана. М., 1999. С. 391–392.
[75] Там же. С. 393.
[76] Там же. С. 389.
[77] Алжирское соглашение между Ираком и Ираном от 6 марта 1975 г. См.: Ниязматов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. М. 1989. Приложение. С. 165–166.
[78] История Курдистана. С. 395.
[79] Мгои Ш.Х. Южный Курдистан на пути к самоопределению // Современный Курдистан. М., 1995. С. 35.
[80] *Iraqi Letters,* 1979, No. 1. P. 27–28.
[81] *Avanti*, 20.09.1980.

Глава 8

[1] Muttitt, Greg. Fuel on the Fire. P. 42.
[2] Ibid.
[3] Sluglett, Marion Farouk; Sluglett Peter. Iraq since 1958. From Revolution to Dictatorship. L., 1987.
[4] Greg Muttitt. Ibid. P. 43.
[5] Shafic, Tariq. Iraq Oil Potential: Paper presented at Conference on Iraqi Oil and Gas) L., 23 June 2005; Muttitt, Greg. Ibid. P. 14; 402.
[6] The Eighth Regional Congress Report. L., 1979. P. 165–166.

[7] Закон о национальном плане развития 1976–1980. Багдад. 1977. С. 13–14.
[8] The Central Report of the Ninth Regional Congress. January 1983. P. 138–139.
[9] Там же. С. 139.
[10] Развитие капитализма в Арабском мире. С. 337.
[11] The Political Report of the Eighth Congress… P. 85.
[12] Проблемы мира и социализма. 1978. № 7. С. 68.
[13] Annual Abstract of Statistics. 1983. P. 84–85.
[14] Iraq Since 1958… P. 180.
[15] Ibid. P. 181.
[16] al-Khalil, Samir. Republic of Fear. University of California Press) Berkley – Los Angeles. 1989. P. 5. «Джихаз Ханин» – секретная служба, созданная С. Хусейном и состоявшая из наиболее преданных Баас офицерских кадров, которые становились специалистами по делам разведки. Эти подразделения были в гуще событий во время баасистского переворота в 1968 г. 30 июня 1973 г. провалился заговор, организованный, по-видимому, главой этого секретного ведомства Назымом Кзаром. О заговоре см. в Политическом докладе 8 съезда Баас (Political Report 0f the Eighth Congress… P. 106).
[17] Заявление ЦК ИКП. 1979. Аль-вадау ар-рахин филь-Ирак. Цит. по: Нотин А. Борьба коммунистических партий Сирии и Ирака за национально-прогрессивный фронт. М. ИВ РАН. Специальный бюллетень № 5. С. 117.
[18] Нотин А. Указ. соч. С. 118.
[19] Антикоммунистическая кампания властей усилилась, особенно после публикации материалов пленума Центрального комитета ИКП 10 марта 1978 г., на котором резкой критике были подвергнуты политические и экономические действия баасистов. Пленум призвал к отмене в стране чрезвычайного положения, к проведению всеобщих свободных выборов в конституционный Национальный парламент и к прекращению процесса арабизации и баасизации Иракского Курдистана. См.: Saddam's Iraq. P. 154–155. В конце июля 1979 г. ЦК ИКП объявил об открытом переходе в оппозицию к баасистскому режиму.
[20] С 1968 г. основу правящей элиты в Ираке составляла группа, тесно связанная родственными узами выходцев из клана Бегат племени *абу насер* северо-западного Ирака.
[21] С. Хусейн родился в 1937 г. в Тикрите в семье крестьянина. По линии отчима Саддам стал племянником губернатора Багдада Хайраллы аль-Тураха и двоюродным братом Хасана аль-Бакра. В 1957 г. вступил в партию Баас. В 1959 г. участвовал в покушении на премьера А.К. Касема, бежал в Сирию, затем переехал в Египет, где был избран членом руководства ячейки Баас, а затем вошел в состав Регионального руководства. В Ирак

вернулся после свержения Касема в 1963 г. Принял непосредственное участие в переворотах 17–30 июля 1968 г.

[22] С приходом к руководству партией Баас С. Хусейна изначально свойственная этой партии элитарность приобретала свои крайние формы. В начале 80-х годов общий численный состав партии достиг более миллиона, но при этом Баас не утратила своего элитарного характера, выражавшегося, в частности, в жестком делении членов на полноправных (действующий член, член-стажер) и неполноправных (кандидат в члены, помощник 1 и 2 степеней, сочувствующий). В начале 80-х годов в иракской Баас членов первой категории было всего 50 тыс., и соотношение первой и второй категории равнялось 1:25 (в 1963 г. это соотношение было 1:10).

[23] Sluglett M.F., Sluglett P. Op. cit. P. 190–191.

[24] Ibid. P. 191–192.

[25] Ibid. P. 193.

[26] Batatu, Hanna. Iraq's Underground Shi'a Movements. Charateristics, Causes and Prospects // *Middle East Journal*, No. 35, 1981. P. 586, 588.

[27] Sluglett M.F., Sluglett P. Op. cit. P. 195.

[28] Араб.: "тот, кому подражают, образец для подражания"; перс.: марджа-таклид" – наивысшее звание шиитских муджтахидов, которые в то или иное время может иметь только одно лицо – глава духовенства и руководитель всей шиитской общины, главный религиозный авторитет. Согласно учению джафаритов, исключительность положения *марджа ат-таклид*, необходимость подчинения его приказам и подражания (таклид) ему признаются всеми членами уммы, в том числе высшим духовенством. Помимо обладания знаниями и такими личными качествами, которые присущи всем ведущим муджтахидам, *марджа ат-таклид* должен иметь те свойства, которые якобы отличали «пречистых» имамов: полное безгрешие и способность воздержаться от греха и неверного поступка, защита веры и неуклонное следование религиозному долгу; верность истине и неприятие волюнтаризма; абсолютная покорность Богу, и только Богу. *Марджа ат-таклид* считается наместником «отсутствующего» имама (*наиб аль-имам*), т.е. выразителем божественной воли. См.: Ислам. Краткий справочник. М., 1986. С. 87–88.

[29] Степанова Н.В. Шиитская проблема в Ираке // Этносы и конфессии на Востоке. Конфликты и взаимодействия. М. МГИМО. 2005. С. 134–136.

[30] Там же. С. 136.

[31] Там же. С. 136–137.

[32] Там же. С. 138.

[33] Там же. С.138 – 140.

[1] The Central Report of the Ninth Regional Congress. P. 324.
[2] Ibid. P. 328, 333.
[3] The Central Report 0f the Ninth Regional Congress. P. 169
[4] Al-Dhabit Sh.S. International Relations and Boundary Treaties between Iraq and Iran. Baghdad. 1966. P. 29–37.
[5] Текст Эрзерумского договора см.: Ниязматов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Приложение. С. 140–142.
[6] См.: там же. С. 143–158.
[7] Marr Ph. The Modern History of Iraq. P. 291.
[8] Ниязматов Ш.А. Указ. соч. С. 158–165.
[9] Александров И.А. Монархии Персидского залива. С. 271.
[10] Marr Ph. The Modern History of Iraq. P. 291.
[11] The Political Report of the Eighth Congress of the Arab Ba'th Party in Iraq. P. 136–137.
[12] Текст Соглашения см.: Ниязматов Ш.А. Указ. соч. С. 165–166.
[13] Там же. С. 166–169.
[14] Там же. С. 69.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] *Middle East Economic Digest*. No. 24, 4.08.1980. P. 40. По другим данным, только в апреле 1980 г. их число приближалось к 40 тыс. Всего за время войны в Иране и Сирии оказалось более 100 тыс. беженцев. См.: Sluglett M.F., Sluglett P. Op. cit. P. 258. Еще одной мерой иракских властей в борьбе с «иранцами» было поощрение иракцев к разводу с их «иранскими» женами. В 1981 г. СРК принял решение, по которому любой иракец, женатый на «иранке», в случае развода с нею получал 4 тыс. и.д., если он находился на службе в вооруженных силах, если он был гражданским лицом, – 2,5 тыс. и.д. См.: Report of an Amnesty International Mission to the Government of Iraq. 22–28 January. L., 1983.
[18] Ниязматов Ш.А. Указ. соч. С. 76–77; С. 136.
[19] Там же. С. 77.
[20] *The Guardian,* 22.09.1980.
[21] Ibid. 12.04.1980.
[22] Александров И.А. Монархии Персидского залива. С. 269; 271.
[23] The Central Report 0f the Ninth Regional Congress. P. 189.
[24] Там же.
[25] Geopolitique du Petrole. December 31. 1979. Цит. по: Ас-Сарау ал-арабий ал-фарсий. Paris. 1981. P. 123.

[26] *The Military Balance.* 1983–84. L., 1984.
[27] Ниязматов Ш.А. Указ. соч. С. 77.
[28] Там же. См. также: Республика Ирак в системе международных отношений (80-е годы XX в. – начало XXI в.)
[29] Saddam's Iraq. Revolution or Reaction? L., 1986. P. 232.
[30] *Правда*, 23.02 и 19.07.1988.
[31] Республика Ирак в системе международных отношений. (80-е годы XX в. – начало XXI в.). М., 2002. С. 110–111.
[32] Степанова Н.В. Курды в Ираке // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. Аспект-Пресс. М., 2008. С. 221. «Анфаль» («добыча») – название восьмой суры Корана. Так власти Ирака назвали серию военных операций с 23 февраля по 6 сентября 1988 г. На заключительном этапе войны, когда фронт боев переместился на север, правительство Ирака, обвинив курдов в помощи «иранскому врагу», проводило репрессивные меры против мирного населения, используя даже химическое оружие. От его применения в Халабдже погибли около 5 тыс. жителей. А всего по этому плану с 1987 по 1990 г. иракскими войсками были убиты более 100 тыс. курдов (называется также цифра 182 тыс. чел.), 4 тыс. деревень стерто с лица земли, а их жители изгнаны.
[33] Александров И.А. Указ. соч. С. 285 Как антииранская мера воспринималось в региональном контексте и приобретение КСА китайских ракет дальностью до 3,5 тыс. км. См.: Ибн Султан, Халед. Воин пустыни. М., 1996. С. 140–141.
[34] *The Guardian,* 29.10.1980.
[35] Muhsin, Jabr. The Gulf War // Saddam's Iraq. Revolution or Reaction? P. 237.
[36] Ibid.
[37] *The Guardian,* 29.10.1985.
[38] Samir al-Khalil. Republic of Fear. P. 260–261.
[39] Ниязматов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. С. 126.
[40] Александров И.А. Указ. соч. С. 285–286.
[41] Там же. С. 286.
[42] The Central Report… P. 119.
[43] Ibid.
[44] Ibid. P. 120.
[45] Annual Statistics of World Energy. 1981.
[46] Шарипов У.З. Персидский залив: нефть – политика и войны. М.: Ин-т востоковедения РАН. 2000. С. 121.
[47] *Middle East Economic Digest,* 31.01.1987.
[48] Иракская Республика в системе международных отношений. С. 113.
[49] Новейшая история арабских стран Азии. С. 331.

[1] Богуславский А.Б. Основные экономические показатели Ирака за послевоенное десятилетие // Ближний Восток и современность. Сборник статей. № 17. М.: ИИИБВ. 2003. С. 360–361.
[2] Там же. С. 363
[3] Kostiner, Joseph. Kuwait: Confusing Friend and Foe // Iraq's Road to War / Ed. by Amatzia Baram and Barry Rubin. N.-Y. 1993. P. 110.
[4] Ibid.
[5] Ibid.
[6] Ibid.
[7] Ibid. P. 110–111.
[8] Baram Amatzia. The Iraqi Decision-making in Bagdad // Iraq's Road to War. N.-Y., 1993. P. 18.
[9] Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации». С. 290.
[10] The Memorandum of the Deputy Prime Minister and Minister of Foreign Affaires of Iraq Tariq Aziz to the Secretary General of the Arab League, 15 July 1990. Kuwait: Statehood and Boundaries. Kuwait, 1992.
[11] The United Nations and the Iraq-Kuweit Conflict 1990–1996. N.-Y. 1996. P. 14.
[12] Ибн Султан, Халед. Воин пустыни. С. 319.
[13] Александров И.А. Указ. соч. С. 291.
[14] The United Nation and the Iraq-Kuweit Conflict. P. 16.
[15] Ibid. P. 16–17.
[16] Богуславский А.Б. Указ. соч. С. 363. Импортерами иракской нефти являлись ведущие страны Запада и Япония. Так, в 1986 г. в Германию было поставлено 0,4% иракского экспорта нефти, в Великобританию – 2,8 %, в США – 3,7%, в Италию – 6,7%, во Францию – 8,6%, в Японию – 16,4%. Доля этих поставок в общем нефтяном импорте каждого их государств различна. Для США – 1,6%, для Великобритании – 4,7%, для Франции – 8,3%, для Италии – 7,2%. Следовательно, Франция, Италия и Япония зависели от импорта иракской нефти в значительно большей степени, чем США, Великобритания и Германия. Этим и объясняется, что с началом военных действий в январе 1991 г. против Ирака американскя авиация свободно наносила удары по объектам иракской нефтяной промышленности, что отвечало интересам американских, британских и саудовских нефтяных компаний. По некоторым данным, наибольшим разрушениям подверглись объекты, сооруженные при содействии СССР.
[17] The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. P. 167.

[18] Ibid. P. 168–169.
[19] Александров И.А. Указ. соч. С. 297.
[20] Ибн Султан, Халед. Воин пустыни. С. 5.
[21] Там же. С. 402.
[22] The United Nation and the Iraq-Kuwait Conflict. P. 22.
[23] Ибн Султан, Халед. Воин пустыни. С. 320.
[24] Там же. С. 326.
[25] Там же. С. 329.
[26] Там же. С. 330.
[27] Там же. С. 329–330.
[28] Там же. С. 401.
[29] Иракский кризис и становление нового мирового порядка. М., 2004. С. 405.
[30] http://army.armor.kiev.ua/hist/usa-irak.shtml.
[31] История Курдистана. С. 441.
[32] The United Nation and the Iraq-Kuwait Conflict. P. 199; 40–41.
[33] Ибн Султан, Халед. Воин пустыни. С. 406–407.
[34] КОМПАС №168, 19.10.1991.
[35] Богуславский А.Б. Указ. соч. С. 363–375.
[36] Мир Паша Зейналов. В блокадном Ираке. М. 2001. С. 29–38.
[37] Там же.
[38] Мгои Ш.Х. Политические изменения в Южном Курдистане после конфликта в Персидском заливе. Южный Курдистан сегодня. С. 23–24.
[39] Там же. С. 24–25
[40] Там же.
[41] Юрченко В.П. О положении в иракской оппозиции. Аналитические записки. Иракский кризис. М. ИИИБВ. 2004. С. 204–206.
[42] The United Nation and the Iraq–Kuwait Conflict. 1990–1996. Department of Public Information United Nations, N.-Y., 1996.
[43] Ibid. P. 22, 178, 193–198.
[44] Ibid. P. 193–198.
[45] Ibid. P. 604–605.
[46] http://www.voanews.com/russian/news/iraq-war-ended–2011–12–15.
[47] http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1996/screc96.htm.
[48] http://www.un.org/russian/documen/seresol/res 1999/res1284.
[49] http://www.un.org/Depts/unscom/unscmdoc.htm.
[50] Ibid.
[51] Presentation of the Delegation of the Republic of Iraq in the Dialogue with the Secretary General of the United Nations. N.-Y., 26–27.02.2001. Bagdad, 2001.
[52] *Независимая газета,* 18.12.1999.

[53] Iraq under Siege. The Deadly Impect of Sanction and War / Ed. by Anthony Arnove. L., 2000. P. 9.
[54] Ibid. P. 30–31.
[55] A Note on the Capabilities of Iraqi Machine Tools and Prodaction Processes. July 8 1996. UNSCOM. http://www.un.org/Depts/unscom/unscmdoc.htm.
[56] Гамов М.Б. Международно-правовая оценка войны США против Ирака // Аналитические записки. Иракский кризис. М. 2004. С. 155–156.
[57] Ibid. P. 16–17.
[58] Романченко Ю. Геополитические аспекты войны в Ираке. http://army.armor.kiev.ua/hist/usa-irak.shtml.
[59] Владимир Трофимов. О проблемах послевоенного восстановления Ирака // Иракский кризис и становление нового мирового порядка. М., 2004. С. 364. Российский экономист В.И. Гусаров приводит такие данные: в условиях санкций ВВП Ирака ежегодно сокращался на 23%, а ВВП на душу населения – на 24,6%. См.: Гусаров В.И. Власть и новейшие тенденции экономического развития в арабском мире // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Выпуск 6. М., 2002. С. 68.
Ханс фон Спонек, бывший координатор ООН по вопросам гуманитарной помощи Ираку, считает, что санкции не имеют значения для руководства Ирака, а действующий санкционный режим приносит пользу только США и пагубно сказывается на жизни населения: «Если до 1990 г. доход на душу иракца был 3 тыс. долл., то сейчас он упал до 252 долл., что низвело Ирак в категорию одной из самых слаборазвитых стран». См.: *Аш-Шарк аль-Аусат,* 28.04.2000.
[60] Трофимов В. Указ. соч. С. 364–365.

Заключение

[1] Гушер А. Кризис вокруг Ирака: последствия для мира, международной безопасности и интересов России // Иракский кризис и становление нового мирового порядка. М., 2004. С. 400–401.
[2] Романченко Ю. Указ. соч.

Послесловие

[1] В начале 2002 г. ЦРУ отправило бывшего американского посла в Нигере Джозефа Уилсона расследовать информацию о предполагаемой закупке Ираком урана в этой стране. Расследование Уилсона не подтвердило сдел-

ку, но Дж. Буш в своих выступлениях неоднократно возвращался в этой проблеме (например, в ежегодном обращении а Конгрессу в январе 2003 г.). 18 сентября 2002 г. директор ЦРУ Джордж Тенет сообщил Дж. Бушу, что, по информации из ближайшего окружения С. Хусейна, Ирак не располагал ОМУ. Но эта информация не была доведена до Конгресса.

[2] Иракский кризис и становление нового мирового порядка. С. 60–65. Выступая на пленарном заседании СБ ООН 5 февраля 2003 г. госсекретарь США Колин Пауэлл представил членам Совета информацию, полученную якобы «из разных источников, в том числе из разведывательных данных», на основе которой К. Пауэлл сделал вывод: «Саддам Хусейн и его режим не предприняли никаких усилий в целях разоружения, как того требовало международное сообщество. Напротив, и факты, и поведение Ирака свидетельствуют о том, что Саддам Хусейн и его режим пытаются скрыть усилия, которые они предпринимают в целях производства дополнительного оружия массового уничтожения». Продолжительное выступление К. Пауэлла сопровождалось демонстрацией ампулы с «бациллами сибирской язвы», аудио- и видеозаписей, фотографий, якобы полученных со спутников и телефонных переговоров. Все это должно было убедить членов Совбеза в полном отказе иракского режима от сотрудничества с международной инспекцией и выполнения принятых Ираком на себя обязательств по разоружению.

Американский центр гражданской ответственности совместно с Фондом за независимость журналистики провели исследование и подсчитали: с сентября 2001 по сентябрь 2003 г. руководство США сделало 935 лживых заявлений по Ираку. Лидером стал президент Дж. Буш, у которого таких заявлений 260, из них 232 – о наличии у Саддама ОМП, 28 – о связях с Аль-Каидой. Колин Пауэлл якобы соврал 254 раза.

[3] Гушер А. Кризис вокруг Ирака. С. 401–403.

[4] Muttitt, Greg. Fuel on the fire.

[5] http://www.aljazeera.com/news/print.php?newid=439109.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Алжирское соглашение между Ираком и Ираном от 6 марта 1975 г. // Ниязматов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. М., 1989. Приложение.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 34.

Документы III конференции ИКП «Борец партии», № 4. (араб. яз.).

Документы III партийной конференции ИКП 1967 г. «Борец партии». № 4, 1968. С. 25 (араб. яз.)

Закон о национальном плане развития 1976–1980. Багдад. 1977. (араб. яз.)

Заявление Демократической партии Курдистана от 16.07.1958 (араб. яз.)

Заявление Комитета защиты прав курдского народа от 19.11.1963. Лозанна.

Заявление политбюро ДПК. 11.06.1963.

Заявление Политбюро ЦК компартии Ирака от 13.09.1961 (араб. яз.)

Заявление Политбюро ЦК компартии Ирака от 17.09.1961 (араб. яз.)

Заявление ЦК ИКП. 1979. Аль-вадау ар-рахин филь-Ирак // А. Нотин. Борьба коммунистических партий Сирии и Ирака за национально-прогрессивный фронт. М. ИВРАН. Специальный бюллетень № 5.

Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926.

Конституция Ирака 1924 г. http://www.countries.ru/library/orient/iraq/konst.htm.

Письмо политбюро ДПК от 18.07.1961

Сборник документов ДПК с 09.1962 по 15.02.1963.

Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927.

СССР и арабские страны. 1917–1960. Документы и материалы. М., 1961.

Факты о революции 17 июля. Багдад. 1959. С. 9–10 (араб. яз.)

Эрзерумский договор от 31 мая 1847 г. // Ниязматов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. М. 1989. Приложение.

Annual Abstract of Statistics. 1983.

Annual Statistics of World Energy. 1981.

Arab Ba'th Socialist Party Iraq. The Central Report of the Ninth Regional Congress. June 1982. Bagdad, 1983.

Iraqi Ministry of Oil. Bayan Wasarat of Naft. Baghdad, 1961.

Iraq: Official Statements of Policy on internal, Arab and Foreign Affairs. Baghdad, 1967.

On the Situation of Iraq. The High Committee for the Defence of the Iraqi People. 07.1963

Provisional Economic Plan. Republic of Iraq. Baghdad. 1960.

Report of an Amnesty International Mission to the Government of Iraq. 22–28 January. L. 1983.

Statistical Abstract. Baghdad.1960

Text of Nationalization. Law No. 69 of 1972. The Economy of Iraq. Development and Perspectives. 1958–1976–1980. Madrid, 1977.

The 1968 Revolution in Iraq. Experience and Prospects.The Political Report of the Eighth Congress of the Arab Ba'th Socialist Party in Iraq, January 1974. L., 1979.

The Agrarian Reform Law. Baghdad, 1970.

The Five-Years Detailed Economic Plan (1961/62–1965/66). Baghdad.

The Iraqi Revolution in its second year. Baghdad, 1960.

The National Action Charter. Baghdad. 1971.

The United Nation and the Iraq–Kuwait Conflict. 1990–1996. Department of Public Information United Nations, New York, 1996.

СПРАВОЧНИКИ

Дипломатический словарь. Тома: 1, 1985; 2–3, 1986

Ислам. Краткий справочник. М. 1986.

Современный Ирак. Справочник. М., 1966.

Страны мира. Современный справочник. М., 2005.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов, Александр. Ирак Арабский. Бассорский вилайэтъ въ его прошлом и настоящем. СПб., 1912.

Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000.

Алитовский С.Н. Аграрный вопрос в современном Ираке. М., 1966.

Андайк Робин Дж. Саддам Хусейн. Политическая биография. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Белоногов А.М. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.

Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1984.

Григорьев С.А., Ивасько Л.И., Пирбари Д.В. Святой Лалыш. Екатеринбург: 2008.

Данилов Л.Л. Армия, власть и общество в современном Ираке // Армия и власть на Ближнем Востоке. М.: ИИИБВ, 2000.

Данциг Б.М. Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960.

Джаббар Али. Иракская компартия и курдский вопрос // *Проблемы мира и социализма*. 1962, № 8.

Зеваров Ф. Социально-экономические преобразования в Иракской Республике (1958–1976). М.: Наука, 1979.

Зейналов Мир Паша. В блокадном Ираке. М., 2001.

Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952.

История Курдистана. М., 1999.

Кленгель-Брандт Эвелин. Путешествие в Древний Вавилон. 1979

Котлов Л.Н. Становление национального движения на Арабском Востоке (середина XIX в. – 1908 г.). М., 1975.

Корсун Н.Г. Ирак. Труды Московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова при ЦИК СССР, IX. М., 1928.

Котлов Л.Н. Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке. М., 1958.

Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в Арабских странах Азии 1908–1914 гг. М., 1986.

Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987.

Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914–1918 гг.). М., 1960.

Лазарев М.С., Мгои Ш.Х., Васильева Е.И., Гасратян М.А., Жигалина О.И. История Курдистана. М., 1999.

Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945 гг.). М., 2005.

Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте. М., 1972.

Матвеев К.П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979.

Мгои Ш.Х. Некоторые международные аспекты курдского национального демократического движения в Ираке. Ереван, 1968.

Мгои Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике. Ереван, 1977.

Мгои Ш.Х. Южный Курдистан на пути к самоопределению // Современный Курдистан. М., 1995

Ментешашвили А.М. Ирак в годы английского мандата. М., 1969.

Мирский Г.И. Багдадский пакт – орудие колониализма. М., 1956.

Мирский Г.И. Ирак в смутное время. М., 1961.

Мирский. Армия и политика в странах Азии и Африки. 1970. С.151

Никитин В. Курды. М., 1964.

Ниязматов Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. М., 1989.

Новейшая история арабских стран Азии. М., 1988.

Примаков Е.М. Война, которой могло не быть. М., 1991.

Развитие капитализма в Арабском мире. М., 1988.

Республика Ирак в системе международных отношений (80-е годы XX в. – начало XXI в.) М., 2002.

Руиндеж Д.Б. Борьба иракского народа против иракского пакта (1954–1959). Баку: Изд. АН АзССР, 1966.

Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: ИБВ, 2006.

Степанова Н.В. Ирак: 1968–1988 гг. Учебное пособие / МГИМО. М., 1992.

Степанова Н.В. Шиитская проблема в Ираке // Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М.: МГИМО, 2005.

Степанова Н.В. Межконфессиональный и межэтнический конфликты в Ираке. Шиитская проблема // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. М., 2008.

Фарман Г. Ирак в годы черного режима. М., 1958.

Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость (1917–1969). М., 1970.

Шарипов У.З. Персидский залив: нефть – политика и войны / Институт востоковедения РАН. М., 2000.

Шахбазян Г.С. Государственный сектор в экономике Ирака. М., 1974.

Шахбазян Г.С. Особенности экономического развития Иракской Республики (1958 – середина 80-х гг.) / Институт востоковедения РАН. Рукопись деп. ИНИОН РАН, №51900 от 25.09.1996.

Якобсон В.А. «Предисловие» к книге немецкого ассириолога Эвелин Кленгель-Брандт «Путешествие в Древний Вавилон». М., 1979.

Al-Dhabit Sh.S. International Relations and Boundary Treaties between Iraq and Iran. Baghdad, 1966.

Aburish, Said K. Saddam Hussein, the Politics of Revenge. Blumsbury, 2000.

Abdallah A. The Path to the Unity of the Arab Nation // *Iraqi Review*, 4.VI.1959.

Bonne, Alfred. The Economic Development of the Middle East. L. 1945.

Batatu H. The Old Social Classes and hhe Revolutionalionaly Movements of Iraq. Princeton, 1978.

Batatu, Hanna. Iraq's Underground Shi'a Movements. Charateristics, Causes and Prospects // *Middle East Journal*. 1981, № 35.

Dann, Uriel. Iraq under Qassem: A Political History, 1958–1963. Jerusalem, 1969.

Didden H. Irak. Eine sozio-okonomische Betrachtung. Opladen, 1969.

al-Witry, Hashim. Health Servicies in Iraq. Jerusalem, 1944.

Bonn, Alfred. The economic development of the Middle East. L., 1945.

Gassemlou, Abdul Rahman. Kurdistan and the Kurds. Prague, 1965.

Gavan S.S. Kurdistan: Divided nation of the Middle East. L., 1958.

Haj, Samira. The making of Iraq. 1900–1963. Capital, Power and Ideology. State University of New York. 1997.

Hurewith J.C. Middle East Politics. The Military Dimension. N.-Y., 1969.

Hussain Jamil. Pre-Revjlutionary Iraq. New Delhi, 1959.

Ireland Ph. Iraq. A stady in political development L., 1937.

Jabr Muhsin. The Gulf War. Saddam's Iraq. Revolution or Reaction?

Jon Kimche. Seven Pillars. N.-Y, 1953.

Kayali, Hasan. Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. University of California Press, 1997.

Khadduri M., Independent Iraq. L., 1951.

Khadduri, Magid. Republican Iraq. A Study in Iraqi Politics since the Revolution of 1958. L. – N.-Y. 1969.

Laquer W.Z. Communism and Nationalism in the Middle East.

Langley K.M. Iraq. Some Aspects of the Economic Scene // *Middle East Journal*, 1964, No. 2.

Longrigg S. Iraq 1900 to 1950. L., 1953.

Marr, Phebe. The Modern History of Iraq. L., 1985.

Seton-Williams M.V. Britain and the Arab States, 1920–1948. London, 1948.

Roth, Andrew. Iraq: Gold and Poverty // *The Nation*, Apr. 19, 1947.

Saddam's Iraq. Revolution or Reaction? L., 1986

Samir al-Khalil. Republic of Fear. Bercley – Los Angeles: Univ. of California Press, 1989.

Sluglett, Marion Farouk; Sluglett Peter. Iraq since 1958. From Revolution to Dictatorship. L., 1987.

Schmidt D.A. Journey among Brave Men.Boston, 1964.

Fisher, Sydney N. The Middle East. F History. N.-Y., 1959.

The Economy of Iraq. Development and Perspectives.

The Middle East. A Political and Economic Survey. L. – N.-Y. 1951.

The Republic of Iraq. Baghdad, 1958.

The Iraqi Revolution: One year of Progress. Baghdad.

Tripp, Charles. A History of Iraq. Cambridge Univ. Press, 2002.

al-Witry, Hashim. Health Servicies in Iraq. Jerusalem, 1944.

Nakash, Yitzhak. The Shi'is of Iraq. Princeton: Princeton Univ. Press, 1996.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Газеты

Аль-Ануар
Аль-Араб
Аль-Ахбар
Ахали
Аль-Ахд аль-Джадид
Ахер саа
Аль-Ахрам
Аль-Баас
Аль-Баляд
Аль-Вакайя аль-Иракийя
Аль-Гумхурийя
Аль-Джумхурийя
Аль-Заман
Аль-Инсанийя
Аль-Истикляль
Иттихад аш-Шааб
Аль-Кифах
Лисан аль-Халь
Аль-Манар
Ан-Нида
Ан-Нур
Ас-Саура аль-Арабийя
Ас-Саура
Ас-Сынаий
Ат-Таахи
Ат-Талиа
Тарик аш-Шааб
Аль-Хайят
Аль-Хуррийя
Аш-Шааб
Аш-Шарк аль-Аусат
Хабат
Хайят
Правда
Avanti
Baghdad News
The Guardian
Iraq News Agency
The Iraq Times
Le Figaro
Mideast Mirror
Le Monde
The New York Times

Журналы

Ас-Сакафа аль-Джадида
Проблемы мира и социализма
Революционный Восток
Balkans et Moyen Orient
The Economist
Foreign Affaires
Iraqi Letter. Information Bulletin
Iraqi Review
Middle East Journal
Middle East Economic Digest
The Military Balance
New Middle East

Интернет-ресурсы

http://www.un.org/Depts/unscom/unscmdoc.htm
http://www.aljazeera.com/news/print.php?newid=439109
http://www.aldawamovement.net/Dastor/1964.htm
http://www.countries.ru/library/orient/iraq/konst.htm
http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=96
http://irak2002.narod.ru/irakinnow.htm

12

ISBN 978-5-89282-707-2

391